

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ И РИМА

(КУРСЪ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ.)

съ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ.

Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ для V и VIII классовъ гимназій, утвержденной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія,

СОСТАВИЛЪ

Я. Г. Гуревичъ,

преподаватель СПб. Учительск. Института и 3-й классической гимназій.

Руководство это удостоено **Петровской преміи** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обух. м., д. № 93.

1880.

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ И РИМА.

(КУРСЪ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ.)

Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ для V и VIII классовъ гимназій, утвержденной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія,

съ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ.

СОСТАВИЛЪ

Я. Г. Гуревичъ,

преподаватель СПб. Учительск. Института и 3-й классической гимназій.

Руководство это удостоено Петровской преміи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

СПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обух. м., д. № 93.

1880.

5406

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Июля дня 1880 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Всякое руководство есть въ большей или меньшей степени трудъ компилятивный. Самостоятельное значеніе руководства опредѣляется тѣмъ, насколько оно служитъ выраженіемъ установившихся въ наукѣ положеній и выводовъ и насколько научныя требованія согласны съ требованіями педагогическими. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи мы старались быть по возможности самостоятельными. Мы воспользовались, какъ увидитъ ниже читатель, многими изъ новѣйшихъ и лучшихъ трудовъ по классической древности; мы стремились также придать внутреннее единство и цѣльность различнымъ частямъ курса, связать явленія внутренней и внѣшней жизни и дать учащимся по возможности не только вѣрное понятіе о каждомъ отдѣльномъ явленіи, но и общее цѣльное представленіе о нравственной фizioноміи описываемыхъ народовъ, о наиболѣе характеристическихъ чертахъ ихъ политической, общественной и умственной жизни. Поэтому мы останавливались при выборѣ матеріала, главнымъ образомъ, на тѣхъ явленіяхъ, которыми наиболѣе характеризуются національныя особенности грековъ и римлянъ, все равно, относятся-ли эти явленія къ доисторической эпохѣ, или къ историческому времени. При этомъ мы руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что значеніе историческихъ явленій, какъ въ научномъ, такъ, конечно, и въ педагогическомъ отношеніи, опредѣляется степенью важности ихъ, въ смыслѣ выраженія народнаго самосознанія. Въ виду этого, мы и считали нужнымъ дать въ нашемъ руководствѣ больше мѣста народнымъ сказаніямъ и описанію учреждений, ведущихъ свое начало еще отъ доисторическаго времени, чѣмъ напр. подробному изложенію борьбы діадочовъ по смерти Алек-

сандра Македонскаго, или подробному очерку римскихъ императоровъ третьяго и слѣдующихъ вѣковъ. Но особенное вниманіе уделено нами государственнымъ учрежденіямъ Греціи и Рима, такъ какъ чрезвычайное разнообразіе политическихъ формъ и отношеній представляетъ наиболѣе выдающуюся сторону въ жизни грековъ и римлянъ, на что особенно указываетъ и объяснительная записка къ программѣ для курса исторіи VIII класса.

Стараясь возбудить въ ученикахъ интересъ къ предмету изложенія и облегчить пониманіе сущности его, мы избѣгали слишкомъ сжатаго, конспективнаго изложенія, будучи убѣждены въ томъ, что особенная краткость изложенія ведетъ обыкновенно къ сухости и безцвѣтности его, и потому требуетъ гораздо больше работы памяти, чѣмъ воображенія и соображенія. Стремленіе къ облегченію массы работы учениковъ сокращеніемъ до minimum'a внѣшняго объема матеріала, предлагаемаго имъ для усвоенія, основано, по нашему мнѣнію, на совершенно невѣрномъ расчетѣ, ибо несомнѣнно, что чѣмъ болѣе сжато изложеніе предмета, тѣмъ болѣе требуетъ оно усилій для разумнаго усвоенія его и тѣмъ быстрѣе испаряется. Правда, нѣкоторые изъ лучшихъ нѣмецкихъ руководствъ по древней исторіи (какъ, напр., Давида Мюллера) носятъ характеръ конспективнаго изложенія; но тамъ руководство служитъ только второстепеннымъ пособіемъ для усвоенія предмета, преподаваніе котораго основано, главнымъ образомъ, на широкомъ классномъ преподаваніи (многіе отдѣлы читаются преподавателемъ по Дункеру и Моммзену) и довольно обстоятельномъ знакомствѣ съ древними классиками. У насъ-же, гдѣ ученики болшею частію черпаютъ историческія свѣдѣнія почти единственно изъ руководства, оно необходимо должно представлять подробное и живое изложеніе предмета, изъ котораго ученики могли-бы сами составлять себѣ, подъ руководствомъ преподавателя, хорошіе конспекты. Мы не думаемъ однакоже, чтобы внѣшній объемъ нашего руководства превышалъ значительно норму объема руководствъ для VIII класса. Необходимо имѣть въ виду, что древняя исторія въ этомъ классѣ проходится уже не въ первый разъ и что на преподаваніе ея назначено въ программѣ два часа въ недѣлю. При такомъ количествѣ времени (считая въ годъ отъ 60 до 70 учебныхъ часовъ), по нашему мнѣнію, не только возможно пройти курсъ древней исторіи въ двадцать печатныхъ листовъ, но еще по-

вторить многое изъ средневѣковой и новой исторіи. Сплошнаго заучиванія руководства мы, конечно, не имѣли въ виду, и считаемъ совершенно достаточнымъ, если ученикъ вынесетъ изъ сознательнаго чтенія руководства, при помощи хорошо составленнаго конспекта, знаніе всѣхъ главнѣйшихъ фактовъ въ ихъ внутренней связи и послѣдовательности и хотя наиболѣе выдающіяся явленія сохранить въ своемъ представленіи и по выходѣ изъ школы.

Главными пособіями при составленіи этого руководства служили по исторіи Греціи сочиненія Дункера, Курціуса, Шэманна, Шлоссера и отчасти Грота, по исторіи Рима—Моммзена, Швеглера, Петера, Ланге и отчасти Мэриваля и Шиллера; по исторіи-же литературы и искусства—сочиненія Карьера, Мунка и Куглера. Кромѣ того, мы пользовались также всѣмъ тѣмъ, что представляетъ наша ученая русская историческая литература по древней исторіи, именно, сочиненіями Леонтьева, Грановскаго, Кудрявцева, Ешевскаго, Куторги, Бауэра, Васильевскаго, Драгоманова, Благовѣщенскаго, Модестова и нѣкоторыхъ другихъ, особенно-же сборникомъ по классической древности „Пропилей“. При этомъ нѣкоторыя части руководства составляютъ почти сокращенное изложеніе Дункера или Моммзена, нѣкоторыя-же главы составляютъ извлеченіе изъ монографій, принадлежащихъ многимъ изъ вышеназванныхъ авторовъ.

При изданіи этого руководства приняты нами также въ соображеніе и тѣ замѣчанія, которыя сдѣланы были относительно него, по представленіи его на соисканіе преміи Петра В., особой комиссіей Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе предлагаемаго руководства составлено примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ, утвержденной г. министромъ Народнаго Просвѣщенія. Такъ какъ по этой новой программѣ систематическій курсъ древней исторіи долженъ проходить не только въ VIII классѣ, какъ прежде, но и въ V-мъ съ нѣкоторыми дополненіями въ VIII-мъ, то составитель считалъ необходимымъ выдѣлить особымъ шрифтомъ весь матеріалъ, который оказывается преждевременнымъ для учениковъ V-го класса, каковы обзоры греческой и римской литературы и наиболѣе сложные явленія изъ сферы политической жизни и т. п. Но, кромѣ того, во второмъ изданіи сдѣланы и нѣкоторыя другія существенныя измѣненія: сокращено описаніе второстепенныхъ войнъ (напр. войны римлянъ съ Антиохомъ III и Филиппомъ III и др.), исправлены, согласно съ указаніями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, ошибки и неточности, оставшіяся неисправленными въ первомъ изданіи, сглажены неровности въ изложеніи и т. п.

10-го октября 1877 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Въ третьемъ изданіи также сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, вызванныя какъ наблюденіями самого автора, имѣющаго, какъ преподаватель, возможность провѣрять удобопримѣнимость своего руководства, такъ и откровенными замѣчаніями преподавателей исторіи нѣкоторыхъ петербургскихъ гимназій. Во 1-хъ) матеріалъ, предназначавшійся во второмъ изданіи для V класса, еще болѣе сокращенъ въ новомъ изданіи устраниеніемъ изъ него всего того, что или слишкомъ подробно изложено для учениковъ V класса, или непосильно для нихъ по сущности содержанія: все это напечатано мелкимъ шрифтомъ и предназначается для учениковъ VIII класса; нѣкоторыя-же второстепенныя подробности совершенно опущены, что и дало возможность сократить нѣсколько объемъ книги. Во 2-хъ) въ концѣ книги авторомъ приложена хронологическая таблица для исторіи Греціи и Рима, въ которой событія, для болѣе удобнаго обзора, сгруппированы по періодамъ; при чемъ наиболѣе важныя хронологическія данныя напечатаны болѣе крупнымъ шрифтомъ.

15-го іюля 1880 г.

Я. Гуревичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ИСТОРИИ ГРЕЦИИ и РИМА.

ЧАСТЬ I.

Исторія Греціи.

	страниц.
Географическій обзоръ древней Греціи	1— 4
Населеніе древней Греціи. Пеласги.—Эллины.—Чужеземныя поселенія въ Греціи.—Религія древнихъ грековъ	4—12
Сказанія о герояхъ. Геркулесъ.—Тезей.—Походъ аргонавтовъ.—Сказаніе о походѣ противъ Фивъ.—Троянская война.—*Значеніе греческихъ мифовъ для поэзіи и искусства	12—21
Главныя черты государственнаго и общественнаго быта древней Греціи по Гомеру. *Гомеръ и различныя мнѣнія объ образованіи Гомеровыхъ поэмъ	21—28
Передвиженія племенъ	28—30
Общенациональныя учрежденія грековъ. Дельфійскій оракулъ.—Амфиотіонійскій союзъ.—Общественныя игры	30—35
*Измѣненія въ формахъ правленія.	35—37
Исторія Спарты. Спарта до Ликурга. — Ликургъ. — Государственное устройство Спарты.—Общественное устройство Спарты: воспитаніе и образъ жизни; сисситія. — Раздѣлъ земель.—Распространеніе предѣловъ Спартанской республики и установленіе ея гегемоніи въ Греціи.	37—48
Исторія Аѳинъ. Атика и Аѳины. — Населеніе Атики; дѣленіе гражданъ на сословія и филы. — Аѳины до Солона. — Основаніе государства Аѳинскаго и упраздненіе царской власти. — Архонты.—Господство эвпатридовъ. — Законы Дракона. — Килонъ.—Эпименидъ.—Солонъ.—Сисахтейя.—Раздѣленіе на классы. — Правленіе по законамъ Солона. — Сенатъ и народное собраніе. — *Суды гелиастовъ.—Ареопагъ.—Воспитаніе въ Аѳинахъ.—Пизистратъ и Пизистратиды.—Гиппій и Гиппархъ.	48—65

Борьба аристократической и демократической партій и законодательство Клизеена	65—69
Греческія колоніи. Восточныя колоніи.—Западныя колоніи.—*Значеніе греческихъ колоній и вліяніе ихъ на культуру Греціи	69—75
Греко-персидскія войны. Причина и поводъ. — Марафонъ. — Фемистокль и Аристидъ. — Походъ Ксеркса. — Битвы при Фермопилахъ и при Артемизин. — Битва при Саламинѣ. — Битвы при Платеѣ и при мысѣ Микале.—Возвышеніе Аѣинъ.—Переходъ гегемоніи отъ Спарты къ Аѣннамъ.—Кимонъ.—*Геродотъ	75—90
Перикль и его время. Полное развитіе демократіи въ Аѣинахъ.—Политическое могущество Аѣинъ. — Памятники искусства въ Аѣинахъ въ эпоху Перикла.—Аѣины, какъ центръ умственной жизни грековъ.—*Пронсхождение греческой драмы.—*Эсхиль.—*Софокль.	90—104
Пелопонесская война и упадокъ Греціи. Состояніе Греціи передъ войною.—Поводъ къ войнѣ.—Ходъ войны до Никіева мира. — Алкивиадъ.—Походъ въ Сицилію. — Паденіе могущества Аѣинъ. — *Фукидидъ. — Правленіе тридцати и возстановленіе демократіи въ Аѣинахъ.—Нравственный упадокъ Аѣинъ. — Сократъ, какъ человекъ, философъ и учитель народа.—Сократъ на судѣ и въ темницѣ.—Смерть Сократа.—*Эврипидъ.—*Аристофанъ.—Возстаніе Кира Младшаго и отслушеніе 10,000 грековъ. — *Ксенофонтъ. — Война Спарты съ персами и возстаніе грековъ противъ спартанской гегемоніи; Анталкидовъ миръ.—Фиванско-спартанская война. — Политическій и нравственный упадокъ Греціи.—*Платонъ. — *Киренейская и стоическая философскія школы	104—133
Возвышеніе и господство Македоніи. Возвышеніе Македоніи при царѣ Филиппѣ.—Демосѣенъ. — Покореніе Греціи Филиппомъ.—Херонейская битва.	133—138
Александръ Великій. Личность Александра Великаго.—Походъ Александра въ Персію и его побѣды.—Покореніе Персіи.—Александръ—царь Персіи.—Перемѣна въ Александрѣ.—Планы его.—Смерть Александра.—*Аристотель.	138—146
Судьба Македоніи и Греціи послѣ Александра Македонскаго до завоеванія ихъ римлянами. Распаденіе монархіи Александра Македонскаго. — Политика македонскихъ царей въ отношеніи къ Греціи. — Союзъ Этолійскій. — Ахейскій союзъ. — Спарта при царяхъ Агисѣ III и Клеменѣ III.—Покореніе Греціи и Македоніи Римомъ.—Очеркъ исторіи Египта при Птоломеяхъ и Сиріи при Селевкидахъ	146—158

ЧАСТЬ II.

Исторія Рима.

Географическій обзоръ древней Италіи	161—163
Населеніе древней Италіи: италійцы и греки; латины и умбро-сабеллы; этруски	164—171
Періодъ царей. Основаніе Рима.—Римъ при первыхъ царяхъ.	171—175
Государственное и общественное устройство Рима въ періодъ	

царей. Семейныя и родовыя отношенія; государственное устройство; власть царя; сенатъ; народное собраніе; трибы и куріи; патриціи и плебеи.—Законодательство Сервія Туллія.—Тарквиній Гордый.	175—180
Періодъ республики. Борьба республики съ Тарквиніемъ Гордымъ и его союзниками.—Борьба патриціевъ съ плебеями до уравненія ихъ правъ.—Учрежденіе должности народныхъ трибуновъ; народные трибуны.—Кай Марцій Коріоланъ.—Законъ Кассія о раздѣлѣ полей. — Децемвиры.—Законы Валерія и Горація.—Законъ Канулея.—Борьба за государственныя должности.—Законы Лицинія и Секетія и окончательное уравненіе сословій въ Римѣ	180—196
Завоеваніе средней Италіи римлянами. Первая война съ Самнитами.—Латинская война.—Вторая самнитская война.—Третья самнитская война	196—202
Утвержденіе владычества Рима въ Южной Италіи	203—208
Распространеніе владычества Рима внѣ Италіи. Пуническія войны. — Состояніе Карфагена и Рима предъ началомъ борьбы ихъ. — *Военное устройство Рима.—Первая пуническая война.—Подвигъ Регула.—Вторая пуническая война.—Аннибалъ.—Походъ Аннибала въ Италію.—Переходъ черезъ Альпы.—Побѣда Аннибала въ Италіи.—Фабій Кунктаторъ.—Сраженіе при Каннахъ.—Корнелій Сципіонъ въ Испаніи и въ Африкѣ.—Сраженіе при Замѣ. — Война съ Филиппомъ III Македонскимъ и съ Антиохомъ III.—Покореніе Македоніи и Греціи.—Разрушеніе Карфагена. — Окончательное покореніе Испаніи и Пергамскаго царства.—Предѣлы Римскаго государства	208—226
Политика римлянъ въ отношеніи къ покореннымъ ими народамъ и городамъ. Полное право римскаго гражданства.—Латинское право.—Италійское право.—Колоніи и муниципіи.—Провинціи	226—229
Смутное время. Вліяніе римскихъ завоеваній на внутреннее состояніе Римскаго государства.—Перемѣна римскихъ правовъ.—Вліяніе греческой образованности на высшіе классы римскаго общества.—*Начало искусственной литературы въ Римѣ. — Сципіонъ Африканскій Старшій и М. Порцій Катонъ.—Оптиматы и пролетаріи.—Увеличеніе рабства.—Братья Гракхи	229—243
Марій и Сулла. —Союзническая война.—Вражда Марія и Суллы.—Диктатура Суллы и его реформы.	243—251
Возвышеніе Помпея. — Возстаніе рабовъ-гладіаторовъ.—Война съ морскими разбойниками.—Война съ Митридатомъ.—Тріумфъ Помпея.—Заговоръ Катилины и Цицеронъ	251—258
Юлій Цезарь и переходъ къ имперіи. Союзъ Цезаря съ Помпеемъ и Крассомъ или первый тріумвиратъ.—Цезарь въ Галліи.—Сраженіе при Фарсаль.—Единовластіе и смерть Цезаря.—Второй тріумвиратъ	258—266
Римская имперія. Правленіе Августа.—*Золотой вѣкъ римской литературы: Виргилій, Горацій, Овидій, Титъ Ливій. — Тиберій.—Калигула.—Клавдій.—Неронъ.	266—282
Сила и слабость имперіи. Границы римской имперіи и ея столица.—Развитіе торговли и промышленности.—Улучшеніе положенія провинцій.—Усиленіе римской образованности и распространеніе ея въ провинціяхъ.—*Развитіе римскаго права.—Улучшеніе положенія ра-	

бовъ.—Своеволие преторіанцевъ и легионовъ.—Увеличеніе числа пролетаріевъ.—Жажда зрѣлищъ.—Упадокъ нравовъ.—Упадокъ религіи.—Рождество Иисуса Христа и начало христіанской церкви. — Гоненія на христіанъ 282—289

Императоры изъ дома Флавіевъ и Антониновъ. Возстаніе іудеевъ.—Осада и разрушеніе Іерусалима.—Правленіе Тита Флавія.—Правленіе Домиціана.—Покореніе Британіи Агриколой.—Счастливыи періодъ имперіи: Нерва; Траянъ; Адріанъ; Маркъ Аврелій. — *Серебряный вѣкъ римской литературы: Ювеналь; Тацитъ и его сочиненія.—Время военнаго деспотизма и упадокъ имперіи: Септимій Северъ; Александръ Северъ; Максиминъ; Децій; Аврелианъ и Пробъ. 289—299

Время административныхъ реформъ. Діоклетіанъ и его преобразованія.—Константинъ Великій. — Побѣда подъ знаменемъ Креста. — Торжество христіанства.—Новая столица.—Административное раздѣленіе Римской имперіи 299—303

Ееодосій Великій и паденіе Западной Римской имперіи 303—307

Хронологическая таблица для исторіи Греціи Рима 309—316

Согласно съ требованіями объяснительной записки къ программѣ исторіи для VIII класса гимназій, преподаватель, слѣдя постоянно за тѣмъ, что было читаемо его учениками изъ классиковъ, долженъ требовать отъ учащихся, чтобы они на своемъ мѣстѣ сообщали ему свѣдѣнія, пріобрѣтенныя ими при чтеніи древнихъ писателей, и, кромѣ того, желательно, чтобы время отъ времени ученикамъ предлагаемы были отрывки изъ писателей преимущественно историческихъ, для домашняго чтенія и устнаго пересказа на урокъ, или же для письменныхъ упражненій. Для этой цѣли могутъ служить слѣдующія статьи *):

1. Изъ исторіи Греціи.

Ликургъ (Plut. Lys. 3—5, 16—20, 24). Солонъ (Plut. Sol. 2, 3, 8, 11, 14, 23, 25). Пизистратъ (Herod. I, 59—65). Клисѣенъ (Herod. V, 66, 69, 70, 72—78). Возстаніе іонійскихъ грековъ (Herod. V, 23, 24, 35—38). Сраженіе при Мараѣонѣ (Herod. VI, 39—120). Сраженіе въ Фермопилахъ (Herod. VII, 201—228, 233). Аристидъ (Plut. Ar. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 25). Аѣиане и Дельфійскій оракуль (Herod. VII, 139—143). Сраженіе при Саламинѣ (Herod. VIII, 74—76, 78—96). Сраженіе при Платеѣ (Herod. IX, 28—30, 44—47, 58—74). Сраженіе при Микале (Herod. IX, 96—106). Построеніе аѣиныхъ стѣнъ (Thuc. I, 89—97). Позднѣйшая судьба Павзанія и Темистокла (Thuc. I, 128—138). Периклъ (Plut. Per. 7, 8, 12, 17, 24, 38). Силы аѣианъ предъ Пелопонесскою войною (Thuc. II, 13—17). Рѣчь Перикла (Thuc. II, 34—44).

*) Большая часть указанныхъ статей находится въ сборникѣ: «Historisches Quellenbuch zur alten Geschichte für obere Gymnasialklassen», составленномъ Гербстомъ и Баумейстеромъ (Греція) и Вейднеромъ (Римъ).

Чума въ Аѳинахъ (Thuc. II, 50 — 53). Кровопролитіе въ Корцирѣ (Thuc. III, 81—84). Никій (Plut. Nic. 3, 4, 5, 6). Алкивиадъ (Plut. Alc. 1, 2, 7, 9—11, 16, 23). Походъ аѳинянь противъ Сициліи (Plut. Alc. 17; Nic. 12; Thuc. VI, 30, 32). Гибель аѳинской арміи въ Сициліи (Thuc. VII, 78—85). Лизандръ (Plut. Lys. 2, 7, 8, 16—17). Господство 30-ти и смерть Терамена (Xen. Hell. 11, 3, 11—42). Освобожденіе Фивъ Пелопидомъ (Xen. Hell. V, 4, 1—12). Сраженіе при Левктрахъ (Xen. Hell. VI, 4, 4—16). Сраженіе при Мантинѣ (Xen. Hell. VII, 5, 4). Демосѳенъ (Plut. Dem. 7, 12, 16, 28, 29, 30). Сраженіе при Херонѣ (Dem. Cor. §§ 169—179, 188—195, 199—221). Александръ Великій. (Plut. Alex. 3, 4, 5, 14, 23). Сраженіе при Граникѣ (Arrian. Anab. I, 13—16). Осада Тира (Arrian. Anab. II, 16—24). Смерть Клита (Plut. Alex. 50—52).

2. Изъ исторіи Рима.

Сказаніе объ основаніи Рима (Liv. I, 3—7). Похищеніе сабинянокъ (Liv. I, 9—13). Смерть Ромула (Liv. I, 16). Избраніе Нумы. (Liv. I, 18). Религіозныя учрежденія Нумы (Liv. I, 20). Разрушеніе Альбы-Лонги (Liv. I, 21—26, 29, 30). Формула договора при единоборствѣ Гораціевъ и Куріаціевъ (Liv. I, 24). Тарквиній Гордый (Liv. I, 49). Основаніе республики (Liv. II, 1—2). Заговоръ противъ республики (Liv. II, 3—5). Война съ Порсеною (Liv. II, 9—13). Война съ латинцами (Liv. II, 19—21). Отшествіе плебеевъ на священную гору (Liv. II, 22—24, 27—33). Lex agraria Спур. Кассія (Liv. II, 41). Аппій и возмущеніе войска (Liv. II, 58—59). Децемвиры (Liv. III, 33—37, 44—94, 50—55). Камиллъ убѣждаетъ римлянъ не оставлять Рима (Liv. V, 50—52). Образецъ суевѣрія римскаго (Liv. VIII, 18). Завоеваніе Рима галлами (Liv. V, 33—49). Уравненіе въ правахъ плебеевъ съ патриціями (Liv. VI, 34, 35, 39—42). Первая самнитская война (Liv. VII, 29—33). Вторая самнитская война (Liv. VIII, 30—35). Кавдинскія ущелья (Liv. IX, 1—12). Третья самнитская война (Liv. X, 18, 19, 27—30). Война съ Тарентомъ (Plut. Pyrrhos. 13—21, 28). Первая пуническая война (Polyb. 1, 11, 12, 16—19, 20, 21, 23, 25—31, 40—41, 56, 58—63). Сраженіе при Каннахъ (Polyb. III, 107—118). Осада и завоеваніе Сиракузъ (Liv. XXIV, 33, 34; XXV, 23—31). Судьба Капуи (Liv. XXVI, 14—16). Сраженіе при Замѣ (Liv. XXX, 29—35, 37—43). Македонская война (Liv. XXXI, 5—8, 29—32, 44; XXXII, 19—23; XXXIII, 5—12, 30—33; XXXIX, 23—29; XLI, 22—24; XLII, 11—13; XLII, 47; XLIV, 20—22, 36—42; XLV, 35—41). Изъ сирійской войны: сраженіе при Магнезій (Liv. XXXVIII, 37—44). Миръ съ Антиохомъ (Liv. XXXVIII, 38. Polyb. XXII, 26). Разрушеніе Карфагена (Polyb. X, 15—16). Слѣдствія разрушенія Карфагена (Sall. Hist. I, 11—12). Слѣдствія азіатскихъ войнъ (Liv. XXXIX, 6). Упадокъ государственной религіи (Liv. XXXIX,

8—19; XL, 29). Цензорство Катона (Liv. XXXIX, 40—44). Тивер. Гракхъ (Plut. Tib. 8—14, 16—19). К. Гракхъ (Plut. C. Gr. 1—5, 8—11, 13—17). Мнѣніе Саллюстія о Гракхахъ (De bello Jug., с. 42). Характеръ правленія оптиматовъ (Sall. Bell. Jug. с. 3, 31, 85). Кимвры и тевтоны (Plut. Mar. 11 — 27). Ливій Друзъ, союзническая война. Сульпицій Руфъ, Корнелій Цинна, жестокость Марія (Vell. Pat. 11, 13—22). Диктатура Суллы (Plut. Sulla 33). Заговоръ Катилины (Dio Cass. 37, 10, 29—36). Консульство Юлія Цезаря (Dio Cass. 38, 1—11). Изгнаніе Цицерона (Dio Cass. 38, 12—17, 30, 39, 6—11). Политическое положеніе Цицерона по возвращеніи въ Римъ (Cic. ad. Lent. 1, 9). Смерть Порція Катона (Dio Cass. 43, 10—11). Единовластіе и смерть Юлія Цезаря (Dio Cass. 44, 22—35, 50—51, 53). Смерть Цицерона (Liv. CXX, Plut. Cic. 49).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИМЕНЬ,
ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ
ВЪ ИСТОРИИ ГРЕЦІИ и РИМА.

А.

Абдера 74.
Абидось 74.
Августъ 266, 273, 274, 275, 282, 288.
Авентинскій холмъ 172, 189, 190.
Аврелій Антонинъ 294.
Авреліанъ 303.
Австрія 295.
Агамемнонъ 18, 19, 20.
Агриппина 278, 279.
Агезилай 126, 128, 129.
Агенобарбъ 278.
Агисъ 39.
Агисъ III 152, 153, 154.
Агригентъ 76.
Агрикола Кн. Юлій 291, 292.
Адгербалъ 244.
Адда 161.
Адрасть 16, 17.
Адрианополь 293.
Адрианъ 293, 294.
Адриатическое море 161.
Аидъ (Гадесъ) 9, 13, 14.
Акарнанія 2.
Аквиея 162, 295.

Аквы Секстійскія 246.
Акциумъ 266.
Аларихъ 310.
Александрія 141, 156.
Александръ Македонскій 139, 144.
Александръ Северъ 301—302.
Алживіадъ 110, 114.
Алкиной 24, 26.
Аллеманы 309.
Аллія 193.
Альба-Лонга 163, 166.
Альбанское возвышеніе 163.
Альбы 161.
Алфей 33.
Амбракійскій заливъ 2.
Амвросій 308.
Амиглы 47.
Амулій 169.
Амфиполнсь 74, 110, 134.
Анакреонъ 77.
Анаксагоръ 92.
Анаксимандръ 77.
Анаксименъ 77.
Англосаксы 311.

- Андрискъ 223.
 Андроникъ Ливій 232.
 Appales 298.
 Анкона 163, 169.
 Анкъ Марцій 171.
 Аннибаль 214, 219.
 Анталкидовъ миръ 125, 126.
 Анталкидъ 126.
 Антигона 16, 103.
 Антигонъ 146—148.
 Антигонъ Гонатъ 149.
 Антигонъ Дозонъ 154.
 Антинополь 293,
 Антипатръ 146—149.
 Антисоенъ 133.
 Антиохія 158.
 Антиохъ III Великій 158, 219—221.
 Антиохъ IV Эпифанъ 158.
 Антонинъ Пій 294.
 Антоній (Кай) 255, 257.
 Антоній (Маркъ) 255—265.
 Антонины 294—296.
 Апенинскія горы 161, 162.
 Аппій Клавдій 190, 205.
 Аполлонъ 9, 10, 14, 19, 30, 31, 32.
 Апулей Сатурнинъ 246, 247.
 Апулей (повѣтствователь) 285.
 Arulea (lex) 275.
 Апулія 163, 201, 256.
 Аравія 282.
 Аратъ Сикіонскій 151, 152, 154.
 Аргольдскій заливъ 2.
 Аргонида 3, 5, 12, 47, 29.
 Аргонавты 15.
 Аргосъ 3, 7, 16, 46.
 Ардея 180.
 Аресь 10, 69, 164, 52.
 Аридей 146.
 Ариминумъ 163.
 Аристагоръ 78.
 Аристидъ 81—83, 87, 88, 92, 94.
 Аристиппъ 133.
 Аристокитонъ 65, 66.
 Аристодемъ 29, 39, 47.
 Аристомень 47.
 Аристофанъ 122, 123.
 Аристотель 143—145.
 Ариціи 184.
 Ариадна 14.
 Аркадій 309.
 Аркадія 3—5, 47.
 Арль 283.
 Арменія 284.
 Арно 162.
 Арса (Терентилій) 188.
 Артаксерксъ I 301.
 Артаксерксъ II Мнемонъ 124.
 Артемида 9, 10.
 Артемизій 83, 84.
 Архидамъ 107.
 Архимедъ 157.
 Asia minor 284.
 Аскулумъ 206.
 Аспазія 99—100.
 Атезисъ 161.
 Атталъ 240.
 Атталъ III 226:
 Аттій 233.
 Атаульфъ 310.
 Атика 2, 3, 7, 14, 16, 49.
 Атилла 310.
 Ауній 191.
 Афродита 10, 14, 17.
 Ахаія 3, 48, 95, 284, 293.
 Ахей 6.
 Ахелой 2.
 Ахиллесъ 12, 18.
 Аэціи 310.
 Аѳина 9, 17.
 Аѳины 3, 7, 14, 49.

Б.

- Балканскій полуостровъ 1, 4.
 Bellum sociale 247.
 Бельгія 295.
 Беневентъ 208.
 Беотія 2, 3, 7, 95.
 Бессъ 141.
 Бокхъ 245.
 Бононія (Болонья) 162.
 Бордо 283.
 Бразидъ 109.
 Британникъ 278, 279.
 Британія 278, 284.

Бритты 278.
 Бруктры 307.
 Брутъ 180, 264, 266.
 Бруциумъ 163, 218.
 Буколики 268.

Вавилонъ 146.
 Вакхъ 8.
 Валентъ 309.
 Валерій Корвъ 198.
 Валерій Луцій 190.
 Валерій Публикола 181.
 Вандальское королевство 310.
 Вандамы 310.
 Варъ 268.
 Везувій 163, 198.
 Вейи 183, 193.
 Венера 165.
 Венеты 163.
 Венузія 269.
 Верона 309.
 Верресъ 256.
 Верцеллы 246.

Гавгамелы 141.
 Газдубаль 218.
 Гайъ 286.
 Галерій 304.
 Галикарнасъ 73.
 Gallia cisalpina 162.
 Галлія 162.
 Галлія (при императорахъ) 284, 285.
 Галлія Нарбонская 284.
 Галлы (нашествіе ихъ) 193.
 Гальба 281, 282.
 Гамилькаръ Барка 214.
 Гармодій 65, 66.
 Гезіодъ 11, 20.
 Гекторъ 18—19.
 Гела 76.
 Геликонъ 2.
 Гелла 15—16.
 Геллеспонтъ 15, 17.
 Геллій 297.
 Гелонъ 76.
 Гелось 47.
 Гелоты 38.

Бургундское кор. 311.
 Бургунды 310, 311.
 Бурръ 278—280.
 Бэтика 284.
 Бэтисъ 284.

В.

Веспасіанъ Флавій 290—291.
 Веста 165, 166, 169.
 Вестготы 308, 310.
 Виргинія 190.
 Византія 74.
 Виндабона 295.
 Виминальскій холмъ 172.
 Виргилій 268, 269.
 Виріатъ 225.
 Виѳинія 158.
 Виттелій 282.
 Волатерры 168.
 Вольсиній 168.
 Вольски 165, 166.
 Вултурнъ 163.
 Вѣна 295.

Г.

Генуа 162.
 Генуцій 188.
 Гепиды 309.
 Гера 10, 12, 13, 14, 17.
 Гераклея 205.
 Гераклиды 29.
 Геркуланумъ 291.
 Геркулесъ 13—14, 15, 29.
 Германникъ 274, 276.
 Гермесъ 10, 65.
 Герники 166.
 Геродотъ 31, 65, 104, 119.
 Герулы 309, 310.
 Гестія 71.
 Гефестіонъ 148.
 Гефестъ 10.
 Гея 6.
 Гилъ 29.
 Гиметь 2, 3.
 Гишпій 65, 67.
 Гишпархъ 65—67.
 Гистіей 78.
 Гифазисъ 142.

Гемпсаль 244.
 Гомеръ 9.
 Гонорій 309.
 Гораціи 171.
 Горацій 268, 271.
 Горацій Коклесъ 183.
 Горацій Маркъ 190.
 Гостилій (Туллъ) 172—173.

Даки 291.
 Дакійцы 291.
 Дакія 293.
 Далмація 284.
 Данай 7.
 Датисъ 79.
 Дарданельскій проливъ 15.
 Дарій Гистаспъ 77, 83.
 Дарій Кодоманъ 140—141.
 Дарій (Нотъ) 124.
 Девкаліонъ 6.
 Делія 109.
 Делосъ 4.
 Дельфы 3.
 Деметра 9, 10, 32.
 Демосеенъ 107—109, 135—138, 148.
 Дентатъ Сикціи 190.
 Децій Мусъ 198, 199.
 Децій 302.
 Димитрій Полиорветъ 147.

Египетъ 2, 7, 284.

Закинѳъ 76.
 Зама 219.

Иліада 6, 65.
 Иллирія (пров. Р. Имп.) 284.
 Индія 141, 142.
 Ино 14.
 Инсубры 162.
 Иракль 146.
 Исагоръ 70.
 Испанія 218.

Іерусалимъ 290.
 Іовисъ (Юпитеръ) 165.

Готы 309.
 Гракхи 237.
 Граникъ 140.
 Граціанъ 309.
 Греція (геогр. обзоръ) 1—5.
 Гундобальдъ 310.
 Гунны 310.

Д.

Димы 150.
 „Диалоги“ (Ливія) 271.
 Dialogus de oratoribus 297.
 Діей 223.
 Діоклен 303.
 Діоклетіанъ 303—305.
 Діонисъ (Вакхъ) 9, 10.
 Діоскурія 73.
 Днѣпръ 310.
 Додона 2, 5.
 Домиціанъ 291, 292.
 Донъ 310.
 Дорида 2, 7, 72.
 Доряне, 28.
 Доръ 6.
 Драконъ 53.
 Друзъ 272.
 Дуилий 212.
 Дунай 310.

Е.

Елена (мать К. В.) 305.

З.

Зевсъ 5, 9—14.
 Зенонъ 311.

И.

Испанія Тарраконская 284.
 Ипса 148.
 Исса 140.
 Истмъ 3.
 Итака 19.
 Италия (географ. обзоръ) 161—163.
 Ицилій 190.

І.

Іоническое море 1, 2, 4, 161.
 Іокаста 16.

Ионъ 6.
Ионическіе острова 4.

Кавдинскія ущелья 200.
Кадмъ 7, 8, 16.
Кай Антоній 255, 257, 258.
Кай Калигула 276.
Кай Луцилій 233.
Кай Семпроній Гракхъ 237, 241—243.
Кай Фабрицій 206.
Калабрія 163.
Каликратъ 97.
Камбунскія горы 1, 2.
Камиллъ 194.
Кампанія 163, 197.
Канулеевъ законъ 191, 192.
Канны 216.
Капитолій 172.
Капитолійскій холмъ 172.
Капрея (Капри) 276.
Капуа 163, 217.
Каракалла 301.
Карія 73.
Кареагенъ 208, 210, 213—220, 223—
225.
Кареагенъ Новыи 214.
Кассій 264, 266.
Кассій (Спурий) 187.
Кассандръ 147.
Каталаунскія поля 310.
Катилина Луцій Сергій 254—258.
Катонъ 224, 233.
Катуль (Лутацій) 213.
Каудиумъ 200.
Кв. Фабій Максимъ Младшій 202.
Квиринальскій холмъ 172.
Квиринъ (Quirinus) 171.
Квириты 171.
Кекропсъ 7.
Кераунскія горы 1.
Керкира 4.
Кефалленія 4.
Кефисъ 3.
Кизикъ 74.
Киклады 4.
Киликія 284, 253.
Килонъ 53, 54.
Кима (Кумы) 72.

Гудея 141—284, 289.

К.

Климвры 245, 246.
Климонъ 89, 90, 92.
Клинеастъ 205.
Клиръ 4.
Кирена 75.
Киръ 78.
Киноскефалы 220.
Киръ Младшій 123—124.
Киееронъ 2.
Клавдій 277, 278.
Клавдій Марцелль 218.
Клавдій Неронъ 218.
Клеархъ 124.
Клейдъ 291.
Клеомень 66, 70, 71.
Клеомень III 152—155.
Клеонъ 107—110.
Клеопатра 262, 265.
Клисеенъ 67—71.
Клитемнестра 20.
Клитъ 142, 143.
Клодій 258.
Клузіумъ 162, 183.
Кодръ 51.
Коллизей 290.
Коллатинъ 180, 181, 183.
Коклесъ (Горацій) 183.
Колхида 15, 16.
Коммодъ 299—300.
Константинъ В. 305.
Констанцій Хлоръ 304.
Копандское озеро 3.
Корвъ Валерій 198.
Коринѳъ 3, 15, 16, 105.
Коринѳскій заливъ 2, 3, 4.
Коринѳскій перешеекъ 3, 14.
Кориоланъ Гай Марцій 187.
Кориюлы 187.
Корнелій Лентуль Сулла 255, 257.
Корнелій Сципионъ 218.
Корнелия 238.
Коронея 95.
Корсика 161, 214.
Корфиніумъ 249.
Корцира 105.

Кось 4.
 Кось Корнелій 148.
 Крассъ Лициній 251, 252, 260.
 Крезъ 77.
 Креонъ 103.
 Кресеонтъ 28.
 Крисса 54.
 Критій 115, 116.
 Критолай 223.
 Критъ 4, 14, 73.

Лавріонъ 2, 3, 49.
 Лаій 16, 17.
 Лаконія 3, 37—47.
 Ламіи 148.
 Ларисса 2.
 Латеранъ Секстій 194, 195, 196.
 Латинская война. 148—200.
 Латины 164.
 Лаціумъ 162, 163.
 Лаэртъ 22.
 Леввадія 4.
 Леветры 128.
 Левъ I 310.
 Лемность 5.
 Лентуль Корнелій 256.
 Леонидъ 83.
 Ленидъ 265, 266.
 Лесбось 4, 72.
 Лже-Филиппъ 223.
 Ливадія 2.
 Ливій Андроникъ 232.
 Ливій Друзъ 242, 247.

М. Порцій Катонъ 233.
 Магnezія 221.
 Македонія 133—148.
 Маккавен 164, 254.
 Макронъ 276.
 Максенцій 306.
 Максиминъ 302—303.
 Максиміанъ 304—305
 Малійскій заливъ 1.
 Маммея 301.
 Манлій 256.
 Маній Валерій 185.
 Маній Курій Дентатъ 202.
 Манлій Торкватъ 198, 199.
 Мантиней 129, 154.
 Мараеонъ 79.

Кроносъ 11. °
 Кротонъ 75, 76, 163.
 Ксенофанъ 77.
 Ксенофонтъ 122, 124—125.
 Ксерксъ 83—89.
 Ксуъ 6.
 Кумы 75, 163.
 Курсоръ Папирій 200, 201.
 Куриацин 171.

Л.

Ливій Титъ 271, 272.
 Ливія 272.
 Лигурия 162.
 Лизандръ 113—114.
 Лизимахъ 146, 147.
 Ликургъ 39—47.
 Лициній 194, 306.
 Лирисъ 163.
 Лициній Крассъ 251.
 Лузитанія 284.
 Лионъ 283.
 Локрида Озолийская 2, 95.
 Локрида Опунтійская 2.
 Локры 207.
 Лукреція 180.
 Луканія 163, 201.
 Луканы 203, 205.
 Лукулль 254.
 Лутаций Катулъ 213.
 Luceres 170.
 Луцилій 233.
 Луцій Оптимій 242.

М.

Мардоній 79.
 Мареммы 162.
 Марій 243—250.
 Маркъ Аврелій 294, 295.
 Маркъ Антоній 255, 265.
 Маркъ Клавдій Марцелль 233.
 „ Манлій 193, 194.
 „ Октавій 239.
 М. Горацій 190.
 Марсель 283.
 Марсово поле 192.
 Марсъ 165, 166.
 Марцелль 217.
 Марцій (Анкъ) 171.
 Марцій Кориоланъ (Гай) 187.
 Массивисса 218, 224, 244.

Массиліоты 76.
 Массилія 76.
 Мегакль 64, 65.
 Мегара 3, 53, 95.
 Медея 15.
 Медиоланумъ (Миланъ) 162.
 Менелай 17.
 Месопотамія (пров. Р. Имп.) 284.
 Мессалина 277.
 Мессенія 47, 48.
 Мессинскій проливъ 161.
 „Метаморфозы“ 271.
 Метелль 223.
 Метелль Цецилій 243.
 Меценатъ 269, 270.
 Мизія 72, 293.

Навзикая 22.
 Назонъ 270.
 Наксось 4.
 Неаполь (Партенопея) 163.
 Невій 232.
 Немезида 102.
 Неоптолемъ 24.
 Нерва 292.
 Неронъ 278, 282.
 Нехао 7.

Овидій (Публій Назонъ) 270, 271.
 Одиссей 19—20.
 Одиссея 12, 65.
 Оденатъ 303.
 Одоакръ 310, 311.
 Оксилъ 29.
 Октавій Кай 265.
 Октавіанъ (Августъ) 266.
 Октавія 280.
 Олимпъ 2, 9, 10.

Павль 286.
 Павль Эмилиій 216, 222.
 Павзаній 86.
 Падуа (Pavium) 272.
 Пакувій 233.
 Палатинскій холмъ 168, 169.
 Паллада—Афина 9.
 Пальмирское царство 303.
 Паноннія 295.
 Пантеонъ 288.
 Пантикапея 74.
 Папиніанъ 286, 301.
 Папирій Курсоръ 200, 201.
 Парразія 97.
 Парисъ 17.
 Парма 162.
 Парменіонъ 141.

Микалс 72, 86.
 Микены 3, 5, 18.
 Милетъ 73, 74.
 Мильградъ 80, 81.
 Минерва 165.
 Минось 14.
 Минтурнскія болота 162.
 Митилене 72.
 Митридатъ 249, 250, 253, 254.
 Миципса 244.
 Морья 2.
 Мраморное море 5.
 Муммій 223.
 Мусть Децій 198, 199.
 Мутина (Модена) 162.
 Муцій Сцевола 183.

Н.

Нипкея 306.
 Нипкій 107—110.
 Никомидія 304.
 Нимъ 283.
 Новый Римъ 307.
 Нума Помпилій 171.
 Нуманція 225—226.
 Нумидія 244.
 Нумиторъ 169.

О.

Олинъ 74.
 Ольвія 74.
 Орхомень 3.
 Осса 2.
 Остготское королевство 311.
 Остготы 310, 311.
 Остія 172.
 Отрисъ 2.
 Оттонъ 282.

П.

Парнасъ 2.
 Парнонь 37.
 Парось 4.
 Партенопея (Неаполь) 75, 163.
 Паренонъ 97.
 Паряне 295.
 Патавіумъ (Падуа) 272.
 Патрокль 18.
 Патры 150.
 Пахомій 307.
 Пелазги 5, 6.
 Пелей 18—19.
 Пеліонъ 2.
 Пелопидъ 127—128.
 Пелопонесъ 2, 3, 7.
 Пелопсъ 7.
 Пеней 2.

Пентеликонъ 2, 3.
 Пердикка 146.
 Перикль 92—108.
 Періандръ (Коринскій) 30.
 Персей 221—223.
 Персеполь 141.
 Пертинаксъ 300.
 Петроній Арбитръ (сатирикъ) 286.
 Пидна 222.
 Пиза 162.
 Пизистратъ (Аѳинскій) 32, 62—65.
 Пизонъ 275.
 Пикты 310.
 Пиндаръ 20.
 Пиндъ 2.
 Пирра 6.
 Пирейская гавань 82.
 Пистойя 257.
 Пирръ 204.
 Пифагоръ 76, 77.
 Пиценумъ 163.
 Плавтъ 233.
 Платея 3, 80, 86.
 Платонъ 131—133.
 Плиній 292.
 Плутархъ 42, 46.
 По (Падусъ) 161.
 Поленція 310.

Рамны (Ramnes) 170.
 Регильское озеро 184.
 Регіумъ 75.
 Регуль 213.
 Рейнъ и дал. 261.
 Ремъ 169.
 Рея Сильвія 169.
 Римъ 163.
 Ридимеръ 310.

Сабельскія племена 181, 202.
 Сабинь 165, 166.
 Сагунтъ 77, 214.
 Саламинъ 4, 55, 85, 86.
 Саллюстій 244.
 Салоникскій заливъ 2.
 Сальвій Юліанъ 286, 293.
 Самниты 165, 197—198.
 Самніумъ 163, 197.
 Самось 4, 73.
 Самоѳракія 5.
 Сапоръ 302, 303.
 Сардинія 161, 284, 214, 226.
 Сарды 79.
 Сароническій заливъ 2—4.
 Сассаниды 301.
 Сатурнинъ Апулей 246—247.
 Сатурнъ 165.
 Сафо 77.

Поллигнотъ 97, 21.
 Полліанъ В. 286.
 Поликратъ (самосскій) 73.
 Полиоркетъ Димитрій 147.
 Полиникъ 16, 17.
 Помпей Кней 251.
 Помпей Трогъ (историкъ) 285.
 Помпея 291.
 Понтійскія болота 162.
 Понцій 200, 201.
 Поппея Сабина 279, 280.
 Порсена 183—184.
 Посейдонъ 8, 61, 165.
 Потидея 74, 105.
 Пріамъ 17.
 Пробъ 303.
 Прокль 29.
 Прометей 6.
 Прузій 219.
 Птоломей 147.
 Птоломей II Филадельфъ 155—157.
 Птоломей III Эвергетъ 155—157.
 Публий Децій Мусъ 198—199.
 Публий Валеронъ 186.
 Публий Сервилій 185.
 Публий Элій Адрианъ 293, 294.
 Пунійцы 208.
 Пуническая война 212.

Р.

Родось 4, 73.
 Роксана 146.
 Ромуль 169—171.
 Ромуль-Августуль 311.
 Рубиконъ 162, 261.
 Ругія 310.
 Румынія 291.
 Рутулы 166.
 Руфъ Сульпицій 243.

С.

Свевы 309.
 Священная гора 185.
 Северы 300—301.
 Секстій Латеранъ 194, 195.
 Селевкъ 147.
 Семпроній 216.
 Сена 203.
 Сенека 278, 281.
 Септимій Северъ 300—301.
 Сервій Туллій 173, 177—179.
 Сервилій Главція 246—247.
 Серторій 251.
 Сеянъ 275, 276.
 Сибарисъ 75—76, 163.
 Сикіонъ 3, 16.
 Сикцій Дентать 190.
 Синопъ 74.
 Сиракузы 76, 208, 218.
 Сирія (пров. Р. И.) 284.

Сицилія 75, 161, 226, 284.
 Сіагрій 311.
 Сіонъ 290.
 Скотты 310.
 Смирна 72.
 Сократъ 117—121.
 Солонъ 55—65.
 Софокль 21, 102—104.
 Спалатумъ (Спалагро) 305.
 Спарта 3, 100.
 Спартакъ 252.
 Споряды 4.
 Спурий Кассій 187.
 Спурий Опцій 191.

Тайгетъ 3, 37.
 Танагра 3, 95.
 Танаисъ 74.
 Тарентскій заливъ 163.
 Тарентъ 75, 163, 203, 218.
 Тарквиній Гордый 179—180.
 Тарквиній Првскъ 171.
 Тарпейская скала 194.
 Тацитъ 292, 296, 299.
 Теанумъ 198.
 Тевтобургскій лѣсъ 268.
 Тезей 12, 14, 51.
 Темена 17.
 Темень 30.
 Тенаръ 3.
 Теодорихъ В. 311.
 Теосъ 74.
 Терентилій Арса 188.
 Теренцій 233.
 Теренцій Варронъ 216.
 Термейскій заливъ 1.
 Терминъ 165.
 Тертуліанъ 285.
 Тиберій 272, 276.
 Тиберій Семпроній Гракхъ 237—240.

Ульпіанъ 286, 301.
 Умбрія 163—202.
 Умбро-сабеллы 164.

Фабій 202.
 Фабій Кунктаторъ 216—217.
 » Максимъ Руліанъ 200, 201.
 Фазисъ 74.
 Фанагорія 74.
 Фаросъ 156.
 Фарнакъ 262.
 Фарсаль 2, 261.
 Феакн 23.
 Фидій 97, 2.
 Филиппъ III, 219.
 Филиппъ Македонскій 133—138.
 Финикія 2, 7, 140.

Стагира 74, 109.
 Стилхонъ 310.
 Столонъ Лициній 194—195.
 Суассонъ 311.
 Суза 141.
 Сулла 243, 249—251.
 Сульпицій Руфъ 248.
 Сувій 49.
 Цевола 240.
 Цевола Муцій 183.
 Сципіонъ 216, 233.
 Сципіонъ Назика 240.
 Сципіонъ Нумантійскій 225.
 » Эмилианъ 225, 334.

Т.

Тиберій Клавдій Неронъ 273, 277.
 Тибръ 162, 163, 243.
 Тигеллинъ 280.
 Тиринъ 3.
 Тирренское море 161, 163.
 Тиръ 141.
 Тисафернъ 124.
 Тици (Titii) 170.
 Титъ-Ливій 198, 199, 271, 272.
 Титъ Тацій 170.
 Титъ Флавій 290, 291.
 Тичино 161, 216.
 Т. Квинцій Фламиннъ 229.
 Торкватъ Манлій 198, 199.
 Томы 271.
 Тразименское озеро 163, 216.
 Траянъ 292, 293.
 Требія 161, 216.
 Триполн 209.
 Троя 7, 17.
 Троянская война 17.
 Туль Гостилій 171—172.
 Тулуза 283.
 Турин 203.

У.

Умбры 165.
 Ураносъ 6, 11.

Ф.

Флавій Веспасіанъ 290, 291.
 Фламиній 216.
 Фламиннъ (Квинцій) 220.
 Флоренція 162.
 Фокіонъ 137.
 Фокея 73.
 Фокида 2, 3, 95.
 Франки 309.
 Франкское королевство 309.
 Фрикскъ 15—16.
 Фригія 96.
 Фринихъ 103.
 Фульвій Флаккъ 243.

X.

Халкида 4, 74.
Халкидика 74.
Харилай 40.
Херонея 3, 137, 138.
Хіось 4.

Цезарь Юлія 258.
Calpurnia (lex) 230.
Целійскій холмъ 168.
Censorius 233—236.
Церы 183.
Цетегъ 256.

Шалонъ на Марія 310.

Эбро 214.
Эвбейское море 1, 3.
Эвбея 2, 4, 7, 74.
Эвменъ 226.
Эвномъ 39.
Эврибиадъ 85, 86.
Эвримедонъ 90.
Эврипидъ 20, 121—122.
Эврипонть 39.
Эврисея 13—14, 29.
Эзонъ 15.
Эквы 166, 188.
Элида 3, 7, 33.
Элія Калитоліна 294.
Элины 6.
Эллада 2, 3, 4, 6, 7.
Эльба 161.
Эмпіій Павлъ 216.
Энній 232, 233.
Эвротъ 3, 37.
Эвклидъ 157.
Эгатскіе острова 161, 213.
Эгейское море 2, 4, 161.
Эгей 14.
Эгерія 171.

Ювеналь 296.
Югурта 244.

Язонъ 15, 16.
Яникуль 183.

Фалесъ 77.
Фемистокль 81—89.
Феодосій В. 308—309.
Фера 75.
Ферамень 115—116.
Фермоны 84—85, 230.

Hispania citerior и ulterior 225.
Historiae Romanae (Т. Ливія) 271.
Historiarum libri (Тацитъ) 298.
Хлодвигъ 311.

Ц.

Цивились 290.
Цинцинать 188.
Цирта 244.
Цизальпійская Галлія 162.
Циспаданская Галлія 162.
Цицеронъ 255—258.

Ш.

Шотландія 310.

Э.

Эгина 4, 75.
Эгинское море 2.
Эгионъ 151.
Эдишъ 16, 17.
Эоль 6.
Эпаминондъ 127—128.
Эпидавръ 3.
Эпидамнъ 105.
Эпигуръ 133.
Эпименидъ 54, 55.
Эпиръ 2, 3, 5.
Эратосеенъ 157.
Эретрія 4, 64, 74, 79.
Эрида 18.
Эсквилинскій холмъ 172.
Эсхиль 20, 100—102.
Эсхинъ 150.
Эта 2, 3.
Этеокль 16.
Этолійскій союзъ 150.
Этолія 2.
Этрурія (Тусція) 162.
Этруски (Туски) 164, 167—169.
Эчь 161.

Ю.

Юліанъ 308.
Юстинъ (философъ) 294.

Я.

Янусъ 165.

Ф.

Фессалія 2, 7, 14.
Фессалоники 308.
Фивы 3, 7, 8, 16, 17.
Фракія 82, 293.
Фувидидъ 114, 115.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

Древняя Греція обнимала собою южную часть Балканскаго полуострова. На сѣверѣ отдѣлялась она отъ Македоніи и Иллиріи высокими Камбунскими и Кераунскими горами, съ остальныхъ же трехъ сторонъ окружена была Эгейскимъ и Ионическимъ морями. По пространству Греція представляла лишь незначительный полуостровъ въ 1,700 кв. м. Несмотря на это, она, по своему географическому положенію, представляла много чрезвычайно благоприятныхъ условий для быстрого и многосторонняго развитія населявшаго ее народа. Близость моря, необыкновенное развитіе береговой линіи, многочисленность заливовъ и бухтъ и удобство сообщенія съ важнѣйшими и образованнѣйшими государствами древняго міра—все это, въ связи съ особенностями національнаго характера грековъ, способствовало быстрому развитію греческой культуры и высокой исторической роли Греціи относительно всего человѣчества. Характерная особенность Греціи, составляющая огромное превосходство ея предъ всѣми странами древняго Востока, состоитъ въ замѣчательномъ разнообразіи устройства ея поверхности, почвы, климата и естественныхъ произведеній.

Это разнообразное построеніе мѣстности и особенно изрѣзанность Греціи въ различныхъ направленіяхъ горными группами обусловливали политическую раздробленность страны. Но если горы разобщали отдѣльные государства и содѣйствовали стремленію ихъ къ обособленію, то, съ другой стороны, отсутствіе всякихъ непреодолимыхъ преградъ для внутренняго сообщенія и особенно близость моря, омывающаго почти со всѣхъ сторонъ Грецію, способствовали дѣятельнымъ сношеніямъ между различными греческими государствами, къ поддержанію между ними извѣстнаго единства и къ слянію многочисленныхъ самостоятельныхъ греческихъ государствъ въ одно національное цѣлое.

Наиболѣе благоприятныя географическія условія почти во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ восточная сторона греческаго полуострова. Наболѣе извилистые берега и глубокіе заливы образуетъ съ восточной стороны Эгейское море, именно заливы Термейскій, Малійскій, Пагасійскій, Эвбеѣское море, узкій проливъ между

Среднею Греціей и островомъ Эвбеей, Сароническій заливъ или Эгинское море и Арголидскій. Западный же берегъ, омываемый Ионическимъ моремъ, представляетъ только два глубокихъ залива — Коринскій и Амбракійскій. Остальная часть его однообразна, скалиста и почти вовсе лишена гаваней. Наибольшее число острововъ, и притомъ наиболѣе важныхъ по своему значенію, представляетъ Эгейское море, сближавшее посредствомъ этихъ острововъ Грецію съ образованнѣйшими государствами древняго Востока, какъ Египетъ, Финикія и др. Точно также въ отношеніи устройства поверхности, почвы, климата и естественныхъ произведеній восточная половина Греціи отличается своимъ разнообразіемъ отъ западной. Восточная половина Греціи и была, главнымъ образомъ, поприщемъ многообразнаго государственнаго, общественнаго и умственнаго развитія Греціи.

Древняя Греція, глубоко вдающимися въ нее заливами, естественнымъ образомъ раздѣлялась на три части: Сѣверную, Среднюю или Элладу въ тѣсномъ смыслѣ и Южную или Пелопонесъ.

Сѣверная Греція состояла изъ двухъ областей: западной или Эпира и восточной или Тессалии. Главнымъ и древнѣйшимъ городомъ Эпира былъ Додона; главными городами Тессалии были Ларисса и Фарсаль.

Важнѣйшую часть Сѣверной Греціи составляла Тессалия, плодородная котловина, замкнутая почти со всѣхъ сторонъ горами. На западѣ отъ Эпира отдѣлялась она горнымъ хребтомъ Пиндомъ, отъ котораго идутъ на В. двѣ главныя вѣтви: одна—хребетъ Камбунскій, образуя границу между Тессалией и Македоніей, близко подходитъ у Салоникскаго залива къ высокому Олимпу, другая—Отрисъ направляется вдоль южной окраины Тессалии. Вдоль восточной окраины ея, параллельно Пинду, возвышается хребетъ Пеліонъ, сѣверная оконечность котораго, Осса, отдѣляется отъ Олимпа Темпейскою долиною, орошаемою рѣкою Пенеемъ. Южнѣе Отриса тянется хребетъ Эта, также выходящій изъ оконечности Пинды и отдѣленный отъ Отриса узкой долиной. Отсюда замкнутая горами Тессалия имѣетъ только въ немногихъ мѣстахъ узкіе проходы: одинъ на сѣверо-востокъ—знаменитая въ древности по своей живописности Темпейская долина; другой проходъ на югъ—это Термопильское ущелье, образуемое круто спускающеюся къ Эгейскому морю горою Этою и болотистымъ морскимъ берегомъ. Это ущелье длиною около двухъ часовъ пути, составляющее единственный проходъ изъ Тессалии въ Среднюю Грецію, было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ тѣсно, что тутъ не могли разѣхаться двѣ колесницы.

Средняя Греція или Эллада въ тѣсномъ смыслѣ, въ восточной части своей представляетъ нѣсколько значительныхъ возвышенностей: чрезъ всю восточную часть продолжается въ юго-восточномъ направленіи хребетъ Эта, образуя слѣдующія замѣчательныя высоты: Пентеликонъ, Гиметъ и Лавріонъ; къ западу отъ Эти тянется также въ юго-восточномъ направленіи другая цѣпь горъ, выходящая изъ Эпира, съ вершинами Парнассомъ, Геликономъ и Киоерономъ.

Средняя Греція или Эллада состояла изъ восьми областей: Аттика, Беотія, Фокида съ горою Парнассомъ; къ юго-западу отъ Фокиды, у Коринскаго залива—Локрида Озолійская; къ югу отъ Термопильскаго прохода по берегу залива область Эпикнемидскихъ и Опунтійскихъ локрянъ; къ западу отъ нихъ горная Дорида; самую же западную часть Эллады составляли бесплодная и дикая по своей природѣ область Этолія и отдѣленная отъ нея рѣкою Ахелоемъ Акарнанія по берегу Ионическаго моря. Аттика занимала юго-восточную часть Эллады. Она была покрыта горами и холмами и имѣла скалистую, сухую и почти бесплодную почву,

на которой лишь изрѣдка встрѣчались плодородныя равнины. Не смотря на это, Аттика была въ древности значительно воздѣлана и производила много вина, смоквъ и оливъ. Она была также весьма богата и другими естественными произведеніями. Такъ, Пентеликонъ доставлялъ превосходный мраморъ, Гиметтъ славился своимъ медомъ, а Лавріонъ своими серебряными рудниками. Столицею Аттики былъ городъ Аѳины.

Къ западу отъ Аттики между Коринескимъ заливомъ и Эвбейскимъ моремъ лежала весьма плодородная область Беотія съ Копайдскимъ озеромъ и изливающеюся въ него рѣкою Кефиссомъ. Беотія распалась почти на столько-же государствъ, сколько было въ ней городовъ: Фивы, Орхомень, Платея, Танагра, Херонея и нѣкоторые другіе. Эти города составляли между собою союзъ, главою котораго были Фивы.

Фокида заключала въ себѣ отъ 20 до 30 маленькихъ республикъ, соединенныхъ союзомъ. Однакожъ, главный городъ этой области, Дельфы, прославленный своимъ оракуломъ, не принадлежалъ къ этому союзу.

Коринескимъ перешейкомъ или Истмомъ Средняя Греція соединяется съ южною или Пелопонесомъ. Средина его представляетъ возвышенное нагорье, окаймленное со всѣхъ сторонъ довольно высокими грядками горъ, отъ которыхъ идутъ отроги, раздѣляющіе весь полуостровъ на нѣсколько самостоятельныхъ областей.

Внутренняя гористая часть полуострова представляла лѣсистую и богатую пастбищами область Аркадію съ суровымъ климатомъ. Отъ границы Аркадіи на югъ тянется самый высокій горный кряжъ Пелопонеса Тайгетъ, оканчивающійся мысомъ Тенаромъ. Хребетъ этотъ раздѣляетъ двѣ южныя области Пелопонеса, Лаконику и Мессенію.

Большая часть Лаконики представляла гористую, дикую и суровую область съ немногими плодоносными мѣстностями въ долинѣ рѣки Эвроты, на правомъ берегу которой стоялъ главный городъ страны—Спарта. Мессенія же состояла большею частію изъ плодоносныхъ равнинъ. На сѣверѣ отъ нея находилась Элида, одна изъ плодороднѣйшихъ областей Пелопонеса, орошаемая р. Алфеемъ, съ отличнымъ климатомъ.

Пространство между Элидой, Аркадіей и Коринескимъ заливомъ занимала Ахаія и маленькія государства Сикіонъ и Коринѳъ. Сикіонъ владѣлъ небольшою, но довольно плодородною областью на берегу Коринѳскаго залива и славился нѣкоторыми отраслями промышленности, особенно металлическими издѣліями. Коринѳъ же занималъ весьма выгодное для торговли положеніе въ южной части Коринѳскаго перешейка, между заливами Сароническимъ и Коринескимъ. Какъ складочное мѣсто товаровъ, Коринѳъ рано достигъ цвѣтущаго состоянія. На восточной сторонѣ Пелопонеса лежала Арголида. Города ея Аргосъ, Микены, Тиринѳъ, Эпидавръ и др. составляли между собою союзъ, во главѣ котораго стоялъ Аргосъ. Рядомъ съ Коринѳомъ, въ сѣверной части Коринѳскаго перешейка, лежала небольшая область Мегара, составлявшая какъ бы переходъ отъ Пелопонеса къ Средней Греціи или Эладѣ.

Къ древней Греціи принадлежали также окружающіе ее съ трехъ сторонъ острова Ионическаго и Эгейскаго морей. Острова по западному берегу Греціи, извѣстные нынѣ подъ общимъ именемъ Ионическихъ острововъ, въ древности не имѣли одного общаго имени. Самые важные изъ нихъ были Керкира (Корцира, нынѣ Корфу), далѣе Левкадія, Итака (нынѣ Теаки), Кефалленія и Закинѣ (нынѣ Занте). Наиболѣе замѣчательный изъ острововъ Эгейскаго моря, по своей обширности и значенію — это Эвбея (нынѣ Негропонтъ), продолговатый, гористый и весьма плодородный островъ, тянущійся параллельно восточному берегу Эллады. Главные города этого острова — Халкида и Эретрія.

Въ Сароническомъ заливѣ находятся острова Эгина и Саламинъ, важные въ отношеніи торговли. Большая часть острововъ, лежащихъ въ южной части Архипелага, была подраздѣлена древними на двѣ группы: Кикладовъ и Спорадовъ. Кикладами назывались острова, принадлежащіе къ Европѣ, а Спорадами — принадлежащіе къ Азіи. Изъ Кикладовъ, расположенныхъ кругообразно вокругъ Делоса, особенно замѣчательны: Делось, съ славнымъ въ древности храмомъ бога Аполлона, сдѣлавшійся однимъ изъ главныхъ мѣстъ поклоненія этому богу и однимъ изъ средоточій греческой торговли; Парось, гдѣ добывался великолѣпный бѣлый мраморъ, Накось и др. Изъ Спорадовъ, разбросанно лежащихъ близъ азіятскаго берега, болѣе извѣстны: Самось, Кось и Родось. У азіятскаго берега замѣчательны, кромѣ того, острова Лесбось и Хіосъ.

На югѣ Эгейское море какъ бы замыкалось гористымъ островомъ Критомъ (нынѣ Кандія). Критъ былъ замѣчателенъ необыкновеннымъ плодородіемъ и древнею образованностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ притономъ для отважныхъ морскихъ разбойниковъ. Также замѣчателенъ о-въ Кипръ, богатый виномъ и масломъ, мѣдною рудой и лѣсомъ.

Кромѣ южной части Балканскаго полуострова и острововъ Эгейскаго и Ионическаго морей, древніе греки занимали еще многія другія земли по берегамъ Средиземнаго, Мраморнаго и Чернаго морей.

НАСЕЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

Древніе греки принадлежали къ арійской или индоевропейской семьѣ народовъ, такъ же какъ и древніе индійцы, зенды, кельты, германцы и славяне. Общность происхожденія древнихъ грековъ со всѣми этими арійскими племенами доказывается родствомъ ихъ языковъ и основныхъ религіозныхъ воззрѣній. Изъ этого племеннаго родства эллиновъ со всѣми арійцами можно заключить несомнѣнно, что они пришли въ Европу изъ Азіи, хотя сами греки считали себя автохтонами, или туземными жителями обитаемой ими страны. Древніе греки принадлежали собственно

къ той вѣтви индоевропейской группы, которая извѣстна подъ именемъ греко-италійской, что подтверждается наибольшимъ родствомъ между нарѣчіями народовъ, обитавшихъ Грецію и Италію.

Какимъ путемъ древнѣйшіе обитатели Греціи пришли изъ Азіи въ Европу, съ достовѣрностію указать невозможно. Еще труднѣе даже приблизительно опредѣлить время, къ которому относится переселеніе ихъ изъ Азіи. Во всякомъ случаѣ, это было еще въ доисторическое время. Вообще извѣстія, дошедшія до насъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Греціи, такъ запутаны и противорѣчивы, что очень трудно доискаться въ нихъ исторической истины.

Пеласги. Древнѣйшимъ многочисленнѣйшимъ населеніемъ Греціи почитаются пеласги. Позднѣйшіе греки смотрѣли на нихъ какъ на коренныхъ жителей Греціи, или, по крайней мѣрѣ, какъ на народъ, поселившійся въ ней въ незапамятныя времена.

Есть основаніе думать, что пеласги были не грубыми дикарями, а народомъ, усвоившимъ себѣ уже начатки образованности: преданія связываютъ основаніе городовъ и государствъ съ именемъ пеласговъ и называютъ ихъ изобрѣтателями разныхъ орудій, относящихся къ хлѣбопашеству. По преданію, пеласги же первые стали употреблять буквенное письмо, принесенное въ Грецію финикіянами. Еще донныѣ уцѣлѣли въ Греціи, особенно въ главныхъ мѣстахъ населеній пеласговъ, въ Аркадіи, въ Арголідѣ и Эпирѣ, памятники цивилизаціи пеласговъ, именно остатки громаднхъ каменныхъ стѣнъ древнихъ городовъ и царскихъ замковъ. Стѣны эти сложены изъ огромныхъ, неправильныхъ каменныхъ глыбъ безъ цемента, тщательно пригнанныхъ такъ, чтобы верхній рядъ плотно приходился къ нижнему. Эти постройки, чрезвычайно плотныя по своей кладкѣ, названы были циклопическими, потому что позднѣйшіе греки видѣли въ нихъ дѣло не человѣческихъ силъ и приписали ихъ исполинамъ, одноглазымъ циклопамъ. Ворота въ циклопическихъ сооруженіяхъ съуживаются кверху въ видѣ пирамиды и завершаются однимъ громаднмъ камнемъ, положеннымъ на каменныя массы, образующія раму воротъ. Такія ворота сохранились донныѣ въ Микенахъ, именно такъ называемыя „львиныя ворота“. Такимъ же характеромъ постройки отличаются уцѣлѣвшія во множествѣ царскія казнохранилища, предназначавшіяся для храненія оружія, сокровищъ и домашней утвари, и составлявшія непремѣнную принадлежность царскихъ замковъ.

Религія пеласговъ состояла въ поклоненіи природѣ. Главнымъ божествомъ у нихъ былъ Зевсъ. Поклоненіе этому божеству издревле существовало въ Додонѣ, гдѣ было древнѣйшее въ Греціи прорицалище. Здѣсь Зевсу посвященъ былъ дубъ, плоды котораго слыли первобытною пищею людей. По шелесту листьевъ этого священнаго дуба и по журчанью ручья, протекавшаго подъ нимъ, совершались предсказанія додонскаго оракула, представлявшія истолкованіе воли Зевса.

Вообще основныя религиозныя воззрѣнія пеласговъ были тѣ же, какъ и позже пришедшихъ въ Грецію эллиновъ, которые мало по малу покорили пеласговъ и утвердились въ занятой ими странѣ. Сліяніе этихъ двухъ народовъ совершилось тѣмъ легче, что оба они составляютъ родственныя вѣтви одного и того же первобытнаго греческаго племени и что нарѣчія, на которыхъ они говорили, разнились между собою лишь какъ нарѣчія одного и того же языка.

Эллины. Въ древнѣйшемъ памятникѣ греческихъ преданій, въ Иліадѣ, имя эллиновъ означаетъ только жителей небольшой Тессалійской области, называвшейся Фтіотидой. Только уже въ позднѣйшее время имя эллиновъ сдѣлалось собирательнымъ именемъ всего народонаселенія Греціи. Эллины являются въ Греціи воинственнымъ, полнымъ юношеской отваги племенемъ, покоряющимъ миролюбивое племя пеласговъ — земледѣльцевъ.

Красивая и стройная наружность, живой и воспримчивый умъ, смѣлый и предприимчивый характеръ составляли общія отличительныя черты всѣхъ племенъ, на которыя подраздѣлялись эллины, именно: дорянъ, эолянъ, іонянъ и ахейанъ. Въ тоже время, каждое изъ греческихъ племенъ имѣло свои особенности въ отношеніи языка, характера и образа жизни. Но прошло много вѣковъ прежде, чѣмъ пришлыя племена побѣдителей, во многомъ отличавшіяся другъ отъ друга и постоянно враждовавшія между собою, слились въ одинъ народъ и стали называться общимъ именемъ эллиновъ.

Происхожденіе различныхъ племенъ эллиновъ связывается съ баснословною древностію посредствомъ слѣдующаго поэтическаго сказанія. Прометей, потомокъ Геи и Ураноса, т. е. неба и земли, одаренный божественнымъ духомъ, хотѣлъ, подобно Зевсу, быть творцемъ человѣка; и вотъ сдѣлалъ онъ изъ глины человѣческую статую и воодушевилъ ее огнемъ, похищеннымъ съ неба. За этотъ дерзкій поступокъ Прометей, по повелѣнію Зевса, былъ прикованъ къ кавказской скалѣ, гдѣ коршунъ непрерывно терзалъ его сердце, пока Геркулесъ не избавилъ его отъ мученій. Зевсъ простилъ наконецъ Прометея и даровалъ ему безсмертіе. Сынъ этого могучаго титана Девкаліонъ переселился въ Тессалію и царствовалъ тамъ въ области Фтіотидѣ. Онъ отличался высокою добродѣтелью и снискалъ расположеніе боговъ. Въ это время Зевсъ рѣшилъ истребить человѣческій родъ за его беззаконія и ниспослалъ на Элладу великій потопъ. Тогда погибли всѣ люди, кромѣ Девкаліона и жены его Пирры. Когда вода начала убывать, Девкаліонъ и Пирра, по совѣту боговъ, для населенія земли новымъ поколѣніемъ людей, стали бросать черезъ себя „кости матери“, т. е., камни, изъ которыхъ и родились новыя люди. Эллины же, по словамъ сказанія, были прямыми потомками Девкаліона и Пирры, происходя отъ сына ихъ Эллина. У Эллина было три сына: Доръ, Эоль и Ксуеъ. Отъ перваго произошли доряне, отъ втораго эоляне, у Ксуеа же было два сына: Іонъ и Ахей, родоначальники іонянъ и ахейанъ.

Такииъ образомъ мнѣнческое сказаніе производитъ четыре племени эллиновъ; іонянъ, дорянъ, эолянъ и ахеянъ—отъ сыновей и внуковъ Эллина. Очевидно, что въ этомъ сказаніи, лишенномъ всякой исторической достовѣрности, Эллинъ, его сыновья и внуки являются не болѣе, какъ символами или олицетвореніями племенъ; самъ Эллинъ—олицетвореніе всего народа, а сыновья и внуки—олицетвореніе отдѣльныхъ племенъ. Въ мнѣіи этомъ выразились уже позднѣйшія представленія объ отношеніяхъ различныхъ эллинскихъ племенъ между собою, и, по всей вѣроятности, онъ сложился уже тогда, когда всѣ эллинскія племена вслѣдствіе болѣе частыхъ и близкихъ сношеній между собою пришли къ сознанію своего племеннаго единства. Въ мнѣнческую эпоху самыми могущественными изъ четырехъ эллинскихъ племенъ являются племя эолянъ, населявшее преимущественно Тессалію и западную часть Пелопонеса и Эллады, и племя ахеянъ, владѣвшее южною частію Тессаліи и восточною частію Пелопонеса. Въ историческое время главную роль играютъ племена дорянъ и іонянъ. Изъ нихъ доряне послѣ многократныхъ переселеній утвердились надолго въ небольшой области средней Греціи, получившей отъ нихъ свое имя, именно въ Доридѣ; іоняне же поселились въ Аттикѣ, на островѣ Эвбей и отчасти въ Пелопонесѣ.

Чужеземныя поселенія въ Греціи. Не смотря на совершенно самобытное и своеобразное развитіе греческой образованности и греческой жизни, въ сознаніи древнихъ эллиновъ существовало представленіе о сильномъ вліяніи на ихъ первоначальную культуру чужеземныхъ и именно восточныхъ элементовъ, что и выразилось въ преданіяхъ о переселенцахъ изъ Египта, Финикіи и Фригіи.

По преданію, еще въ началѣ XVI в. до Р. Х., прибылъ въ Атику Кекропсъ изъ Египетскаго города Саиса и былъ радушно принятъ царемъ страны. Онъ женился на дочери послѣдняго и наслѣдовалъ его престолъ. Аэины тогда еще не существовали, и Кекропсъ положилъ начало этому городу, построивъ крѣпость, названную имъ Кекропией: по преданію, Кекропсъ сообщилъ аэинянамъ начатки гражданственности и установилъ бракъ. По другому преданію, въ концѣ XVI в. прибылъ въ Беотию финикіянинъ Кадмъ, построилъ тамъ укрѣпленіе Кадмею, у подножія которой возникли потомъ Фивы, и научилъ жителей письменному искусству, добыванію руды и приготовленію изъ нея металлическихъ издѣлій. Нѣсколько позже Кадма, явился въ Грецію египтянинъ Данай съ 50 дочерьми и толпой выходцевъ. Высадившись недалеко отъ Аргоса, онъ овладѣлъ правленіемъ и даже насадилъ между туземцами начатки образованности. Наконецъ въ половинѣ XIV в. до Р. Х. прибылъ въ Пелопонесъ фригіецъ Пелопсъ, изгнанный изъ отечества царемъ сосѣдняго города Трои, въ сопровожденіи небольшой толпы своихъ приверженцевъ. Въ Элидѣ онъ женился на дочери одного царя и наслѣдовалъ ему во власти. Преданіе производитъ отъ его имени названіе Пелопонеса.

Въ настоящее время многіе ученые не только отрицаютъ существованіе Кекропса, Кадма, Даная и Пелопса, какъ историческихъ лицъ, но и вообще всякую историческую достовѣрность упомянутыхъ преданій о чужеземныхъ поселеніяхъ въ Греціи въ столь отдаленныя времена. Свидѣтельство о Кекропсѣ уже потому оказывается позднѣйшею выдумкою, что до Нехао египтяне не имѣли куческаго

флота и морскихъ силъ и не могли переселяться въ отдаленныя страны. Точно также трудно себѣ представить, чтобы финиціане, народъ мореходный, могли основать колонію въ Фивахъ, не имѣвшихъ никакой связи съ моремъ. Можно принять не безъ основанія, что указанныя мнѣя о чужеземныхъ поселеніяхъ въ Греціи относятся по своему происхожденію къ позднѣйшему времени, когда греки вступили уже въ ближайшія сношенія съ египтянами и другими восточными народами.

Вообще мнѣніе о значительномъ вліяніи Востока на греческую образованность сильно поколеблено въ настоящее время, хотя все-таки нѣтъ основанія совершенно отвергать и раннихъ сношеній между Греціею и Востокомъ и извѣстнаго вліянія послѣдняго на религіозныя представленія, гражданскія учрежденія и образованность первой. Такъ, отрицая совершенно мнѣя о Кадмѣ, нельзя оспаривать того, что греки получили свой алфавитъ отъ финиціанъ. Остатки памятниковъ древняго искусства также указываютъ на извѣстное сродство между Востокомъ и древнѣйшею Греціею. Но если древняя Греція и заимствовала кое-что отъ восточныхъ народовъ, то заимствованное было совершенно переработано и облагорожено, совершенно утратило свой азіатскій характеръ и приняло чисто греческій отпечатокъ. Въ этомъ преобразованіи и облагороженіи заимствованнаго національнымъ гениемъ эллиновъ обнаружилась высшая природа и лучшія духовныя способности ихъ.

Религія древнихъ грековъ. Не смотря на всѣ свои племенные различія и на разрозненность областей, эллины сознавали свое общенародное единство и противопоставляли себя другимъ народамъ, которыхъ называли варварами. Главною національною связью, кромѣ общаго языка и обычаевъ, была религія ихъ.

Подобно другимъ языческимъ народамъ, греки обоготворяли силы природы, въ зависимости отъ которыхъ преимущественно находилась ихъ жизнь. Всего болѣе поражали грековъ великія явленія на небѣ. Солнце, все озаряющее и оплодотворяющее землю, гроза, то разрушительная, то благодѣтельная, и вообще явленія свѣта представлялись воображенію грековъ въ видѣ олицетворенныхъ существъ.

Греки представляли себѣ своихъ боговъ въ образѣ людей: подобно людямъ боги одарены были и тѣломъ и духомъ; подобно людямъ имѣли потребность въ пищѣ и во снѣ. Они жили въ чертогахъ, питались амброзіей, упивались нектаромъ. Не свободны были они также и отъ слабостей человѣческихъ, увлеченій и страстей. Они поддерживали сношенія съ людьми, принимали постоянно участіе въ ихъ дѣлахъ. Съ красивѣйшими и умнѣйшими изъ смертныхъ женщинъ боги, по вѣрованію грековъ, вступали даже въ бракъ. Всевѣднѣемъ они не обладали. Но при всемъ томъ они стояли недосыгаемо высоко надъ людьми, которыхъ превосходили совершенствомъ своей тѣлесной и духовной природы: они могли дѣлаться невидимыми, могли въ короткое время проходить огромныя пространства, видѣть и слышать съ неба, что дѣлается на землѣ. Въ отличіе отъ смертныхъ боги не знали земныхъ печалей и страданій, почему они и назывались блаженными. Главное отличіе боговъ отъ людей—безсмертіе и вѣчная юность. Съ особымъ вниманіемъ слѣдятъ они за судьбами народовъ и городовъ и особенно дѣятельное участіе при-

нимають въ военныхъ предпріятіяхъ и состязаніяхъ героевъ, становясь, по пристрастію, на сторону того или другаго изъ нихъ, помогая ему совѣтомъ и дѣломъ и вредя противникамъ его. При этомъ обнаруживались нерѣдко ссоры и столкновения между самими богами, изъ которыхъ каждый старался выместить свою вражду и злобу на любимцахъ враждебнаго божества. Случалось даже, что боги, участвуя въ битвахъ, получали раны отъ мѣткой стрѣлы, пущенной смертнымъ, но изъ ихъ ранъ струилась легкая прозрачная кровь, подобная росѣ. По понятію грековъ, боги ихъ составляли какъ бы одну семью, члены которой связывались между собою узами кровнаго родства. Постояннымъ мѣстопробываніемъ ихъ на землѣ была гора Олимпъ, и потому они были извѣстны подъ именемъ Олимпійцевъ. Ихъ было 12. Главные изъ нихъ были: Зевсъ, Посейдонъ, Аѳина, Аполлонъ, Артемида, Деметра, Діонисъ.

Самый старшій изъ Олимпійскихъ боговъ, царь и отецъ боговъ и людей, повелитель всего міра — громовержецъ и тучегонитель Зевсъ. Громомъ и молніей поражаетъ онъ демоновъ мрака и засухи и даруетъ людямъ благодатный дождь, раскрываетъ имъ родники и источники. Зевсъ представлялся въ образѣ красиваго и величественнаго мужа. Какъ царь возсѣдаетъ онъ на тронѣ и держитъ въ рукахъ скипетръ — знакъ власти; живетъ онъ въ чертогѣ изъ мрамора, золота и слоновой кости, на вершинѣ горы Олимпа, высоко надъ облаками. Слово его — законъ, какъ слово мудраго судьи: онъ караетъ и милуетъ людей; требуетъ отъ нихъ умилостивительныхъ жертвъ; грозный въ наказаніяхъ, онъ справедливъ даже во гнѣвѣ.

Какъ Зевсъ владычествуетъ надъ небомъ и землею, такъ братъ его Посейдонъ владыка морей. По нимъ разбѣзжаетъ онъ съ трезубцемъ въ рукахъ на колесницѣ изъ раковины, въ которую запряжены быстрые кони, незнающія усталы волны. Какъ Зевсъ потрясаетъ грозовыя тучи, такъ Посейдонъ приводитъ въ движеніе бурныя волны и беспощадно разбиваетъ о скалы корабли людей, которые его чѣмъ либо оскорбили.

Другой братъ Зевса Гадесъ или Аидъ считался владыкою подземнаго царства, куда по смерти людей сходятъ ихъ души. Тамъ подъ землею, въ глубинѣ преисподней, находились чертоги Аида.

У Зевса, какъ и у людей, есть также дѣти, частію отъ прекрасной, но ревнивой богини Геры, частію отъ другихъ богинь. Самая любимая дочь Зевса—мудрая Паллада-Аѳина, богиня свѣтлаго голубаго неба. Постоянно ведетъ она борьбу съ злыми демонами, темными духами, которые хотятъ помрачить небесное сіяніе*), и, какъ побѣдительница демоновъ,

*) Впрочемъ, подобныя представленія о борьбѣ началъ свѣта и тьмы чужды Гомеру, Гезіоду, равно какъ и трагикамъ, и слѣды таковаго религіозно-поэтическаго міросозерцанія могутъ быть объяснены лишь при помощи сравнительной мифологіи и гипотезы о происхожденіи эллиновъ отъ общаго арійскаго корня.

мужественная Паллада стоит во главѣ людской борьбы. Въ полномъ вооруженіи, съ копьемъ, щитомъ и въ шлемѣ, прекрасная собой богиня-воительница грозно взираетъ на бой и, по своему усмотрѣнію, даруетъ побѣду той или другой сторонѣ. Паллада-Афина есть и богиня мудрости; въ представленіи грековъ являлась она рожденной изъ головы міроправителя Зевса: она изображалась съ совою — символомъ мудрости — на шлемѣ.

Сильнѣйшимъ изъ боговъ послѣ Зевса считался вѣчно юный сынъ его красавецъ Аполлонъ. Какъ богъ солнца, раздѣзжаетъ онъ по небосклону на колесницѣ, запряженной бѣлыми конями. Изъ серебрянаго лука мечетъ онъ свои стрѣлы — солнечные лучи. Ими онъ прогоняетъ ночной мракъ, демоновъ тьмы; ими же поражаетъ онъ въ гнѣвѣ преступныхъ людей, ниспосылая на нихъ засуху, голодъ и морь. Богъ солнца Аполлонъ даруетъ также плодородіе полямъ, кормъ и плодовитость стадамъ и обороняетъ ихъ отъ хищныхъ животныхъ; Аполлонъ же, проливая на все свѣтъ, является верховнымъ покровителемъ всякаго знанія и всякихъ искусствъ, поэзіи, музыки, пѣнія и проч.

Какъ Аполлонъ — идеаль красоты мужской, такъ дочь Зевса Афродита — богиня любви и красоты женской; она разсѣваетъ на землѣ любовь и радость между смертными.

Какъ Аполлонъ, богъ вѣчно новаго, вѣчно юнаго свѣта, олицетворялся въ видѣ юноши бога, такъ и лунный свѣтъ олицетворяли въ видѣ юной богини, дѣвы Артемиды, т. е. непорочной. Это свѣтлая, сіяющая богиня. Она мчится на золотой колесницѣ и держитъ въ рукахъ золотыя поводья. И у нея, какъ и у Аполлона, есть лукъ. Такъ какъ луна есть вѣчно круговращающееся свѣтило, то и Артемида — олицетвореніе луны — принимаетъ характеръ вѣчно блуждающей охотницы, сражающей оленя своими стрѣлами. Она покровительствуетъ лугамъ и лѣсамъ, питающимъ вольныхъ птицъ и звѣрей, и даруетъ дѣвамъ ростъ и красоту.

Особымъ почитаніемъ пользовалась у грековъ святая земля, никогда не устающая производить пищу для людей и животныхъ. Землю греки чтили подъ различными именами. Добрая мать Деметра была покровительница земледѣлія и неразлучной съ нимъ благоустроенной жизни. По окончаніи жатвы приносились ей благодаренія за установленный ею прекрасный порядокъ жизни; тогда же молили ее благословить браки и даровать женамъ дѣтей подобно тому, какъ даритъ она землю плодами.

У грековъ пользовался еще большимъ почтеніемъ богъ распускающейся и произрастающей природы, дарующей весною зелень и цвѣты, осенью плоды, покровитель плодовыхъ деревьевъ, виноградныхъ лозъ, вина и веселья. Это Діонисъ или Вакхъ. Весною, когда пробуждается природа, и осенью, послѣ сбора древесныхъ плодовъ и винограда, устраивались ему праздники.

Какъ эти боги Олимпа, такъ и нѣкоторые другіе, какъ Аресъ, богъ войны, Гефестъ, богъ художествъ и ремесль, Гермесъ, богъ торговли, по

вѣрованію древнихъ грековъ, правили всей вселенной общимъ совѣтомъ подѣ главнымъ управленіемъ Зевса.

Но надѣ всѣми, и низшими и высшими, богами тяготѣла таинственная судьба (Αἴσα или Μοῖρα), отъ которой не могъ уйти ни богъ, ни смертный, и которой боялся даже самъ Зевсъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ весь міръ являлся въ воображеніи грековъ, какъ бы существомъ живымъ, наполненнымъ разными духами, олицетворенными въ образѣ людей: въ каждомъ ручьѣ видѣлись греку—нимфы, въ каждомъ лѣсу—нимфы и дриады. Всѣ важнѣйшія событія въ жизни человѣка, какъ рожденіе, бракъ, смерть, были подѣ вѣдѣніемъ особыхъ божествъ. Точно также каждое явленіе духовной природы, каждое чувство, каждая мысль являлись внушеніемъ боговъ. Словомъ, каждое выдающееся явленіе въ жизни человѣка совершалось при непосредственномъ участіи, вмѣшательствѣ или подѣ покровительствомъ боговъ.

Въ тоже время греки вѣрили, что Олимпійскіе боги, которымъ поклонялись они, не всегда существовали и что прежде управляли міромъ другіе боги, которые въ свою очередь получили власть только послѣ упорной борьбы съ предшествовавшимъ имъ поколѣніемъ боговъ. Такъ, поэтъ Гезіодъ въ своей *Гезіодъ* или поэтической исторіи о происхожденіи боговъ, міра и людей, говоритъ, что въ началѣ былъ хаосъ, пустое безпредѣльное пространство, потомъ появилась Гея, земля, отъ которой произошелъ Ураносъ, небо. Гея и Ураносъ родили цѣлое поколѣніе титановъ. Но Ураносъ ненавидѣлъ дѣтей своихъ и скрывалъ ихъ въ нѣдрахъ земли, пока младшій изъ нихъ Кроносъ не изуродовалъ Ураноса и не отнялъ у него владычества. Но и кровожадный Кроносъ, произведшій отъ Реи новое поколѣніе боговъ, пожиралъ всѣхъ дѣтей своихъ, боясь, чтобы они не лишили его власти. Рея спасла послѣдняго изъ нихъ, Зевса, который заставилъ Кроноса извергнуть всѣхъ поглощенныхъ дѣтей. Тогда между Кроносомъ и титанами, съ одной стороны, и Зевсомъ, Олимпійцами и помогавшими имъ сторукими гигантами, съ другой—началась ужасная борьба. Побѣжденные титаны, а вмѣстѣ съ ними и Кроносъ были низвергнуты въ тартаръ; Зевсъ и Олимпійцы одержали великую побѣду. Послѣ этого міръ и свѣтлая веселая жизнь водворились на землѣ подѣ владычествомъ мудраго мыслителя Зевса.

Въ этомъ поэтическомъ мифѣ сохранилось воспоминаніе о древнѣйшемъ періодѣ религіозныхъ вѣрованій грековъ, когда они видѣли въ природѣ постоянную борьбу между добрыми и злыми духами, между богами свѣта и демонами тьмы, и когда самый культъ ихъ отличался еще грубымъ кровожаднымъ характеромъ.

Представленія грековъ о загробной жизни были довольно смутны, неопредѣленны. По ихъ понятіямъ, ни награды за добродѣтели, ни наказанія за прегрѣшенія не простираются обыкновенно за предѣлы земной жизни. Высочайшія награды, даруемыя богами, суть слава и долгая жизнь, соединенная со всѣми благами земными. Точно также и тяжкіе

преступники еще при жизни испытывали на себѣ мщеніе боговъ въ видѣ горя, бѣдствій и тяжелыхъ угрызений совѣсти. Только виновные въ оскорбленіи личности боговъ осуждены на вѣчныя муки въ преисподней. Тамъ надъ всѣмъ распростерта вѣчная безотрадная тьма. „Я бы предпочелъ лучше быть на землѣ поденщикомъ какого нибудь бѣдняка, чѣмъ царствовать здѣсь надъ всѣми тѣнями мертвыхъ“, говоритъ Ахиллесъ Одиссею во время посѣщенія имъ преисподней. Только люди, особенно возлюбленные богами, наслаждаются блаженствомъ въ Елисейскихъ поляхъ, на уединенномъ островѣ среди океана. Однако, и это блаженство представлялось грекамъ менѣе привлекательнымъ, чѣмъ земная жизнь.

Греки чествовали боговъ жертвоприношеніями и молитвами въ храмахъ и рощахъ, на вершинахъ горъ и на берегу моря. Для служенія каждому божеству были особые жрецы. Каждому были посвящены особые праздники, въ которые совершались торжественныя жертвоприношенія. Но жертвы богамъ могли приноситься и во всякое другое время, и право это не составляло исключительнаго достоянія жрецовъ. Вообще жрецы не составляли у грековъ отдѣльнаго замкнутаго сословія или касты, какъ на Востокѣ, и не пользовались такимъ вліяніемъ, какъ у восточныхъ народовъ.

СКАЗАНІЯ О ГЕРОЯХЪ.

Переходъ отъ мифическаго или легендарнаго времени къ историческому представляютъ сказанія о полубогахъ или герояхъ, являющихся какъ бы посредствующими звеньями между міромъ боговъ и людей.

Въ древнѣйшій періодъ Греціи, во время дикаго господства силы, когда жизнь cadaго грека была еще въ постоянной опасности отъ хищныхъ звѣрей и разбойниковъ, нѣкоторые богатыри и цари прославили себя защитою угнетенныхъ и безоружныхъ отъ всякихъ злыхъ напастей. Память о дѣяніяхъ этихъ богатырей, переходя изъ рода въ родъ, принимала все болѣе характеръ баснословныхъ преданій или мифовъ. Проявляя сверхъестественную силу въ истребленіи разныхъ чудовищъ и великановъ, богатыри, получившіе названіе героевъ, въ воображеніи позднѣйшихъ поколѣній являлись уже не простыми смертными, а полубогами, то-есть, происшедшими отъ боговъ или пользовавшимися ихъ особымъ покровительствомъ. У cadaго изъ греческихъ племенъ были свои герои. Самыми знаменитыми изъ нихъ были Гerkулесъ и Тезей. Первый былъ герой дорическаго племени, второй—іоническаго.

Гerkулесъ. Гerkулесъ былъ, по преданію, сыномъ Зевса отъ смертной женщины. Еще до его рожденія Зевсъ предназначилъ его властвовать надъ всею Арголидою. Узнавъ объ этомъ, ревнивая богиня Гера рѣшилась извести

Геркулеса и, вскорѣ по его рожденіи, подослала къ колыбели его двухъ змѣй, но онъ схватилъ и задушилъ ихъ. Но и послѣ этого во всю жизнь героя гнѣвная богиня преслѣдовала его повсюду, воздвигая ему препятствія и опасности. Такъ, она не допустила его занять предназначенный ему престоль, который и достался родственнику его Эврисею. Выросши, Геркулесъ оказалъ великія благодѣянія своей странѣ: онъ осушилъ множество болотъ и уничтожилъ множество хищныхъ звѣрей. Между тѣмъ, по настоянію Геры, Зевсъ предоставилъ Эврисею право располагать Геркулесомъ по своему произволу. Необходимость подчиниться малодушному Эврисею привела въ такое негодованіе Геркулеса, что онъ, въ припадкѣ бѣшенства, убилъ собственную жену и дѣтей. Вслѣдъ затѣмъ имъ овладѣло глубокое раскаяніе, и онъ рѣшился загладить предъ богами свое неумышленное злодѣйство полнымъ смиреніемъ и покорностью своей судьбѣ. Съ этого времени, повинувся волѣ боговъ, Геркулесъ безропотно исполнялъ всѣ возлагаемыя на него Эврисеемъ трудныя и неисполнимыя подвиги, которыхъ всѣхъ было числомъ двѣнадцать.

Прежде всего Эврисею приказалъ Геркулесу принести кожу страшнаго немейскаго льва, который жилъ въ лѣсистой долинѣ Немей и погубилъ уже множество народа. Но левъ былъ неуязвимъ, такъ что стрѣлы отскакивали отъ него, не причиняя ему вреда. Тогда Геркулесъ бросился на него съ дубиной и загналъ его въ пещеру. Левъ бросился къ нему на грудь, но Геркулесъ схватилъ и задушилъ его своими крѣпкими руками.

Второй подвигъ Геркулеса состоялъ въ уничтоженіи многоголовой лернейской гидры, страшнаго змѣя, жившаго въ болотахъ лернейскихъ и наводившаго ужасъ на всю окрестность. Геркулесъ поймалъ также живымъ эримантскаго кабана, жившаго около горы Эриманта и опустошавшаго страну. Своими стрѣлами Геркулесъ уничтожилъ хищныхъ стимфалійскихъ птицъ съ мѣдными крыльями, когтями и носами, бывшихъ ужасомъ для людей и скота. Еще много и другихъ подвиговъ совершилъ Геркулесъ. Послѣднимъ же и самымъ труднымъ подвигомъ Геркулеса было похищеніе изъ преисподней Цербера, страшнаго собаки, охранявшей входъ въ подземное царство Аида. У нея было три головы, а на спинѣ была грива изъ всякаго рода змѣй. Геркулесъ спустился въ подземное царство и, получивъ разрѣшеніе Аида взять съ собой Цербера на землю, если одолѣетъ его безъ оружія, дѣйствительно одолѣлъ и привелъ его къ Эврисею, чтобы доказать, что исполнилъ данное ему порученіе. По совершеніи назначенныхъ Геркулесу 12 подвиговъ, окончилась зависимость его отъ Эврисея. Но послѣ этого онъ по собственной волѣ совершаетъ еще цѣлый рядъ подвиговъ на пользу своего народа.

Жизнь Геркулеса заканчивается въ страшныхъ мученіяхъ, виновницей которыхъ является все та же богиня Гера. Жгучій ядъ разбѣдаетъ все его тѣло. Чтобы избавиться отъ этихъ мученій, онъ складываетъ себѣ костеръ и сжигаетъ себя на немъ. Но божественная сила, унаслѣдован-

налъ отъ Зевса, не могла погибнуть; костеръ еще горѣлъ, какъ на него спустилось облако съ громомъ и вознесло Геркулеса на небо, гдѣ онъ, примирившись съ Герою, наслаждается возлѣ отца своего Зевса вмѣстѣ съ другими богами радостями, доступными лишь небожителямъ.

Жизнь Геркулеса представляетъ собою прекрасный древній миѣ, изображающій идеаль челоуѣческаго совершенства по понятіямъ грековъ героическаго періода: величайшую тѣлесную силу вмѣстѣ съ превосходными нравственными качествами, посвященными благу своего народа.

Тезей. Одновременно съ Геркулесомъ жилъ другой герой, Тезей, сынъ царя Эгея. Еще въ юности показалъ онъ необычайную силу и храбрость, очистивъ опасную дорогу, пролежавшую черезъ Коринескій перешеекъ въ Аттику, отъ разбойниковъ, которые отличались особенно изобрѣтательностью въ истязаніи своихъ жертвъ. Тезей казнилъ каждаго изъ нихъ тѣмъ самымъ родомъ смерти, какимъ тотъ прежде губилъ людей.

Главнымъ же подвигомъ Тезея было освобожденіе Аѳинъ отъ ужасной дани, которую наложилъ на нихъ царь острова Крита Миносъ въ отмщеніе за то, что въ Аѳинахъ былъ убитъ его сынъ. Дань эта заключалась въ томъ, что аѳиняне каждыя девять лѣтъ должны были доставлять на островъ Критъ по семи красивѣйшихъ юношей и дѣвицъ, обрѣкавшихся на съѣденіе чудовищу Минотавру (съ челоуѣческимъ туловищемъ и съ бычачьею головою). Тамъ несчастныя жертвы запирались въ лабиринтъ, въ подземное зданіе со множествомъ комнатъ и съ безчисленными ходами, гдѣ Минотавръ душилъ и пожиралъ ихъ.

Въ третій разъ уже готовились аѳиняне послать назначенныхъ по жребію юношей и дѣвицъ, и весь городъ погруженъ былъ въ глубокую печаль. Но тутъ выступилъ Тезей и потребовалъ, чтобы и его включили въ число жертвъ. Напрасно отецъ и друзья умоляли Тезея отказаться отъ своего намѣренія: онъ былъ непреклоненъ, говоря, что слышалъ голосъ бога Аполлона, возвѣстившій ему, что съ помощію богини Афродиты, царицы любви, онъ одолѣетъ чудовище, а родной городъ избавитъ на-вѣки отъ постыдной, жестокой дани. Тезей отправился на островъ Критъ, и ожидаемая имъ божественная помощь, дѣйствительно, явилась ему въ лицѣ дочери Миноса Аріадны. Почувствовавъ состраданіе къ Тезею, она нашла средство его спасти. Она дала ему мечъ, чтобы поразить Минотавра, и клубокъ нитокъ, чтобы не заблудиться въ безконечныхъ переходахъ по лабиринту. Закрѣпивши нить у входа, Тезей добрался до Минотавра, умертвилъ его и тѣмъ же путемъ вышелъ изъ лабиринта. Теперь насталъ конецъ ужасной дани аѳинянамъ. Тезей съ товарищами отплылъ къ родному городу. Но вормчій забылъ выставить вмѣсто чернаго паруса бѣлый, какъ условный знакъ счастливаго исхода предпріятія, и потому когда отецъ Тезея Эгей, ждавшій на берегу возвращенія сына, увидалъ на приближавшемся уже кораблѣ черныя паруса, онъ съ отчаянія бросился въ море (Эгейское море); на престолъ же аѳинскій вступилъ Тезей, прославившійся своимъ мудрымъ правле-

ніемъ. Тезей считался, по преданію, настоящимъ основателемъ аѳинскаго государства.

Походъ Аргонавтовъ. Въ героическій вѣкъ дѣятельность эллиновъ проявлялась въ непрерывныхъ войнахъ и смѣлыхъ предпріятіяхъ не отдѣльныхъ только народныхъ героевъ, но и цѣлыхъ племенъ. Изъ этихъ предпріятій героическаго времени, въ которыхъ участвовало наибольшее число племенъ и героевъ греческихъ особенно замѣчательны: походъ Аргонавтовъ, Фиванскія войны и Троянская война.

Походъ Аргонавтовъ греки относили къ XIII вѣку до Р. X. Главнымъ героемъ этого предпріятія былъ Эзонъ, сынъ царя ѳессалійскаго. Въ ѳессаліи былъ городъ Іолкъ, основанный дѣдомъ Язона, власть котораго долженъ былъ наследовать Эзонъ, отецъ Язона; но Пелій, братъ Эзона, отнялъ у него власть надъ царствомъ Іолкскимъ. Выросши и сдѣлавшись сильнымъ юношей, Язонъ является къ Пелію требовать отцовскаго наследія. Чтобы отдѣлаться отъ опаснаго племянника, Пелій придумываетъ для него трудное предпріятіе. Язону поручается добыть золотое руно изъ Колхиды (нынѣ Грузія), гдѣ оно принесено было нѣкогда въ жертву богамъ Фриксомъ. Фриксъ и Гелла, дѣти одного беотійскаго царя и богини облакъ Нефеллы, много страдали отъ мачихи ихъ Ино. Чтобы спасти своихъ дѣтей, богиня Нефелла посадила Фрикса и Геллу на чудеснаго барана, умѣвшаго летать. На пути черезъ Дарданельскій проливъ Гелла упала въ море, названное по ея имени Геллеспонтомъ, а Фриксъ чрезъ Черное море прибылъ въ Колхиду, гдѣ царствовалъ Эеть, сынъ бога солнца. По повелѣнію боговъ, Фриксъ заклалъ здѣсь своего барана, а его золотое руно пригвоздилъ къ дереву въ рощѣ, гдѣ оно и осталось подъ стражею недремлющаго дракона. За этимъ-то золотымъ руномъ и отправились, по преданію, Аргонавты, т. е. Язонъ и его сподвижники, прозванные такъ по имени нарочно построеннаго для этого похода корабля Арго.

Всѣхъ сподвижниковъ у Язона было до 50 человекъ. Въ числѣ ихъ были герои: Геркулесъ, Тезей и др. По преданію, герои побывали на пути во всѣхъ земляхъ дѣйствительно извѣстныхъ древнимъ грекамъ или даже созданныхъ ихъ фантазіей. Послѣ многихъ походовъ и опасностей, герои приплыли въ Колхиду, здѣсь Эеть обѣщалъ выдать Язону золотое руно, если онъ сумѣетъ запретъ въ плугъ двухъ огнедышащихъ быковъ, вспахать ими часть поля, посѣять драконовы зубы и потомъ избить одѣтыхъ въ брони людей, которые выростутъ изъ этихъ зубовъ.

Дочь Эета, искусная волшебница Медея, полюбивши Язона, снабдила его средствами, помощію которыхъ онъ исполнилъ всѣ требованія царя, и когда, несмотря на это, Эеть все таки отказался выдать золотое руно, Медея усыпила дракона, взяла руно и сѣла на корабль вмѣстѣ съ Язonomъ. Послѣ долгаго странствованія достигли они наконецъ Іолка, гдѣ не нашли уже въ живыхъ Эзона. Тогда они отправились въ Коринѣ, гдѣ Язонъ, увлекшись дочерью Коринѣскаго царя, бросилъ Медею; но

она отомстила ему за это, отравивъ его невѣсту и убивъ своихъ собственныхъ дѣтей.

Древніе и новые писатели полагаютъ, что походъ Аргонавтовъ не что иное, какъ торговая экспедиція, украшенная баснословными преданіями. Золотое руно считается многими за намекъ на золотыя россыпи въ Колхидѣ или на золотой песокъ, который жители Колхиды собираютъ со дна рѣки помощью бараньихъ шкуръ.

Сказаніе о походѣ противъ Оивъ. Изъ сказаній героическаго времени, служившихъ особенно привлекательнымъ матеріаломъ для поэтическихъ произведеній, замѣчательно сказаніе о судьбѣ царя Эдипа и борьбѣ сыновей его изъ-за Оивъ. По преданію, надъ Эдипомъ и всѣмъ его родомъ тяготѣло вѣчное проклятіе. Потомуку Кадма Лаію было предсказано оракуломъ, что у него родится сынъ, который убьетъ отца, женится на матери и навлечетъ этимъ гнѣвъ боговъ на весь царскій родъ. Поэтому, когда родился у Лаіа сынъ, то онъ поручилъ пастуху бросить его на произволь судьбы. Спасенный сжалившимся надъ нимъ пастухомъ, ребенокъ, названный Эдипомъ, былъ принятъ и воспитанъ въ домѣ коринесскаго царя, какъ родной сынъ его. Когда Эдипъ выросъ, въ немъ заронились сомнѣнія относительно его происхожденія, и онъ обратился за разрѣшеніемъ ихъ къ оракулу. Оракуль посовѣтовалъ ему не возвращаться въ родительскій домъ, грозя, что, въ противномъ случаѣ, онъ сдѣлается отцеубійцей и впадетъ въ грѣхъ кровосмѣшенія. Тогда Эдипъ покинулъ Коринѣ, считая дворъ коринесскаго царя за свой родительскій домъ, и отправился въ Оивы. Дорогою встрѣчается онъ съ царемъ Лаіемъ, который грубо приказываетъ Эдипу посторониться. Эдипъ, не зная своего роднаго отца и возмущенный надменностью Лаіа, убиваетъ его и слугу. Прибывъ въ Оивы, Эдипъ спасаетъ этотъ городъ отъ страшнаго чудовища сфинска. Въ награду за это оиванцы избираютъ Эдипа царемъ, а вдова Лаіа царица Іокаста отдаетъ Эдипу руку. Много лѣтъ спустя, въ Оивахъ распространилась моровая язва. Когда о причинѣ этого бѣдствія былъ спрошенъ ясновидецъ Терезій, то онъ объявилъ, что боги караютъ оивянъ за то, что они возвели на престолъ отцеубійцу, женатаго на родной матери. Тогда Іокаста сама налагаетъ на себя руки, Эдипъ выкалываетъ себѣ глаза, и оиванцы изгоняютъ его изъ страны. По другому преданію, Эдипъ былъ изгнанъ своими сыновьями Этеокломъ и Полиникомъ. Тогда слѣпой старецъ, проклявъ своихъ сыновей, отправляется въ Аттику въ село Колонъ, ведомый за руки своими дочерьми Антигоною и Исменою, и тамъ кончаетъ свои дни.

Судьба, преслѣдовавшая Эдипа, преслѣдовала и весь его родъ. Надъ сыновьями Эдипа скоро осуществилось проклятіе отца. Оба брата условились править городомъ по очереди, каждый въ теченіи одного года. Но Этеоклъ не исполнилъ этого договора. Тогда Полиникъ отправился къ Адрасту, владѣтелю Аргона и Сибіона, и просилъ его о

мощи. Адрасть гостеприимно принялъ Полиника, выдалъ за него дочь и общалъ ему вооруженную помощь для возвращенія Оивъ. Несмотря на неблагоприятныя предзнаменованія, семь аргивскихъ героевъ отправились въ походъ противъ Оивъ. Но начатая ими осада Оивъ, по волѣ Зевса, оказалась неудачной. Тогда обѣ стороны согласились рѣшить войну поединкомъ между двумя братьями. И вотъ завязывается между ними борьба, оканчивающаяся смертію обоихъ. За этимъ слѣдуетъ страшная битва, въ которой оиванцы убиваютъ лучшихъ изъ аргивскихъ героевъ. Но смерть аргивскихъ героевъ не могла оставаться не отомщенной. Потомки ихъ, эпигоны, при благоприятныхъ предзнаменованіяхъ пошли войною на Оивы, чтобы отмстить за смерть своихъ отцевъ, и, хотя они выступили противъ Оивъ съ меньшею силой, все-таки взяли приступомъ семивратный городъ.

Въ сказаніи о трагической судьбѣ Эдипа и всего его рода выражено религиозное вѣрованіе древнихъ грековъ въ зависимость людей отъ судьбы, опредѣленій которой никому избѣжать невозможно.

Троянская война. На сѣверо-западномъ берегу Малой Азіи, къ югу отъ Геллеспонта (Дарданеллы), на прекрасной равнинѣ стоялъ городъ Троя или Иліонъ. Жители Трои, единоплеменные съ эллинами, находились съ ними въ постоянной враждѣ, которая особенно проявилась во время троянской войны, продолжавшейся десять лѣтъ (1194—1184 до Р. Х.). Про эту войну и про участвовавшихъ въ ней героевъ сложено много прекрасныхъ пѣсень, извѣстныхъ подъ именемъ Иліады и приписываемыхъ поэту Гомеру.

Причиною троянской войны было похищеніе сыномъ троянскаго царя Пріама Парисомъ прекрасной Елены, жены спартанскаго царя Менелая.

Разказы о троянской войнѣ замѣчательны тѣмъ, что въ ней, какъ вѣрили греки, принимали постоянное участіе сами олимпійскіе боги, и вотъ какъ рассказываютъ они о самомъ происхожденіи войны.

Однажды во время пиршества боговъ по случаю бракосочетанія ессалийскаго царя Пелея съ богинею морскою Фетидою, богиня раздоровъ Эрида, оскорбленная тѣмъ, что ее на пиршество не пригласили, рѣшилась разстроить веселье боговъ, поселивъ раздоръ между ними. Она бросила золотое яблоко съ надписью „прекраснѣйшей“. Три прекраснѣйшія богини—Гера, Афина и Афродита изъявили притязаніе на первенство въ красотѣ и обратились за разрѣшеніемъ къ Зевсу. Не желая ссориться ни съ одною изъ нихъ, Зевсъ отослалъ ихъ за разрѣшеніемъ спора къ прекраснѣйшему изъ смертныхъ Парису. Парисъ отдалъ яблоко раздора Афродитѣ и такимъ образомъ призналъ первенство за нею. Въ награду за это Афродита общала ему прекраснѣйшую женщину въ мірѣ: Гера же и Афина съ тѣхъ поръ старались жестоко мстить Парису и Троѣ.

Прекарянѣйшею изъ смертныхъ была въ то время жена спартанскаго царя Менелая Елена. Къ ней-то Афродита и проводила Париса. Въ

Спартъ Парисъ былъ гостепріимно принятъ Менелаемъ, но онъ употребилъ во зло оказанное ему, по обычаю, гостепріимство: во время отсутствія Менелая похитилъ онъ Елену и отправился съ нею въ Трою. Въ лицѣ Менелая сочли себя оскорбленными всѣ греки, и давно уже питая вражду къ Троѣ, они рѣшились наказать за проступокъ Париса весь городъ. Сильнѣйшіе изъ греческихъ царей собрали огромное войско, снарядили огромный флотъ и отправились противъ Трои. Главнымъ вождемъ былъ царь микенскій Агамемномъ „пастырь народовъ“. Греки три раза пытались приступомъ взять городъ, но крѣпкія стѣны его были неприступны. Тогда греки вытащили свои корабли на берегъ и расположились лагеремъ возлѣ нихъ. Обширная поляна, раздѣлявшая лагерь и городъ, служила мѣстомъ стычекъ отдѣльныхъ отрядовъ. Тутъ битвы рѣшались главнымъ образомъ вождями, которые сражались впереди своихъ дружинъ или съ колесницы, или спрыгнувши съ нея на землю. Главнымъ оружіемъ было копье, которое метали въ непріятеля, затѣмъ пращи или просто каменя, наконецъ въ рукопашной схваткѣ мѣдныя обоюдоострые мечи. На головѣ воина былъ надѣтъ шлемъ, на лѣвой рукѣ щитъ, на груди — панцырь.

Ахиллесъ и Гекторъ. Изъ всѣхъ греческихъ героевъ предъ Троею особенно прославился Ахиллесъ, сынъ ессалійскаго царя Пелея и богини Ѡетиды. Съ своею дружиною онъ разграбилъ 12 городовъ троянскихъ по берегамъ и почти столько-же внутри страны, возвращаясь каждый разъ изъ своихъ походовъ съ богатою добычей. Еще болѣе отличался онъ въ открытомъ бою съ непріятелемъ: отъ меча его палъ не одинъ изъ мужественныхъ сыновей Приама. Только еще на старшаго сына Приама Гектора возлагала надежды свои Троя. Изъ Трои вовсе не рѣшались дѣлать вылазки, если знали, что Ахиллесъ въ лагерѣ. Перевѣсъ сталъ склоняться на сторону троянцевъ лишь тогда, когда Ахиллесъ, поссорившись съ другимъ знаменитымъ вождемъ Агамемномомъ, царемъ города Микены, отказался принимать дальнѣйшее участіе въ войнѣ. Тогда, по просьбѣ матери Ахиллеса, богини Ѡетиды, Зевсъ обѣщаль давать побѣду троянцамъ надъ греками до тѣхъ поръ, пока сынъ ея не получитъ удовлетворенія отъ Агамемнона.

Опять послѣдовалъ рядъ кровавыхъ битвъ. Благодаря волѣ боговъ и мужеству Гектора, главнаго вождя троянъ, они каждый разъ оставались побѣдителями. Греки такъ много уже потеряли, что поправить дѣло могъ развѣ Ахиллесъ; но всѣ попытки Агамемнона и другихъ царей склонить его къ участію въ битвахъ оставались безуспѣшными.

Уже троянскія войска осадили укрѣпленный греческій лагерь, добрались до кораблей и зажгли крайній изъ нихъ. Въ этомъ крайнемъ положеніи выступилъ на защиту грековъ другъ Ахиллеса Патроклъ. Уже успѣлъ было онъ обратитъ въ бѣгство троянъ и даже самого Гектора, но тутъ богъ Аполлонъ внушилъ Гектору вернуться и снова начать бой. Завязалась жаркая схватка, въ которой Гекторъ съ помощію Апол-

лона одолѣлъ Патрокла. Съ паденіемъ его, сраженіе было проиграно для грековъ.

Глубокая скорбь овладѣла всѣмъ существомъ Ахиллеса, когда за свре нежеланіе помочь грекамъ онъ лишился дорогаго друга своего. Когда въ палатку Ахиллеса принесли трупъ Патрокла, обезображенный копьями враговъ, онъ съ громкими воплями бросился на землю, черною пылью посыпалъ свою голову, лицо и платя. Одно только чувство наполняло теперь душу Ахиллеса—это мщеніе Гектору за смерть убитаго имъ друга. Это чувство мести заставило его даже забыть вражду къ Агамемнону и помириться съ нимъ, чтобы только скорѣе дать битву троянцамъ и уничтожить врага своего. Въ этой битвѣ должна была рѣшиться участь Трои. Вотъ уже Ахиллесъ, истребивъ множество троянцевъ, гонить предъ собою остальное бѣгущее войско, которое находитъ спасеніе за стѣнами Трои. Предъ городскою стѣною остается одинъ Гекторъ въ твердомъ рѣшеніи побѣдить или пасть. Но когда завидѣлъ онъ своего смертельнаго врага Ахиллеса, храбрость измѣнила ему. Онъ пустился бѣжать вдоль крѣпостной стѣны, а за нимъ быстرونогій Ахиллесъ. Такъ обѣжали они оба трижды кругомъ Приамовъ городъ. Наконецъ Гекторъ остановился, и завязался поединкомъ, въ которомъ Ахиллесъ, съ помощію богини Аѣины, нанесъ Гектору смертельный ударъ. Предъ смертью, уже едва дыша, Гекторъ заклиналъ Ахиллеса не отдать трупа его на поруганіе, а отправить въ Илліонъ, чтобы трояне похоронили его. Но неумолимый Ахиллесъ не склонился на просьбы умирающаго врага. Онъ привязалъ трупъ его къ колесницѣ и потянулъ его въ свой лагерь, чтобы бросить его на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Когда увидѣли это со стѣны трояне и особенно отецъ и мать Гектора, несказанное горе и отчаяніе овладѣли ими.

Въ темную ночь отправился Приамъ съ богатымъ выкупомъ за трупъ Гектора къ палаткѣ Ахиллеса. Приблизившись къ нему, Приамъ бросился къ ногамъ его, сталъ цѣловать его руки и молить о возвращеніи дорогаго трупа. Глубоко тронутый этимъ, Ахиллесъ вспомнилъ о своемъ погибшемъ другѣ и объ отцѣ своемъ, котораго ему, можетъ быть, не суждено болѣе видѣть, самъ зарыдалъ, поднялъ лежавшаго у ногъ его убитаго горемъ старца, и сталъ его утѣшать. Послѣ этого онъ велѣлъ вымыть трупъ Гектора, намазалъ его мазями, одѣлъ и самъ положилъ на колесницу. Для похоронъ Гектора далъ Ахиллесъ троянцамъ нѣсколько дней перемирія. Но скоро пробилъ и часъ Ахиллеса. Когда возобновилась битва, Ахиллеса поразила смертельная стрѣла, пущенная Парисомъ, которымъ руководилъ богъ Аполлонъ.

Взятіе Трои хитростью Одиссея. Но вотъ погибли уже сильнѣйшіе изъ героевъ греческихъ; было сдѣлано все, что только могла сдѣлать сила противъ Трои, а Троя все-таки стояла крѣпко. Уже девять лѣтъ безуспѣшно продолжалась осада; наконецъ на десятомъ году греки хитростью овладѣли Троей.

По совѣту хитроумнаго Одиссея, царя острова Итаки, греки постро-

или большаго деревяннаго коня, внутри котораго спрятались храбрѣйшіе изъ нихъ, а остальное греческое войско сѣло на корабли и отплыло за ближайшій островъ, показывая видъ, что отправляется въ обратный путь. Трояне, не подозрѣвая хитрости, втащили коня въ городъ, чтобы сохранить его какъ даръ, посвященный богинѣ Аѳинѣ Палладѣ, по увѣренію одного грека, добровольно оставшагося по удаленіи греческаго войска. Ворота оказались для коня слишкомъ тѣсны, и потому разломана была часть городской стѣны. Когда конь былъ поставленъ въ городъ, трояне на радости, что война кончилась, предались безмѣрному веселью. Съ наступленіемъ ночи, греки, запертые во внутренности коня, вышли оттуда и вмѣстѣ съ возвратившимся съ кораблей войскомъ опустошили Трою. Испуганные трояне сражались съ отчаяніемъ, но почти всѣ погибли. Пріамъ и большая часть троянцевъ погибла въ бою или при разрушеніи города, остальные были осуждены на тяжкое рабство. Только немногіе изъ троянцевъ спаслись бѣгствомъ, какъ напр., Эней, удалившійся въ Италію. Но и побѣдители подверглись разнымъ несчастіямъ. Агамемнонъ, по возвращеніи на родину, былъ убитъ по проискамъ невѣрной жены своей Клитемнестры, а Одиссей десять лѣтъ скитался по морю, заносимый бурями въ различныя земли, пока не пришлось ему снова свидѣться съ вѣрною женой Пенелопею и сыномъ Телемакомъ и очистить домъ свой отъ дерзкихъ жениховъ, которые въ его отсутствіи тщетно домогались руки Пенелопы и расхищали его добро.

Странствованія Одиссея и баснословныя приключенія его рассказаны въ поэмѣ Одиссеѣ, которая, подобно Иліадѣ, считалась произведеніемъ Гомера.

Значеніе греческихъ мифовъ для поэзіи и искусства. Ближайшее знакомство съ главнѣйшими греческими мифами важно въ особенности по тому значенію, какое имѣли они для поэзіи и искусства грековъ какъ въ ранній, такъ и въ самый цвѣтущій періодъ развитія греческой культуры.

Какъ народныя сказанія грековъ о происхожденіи міра и людей и о борьбѣ древнихъ боговъ съ позднѣйшими послужили матеріаломъ Гезіоду для его «Теогоніи», такъ герои троянской вѣны были въ продолженіи многихъ вѣковъ предметомъ пѣснопѣвній странствующихъ пѣвцовъ или рапсодовъ, а изъ этихъ пѣсенъ образовались впоследствии замѣчательнѣйшія произведенія національнаго греческаго эпоса: Иліада и Одиссея. Описание похода Аргонавтовъ служило предметомъ поэтическихъ произведеній во всѣ періоды греческой литературы для всякаго рода поэтовъ. Еще до Гомера сказаніе это было привлекательнымъ матеріаломъ для пѣснопѣвній. И въ позднѣйшую эпоху развитія греческой литературы для лучшихъ греческихъ поэтовъ сказанія о богахъ и герояхъ служили сюжетами для лучшихъ поэтическихъ произведеній. Походъ Аргонавтовъ былъ воспѣтъ замѣчательнѣйшимъ греческимъ лирикомъ Пиндаромъ, рэвизка сказанія о походѣ Аргонавтовъ послужила темою для одного изъ замѣчательныхъ греческихъ трагиковъ Эврипида въ его трагедіи «Медея». Поэтический мифъ о Прометѣѣ легъ въ основу «Прикованнаго Прометея», произведенія другаго изъ замѣчательнѣйшихъ трагиковъ, Эсхила. Сказанія о злополучной судьбѣ Эдипа и о египетскихъ войнахъ составляютъ основу нѣсколькихъ замѣчательнѣйшихъ трагедій Эсхила и Софокла, величайшихъ изъ греческихъ трагиковъ. Таковы: «Семеро противъ Фивъ» Эсхила, «Эдипъ царь» и «Эдипъ въ Колонѣ» Софокла. Вообще для лучшихъ гре-

ческих поэтов мнѣшескія лица были живыми дѣйствительными предшественниками историческихъ лицъ, только считались выше послѣднихъ, такъ какъ они принадлежали не къ человѣческой дѣйствительности, а къ дѣйствительности боговъ и героевъ. Замѣчательный лирикъ Пиндаръ вѣрилъ въ чудесное и сверхъестественное. Съ возвышеннымъ энтузіазмомъ передаетъ онъ самыя невѣроятныя сказанія о древнихъ герояхъ. Замѣчательнѣйшіе греческіе трагики одушевлены такою же вѣрою въ мнѣшеское прошлое Греціи. Эсхилъ и Софокль не только сохранили въ своихъ произведеніяхъ мнѣшескіе образцы, но еще возвысили достоинство мнѣшескаго времени.

Вообще говоря, душою греческой трагедіи была вѣра и глубокое уваженіе къ духу мнѣологии. Только исходя изъ убѣжденія въ истинности основныхъ мотивовъ древней мнѣологии, греческіе трагики могли считать себя вправѣ измѣнять подробности въ мнѣяхъ и даже пересоздавать ихъ, чѣмъ не мало способствовали выработкѣ греческой мнѣологии.

Точно такъ же, какъ поэзія, такъ и искусство греческое черпало большую часть свое содержаніе изъ богатаго запаса поэтическихъ сказаній эллиновъ о богахъ и герояхъ.

Уже древнѣйшіе памятники греческаго искусства, дошедшіе до насъ, представляютъ намъ изображеніе героевъ троянской войны, а также Геркулеса, Тезея и другихъ древнѣйшихъ богатырей. Важнѣйшимъ памятникомъ архаической школы, т. е. древнѣйшей школы греческаго искусства, служатъ такъ называемыя эгинскіе мраморы. Подъ этимъ именемъ разумѣются 17 мраморныхъ статуй, найденныхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія на островѣ Эгинъ, въ развалинахъ одного храма. Статуи эти представляютъ лица изъ троянской войны.

Въ послѣдующія столѣтія искусство все болѣе и болѣе основалось съ мнѣшескою областію. Замѣчательнѣйшими произведеніями скульптуры и зодчества самаго цвѣтущаго времени Аѣны были статуи и храмы въ честь богини Аѣны, покровительницы Аттики. Древніе герои Прометей, Геркулесъ, Тезей высѣчены рѣзцомъ знаменитѣйшаго аѣнскаго ваятеля Фидія. Стихи Гомера вдохновляли его, и по нимъ создалъ онъ свою несравненную статую Зевса Олимпійскаго. На подножій трона Зевса изображены имъ битвы Тезея и Геркулеса съ немейскимъ львомъ и освобожденіе Геркулесомъ прикованнаго къ скалѣ Прометея. Знаменитѣйшій греческій живописецъ Полигнотъ изобразилъ своей кистью на стѣнахъ одного изъ портиковъ въ аѣнскомъ акрополѣ сцены изъ троянской войны и изъ сказанія о Тезевѣ. Вообще сильное развитіе греческаго искусства, особенно же пластики, находилось въ прямой связи съ развитіемъ греческой мнѣологии.)

ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ ПО ГОМЕРУ.

Во главѣ каждого изъ многочисленныхъ мелкихъ греческихъ государствъ стоялъ царь (*basileus*), въ которомъ личныя достоинства соединены были съ наследственнымъ правомъ. Царская власть была наследственна въ извѣстномъ родѣ, такъ какъ она считалась божественнымъ учрежденіемъ: цари, по понятіямъ грековъ, первоначально поставлены

Зевсомъ, и сами происходили или отъ Зевса, или отъ другихъ боговъ (διογενές). Не разъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ высказывается убѣжденіе, что сынъ долженъ наследовать отцу въ управленіи страпой; если сыновей нѣсколько, то предпочтеніе отдается первородному. Существованіе нѣсколькихъ равноправныхъ царей считалось политическимъ зломъ. Такъ Гомеръ, между прочимъ, говоритъ: „Въ многоначаліи нѣтъ добра: одинъ Зевсъ на Олимпѣ—одинъ царь долженъ быть на землѣ“. Но, кромѣ наследственнаго права, отъ царя требовались всегда личныя заслуги и даровитость. Гомерическіе цари мужественны въ полѣ, мудры въ думѣ и краснорѣчивы на вѣчѣ; они одарены тѣлесной силой и дѣятельностью болѣе прочихъ людей; дряхлый царь Лаэртъ на островѣ Итакѣ еще при жизни уступилъ престолъ своему сыну. Главною и священнѣйшею обязанностью царя было чинить судъ и расправу и защищать своихъ подданныхъ отъ насилій и произвола. Изъ Иліады и Одиссеи видно, что отправленіе правосудія было такою обязанностью, которая преимущественно давала царю случай снискать себѣ любовь и уваженіе народа. На царяхъ лежала обязанность предводительствовать войскомъ. Изъ Иліады видно, что во главѣ войска стоялъ царь и что каждый царь предводительствуетъ тѣмъ отрядомъ, который выставленъ его народомъ. Къ обязанностямъ царя принадлежало также совершеніе обряда тѣхъ жертвоприношеній, которыя имѣли государственный характеръ, потому что царь находился къ своимъ подданнымъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ отецъ семейства къ своимъ домочадцамъ.

Для поддержанія своего достоинства и положенія цари нуждались въ значительныхъ матеріальныхъ средствахъ. Средства эти получали они какъ отъ своей частной собственности, такъ и отъ государственныхъ имуществъ, а также отъ различныхъ податей и добровольныхъ приношеній народа. На войнѣ царю отдавалась значительная часть добычи, какъ его почетная доля (γέρας); на жертвенныхъ и другихъ общественныхъ трапезахъ, кромѣ почетнаго мѣста, царю отдавались также лучшіе куски, и кубокъ его наливался полнѣе, чѣмъ кубки другихъ гостей. Внѣшнихъ знаковъ царскаго достоинства въ одеждѣ и украшеніяхъ не было. Нигдѣ въ Иліадѣ и Одиссеѣ не говорится о діадемахъ, коронахъ или тому подобныхъ украшеніяхъ. Одинъ только скипетръ считался отличительнымъ знакомъ царскаго достоинства, и потому цари называются скиптроносцами (σκιπτρούχι). Внѣшнимъ знакомъ царскаго достоинства были шедшіе, впереди ихъ герольды. Царя окружало ограниченное число вождей или старѣйшинъ, которые подобно ему вели свой родъ отъ боговъ и героевъ, назывались царями (βασιλῆες), имѣли наследственный почетъ и отличались доблестью. Общественное положеніе этихъ вождей по отношенію къ массѣ народа считалось также отличіемъ, какъ бы дарованнымъ отъ боговъ, и пользующимся ихъ покровительствомъ. Будучи первоначально предводителями дружинъ, вожди эти во времена Гомера вступили относительно народа въ права прежнихъ родоначальни-

ковъ или старшинъ; народъ (λαός) повиновался имъ, какъ владыкамъ, и въ этомъ смыслѣ они носили названіе старцевъ или, вѣрнѣе, старѣйшинъ (γέροντες).

Геронты составляли совѣтъ или думу царя (βουλή), участвовали въ обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ. Какъ предсѣдатели совѣта, цари имѣли эпитетъ βουλευφόροι. Самой обыкновенной формой совѣщанія было совѣщаніе за общей трапезой въ царскомъ дворцѣ.

Въ томъ случаѣ, когда царь не могъ лично участвовать въ войнѣ по болѣзни, или по причинѣ преклонныхъ лѣтъ, онъ назначалъ вмѣсто себя кого-либо изъ вождей, геронтовъ. Точно также геронты принимали участіе въ отправленіяхъ судебной власти.

Когда нужно было огласить рѣшеніе, состоявшееся въ царскомъ совѣтѣ или принять какую-либо особенно важную мѣру, то, по предложенію царя, созывалось народное собраніе (ἀγορά). Примѣръ этому мы находимъ въ первой части Илиады, гдѣ Ахиллесъ созываетъ все войско для обсужденія средствъ къ умилостивленію боговъ, поразившихъ греческій станъ моровой язвой.

Созваніе народного собранія поручалось глашатаямъ (герольдамъ). На мѣстѣ собранія (обыкновенно вблизи царскаго дворца или на площади), устраивались, вѣроятно, скамьи для собранія. Желавшій говорить вставалъ съ своего мѣста и бралъ у глашатая жезлъ. Но право говорить къ народному собранію принадлежало однимъ благороднымъ. Правильной подачи голосовъ не было: народное собраніе выражало свое одобреніе или порицаніе беспорядочными громкими кривами, которые Гомеръ уподобляетъ бурнымъ волнамъ моря. Но народное собраніе состояло не изъ всѣхъ жителей того или другаго греческаго города и государства, а лишь изъ свободныхъ гражданъ, занимавшихся обыкновенно земледѣліемъ или ремеслами: плотничнымъ, кузнечнымъ, кожевеннымъ и т. п. У этихъ простыхъ свободныхъ гражданъ (δημιουργοί) были въ личной собственности небольшіе участки земли. Но большая часть земли еще не была обрабатываема и употреблялась какъ пастбище, такъ какъ скотоводство было главнымъ источникомъ богатства. Свободные же, но безземельные граждане, оеты, шли въ услуженіе къ богатымъ за извѣстную плату и на извѣстное время. Эти оеты находились въ очень бѣдственномъ положеніи, такъ какъ они были совершенно предоставлены произволу своихъ господъ. Кромѣ знатныхъ и простыхъ гражданъ, было въ каждомъ греческомъ государствѣ очень много рабовъ. Они обрабатывали земли богатыхъ гражданъ, пасли ихъ стада. Положеніе ихъ было не особенно тяжело. При отсутствіи образованія и при простотѣ нравовъ, рабы немногимъ отличались отъ господъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, взятые на войнѣ, были знатнаго происхожденія. Нѣкоторые рабы, именно пастухи, даже считались какъ бы членами семьи, такъ какъ имъ ввѣрялся главный предметъ богатства господина.

Гораздо тяжелѣе было положеніе рабынь или невольницъ, съ кото-

рыми и обращались строже. На нихъ лежали самыя тяжелыя, изнурительныя работы дома; онѣ носили воду, мололи муку въ ручныхъ мельницахъ, или же толкли ее въ ступѣ. Тяжкое положеніе рабыни умѣрялось только сообществомъ госпожи дома и ея дочерей. Рабыни обыкновенно ткали и пряли вмѣстѣ съ госпожею: Елена и Пенелопа славились своимъ прилежаніемъ въ этой работѣ. Дочери Келея, царя элевсинскаго, ходили сами съ ведрами къ колодцу, а Навсикая, дочь Алкиноя, царя Феаковъ, помогала своимъ рабынямъ мыть платье.

Несмотря на такія работы, положеніе свободной женщины въ гомерическое время не было вовсе стѣснительнымъ: женщины не содержались въ затворничествѣ, какъ на Востоку, и пользовались значеніемъ въ семьѣ. Существовалъ еще, правда, обычай устраивать браки, покупая невѣсту у родителей за большіе подарки, не спрашивая ея согласія; но если дѣвушка, вышедшая замужъ, отличалась преданностью мужу и заботливостію о дѣтяхъ, то она пользовалась большимъ вліяніемъ въ семьѣ и уваженіемъ въ обществѣ. Женщина имѣла облагораживающее вліяніе на семью. Высоко уважались и восхвалялись рапсодами женскія добродѣтели, какъ напр. нѣжная любовь Андромахи, супружеская вѣрность Пенелопы и т. п.

Родственныя связи имѣли въ то время тѣмъ больше силы, что отсутствіе общественной безопасности заставляло искать защиты и поддержки у родныхъ. Вслѣдствіе этого же отсутствія общественной безопасности, отъ котораго особенно страдали инородцы, гостепріимство считалось у грековъ священной обязанностью: странникъ, укрывающійся отъ преслѣдованія враговъ или нуждающійся въ безопасности, вездѣ находилъ пріютъ и угощеніе, ибо самъ Зевсъ считался покровителемъ ситальцевъ.

Образъ жизни грековъ отличался вообще чрезвычайною простотою. Земледѣліе и скотоводство составляли главное занятіе. Торговлей почти никто не занимался. Въ періодъ героической Греціи она была дѣломъ однихъ почти финикіянъ. Въ Одиссеѣ финикіяне являются „какъ хитрые гости морей; они привозятъ грекамъ мелочи всякой въ своемъ кораблѣ чернобокомъ“. Деньги въ то время еще не были извѣстны, и торговля была мѣновая. Такъ, финикіяне привозили разные наряды и украшенія, прекрасныя ткани, золото, электръ или янтарь и слоновую кость; взаменъ же получали кожу, шерсть и рабовъ. Въ героическое время серебро и желѣзо были очень рѣдки, у Гомера серебро едва извѣстно. Всѣ драгоценныя вещи дѣлались изъ золота и электра; оружіе же дѣлалось изъ мѣди, которую тогда умѣли закаливать. Все вооруженіе героевъ троянской войны, сражающихся съ колесницъ, и пѣшихъ воиновъ ахейскихъ сдѣлано изъ „безжалостной мѣди“. Изъ металлическихъ вещей Гомеръ съ похвалою упоминаетъ о треножникахъ, кубкахъ, панцыряхъ, щитахъ, частію греческаго издѣлія, частію привозныхъ. Къ собственнымъ издѣліямъ грековъ принадлежали деревянныя сусуды и ме-

бель, ларцы съ наборною работою изъ золота, слоновой кости и янтаря. Однимъ изъ главныхъ средствъ къ приобрѣтенію богатствъ была война. Но какъ по способу сраженія, такъ и по роду оружія войны героическаго періода рѣзко отличались отъ войнъ послѣдующаго историческаго періода. Герои Иліады и Одиссеи употребляли копья, какъ метательное оружіе, которое они съ неимовѣрною силою бросали въ непріятеля; у каждаго изъ нихъ была своя колесница, запряженная парюю коней съ особеннымъ возничимъ; на ней они выѣзжали вскачь, далеко впередъ отъ своихъ воиновъ и бросали копье въ выѣхавшаго также впередъ героя непріятеля; иногда они соскакивали съ колесницы и вступали въ рукопашный бой, употребляя въ дѣло то длинный мечъ, то короткій кинжалъ; но колесница всегда оставалась вблизи ихъ, чтобы увести ихъ изъ пылу битвы. Пѣхота грековъ и троянъ была мало въ состояніи дать отпоръ разѣзжающимъ на колесницахъ героямъ; въ битвахъ пѣшіе воины не сохраняютъ строя, бросаютъ свои копья не въ одно время и порознь нападаютъ на непріятельскихъ воиновъ.

Искусство осады городовъ было еще въ героическое время мало извѣстно грекамъ. Десять лѣтъ осаждали греки Трою и ничего не могли сдѣлать, пока Троя не была взята хитростью посредствомъ деревяннаго коня. Гостепріимные къ чужеземцамъ у себя дома, древніе греки были безпощадны къ нимъ на войнѣ. Въ Иліадѣ грубая жестокость приписывается иногда самымъ прославленнымъ героямъ безъ видимаго неодобренія. Ахиллъ закалываетъ 12 плѣнныхъ троянъ надъ могилою Патрокла, а сынъ его Неоптолемъ не только умерщвляетъ сѣдовласаго Приама, но и схватываетъ за ногу малолѣтнаго Гектора сына и сбрасываетъ его съ одной изъ башенъ Трои.

О морскихъ битвахъ Гомеръ не упоминаетъ вовсе, и это понятно, если принять во вниманіе слабое развитіе мореплаванія и кораблестроенія у грековъ въ героическое время. На своихъ небольшихъ судахъ, приводимыхъ въ движеніе большею частію веслами, а не парусами, греки не отваживались даже пускаться въ открытое море, а держались постоянно береговъ; посѣщали съ большею смѣлостью только Эгейское море, усѣянное множествомъ острововъ. Даже свѣдѣнія грековъ о Черномъ морѣ были въ то время очень сбивчивы. Сицилію же и южную Италію знали они только по наслышкѣ. Вообще въ отношеніи знаній Греція находилась еще въ то время въ періодѣ дѣтства. Что касается поэзіи и искусства въ героическій періодъ, они достигли уже въ то время высокаго совершенства, доказательствомъ чему служатъ самыя произведенія Гомера. Архитектура, какъ видно изъ Гомера, успѣла до нѣкоторой степени сложиться; у него говорится о многихъ горахъ, окруженныхъ стѣнами съ башнями и воротами, о храмахъ и царскихъ дворцахъ, построенныхъ изъ камня, со множествомъ большихъ комнатъ. Но изяществомъ эти постройки не отличались, а поражали болѣе массивностію своихъ размѣровъ. Не болѣе архитектуры развита была въ то время и

скульптура, которая въ Греціи, какъ и вездѣ, находилась въ самой тѣсной связи съ религіей и началась съ приготовленія идоловъ. Въ древнѣйшій періодъ статуи греческія напоминаютъ еще, по своему характеру, египетскія: боговъ изображали вначалѣ съ сомкнутыми ногами, съ прижатыми къ туловищу руками и съ рѣсницами, опущенными внизъ, какъ бы въ полусонномъ видѣ. Но во время Гомера греческая статуя приняла уже болѣе естественныя и изящныя позы: изъ Гомера видно, что дворцы царей въ то время украшались изваяніями людей и животныхъ. У дворца Алкиноя серебряныя псы стерегутъ входъ и золотые юноши держатъ передъ нимъ факелы. Бронзовыя же и особенно мраморныя статуи стали появляться гораздо позже Гомера. Живопись также была уже извѣстна во время Гомера, какъ это видно изъ описанія Акиллеова щита. Музыка и поэзія играли очень важную роль въ жизни воинственныхъ эллиновъ и были неразлучны съ ихъ пирами, праздниками и военными предпріятіями. Музыкальными инструментами героическаго періода были лира, флейта и рожокъ; четырехъ или семиструнная лира была инструментомъ поэтовъ и пѣвцовъ. Предметомъ пѣсенъ служили военные подвиги жившихъ или умершихъ героевъ, особенно же героевъ троянской войны. Пѣсни эти слагались особыми странствующими пѣвцами или рапсодами, которые декламировали ихъ, и такимъ образомъ передавались отъ одного поколѣнія къ другому. Изъ такихъ-то пѣсенъ и сложились мало-по-малу замѣчательнѣйшія греческія поэмы Иліада и Одиссея. Въ Одиссеѣ эти рапсоды являются уже особымъ сословіемъ (аοιδы), пользующимся большимъ почетомъ. Пѣвцы увеселяютъ и украшаютъ народныя праздники и восхищаютъ пирующихъ гостей въ царскихъ чертогахъ. На островѣ Итакѣ, у царя Алкиноя, рапсодъ ежедневно поетъ за царскимъ столомъ. И сами цари, и герои иногда соединяли съ воинскою доблестію искусство пѣснопѣнія и музыки. Когда послы Агамемнона приходятъ въ шатеръ Ахилла, они „видятъ, что сердце свое услаждаетъ онъ лирою сладкой; лирой онъ духъ услаждалъ, воспѣвая славу героевъ“. Искусство пѣснопѣнія, какъ божественный даръ, вело свое начало, по понятіямъ грековъ, отъ Аполлона, покровителя всѣхъ музъ, или отъ самого Зевса. Сами безсмертныя боги сообщали пѣвцамъ ихъ даръ пѣснопѣнія, укрѣпляя въ нихъ силу памяти и внушали истинное пониманіе минувшихъ событій. Вотъ почему Иліада и Одиссея получили характеръ священныя пѣсенъ.

Гомеръ и различныя мнѣнія объ образованіи гомеровыхъ поэмъ. Прежде чѣмъ эпическая поэзія могла проявиться въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ, она должна была долго вырабатывать свое содержаніе и свою форму въ короткихъ богатырскихъ пѣсняхъ. Но о творцахъ этихъ богатырскихъ пѣсенъ или народныхъ греческихъ поэтахъ не сохранилось никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, такъ какъ Гомеръ затмилъ ихъ своими безсмертными произведеніями.

Но кто такой былъ Гомеръ? Къ какому времени отнести его? Какія произведенія могутъ быть ему приписаны? На всѣ эти вопросы у самихъ грековъ существовали самыя разнорѣчныя мнѣнія. Множество греческихъ городовъ спо-

рили о чести считаться иѣсторическимъ Гомера. Наибольѣ вѣроятнo предположеніе, что родиною Гомера былъ городъ Смирна, или-же о. Хиосъ. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ долгое существованіе на о. Хиосѣ замкнутаго товарищества гомеридовъ, которое почитало Гомера за своего родоваго героя и тщательно сохраняло и передавало въ своей средѣ искусство исполненія его пѣсень. По мнѣнію однихъ, Гомеръ жилъ около времени троянской войны; по мнѣнію другихъ—пятью вѣками позже. Всего вѣрнѣе предположеніе, по которому Гомеръ жилъ около половины X в. до Р. Хр. Что касается произведеній Гомера, то еще нѣкоторые греческіе критики раздѣляли Илиаду и Одиссею и утверждали, что обѣ поэмы не могутъ быть произведеніемъ одного и того-же автора. Между тѣмъ общее народное мнѣніе грековъ приписывало Гомеру, кромѣ этихъ двухъ поэмъ, еще множество другихъ.

Гомерическія пѣсни имѣли огромное вліяніе на развитіе и образованность грековъ. Гомерово іонійское нарѣчіе сдѣлалось исключительнымъ языкомъ эпоса для послѣдующихъ эпиковъ. Лирическіе и драматическіе поэты, относительно языка и способа выраженія, также считали для себя образцомъ Гомера. Гомеровы пѣснопѣнія стали народною книгою эллиновъ: они почитались источникомъ права и исторіи, началомъ поэзіи и науки. Илиада и Одиссея составляли первую книгу для обученія каждаго ребенка; съ малолѣтства заучивались они уже вслухъ и въ юношахъ пробуждали благородныя стремленія и патріотическія чувства. На большихъ религиозныхъ и народныхъ празднествахъ пѣсни Илиады и Одиссея распѣвались особыми рапсодами. Въ честь Гомеру воздвигались алтари, храмы и статуи, и самъ онъ сталъ такимъ образомъ предметомъ своего рода религиознаго поклоненія. Въ пѣснопѣніяхъ Гомера грекъ видѣлъ въ живыхъ образахъ всѣ начала своей народности; наконецъ пѣсни эти укрѣпляли между греками сознаніе своего племеннаго единства.

До конца прошлаго столѣтія оставалось господствующимъ мнѣніе, что Илиада и Одиссея были сочинены всецѣло Гомеромъ, записаны имъ и переданы потомству. Но въ концѣ прошлаго столѣтія мнѣніе это было сильно поколеблено изслѣдованіями германскаго философа Вольфа въ его *Prolegomena ad Homerum*. Въ этомъ сочиненіи Вольфъ, главнымъ образомъ, защищаетъ положеніе, высказанное еще до него англійскимъ критикомъ Бентли, что составныя части Илиады и Одиссеи соединены въ одно связанное цѣлое и записаны въ первый разъ во время Пизистрата, въ VI в. до Р. Х. Вольфъ доказываетъ свое положеніе тѣмъ, что во время Гомера, при отсутствіи удобнаго способа писать *), не могло быть писанныхъ экземпляровъ гомеровскихъ поэмъ, а безъ письма ни самъ поэтъ не могъ бы исполнѣть обзорѣтъ симметріи эпопей, столь сложныхъ, какъ Илиада и Одиссея, ни преемники его не были-бы въ состояніи сохранить ихъ въ ихъ первоначальномъ видѣ. Вольфъ остроумно доказывалъ, что гомерическія поэмы состояли первоначально изъ отдѣльныхъ пѣсень, предназначавшихся только для пѣнія и слушанія, и почерпавшихъ свое содержаніе изъ одного цикла сказаній, что они произведенія не одного поэта, а цѣлой іонійской школы пѣвцовъ, но что Гомеръ, глава этой школы и величайшій поэтъ, своимъ гениемъ затмилъ всѣхъ остальныхъ, такъ что имя его сдѣлалось нарицательнымъ именемъ всей школы.

Если послѣ появленія гипотезы Вольфа безграничное удивленіе къ Гомеру, какъ творцу Илиады и Одиссеи, замѣнилось желаніемъ разложить эти поэмы на отдѣльныя рапсоды, то въ сороковыхъ годахъ нашего вѣка это отрицательное

*) Хотя греки довольно рано познакомились съ буквеннымъ письмомъ, однако оно долгое время употреблялось только для вырѣзыванія немногихъ словъ на металлѣ, или на камнѣ. Древнѣйшія греческія надписи, сохранившіяся до нашего времени, ученые относятъ приблизительно къ 40-ой олимпіадѣ, т. е. 620 г. до Р. Х.

направленіе начало уступать другому. Многіе ученые (Велькеръ, Ланге и др.) подвергли пересмотру гипотезу Вольфа и отказались отъ нея въ большей части пунктовъ. Всѣ они старались доказать цѣльность и единство происхожденія гомеровскихъ поэмъ не только единствомъ духа и языка, но и художественною стройностію прекрасно задуманнаго и строго проведеннаго, въ каждой изъ нихъ плана. По мнѣнію этихъ ученыхъ, было время, когда греческая народная поэзія состояла изъ краткихъ эпическихъ пѣсней, число которыхъ до времени Гомера было, вѣроятно, очень велико; но затѣмъ явились гениі соединители, которые переработали эти пѣсни и перелили ихъ въ болѣе обширныя формы. Такимъ гениемъ соединителемъ былъ Гомеръ. Впрочемъ, самыя замѣчательныя современные изслѣдователи греческой исторіи, какъ англійскій ученый Гротъ, считаютъ достовѣрнымъ, что Илиада и Одиссея не могутъ быть произведеніемъ одного пѣвца, хотя обѣ эти поэмы и должны быть отнесены къ одному и тому-же времени.

ПЕРЕДВИЖЕНІЕ ПЛЕМЕНЬ.

Въ героическій періодъ самымъ сильнымъ и могущественнымъ племенемъ въ Греціи было племя ахеянъ, и потому главная преобладающая роль принадлежала государствамъ Пелопонеса, населеннаго преимущественно ахеянами. Но вскорѣ послѣ троянской войны Греція подверглась перевороту, вслѣдствіе котораго совершенно измѣнилось распредѣленіе племенъ, почти всѣ прежнія греческія государства были разрушены, и вмѣсто нихъ основаны новыя. Переворотъ этотъ завершился совершеннымъ подчиненіемъ дорійскому племени большей части ахейскихъ государствъ Пелопонесса, ослабѣвшихъ какъ вслѣдствіе гибели множества ахеянъ, такъ и вслѣдствіе внутреннихъ смуть и безпорядковъ. Ранѣе другихъ племенъ, уже чрезъ полвѣка послѣ разрушенія Трои, пришло въ движеніе племя ѳессалійцевъ, жившее до тѣхъ поръ въ Эпирѣ и выселившееся оттуда въ страну, названную впослѣдствіи ѳессаліей. ѳессалійцы, поселившись въ этой странѣ, частью вытѣснили, частью же покорили туземное, преимущественно эолійское, населеніе ея. Покоренные жители равнинъ были обращены въ крѣпостное состояніе и стали называться пенестами; вытѣсненныя же изъ ѳессаліи племена беотійцевъ и дорійцевъ переселились въ Среднюю Грецію. Беотійцы направились къ югу, заняли страну, названную впослѣдствіи по ихъ имени Беотіей, и покорили прежнихъ обитателей ея. Доряне-же заняли въ средней Греціи гористую область между Парнассомъ и Этой, названную по ихъ имени Доридой. Но движеніе племенъ, начавшееся въ Эпирѣ и ѳессаліи, не остановилось въ Средней Греціи, а продолжалось до самой южной оконечности Пелопонеса. Значительная часть дорянъ, къ которымъ присоединилась и часть этолійцевъ, двинулась изъ Средней Греціи въ Пелопонесъ и мало по малу, въ продолженіе многихъ вѣковъ, покорила большую его часть. По преданію-же; это завоеваніе Пелопонеса дорянами

представляется результатомъ одного похода, и вызвано желаніемъ дорянъ вступить за права гераклидовъ, т. е. потомковъ Геркулеса, изгнанныхъ Эврисеемъ изъ Арголиды, и нашедшихъ убѣжище въ Доридѣ. Вслѣдствіе этого вторженіе дорянъ въ Пелопонесъ извѣстно также подъ названіемъ „возвращеніе Гераклидовъ“. По преданію, уже сынъ Геркулеса Гиллъ нѣсколько разъ дѣлалъ попытки возвратити себѣ отцовское наслѣдіе, но тщетно. Наконецъ этой цѣли успѣли достигнуть уже правнуки Гилла Темень, Кресфонтъ и Аристокдемъ, которые, предводительствуя дружиною дорянъ, завоевали не только свою родину Арголиду, но и весь почти Пелопонесъ, за исключеніемъ Аркадіи и Ахаіи. Аркадія сохранила свою независимость. Въ Ахаіѣ-же успѣли утвердиться послѣдніе самостоятельные остатки прежде столь могущественныхъ ахейнъ, тогда какъ жители ея, принадлежавшіе къ іонійскому племени, переселились къ своимъ соплеменникамъ въ Аттику. По преданію, Гераклиды слѣдующимъ образомъ подѣлили между собою покоренныя земли: Темень взялъ Арголиду; Кресфонтъ Мессенію, а сыновья Аристодема (самъ онъ умеръ во время похода) Эврисеенъ и Проклъ получили въ управленіе Лаконію. Коринѣ и Сикіонъ также отданы были во владѣніе членамъ изъ рода Гераклидовъ. Въ Элидѣ-же сдѣлался царемъ Оксилъ, начальствовавшій надъ союзными съ дорянами этолійцами при вторженіи въ Пелопонесъ. Вслѣдствіе завоеванія Пелопонеса дорянами, выселилась значительная часть ахейскаго населенія, большая-же часть была покорена. Участь покоренныхъ ахейнъ была не одинакова въ различныхъ дорійскихъ государствахъ. Въ Арголидѣ, Коринѣ и Сикіонѣ доряне скоро смѣшались съ побѣжденными ахейнами. Въ Мессеніи обращеніе побѣдителей съ побѣжденными отличалось извѣстною снисходительностію. Всего-же хуже обращались съ побѣжденными ахейнами въ Лаконіи.

Переселеніе дорянъ въ Пелопонесъ имѣло важное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу Греціи: господствующая роль перешла на долго отъ ахейнъ къ дорянамъ.

Начало переселенія дорянъ въ Пелопонесъ относятъ къ 1104 г. до Р. Х., и это время считается гранью новаго историческаго періода въ исторіи Греціи въ отличіе отъ предшествующаго героическаго или легендарнаго періода, рассказы о которомъ сохранились только въ преданіяхъ или легендахъ. Въ историческій періодъ постепенно все болѣе и болѣе развивалась противоположность между характеромъ и направленіемъ жизни дорянъ и іонянъ. Главною представительницею дорянъ была Спарта, достигшая мало по малу господства надъ всѣмъ Пелопонесомъ; главною-же представительницею іонійскаго племени были Аѣины. Судьба этихъ двухъ государствъ, постепенное возвышеніе ихъ, борьба съ персами за независимость Греціи и подчиненіе ея Македоніи — вотъ что составляетъ, главнымъ образомъ, содержаніе исторіи Греціи въ историческій періодъ.

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ГРЕКОВЪ.

Въ періодъ, слѣдующій за вторженіемъ дорянъ въ Пелопонесъ, въ Греціи мало по малу образовалось множество мелкихъ независимыхъ другъ отъ друга государствъ, которыя по различію мѣстности, занятій, быта и образованности развивались весьма различно и никогда не сливались въ одно сплошное государство. Врожденное грекамъ стремленіе къ обособленію было такъ сильно, что каждая самая незначительная городская община (πολιτεία) стремилась организовать въ самостоятельное политическое цѣлое. Вслѣдствіе чрезвычайно сильной привязанности къ городской автономіи каждый грекъ хотѣлъ оставаться гражданиномъ только своего города. Своимъ отечествомъ (πατρίς) называлъ онъ только свою родину, свое маленькое государство. Отношенія одного города къ другому были международными отношеніями. Не смотря на эту раздробленность Греціи, на безконечное разнообразіе мѣстныхъ особенностей и расселеніе на огромномъ пространствѣ за предѣлами родной земли, греки сознавали однако-жъ свое національное единство и называли себя общимъ именемъ эллиновъ въ противоположность всѣмъ прочимъ „иноязычнымъ“ народамъ, которыхъ называли они варварами. Внутренняя связь, соединявшая отдѣльныя племена и народцы, заключалась въ сходствѣ основныхъ чертъ характера, нравовъ, въ единствѣ языка, религіи и литературы, въ общихъ историческихъ воспоминаніяхъ, въ одинаковой воспримчивости ко всему художественному. Сознаніе общенациональнаго единства съ особенною силою поддерживалось нѣкоторыми религіозными учрежденіями, которыя имѣли для Греціи тѣмъ болѣе значенія, что религія и богослуженіе никогда не утрачивали въ ней своихъ мѣстныхъ отличій.

Дельфійскій оракулъ. Однимъ изъ главныхъ общенациональныхъ учреждений грековъ былъ дельфійскій храмъ бога Аполлона, который считался важнѣйшимъ во всей Греціи и былъ общей національной святыней. Особенно важное значеніе получилъ дельфійскій храмъ по своему знаменитому оракулу, или прорицалищу, чрезъ посредство котораго богъ Аполлонъ возвѣщалъ людямъ свою волю. Храмъ Аполлона находился внѣ городской черты Дельфъ, на южномъ склонѣ Парнасса, на высокомъ крутомъ уступѣ, вблизи Кастальскаго источника, которому приписывалось свойство возбуждать поэтическое вдохновеніе. Въ глубинѣ святилища стояла статуя бога Аполлона и предъ нею жертвенникъ; за нею же, нѣсколько выше на уступѣ скалы, стоялъ бронзовый треножникъ, какъ разъ надъ небольшимъ отверстіемъ глубокой пещеры, изъ котораго выходилъ одуряющій газъ. Выхожденіе изъ пещеры одуряющихъ газовъ казалось грекамъ явленіемъ сверхъестественнымъ и порождало вѣрованіе, будто въ этихъ испареніяхъ Аполлонъ сообщаетъ смертному даръ пророчества. Прорицанія сообщались чрезъ посредство старой жрицы пифіи,

т. е. возвѣщательницы. Великолѣпіе и величіе дельфійскаго храма были вполне расчитаны на то, чтобы неотразимое впечатлѣніе охватывало всякаго вступающаго въ него. Снаружи и внутри храмъ былъ отдѣланъ съ замѣчательною художественностію. Барельефы и живопись украшали стѣны и потолокъ храма, боковыя стѣны колоннадъ были покрыты изображеніями изъ міѳологіи. Кромѣ того, внутри храма было собрано несмѣтное число художественныхъ произведеній, что придавало храму видъ великолѣпнѣйшаго музея.

Самый процессъ сообщенія прорицаній пифіи былъ обставленъ чрезвычайною торжественностію и таинственностію. Въ назначенный для прорицаній день храмъ внутри и снаружи убирался по праздничному; двери и колонны обвивались лавровыми вѣтвями. Жертвоприношенія, очищенія и молитвы должны были предшествовать вступленію въ храмъ.

Вопрошатели всходили на ступени святилища съ завѣшанными лицами, въ лавровыхъ вѣнкахъ и съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ, при звукахъ литавръ и трубъ, но вопрошающій не допускался въ адитонъ, гдѣ находился треножникъ—сѣдалище пифіи, а оставался въ сосѣднемъ покоѣ, откуда могъ только неясно разсмотрѣть пифію и слышать ея изреченіе. Пифіа готовилась къ прорицанію трехдневнымъ постомъ; на четвертый день, послѣ обычныхъ жертвъ, молитвъ и заклинаній, садилась она на треножникъ. Лицо ея скоро покрывалось смертною блѣдностію, она начинала дрожать всѣмъ тѣломъ и скоро въ безпамятствѣ и судорогахъ падала съ треножника, произнося безсвязныя слова. Жрецы-же записывали слова ея и, вывѣдавъ заранѣе чрезъ своихъ агентовъ, обстоятельства дѣла вопрошавшихъ, слагали, сообразно съ этимъ, остроумные и двусмысленные отвѣты въ формѣ стиховъ. Но громадное значеніе прорицаній оракула не основывалось, какъ можно думать, на одномъ грубомъ обманѣ. Многочисленныя мудрыя изреченія оракула, его тонкое пониманіе политическихъ отношеній различныхъ греческихъ государствъ и безграничное уваженіе и довѣріе къ нему не только грековъ, но и чужеземныхъ народовъ, заставляють предполагать, что жрецы дельфійскаго храма обладали громаднымъ запасомъ опытности и знаній. Ни одно предпріятіе не приводилось въ исполненіе, никакая перемѣна въ законахъ или богослуженіи не совершалась безъ обращенія за совѣтомъ къ оракуду. Слово пифіи рѣшало миръ и войну. Вопросеніе оракула было дозволено и другимъ народамъ, которые обращались къ нему въ особенно важныхъ случаяхъ и, въ благодарность за данныя отвѣты, присылали богатыя приношенія. Такъ у греческихъ писателей упоминается о вкладыяхъ нѣкоторыхъ лидійскихъ царей (напр. Креза) и римлянъ. Вообще приношенія богу Апполлону стоили большаго суммъ и съ теченіемъ времени доставили храму такія богатства, что одно время сокровища его цѣнили въ десять тысячъ талантовъ (14 милліоновъ рублей).

Временемъ наибольшаго значенія и могущества дельфійскаго оракула былъ періодъ отъ вторженія дорянъ въ Пелопонесъ до грекоперсидскихъ

войнъ. Но въ эпоху наибольшаго процвѣтанія Греціи значеніе оракула уменьшилось какъ вслѣдствіе распространенія образованія въ Греціи, такъ особенно вслѣдствіе все болѣе обнаруживавшейся нравственной порчи и подкупности дельфійскихъ жрецовъ при сообщеніи прорицаній.

Амфиктіонійскій союзъ. Въ Греціи уже издревле существовали особые религіозно-племенные союзы или амфиктіоніи изъ сосѣднихъ народовъ безъ различія племени, съ цѣлью защиты наиболѣе уважаемыхъ союзныхъ храмовъ, а также для совокупнаго отправленія религіозныхъ празднествъ въ честь извѣстнаго божества. Амфиктіоній въ Греціи было нѣсколько. Самой знаменитой изъ всѣхъ амфиктіоній была дельфійская или пиоійская, такъ какъ дельфійскій храмъ считался самымъ священнымъ. Она основана была еще въ глубокой древности, и преданіе производитъ слово „амфиктіонія“ отъ Амфиктіона, мнимаго сына Девкаліона, приписывая ему основаніе амфиктіонова союза; но слово „амфиктіонія“ означаетъ просто союзъ сосѣдей. Дельфійская амфиктіонія состояла изъ сосѣднихъ племенъ или народовъ: ѳессалійцевъ, беотійцевъ, дорянъ, іонянъ, докрянъ и др., которые всѣ были равноправными членами союза. Охраненіе храма Аполлона въ Дельфахъ и его сокровищъ было главною цѣлью союза амфиктіоновъ. Вотъ какъ гласила присяга, которою члены союза обязывались охранять безопасность храма: „Когда кто-либо похититъ имущество бога, или будетъ знать о похищеніи, или составитъ преступные замыслы на храмовыя вещи, мы будемъ противодѣйствовать ему ногою, рукою и голосомъ, и всякимъ средствомъ, находящимся въ нашей власти“. Кромѣ дельфійскаго храма, этой святыни грековъ, подъ охраною амфиктіонова союза былъ и другой храмъ, недалеко отъ Ѳермопилъ, именно храмъ Деметры. Но цѣлью амфиктіонова союза, кромѣ удовлетворенія религіозной потребности въ общемъ поклоненіи Аполлону или Деметрѣ и защиты ихъ храмовъ, было также и международное единеніе для мирнаго окончанія взаимныхъ распрей или для предотвращенія слишкомъ большой жестокости въ войнахъ между государствами союза. На это указываетъ одно изъ законоположеній устава амфиктіонійскаго союза, въ силу котораго члены союза должны были также давать слѣдующую клятву: „Мы не будемъ разрушать ни одного амфиктіонійскаго города, ни одного изъ нихъ не будемъ лишать текучей воды“. Если-бы какое нибудь государство нарушило эту клятву, то всѣ прочіе члены союза должны были соединенными силами идти на него войною и истребить его. Но религіозное значеніе амфиктіонова союза стояло все таки на первомъ планѣ.

Собранія членовъ амфиктіоніи происходили два раза въ году, осенью и весной. Мѣстомъ собранія были Дельфы и Ѳермопилы, или, вѣрнѣе, храмъ Деметры близъ Ѳермопилъ. Кромѣ того, бывали еще чрезвычайныя собранія. Каждое изъ племенъ, участвовавшихъ въ союзѣ, присылало въ собраніе своихъ представителей. Кромѣ депутатовъ отъ членовъ союза, въ мѣста собранія амфиктіоновъ, особенно въ Дельфы, стекалось множество народа изъ всѣхъ частей Греціи. Это обуславливалось, между прочимъ, и тѣмъ, что храмовые праздники сопровождались

всегда ярмаркою, такъ какъ храмъ, при которомъ они происходили, представлялъ самую надежную охрану для торговли.

Общественныя игры. Кромѣ общихъ религіозныхъ празднествъ въ честь того или другаго божества, составлявшихъ, между прочимъ, цѣль амфиціоній, были еще у грековъ въ честь главнѣйшихъ божествъ особенныя религіозныя празднества или агоны, съ которыми соединялись разнаго рода гимнастическія и музыкальныя состязанія. Такія праздничныя сходки, сопровождаемыя состязаніями, были во всѣхъ греческихъ городахъ, и молодые люди подготовлялись къ этимъ состязаніямъ долгимъ упражненіемъ въ общественныхъ гимназіяхъ. Въ большей части изъ мѣстныхъ празднествъ принимали участіе только жители ближайшихъ окрестностей, и только нѣкоторыя изъ игръ мало по малу достигли значенія общенациональныхъ празднествъ всей Греціи. Игры эти происходили въ четырехъ мѣстахъ, по имени которыхъ они назывались олимпійскими, пифейскими, немойскими и истмійскими.

Изъ всѣхъ игръ олимпійскія носили по преимуществу характеръ общенациональныхъ. Онѣ происходили чрезъ каждые четыре года въ Олимпіи, въ области Элиды, въ честь бога Зевса. Область эта вслѣдствіе этого считалась священной и неприкосновенною даже во время войны, какъ страна, посвященная Зевсу. Здѣсь, въ долинѣ рѣки Алфея, на небольшой равнинѣ находилась священная роща масличныхъ деревьевъ, наполненная множествомъ статуй, жертвенниковъ и храмовъ; великолѣпнѣйшимъ изъ храмовъ былъ храмъ бога Зевса. Когда приближалось время игръ, со всѣхъ сторонъ Греціи собирались греки къ Олимпіи на предстоящее празднество. Различныя государства и колоніи отправляли торжественныя посольства, съ которыми присылались богатыя приношенія Зевсу Олимпійскому. Ионійское море и широкое устье Алфея наполнялись множествомъ празднично убранныхъ кораблей, прибывшихъ на празднество изъ многочисленныхъ греческихъ колоній по берегамъ Азіи, Африки, Италіи и Сициліи.

Предъ наступленіемъ торжества цѣлыя сутки всѣ готовились къ нему постомъ, молитвою и совершеніемъ омовеній. Вокругъ ипподрома, поляны, предназначенной для скачекъ и состязаній на колесницахъ, а также вокругъ стади, мѣста для бѣга и другихъ гимнастическихъ состязаній, размѣщались на подмосткахъ многочисленные жители въ безмолвномъ благоговѣніи. Девять жрецовъ-судей съ жезлами въ рукахъ наблюдали за порядкомъ игръ. Глашатаи вызывали желающихъ состязаться. Каждый состязатель долженъ былъ присягнуть предъ судьями въ томъ; что въ своемъ родномъ городѣ онъ десять мѣсяцевъ приготавлился къ состязанію, что онъ чтитъ боговъ, повиновался родителямъ, и если при этомъ отличался силой и хорошимъ тѣлосложеніемъ, то допускался къ состязаніямъ. Въ заключеніе, состязатели должны были поклясться предъ статуей Зевса, что въ предстоящей имъ священной борьбѣ они не позволяютъ себѣ никакой безчестной уловки. Знаменитѣйшіе изъ греческихъ

гражданъ, гордые члены владѣтельныхъ и царственныхъ родовъ, принимали участіе въ состязаніяхъ и не считали ниже своего достоинства бѣгать въ олимпійской стадіи предъ собравшимся греческимъ народомъ. Состязанія состояли не только въ бѣганіи взапуски, въ скачкѣ на лошадахъ, въ гонкѣ на колесницахъ, но еще въ борьбѣ, въ кулачномъ боѣ, въ бросаніи диска (мѣднаго или каменнаго кружка), въ метаніи копья и пр. За предѣлы тѣлесныхъ упражненій олимпійскія состязанія никогда не переходили, и этимъ они отличаются отъ остальныхъ трехъ національныхъ игръ, допускавшихъ музыкальныя и поэтическія состязанія. Празднество завершалось увѣнчаніемъ побѣдителей. Оно происходило послѣ торжественныхъ жертвоприношеній въ священной рошѣ, при громкихъ радостныхъ кликахъ собравшагося народа.

Награда побѣдителю состояла въ простомъ вѣнкѣ. Но этотъ вѣнокъ былъ въ глазахъ грековъ величайшею почестію, какой только могъ достигнуть человекъ. Имя побѣдителя дѣлалось дорогимъ для всѣхъ грековъ. Въ лицѣ-же его считался прославленнымъ его родной городъ, который и встрѣчалъ возвращавшагося побѣдителя съ необычайнымъ триумфомъ. Чтобы дать проходъ колесницѣ триумфатора, проламывались городскія стѣны. Чтобы увѣковѣчить имя своего героя, городъ обыкновенно заказывалъ статую его и ставилъ ее въ Олимпіи. Награда, назначенная для побѣдителей, была одинакова для всѣхъ состязаній, но побѣдитель въ бѣгѣ считался главнымъ. Его именемъ обозначалась олимпіада, т. е. олимпійскій праздникъ, на которомъ онъ прославился. Первую изъ этихъ олимпіадъ начинали съ 776 года, съ котораго стали постоянно записывать имена побѣдителей въ особый, публично выставленный въ Олимпіи, списокъ, и потому этотъ годъ греческіе историки приняли въ послѣдствіи за начало лѣтосчисленія по олимпіадамъ *).

Изъ остальныхъ общенациональныхъ игръ, устройство и порядокъ которыхъ были въ главныхъ чертахъ тѣ-же, какъ и въ олимпійскихъ, первое мѣсто занимаютъ пинійскія игры, которыя также происходили черезъ каждые 4 года. Немейскія игры были посвящены Зевсу и происходили чрезъ каждые два года въ Немейской долинѣ (въ Арголидѣ). Истмійскія игры происходили въ честь Посейдона на Истмѣ или Коринѣскомъ перешейкѣ сначала чрезъ каждые три, а потомъ чрезъ пять лѣтъ.

Пинійскія, истмійскія и немейскія игры (на которыхъ такъ-же, какъ и на олимпійскихъ, имена побѣдителей записывались въ особый списокъ) имѣли сначала только частное значеніе и получили значеніе обще-

*) Первая записанная олимпіада можетъ считаться началомъ достовѣрной греческой исторіи. Естественно, такимъ образомъ, что позднѣйшіе греческіе историки пользовались спискомъ побѣдителей для точнаго опредѣленія времени отдѣльныхъ событій. Но, кромѣ общаго лѣтосчисленія по олимпіадамъ, каждый городъ имѣлъ свою хронологію.

національныхъ игръ лишь въ первой половинѣ VI вѣка. Но никогда игры эти не могли сравняться по своему значенію съ олимпійскими. Каждый годъ, переживаемый греческимъ народомъ, былъ украшенъ однимъ изъ этихъ четырехъ праздниковъ: Ихъ совокупность въ продолженіи одного четырехлѣтія называлась „періодомъ свѣщенныхъ игръ“, и самую большую славою было для грека заслужить имя „періодоника“, то есть побѣдителя во всѣхъ четырехъ національныхъ играхъ.

Общественныя игры, особенно олимпійскія, имѣли во многихъ отношеніяхъ сильное вліяніе на развитіе греческой жизни. Игры эти способствовали поддержанію мирныхъ сношеній между греками, такъ какъ, по обычаю, во время игръ воевавшія другъ съ другомъ греческія государства должны были заключать перемиріе (*ἐκεχειρία*). Кромѣ того въ Олимпіи періодически сходились между собою, какъ члены одной семьи, разрозненныя и нерѣдко враждовавшія между собою различныя части греческой націи. Здѣсь сближались между собою лица разныхъ состояній, здѣсь смѣшивались въ одномъ общемъ говорѣ всѣ греческіе діалекты и закрѣплялась религіозная связь грековъ поклоненіемъ общимъ божествамъ. Эти же національныя игры, возбуждая благородное соревнованіе грековъ въ физическихъ и умственныхъ состязаніяхъ, благотворно дѣйствовали на физическое и умственное развитіе всѣхъ эллиновъ.

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ ФОРМАХЪ ПРАВЛЕНІЯ.

Въ періодъ времени отъ переселенія доріанъ въ Пелопонесъ и до греко-персидскихъ войнъ, т. е. отъ начала XI-го до начала V-го вѣка до Р. Х., внутренняя политическая исторія Греціи состоитъ въ послѣдовательномъ рядѣ измѣненій въ формахъ правленія cadaго изъ греческихъ государствъ, которые привели ихъ постепенно къ республиканской формѣ правленія.

Республиканскія учрежденія получили въ Греціи чрезвычайно разнообразное развитіе, такъ какъ каждое изъ безчисленныхъ мелкихъ греческихъ государствъ представляло извѣстныя особенности въ своемъ политическомъ устройствѣ. Но и при всѣхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ и отбѣнкахъ въ формахъ правленія, почти всѣ греческія государства слѣдовали общему ходу развитія, переходя болѣе или менѣе послѣдовательно отъ монархіи къ аристократіи, олигархіи и далѣе къ тираниіи, демократіи и наконецъ къ охлократіи. Въ особенности конецъ VII и все VI столѣтіе были временемъ сильныхъ политическихъ переворотовъ и борьбы политическихъ партій во всѣхъ греческихъ государствахъ; но исходъ этой борьбы былъ въ нихъ неодинаковъ. Древнѣйшею формою правленія была монархія (*βασιλεία*), когда цари по праву наслѣдованія и въ силу личныхъ доблестей управляли государствомъ съ помощію геронтовъ или избраннаго круга благородныхъ. Впослѣдствіи-же царская власть была мало по малу упразднена почти во всѣхъ греческихъ государствахъ, какъ вслѣдствіе вырожденія царскихъ родовъ и упадка въ нихъ старинной доблести, такъ и вслѣдствіе увеличенія значенія знаменитыхъ гражданъ и стремленія ихъ къ господству. Тамъ-же, гдѣ царская власть удержалась, какъ было это въ Спартѣ, она продолжала существовать только по имени. Съ упраздненіемъ царской власти, верховная власть переходила въ руки эпатридовъ, значеніе которыхъ оширалось какъ на ихъ происхожденіи и большихъ поземельныхъ владѣніяхъ, такъ и на исключительномъ

обладаніи знаніями изъ области религіи и права, вслѣдствіе чего они противопоставляли себя простымъ гражданамъ, демотамъ, и называли себя настоящими или лучшими гражданами (*ἀριστοί* или *καλοὶ κἀγαθοί*). Такимъ образомъ, государственное устройство всѣхъ греческихъ государствъ превратилось изъ монархіи въ аристократію. Знатные роды старались однако-жь сдѣлать этотъ переходъ незамѣтнымъ для демоса, и высшая государственная власть оставалась иногда надолго въ рукахъ правителей, происходившихъ отъ прежнихъ царей, но избираемыхъ аристократіей и отвѣтственныхъ передъ ней. Присвоивъ себѣ верховную власть въ государствѣ, эвпатриды составили господствующій классъ и совершенно отделились отъ демотовъ, лишенныхъ участія въ управленіи. Между собою у аристократовъ существовало полное равенство и не допускалось преобладающее вліяніе одного или нѣсколькихъ родовъ. Аристократы старались сохранять въ силѣ прежніе обычаи и не притѣснятъ безправный демосъ. Но мало по малу исчезла въ древнихъ родахъ прежняя строгость нравовъ и доблесть, потомки древнихъ аристократовъ освоились съ роскошью, сдѣлались равнодушными къ общественному благу. Съ теченіемъ времени какъ богатство, такъ и власть сосредоточивались въ рукахъ немногихъ самыхъ знатныхъ родовъ (*δυναταί*), которые роднились только между собою, или съ знатнѣйшими гражданами другихъ греческихъ государствъ и преслѣдовали только свои частные интересы, сильно угнетая демосъ. Тогда аристократія вырождалась въ олигархію (*ὀλιγαρχία*).

Такое ненормальное состояніе государства, при которомъ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ замкнутыхъ фамилій, а остальная масса гражданъ оставалась совершенно безправной и угнетенной, не могло долго продолжаться. Какъ только масса простыхъ гражданъ вслѣдствіе своего безвыходнаго положенія и вслѣдствіе пробуждавшагося сознанія своихъ правъ, приходила къ сознанію своей силы, господству олигарховъ наступалъ конецъ. Въ концѣ VII столѣтія положеніе демотовъ въ различныхъ греческихъ государствахъ было въ высшей степени бѣдственнымъ: обремененные долгами и находясь почти въ полной власти у олигарховъ, они пришли въ такое раззореніе, что ожидали облегченія своей участи только отъ государственнаго переворота. Въ такія тяжкія времена выступали обыкновенно изъ среды господствующихъ фамилій отдѣльныя, выдающіяся умомъ и энергіей личности, которыя, подъ предлогомъ защиты правъ и интересовъ демоса, становились вождями недовольныхъ. Подстрекаемые честолюбіемъ и властолюбіемъ, они, становясь во главѣ демоса, ожесточеннаго противъ олигарховъ, отнимали у послѣднихъ верховную власть и присвоивали ее себѣ. Господство такого правителя, который захватывалъ власть вопреки существующимъ законамъ и помимо выбора гражданъ, называлось у грековъ тиранніею (*τυραννίς*). Но съ названіемъ тиранна у грековъ сначала вовсе не было соединено понятіе о жестокости, насиліи и вообще о злоупотребленіи властію, какъ впоследствии. Напротивъ того, въ древнихъ тираннахъ демосъ видѣлъ своихъ защитниковъ и покровителей противъ угнетеній со стороны аристократовъ.

Въ VII и VI вѣкахъ до Р. Х. во главѣ большей части греческихъ государствъ стали тиранны, которые обыкновенно укрѣпляли свою неограниченную власть тѣмъ, что овладѣвали замкомъ или акрополемъ города и государственнымъ казначействомъ и держали при себѣ преданныхъ наемныхъ тѣлохранителей. Тиранны старались поддержать свою власть взаимными союзами и дружественными отношеніями къ иностраннымъ государямъ. Притѣсненія со стороны тиранновъ бывали направлены исключительно противъ знатныхъ гражданъ какъ противъ непримиримыхъ враговъ, которые, конечно, не безъ борьбы отказывались отъ своей власти въ пользу тиранновъ. Народъ-же тиранны старались привлекать къ себѣ щедростью, занимали его различными общественными работами, отвлекая вниманіе его отъ общественныхъ дѣлъ. Тиранны большею частію покровительствовали искусствамъ и наукѣ: ученые, поэты и художники жили при ихъ

дворахъ и пользовались ихъ дружбою. Они старались заслужить уваженіе толпы и польстить національной гордости великолѣпными сооруженіями и памятниками, богатыми подарками святымъ храмамъ, величіемъ и блескомъ придворной жизни.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ эпоха тиранніи была для Греціи одной изъ самыхъ замѣчательныхъ. Но господство основанныхъ тираннами династій нигдѣ не было продолжительно, кромѣ Сикіона, гдѣ Ореагориды удерживали верховную власть въ продолженіи ста лѣтъ, и Коринѳа, гдѣ Кипселиды господствовали почти столько-же времени. Знаменитѣйшими изъ тиранновъ VII и VI вѣковъ были Періандръ Коринѳскій, одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ, Поликрать Самосскій и Пизистратъ Аѳинскій. Тиранны, достигавшіе верховной власти своими личными достоинствами и заслугами (какъ Кипсель и Періандръ въ Коринѳѣ, Ореагоръ въ Сикіонѣ и др.) умѣли не только сохранять пріобрѣтенную власть, но даже привязанность народа; они не только оказывали уваженіе существующимъ законамъ, но сами подчинялись имъ, или, по крайней мѣрѣ, старались придавать своимъ дѣйствіямъ законную форму, такъ что благородный народъ долго хранилъ въ памяти имена и подвиги лучшихъ тиранновъ. Дѣйствительно, первые тиранны во многихъ греческихъ государствахъ нанесли господству аристократіи рѣшительный ударъ и доставили побѣду демократическому началу, въ чемъ и состоитъ главное историческое значеніе тиранновъ.

Но не такъ дѣйствовали преемники первыхъ тиранновъ. Воспитанные въ роскоши и среди обаянія власти, не понимая народной жизни и не сочувствуя демосу, они смотрѣли на верховную власть, какъ на законное наслѣдіе отцовъ своихъ и искали опоры въ наемномъ войскѣ. Отдаляясь все болѣе и болѣе отъ народа, жили они въ постоянномъ опасеніи за свою жизнь, во всемъ видѣли заговоры и, преслѣдуя виновныхъ и невинныхъ, возбуждали противъ себя все болѣе раздраженіе народа. Такимъ образомъ, имя тиранновъ сдѣлалось ненавистнымъ для грековъ, и тиранноубійца (*τορανοκτόνος*) считался спасителемъ государства. Народъ, который съ помощію тиранновъ освободился отъ гнета аристократовъ и олигарховъ, увидѣлъ при слѣдующихъ тираннахъ, что положеніе его не сколько не улучшилось и что, при измѣнившейся формѣ правленія, прежній гнетъ все таки продолжался. Когда тиранны сдѣлались мало по малу самоуправными деспотами, то они были низвергнуты демосомъ. При этомъ народъ соединялся иногда на время со знатью; затѣмъ водворялась полная демократія. Время самаго полнаго развитія демократіи есть V вѣкъ и совпадаетъ съ самымъ цвѣтущимъ періодомъ истории Греціи. Рядомъ съ сильнымъ развитіемъ демократіи въ однихъ греческихъ государствахъ, въ другихъ сохранялось господство аристократіи. Главною представительницею аристократическаго начала была Спарта, а демократическаго—Аѳины.

ИСТОРИЯ СПАРТЫ.

Спарта до Ликурга. Лаконія или Лакедемонъ занимала первоначально лишь долину рѣки Эвроты и окрестныя гористыя земли въ юго-восточной части Пелопонеса, пространствомъ слишкомъ въ 80 квад. м. Съ внутренними частями полуострова Лаконика сообщалась лишь немногими ущеліями Тайгета и Парнона, двухъ скалистыхъ горныхъ хребтовъ, ограничивающихъ долину Эвроты съ З. и В. Кромѣ этой долины,

Лаконія была къ земледѣлю мало способна; за то превосходныя пастбища способствовали развитію скотоводства, а лѣса, богатые дичью, побуждали къ занятію охотой. Тайгетъ изобиловалъ желѣзомъ, изъ котораго выдѣлывалось оружіе. Большихъ городовъ въ Лаконіи было мало. Главнымъ городомъ была Спарта, находившаяся въ средней части долины Эвроты, въ большомъ отдаленіи отъ моря, и состоявшая изъ пяти незащищенныхъ стѣнами слободъ. Кремя или акрополя Спарта въ отличіе отъ всѣхъ другихъ греческихъ городовъ также не имѣла: храбрость спартанцевъ должна была быть надежной защитой противъ враговъ.

Когда часть переселившихся въ Пелопонесъ дорянъ послѣ долгихъ усилій и упорной борьбы покорила себѣ Лаконію, то побѣдители доряне составили господствующій классъ населенія и, въ противоположность къ покоренному населенію, назывались спартиатами или спартанцами, потому что жили исключительно въ городѣ Спартѣ. Остальное-же ахейское населеніе страны состояло изъ покоренныхъ, которые раздѣлялись на два класса, значительно отличавшіеся другъ отъ друга: періэковъ и гелотовъ. Періэки (περίεκοι) были окрестные свободные жители покоренныхъ городовъ Лаконіи, гелоты — сельскіе жители, лишенные свободы и земли и обращенные почти въ рабство, (εἰλωται взятые въ плѣнъ, плѣнные). Періэки, сохранившіе личную свободу и свои земли, не имѣли политическихъ правъ, но положеніе ихъ было довольно благопріятно; земледѣліе, промышленность, торговля были исключительно въ ихъ рукахъ; они же исключительно занимались мореплаваніемъ. Періэки платили царямъ извѣстную подать и были имъ непосредственно подчинены. На войнѣ они служили *гоплитами* (тяжело-вооруженными) и легко-вооруженною пѣхотой. Какія-либо особенныя заслуги, оказанныя государству періэками, открывали имъ, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, доступъ къ полноправному гражданству. Вообще спартанцы и періэки были такъ мало далеки другъ отъ друга, что носили одно общее имя лаконянъ или лакедемонянъ.

Гелоты, какъ сельское населеніе, жили въ небольшихъ слободахъ или отдѣльными дворами вокругъ Спарты и другихъ городовъ Лаконіи: Они были прикрѣплены къ землѣ, обрабатывали свои прежнія поля, раздѣленные побѣдителями между собою, и платили оброкъ господамъ, жившимъ въ Спартѣ, хлѣбомъ, масломъ и виномъ; они-же исполняли домашнюю службу у спартанцевъ. Гелоты не считались собственностію господъ, у которыхъ служили, а государства, которое отдавало ихъ въ пользованіе полноправнымъ гражданамъ и одно могло отпускать ихъ на волю въ награду за мужество и дѣятельность. На войнѣ гелоты принимали участіе въ качествѣ легко-вооруженныхъ. Спартанцы пользовались военною службою гелотовъ, знали ихъ храбрость и постоянное недовольство своимъ положеніемъ, и потому всегда опасались ихъ. Лагерь устраивался такъ, что спартанцы могли противостоять неожиданному возстанію легко-вооруженныхъ гелотовъ. Въ самыя лучшія времена своего мо-

гущества Спарта находилась въ постоянномъ страхѣ относительно гелотовъ, и не разъ ихъ возстанія повергали ее въ серьезную опасность.

Полноправными гражданами Лаконіи были лишь спартиаты, которые происходили по большей части отъ дорійскихъ завоевателей и, какъ всѣ доряне, раздѣлялись на три фило или колѣна, подраздѣленіемъ которыхъ были обы (φύλα). Съ теченіемъ времени, однакожь, на ряду съ этимъ колѣннымъ раздѣленіемъ образовалось и мѣстное на пять общинъ или кварталовъ (κῶμαι). Спартиаты одни имѣли доступъ къ почетнымъ государственнымъ должностямъ и участіе въ управленіи. Всѣ спартиаты были равны между собою; они составляли въ Лаконіи военную аристократію, занимаясь лишь гимнастическими и военными упражненіями, охотой да войной. Такъ какъ число спартиатовъ было очень незначительно въ сравненіи съ покореннымъ туземнымъ населеніемъ (въ цвѣтущее время Спарты гражданъ было до 9000 семействъ, а перізковъ и гелотовъ сл. 370,000 ч.) и имъ постоянно угрожали возстанія со стороны гелотовъ, то спартиаты должны были постоянно быть готовыми къ войнѣ. Важно было для немногочисленныхъ спартиатовъ, въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, избѣгать внутреннихъ раздоровъ и смуть и управляться сильною и единою властію. Между тѣмъ этого единодушія и порядка и не доставало Спартѣ въ первые вѣка ея существованія, пока не далъ ей прочнаго устройства своими законами Ликургъ. Таково было сословное раздѣленіе жителей Лаконіи, послужившее основаніемъ Ликургова законодательства, но сложившееся еще прежде него, какъ результатъ образованія Спартианскаго государства чрезъ завоеваніе.

Во главѣ Спарты находились два царя, представители двухъ линій царственнаго рода, происходившаго, по преданію, отъ самого Геркулеса. Сказаніе объясняетъ эту двойственность тѣмъ, что у Аристодема, на долю котораго пришла Лаконика, было двое сыновей-близнецовъ, Проклъ и Эврисеень, которые были первыми царями Спарты и управляли ею сообща. Отъ нихъ происходили двѣ царственныя линіи, которыя назывались, не по сыновьямъ, а по внукамъ Аристодема, Агису и Эврипонту—Агидами и Эврипонтами. Между тѣмъ цари изъ этихъ двухъ царственныхъ линій находились въ постоянной распрѣ между собою, въ которой принимали участіе и знатные граждане Спарты. Все это было тѣмъ болѣе губительно для Спарты, что даже въ самой долинѣ Эвроты не всѣ еще города были покорены. Въ первой половинѣ IX в. сосѣдній со Спартою городъ Амиклы пользовался еще независимостью. По преданію, безпорядки въ Спартѣ, вслѣдствіе неопредѣленности отношеній завоевателей къ побѣжденнымъ и между собою, были такъ велики, что во время одного возмущенія царь спартианскій, Эвномъ, былъ зарѣзанъ на площади. Конецъ внутреннимъ смутамъ и начало долговременнаго могущества Спарты были положены законами Ликурга.

Ликургъ. Личность этого знаменитаго законодателя сдѣлалась пол-

нымъ достояніемъ народныхъ сказаній, такъ что уже въ III в. до Р. Х. нельзя было найти ничего достовѣрнаго ни о времени, когда онъ жилъ, ни о его родствѣ. Плутархъ начинаетъ жизнеописаніе Ликурга слѣдующими словами: „О законодателѣ Ликургѣ нельзя сказать рѣшительно ничего, что не было-бы оспариваемо: о его рожденіи, путешествіяхъ, смерти, а равно и его политическихъ и законодательныхъ дѣйствіяхъ ходятъ различныя сказанія, но наименѣе всѣ согласны относительно времени, въ которое онъ жилъ“. По Геродоту время жизни и дѣятельности Ликурга относится къ началу X в. до Р. Х. По другимъ-же извѣстіямъ древнихъ писателей, законодательство Ликурга относится къ началу IX в. и именно къ 880 г. Вѣроятнѣе показаніе историка Фукидида, по которому введеніе законовъ Ликурга относится ко времени между 830 и 820 г. На Ликурга народными сказаніями перенесено все, что касается установленія государственнаго управленія въ Спартѣ. По наиболѣе распространенному преданію, Ликургъ былъ младшій сынъ одного изъ царей и управлялъ страной въ качествѣ опекуна своего несовершеннолѣтняго племянника Харилая. Когда-же послѣдній самъ вступилъ на престолъ, Ликургъ долгое время путешествовалъ по чужимъ краямъ (Египетъ, Малая Азія, Критъ и др.) и наконецъ, по желанію своего народа, возвратился въ отечество, чтобы установить прочный порядокъ въ раздираемой смутами Спартѣ. Причиною-же этихъ смуть, по словамъ сказанія, было отчасти неудовольствіе спартанцевъ противъ тиранническаго правленія царя ихъ Харилая. Во время своего продолжительнаго путешествія Ликургъ приобрѣлъ большую опытность и знакомство съ нравами, обычаями и законами различныхъ народовъ. Знакомство съ учрежденіями критянъ особенно важно, потому что Критъ былъ единственной страной, гдѣ господствовали бытъ во многихъ отношеніяхъ близкій къ спартанскому, такъ какъ тамъ завоеватели дорійцы находились въ такихъ-же отношеніяхъ къ массѣ туземнаго населенія, какъ спартанцы къ періэкамъ и гелотамъ.

Но прежде, чѣмъ дать Спартѣ новыя законы, Ликургъ отправился въ Дельфы спросить совѣта оракула. На вопросъ Ликурга пивія отвѣчала, что не знаетъ, назвать-ли его богомъ или человѣкомъ, и объявила, что законодательство его будетъ лучше, чѣмъ всякое другое. Ободренный прорицаніемъ оракула, Ликургъ возвратился въ Спарту, далъ ей новое устройство, приспособивъ древніе обычаи и учрежденія къ измѣнившимся условіямъ жизни, и далъ спартанскому гражданству болѣе прочную организацію. Такъ какъ, по убѣжденію спартанцевъ, самъ дельфійскій оракуль уполномочилъ Ликурга къ роли законодателя, то его законы получили какъ-бы божественное освященіе и почитались исходящими отъ самого Аполлона.

Чтобы заручиться соблюденіемъ даннаго имъ устройства, Ликургъ, по кончаніи своего законодательства, взялъ съ спартанцевъ клятву, что они до тѣхъ поръ будутъ исполнять его законы, пока онъ не возвра-

тится къ нимъ изъ Дельфъ, куда онъ отправился спросить оракула, какія еще постановленія необходимы для благосостоянія Спарты. Когда же оракулъ отвѣчалъ, что Спарта при учрежденіяхъ Ликурга всегда будетъ въ высокой чести, то онъ послалъ отвѣтъ оракула въ Спарту, а самъ на чужбинѣ лишилъ себя жизни голодною смертію, чтобы спартанцы остались на всегда обязанными вѣрно соблюдать его законы. Это были, впрочемъ, не письменные законы, а изустно переданныя постановленія, ретры (*ρήτραι*), хранившіяся въ памяти народа. Спартанцы почитали Ликурга, какъ бога; они выстроили ему особое святилище и ежегодно приносили ему жертвы. Впродолженіи слишкомъ четырехъ вѣковъ они оставались вѣрными его законамъ и во все это время были сильны и счастливы.

Государственное устройство Спарты. Ликургъ оставилъ во главѣ Спарты двухъ царей, которые, какъ представители государства по отношенію къ богамъ, какъ наслѣдственные жрецы Зевса и предводители народа на войнѣ, пользовались всеобщимъ патріархальнымъ уваженіемъ, но вліяніе ихъ на политическія дѣла было крайне ограничено. Чтобы еще болѣе ограничить ихъ власть и устранить въ будущемъ возможность прежнихъ распрей между ними, Ликургъ передалъ всю верховную власть установленной имъ думѣ или сенату, состоявшему изъ 28 старцевъ подъ предсѣдательствомъ двухъ царей. Дума эта называлась герусіей, собраніемъ старцевъ (*γερουσία*). Въ члены герусіи выбирались народомъ именитые граждане безукоризненной жизни и испытаннаго достоинства, имѣвшіе не менѣе 60 лѣтъ отъ роду. Однажды избранный народнымъ собраніемъ, сенаторъ уже во всю жизнь не подвергался, какъ государственннй челоувѣкъ, никакому отчету въ своихъ дѣйствіяхъ. Герусія обсуждала самыя важныя государственныя дѣла и составляла высшую судебную инстанцію по уголовнымъ процессамъ. Герусія имѣла также верховный надзоръ за правами гражданъ. Рѣшеніе герусіи относительно важнѣйшихъ дѣлъ государства, какъ война и миръ, договоры и новые законы, были предлагаемы на утвержденіе періодически созывавшемуся народному собранію (*ἀλλία*), которое составлялось изъ спартанцевъ, достигшихъ 30-лѣтняго возраста. Народное собраніе или галия, выслушавъ рѣшеніе герусіи, могло принять его, или отвергнуть, но обсуждать дѣла права не имѣла.

Таково было государственное устройство Спарты, освященное завѣтами или ретрами Ликурга. Установленныя имъ государственныя власти, цари, герусія и галия, существовали уже въ героическій періодъ. Ликурговы же установленія состояли только въ болѣе правильномъ и точномъ опредѣленіи устройства герусіи и отношенія ея къ царямъ и народному собранію. Но уже столѣтіемъ позже въ этомъ устройствѣ было сдѣлано существенное измѣненіе. Власть царей была еще болѣе ограничена, и выдвинуто значеніе народа чрезъ учрежденіе комиссіи изъ пяти эфоровъ. Эфоры были сначала лишь надзирателями на рынкахъ и судьями по

имущественнымъ искамъ и назначались самими царями, но впоследствии они стали избираться ежегодно въ народномъ собраніи и сдѣлались главными представителями государственной власти въ Спартѣ. Должность эфора была доступна всякому спартанцу, достигшему 30-лѣтняго возраста. Эфоры получили значеніе представителей народнаго собранія относительно царей и герусіи. Въ руки эфоровъ перешла мало по малу вся внутренняя администрація.

Мало-по-малу изъ надзирателей рынка эфоры сдѣлались надзирателями царей. Зависимость царей отъ эфоровъ выражалась уже въ присягѣ, которою они обмѣнивались ежемѣсячно: цари присягали эфорамъ, что будутъ дѣйствовать согласно съ существующими законами, эфоры, — что власть царей останется неприкосновенна, если они останутся вѣрными своему обѣщанію. Эфоры имѣли право дѣлать царямъ выговоры и присуждать ихъ къ денежнымъ пенямъ. Царя, подозрѣваемаго въ измѣнѣ, эфоры имѣли даже право арестовать. Съ теченіемъ времени авторитетъ эфоровъ все болѣе возрасталъ. Печать ихъ стала государственною печатью, и всѣ официальные документы утверждались приложеніемъ ея. Такимъ образомъ эфоры приобрѣли важное право утверждать или отрицать постановленія царской власти и герусіи. При такомъ преобладающемъ значеніи эфоровъ, за царями остались только почетныя права, право представительства въ международныхъ сношеніяхъ и предводительства войсками. Но и въ этихъ отношеніяхъ власть царей съ теченіемъ времени была ограничена эфорами. Послѣдніе получили огромное вліяніе на дѣла внѣшней политики, такъ какъ отъ нихъ зависѣло созваніе арміи, опредѣленіе численности и снаряженіе ея. По древнимъ законамъ, царь, переступая границу Лаконіи, становился полновластнымъ полководцемъ и властелиномъ надъ жизнью и смертью починенныхъ ему гражданъ. Теперь же и на войнѣ власть царя была стѣснена вліяніемъ двухъ эфоровъ, постоянно находившихся при войскѣ. По возвращеніи изъ похода царямъ вмѣнялось въ обязанность давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, вся сумма государственной власти сосредоточилась мало-по-малу въ рукахъ эфоровъ.

Такое постепенно возрастающее ограниченіе царской власти, уже значительно стѣсненной законами Ликурга, объясняется опасеніями, возбужденными въ эпоху тиранніи въ спартанской аристократіи относительно возможной попытки со стороны ихъ царей къ увеличенію своей власти при помощи недовольнаго туземнаго населенія, подобно тому какъ тиранны Коринѳа и Сикіона захватили власть съ помощію угнетеннаго демоса. Опасенія такого союза царей съ гелотами и особенно съ періеками имѣли извѣстное основаніе въ томъ, что періеки несклонны стояли въ особыхъ отношеніяхъ къ царямъ и что послѣдніе пытались, вѣроятно, сначала опираться на періековъ, чтобы ограничить права потомковъ дорійской дружины. Впоследствии періеки были изъяты изъ подъ вѣдомства царей и подчинены надзору эфоровъ, которые имѣли право казнить смертью всякаго періека. Точно также эфоры получили право и возможность избавиться отъ всякаго гелота, который казался имъ опаснымъ или подозрительнымъ. Съ цѣлью устраненія возможной опасности со стороны гелотовъ противъ нихъ придуманы были даже жестокія мѣры предосторожности, которыя носили названіе криптій (*κρυπτήα*). По словамъ Плутарха, приписывающаго это учрежденіе Ликургу, криптія состояла въ ежегодной войнѣ, которую эфоры предпринимали противъ гелотовъ, причемъ молодые спартанцы, вооруженные кинжалами, рассылались по Лаконіи, чтобы изподтишка или ночью умерщвлять гелотовъ, внушавшихъ особенное опасеніе *)

*) Вѣроятно, *криптія* состояла въ разсылкѣ тайныхъ агентовъ (*κρυπτοί*) изъ молодыхъ спартанцевъ, чрезъ посредство которыхъ эфоры содержали по всей Лаконіи не-

Общественное устройство Спарты: воспитаніе и образъ жизни; сисситія. Самую характеристическую особенность Ликурговыхъ учреждений представляетъ введенная имъ въ Спартѣ строгая организація общественной жизни, строгій и суровый бытъ, который отличаетъ спартанцевъ отъ другихъ грековъ и отъ соплеменныхъ дорянъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что и эта особенная организація Спарты выработалась подъ вліяніемъ особенныхъ мѣстныхъ историческихъ условій и что Ликургъ своими установленіями придалъ только этой организаціи опредѣленную форму.

Условіемъ гражданства ставилъ онъ не рожденіе, а воспитаніе и образъ жизни. Молодые люди, происходившіе отъ гелотянокъ, но воспитанные по спартански, пользовались всѣми правами и достигали высшихъ должностей, между тѣмъ какъ урожденные спартанцы, уклонявшіеся отъ установленнаго воспитанія и образа жизни, теряли полноту правъ и равенство съ согражданами.

По устройству, данному Спартѣ Ликургомъ, все воспитаніе спартанцевъ было принаровлено къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ сильныхъ и храбрыхъ воиновъ, ловкихъ въ военномъ дѣлѣ и привыкшихъ къ строгому послушанію. Каждый мальчикъ уже съ самаго рожденія отдавался въ распоряженіе государства, и родители не имѣли права располагать судьбой своихъ дѣтей. Родился у спартанца ребенокъ, онъ долженъ принести его на разсмотрѣніе особымъ старѣйшинамъ: ихъ дѣло осмотрѣть новорожденнаго и рѣшить, оставить-ли его въ живыхъ, или умертвить. Хорошими и сильными воинами могли быть только здоровыя дѣти; ихъ и оставляли въ живыхъ, ихъ и воспитывали для войны. Съ семилѣтняго возраста отнимали мальчика изъ родительскаго дома и отдавали его въ общественную школу, подъ надзоръ особаго чиновника (*παιδονόμος*). Здѣсь дѣти дѣлились на роты, агелы (*ἄγελαι*) и должны были постоянно жить, ѣсть, играть и учиться вмѣстѣ. Борьба, бѣгъ, метаніе диска и копья составляли главное занятіе спартанскихъ дѣтей въ школѣ. Читанію и письму ихъ не учили; мальчики и юноши учились играть на флейтѣ и пѣть военныя пѣсни. Для дѣвочекъ и взрослыхъ дѣвицъ устроены были особыя гимназіи, гдѣ онѣ упражнялись въ тѣхъ-же гимнастическихъ упражненіяхъ, какъ и мальчики.

Весь порядокъ жизни мальчиковъ въ школѣ имѣлъ цѣлью укрѣпить и закалить ихъ тѣло, приучивъ ихъ легко переносить и холодъ, и голодъ, и всякія лишенія. Мальчики ходили и лѣтомъ, и зимою босикомъ съ непокрытою головою, въ легкой и коротенькой одеждѣ, играли нагишомъ; и лѣтомъ, и зимою ежедневно купались въ Эвротѣ, спали на сѣнѣ, соломѣ или камышѣ съ береговъ Эврота и ничѣмъ не укрывались. Кормили ихъ впроголодь, такъ что они были принуждены красть съѣст-

успынный тайный надзоръ, причемъ эти тайные агенты иногда безнаказанно умерщвляли подозрительныхъ на ихъ взглядъ гелотовъ.

ное, и если мальчику удавалось ловко стащить что-нибудь, его не только не наказывали, но еще хвалили за ловкость; а уж кто попадался, тот получал не мало ударов плетью. Благодаря такому порядку, дѣти уже съ раннихъ лѣтъ привыкли къ хитрости и смѣлости, необходимымъ на войнѣ. Спартанскихъ юношей приучали также къ известной ловкости, къ перенесенію утомительнаго труда и тѣлесной боли. Для этого служили частыя охоты въ горахъ и походы въ самыя дальніе концы Лаконіи. По временамъ составлялись подъ надзоромъ сановниковъ изъ молодыхъ спартанцевъ дружины, которыя вступали въ борьбу на площади; несмотря на то, что оружія при этомъ не употреблялось, борьба доходила до такой степени ожесточенія, что сражающіеся кусались, даже выбивали другъ другу глаза; но никто не показывалъ и признаковъ боли. Неменьшее упорство показывали молодые спартанцы въ перенесеніи жесточайшаго бичеванія (*διαστυγισις*) предъ жертвенникомъ богини Артемиды; приче́мъ считалось постыднымъ просить пощады. Тотъ, кто выдерживалъ долѣе всѣхъ, прославлялся какъ побѣдитель у алтаря. Случалось иногда, что бичуемые выпускали духъ, не издавая звука. Обычай этотъ былъ первоначально установленъ взаи́мнъ человѣческихъ жертвъ богинѣ Артемидѣ, которая, по древнему вѣрованію, требовала для умиловивленія своего человѣческихъ жертвъ.

Чтобы развить мальчиковъ умственно, научить ихъ почтительно держаться въ присутствіи старшихъ и выражаться обо всемъ коротко, сжато, мѣтко (лаконически), мальчиковъ брали часто на сходки взрослыхъ людей, чтобы они прислушивались къ разговору старшихъ объ общественныхъ дѣлахъ, къ ихъ веселымъ шуткамъ и остроумнымъ насмѣшкамъ. Мальчиковъ нарочно вовлекали въ эти разговоры; заставляли ихъ сказать свое мнѣніе, быстро и мѣтко отвѣчать на заданные вопросы или шутки. Такимъ образомъ, научались мальчики удерживаться отъ всякой болтовни и выражать многое въ немногихъ словахъ (*βραχυλογία*).

Съ достиженіемъ 20-лѣтняго возраста, молодые люди обязывались уже вступить въ военную службу; но различныя гимнастическія упражненія и военныя продолжались еще до 30-лѣтняго возраста. Лишь на 31 году жизни спартанцы становились полноправными гражданами въ строю и въ народномъ собраніи, тогда только могли они вступать въ бракъ и заводить свое особое хозяйство. Еще древніе писатели замѣчали односторонность спартанскаго воспитанія. Такое направленіе объясняется, однакожь, вполне особенностію положенія Спарты во время Ликурга. „Насъ мало, и мы властвуемъ надъ многими: намъ можно держаться только войной и побѣдой“—эти слова спартанскаго полководца Бразиды, сказанныя уже въ началѣ пелопонесской войны, еще гораздо болѣе шли къ положенію спартанцевъ въ IX в., когда небольшая дружина дорійскихъ завоевателей была окружена со всѣхъ сторонъ еще непокоренными ахейскими городами, дома-же должна была ежедневно ожидать опасности отъ гелотовъ, еще не привыкшихъ переносить рабство. Въ этихъ

обстоятельствахъ заключается полное оправданіе односторонности Ликурговыхъ постановленій относительно воспитанія.

Строгой дисциплинѣ, къ которой приучалась воспитаніемъ молодежь, должны были подчиняться и взрослые. Спарта представляла какъ-бы постоянный военный лагерь, а спартанскіе граждане — военное братство. Члены этого братства жили, по выраженію Плутарха, какъ пчелы въ ульѣ, зная только интересы общины и почти лишенные сладости семейной и личной жизни; каждый спартанецъ обязанъ былъ вести предписанный образъ жизни и постоянно имѣть въ виду, что онъ принадлежитъ не самому себѣ, а отечеству.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ учрежденій, приписываемыхъ Ликургу и служившихъ къ поддержанію общности въ Спартѣ, были общіе столы, называемые сисситіей и фейдитіей (*σισσιτία, φαιδίτια*). Общественные столы были не только дорическимъ, но общимъ древне-эллинскимъ религіознымъ обычаемъ. На древній обычай общественныхъ столовъ есть указанія въ Одиссеѣ. Это были священные пиры въ честь боговъ, покровителей города, въ которыхъ участвовали всѣ граждане сообща и которые заканчивались возліянiями и молитвою. Такимъ образомъ, пиры эти носили на себѣ признаки религіознаго торжества. Но въ Спартѣ сисситія или общественные столы представляли общественное учрежденіе и состояли въ томъ, что граждане должны были ежедневно обѣдать за общими столами или трапезами. Каждый вносилъ для того ежемѣсячно извѣстную долю ячменя, вина, сыра, оливъ или фигъ и нѣсколько денегъ; кромѣ того, каждый былъ обязанъ давать своимъ застольникамъ часть животнаго, принесеннаго имъ въ жертву богамъ. Въ общихъ столахъ участвовали одни мужчины; женщины обѣдали у себя дома. За однимъ столомъ было 15 человекъ, и члены каждаго стола были постоянные; обѣдъ былъ одинъ для всѣхъ, и ни одинъ спартанецъ не могъ уклониться отъ участія въ сисситіи; даже царямъ не было дозволено обѣдать дома. Право гражданства обуславливалось участіемъ въ одномъ изъ застольныхъ обществъ. Послѣ обѣда члены сисситіи могли угощать другъ друга лакомствами и пить вино пополамъ съ водою; напиваться допьяна было строго запрещено. Обѣдъ сопровождался оживленной бесѣдой объ общественныхъ дѣлахъ, остроумными шутками и веселымъ смѣхомъ. Пѣсни были необходимымъ условіемъ и украшеніемъ каждаго обѣда.

Общественные столы были въ завѣдываніи военачальниковъ или полемарховъ и находились въ связи со всѣмъ военнымъ устройствомъ Спарты и съ ея суровою дисциплиною. Всю свою жизнь спартанскій гражданинъ находился подъ надзоромъ своихъ начальниковъ и своихъ согражданъ. День проводилъ онъ въ гимнастическихъ и военныхъ упражненіяхъ и за общественнымъ столомъ, ночь — въ общественной палаткѣ, къ которой принадлежалъ; даже съ женой и дѣтьми видѣлся онъ очень рѣдко.

При крайне простомъ образѣ жизни у спартанца почти не было за-

ботъ о матеріальныхъ нуждахъ: поле его обрабатывали гелоты, такъ что самъ онъ могъ посвящать все свое время военнымъ упражненіямъ, да охотѣ. Но цѣль жизни для спартамца составляла война, и на нее онъ отправлялся, какъ на праздникъ, нарядившись въ лучшія праздничныя свои одежды.

Законами Ликурга всѣ предметы роскоши были запрещены. При постройкѣ дома позволялось употреблять для отдѣлки крыши только топоръ, а для отдѣлки дверей только пилу, такъ что вся деревянная часть постройки должна была состоять изъ грубо обтесанныхъ стропилъ и досокъ. Для того, чтобы эта простая жизнь не извратилась вслѣдствіе сношеній съ чужеземцами, сообщеніе съ другими странами было очень затруднено. Ни одинъ спартамецъ не могъ безъ позволенія переступить границу. Оставленіе отечества безъ особаго разрѣшенія наказывалось смертію, потому что оно равнялось побѣгу изъ войска. Долгое пребываніе въ Спартѣ гражданъ изъ другихъ городовъ было также сильно стѣснено, вслѣдствіе закона объ изгнаніи иностранныхъ гостей (*ξενηλασία*). Золота и серебра тогда еще не было въ употребленіи въ Спартѣ, а желѣзная монета, бывшая тамъ въ обращеніи, не привлекала иностранныхъ купцовъ *).

Раздѣлъ земель. Нѣкоторые изъ древнихъ писателей (Плутархъ, Полибій) приписывали Ликургу новое распредѣленіе поземельной собственности, съ цѣлію предотвратить скопленіе богатствъ въ рукахъ немногихъ лицъ и уравнивать бѣдныхъ съ богатыми. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Плутархъ, въ своемъ жизнеописаніи Ликурга (гл. VIII). „Наиболѣе смѣлое учрежденіе Ликурга было раздѣленіе земель. Неравенство состояній было страшное: масса обѣднѣвшихъ и неимущихъ людей была въ тягость государству, между тѣмъ какъ богатства стеклись въ руки немногихъ. Имѣя въ виду уничтожить высокомеріе и зависть, изгнать преступность и изнѣженность, а также двѣ болѣзни государственнаго организма, еще болѣе древнія и еще болѣе закоренѣлыя, богатство и бѣдность, Ликургъ убѣдилъ спартамцевъ, сложивши всю землю въ одно цѣлое, произвести раздѣлъ такъ, чтобы всѣ имѣли равныя участки и равное достояніе. Осуществивъ свое намѣреніе, Ликургъ раздѣлилъ одну часть Лаконіи на 30,000 участковъ для переѣзковъ, а изъ тѣхъ земель, которыя окружали городъ Спарту, сдѣлалъ 9,000 участковъ, потому что именно столько было спартамцевъ, получившихъ надѣлы“. Но никто изъ древнихъ писателей, болѣе близкихъ, чѣмъ Плутархъ, ко времени Ликургова законодательства, не упоминаетъ о раздѣленіи земель, которое будто бы сдѣлалъ Ликургъ, и ихъ молчаніемъ главнымъ образомъ опровергается достоверность свидѣтельства Плутарха, ибо нѣтъ сомнѣній, что если-бы приписываемая Ликургу мѣра дѣйствительно была принята имъ, она была-бы самымъ труднымъ и важнымъ его дѣломъ и не могла-бы не быть упомянута писателями, говорящими о спартамскомъ устройствѣ **).

*) Золотая и серебряная монета тогда еще не были въ употребленіи не только въ Спартѣ, но и во всей Греціи; серебряную монету первый началъ чеканить на о. Эгинѣ правитель Аргоса Фидонъ, жившій около ста лѣтъ послѣ Ликурга.

**) Гротъ, опираясь на приведенномъ соображеніи, показалъ съ полной убѣдительною, что Ликургъ никогда и не предпринималъ подобной мѣры раздѣленія поровну поземельной собственности. Происхожденіе невѣрнаго извѣстія о раздѣлѣ земли Ликургомъ Гротъ объясняетъ желаніемъ освятить авторитетомъ его реформу поземельнаго устройства, задуманную спартамскимъ царемъ Агисомъ въ III в. до Р. X.

Распространеніе предѣловъ спартанской республики и установленіе ея гегемоніи въ Греціи. Когда, благодаря законамъ Ликурга, прежнія внутреннія несогласія между спартанцами прекратились, и всѣ граждане Спарты образовали одно сплошное и отлично организованное войско, начался рядъ завоеваній спартанцевъ, который продолжался въ теченіе почти трехъ столѣтій, такъ что уже въ половинѣ VI ст. Спарта владѣла двумя пятими Пеллопонеса. Прежде всего спартанцы обратили свое оружіе на покореніе тѣхъ городовъ Лаконіи, которые сохраняли еще независимость. Такъ, довольно скоро были покорены сосѣдній со Спартою городъ Амиклы и приморскій городъ Гелосъ. Нѣкоторые-же города сдались добровольно. Гораздо болѣе труднымъ дѣломъ была для Спарты начавшаяся вскорѣ борьба съ Мессеніей.

Извѣстія, дошедшія о войнахъ Спарты съ Мессеніей, имѣютъ мало исторической достовѣрности, такъ какъ повѣствованія древнихъ писателей объ этихъ войнахъ заимствованы изъ позднѣйшихъ мессенскихъ народныхъ сказаній. Уже задолго до мессенскихъ войнъ спартанцы съ завистью смотрѣли на плодоносную Мессенію съ ея цвѣтущими масличными деревьями и виноградомъ. Поэтому, когда Спарта усилилась, то нуженъ былъ только поводъ, чтобы началась война.

Относительно первой мессенской войны извѣстно, что она началась изъ-за пограничныхъ споровъ и взаимныхъ набѣговъ пограничныхъ жителей, продолжалась около 20 лѣтъ (743—724) и окончилась взятіемъ горной крѣпости Итомы и порабощеніемъ мессенянъ. Но самый ходъ борьбы въ точности неизвѣстенъ. Героемъ первой мессенской войны прославленъ мессенскій царь Аристодемъ, который, по преданію, для доставленія побѣды своему народу, обрекъ на жертву свою родную дочь, такъ какъ дельфійскій оракулъ возвѣстилъ, что спасеніе Мессеніи связано съ приношеніемъ въ жертву непорочной дѣвицы царскаго рода. Мессеняне, одержали было побѣду, но скоро спартанцы опять взяли верхъ. Тогда Аристодемъ, отчаявшись въ спасеніи отечества, закололъ себя на могилѣ дочери. Покоренные мессеняне обращены были въ періэговъ и, потерявъ политическую независимость, должны были ежегодно отдавать Спартѣ половину сбора со своихъ полей. Но значительная часть мессенянъ предпочла оставить свое отечество и выселилась частію въ Аркадію и Арголиду, частію-же въ южную Италію.

Старое, угнѣненное войною поколѣніе мессенянъ еще терпѣливо переносило тяжелое спартанское иго, но когда подросло новое поколѣніе, желаніе отомстить спартанцамъ и возвратить свою потерянную свободу взяло верхъ. Въ 685 г., сорокъ лѣтъ спустя послѣ взятія крѣпости Итомы, вспыхнуло возстаніе мессенянъ противъ Спарты. Въ этой войнѣ героемъ со стороны мессенянъ является предводитель ихъ Аристоменъ, которому народное преданіе приписало цѣлый рядъ чудесныхъ подвиговъ. Благодаря необыкновенной храбрости Аристомена и отчаянной борьбѣ мессенянъ, спартанцы были доведены до такой брѣяности, что,

по совѣту дельфійскаго оракула, обратились къ аѳинянамъ съ просьбою дать имъ полководца. Аѳиняне, въ насмѣшку, прислали имъ хромаго пѣвца Тиртея, которому удалось своими военными гимнами настолько возстановить упавшій духъ спартанцевъ, что они послѣ долгой и упорной борьбы снова покорили Мессенію, не смотря на то, что сторону ея приняли многія сосѣднія племена. Независимое существованіе мессенянъ кончилось въ 668 г. Большая часть мессенянъ выселилась въ нижнюю Италію и Сицилію, часть нашла себѣ убѣжище въ Аркадіи, остальные же были обращены спартанцами въ гелотовъ, которые не разъ еще угрожали возстаніемъ Спартѣ.

Цѣлые три вѣка Мессенія оставалась подъ игомъ Спарты, пока уже около половины IV в. до Р. Хр., во время побѣдоносной борьбы Фивъ со Спартой, не получила снова свободы. Послѣ порабоженія Мессеніи, Спарта обратила свое оружіе противъ другихъ сосѣдей аркадцевъ и аргивянъ. Аркадцы были вовлечены въ борьбу со Спартой, вслѣдствіе помощи, оказанной ими мессенянамъ; но, хотя послѣ нѣсколькихъ побѣдъ Спарты они и должны были признать ея первенство и вступить съ нею въ союзъ, они все-таки сохранили свою независимость. Арголида стремилась къ преобладанію на всемъ полуостровѣ, и въ половинѣ VIII в., во время правленія тиранна Фейдона, подчинила себѣ даже Коринѳъ и Эгину, но должна была въ половинѣ VI в. уступить Спартѣ прилегающій къ Лаконіи округъ Кинурию и съ тѣхъ поръ уже не въ силахъ была воевать со Спартой. Однако-жь она не заключила союза со Спартой и постоянно уклонялась отъ участія во всѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ Спарта являлась предводительницею пелопонесцевъ.

Въ концѣ VI в. Спарта стояла во главѣ союза, который, за исключеніемъ Арголиды и незначительной Ахаіи, обнималъ весь Пелопонесъ и простирался даже отчасти за предѣлы его. Сообразно своему названію (симмахіи — *συνμαχία*), союзъ этотъ имѣлъ въ виду единство общей защиты и наступательныхъ дѣйствій противъ внѣшнихъ враговъ, общее веденіе войны подъ гегемоніей или верховнымъ предводительствомъ Спарты. Къ общимъ дѣламъ принадлежали именно веденіе войны и заключеніе мира и договоровъ. Для рѣшенія такихъ дѣлъ собирались послы отъ союзныхъ государствъ на сеймы, предсѣдательство въ которыхъ принадлежало Спартѣ. Ей принадлежалъ на этихъ сеймахъ рѣшающій голосъ. Безъ согласія ея общая война не могла быть рѣшена. Спарта-же не была обязана повиноваться даже общей волѣ союзниковъ. Такимъ образомъ Спарта получила рѣшительно преобладающее вліяніе въ Пелопонесѣ, такъ-что въ эпоху персидскихъ войнъ выступила, какъ предводительница цѣлой Греціи, пока не уступила своего первенства Аѳинамъ.

ИСТОРИЯ АЭИНЪ.

Аттика и Аэины. Аттика составляла весьма небольшой, глубоко вдающийся въ море полуостровъ слишкомъ въ 40 кв. м., представляющій значительное разнообразіе по характеру мѣстности и имѣющій очень выгодное приморское положеніе. Внутри Аттика представляла каменистыя и лишенныя почти всякой растительности пространства. Гористая восточная окраина страны и весь восточный берегъ насупротивъ острова Эвбеи, образуемый спускомъ горъ къ морю, составляла часть Аттики, которая называлась Диакріей или Гиперакріей и была почти совершенно неспособна къ земледѣлю; это была страна пастушеской жизни, и жители ея были самою бѣдною частію населенія Аттики. Холмистая часть полуострова, занимающая побережье южной оконечности его и оканчивающаяся мысомъ Суніемъ, также была неудобна для земледѣлія, но зато вызывала жителей къ торговлѣ и мореплаванію. Она носила въ древности имя Паралии, перешедшее и на жителей ея. Лучшая часть Аттики это—ея равнина (τὸ πεδῖον). Съ трехъ сторонъ ограниченная горами, она съ четвертой стороны спускается къ морю, омывающему ее съ юго-запада. Природа особенно благопріятствовала этой части Аттики, на которой лежали Аэины. Орошаемая рѣкою Кефиссомъ, которая увлажняетъ почву своими умѣренными разливами, равнина эта славилась своимъ земледѣліемъ и производствомъ оливковаго масла и отличнымъ климатомъ. Жители этой равнины, такъ называемые педіэи составляли самую богатую часть населенія Аттики. Однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вывоза былъ превосходный мраморъ изъ горъ Пентеликона и Гиметта. Не менѣе важную статью торговли составлялъ медь, такъ какъ растущія на горѣ Гиметтѣ травы отличаются особеннымъ благоуханіемъ. Но главнымъ источникомъ богатства Аттики были ея серебряныя рудники въ горахъ Лавріона.

Главный городъ Аттики, Аэины, лежалъ недалеко отъ Сароническаго залива. На ю.-з. отъ Аэинъ глубоко вдается въ море холмистый полуостровъ, образуя по обѣ стороны бухты, служившія безопасными и просторными гаванями для Аэинъ; изъ нихъ ближайшая къ городу—Фалерская гавань, но Пирейская, болѣе безопасная и просторная, сдѣлалась главнымъ военнымъ и торговымъ портомъ Аэинъ. Большая часть города расположена на равнинѣ; только въ югозападной части его возвышалось нѣсколько холмовъ. На самомъ крутомъ и высокомъ изъ нихъ находился кремль аэинскій или акрополь, обнесенный стѣнами. Замѣчательнъ также холмъ Пниксъ, бывшій мѣстомъ аэинскаго народнаго собранія.

Населеніе Аттики; дѣленіе гражданъ на сословія и филы. Населеніе Аэинъ въ самое цвѣтущее время аэинской республики простиралось

до 180,000 жителей, а население всей Аттики до полумилліона. Большую часть этого многочисленнаго, въ сравненіи съ пространствомъ, населенія Аттики составляли рабы и переселенцы изъ другихъ греческихъ родовъ—метэки (μετοικοι). Положеніе этихъ метэковъ-иностранцевъ было до извѣстной степени сходно съ положеніемъ періэковъ въ Спартѣ: подобно имъ они сосредоточивали въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность, обязаны были отчасти отбывать военную службу, платили подати; они не имѣли гражданскихъ правъ, и каждый изъ нихъ долженъ былъ избрать себѣ покровителя (προστάτης) изъ гражданъ. Коренное население Аттики принадлежало къ обитавшему тамъ съ незапамятныхъ временъ іоническому племени.

Но тогда какъ въ Спартѣ всѣ граждане спартиаты пользовались одинаковыми правами и несли одинаковыя обязанности, въ Аѣнахъ коренные граждане уже издревле различались по своему положенію и подраздѣлялись на три класса или сословія (ἔθνη): эвпатриды или благородные, геоморы—мелкіе землевладѣльцы и деміурги—ремесленники. Эвпатриды представляли классъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ, а геоморы и деміурги—классъ простыхъ и бѣдныхъ гражданъ—демось. Но, кромѣ этого раздѣленія на сословія, граждане Аттики, какъ и вообще граждане всѣхъ іоническихъ городовъ, подраздѣлялись еще съ незапамятныхъ временъ на четыре филы или колѣна. Каждая изъ этихъ четырехъ филъ подраздѣлялась на три фратріи, и каждая фратрія заключала въ себѣ 30 родовъ. Каждая фила заключала въ себѣ и эвпатридовъ, и геоморовъ, и деміурговъ.

Первоначально какъ роды, такъ и фратріи, и филы составлялись изъ лицъ, находящихся между собою въ кровномъ родствѣ. Но роды, фратріи и филы Аттики въ историческое время представляли уже произвольныя соединенія людей, связанныхъ не узами родства, а политическими и, главнымъ образомъ, религіозными цѣлями.

Такъ фратріи, образовавшіяся изъ соединенія многихъ родовъ, представляли братства, члены которыхъ были связаны поклоненіемъ общему божеству, которое признавалось покровителемъ фратріи и которому приносили они сообща жертвы въ общихъ святилищахъ, гдѣ собирались члены фратрій, нѣсколько разъ въ году, подъ предѣдательствомъ фратріарха. Каждая фратрія имѣла свой собственный судъ. Изъ соединенія трехъ фратрій составлялась фила, которая въ свою очередь имѣла свое общее божество, служившее связующимъ началомъ для всѣхъ членовъ филы. Каждая фила имѣла своего особаго начальника филобасилея (φίλοβασιλεύς), который имѣлъ обязанность жреца и былъ представителемъ всѣхъ членовъ филы передъ богами. Каждая фила имѣла свои празднества, свои отдѣльныя собранія, свой собственный судъ.

Не всѣ аѣнскіе граждане были членами филы или филетами: доступъ въ филы былъ затрудненъ особенными религіозными учрежденіями каждой филы, ибо религіозныя понятія того времени не позволяли, чтобы посторонніе люди вступали въ религіозное общеніе съ членами того или другаго замкнутаго общества. Принадлежность къ той или другой филѣ имѣла важное значеніе для аѣнянина, такъ какъ она была существеннымъ условіемъ права гражданства.

Аѣины до Солона. Основаніе государства аѣинскаго и упраздненіе царской власти. Древнѣйшая исторія Аѣинъ извѣстна весьма мало. Основаніе аѣинскаго государства приписывается Тезею, который соединилъ въ одно государство 12 отдѣльныхъ городскихъ общинъ и сдѣлалъ Аѣины центромъ управленія всей Аттики. До Тезея (говорить Фукидидъ) въ Атикѣ было много разныхъ городовъ, изъ которыхъ каждый былъ независимъ и изъ которыхъ нѣкоторые находились даже во враждѣ между собою. Только въ случаяхъ общей опасности они совѣщались между собою подъ предсѣдательствомъ аѣинскихъ царей. Но послѣ того, какъ Тезей соединилъ въ одно всѣ отдѣльныя городскія общины, Аттика получила одно правительство и Аѣины сдѣлались единственнымъ городомъ ея. Мѣстныя думы другихъ городовъ перестали существовать, и ихъ власть перешла въ руки аѣинскаго сената. Память объ этомъ событіи поддерживалась во все продолженіе историческаго времени праздникомъ такъ называемыхъ панаѣиной въ честь богини Аѣины Полиады. Аѣины сдѣлались политическимъ и религіознымъ средоточіемъ всей Аттики.

Во главѣ аѣинскаго государства стоялъ первоначально царь, окруженный самыми знатными изъ эвпатридовъ, составлявшими его совѣтъ или буле. Издревле находилось также въ Аѣинахъ и народное собраніе съ такимъ-же значеніемъ, какъ народное собраніе героическаго времени—агора. Но около половины XI в. (1068 г.), эвпатридамъ удалось упразднить царскую власть. Это случилось, по преданію, слѣдующимъ образомъ. Овладевъ сѣверовосточною частію Пелопонеса, доряне двинулись противъ Аттики. Предъ этимъ оракуль предсказалъ имъ, что только въ томъ случаѣ покорятъ они Аттику, если не убьютъ ея царя. Предсказаніе это сдѣлалось извѣстнымъ и аѣинянамъ. Тогда царь ихъ Кодръ, чтобы спасти свое отечество, рѣшился пожертвовать собою. Одѣвшись простымъ земледѣльцемъ, вышелъ онъ къ дорійскому лагерю собирать хворостъ. Нѣкоторые воины изъ лагеря дорянъ подошли къ переодѣтому царю, онъ ударилъ одного изъ нихъ серпомъ, и за то былъ убитъ. Когда послѣ того аѣиняне стали просить чрезъ пословъ отдать имъ трупъ царя, доряне догадались о самопожертвованіи Кодра и, испугавшись предсказанія оракула, отступили. По смерти Кодра, эвпатриды убѣдили народъ, что послѣ него никто недостойнъ занять царскій престолъ.

Архонты. Со смерти Кодра аѣиняне управлялись пожизненными правителями, архонтами, у которыхъ отняты были принадлежавшіе царямъ первосвященнической санъ и надзоръ за религіозными дѣлами. И то и другое присвоили себѣ эвпатриды, къ которымъ перешла вся власть. Но эта перемѣна совершилась чрезвычайно постепенно и незамѣтно для демоновъ. Такъ, по смерти Кодра болѣе трехъ столѣтій во главѣ государства стояли въ званіи архонтовъ потомки изъ рода Кодра или кодриды, но только какъ верховные сановники государства, отвѣтственные предъ эвпатридами. Съ половины VIII в. (752 г.) архонты стали избираться только на 10 лѣтъ, хотя все еще избирались изъ рода Кодра.

Но уже скоро (съ 714 г.) всѣ эвпатриды получили доступъ къ архонтству, а затѣмъ (682 г.) архонты стали назначаться только на одинъ годъ, и власть раздѣлена была между 9-ю архонтами, которые по истеченіи года обязаны были отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ сословію эвпатридовъ.

Изъ этихъ девяти архонтовъ первые три, въ рукахъ которыхъ сосредоточены были главныя обязанности прежнихъ царей, носили особенный титулъ. Главнымъ считался архонтъ эпонимъ, именемъ котораго обозначался годъ его правленія. Ему принадлежалъ высшій надзоръ надъ внутреннимъ государственнымъ управленіемъ и судъ во всѣхъ семейныхъ тяжбахъ; онъ-же былъ покровителемъ вдовъ и сиротъ. Второму архонту, базилею, принадлежали жреческія обязанности прежняго царя и судъ относительно преступленій противъ религіи. Третій—полемархъ предводительствовалъ военными силами и завѣдывалъ военною администраціею. Остальные шесть архонтовъ назывались бесмотетами (законодателями) и судили во всѣхъ почти уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Но рядомъ съ архонтами стояла также въ это время въ аѣинскомъ государствѣ издревле существовавшая дума или сенатъ. Сенатъ этотъ, собиравшійся на холмѣ Ареса, Ареопагъ, состоялъ изъ однихъ эвпатридовъ. Передъ этимъ-то сенатомъ Ареопага и были, вѣроятно, отвѣтственны архонты. Исполнительная-же власть была въ рукахъ совѣта притановъ, избиравшихся ежегодно эвпатридами.

Господство эвпатридовъ. Такимъ образомъ эвпатриды стали полновластными господами въ Атикѣ: они исключительно занимали всѣ должности жреческія и государственныя, въ ихъ рукахъ было толкованіе божественныхъ и человѣческихъ законовъ. Эвпатриды-же судили по своему усмотрѣнію и произволу, пользуясь тѣмъ, что писанныхъ законовъ не было, а дѣла рѣшались на основаніи обычаевъ и отцовскихъ преданій, которые знали и могли толковать одни только эвпатриды. Въ рукахъ-же эвпатридовъ была большая часть земли и капиталовъ. Пользуясь своею властію и силой, эвпатриды угнетали демось. Хотя они и при царяхъ имѣли вліяніе на государственныя дѣла, но цари, какъ верховные покровители народа, были защитниками простыхъ и бѣдныхъ гражданъ противъ всякихъ притѣсненій со стороны эвпатридовъ. У архонтовъ-же бѣднымъ гражданамъ было трудно найти защиту, такъ какъ они, принадлежа сами къ эвпатридамъ и отвѣтственные предъ ними, дѣйствовали, естественно, въ ихъ интересахъ. Между тѣмъ бѣдные граждане были тѣмъ болѣе во власти эвпатридовъ, что за неуплату долговъ часто попадали къ нимъ въ рабство. Причиной тому были жестокія постановленія о долговыхъ обязательствахъ, существовавшія въ Аѣинахъ, какъ и вездѣ почти въ древнемъ мірѣ. Въ силу этихъ законовъ несостоятельный должникъ становился рабомъ своего займодавца, кромѣ того занимающій имѣлъ право закабалить себя и даже дѣтей своихъ кредитору. Такимъ образомъ многіе изъ бѣдныхъ отдавали подъ залогъ эвпат-

ридамъ сначала свои земли, а потомъ и свое тѣло и тѣла другихъ лицъ своего семейства. Число свободныхъ собственниковъ все болѣе и болѣе уменьшалось.

Законы Дракона. Выведенный изъ терпѣнія демосъ сталъ жаловаться на угнетеніе и произволъ эпатридовъ и требовать отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, писанныхъ законовъ. Недовольство бѣдныхъ гражданъ, угрожавшее возмущеніями, принудило эпатридовъ уступить: они согласились на изданіе писанныхъ законовъ и поручили это дѣло архонту Дракону (624 г.). По словамъ Плутарха, о законахъ Дракона, по причинѣ строгости ихъ и жестокости наказанія, говорили впоследствии, что они были писаны не чернилами, а кровью, ибо за всѣ преступленія было опредѣлено въ нихъ одно наказаніе—смерть, такъ что попадавшіеся въ кражѣ овощей или плодовъ наказывались наравнѣ съ убійцами и святотатцами *).

Изданные Дракономъ законы не только не облегчили положенія демоса, но способствовали еще большому угнетенію его. Написанные въ интересахъ господствующаго сословія, они усилили строгость законовъ относительно долговыхъ обязательствъ; несостоятельный должникъ не только отдавался въ полное распоряженіе заимодавца, но послѣдній могъ даже продать его, какъ раба, за предѣлы страны; къ тому-же законы Дракона вовсе не касались политическаго устройства Аѣинъ.

Такимъ образомъ, безправное угнетенное положеніе демоса ухудшилось, раздоры между демотами и эпатридами продолжались по прежнему, и наступила полная анархія.

Килонъ. Такимъ положеніемъ дѣль въ Аѣинахъ хотѣлъ воспользоваться честолюбивый эпатридь Килонъ, чтобы отнять власть у эпатридовъ и сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ. Килонъ съ знатнымъ происхожденіемъ соединялъ славу побѣдителя на олимпійскихъ играхъ и былъ женатъ на дочери тиранна Оеагена, захватившаго власть въ сосѣдней съ Аттікой Мегарѣ. Побуждаемый примѣромъ своего тестя и обѣщаніемъ съ его стороны вооруженной помощи, Килонъ составилъ замыселъ силою завладѣть акрополемъ. Но, какъ благочестивый грекъ, онъ прежде всего обратился за совѣтомъ къ дельфійскому оракулу. Оракулъ далъ совѣтъ Килону воспользоваться „великимъ праздникомъ Зевса“. Килонъ принялъ отвѣтъ оракула за указаніе на день ежегоднаго празднованія въ Аѣинахъ олимпійскихъ побѣдъ. Въ этотъ день годовщины побѣдителя, прославившій себя и свой родной городъ, обходилъ въ тор-

*) Вопросъ о законахъ Драконовыхъ остается до настоящаго времени не вполне разъясненнымъ по недостаточности показаній свидѣтельствъ древнихъ писателей. Съ одной стороны, извѣстно, что по законамъ Дракона воровство наказывалось смертію. Съ другой-же, изъ дошедшихъ о Драконѣ свѣдѣній видно, что онъ ввелъ даже смягченіе въ наказаніяхъ за смертоубійство, смотря по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину. Поэтому Гротъ полагаетъ, что слава необыкновенной строгости несправедливо приписана законамъ Дракона.

жественномъ шествіи весь городъ и храмы, украшенный вѣнкомъ и сопровождаемый товарищами и родственниками. Въ ближайшій олимпійскій праздникъ (612 г.) Килонъ, не возбуждая подозрѣнія, собралъ вокругъ себя отрядъ немногочисленныхъ приверженцевъ своихъ и людей, присланныхъ на помощь Θεагеномъ, и, увѣренный въ помощи боговъ, сдѣлалъ неожиданное нападеніе на акрополь. Предпріятіе сначала ему удалось, но явившійся въ большомъ числѣ на помощь архонтамъ народъ осадилъ акрополь, гдѣ засѣлъ Килонъ съ своими приверженцами. Недостатокъ въ пищѣ и водѣ сдѣлалъ невозможнымъ сопротивленіе для Килона. Самъ онъ успѣлъ бѣжать въ Мегару; многіе-же изъ приверженцевъ его умерли голодною смертію; это принудило остальныхъ сдаться.

Когда архонты, во главѣ которыхъ стоялъ Мегаклъ изъ рода Алкмеонидовъ, вступили въ акрополь, они нашли измученныхъ голодомъ приверженцевъ Килона, сидѣвшихъ на ступеняхъ алтаря богини Аѣины и молящихся о защитѣ. Поддавшись увѣщаніямъ архонта Мегакла, они дали себя увести; но едва поднялись они съ своихъ мѣстъ, какъ были измѣннически убиты. Такимъ образомъ главная святыня Аѣинянь подверглась оскверненію и, такъ какъ это было совершено по распоряженію архонтовъ, то гнѣвъ боговъ долженъ былъ пасть на весь аѣинскій народъ. Но проклятіе преимущественно тяготѣло на Алкмеонидахъ, какъ на главныхъ виновникахъ святотатства. Демось и приверженцы Килона требовали суда надъ Алкмеонидами и изгнанія ихъ; эвпатриды-же сначала не хотѣли выдать ихъ, какъ членовъ своего сословія. Началась распря, которая угрожала большими волненіями. Алкмеониды рѣшились добровольно подвергнуться суду изъ эвпатридовъ, который призналъ ихъ виновными и обрекъ на изгнаніе: живущіе должны были оставить Аттику; кости мертвыхъ были вывезены за предѣлы страны. Въ этомъ случаѣ и эвпатриды, и Алкмеониды дѣйствовали подъ вліяніемъ мудраго Солона.

Эпименидъ. Страхъ проклятія такъ глубоко проникъ въ сердца аѣинянь, что самое изгнаніе Алкмеонидовъ казалось недостаточнымъ для нравственнаго очищенія народа. Различныя бѣдствія, обрушившіяся въ это время на аѣинянь, какъ страшная моровая язва и неурожай, пугали народъ и казались карою боговъ за совершенное Алкмеонидами святотатство. „Городъ былъ одержимъ“, говоритъ Плутархъ, „какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ: являлись привидѣнія и вѣщатели; гадая на жертвахъ, говорили, что всѣ онѣ указывали на преступленія и святотатства, требующія очищенія“. Тогда аѣиняне, по совѣту дельфійскаго оракула, призвали къ себѣ съ острова Крита знаменитаго мудреца и очистителя Эпименида. „Его считали любимцемъ боговъ, мудрѣйшимъ во всемъ, что относится къ богамъ, и свѣдущимъ въ пророчествахъ и таинствахъ религіи“. Эпименидъ явился въ Аѣины, гдѣ совершилъ примирительныя жертвы и очищенія. Съ вершины холма, посвященнаго богу Аресу, согналъ онъ нѣсколько черныхъ и бѣлыхъ овецъ, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежала каждая изъ нихъ, были воздвигаемы, по приказанію Эпименида, жертвенники, а овцы обрекаемы въ жертву: черныя — богамъ подземнаго міра и смерти, бѣлыя — богамъ неба и свѣта. Совершеніемъ этихъ очистительныхъ и умиловительныхъ жертвъ, построеніемъ новыхъ храмовъ и нѣкоторыми измѣненіями въ богослуженіи Эпимениду удалось успокоить религіозную совѣсть аѣинянь, которые почувствовали себя какъ-бы

исцѣленными. Но кромѣ религіознаго очищенія и освященія Аѣинъ, мудрый Эпименидъ, сблизившись съ Солономъ и руководимый его совѣтами, успѣлъ нѣкоторыми постановленіями поднять нравственность аѣинскихъ гражданъ. Впослѣдствіи, благодарные Эпимениду аѣиняне соорудили въ честь его статую передъ храмомъ богини Деметры.

Солонъ. Нравственнаго очищеніе Аѣинъ сильно подняло въ глазахъ аѣинянъ значеніе Солона, всѣхъ болѣе наставлявшаго на необходимости покаянія предъ богами и руководившаго своими совѣтами Эпименида. Эпименидъ-же, въ свою очередь, много содѣйствовалъ возвышенію Солона. Въ знакъ признательности къ Солону за его заслуги, аѣиняне избрали его посломъ въ совѣтъ амфиктіоновъ, происходившій въ 595 г. въ Дельфахъ. Въ этомъ засѣданіи амфиктіоновъ Солонъ предложилъ наказъ жителей фокидскаго города Криссы, обременявшихъ разными поборами путниковъ, шедшихъ къ оракуду, и сдѣлавшихъ нападеніе на владѣнія дельфійскаго храма. Такимъ образомъ, Солонъ возбудилъ первую священную войну, которая окончилась совершеннымъ разрушеніемъ Криссы, округъ котораго былъ посвященъ богу Аполлону. Руководящая роль Солона въ первой священной войнѣ, предпринятой для отмщенія за бога Аполлона, доставила ему высокое уваженіе не только въ Аѣинахъ, но и во всей Греціи.

Несравненно высшее значеніе пріобрѣлъ Солонъ своею великою и многостороннею дѣятельностію на политическомъ поприщѣ, какъ законодатель, преобразовавшій весь государственный и общественный строй Аѣинъ. Солонъ былъ эвпатридъ и происходилъ изъ царскаго рода Кодра. Но отецъ его потерялъ, говорятъ, свое состояніе отъ расточительности, и это заставило Солона уже съ молодыхъ лѣтъ заниматься торговлей. Еще въ молодости получилъ онъ отличное образованіе и затѣмъ, во время долгихъ путешествій по Греціи и чужимъ землямъ (Египетъ, Малая Азія и др.), значительно расширилъ кругъ своихъ наблюденій и обогатился опытомъ. Съ необыкновенно глубокимъ умомъ и дарованіемъ поэта соединялъ Солонъ чрезвычайное благородство и кротость, располагавшія къ нему всѣхъ гражданъ; особенно рѣзко выдавался онъ изъ среды эвпатридовъ своимъ горячимъ желаніемъ добра народу безъ различія сословій.

Первое событіе въ которомъ Солонъ принялъ участіе, какъ политическій дѣятель, была борьба между Аѣинами и сосѣдней республикой Мегарой за обладаніе островомъ Саламиномъ. Пользуясь слабостію Аѣинъ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, мегаряне завладѣли Сароническимъ заливомъ и важнымъ для торговли аѣинянъ островомъ Саламиномъ. Вслѣдствіе этого Мегара, бывшая первоначально лишь частію Аттики, получила болѣе могущества на морѣ, чѣмъ Аѣины. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ къ возвращенію Саламина, аѣиняне отказались отъ продолженія борьбы, и аѣинское правительство даже издало законъ, по которому смертная казнь грозила каждому, кто только осмѣлится заговорить въ народномъ собраніи о возвращеніи Саламина. Поэтому никто не отваживался нарушить законъ. Это унижительное для народной гордости рѣшеніе глубоко оскорбляло Солона, и онъ рѣшился поднять духъ своихъ согражданъ и заставить ихъ отмѣнить изданное постановленіе. Однажды, въ 598 г., появился онъ на рынокъ въ шляпѣ и съ посохомъ вѣстника, съ тѣлодвиженіями и въ нарядѣ безумнаго, и

съ глубокимъ чувствомъ произнесъ передъ народомъ небольшую сочиненную имъ элегію. Онъ укорялъ аѳинянь въ постыдной робости, говорилъ о значеніи потеряннаго острова, и своей рѣчью такъ воодушевили гражданъ, что не только былъ отмѣненъ законъ, запрещавшій говорить о Саламинѣ, но снова начата война съ Мегарой, и самъ Солонъ выбранъ предводителемъ ея. Саламинъ былъ отнять у мегарянъ.

Но внутренніе раздоры между демосомъ и эвпатридами продолжались. Въ это время жители Аттики распадались на нѣсколько партій, соотвѣтствовавшихъ различнымъ условіямъ мѣстности ея. Жители гористой части, бѣдные діакрії, упорно стояли за демократическое правленіе; тѣ, которые жили въ равнинѣ—богатые педіеи, были преданы олигархіи, а третьи—жители побережья, паралии, занимавшіе среднее экономическое положеніе, желали имѣть среднее или смѣшанное государственное устройство и находились въ борьбѣ съ первыми двумя партіями. Внутренніе политическіе раздоры усиливались еще бѣдственнымъ положеніемъ народа, то есть собственно простыхъ гражданъ. Весь простой народъ былъ въ долгу у богатыхъ. Законы о долговыхъ обязательствахъ исполнялись съ такою строгостію, что многіе несостоятельные должники изъ свободныхъ людей обратились въ рабовъ, другіе сохранили свою свободу продажею дѣтей, многіе были проданы за границу и, наконецъ, многіе бѣжали изъ города отъ жестокости ростовщиковъ; большая часть мелкихъ помѣстьевъ была въ залогѣ, что по аттическому обычаю обозначалось постановленіемъ каменныхъ закладныхъ столбовъ (*βροί*) на заложенныхъ участкахъ, съ означеніемъ имени заимодавца и суммы займа. Такими закладными столбами была покрыта почти вся Аттика передъ реформою Солона. Такимъ образомъ, эвпатриды владѣли уже почти всею поземельною собственностію въ государствѣ и стали сами сознавать ненормальность въ состояніи государства и необходимость нѣкоторыхъ преобразованій. Чтобы положить конецъ внутреннимъ смутамъ и крайне бѣдственному положенію народа, необходимо было коренное измѣненіе всего государственнаго и общественнаго устройства Аѳинъ. Безпристрастіе Солона внушало полное довѣріе къ нему не только народу, но и знати. Поэтому въ 494 г. эвпатриды избрали Солона первымъ архонтомъ и дали ему полномочіе „быть водворителемъ мира между знатію и народомъ и издать необходимые для того законы“.

Сисахтейя. Прежде всего Солонъ обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе должниковъ и принялъ мѣры для скорого и радикальнаго облегченія его, „чтобы страхнуть бѣду съ аѳинскаго народа“. Солонъ уничтожилъ всѣ кабальныя записи и постановилъ, чтобы всѣ, ставшіе рабами за долги, были отпущены на волю, а проданные въ рабство въ чужія земли были выкуплены на счетъ государства. Онъ первый показалъ примѣръ великодушія относительно своихъ должниковъ, отказавшись отъ слѣдующихъ ему денегъ. Тотъ, кто владѣлъ недвижимою соб-

ственности и занявъ подъ нее деньги, не могъ быть освобожденъ отъ своего долга. Но для облегченія такихъ должниковъ Солонъ произвелъ измѣненіе въ монетной системѣ. Выбравъ изъ обращенія всю звонкую монету, онъ велѣлъ перечеканить ее на новую въ ту-же номинальную цѣнность, но менѣе вѣскую. Въмѣсто прежнихъ драхмъ, имѣвшихъ цѣнность 35 коп., чеканились новыя менѣе вѣскія драхмы, приблизительно цѣною въ 25 коп., такъ что 100 новыхъ драхмъ по цѣнѣ серебра равнялись 73 старымъ. Такъ какъ всѣ долги должны были быть уплачиваемы новою монетою, то людямъ задолжавшимъ приходилось уплачивать заимодавцамъ меньше, чѣмъ они были должны на 27⁰/₁₀₀; кредиторы-же все таки получали по номинальной цѣнности весь свой долгъ. Кромѣ того, Солонъ постановилъ, чтобы всѣ долги, сдѣланные подъ залогъ недвижимаго имущества до 594 г., выплачивались незначительными суммами въ опредѣленные сроки и лишь съ установленными умѣренными процентами. Такимъ образомъ Солонъ доставилъ возможность большей части мелкихъ землевладѣльцевъ постепенно очистить заложенную землю или, какъ говоритъ онъ самъ, „съ заложенной земли снялъ знаки во многихъ мѣстахъ поставленные, и прежде бывшая въ рабствѣ земля стала свободна“. Всѣ принятыя для облегченія должниковъ мѣры называются сейсахтея (σεισάχθεια), что собственно значить снятіе бремени.

Чтобы предотвратить на будущее время возможность повторенія тѣхъ бѣдствій народа, противъ которыхъ направлена была сейсахтея, Солонъ запретилъ впредь кому бы то ни было „занимать подъ залогъ тѣла“, и для предотвращенія скопленія всей поземельной собственности въ рукахъ немногихъ лицъ установилъ опредѣленную мѣру земли, которая могла находиться въ собственности одного владѣльца.

Раздѣленіе на классы. Въ преобразованіи государственнаго устройства Солонъ руководствовался убѣжденіемъ, что участіе въ государственномъ управленіи должно принадлежать не одной родовой знати, а всѣмъ гражданамъ, и притомъ, смотря по большому или меньшему недвижимому имуществу каждаго изъ нихъ, или, вѣрнѣе, по большому или меньшему доходу съ этого имущества. Чѣмъ больше было у кого недвижимаго имущества, тѣмъ больше долженъ онъ быть нести государственныхъ повинностей и обязанностей, но за то тѣмъ больше имѣлъ онъ и правъ.

Такимъ образомъ Солонъ, оставивъ неприкосновеннымъ родовое дѣленіе аѳинскихъ гражданъ на филы и фратріи, ввелъ новое раздѣленіе, основанное на тимократическомъ началѣ, или началѣ ценза; вмѣсто прежняго дѣленія гражданъ на три сословія (ἔθνη) онъ раздѣлил ихъ на четыре класса, (τέλη или τμήματα) по доходамъ съ недвижимаго имущества, которое было оцѣнено и записано въ публичный списокъ (τίμημα). Къ первому классу были отнесены самые богатые граждане, такъ называемые пентакосіомедимны (πεντακοσιομέδιμνοι), имѣвшіе не менѣе 500 медимновъ (около 235 четвериковъ) ячменя годоваго дохода, или соотвѣтственное этому количество вина и масла. Медимнъ же ячменя рав-

нялся цѣною драхмъ. Второй классъ составляли получавшіе отъ 300 до 500 медимновъ или драхмъ. Они назывались триакосіомедимны или гиппей (ἵππεις), т. е. всадниками, такъ какъ они въ состояніи были являться на конѣ въ военную службу. Граждане, доходъ которыхъ былъ не менѣе 150 медимновъ или драхмъ или 170 четвериковъ и не болѣе 300, составляли третій классъ, они назывались зевгиты (ζεγγῖται): т. е. упряжники или „двуконники“, такъ какъ они имѣли по меньшей мѣрѣ столько земли, что могли содержать на ней пару муловъ *). Всѣ же граждане, имѣвшіе дохода меньше 150 медимновъ, составляли четвертый классъ Ѳетовъ (ῥήτες) или поденщиковъ. Къ этому же классу принадлежали и очень богатые граждане капиталисты, не обладавшіе поземельной собственностью, такъ какъ владѣніе землею было кореннымъ условіемъ для пріобрѣтенія правъ гражданина какъ въ Аѳинахъ, такъ и во всей Греціи. Между четырьмя классами гражданъ государственныя повинности, т. е. военная служба и подати, были, по законамъ Солона, распредѣлены слѣдующимъ образомъ. На первомъ классѣ лежало снаряженіе и вооруженіе флота; второй классъ составлялъ конницу; третій выставялъ тяжелую пѣхоту и обязанъ былъ являться на войну въ тяжеломъ вооруженіи; граждане четвертаго класса не были обязаны регулярной военной службой, а призывались только въ крайнихъ случаяхъ, и то въ качествѣ легковооруженныхъ, а впоследствии и матросовъ.

Государственныя подати, которыя взымались только въ особенныхъ случаяхъ, лежали исключительно на гражданахъ первыхъ трехъ классовъ, имущество которыхъ обложено было податями сообразно той суммѣ, въ которую оно было оцѣнено; только граждане этихъ трехъ классовъ избирались во всѣ общественныя должности безъ всякаго, впрочемъ, вознагражденія. Четвертый классъ не платилъ податей, но за то былъ устраненъ отъ всѣхъ государственныхъ должностей.

Соотвѣтственно раздѣленію обязанностей распредѣлены были и права: только граждане перваго класса могли быть избираемы въ архонты; только граждане первыхъ трехъ классовъ могли быть избираемы въ сенатъ; граждане четвертаго класса, Ѳеты, хотя не имѣли вовсе доступа къ общественнымъ должностямъ, имѣли право участвовать въ народномъ собраніи и судѣ.

Должность архонтовъ, число ихъ и кругъ дѣятельности Солонъ оставилъ безъ измѣненія, только они избирались не эпатридами, какъ прежде, а народнымъ собраніемъ, посредствомъ поднятія руки; по истеченіи долж-

*) Принимая во вниманіе среднее плодородіе полей и приведенныя цифры ежегоднаго дохода съ нихъ относительно гражданъ cadaго изъ трехъ классовъ, можно заключить, что зевгиты имѣли приблизительно отъ 6—12 десятивъ, или среднимъ числомъ 9 десятивъ, гиппей—отъ 12 дес. и до 20 дес. Пентакосіомедимны не менѣе 20 десятивъ (см. сочиненіе проф. Васильевскаго «Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи», стр. 29).

ностнаго года, архонты должны были отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ народнымъ собраніемъ, гдѣ всякій могъ обвинить ихъ въ злоупотребленіи. Въ случаѣ вины ихъ можно было подвергать штрафу и лишать чести вступленія въ ареопагъ.

Правленіе по законамъ Солона.—**Сенатъ и народное собраніе.** Главнымъ правительственнымъ учрежденіемъ былъ вновь учрежденный сенатъ или совѣтъ (βουλή), состоявшій изъ 400 человекъ, выбираемыхъ ежегодно. Выборы членовъ сената происходили по филамъ, изъ каждой филы по сту членовъ. Наименьшій возрастъ для поступленія въ сенатъ былъ 30-лѣтній. Всѣ общественныя должности исполнялись безвозмездно, и знатные роды имѣли большое вліяніе при выборахъ по филамъ; не смотря на то, что доступъ въ сенатъ имѣли граждане первыхъ трехъ классовъ, въ дѣйствительности сенатъ состоялъ почти исключительно изъ болѣе зажиточныхъ гражданъ первыхъ двухъ классовъ; граждане-же третьяго класса, преимущественно собственники небольшихъ земельныхъ участковъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ пользовались своими правами. Сенатъ наблюдалъ почти за всѣми отраслями администраціи. Въ вѣдѣніи его были доходы и расходы государства. Всѣ правительственныя мѣропріятія должны были быть предложены, обсуждены и одобрены сенатомъ. Ему принадлежало и вѣдѣніе политическое представительство въ международныхъ сношеніяхъ. Сенату-же принадлежала и законодательная дѣятельность, именно: предварительное обсужденіе каждаго закона до представленія его на утвержденіе народнаго собранія (τροβούλευμα). Предложеніе каждаго закона могло исходить только изъ сената, и безъ согласія его ни одинъ законъ не могъ имѣть силы. Сенатъ имѣлъ даже право, въ исключительныхъ случаяхъ, издавать узаконенія, не одобренныя народнымъ собраніемъ, но только на годичный срокъ. Для занятій текущими дѣлами изъ четвертой части членовъ сената той или другой филы составлялся особый комитетъ, члены котораго мѣнялись чрезъ каждые три мѣсяца, такъ что въ немъ поочередно засѣдали всѣ члены сената. Этотъ комитетъ назывался пританіей, а члены его пританами. Имъ было отведено на главной рыночной площади особое мѣсто, гдѣ всякій имѣвшій къ нимъ дѣло имѣлъ свободный доступъ.

Право голоса въ народномъ собраніи имѣли всѣ аѳинскіе граждане, достигшіе 20-лѣтняго возраста и не утратившіе своихъ гражданскихъ правъ. Народное собраніе избирало всѣхъ должностныхъ лицъ, утверждало законы и бюджетъ и рѣшало въ высшей инстанціи вопросы о войнѣ и мирѣ. Такимъ образомъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ государства Солонъ предоставилъ народному собранію рѣшающій голосъ. Народное собраніе или экклесія (ἐκκλησία) происходило обыкновенно четыре раза въ годъ, въ началѣ каждой четверти года, одновременно со смѣною пританіи. Помимо этого, народное собраніе созывалось иногда въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Предсѣдательство въ народномъ собраніи принадлежало такъ же, какъ и въ сенатѣ, первому архонту. Созывалось оно сенатомъ или

предводителемъ войска чрезъ глашатаевъ. Обыкновеннымъ мѣстомъ собранія былъ холмъ Пниксъ, на которомъ съ одной стороны полукругомъ устроены были ступенями скамьи для сидѣнья.

Присутствіе въ народномъ собраніи было обязательно для всѣхъ гражданъ, и особые чиновники наблюдали за тѣмъ, чтобы ни одинъ гражданинъ не оставлялъ собранія до его окончанія. Предъ началомъ засѣданія запирались городскія ворота и прекращалась всякая торговля. Народное собраніе открывалось жертвоприношеніями и молитвою; самое же засѣданіе начиналось чтеніемъ постановленія сената, которое предлагалось на утвержденіе народа. По приглашенію герольда, должны были поднять руки сначала тѣ, которые были за постановленіе, потомъ тѣ, которые были противъ него. Если-же результатъ поднятія рукъ (*χεροτέμια*) не выяснялъ рѣшенія, то герольды должны были собирать голоса у каждаго отдѣльно. Если большинство голосовъ было за постановленіе сената, то засѣданіе считалось оконченнымъ; въ противномъ-же случаѣ вопросъ еще обсуждался въ народномъ собраніи. Право говорить (*ἀγορεύειν*) принадлежало каждому гражданину, ничѣмъ не запятнавшему своей чести и исполнившему всѣ обязанности относительно государства. Такъ какъ не много было такихъ гражданъ, которые были бы хорошо знакомы съ государственными дѣлами и способны были говорить предъ всѣмъ собраніемъ дѣльно и красиво, то на вызовъ глашатая обыкновенно выступали на каеэдру, какъ ораторы, только люди близко знакомые съ государственными дѣлами и увѣренные въ своихъ силахъ. Ораторъ могъ говорить совершенно свободно, и никто не имѣлъ права его прерывать, но онъ могъ говорить только за или противъ предложенія сената, но не имѣлъ права дѣлать какія-либо предложенія съ своей стороны.

Суды геліастовъ. Чтобы ограничить произволъ и злоупотребленія въ отношеніи суда, Солонъ предоставилъ народу участіе и въ этой дѣятельности, хотя лишь въ извѣстномъ, ограниченномъ смыслѣ. Для этой цѣли ежегодно выбиралось 4,000 человекъ, по 1,000 изъ каждой филы, имѣвшихъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Собраніе этихъ гражданъ въ совокупности составляло высшую инстанцію для апелляціи на приговоры судебныхъ чиновъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Собраніе этихъ народныхъ судей называлось, въ отличіе отъ общаго народнаго собранія экклезіи, геліей (*ἡλιαία*), а члены его геліастами (*ἡλιασταί*), или присяжными, такъ какъ они обязаны были, по избраніи, давать клятву именемъ Зевса, Посейдона и Деметры, что они будутъ выслушивать безпристрастно истца и отвѣтника, обвинителя и обвиненнаго. Въ заключеніе клятвы присягающій призывалъ проклятіе на свою собственную голову въ случаѣ нарушенія клятвы. Жалобы въ судъ геліастовъ подавались письменно, а судъ производился устно и публично. Предсѣдательствовали въ судѣ архонты тесмотеты. Сначала судъ происходилъ только въ общемъ собраніи геліастовъ, впоследствии же на каждый процессъ отдѣльно избиралось по жребію извѣстное число геліастовъ, которые должны были участвовать въ судѣ. Судъ геліастовъ судилъ также государственныя преступленія. Предъ нимъ отвѣтственны были должностныя лица по истеченіи годичнаго срока службы. Суду геліастовъ принадлежало право произносить приговоръ даже надъ архонтами, уличенными въ неправильныхъ дѣйствіяхъ. Точно также и предъ вступленіемъ въ должность каждое должност-

ное лицо подвергалось въ судѣ геліастовъ извѣстному нравственному испытанію (*δοκιμασία*) относительно своей гражданской безукоризненности: каждый избранный долженъ былъ доказать, что происходитъ отъ родителей чисто аѳинской крови, что онъ исполнялъ всѣ правила религіи, почиталъ родителей, исправно отбывалъ всѣ государственныя повинности и вообще исполнялъ всѣ обязанности въ отношеніи къ государству. Каждый гражданинъ имѣлъ право раскрыть предъ судомъ геліастовъ обстоятельства, служившія по закону, препятствіемъ къ занятію должности избраннаго лицомъ, и судъ геліастовъ долженъ былъ формально обсудить степень виновности этого лица и рѣшить вопросъ относительно его права на занятіе государственной должности. Кроме того, избранныя на должность лица должны были дать передъ судомъ геліастовъ формальную присягу въ строгомъ соблюденіи ими всѣхъ законовъ и неукоснительномъ исполненіи долга.

Ареопагъ. Чтобы не дать слишкомъ усилиться народному собранію, склонному къ переменамъ, а также сенату, который могъ подчиняться измѣнчивымъ желаніямъ народа, Солонъ сохранилъ древнее учрежденіе ареопагъ, и „поставилъ его блюстителемъ и стражемъ законовъ“. Ареопагъ долженъ былъ наблюдать за неприкосновенностью законовъ и за тѣмъ, чтобы въ религіозные обряды, въ нравы и обычаи народа не вводилось никакой недолжной новизны *). Какъ блюстителю религіи и нравственности, ареопагу принадлежалъ высшій надзоръ за воспитаніемъ юношества. Ареопагу было предоставлено также исключительное право суда въ дѣлахъ о смертоубійствахъ, такъ какъ судъ въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ былъ тѣсно связанъ у древнихъ грековъ съ постановленіями и обрядами религіи. Нравственной цензурѣ ареопага Солонъ подчинилъ даже образъ жизни и занятія гражданъ. Ареопагъ представлялъ коллегію избраннѣйшихъ гражданъ перваго класса, заявившихъ себя службою на высшихъ государственныхъ должностяхъ: въ ареопагъ поступали лишь архонты, безукоризненно исправлявшіе свою должность и заслужившіе одобреніе народа. Всѣ поступавшіе въ ареопагъ архонты были пожизненными членами его. Ареопагъ былъ истинно аристократическимъ учрежденіемъ. По мысли Солона въ буле и ареопагѣ аѳинское государство должно было имѣть „два якоря, которые охраняютъ его во всѣхъ буряхъ“.

Такимъ образомъ, государственное устройство, установленное Солонъ, представляло замѣчательное сочетаніе аристократическихъ и демократическихъ элементовъ, уравнивающихъ до извѣстной степени другъ друга, хотя и съ перевѣсомъ послѣднихъ. Общее направленіе своего законодательства Солонъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я далъ демосу столько силы, сколько ему достаточно, и не отнялъ у него и не надбавилъ его достоинства, а которые имѣли власть и были первые по богатству, и за тѣми, по моему слову, должно было остаться

*) Солонъ предоставилъ даже ареопагу право отмѣнять постановленія сената и народного собранія въ тѣхъ случаяхъ, когда они противорѣчили существующимъ законамъ или казались ареопагу опасными для государства.

все уваженіе. Я стоялъ, распростерши крѣпкій щитъ надъ тѣми и надъ другими, и не позволялъ ни однимъ неправедной побѣды“.

Солонъ издалъ также множество законовъ религіозныхъ, уголовныхъ и гражданскихъ, множество предписаній, относящихся къ земледѣлію, промышленности и торговлѣ. Особенно замѣчательны законы Солона относительно воспитанія, въ которыхъ рѣзко сказалось различіе всего строя жизни Спарты и Аѣины.

Воспитаніе въ Аѣинахъ. Въ противоположность Спартѣ, въ Аѣинахъ семья сохранила свое вліяніе на дѣтей даже въ ихъ отроческіе годы. По законамъ Солона, родители, не давшіе своимъ дѣтямъ воспитанія и не научившіе ихъ никакому ремеслу, не имѣютъ права требовать отъ нихъ содержанія на старости. На шестомъ году мальчикъ поручался надзору дядьки, который слѣдилъ за его поведеніемъ, а когда наступала пора учиться, водилъ его въ школу.

Въ школѣ аѣинской обращали одинаково вниманіе на умственное и физическое развитіе молодежи. Послѣ грамоты приступали тотчасъ къ чтенію и заучиванію наизусть поэтовъ, особенно пѣсень Гомера, который считался идеаломъ мудрости у грековъ. Кромѣ того, учили мальчиковъ играть на лирѣ и на флейтѣ. Но гораздо больше вниманія, чѣмъ на успѣхи въ ученіи, обращалось на благонравіе и пристойность. По улицѣ дѣти ходили потупившись, при старшихъ молчали и т. п. Въ 16 лѣтъ аѣинскій юноша оканчивалъ школьное образованіе, но до 18 лѣтъ онъ еще продолжалъ заниматься гимнастикой въ особыхъ зданіяхъ—гимназіяхъ. Здѣсь мальчики бѣгали, скакали и боролись. Двадцати лѣтъ аѣинскіе юноши получали право участвовать въ народныхъ собраніяхъ. Тогда-же вручалось имъ оружіе (щитъ и копье), которое они всенародно клялись употреблять на защиту отечества. Здѣсь уже, въ народномъ собраніи, довершалъ аѣинянинъ свое образованіе: слушая ораторовъ, научался онъ понимать вопросы государственной жизни.

Закончивши свое дѣло, Солонъ убѣдился, что своими преобразованіями не могъ удовлетворить всѣхъ: многіе изъ аѣинянъ требовали различныхъ измѣненій. Поэтому, чтобы дать время утвердиться своимъ законамъ, Солонъ отправился на 10 лѣтъ въ чужія страны, взявъ съ аѣинянъ слово въ продолженіи этого времени ничего не измѣнять въ его законахъ.

Пизистратъ и Пизистратиды. Не успѣлъ еще Солонъ вернуться въ Аѣины, какъ тамъ снова началась борьба партій. Каждая партія имѣла своего предводителя: во главѣ педіэевъ находился Ликургъ; параллельно стояли за Мегакла; вождемъ самой многочисленной партіи, бѣдныхъ дѣвріевъ, былъ Пизистратъ, родственникъ Солона, уже успѣвшій приобрести вліяніе въ государствѣ своимъ умомъ и краснорѣчіемъ. Массу бѣднаго народа привязалъ онъ къ себѣ ласковымъ обращеніемъ и щедростію. Человѣкъ крайне честолюбивый, онъ сталъ стремиться къ захвату власти, опираясь на пролетаріевъ, недовольныхъ преобразованіемъ Со-

лона, не оправдавшего ихъ расчетовъ на уравненіе поземельной собственности. Возвратившись въ Аѣины, Солонъ нашель борьбу партій въ полномъ разгарѣ. Онъ старался возстановить спокойствіе и удержать Пизистрата отъ захвата власти, даже раскрылъ предъ народомъ честолюбивые замыслы его. Но всѣ усилія были напрасны. Скоро Пизистрату удалось посредствомъ хорошо придуманной уловки, завладѣть акрополемъ. Ранивъ себя и муловъ своихъ“, рассказываетъ Геродотъ, „Пизистратъ пріѣхалъ на мѣсто народнаго собранія, какъ бы спасаясь отъ враговъ, желавшихъ его умертвить. Припомнивъ народу услуги, оказанныя имъ городу въ войнѣ съ мегарянами и другіе подвиги свои, онъ умолялъ дать ему стражу тѣлохранителей для защиты отъ преслѣдованій политическихъ враговъ своихъ“. Появленіе Пизистрата и рѣчь его произвели такое впечатлѣніе на аѣинянъ, что они, вопреки увѣщаніямъ Солона, дали Пизистрату позволеніе окружить себя ротою 50 тѣлохранителей и право вооружить ихъ дубинами. Полученіе стражи было рѣшительнымъ шагомъ къ возвышенію Пизистрата. Число тѣлохранителей скоро возрасло, дубины ихъ замѣнены были острымъ оружіемъ, и Пизистратъ, сбросивъ личину, завладѣлъ акрополемъ. Предводители враждебныхъ Пизистрату партій бѣжали изъ Аѣинъ. Тогда Солонъ уже почти 80-лѣтній старецъ, возмущенный явнымъ стремленіемъ Пизистрата къ тиранніи, явился въ полномъ вооруженіи въ народное собраніе и убѣждалъ народъ къ возстановленію свободы. Но народъ не трогался съ мѣста, одни изъ угоды Пизистрату, другіе изъ страха передъ нимъ. Никто не присоединился къ Солону, и онъ долженъ былъ оставить надежду на сопротивленіе. Несмотря на это противодѣйствіе со стороны Солона, Пизистратъ сохранилъ глубокое уваженіе къ нему и старался снискать его расположеніе. Пизистратъ умѣренно пользовался своею властію; тѣмъ не менѣе многіе были недовольны возвышеніемъ его. Пользуясь этимъ, Мегакль и Ликургъ соединились противъ Пизистрата, и онъ принужденъ былъ пойти въ изгнаніе. Но скоро Мегакль, поссорившись съ Ликургомъ, обратился къ Пизистрату, предлагая ему свою помощь для возвращенія въ Аѣины съ условіемъ, чтобы Пизистратъ женился на дочери его. Между Мегакломъ и Пизистратомъ было рѣшено, что послѣдній долженъ снова сдѣлаться властителемъ Аѣинъ, и вотъ они придумали новую хитрость, чтобы обмануть народъ и завладѣть акрополемъ. Они нашли женщину необыкновенно высокаго роста и очень красивую собой, надѣли на нее одежду и оружіе богини Аѣины и повезли ее въ городъ, поставивши рядомъ съ ней на колесницѣ и Пизистрата. Шествію сопутствовали приверженцы Пизистрата; впереди шли глашатаи и кричали народу: „аѣиняне! примите радушно Пизистрата, котораго Аѣина честитъ выше другихъ смертныхъ и теперь сама везетъ къ вамъ въ акрополь“. Обманъ удался вполнѣ. Аѣинскій народъ принялъ мнимую богиню съ полной вѣрой, и Пизистратъ подъ покровомъ ея безъ всякаго сопротивленія вѣхалъ въ акрополь и вторично завладѣлъ правленіемъ. Но, поссорив-

пись съ Мегакломъ, Пизистратъ снова принужденъ былъ оставить Атику, такъ какъ Мегакль соединился противъ него съ Ликургомъ, предводителемъ партіи аристократической. Удалившись въ Эретрію на островъ Эвбею, Пизистратъ, послѣ 10-лѣтняго изгнанія сумѣлъ снова и окончательно возвратить себѣ власть. Нанявъ войско въ Аргосѣ и получивъ помощь отъ тиранна, достигшаго господства на островѣ Наксосѣ, Пизистратъ высадился въ Атикѣ, собралъ около себя своихъ приверженцевъ, побѣдилъ противниковъ и, двинувшись къ Аѣинамъ, почти безъ сопротивленія завладѣлъ городомъ и верховною властію. Послѣ этого Пизистратъ уже до самой смерти оставался тиранномъ Аѣинъ.

Изъ 33-хъ лѣтъ, протекшихъ отъ начала до конца правленія Пизистрата (560—572), онъ только 17 лѣтъ управлялъ Аѣинами, а остальное время жилъ въ изгнаніи. Чтобы упрочить свою власть, Пизистратъ изгналъ изъ Аѣинъ родъ Алкмеонидовъ, къ которому принадлежалъ Мегакль, и всѣхъ приверженцевъ его и окружилъ себя сильнѣйшимъ отрядомъ еракійскихъ наемниковъ.

Сдѣлавшись тиранномъ, Пизистратъ не уничтожилъ существовавшихъ общественныхъ должностей, не измѣнилъ существующихъ законовъ, а, напротивъ, старался сохранить въ полной силѣ постановленія Солона; по замѣчанію Фукидида, „онъ старался однакожь всегда замѣщать государственныя должности своими родственниками или приверженцами“. Народное собраніе обратилось въ пустую формальность: въ дѣйствительности, вся власть была въ рукахъ Пизистрата, и всѣ дѣла рѣшались его личной волей. Насколько учрежденія Солона были совмѣстимы съ его властію, Пизистратъ даже поощрялъ развитіе ихъ. Нѣкоторые изъ законовъ Солона, вышедшихъ изъ употребленія, Пизистратъ возобновилъ, другіе дополнилъ. Такъ, Пизистратъ издалъ законъ, запрещавшій всякое праздноштанье, и этимъ успѣлъ отвлечь множество пролетаріевъ изъ города. Съ этой же цѣлью Пизистратъ надѣлилъ часть бѣднаго городского населенія поземельными участками, и вслѣдствіе этого поднялось земледѣліе. Благодаря увеличенію морскихъ силъ Аѣинъ, увеличилась и торговля. Пизистратъ старался также занять бѣдный народъ и польстить національной гордости аѣинянъ громадными постройками, которыми онъ украшалъ городъ. Онъ положилъ начало построенію храма олимпійскаго Зевса, превосходившаго своими колоссальными размѣрами самыя замѣчательныя храмы Аѣинъ, построенныя въ періодъ высшаго ихъ процвѣтанія. (Пизистратъ, впрочемъ, не успѣлъ окончить начатаго имъ храма, и онъ оставался недостроеннымъ впродолженіи многихъ вѣковъ, пока римскій императоръ Адріанъ не довершилъ его въ новомъ видѣ). Вообще при Пизистратѣ и его сыновьяхъ Аѣины получили словно новый видъ.

Со времени-же Пизистрата Аѣины стали центромъ греческой образованности, такъ какъ правленіе его много способствовало пробужденію высшей духовной жизни и художественнаго смысла между аѣинянами.

Пизистратъ первый поручилъ призванному ко двору его кругу ученыхъ собрать разсѣянные части Иліады и Одиссеи, сравнивать тексты различныхъ рукописей, установить, какія изъ нихъ правильны, опредѣлить порядокъ отдѣльныхъ частей и установить очищенный нормальный текстъ. Все это было приведено въ исполненіе. Благодаря Пизистрату, греки впервые получили произведенія Гомера въ формѣ цѣлыхъ полныхъ художественныхъ произведеній. Въ Аѣинахъ, гдѣ гомеровскія рапсодіи, уже по мысли Солона, должны были служить для воспитанія юношества, они стали со времени Пизистрата рецитироваться на панаѣинейхъ передъ народомъ связно сначала до конца. Пизистратъ собиралъ также произведенія Гезіода и другихъ поэтовъ. Пизистратъ умеръ въ глубокой старости въ 527 г.

Гиппій и Гиппархъ. Власть Пизистрата наслѣдовалъ старшій сынъ его, Гиппій, еще при жизни отца принимавшій дѣятельное участіе въ управленіи. Это былъ человекъ способный, но твердаго и крутаго нрава. Вообще-же онъ продолжалъ управлять Аѣинами въ томъ-же духѣ, какъ и отецъ. Подобно отцу, заботился объ украшеніи Аѣинъ, продолжалъ начатую отцомъ его постройку храма Зевса олимпійскаго, воздвигнулъ въ честь 12 олимпійскихъ боговъ громаднѣйшій алтарь и т. п. Гиппію помогать въ управленіи младшій братъ его Гиппархъ, проникнутый любовью къ поэзіи и ко всему изящному, однако, въ то-же время и развратный. Онъ привлекъ ко двору Гиппія нѣсколькихъ знаменитыхъ поэтовъ того времени, украсилъ Аѣины изящными гермами, т. е. столбами съ головою бога Гермеса. Повидимому, управленіе сыновей Пизистрата могло упрочить власть за его династіей, такъ какъ народъ аѣинскій не обнаруживалъ никакого недовольства противъ тиранніи; но уже почти съ самаго начала своего правленія, Гиппій возстановилъ противъ себя аѣинскую знать и возбудилъ въ ней страхъ и недовѣріе однимъ рѣзкимъ проявленіемъ жестокаго произвола: безъ всякаго основанія онъ приказалъ тайно убить одного вліятельнаго знатнаго гражданина, заподозривъ его въ стремленіи низвергнуть тираннію при помощи аристократовъ. Вызванное этимъ раздраженіе знати было такъ сильно, что достаточно было незначительнаго повода для образованія дѣйствительнаго заговора съ цѣлью свергнуть тираннію.

Поводъ этотъ былъ поданъ Гиппархомъ. Разъ онъ въ качествѣ распорядителя празднествомъ панаѣиней изъ личной мести къ одному знатному юношѣ Гармодію устранилъ сестру его, совершенно безукоризненную дѣвушку, отъ чести нести во время процессіи корзину съ жертвенными дарами. Гармодій не могъ забыть этого оскорбленія, нанесеннаго его дому, и вотъ въ союзъ съ близкимъ другомъ своимъ Аристокитономъ и нѣкоторыми недовольными изъ знати составилъ онъ заговоръ къ испроверженію тиранновъ. Осуществленіе заговора было отложено до праздника большихъ панаѣиней, когда всѣ аѣиняне являлись въ полномъ вооруженіи для участія въ торжественной процессіи. Хотя ближайшій по-

воду къ заговору былъ поданъ Гиппархомъ, заговорщики рѣшили умертвить обоихъ Пизистратидовъ. Наступилъ роковой день. Народъ, ничего не подозрѣвая, толпился на улицахъ; но заговорщики, покусившіеся было умертвить сначала Гиппія, приведены были въ замѣшательство тѣмъ, что въ условленную минуту нападенія увидѣли подлѣ Гиппія одного изъ своихъ соумышленниковъ, дружелюбно разговаривающаго съ нимъ. Тогда они поспѣшили исполнить мечь на Гиппархѣ, который палъ подъ ударами убійць. Но и Гармодій былъ на мѣстѣ-же изрубленъ тѣлохранителями Гиппарха; Аристокитонъ на время ускользнулъ. Кровопролитіе оказалось однакожь бесполезнымъ, такъ какъ государство не было избавлено отъ тиранніи. Въ виду угрожающей ему опасности, Гиппій отдалъ приказаніе собравшемуся народу сложить оружіе, и, когда это было исполнено, всѣ аѳиняне находились уже во власти тиранна, и ему легко было принять рѣшительныя мѣры для своей безопасности.

Это случилось въ 514 г. Съ этого времени характеръ правленія Гиппія совершенно измѣнился: многихъ гражданъ онъ казнилъ, другихъ подвергнулъ страшнымъ пыткамъ, особенно-же пострадалъ схваченный имъ Аристокитонъ; Гиппій увеличилъ также число своихъ тѣлохранителей оракійскими и ѳессалійскими наемниками и искалъ поддержки даже у персидскаго царя Дарія. Хотя Гармодій и Аристокитонъ лишь изъ мести за частное оскорбленіе убили Гиппарха и не избавили Аѳинъ отъ тиранніи, тѣмъ не менѣе они были прославляемы аѳинянами, какъ освободители и тиранно-убійцы. Ихъ прославляли особою пѣсней на пирахъ, имъ были воздвигнуты мѣдныя статуи и святилище, какъ героямъ. Славѣ Гармодія и Аристокитона содѣйствовалъ самъ Гиппій тою ненавистію къ своей тиранніи, которую онъ возбудилъ со времени ихъ покушенія, все болѣе усиливавшеюся подозрительностью и жестокостью.

Ненавистью противъ тиранніи Гиппія рѣшились воспользоваться Алкмеониды, изгнанные еще Пизистратомъ, и къ нимъ присоединились многіе другіе изгнанники. Алкмеониды обратились за содѣйствіемъ къ Спартѣ, какъ къ самому сильному государству въ Греціи. Спартянцы были побуждаемы къ содѣйствію Алкмеонидамъ и къ низверженію тиранна дельфійскимъ оракуломъ, который особенно благоволилъ къ Алкмеонидамъ за богатая пожертвованія и дѣятельное участіе при восстановленіи сгорѣвшаго въ 548 г. храма Аполлона въ Дельфахъ. По настойчивому требованію дельфійскаго оракула, благочестивые спартянцы рѣшили начать войну противъ Пизистратидовъ, хотя прежде того были расположены къ нимъ. Спартянскій царь Клеоменъ собралъ большое войско, отправился въ Аттику и скоро занялъ Аѳины. Гиппій заперся въ акрополѣ, и могъ бы выдержать тамъ продолжительную осаду, если-бы дѣти его, которыхъ онъ собирался тайномъ отправить за границу, не попались въ руки осадившихъ замокъ спартянцевъ. Гиппій, чтобы спасти дѣтей, долженъ былъ сдаться, но выговорилъ себѣ право удалиться безпрепятственно изъ Аттики. Такимъ образомъ пали Пизистратиды въ 510 г. до Р. Х.

Изгнаніе Гиппія было принято съ радостію большинствомъ аѳинскаго народа. Его фамилія и главные изъ его приверженцевъ отправились въ изгнаніе; на акрополѣ былъ воздвигнутъ жертвенникъ и возлѣ него колонна съ надписью для увѣковѣченія противозаконныхъ дѣлъ низложенной династіи и именъ всѣхъ ея членовъ.

БОРЬБА АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КЛИСӨЕНА.

Когда, по изгнаніи Гиппія и удаленіи изъ Аѳинъ спартанцевъ, аѳиняне были предоставлены самимъ себѣ, законодательство Солона получило опять первоначальную силу. Но вскорѣ возобновилась прежняя борьба политическихъ партій. Во главѣ аристократической партіи выступилъ Исагоръ; во главѣ же демократической партіи сталъ представитель рода Алкмеонидовъ Клисөенъ, другъ демоса. Такъ какъ аристократическая партія стремилась къ совершенному уничтоженію законовъ Солона и къ восстановленію существовавшаго еще до него государственнаго устройства, то Клисөенъ, избранный первымъ архонтомъ, приступилъ къ цѣлому ряду государственныхъ реформъ, съ цѣлію обуздать властолюбивыя стремленія аристократіи и упрочить за демократіей преобладающее вліяніе въ государствѣ. Самое важное преобразование, которое Клисөенъ предпринялъ въ 509 г., состояло въ измѣненіи сословныхъ отношеній населенія Аттики посредствомъ новаго раздѣленія аѳинскихъ гражданъ на десять филъ и въ допущеніи въ новыя филы и метэковъ, т. е. поселенцевъ изъ другихъ греческихъ государствъ.

Законодательство Солона измѣнило отношенія между эвпатридами и демонтами, но оставило неприкосновеннымъ освященное религіею дѣленіе гражданъ на четыре родовыхъ филы; при этомъ только филеты были полноправными гражданами государства; всѣ же стоявшіе внѣ филъ, не-филеты, не имѣли никакого политическаго значенія. Таковъ былъ именно многочисленный классъ метэковъ, находящихся въ обязательной зависимости отъ филетовъ, какъ кліенты отъ патроновъ. Къ тому же, при старомъ родовомъ дѣленіи на филы, граждане, принадлежавшіе прежде къ одному колѣну, были связаны въ своихъ отношеніяхъ къ государству вліяніемъ установившихся уже издавна отношеній между членами каждой филы и ея преданіями, — при чемъ преимущества нѣкоторыхъ фамилій передъ другими, освященныя происхожденіемъ и давностію, продолжали еще существовать и составляли главную силу аристократіи по отношенію къ государственному управленію; такъ было, напр., при выборахъ на государственныя должности, производившихся по филамъ. Доступъ въ старыя родовыя филы для метэковъ былъ затрудненъ не столько политическимъ, сколько религіознымъ значеніемъ этихъ филъ. Поэтому-то Клисөенъ и рѣшился отмѣнить старое дѣленіе на четыре родовыхъ замкнутыхъ филы и установить десять мѣстныхъ филъ, между которыми распределены были граждане прежнихъ четырехъ филъ и метэки, получившіе впервые доступъ къ филамъ. Съ этихъ поръ метэки пользовались равными правами съ прежними филетами и могли вступать даже въ классъ пента-

козіомедимновъ, если владѣли установленнымъ поземельнымъ цензомъ *). Каждая изъ десяти филъ раздѣлялась на извѣстное число демовъ, то есть общинъ или округовъ Аттики, распределенныхъ по различнымъ мѣстностямъ такъ, чтобы къ одной и той-же филѣ принадлежали демы, не смежныя другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, каждая фила, какъ цѣлое, не соотвѣтствовала никакой сплошной части территории и не могла имѣть особыхъ мѣстныхъ интересовъ отдѣльно отъ интересовъ всей республики. Этимъ Клисеенъ предотвратилъ возможность возникновенія политическихъ партій, основанныхъ на сосѣдствѣ жителей, каковы были до него партіи педіеевъ, паралиевъ и діакріевъ. Но, чтобы придать новому раздѣленію на филы силу закона, необходимо было религиозное освященіе, такъ какъ старое дѣленіе на филы считалось религиознымъ учрежденіемъ. И это удалось Клисеену, благодаря содѣйствію дельфійскаго оракула, который приказалъ аѳинянамъ отмѣнить прежнее дѣленіе на четыре филы и ввести новое устройство. Такимъ образомъ реформа Клисеена получила религиозное освященіе и утверждена была народнымъ собраніемъ.

Въ связи съ новымъ раздѣленіемъ аѳинскихъ гражданъ на филы находится и преобразованіе государственныхъ учреждений. Прежде всего преобразованъ былъ сенатъ или совѣтъ четырехсотъ. Клисеенъ увеличилъ составъ сената на 100 человекъ тѣмъ, что далъ право каждой изъ новыхъ 10 филъ избирать по пятидесяти человекъ. Такимъ образомъ число сенаторовъ возрасло до 500 человекъ, вслѣдствіе чего усилился въ немъ демократическій элементъ и увеличился кругъ гражданъ, принимавшихъ участіе въ высшемъ государственномъ управленіи. Засѣданія совѣта пятисотъ были постоянны, при чемъ текущими дѣлами завѣдывали поочередно пятьдесятъ членовъ той или другой изъ 10 филъ, носившіе въ это время титулъ притановъ. Весь годъ раздѣлялся на 10 частей, которыя назывались пританіями. Народное собраніе или экклезія получило со времени Клисеена гораздо большее значеніе и вліяніе и собиралось оно гораздо чаще, чѣмъ прежде. Далѣе Клисеенъ ограничилъ власть архонтовъ, должность которыхъ оставалась все-таки доступна только самымъ знатымъ и богатымъ гражданамъ. До Клисеена ключи отъ воротъ замка и государственнаго архива, а также государственная печать находились въ рукахъ перваго архонта; теперь, по установленію Клисеена, все это должно было перейти въ руки предсѣдателя (эпистата) притановъ. Право перваго архонта предсѣдательствовать въ сенатѣ и въ народномъ собраніи Клисеенъ перенесъ также на эпистата, то есть предсѣдателя притановъ. Управленіе государственной казной перешло изъ рукъ перваго архонта въ руки десяти казначеевъ, избиравшихся ежегодно по одному изъ каждой филы изъ числа пентакозіомедимновъ. Эти казначеи отвѣчали своимъ имуществомъ за цѣлость государственныхъ суммъ и подлежали контролю учрежденной коллегіи десяти аподектовъ изъ всѣхъ гражданъ платившихъ налоги.

*) Правда, и послѣ Клисеена встрѣчаются въ Аѳинахъ метэки, но это объясняется тѣмъ, что на вновь прибывавшихъ переселенцевъ не простирались уже благодѣянія Клисееновой реформы.

Власть второго архонта полемарха также подверглась значительному ограничению. По предложению Клисеена, военная власть была передана в руки десяти стратеговъ, которые должны были избираться ежегодно по одному изъ каждой филы и предводительствовать каждый людьми своей филы. За полемархомъ осталось только право председательствовать въ военномъ совѣтѣ стратеговъ въ военное время и почетное право начальства надъ правымъ крыломъ войска во время сраженія и приношенія жертвъ божествамъ войны, Аресу и Артемидѣ.

Особенно сильному ограничению подверглась судебная власть шести архонтовъ еесмоетовъ. По законамъ Солона еесмоеты только въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ не могли произносить окончательнаго приговора, только по такимъ дѣламъ можно было апеллировать къ народному судилищу, гелиеѣ. Клисееново-же законодательство распространило это право апелляціи противъ рѣшеній еесмоетовъ на всѣ иски, какъ гражданскіе, такъ и уголовные. Это было важною гарантіею для народа, такъ какъ всякое несправедливое рѣшеніе могло быть отмѣнено народнымъ судилищемъ. Гелиасты или дикасты, т. е. присяжные, избирались ежегодно по жребію, изъ среды всѣхъ гражданъ свыше 30-лѣтняго возраста въ числѣ 5000, по 500 изъ каждой филы, но, кромѣ того, еще изъ каждой филы выбирались по 100 кандидатовъ для замѣщенія должности выбывающихъ гелиастовъ. Эти 5000 гражданъ были раздѣлены на десять декурій или отдѣленій, по 500 человекъ въ каждомъ. Каждая изъ декурій, пока засѣдала въ судилищѣ, называлась гелиеей, т. е. названіемъ всей совокупности членовъ народнаго судилища. подача голосовъ въ гелиеѣ производилась тайно посредствомъ бѣлыхъ и черныхъ камешковъ.

Для обезпеченія аеинскаго народа отъ возможности снова подпасть власти тиранніи, Клисеенъ учредилъ судъ черепковъ или остракизмъ, посредствомъ котораго всякій аеинскій гражданинъ, который приобрѣталь слишкомъ большое вліяніе на дѣла государства и по своему честолюбію считался опаснымъ, изгонялся изъ Аеинъ. Судъ этотъ назывался остракизмомъ, такъ какъ голоса въ народномъ собраніи объ изгнаніи того или другаго лица подавались посредствомъ черепковъ (*οστρακόν*). Ежегодно созывалось народное собраніе, которому совѣтъ пятисотъ предлагалъ вопросъ: настоятъ-ли государственная необходимость изгнать честолюбиваго гражданина? При этомъ не говорилось, кого именно. Если народное собраніе рѣшало вопросъ утвердительно, то назначался день для подачи голосовъ въ народномъ собраніи. Каждый гражданинъ чертилъ на черепкѣ имя того, кто казался ему опаснымъ для государства, и чье имя находилось на 6000 черепкахъ, тотъ подвергался изгнанію. Тайная подача голосовъ обезпечивала независимость народнаго суда. Но изгнаніе остракизмомъ не имѣло характера безчестья и не позорило изгнанника. По истеченіи 10 лѣтъ, изгнанный имѣлъ право возвратиться въ отечество. Такимъ образомъ Клисеенъ цѣлымъ рядомъ умно задуманныхъ преобразованій довершилъ законодательство Солона и упрочилъ демократическія учрежденія Аеинъ.

Своими преобразованіями Клисеенъ возстановилъ противъ себя аеинскую аристократію, которая никакъ не могла помириться съ потерей

своего прежняго значенія и задумала возвратить его съ иноземною помощію. Когда глава аристократической партіи Исагоръ былъ выбранъ въ 508 году первымъ архонтомъ, онъ обратился за помощію къ спартанцамъ, какъ къ постояннымъ защитникамъ аристократическихъ учреждений. Тогда спартанскій царь Клеоменъ двинулся на Аѣины, требуя отъ аѣинянъ окончательнаго изгнанія Алкмеонидовъ, какъ состоявшихъ подъ проклятіемъ боговъ. Клисеевъ, не имѣя достаточно силъ для борьбы со Спартой, долженъ былъ удалиться, а Клеоменъ вступилъ въ Аѣины и, по указанію Исагора, собственною властію осудилъ на изгнаніе 700 наиболѣе вліятельныхъ гражданъ демократической партіи съ ихъ семействами. Исагоръ и Клеоменъ задумали упразднить учрежденный Клисеевомъ совѣтъ 500 и учредить новое аристократическое правленіе изъ 300 членовъ съ Исагоромъ во главѣ. Тогда народъ аѣинскій возсталъ. Исагоръ и Клеоменъ заперлись въ акрополѣ. Но послѣ нѣсколькихъ дней осады, спартанцы сдались на капитуляцію, выговоривъ себѣ свободный проходъ изъ Аттики. Подъ ихъ защитою спасся и Исагоръ. Приверженцы его, бывшіе съ нимъ въ замкѣ, подверглись смертной казни, а Клисеевъ и всѣ изгнанные демократы возвратились въ Аѣины.

Клеоменъ возвратился въ Спарту сильно раздраженный противъ аѣинянъ и съ рѣшительнымъ намѣреніемъ отомстить имъ, поставивъ во главѣ ихъ тирана въ лицѣ Исагора. Опираясь на гегемонію Спарты въ Пелопонесѣ, Клеоменъ просилъ содѣйствія у всѣхъ пелопонесскихъ государствъ, не открывая однако никому своихъ намѣреній. Но пелопонесское войско, предводимое обоими спартанскими царями, Клеоменомъ и Дамаратомъ, не дошедши до Аѣинъ, должно было возвратиться во свояси, такъ какъ пелопонесскіе союзники Спарты, узнавъ о цѣли похода, отказались слѣдовать за спартанцами.

Но Спарта не могла помириться съ своей неудачей относительно Аѣинъ и рѣшилась соединить свое дѣло съ притязаніями Гиппія. Опытъ научилъ Клеомена, что рискованно предпринять войну во главѣ пелопонесскихъ государствъ, не заручившись предварительно согласіемъ ихъ содѣйствовать Спартѣ. Поэтому, пригласивъ Гиппія въ Спарту, Клеоменъ созвалъ туда-же, для совѣщаній, посланниковъ пелопонесскихъ государствъ. На этихъ-то совѣщаніяхъ выразилось неожиданно для Спарты и Клеомена новое направленіе общественнаго мнѣнія въ Греціи. Когда Клеоменъ предложилъ посламъ пелопонесскихъ государствъ снова пойти войною на Аѣины и силою возстановить тамъ тираннію Гиппія, посолъ коринѣскій Созикль въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ протестовалъ противъ намѣренія Спарты. Общими богами Эллады умолялъ онъ спартанцевъ отказаться отъ задуманнаго дѣла, „самаго несправедливаго между людьми и самаго ненавистнаго богамъ“. „Если-же вы будете настаивать на немъ“, закончилъ Созикль, „то знайте, что коринѣяне не будутъ вашими союзниками“. Воодушевленные этой рѣчью послы другихъ госу-

дарствъ соединились съ Созикломъ и всѣ вмѣстѣ убѣдили спартанцевъ не предпринимать ничего противъ Аѳинъ.

Такимъ образомъ, замыслы Клеомена опять не осуществились, и государственное устройство, введенное Клисееномъ, было окончательно спасено отъ угрожавшей ему опасности. Спартанцы тѣмъ болѣе должны были отложить свою вражду съ аѳинянами, что скоро для всей Греціи наступила болѣе опасная борьба—борьба съ персами.

ГРЕЧЕСКІЯ КОЛОНИИ.

Послѣдствія переселенія дорянъ въ Пелопонесъ обнаружались не только въ самой Греціи, но и далеко за предѣлами ея; передвиженіе племень, измѣнившее видъ всей Греціи, послужило поводомъ къ возникновенію цѣлаго ряда греческихъ колоній по берегамъ и островамъ Эгейскаго моря. Когда доряне завоевали почти весь Пелопонесъ, то частію бѣжавшіе, частію изгнанные жители различныхъ его областей удалились на близъ-лежащіе острова, откуда вскорѣ переселились на берега Малой Азіи и основали тамъ рядъ цвѣтущихъ колоній. Но дальнѣйшая колонизація грековъ обуславливалась также и внутренними политическими переворотами въ различныхъ греческихъ государствахъ, ожесточенною борьбою политическихъ партій, изъ которыхъ побѣжденная нерѣдко удалялась и основывала новое поселеніе. Наконецъ, какъ метрополія, такъ и колоніи въ свою очередь были побуждаемы къ основанію новыхъ поселеній излишкомъ народонаселенія и желаніемъ расширить свои торговыя связи и увеличить свое политическое могущество. Въ продолженіи пяти вѣковъ, сдѣдовавшихъ за возвращеніемъ Гераклидовъ, постепенно возникло до 250 колоній, покрывавшихъ собою большую часть европейскихъ и азіатскихъ береговъ Средиземнаго и Чернаго морей, а также острова Средиземнаго моря и Эгейскаго. Между колоніями и ихъ метрополіями существовала тѣсная связь, обуславливаемая чувствомъ родства и общимъ богослуженіемъ. Переселенцы переносили въ свое новое отечество боговъ и богослуженіе своей метрополіи. Символически эта связь выражалась тѣмъ, что, при основаніи колоніи, переселенцы брали съ собою изъ метрополіи священный огонь съ жертвенника богини Гестіи, покровительницы семействъ, и зажигали имъ огонь на жертвенникѣ въ пританеѣ или думѣ новаго поселенія. Колоніи принимали живое участіе въ главныхъ религиозныхъ торжествахъ ихъ метрополій, они отправляли на эти празднества дары; на своихъ-же празднествахъ послали и даже простымъ гражданамъ метрополіи колоніи оказывали особенный почетъ. Для колоній было потребностью оставаться вѣрными обычаямъ и богослуженію своей родины: они имѣли жрецовъ и правителей изъ среды тѣхъ-же родовъ,

которымъ принадлежали эти должности въ метрополіи. Въ политическомъ отношеніи колоніи были совершенно самостоятельными общинами, отдѣльными отъ метрополіи и этимъ существенно отличались отъ колоній новѣйшаго времени. Однако-жь и въ политическомъ отношеніи колоніи смотрѣли на свои метрополіи иначе, чѣмъ на остальные государства; напр., считалось незаконнымъ вести войну съ метрополіей безъ самой крайней необходимости. Метрополіи съ своей стороны довольствовались тѣмъ, что извлекали возможныя выгоды изъ колоніальной торговли и, за рѣдкими исключеніями, не заявляли притязаній на политическое господство. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ вмѣшивалась метрополіа во внутреннія дѣла колоній и то, когда послѣднія обращались къ ея помощи или посредничеству при бѣдственномъ положеніи внутреннихъ или внѣшнихъ дѣлъ. Многія изъ колоній превзошли свои метрополіи въ отношеніи промышленной и торговой дѣятельности и въ отношеніи образованности, и сами сдѣлались метрополіями многочисленныхъ колоній. Въ дѣлѣ колонизаціи участвовали всѣ греческія племена, но наибольшее участіе принадлежитъ іонійцамъ. Даже во многихъ колоніяхъ, основанныхъ выходцами ахейскаго, эолійскаго и дорическаго племени, ядро поселенія состояло изъ іонійцевъ.

Замѣчательнѣйшія греческія колоніи расположены были по западному берегу Малой Азіи и на ближайшихъ островахъ, по сѣверному и южному берегу Понта Эвксинскаго, въ Южной Италіи и на островѣ Сициліи.

Восточныя колоніи. Западные берега Малой Азіи, отличающіеся плодородіемъ почвы и пріятнымъ климатомъ, были покрыты такимъ множествомъ колоній, основанныхъ эолянами, іонянами и дорянами, что занятыя ими страны стали называться Эолидою, Іоніей и Доридой. Самыми древними изъ греческихъ колоній въ Малой Азіи были эолійскія, занимавшія первоначально часть западнаго берега Мизіи. Эолійскія колоніи возникли вслѣдствіе вызванной передвиженіемъ племенъ эмиграціи эолянъ изъ Беотіи и ахеянъ изъ Пелопонеса. Имя эолійскихъ колоній получили они отъ преобладавшаго въ нихъ населенія эолійскаго племени. Они составляли союзъ 12 городовъ, въ которыхъ важнѣйшія общія дѣла рѣшались общимъ собраніемъ представителей всѣхъ городовъ. Самыми важными изъ нихъ были Кима или Кумы и Смирна. Эоляне поселились также на островѣ Лесбосѣ, гдѣ процвѣталъ городъ Митилене.

Іонійскія колоніи занимали западную часть побережья Лидіи и были основаны преимущественно іонянами, изгнанными изъ Ахаіи по возвращеніи Гераклидовъ и переселившимися на короткое время въ Атику. Но колоніи эти были населены и многими другими греками, которые смѣшались тамъ съ іонянами. Іонійскихъ городовъ было первоначально 12, какъ и въ Эоліи, и они также составляли союзъ. Лѣтъ за 700 до Р. Хр. къ іонійскому союзу присоединилась и Смирна, отдѣлившаяся отъ эолійскаго союза. Главною связью между различными іонійскими колоніями была религія. Для религиозныхъ торжествъ и совѣщаній о

мирѣ, войнѣ и другихъ важныхъ дѣлахъ граждане союзныхъ городовъ собирались періодически у храма, называвшагося Паніоніонъ, на мысѣ Микале. Изъ іонійскихъ колоній замѣчательны: Милеть, Фокея и Самось, которыя до покоренія малоазійскихъ колоній персами имѣли наибольшее значеніе между всѣми этими колоніями.

Милеть былъ въ древности самою богатою и могущественною изъ всѣхъ малоазійскихъ колоній. Сильно развитое въ лидійской области овцеводство и промышленная дѣятельность жителей доставляли милетскимъ купцамъ драгоценные предметы вывоза. Таковы были, именно, окрашенные въ пурпуръ шерстяныя ткани, ковры, одежды изъ золотой парчи и т. п., на которыя былъ значительный запросъ въ Греціи и въ другихъ странахъ. Морскія силы Милета были такъ велики, что въ цвѣтущее время онъ могъ выставить до ста военныхъ кораблей. Торговое вліяніе Милета простиралось до Инда и Гибралтарскаго пролива; около 800 года милетскіе корабли проникли чрезъ Босфоръ въ Черное море и завязали торговля сношенія со скинами, жившими въ южной части нынѣшней Россіи. Въ теченіи VIII и VII столѣтій главнымъ рынкомъ милетскихъ купцовъ были сѣверные берега Понта Эвксинскаго, гдѣ они за вино, ткани, разную утварь и бездѣлушки вымѣнивали у полудикихъ жителей шкуры, мѣха, шерсть и невольниковъ. Большая часть колоній и находилась на берегахъ Понта Эвксинскаго. Ихъ насчитывали до 80. Впрочемъ, Милеть отличался не одною торговлею и промышленностію, но и высокою степенью образованности. Могущество Милета продолжалось только до начала греко-персидскихъ войнъ.

Фокея владѣла небольшимъ пространствомъ земли и располагала незначительными морскими силами. Но, благодаря своей энергіи и дѣятельности, фокейцы вмѣстѣ съ самосцами раньше другихъ грековъ стали плавать къ далекимъ берегамъ Испаніи и строить большіе военные корабли. Фокейцы вели значительную торговлю съ западнымъ побережьемъ Средиземнаго моря.

Островъ Самось, съ главнымъ городомъ того-же имени, пріобрѣлъ большое значеніе для мореходства грековъ. При тираннѣ Поликратѣ, въ половинѣ VI вѣка, Самось, своимъ многочисленнымъ флотомъ, въ сто слишкомъ кораблей, господствовалъ на Эгейскомъ морѣ и былъ грозою всѣхъ сосѣднихъ республикъ. Самось былъ также однимъ изъ древнѣйшихъ центровъ искусства въ Греціи. Столица Самоса, до возвышенія Аѣинъ, считалась однимъ изъ прекраснѣйшихъ греческихъ городовъ. При тираннѣ Поликратѣ Самось достигъ высшей степени своего торговаго могущества. Могуществу Самоса мѣшала господствовавшая въ немъ вѣчная борьба партій, которая и дала возможность возвыситься тиранну Поликрату. Послѣ Поликрата значеніе Самоса стало все болѣе падать.

Дорійскія колоніи занимали часть Каріи на юго-западномъ берегу Малой Азіи. Дорійскія колоніи составляли между собою союзъ изъ шести городовъ, важнѣйшими изъ которыхъ были Галикарнасъ, родина Геродота, и Родось на островѣ того-же имени. Дорійскими выходцами занятъ былъ и большой островъ Критъ.

Малоазійскія колоніи по самому географическому положенію своему играли важную роль, какъ посредники въ торговлѣ между Азіей и Европой. Малоазійскіе греки мало-по-малу захватили въ свои руки всю торговлю въ Эгейскомъ морѣ и совершенно вытѣснили оттуда финикянъ. Высшаго своего развитія достигла торговля греческихъ колоній въ Малой Азіи въ VII и VI вѣкѣ до Р. Х., когда въ VII в. почти вся

Малая Азія признала верховную власть усилившагося Лидійскаго царства и малоазійскіе греки, которымъ не доставало политическаго единства и взаимнаго согласія, мало-по-малу подпали власти лидійскихъ царей. Дольше всѣхъ колоній боролись за свою независимость іонійцы; наконецъ и они были покорены царемъ Крезомъ. Когда персы подъ предводительствомъ Кира завоевали Лидійское царство, то эолійскія и дорійскія колоніи скоро покорились новому повелителю всей передней Азіи. Изъ іонійскихъ колоній на это согласился одинъ только Милетъ, который и сохранилъ за это полную автономію; остальные-же іонійскія колоніи сопротивлялись до послѣднихъ силъ, пока не были покорены одна за другой персами. Только граждане Фокеи и Теоса рѣшились лучше разстаться съ родиной, чѣмъ подчиниться персамъ. Жители Фокеи присоединились къ своимъ землякамъ въ Массилии, а жители Теоса поселились на берегу Фракіи и основали тамъ городъ Абдеру.

Греческія колоніи находились и на сѣверномъ берегу Малой Азіи, по берегу Пропонтиды (Мраморнаго моря) и Понта Эвксинскаго (Чернаго моря). Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были милетскія колоніи: Кизикъ, Абидосъ и Синопъ.

На сѣверномъ берегу Чернаго моря (въ нынѣшней южной Россіи), въ сосѣдствѣ съ полудикими скивами милетцы основали много колоній, имѣвшихъ важное значеніе для Греціи по снабженію ея хлѣбомъ и невольниками. Важнѣйшія изъ этихъ колоній находились на Таврическомъ полуостровѣ (древней Тавридѣ) или недалеко оттуда. Таковы Ольвія при впаденіи Буга въ Днѣпръ, Пантикапея, Фанагорія и Танаисъ при устьѣ р. Дона, главный рынокъ сосѣднихъ кочевыхъ племенъ.

На восточномъ берегу Чернаго моря или Колхидѣ также основаны были милетцами нѣкоторыя колоніи: Фазисъ (нынѣ Поти) и др.

На берегу Фракіи и Македоніи были замѣчательны слѣдующія греческія колоніи: Византія, Олинеъ, Потидея, Стагира и Амфиполисъ. Византія, самая замѣчательная изъ всѣхъ дорійскихъ колоній, была основана въ половинѣ VII в. выходцами изъ Мегары, но впослѣдствіи она расширилась приливомъ переселенцевъ изъ Аѳинъ и Милета. Только въ концѣ древней исторіи выступило огромное значеніе Византіи, въ древности-же значеніе ея основывалось лишь на выгодномъ рыбномъ промыслѣ и торговлѣ соленой рыбой и хлѣбомъ. Изъ колоній на берегу Македоніи наиболѣе важное значеніе имѣлъ Олинеъ на полуостровѣ Халкидикѣ, могущественнѣйшая колонія на сѣверномъ берегу Эгейскаго моря.

Изъ острововъ Эгейскаго моря Эвбея была заселена множествомъ іонійскихъ выходцевъ изъ Аттики, и эвбейскіе города Халкида и Эретрія достигли такого значенія въ торговлѣ, что стали соперничать даже съ Милетомъ въ основаніи колоній. Много колоній было основано переселенцами изъ Халкиды на выдающемся полуостровѣ Македоніи, отчего онъ и назывался Халкидикой. Островъ

Эгина первоначально занятъ былъ дорійскими выходцами. Впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ эгинцы играли главную роль на моряхъ Греціи. Около времени персидскихъ войнъ эгинскій флотъ былъ даже сильнѣе аѳинскаго и аѳиняне съ завистью смотрѣли на Эгину, пока она не пала передъ усилившимся могуществомъ Аѳинъ вскорѣ послѣ персидскихъ войнъ. Островъ былъ завоеванъ аѳинянами, жители его изгнаны и замѣнены аѳинскими поселенцами. На африканскомъ берегу недалеко отъ Египта около половины VII вѣка была основана выходцами дорического племени съ острова Эеры колонія Кирена.

Западныя колоніи. Колоніи въ западной части Средиземнаго моря, и именно въ южной Италіи и Сициліи имѣли для греческой торговли и образованности не менѣе важное значеніе, чѣмъ мало-азійскія колоніи. По преданію, выселеніе грековъ въ Южную Италію и Сицилію началось еще вскорѣ послѣ троянской войны, но положительныя извѣстія о тамошнихъ поселеніяхъ не восходятъ далѣе VIII в. Въ Южной Италіи греческихъ колоній было такъ много и онѣ достигли такого значенія, что жители сосѣднихъ странъ и отчасти населеніе Сициліи усвоили себѣ ихъ языкъ и нравы. Особенно юго-восточное побережье Италіи было покрыто непрерывнымъ рядомъ греческихъ колоній, отчего оно и получило названіе Великой Греціи въ отличіе отъ другихъ менѣе заселенныхъ греками пунктовъ Италіи. Впослѣдствіи названіе это перешло на всю Южную Италію, совершенно преобразившуюся подъ греческимъ вліяніемъ. Замѣчательны энергія и трудолюбіе, благодаря которымъ многія греческія колоніи въ Южной Италіи достигли обширной торговли, могущества и необыкновеннаго благосостоянія, не смотря на всѣ затрудненія и неблагопріятныя условія занятой ими мѣстности. Занятые колонистами берега не представляли ни одной глубокой, безопасной гавани; климатъ береговой полосы, вслѣдствіе вредныхъ испареній отъ болотъ, былъ пагубенъ для здоровья; полудикіе воинственные туземцы и сильные въ то время на Средиземномъ морѣ тирренскіе пираты тревожили безпрестанно поселенцевъ своими нападеными, а предприимчивые карфагеняне подавляли ихъ своимъ соперничествомъ въ торговлѣ. Но греческіе колонисты сумѣли побѣдить всѣ эти препятствія, создали искусственныя гавани, осушили многія болота и обратили ихъ въ роскошныя сады. Важнѣйшими колоніями въ Южной Италіи были на юго-восточномъ берегу Тарентъ, Сибарисъ, Кротонъ, а на западномъ—Регіумъ, Кумы и Партенопея.

Тарентъ основанъ спартанцами лѣтъ за 700 до Р. Х. Значительнаго развитія торговли и морскихъ силъ достигъ онъ въ концѣ VI вѣка. Сибарисъ, основанный ахеянами почти одновременно съ Тарентомъ, сдѣлался весьма быстро самымъ цвѣтущимъ и могущественнымъ торговымъ городомъ Великой Греціи. Сибарисъ имѣлъ населеніе въ 100,000 душъ. Ему были подвластны въ Италіи 25 городовъ. Вслѣдствіе обширной торговли и богатства, граждане Сибариса славились своею роскошью и извѣженностью, такъ что ихъ имя вошло въ поговорку у древнихъ грековъ и до сихъ поръ слово „сибарить“ имѣетъ значеніе

человѣка изнѣженнаго, преданнаго чувственнымъ наслажденіямъ. Сибарисъ находился въ непремиримой враждѣ съ Кротономъ, другою колоніею, основанною ахейцами на южномъ берегу Италіи, пока въ концѣ VI вѣка не былъ наконецъ взятъ кротонцами и разрушенъ ими до основанія. Послѣ паденія Сибариса самой могущественной греческой колоніей въ Южной Италіи сдѣлался Кротонъ. Побѣдою надъ Сибарисомъ кротонцы были обязаны преимущественно той простотѣ и чистотѣ нравовъ, которая установилась было между ними подъ вліяніемъ знаменитаго греческаго философа VI вѣка Пиеагора. Пиеагоръ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени и великій мудрецъ, убѣжденный въ томъ, что нравственное облагороженіе должно быть цѣлью каждаго государства, основалъ въ Кротонѣ общество пиеагорейцевъ, которое должно было служить школой для образованія мудрыхъ и благородныхъ людей и правителей. Кротонъ сохранялъ свое первенствующее значеніе въ Южной Италіи до возвышенія Тарента.

Благодаря греческимъ колоніямъ, Сицилія также стала полугреческой страной. Греки основали свои колоніи преимущественно по восточному и южному берегу острова; западная половина оставалась во владѣніи караегенянъ. Изъ множества колоній, основанныхъ греками на островѣ Сициліи, самыми важными были Сиракузы и Агригентъ.

Сиракузы, бывшіе въ древности главнымъ городомъ всего острова, были основаны около половины VIII в. Первоначальное населеніе Сиракузъ составляли дорійскіе выходцы изъ Коринѳа и покоренные туземцы, сиккулы, обращенные въ крѣпостное состояніе. Вслѣдствіе важнаго въ торговомъ отношеніи положенія города населеніе его вскорѣ увеличилось выходцами изъ различныхъ частей Греціи. Эти новые переселенцы пользовались личною свободою, но не принимали никакого участія въ управленіи, сосредоточенномъ лишь въ рукахъ древнѣйшихъ дорійскихъ фамилій и ихъ потомковъ. Въ этой разнородности населенія и привилегированномъ положеніи дорійцевъ заключалась причина частыхъ внутреннихъ смутъ, волновавшихъ Сиракузы. Только послѣ долгой внутренней борьбы были уничтожены привилегіи дорійской аристократіи. Въ началѣ V в. аристократія была изгнана изъ города вслѣдствіе всеобщаго возстанія остальныхъ гражданъ. Тогда обратилась она съ просьбою о помощи къ Гелону, правителю колоніи Гелы на южномъ берегу Сициліи. Гелонъ помогъ аристократіи снова овладѣть Сиракузами, но скоро самъ захватилъ всю власть и сдѣлался тиранномъ Сиракузъ. Тогда онъ уничтожилъ привилегіи аристократіи, устранилъ всѣ внутреннія смуты и подчинилъ себѣ большую часть Сициліи. Гелонъ завелъ многочисленное войско, усилилъ сиракузскій флотъ и посредствомъ него обезпечилъ вновь развившуюся торговлю города. Подъ управленіемъ Гелона Сиракузы достигли высшей точки своего могущества и богатства. При немъ-же началась борьба Сиракузъ съ Караегеномъ за господство надъ островомъ Сициліей. Въ этой войнѣ Гелонъ обнаружилъ таланты полководца, одержавъ блистательную побѣду надъ караегенянами.

Греки имѣли также колоніи въ южной Франціи и на западномъ берегу Испаніи. Важнѣйшей колоніей грековъ на западѣ сдѣлалась колонія Массилія, нынѣ Марсель, основанная жителями Фокеи при устьѣ Роны за 600 лѣтъ до Р. Х. Массиліоты распространили свои владѣнія по всему прибрежью южной Франціи. Особенно дѣятельную торговлю вела Массилія съ Галліей, Испаніей, Британіей и Италіей.

Большая часть испанскихъ колоній была основана массилійцами. Но самая важная греческая колонія въ Испаніи Сагунтъ была основана жителями острова Закинеа.

Значеніе греческих колоній и вліяніе ихъ на культуру Греціи. Возникновеніе и распространеніе греческихъ колоній имѣло громадное значеніе для политическаго, промышленнаго и умственнаго развитія эллиновъ, такъ какъ колоніи во всѣхъ этихъ отношеніяхъ развивались быстрѣе самихъ метрополій. Въ политическомъ отношеніи колоніи много способствовали развитію и торжеству демократическихъ началъ, такъ какъ здѣсь легче сглаживались сословныя различія, и потомки древнихъ родовъ не могли сохранять того значенія и авторитета, которыми пользовались они въ метрополіяхъ. Вообще въ колоніяхъ вслѣдствіе подвижнаго, оживленнаго характера жизни легче устранялись всѣ преданія, принесенныя поселенцами изъ метрополій, всѣ нравы и обычаи, несоотвѣтствовавшіе новымъ условіямъ быта, чему содѣйствовалъ также обмѣнъ понятій между людьми различнаго происхожденія,

Предпримчивость и энергія колонистовъ въ связи съ богатствомъ естественныхъ произведеній превосходныхъ мѣстностей, избираемыхъ ими большею частію для поселенія, способствовали быстрому развитію промышленности и торговли. Такимъ образомъ всѣ лучшіе предметы потребленія, какъ лучшая рожь, лучшій скоть, а также лучшіе мануфактуры стали производиться въ колоніяхъ и отсюда доставлялись въ метрополію. Особенно развилось матеріальное благосостояніе и умственное образованіе въ эолійскихъ и іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи. Благосостояніе и отличная обстановка матеріальной жизни давали гражданамъ этихъ колоній досугъ къ занятію свободными искусствами. Такимъ образомъ въ малоазійскихъ колоніяхъ развились первыя начала греческой поэзіи; такъ сложились эпическія пѣсни Гомера и началось развитіе лирической поэзіи (Сафо, Симонидъ); началомъ высокаго развитія пластическихъ искусствъ Греція обязана малоазійскимъ колоніямъ, особенно іонійскимъ. Первоначальное развитіе греческой философіи также совершилось въ іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи. Здѣсь явились первые греческіе мудрецы, которые наблюденіями надъ природою старались объяснить происхожденіе и существо физическаго или видимаго міра. Эти философы (Θалесъ, Анаксименъ, Анаксимандръ и др.) образовали первую философскую школу іоническую или физическую. Дальнѣйшее-же развитіе греческой философіи совершилось въ западныхъ колоніяхъ (Ксенофанъ, Пиеагоръ и др.) Но высшаго своего процвѣтанія достигли какъ поэзія и искусство грековъ, такъ и философія въ Аѣинахъ подъ вліяніемъ того сильнаго политическаго и умственнаго движенія, которое вызвано было патриотическою борьбою грековъ съ персами.

ГРЕКО-ПЕРСИДСКІЯ ВОЙНЫ.

Причина греко-персидскихъ войнъ заключалась въ стремленіи персовъ къ покоренію себѣ всѣхъ народовъ древняго міра и въ сильной ненависти къ персамъ поработенныхъ ими малоазійскихъ грековъ. Поводомъ-же къ борьбѣ грековъ съ персами послужило возстаніе іонійцевъ при явномъ содѣйствіи аѣинянъ.

Когда малоазійскіе греки подпали власти лидійскаго царя Креза, положеніе ихъ было не очень тягостно. Крезъ, рожденный отъ гречанки и самъ не чуждый греческаго образованія, щадилъ своихъ греческихъ подданныхъ, предоставилъ имъ почти полную независимость и обложилъ лишь небольшою данью. Когда-же малоазійскіе греки вмѣстѣ съ лидій-

скимъ царствомъ должны были признать надъ собою персидское владычество, положеніе ихъ стало чрезвычайно тягостно. За исключеніемъ Милета, который за свое добровольное подчиненіе Киру сохранилъ свое внутреннее управленіе, всѣ малоазійскія колоніи управлялись тираннами, назначенными изъ ихъ среды персидскимъ царемъ, поставлены были въ зависимость отъ персидскихъ сатраповъ и обложены, кромѣ дани въ пользу царя, другими денежными и военными повинностями. Ожесточенные противъ персидскаго ига, всѣ малоазійскіе греки сильно жаждали независимости. Но особенно сильную ненависть къ персамъ питали іонійскіе греки, наиболѣе сознавшіе свое умственное и нравственное превосходство надъ грубыми варварами, и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе обремененные податями, такъ какъ на нихъ наложена была обязанность снаряжать флотъ для персовъ, какъ было это, напр., въ походѣ Дарія противъ скиѳовъ. Возстаніе началось въ Милетѣ, гдѣ зачинщикомъ явился назначенный тамъ персидскимъ царемъ Даріемъ тираннъ Аристагоръ. Персы имѣли тогда намѣреніе завоевать острова Архипелага, и всѣ ихъ предпріятія въ этомъ отношеніи были весьма удачны. Аристагоръ-же изъ своихъ личныхъ цѣлей убѣдилъ сатрапа Малой Азии, а чрезъ него и Дарія, предпринять походъ на о. Наксосъ и нѣкоторые другіе острова и самъ вызвался покорить ихъ. Съ этой цѣлю былъ снаряженъ флотъ и отправлено значительное войско подъ начальствомъ Аристагора. Однако-жъ предпріятіе его не удалось. Опасаясь отвѣтственности за неудачу въ этомъ несчастномъ предпріятіи и боясь лишиться своей власти надъ Милетомъ, Аристагоръ сталъ помышлять объ отложеніи отъ Персіи и объ организованіи всеобщаго возстанія іонійцевъ противъ персовъ. Къ тому-же побуждалъ Аристагора и бывший тираннъ города Милета Гистіей, котораго Дарій вслѣдствіе подозрѣнія въ властолюбивыхъ замыслахъ содержалъ въ почетномъ плѣнѣ при дворѣ своемъ въ Сузѣ. Тяготясь своимъ положеніемъ, Гистіей сталъ тайно подстрекать зятя своего Аристагора къ возстанію, надѣясь, что его пошлютъ усмирять іонійцевъ, какъ опытнаго военачальника и правителя, доказавшаго уже Дарію свою преданность во время похода его на скиѳовъ при охраненіи моста на Дунаѣ.

Чтобы склонить іонійцевъ къ возстанію, Аристагоръ сложилъ съ себя верховную власть надъ Милетомъ и способствовалъ изгнанію тиранновъ во всѣхъ другихъ іонійскихъ городахъ. Къ іонійцамъ готовы были присоединиться всѣ прочіе малоазійскіе греки. Но одними собственными силами колоніи не въ состояніи были вести борьбу съ персами, и потому обратились они съ просьбою о помощи къ сильнѣйшимъ государствамъ Греціи—къ Спартѣ и Аѳинамъ. Спарта отказала, аѳиняне-же рѣшились вступить за іонійцевъ, какъ за своихъ соплеменниковъ, и послали имъ на помощь 20 кораблей, къ которымъ присоединились еще 5 кораблей отъ Эретріи. Появленіе аѳинскаго флота въ гавани Милета послужило

сигналомъ къ всеобщему возстанію, которое охватило въ 500 году всё греческія колоніи въ Малой Азіи и на сосѣднихъ островахъ.

Ободренные помощію аеинянь, іонійцы начали дѣйствовать наступательно. Они овладѣли даже главнымъ персидскимъ городомъ Малой Азіи—Сардами. Но скоро персидское войско разбило на голову іонійцевъ. Тогда аеиняне и эретрійцы, въ виду неудачнаго начала, отказались отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ и предоставили іонійцевъ ихъ собственнымъ силамъ. Послѣ нѣсколькихъ пораженій малоазійскіе греки принуждены были снова покориться персидскому царю и были жестоко наказаны имъ. Городъ Милеть, какъ зачинщикъ возстанія, былъ сравненъ съ землею. Все мужское населеніе его, способное носить оружіе, было изрублено, а остальные жители уведены плѣнными и поселены у устья Тигра. Такимъ образомъ возстаніе было подавлено.

Въ возстаніи малоазійскихъ грековъ ничто такъ не раздражало Дарія, какъ участіе въ немъ аеинянь. Чтобы наказать ихъ за дерзость, онъ рѣшился покорить Аеины и даже всю Грецію. Въ этомъ намѣреніи поддерживалъ его Гиппій, жившій въ то время при дворѣ Дарія и надѣявшійся съ его помощію возстановить свою власть въ Аеинахъ.

Въ 493 г. полководецъ Мардоній, зять персидскаго царя Дарія, двинулся во главѣ войска и флота на Грецію. Самъ Мардоній съ сухопутнымъ войскомъ шелъ чрезъ Фракію, еще прежде признавшую власть персидскаго царя, и достигъ уже Македоніи, которая изъ страха изъявила покорность; но флотъ его, шедшій вдоль береговъ, у мыса Аеонскаго потерпѣлъ кораблекрушеніе, отъ котораго погибло, говорятъ, около 300 кораблей и 20,000 человекъ. Когда-же и сухопутное войско подверглось нападенію со стороны фракійцевъ и понесло большую потерю, то Мардоній съ остатками войска и флота вернулся съ позоромъ въ Азію.

Послѣ этой неудачи Дарій однако жъ не оставилъ своихъ плановъ относительно Греціи и скоро снарядилъ флотъ и войско для новаго похода. Но предварительно Дарій отправилъ на острова Архипелага и въ Грецію пословъ съ приказаніемъ требовать земли и воды въ знакъ добровольной покорности. Жители острововъ и нѣкоторые греческіе города (напр. Эивы) исполнили требованіе персидскаго царя; но раздраженные спартанцы бросили пословъ его въ колодезь, а аеиняне — въ пропасть. Это еще болѣе ожесточило персидскаго царя противъ грековъ.

Марафонъ. Въ 490 году персидскій флотъ изъ 600 судовъ съ многочисленнымъ войскомъ, подъ предводительствомъ Датиса и Артаферна, при которыхъ находился и Гиппій, отправился по Эгейскому морю прямо къ берегамъ Эллады, покоряя на пути многіе острова. Когда персы достигли Эвбеи, они высадились тамъ и безпощадно опустошали островъ, предавая все огню и мечу. Городъ Эретрія вздѣмалъ было сопротивляться, но былъ взятъ персами и разрушенъ до основанія; жители частію изрублены, частію обращены въ рабство. Въ Аттікѣ персидское войско высадилось близъ мѣстечка Марафона и начало опустошать окрестности.

Поселяне толпами бѣжали въ Аѣины, распространяя повсюду смятеніе и ужасъ; но о переговорахъ и подчиненіи не думалъ никто, хотя и трудно было рассчитывать на какую нибудь поддержку со стороны сосѣдей. Спартанцы, къ которымъ аѣиняне обратились съ просьбою о помощи, изъявили свою готовность, но по освященному религіею обычаю, не могли выступить въ походъ передъ полнолуніемъ. Остальные города Греціи были или непріязненны Аѣинамъ, или не смѣли идти противъ персовъ. Только Платея, незадолго предъ тѣмъ вступившая въ тѣсный союзъ съ Аѣинами, отозвалась на воззваніе ихъ о помощи и выставила отрядъ въ 1000 человекъ. Спасенія нужно было ждать лишь отъ собственной храбрости и отъ талантовъ и единодушія аѣинскихъ полководцевъ.

Начальство надъ аѣинскимъ войскомъ принадлежало десяти ежегодно выбираемымъ стратегамъ, составлявшимъ вмѣстѣ съ главнокомандующимъ (полемархомъ) военный совѣтъ. Изъ числа этихъ стратеговъ, въ годъ мараѣонской битвы, былъ особенно замѣчательнъ Мильтіадъ. Хотя уже шестидесятилѣтній старецъ, но все еще бодрый и крѣпкій, Мильтіадъ былъ извѣстенъ за храбраго и опытнаго полководца. Къ тому-же, онъ былъ знакомъ со способомъ веденія персами войны, и потому на него были обращены теперь всѣ надежды аѣинянь. Онъ убѣдилъ совѣтъ стратеговъ выступить немедленно противъ персовъ и дать имъ рѣшительное сраженіе. По общему согласію стратеговъ командованіе аѣинскимъ войскомъ въ предстоящемъ сраженіи было предоставлено Мильтіаду.

Персы и греки стояли теперь лицомъ къ лицу, готовясь къ рѣшительному сраженію. Рѣзко отличались между собой эти обѣ арміи, какъ по численности своей и вооруженію, такъ и по способу военныхъ дѣйствій и по духу. Аѣины могли выставить лишь десятитысячное ополченіе, тогда какъ персовъ было болѣе 100,000. Аѣинское ополченіе состояло изъ тяжеловооруженной пѣхоты съ мѣдными шлемами, въ латахъ и набедренникахъ съ большими мѣдными щитами, а оружіе ихъ было длинное метательное копье; персидская-же пѣхота была легковооруженная безъ шлемовъ и панцирей съ легкими плетеными щитами, а главное оружіе ея составлялъ лукъ. Греки шли на непріятеля крѣпко сомкнутыми колоннами въ нѣсколько рядовъ и сражались въ упоръ, пока не опрокидывали враговъ; персы старались издали осыпать непріятеля градомъ стрѣлъ, чтобы потомъ на порѣдѣвшихъ непріятелей сдѣлать нападеніе съ конницей, составлявшей главную силу персидскаго войска. Многочисленное персидское войско едва-ли знало, за что сражалось, кромѣ добычи; греки стояли за родную землю съ твердымъ намѣреніемъ биться до послѣдняго издыханія за все, что имъ дорого и свято.

Утромъ въ день сраженія Мильтіадъ расположилъ свое войско въ боевомъ порядкѣ на склонѣ возвышенности. Послѣ принесенія жертвы богамъ войску отданъ былъ приказъ начать нападеніе. Чтобы не дать персидской конницѣ времени атаковать грековъ на равнинѣ, Мильтіадъ первый двинулся на персовъ. Персамъ удалось сначала пробить центръ

греческаго строя, который Мильтиадъ съ умысломъ сдѣлалъ слабѣе, зная персидскую тактику, и въ которомъ находились Аристидъ иThemistocle съ своими филами; но на обоихъ флангахъ персы скоро были отброшены, такъ что они въ безпорядкѣ устремились назадъ къ своимъ кораблямъ. Тогда-то греки стремительно бросились на центръ персидскаго войска и опрокинули тѣ ряды его, которые до сихъ поръ устояли. Ободренные успѣхомъ аеиняне преслѣдовали затѣмъ бѣгущаго непріятеля до самаго берега моря. Персидскій лагерь со всѣми, находившимися въ немъ сокровищами, достался въ руки аеинянъ. Здѣсь-же нашли они цѣпи, предназначавшіяся для плѣнныхъ аеинянъ.

Побѣда при Мараѳонѣ была великимъ торжествомъ не только для аеинянъ, но и для всей Греціи: слава непобѣдимости персовъ отнынѣ исчезла. Но не смотря на большія потери, персы устремились на своихъ корабляхъ къ Аеинамъ, чтобы напасть на беззащитный городъ, пока войско аеинское находилось еще на мараѳонскомъ полѣ. Замѣтивъ это, греки пришли въ ужасъ; но Мильтиадъ быстро сообразилъ, какъ поступить: онъ бросился съ такою поспѣшностію къ городу, что подоспѣлъ къ нему раньше, чѣмъ персидскій флотъ подплылъ къ нему съ моря. Когда персы, приближаясь къ Аеинамъ, увидѣли съ кораблей аеинское войско, побѣдившее ихъ при Мараѳонѣ, снова готовымъ къ битвѣ, они убѣдились въ невозможности продолжать борьбу и поплыли обратно въ Азію. Аеиняне были увѣрены, что ихъ отечественные боги и древній герой Тезей помогали имъ въ борьбѣ съ варварами. Въ благодарность богамъ десятая часть добычи была посвящена Аеинѣ, Аполлону и Артемидѣ.

Themistocle и Аристидъ. Послѣ побѣды при Мараѳонѣ аеиняне и не думали о необходимости принять какія-либо мѣры, чтобы оградить себя отъ новаго нашествія персовъ. Но, къ счастью аеинянъ, между ними былъ въ то время одинъ гражданинъ, который, обладая проницательнымъ умомъ, предвидѣлъ угрожающую Греціи опасность и своею дѣятельностію доставилъ аеинянамъ возможность избавиться отъ нея. То былъ Themistocle.

Это былъ человѣкъ незнатнаго происхожденія, съ замѣчательными природными дарованіями и съ необычайнымъ честолюбіемъ, составлявшимъ главное побужденіе его дѣятельности во всю его жизнь. Еще въ школѣ обращалъ онъ на себя вниманіе учителей своими способностями, еще въ школѣ любилъ онъ властвовать надъ товарищами. Съ раннихъ лѣтъ умъ его былъ занятъ ораторствомъ, государственными дѣлами и мечтами о военной славѣ. При своей прекрасной наружности и замѣчательномъ краснорѣчій Themistocle скоро обратилъ на себя вниманіе народа въ судѣ и на народномъ собраніи и приобрѣлъ большое вліяніе на него. Въ новой, предстоящей борьбѣ съ персами, предвидѣлъ онъ для себя обширное поле для приобретенія славы заслугами предъ отечествомъ и старался приготовить его къ этой борьбѣ. По его мнѣнію, Аеины, только

сдѣлавшись морскою державою, могли выдержать съ успѣхомъ новую борьбу противъ персовъ. Поэтому онъ убѣдилъ аѳинянь принять всѣ мѣры для сооруженія значительнаго флота. ПредложеніеThemistokla было принято, и при новомъ нашествіи персовъ аѳиняне имѣли уже флотъ въ 200 судовъ. Этотъ флотъ спасъ свободу Греціи и положилъ основаніе господству Аѳинъ на морѣ. По предложенію-жеThemistokla, аѳиняне рѣшились устроить для своего флота обширную военную гавань Пирей и сильно укрѣпить ее. Гавань эта отстояла отъ Аѳинъ почти на 7 верстъ. Но планыThemistokla казались опаснымъ нововведеніемъ многимъ знатнымъ гражданамъ аѳинскимъ, крѣпко стоявшимъ за старый порядокъ вещей и подозрительно смотрѣвшимъ на быстрое возвышеніеThemistokla.

Во главѣ этихъ гражданъ стоялъ Аристидъ. Онъ былъ человѣкъ знатнаго происхожденія и совершенно противоположныйThemistokлу и по характеру, и по убѣжденіямъ своимъ относительно устройства государства и его управленія. Не отличаясь такими блестящими способностями, какъThemistokль, онъ далеко превосходилъ его своими нравственными качествами. Онъ былъ правдивѣйшій и честнѣйшій человѣкъ и слылъ въ народѣ за человѣка справедливейшаго и въ дружбѣ, и во враждѣ.

Аѳиняне такъ увѣрены были въ его безпристрастіи, что въ спорахъ между собою охотнѣе обращались къ его посредничеству, чѣмъ къ судамъ государственнымъ. Themistokль во всю жизнь былъ склоненъ къ блеску, роскоши и мотовству. Онъ тратился не по средствамъ, лишь бы стать на одну ногу съ первыми гражданами и заставить говорить о себѣ. Аристидъ, напротивъ, былъ человѣкъ простой, независимый отъ мнѣнія другихъ и никогда не гнался за славой. Думая только о служеніи отечеству, онъ презиралъ обладаніе земными благами, въ которыхъ не чувствовалъ надобности при своемъ простомъ образѣ жизни. Themistokль, хотя и трудился всѣми силами для отечества, былъ неразборчивъ на средства и не свободенъ отъ корыстолюбія.

Ясно, что такіе два человѣка, какъThemistokль и Аристидъ, не могли идти рядомъ. Аристидъ, зная крайнее честолюбіеThemistokla, опасался, чтобы онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на народъ, не захватилъ въ свои руки неограниченной власти; Themistokла-же, отважнаго и предприимчиваго, раздражало постоянное противодѣйствіе со стороны Аристида. Столкновенія между ними стали повторяться все чаще, и кто нибудь изъ нихъ долженъ былъ уступить. За Аристида стояли знатные граждане, заThemistokla было большинство гражданъ, народъ. Этимъ воспользовалсяThemistokль, чтобы избавиться отъ соперничества Аристида. Вслѣдствіе старанійThemistokla въ народѣ стали поговаривать о томъ, что Аристидъ, сдѣлавшись чуть-ли не единственнымъ судьей и посредникомъ во всѣхъ спорахъ гражданъ, легко можетъ сдѣлаться самовластнымъ правителемъ въ Аѳинахъ. И вотъ въ народномъ собраніи было рѣшено удалить Аристида, какъ опаснаго по своему вліянію человѣка, посредствомъ остракизма. Съ чистою совѣстью явился Аристидъ

на судъ народный и безропотно подвергся его рѣшенію. Оставляя Аѳины, онъ, говорятъ, поднялъ руки къ небу и молилъ боговъ, чтобы аѳинянь никогда не постигло несчастіе, которое заставило-бы ихъ вспомнить объ Аристидѣ. Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ аѳиняне должны были пожалѣть объ изгнаніи Аристиды; это было во время ужаснаго нашествія Ксеркса. *Война М. С. С.*

Походъ Ксеркса. Какъ предвидѣлъThemistocles, Дарій не отказывался отъ намѣренія покорить Грецію, но умеръ, не успѣвъ осуществить своего плана. Сынъ его Ксерксъ задумалъ походъ еще въ большихъ размѣрахъ. Онъ сталъ призывать къ оружію всѣ народы своего царства отъ Геллеспонта до Инда. Онъ хотѣлъ собрать такую армію и такой флотъ, какихъ міръ еще не видалъ, и самъ во главѣ этихъ грозныхъ силъ двинуться въ Европу. Онъ намѣревался не только подавить грековъ, но распространить свое владычество далеко за предѣлы Греціи.

Три года шли обширныя приготовленія къ войнѣ; набирались войска, строились суда, а также два моста изъ судовъ во всю ширину Геллеспонта (Дарданельскій проливъ); изъ всѣхъ концовъ царства потянулись въ Малую Азію войска многочисленныхъ подвластныхъ Персіи племенъ, различныхъ между собою и по языку, и по образу жизни.

Въ 480 г. царь двинулся со своими народами къ Геллеспонту. Одновременно съ нимъ шель моремъ флотъ изъ 1,200 военныхъ кораблей и 3,000 транспортныхъ судовъ. Семь дней и семь ночей безъ перерыва продолжался переходъ по обоимъ мостамъ. На европейскомъ берегу пересчитано было все войско, и оказалось 1,700,000 человекъ.

Безпрепятственно прошли персы Фракію и Македонію, еще прежде признавшія власть персидскаго царя, и приблизились къ Греціи. Греки-же, въ виду грозной силы персовъ, большею частью и не думали сопротивляться. Нигдѣ не было согласія и единодушія; многія государства находились даже въ открытой враждѣ. Но Аѳины и Спарта рѣшились защищаться, пока хватитъ силъ. По предложенію Themistocles, спартанцы и ихъ пелопонесскіе союзники приняли на себя защиту Themopylskogo прохода, черезъ который только и могло проникнуть персидское войско въ Среднюю Грецію, между тѣмъ какъ аѳиняне со всѣмъ флотомъ своимъ и пелопонесскимъ выступили противъ персидскаго флота, чтобы прикрыть еермопильскую армію съ моря.

Битвы при Themopyлахъ и при Artemizii (480 г.). Почти увѣренные въ невозможности защитить Themopyлы спартанцы берегли свое войско для защиты Пелопонеса и послали къ Themopyламъ незначительный отрядъ, въ которомъ спартіатовъ было лишь 300, а всего 7,000 человекъ. Но во главѣ этого отряда находился замѣчательный по своему мужеству полководецъ-царь Леонидъ.

Когда несмѣтная полчища персидскаго царя подошли къ Themopyламъ, большая часть войска, бывшаго подъ начальствомъ Леонида, совершенно упала духомъ и хотѣла отступить; но Леонидъ со своими 300

спартанцами стоялъ съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить или пасть. Ксерксъ выжидалъ четыре дня, надѣясь, что греки удалятся сами. На пятый день онъ велѣлъ сдѣлать нападеніе, но плотно сомкнувшіяся колонны грековъ стояли противъ персовъ какъ живая стѣна. Дѣло дошло до рукопашнаго боя, въ которомъ персы понесли большія потери, не сдѣлавъ ни шагу впередъ. Нѣсколько разъ смѣнялись отряды персовъ, но ничего не могли сдѣлать. Въ одинъ день Ксерксъ потерялъ при Термопилахъ 6,000 человекъ безъ всякой пользы, и еще много легло-бы ихъ, если-бы не указалъ персамъ измѣнникъ Эфіальтъ узкую тропинку черезъ горы, по которой можно было зайти въ тылъ грекамъ. Узнавъ, что персы обходятъ въ тылъ, Леонидъ, не желая жертвовать напрасно людьми, отдалъ приказъ отступить всѣмъ другимъ отрядамъ. Самъ онъ не смѣлъ отступить, считая безчестнымъ покинуть постъ, на который поставленъ былъ своимъ отечествомъ. Къ тому-же еще до начала битвы оракулъ возвѣстилъ, что въ этой битвѣ Спарта или потеряетъ царя, или сама погибнетъ. Леонидъ своею смертью хотѣлъ предотвратить гибель отечества. Рѣшившись на смерть, спартанцы дрались со страшнымъ остервененіемъ, пока окруженные со всѣхъ сторонъ персами и осыпанные градомъ ихъ стрѣлъ не легли на мѣстѣ всѣ до одного.

Имена Леонида и Термопила остались навсегда священными для грековъ и составляли ихъ гордость въ позднѣйшія времена. Въ тотъ самый день, когда Леонидъ погибъ съ горстію спартанцевъ у Термопила, на морѣ по близости происходилъ ожесточенный бой между греческимъ и персидскимъ флотами у мыса Артемизія, сѣверной оконечности острова Эвбеи. Греки не одержали здѣсь рѣшительной побѣды; но персы еще до битвы потерпѣли страшный уронъ; въ то время, какъ греческій флотъ стоялъ въ безопасной бухтѣ, до 400 персидскихъ кораблей разбиты были бурей объ утесистый берегъ Эвбеи.

Битва при Саламинѣ (480 г.). Когда Леонидъ палъ и персы вступили уже чрезъ Термопилы въ Среднюю Грецію, греческій флотъ поспѣшилъ отступить къ острову Саламину, чтобы прикрыть берега Аттики.

Между тѣмъ сухопутная персидская армія опустошила почти всѣ восточныя области Эллады и приближалась уже къ Аѣинамъ. Въ отчаяніи аѣиняне обратились за совѣтомъ къ оракулу. На вопросъ ихъ онъ отвѣтилъ, что „аѣиняне должны искать защиты за деревянными стѣнами“. Темистокль смѣло истолковалъ изреченіе оракула, какъ совѣтъ защищаться на корабляхъ, и убѣдилъ аѣинянъ оставить городъ и перейти на корабли, стоявшіе въ проливѣ между Аттикой и Саламиномъ. Аѣиняне отослали женъ, дѣтей и стариковъ на сосѣдніе острова и въ Пелопонесъ и сами съ тоскою покинули свой родной городъ, въ которомъ остались лишь немногіе старцы, по-своему понимавшіе изреченіе оракула и надѣявшіеся найти защиту за деревянными стѣнами акрополя. Когда Ксерксъ вступилъ въ Аѣины, онъ нашелъ городъ почти совершенно пустымъ. Онъ велѣлъ разорить и сжечь его.

Когда греки съ кораблей увидѣли пламя пылавшихъ Аѣинъ, а затѣмъ съ моря многочисленный персидскій флотъ, то до того растерялись, что думали отступить къ Истму, чтобы не быть окруженными персами при Саламинѣ и сосредоточить флотъ вблизи сухопутнаго войска. НоThemistocle на военномъ совѣтѣ убѣдилъ военачальниковъ и главнокомандующаго, спартанскаго полководца Эврибиада, дать битву при Саламинѣ. Онъ доказалъ имъ, что для незначительнаго греческаго флота гораздо выгоднѣе сразиться съ многочисленнымъ персидскимъ флотомъ въ узкомъ Саламинскомъ проливѣ, гдѣ персы не могли развернуть сразу всѣ свои громадныя силы, чѣмъ въ открытомъ морѣ у Истма. Но когда на греческомъ флотѣ узнали, что персы угрожаютъ уже Пелопонесу съ суши, то опять начались колебанія.

Чтобы принудить робкихъ союзниковъ вступить въ бой, Themistocle употребилъ хитрость. Онъ послалъ одного изъ своихъ вѣрныхъ рабовъ къ персидскому царю сказать, что самъ онъ, Themistocle, вполне преданъ ему и потому совѣтуетъ тотчасъ напасть на грековъ, которые, перессорившись между собою, собираются уходить, а то придется потомъ персидскому флоту преслѣдовать греческіе корабли по одиночкѣ. Персы дались въ обманъ: на слѣдующій день флотъ ихъ успѣшилъ окружить и запереть греческій флотъ въ Саламинскомъ проливѣ. Персидскіе корабли большимъ полукругомъ расположились вокругъ Саламина и храбро начали атаковать греческіе корабли. Ксерксъ, смотрѣвшій на битву съ возвышенія на морскомъ берегу, гдѣ былъ для него устроенъ золотой тронъ, уже заранѣе считалъ себя побѣдителемъ. Но вскорѣ битва приняла неблагопріятный оборотъ для персовъ. Лишь только Themistocle удалось разстроить боевую линію ихъ, многочисленность персидскихъ кораблей обратилась имъ-же самимъ на погибель, такъ какъ въ тѣсномъ проливѣ они не могли двигаться ни взадъ, ни впередъ. Отступавшіе корабли сталкивались съ выходящими въ бой и другъ друга прошибали и топили. Греки вскакивали на палубы персидскихъ кораблей, прорубали стѣны, избивали матросовъ и производили страшное смятеніе среди непріятелей. Потеря со стороны персовъ была громадна; большая часть ихъ была уничтожена. Ксерксъ успѣшилъ съ остатками войска въ Азію.

Пораженіемъ персовъ Греція была обязана, главнымъ образомъ, аѣинянамъ и полководцу ихъ Themistocle. Даже спартанцы, не смотря на свою зависть къ аѣинянамъ, за которыми они не хотѣли признать первенства въ побѣдѣ, оказали великія почести Themistocle. Они пригласили его въ Спарту, увѣнчали его вмѣстѣ съ полководцемъ своимъ Эврибиадомъ, а когда онъ возвращался домой, его торжественно проводили до границы 300 спартанскихъ всадниковъ. Не одна Спарта, но вся Эллада видѣла въ немъ своего освободителя. Когда онъ явился на олимпійскихъ играхъ, послѣ побѣды при Саламинѣ, никто не хотѣлъ смотреть на состязавшихся: всѣ взоры были устремлены на него; на него съ

гордостью указывали другу другу греки; его встрѣчали съ громкими криками и восторженными рукоплесканіями.Themistokl' самъ признавался своимъ друзьямъ, что получилъ достойную награду за труды свои для Греціи.

Битвы при Платеѣ и при мысѣ Микале (479 г.). Но и послѣ побѣды саламинской опасность для Греціи еще не миновала. Удалившись въ Азію, Xсерксъ оставилъ въ Греціи 300,000 отборнаго войска подъ начальствомъ зятя своего, Мардонія. Мардоній, считая аеинянъ опасными врагами, старался склонить ихъ къ союзу. Но аеиняне отвергли его предложеніе, и онъ снова сталъ опустошать Аттику. Тогда произошла битва при Платеѣ (въ Беотіи), гдѣ почти вся персидская армія была истреблена и самъ Мардоній палъ. Греки сражались тутъ подъ предводительствомъ Аристида и спартанскаго царя Павзанія; но честь побѣды принадлежала, главнымъ образомъ, аеинянамъ.

Въ тотъ же день, когда происходила битва при Платеѣ, греческій флотъ одержалъ блестящую побѣду надъ флотомъ персидскаго царя при мысѣ Микале, у береговъ Малой Азіи. То было, впрочемъ, не морское сраженіе, потому что экипажъ персидскаго флота, сознавая превосходство грековъ на морѣ, укрѣпился на сушѣ; греки высадились и приступомъ взяли лагерь. Слѣдствіемъ этой побѣды было освобожденіе малоазіатскихъ грековъ отъ власти персовъ. Отпавшіе отъ Персіи іонійцы сдѣлались теперь союзниками спартанцевъ и аеинянъ и увеличили морскія силы грековъ присоединеніемъ своего флота.

Возвышеніе Аеинъ. Переходъ гегемоніи отъ Спарты къ Аеинамъ. Послѣ платейской битвы аеиняне по совѣту Themistokla энергично принялись за восстановленіе своего разрушеннаго города и стали укрѣплять его и Пирейскую гавань стѣнами. Но спартанцы, опасаясь возвышенія Аеинъ, не хотѣли этого допустить: подъ предлогомъ, что укрѣпленія аеинскія могутъ служить персамъ, въ случаѣ новаго нашествія ихъ, опорнымъ пунктомъ для покоренія всей Греціи. Опасаясь противодѣйствія Спарты, Themistokl' рѣшился употребить хитрость: чтобы выиграть время для постройки стѣнъ, онъ самъ отправился посломъ въ Спарту, но медлил тамъ переговорами и успокоивалъ опасенія спартанцевъ, пока не узналъ, что стѣны аеинскія достигли такой высоты, что за ними можно было защищаться. Только тогда онъ объявилъ спартанцамъ, что аеиняне и безъ нихъ знаютъ, что для нихъ необходимо, и потому дѣйствительно окружили городъ стѣнами. Спартанцы страшно досадовали на аеинянъ и особенно на Themistokla, но должны были мирно отпустить его домой изъ опасенія, чтобы въ случаѣ ихъ мести надъ нимъ не пострадали ихъ собственные послы, отправленные по его же совѣту въ Аеины для разузнанія дѣла на мѣстѣ и задержанные въ качествѣ заложниковъ за него. — Между тѣмъ недоброжелательство спартанцевъ къ аеинянамъ все болѣе возрастало, такъ какъ послѣ платейской битвы первенствующая роль въ Греціи перешла отъ Спарты къ Аеинамъ. Дѣйствительно, по сво-

имъ заслугамъ во время персидскихъ войнъ Аѣины могли заявить свои права на первенство. Не Спартѣ, а всего болѣе ихъ геройскому патриотизму обязана была Греція своимъ освобожденіемъ отъ персидскаго ига. Блестящія побѣды при Мараѳонѣ и Саламинѣ были одержаны, благодаря мужеству аѣинянъ и талантамъ ихъ полководцевъ; побѣды при Платеѣ и Микале были также, главнымъ образомъ, ихъ дѣломъ. Къ тому же, по удаленіи персовъ изъ Греціи войну съ ними нужно было продолжать на морѣ, а морскими силами Аѣины значительно превосходили Спарту. Съ другой стороны, поведеніе Спарты во время персидскихъ войнъ, ея боязливая и самолюбивая политика не могли внушить грекамъ общей довѣренности и любви къ спартанцамъ. Однакожъ и послѣ сраженій при Платеѣ и Микале, когда сдѣлана была попытка образовать всеобщій греческій союзъ для продолженія борьбы съ персами, главное начальство надъ военными силами еще было въ рукахъ спартанцевъ. Спартанскій полководецъ Павзаній, побѣдитель при Платеѣ, сталъ во главѣ союзнаго флота, снаряженнаго съ цѣлю окончательнаго освобожденія острововъ Архипелага и береговъ Эракіи отъ персидскаго владычества, такъ какъ персы владѣли тамъ Византіей и нѣкоторыми другими пунктами. Но скоро Павзаній своимъ суровымъ и гордымъ обращеніемъ съ союзными іонійцами, совершенно вооружилъ ихъ противъ себя и своей измѣной общегреческому дѣлу подорвалъ авторитетъ Спарты въ глазахъ союзниковъ. По взятіи Византіи, Павзаній обращался съ византіянами, и вообще съ подчиненными, какъ персидскій сатрапъ. Онъ носилъ и одежду сатрапа, окружилъ себя персидскою роскошью и даже вступилъ въ тайныя сношенія съ персидскимъ царемъ Ксерксомъ, обѣщая ему подчинить Спарту и всю Элладу, рассчитывая, должно быть, съ помощью персовъ самому сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ въ своемъ отчествѣ. Аѣинскіе-же полководцы, особенно Аристидъ, пріобрѣли себѣ расположеніе союзниковъ своими талантами и справедливымъ и мягкимъ обращеніемъ. Поэтому союзные іонійцы, выведенные наконецъ изъ терпѣнія Павзаніемъ, рѣшились обратиться съ жалобой на него къ аѣинскимъ полководцамъ, которые снесли по этому дѣлу со Спартой.

Когда спартанцы узнали о поведеніи Павзанія, то по настоянію аѣинскихъ полководцевъ отозвали его въ Спарту и потребовали къ суду. Между тѣмъ, въ то время, когда надъ нимъ производилось слѣдствіе, онъ и изъ самой Спарты поддерживалъ переписку съ персидскимъ дворомъ и попробовалъ даже привлечь на свою сторону гелотовъ, чтобы при помощи ихъ низвергнуть эфоровъ и сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ въ Спартѣ. Тогда эфоры рѣшили арестовать Павзанія. Но онъ искалъ убѣжища въ храмѣ Аѣины, гдѣ и умеръ голодною смертію, такъ какъ всѣ выходы храма были заложены по приказанію эфоровъ.

Съ отозваніемъ Павзанія въ Спарту, удалились также восвоеси и

всѣ пелопонесскіе союзники. Острова - же Архипелага и іонійцы, единоплеменные аѣинянамъ, присоединились къ нимъ и вручили имъ гегемонію на морѣ. По просьбѣ всѣхъ греческихъ союзниковъ начальство надъ союзнымъ флотомъ и войскомъ принялъ на себя Аристидъ. Спартанцы прислали было на мѣсто Пазванія другаго полководца, но союзники его не приняли. Это до того раздражило Спарту, что она помышляла уже объ отомщеніи аѣинянамъ и о насильственномъ возстановленіи стараго порядка. Но, не имѣя достаточно силъ для борьбы съ Аѣинами, Спарта должна была отказаться отъ гегемоніи на морѣ и довольствоваться гегемоніей надъ Пелопонесомъ.

Аристидъ, какъ нельзя лучше, воспользовался своимъ положеніемъ для возвышенія Аѣинъ. Онъ убѣдилъ союзниковъ заключить съ Аѣинами формальный оборонительный и наступательный союзъ (симмахію) и предоставить аѣинской республикѣ постоянное начальство надъ союзнымъ флотомъ и войскомъ и завѣдываніе союзной казной, которая должна была образоваться изъ ежегодныхъ взносовъ каждаго изъ членовъ союза. По совѣту Аристида, храмъ Аполлона на островѣ Делосѣ, имѣвшій значеніе общегреческой святыни, назначенъ былъ мѣстомъ храненія союзной казны и сборнымъ мѣстомъ союзниковъ, отчего и самый союзъ извѣстенъ подъ именемъ делосскаго. Блжстителемъ союзной казны былъ избранъ Аристидъ, которому поручено было также сдѣлать раскладку между союзными государствами ежегодныхъ взносовъ. И это дѣло Аристидъ исполнилъ съ справедливостію, достойною его имени. Кромѣ денежнаго взноса, отдѣльныя государства должны были выставять извѣстное число кораблей и людей. Такъ, благодаря Аристиду, образовался свободный и равноправный союзъ, всѣ члены котораго имѣли одинаковое право голоса. Самостоятельныя права всѣхъ государствъ, вошедшихъ въ союзъ, остались неприкосновенными. Общія-же дѣла рѣшались въ собраніяхъ, состоявшихъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ союзныхъ государствъ.

Особенную благодарность аѣинянь заслужилъ еще Аристидъ предложеніемъ мѣры, въ силу которой всѣ классы аѣинскихъ гражданъ были уравнены въ правахъ. Такъ какъ въ славной борьбѣ съ персами всѣ граждане, и богатые, и бѣдные, съ одинаковымъ мужествомъ и самопожертвованіемъ сражались для защиты отечества, и многіе изъ обѣднѣвшихъ гражданъ перваго класса должны были перейти въ четвертый классъ, то Аристидъ внесъ предложеніе, чтобы и граждане четвертаго класса или ееты также были допускаемы къ занятію всѣхъ государственныхъ должностей, не исключая даже должности архонта. Этой мѣрой Аристидъ вполне заслужилъ имя истиннаго друга народа. Не смотря на то, что чрезъ руки его, какъ хранителя союзной казны, шло очень много денегъ, Аристидъ жилъ и умеръ въ бѣдности. Будучи прежде богатымъ человѣкомъ, онъ часто тратилъ собственныя деньги на государственныя потребности и дошелъ до того, что по смерти его

государство должно было похоронить его и обезпечить его дѣтей на свой счетъ.

Не такова была судьбаThemistocles. Не смотря на свои важныя заслуги, онъ вслѣдствіе происковъ враждебной ему аристократической партіи подвергся остракизму и умеръ въ изгнаніи далеко отъ отечества, преслѣдуемый ненавистью своихъ согражданъ, которыхъ возстановилъ противъ себя постояннымъ перечисленіемъ своихъ заслугъ и нажитыми во время службы богатствами. Къ этому присоединилось обвиненіе со стороны спартанцевъ, которые не могли простить ему его обмана при постройкѣ аѳинскихъ стѣнъ. Когда спартанцы открыли измѣнническія сношенія Павзанія съ персидскимъ царемъ, они объявили аѳинянамъ, что имѣютъ доказательства измѣныThemistocles. Хотя участіеThemistocles никогда не было доказано, но онъ зналъ, что спартанцы поубьютъ его, а потому бѣжалъ и послѣ долгихъ скатаній явился къ персидскому царю, преемнику Ксеркса. Научившись въ одинъ годъ говорить по персидски, онъ такъ плѣнилъ персидскаго царя своимъ умомъ и притворною преданностью, что тотъ сдѣлалъ его самымъ близкимъ къ себѣ и довѣреннымъ лицомъ и далъ ему, какъ намѣстнику, въ управленіе одну область. Скоро персидскій царь, задумавъ новый походъ противъ Греціи, чтобы загладить позоръ прежнихъ войнъ, и рассчитывалъ при этомъ на помощь и руководствоThemistocles; но, по счастью, Themistocles умеръ, и смерть избавила его отъ необходимости сдѣлаться измѣнникомъ относительно спасеннаго имъ отечества.

Кимонъ. По смерти Аристида и изгнаніиThemistocles самымъ вліятельнымъ человекомъ въ Аѳинахъ сдѣлался сынъ Мильтіада, Кимонъ. Это былъ отважный и предприимчивый полководецъ, не разъ доставлявшій греческимъ войскамъ побѣду надъ персами. Вѣдшая политическая программа Кимона состояла въ сохраненіи дружественныхъ отношеній со Спартой и въ закрѣпленіи делосскаго союза для успѣшной борьбы съ персами. Кимонъ старался увеличить вліяніе Аѳинъ на союзныя государства преимущественно тѣмъ, что позволялъ имъ откупаться деньгами отъ исполненія обязательныхъ въ силу договора военныхъ повинностей, такъ какъ, по минованіи опасности персидскаго нашествія, многія изъ второстепенныхъ союзныхъ государствъ стали тяготиться военною повинностію и неисправно доставляли свои контингенты для союзнаго флота. Кимонъ дозволилъ многимъ союзнымъ государствамъ вмѣсто снаряженія кораблей вносить въ союзную кассу соотвѣтственную сумму денегъ. Эта мѣра, удовлетворяя желаніямъ союзниковъ, въ то-же время дала возможность аѳинянамъ строить больше кораблей и исподоволь превратить союзный флотъ въ аѳинскій. Увеличенными морскими силами Аѳинъ Кимонъ отлично воспользовался для войны съ Персіей, которая, успѣвъ уже оправиться отъ понесенныхъ въ Греціи пораженій и ознакомиться со слабостями самихъ грековъ, рѣшилась съ новыми силами начать войну противъ Греціи, чтобы возстановить, по крайней мѣрѣ, свою власть надъ

малоазійскими греками. Уже къ южному берегу Малой Азіи стали стягиваться громадныя сухопутныя и морскія силы. Но Кимонъ успѣлъ предупредить персовъ, быстро направился съ флотомъ къ берегамъ Малой Азіи, завоевалъ здѣсь нѣсколько городовъ и затѣмъ одержалъ блистательную побѣду на сушѣ и на морѣ надъ главными силами персовъ, сосредоточенными у устья рѣки Эвримедона (469 г.). Почти половина персидскаго флота и множество добычи достались въ руки грековъ. Послѣ блистательныхъ побѣдъ Кимона персы не смѣли уже почти показываться на морѣ. Послѣдняя побѣда Кимона относится къ 449 г., который считается годомъ окончанія персидскихъ войнъ, хотя и не было заключено между греками и персами никакого мирнаго договора.

Геродотъ. Борьба грековъ съ персами составляетъ предметъ замѣчательной „Исторіи“ Геродота, современника греко-персидскихъ войнъ. Онъ родился въ Галикарнасъ въ 484 г. до Р. Х. Оставивъ свой родной городъ еще въ ранней молодости, Геродотъ, побуждаемый одной любознательностію, предпринялъ рядъ путешествій, объѣхалъ всю Грецію, южную Италію, Египетъ, побывалъ на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, въ Финикіи, въ Вавилоніи, Персіи и еще во многихъ другихъ земляхъ. По возвращеніи изъ путешествій Геродотъ поселился сначала на о. Самосѣ; въ началѣ пелопонесской войны жилъ въ Аѣинахъ, гдѣ приобрѣлъ право гражданства; послѣдніе-же годы своей жизни провелъ онъ въ городѣ Туріумѣ, основанномъ при помощи аѣиенянъ на мѣстѣ разрушеннаго Сибариса. Здѣсь Геродотъ до самой смерти своей занимался сочиненіемъ своей исторіи и умеръ въ глубокой старости въ 418 г. до Р. Х. Сохранилось извѣстіе, хотя и не вполне достовѣрное, что нѣкоторыя части своего труда Геродотъ читалъ публично на олимпійскихъ играхъ и на панаѣинейскомъ праздникѣ въ Аѣинахъ.

Назначеніе всего труда своего Геродотъ высказываетъ въ самомъ началѣ его. По словамъ его, «оно состоитъ въ томъ, чтобы совершенное человѣчествомъ вообще не исчезло отъ времени, но въ особенности великія, достопамятныя и удивительныя дѣла, совершенныя греками и варварами, не стали-бы безызвѣстными такъ-же какъ и причины, изъ-за которыхъ боролись они другъ съ другомъ».

Основная идея всей исторіи Геродота заключается въ томъ, что побѣдою надъ грубыми варварами греки обязаны своей любви къ свободѣ, своей разумности и умѣренности, главнымъ-же образомъ, заступничеству боговъ. Проникнутый религиозною идеею вѣчнаго міроваго порядка и господства надъ всѣмъ божественнаго промысла, Геродотъ всюду указываетъ присутствіе и дѣйствіе его и многими примѣрами подтверждаетъ несостоятельность человѣческихъ силъ передъ божественными. Ниспроверженіе кичливаго могущества персовъ, поработившихъ весь міръ, но не могшихъ осилить свободной Эллады, представляетъ, по убѣжденію Геродота, одно изъ самыхъ рельефныхъ проявленій господствующаго въ мірѣ высшаго нравственнаго порядка. Геродотъ начинаетъ рассказъ о великой борьбѣ грековъ съ персами съ описанія самыхъ первыхъ враждебныхъ столкновеній Востока съ Греціею, о которыхъ только дошли преданія; потомъ говоритъ о первой исторически достовѣрной войнѣ грековъ съ азіатскимъ народомъ, именно о покореніи малоазійскихъ грековъ лидійскимъ царемъ Крезомъ. Это служитъ ему поводомъ къ изложенію исторіи лидійцевъ. Подчиненіе этого народа Киромъ приводитъ его къ

исторіи персовъ и мидянъ, а покореніе персами вавилонянъ и египтянъ даётъ ему поводъ перейти къ этимъ двумъ народамъ, а также къ ассирійцамъ. Далѣе походъ Дарія Гистаспа въ Скиѣскую землю служитъ Геродоту поводомъ къ описанію обитателей сѣверовосточной Европы и прилегающихъ къ ней частей Азии. Только въ пятой книгѣ своей исторіи приступаетъ онъ къ разсказу о возстаніи малоазійскихъ грековъ противъ Дарія и о вызванныхъ этимъ возстаніемъ греко-персидскихъ войнахъ. Разсказъ объ этихъ войнахъ подробно излагается въ слѣдующихъ четырехъ книгахъ. Исторія Геродота оканчивается описаніемъ сраженій при Платеѣ и Микале.

Геродотъ часто прерываетъ нить своего разсказа, вставляя, въ видѣ эпизодовъ, подробныя описанія различныхъ народовъ и занимаемыхъ ими странъ. Но при этомъ Геродотъ имѣетъ вездѣ въ виду представить читателю нагляднымъ образомъ контрастъ между греками и варварами и преимущества греческихъ учреждений и идей передъ учрежденіями и степенью образованности восточныхъ народовъ, и эта руководящая нить, такъ-же какъ и основная идея всего труда, придаютъ ему извѣстную цѣльность, не смотря на всѣ длинныя эпизоды.

Геродотъ, особенно при описаніи восточныхъ народовъ, разсказываетъ много баснословнаго, и потому часто возникало сомнѣніе въ достовѣрности сообщаемыхъ имъ фактовъ. Но, не говоря уже о томъ, что многое, что прежде считалось невѣроятнымъ въ его разсказѣ, подтверждено новѣйшими изслѣдованіями о различныхъ описываемыхъ имъ странахъ и народахъ, самъ онъ, по поводу многихъ изъ приведенныхъ имъ баснословныхъ разсказовъ, высказываетъ свое сомнѣніе, прибавляя: «такъ говорятъ они», или «такъ я слышалъ». Такимъ образомъ, Геродотъ вездѣ проводитъ рѣзкую черту между своими собственными показаніями и мнѣніями и тѣмъ, что передаетъ съ чужихъ словъ; но никогда не выдаетъ за истину того, что самъ считаетъ ложнымъ. Однакожъ, при всей своей правдивости и добросовѣстности, Геродотъ, особенно при описаніи восточныхъ народовъ, находился въ большой зависимости отъ показаній хвастливыхъ жрецовъ и полуграмотныхъ проводниковъ и толмачей. Добросовѣстность и точность разсказа Геродота подтверждается также достовѣрностію большей части приводимыхъ имъ этнографическихъ и хронологическихъ данныхъ.

Вообще Геродотъ является не простымъ разсказчикомъ, набросавшимъ какъ-нибудь свои случайныя замѣтки; напротивъ того, весь трудъ его представляетъ заранѣе и строго обдуманное изложеніе тщательно собраннаго и, по мѣрѣ возможности, провереннаго матеріала, словомъ, извѣстную систему изложенія. Всѣмъ этимъ Геродотъ рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ ему историческихъ писателей, такъ называемыхъ *логогрифовъ*, произведенія которыхъ, какъ видно это изъ дошедшихъ отъ нихъ отрывковъ, представляли лишь отрывочныя свѣдѣнія, или матеріалъ безъ всякой системы и критической проверки. Поэтому Геродотъ, по справедливости, названъ «отцомъ исторіи». Простой, безыскусственный разсказъ Геродота, живое, наглядное изображеніе событій и поэтической колоритъ всего произведенія, — все это производило обаятельное впечатлѣніе на грековъ, для которыхъ исторія Геродота сдѣлалась народною книгою. Такимъ образомъ, не безъ основанія девять книгъ Геродотовой исторіи получили свои названія отъ девяти музъ, покровительницъ наукъ и искусствъ.

ПЕРИКЛЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

Подъ управленіемъ Перикла аѣинское государство достигло наибольшаго могущества и блеска, такъ что время его правленія извѣстно въ исторіи подъ именемъ „вѣка Перикла“. Обладая прекрасною наружностью, онъ соединялъ въ себѣ живой, любознательный умъ, развитый воспитаніемъ, въ необыкновенную силу и стойкостью характера. Великая и славная борьба съ персами, которой онъ былъ свидѣтелемъ съ юныхъ лѣтъ, рядъ блестящихъ побѣдъ аѣинянъ надъ персами, восстановление разрушенныхъ Аѣинъ и начало ихъ могущества, военная слава отца его, Ксантиппа, побѣдителя при Микале,—все это уже съ дѣтства возбудило въ Периклѣ стремленіе къ дѣятельности на пользу своего отечества и сообщило его уму возвышенный образъ мыслей. Чуждаясь всего низкаго и обыденнаго, онъ искалъ общества самыхъ образованныхъ людей изъ своихъ согражданъ, искалъ возможности усовершенствовать свое образованіе въ знакомствѣ и бесѣдахъ съ лучшими художниками, ораторами, философами, особенно съ Анаксагоромъ. Замѣчательное благородство Перикла и его умственное превосходство повсюду отличали его отъ обыкновенныхъ людей и внушали къ нему удивленіе и благоговѣніе. Периклъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ ораторовъ Греціи: онъ казался царемъ, когда стоялъ на ораторской трибунѣ и говорилъ предъ народомъ; и народъ, невольно подчиняясь слову Перикла, сравнивалъ его съ Зевсомъ Олимпійскимъ и называлъ его олимпійцемъ. Неотразимое вліяніе рѣчей Перикла заключалось главнымъ образомъ въ обаяніи нравственной высоты самой личности Перикла, его всесторонне образованнаго ума и его замѣчательной сдержанности, спокойствія. Но Периклъ не расточалъ своего краснорѣчія, стараясь приберегать свое слово для важнѣйшихъ случаевъ и предпочитая большею частію проводить свои мысли чрезъ посредство друзей и приверженцевъ своихъ.

Когда Периклъ вступилъ въ общественную дѣятельность и началъ управлять государственными дѣлами, онъ посвящалъ имъ все свое время и всѣ свои силы. Онъ отказывался отъ всякаго приглашенія на пиръ, отъ всѣхъ торжественныхъ собраній и сходокъ, и въ длинный періодъ своего управленія государствомъ не бывалъ въ гостяхъ ни у кого изъ друзей.

Периклъ выступилъ на государственное поприще тотчасъ по смерти Аристиды и изгнаніиThemistocle. Тогда могущественнѣйшимъ лицомъ въ Аѣинахъ былъ Кимонъ, который пріобрѣтенныя имъ въ походахъ богатства щедро тратилъ на украшеніе Аѣинъ и на поддержку бѣднѣйшихъ согражданъ. Но, не смотря на щедрость относительно бѣдныхъ гражданъ, Кимонъ былъ противникомъ народнаго правленія и стоялъ за преобладаніе въ государствѣ знатныхъ гражданъ, аристократіи, и за

дружбу Аѳинъ со Спартой. Перикль, напротивъ, стоялъ постоянно на сторонѣ народа и, пользуясь его любовью и враждебнымъ его отноше- ніемъ къ Спартѣ, добился удаленія Кимона изъ Аѳинъ посредствомъ остракизма. Послѣ того, онъ могъ безпрепятственно осуществить свои мысли объ устройствѣ и развитіи народнаго правленія и объ украшеніи и возвышеніи Аѳинъ. Впродолженіе почти сорока лѣтъ, Перикль поль- зовался громаднымъ вліяніемъ на аѳинскій народъ (468—429). Впродол- женіе почти пятнадцати лѣтъ Перикль, занимая должность стратега и блюстителя государственной казны и общественныхъ построекъ, управ- лялъ аѳинскимъ народомъ по своей волѣ, подобно монарху. Народное правленіе было только кажущееся; на самомъ дѣлѣ правилъ почти не- ограниченно Перикль не потому, чтобы онъ захватилъ власть въ свои руки, а потому, что народъ во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ добровольно под- чинялся его голосу. Властвуя надъ народомъ силою своего характера и краснорѣчія, Перикль не льстилъ народу, не угодничалъ предъ нимъ. Случалось, напротивъ, народу выслушивать отъ него строгіе укоры и рѣзкія возраженія; но народъ подчинялся Периклу, зная, что мысли и дѣянія его направлены ко благу отечества.

Полное развитіе демократіи въ Аѳинахъ. Перикль хотѣлъ управлять го- сударствомъ посредствомъ народнаго собранія и для этого считалъ нуж- нымъ увеличить его власть. Но въ то время рѣшенія народнаго собра- нія зависѣли еще въ значительной степени отъ утвержденія ареопага, который былъ опорой аристократической партіи, будучи составленъ изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ гражданъ. Поэтому Перикль достигъ того, что у ареопага были отняты всѣ прежнія его права, за исключеніемъ суда надъ убійцами. По предложенію Перикла, которое проведено было имъ въ народномъ собраніи чрезъ друга своего Эфіальта, ареопагъ не только лишился прежняго неограниченнаго права надзора за всѣми дѣ- лами республики, но даже и принадлежавшей ему судебной власти, за исключеніемъ дѣлъ о злоумышленныхъ убійствахъ. Точно также отнята была судебная власть, какъ уголовная, такъ и гражданская, у всѣхъ архонтовъ и другихъ сановниковъ, кромѣ права налагать небольшія пе- ни. Вся судебная власть передана была дикастеріямъ или судамъ при- сяжныхъ, избранныхъ изъ всей массы народа.

Избранные архонты вмѣсто того, чтобы рѣшать дѣло или налагать наказаніе своею властію, должны были призвать одну изъ десяти смѣнъ или декурій; ко- торая изъ дикастерій должна была быть призвана—это рѣшалось по жребію, такъ что никто не могъ знать впередъ, какая именно дикастерія будетъ рассматри- вать то или другое дѣло. Архонты изъ высшихъ судей превратились въ предсѣ- дателей судовъ присяжныхъ, на разсмотрѣніе которыхъ они представляли всѣ по- казанія, полученные при предварительномъ слѣдствіи. Предъ судомъ-же присяж- ныхъ и обвинитель, и обвиненный произносили рѣчи. Установленные Перикломъ дикастеріи были равно недоступны подкупу и устрашенію: многочисленность ихъ членовъ, тайная подача голосовъ и невозможность знать впередъ, какія именно

лица будутъ судьями, обезпечивали безпристрастіе и правосудіе судебныхъ приговоровъ.

Нововведенія Перикла составляютъ дальнѣйшее развитіе и дополненіе демократической системы, введенной Клизеномъ на основаніи законовъ Солона. Лишеніе архонтовъ и вообще высшихъ сановниковъ почти всей принадлежавшей имъ судебной власти, ограниченіе круга дѣйствій ареонага рѣшеніемъ дѣлъ объ убійствахъ и представленіе всей судебной и законодательной дѣятельности въ Афинахъ народнымъ судамъ или дикастеріямъ—все это составляетъ высшее проявленіе афинской демократіи.

Еще по закону, предложенному Аристидомъ, занятіе всѣхъ государственныхъ должностей сдѣлалось доступнымъ и бѣднѣйшимъ гражданамъ; но, не имѣя средствъ къ существованію, они не могли воспользоваться своимъ правомъ, такъ какъ всѣ государственныя должности исполнялись безвозмездно. Чтобы доставить и имъ возможность принимать участіе въ управленіи государствомъ, Перикль предложилъ назначить жалованье за военную службу и за участіе въ дикастеріяхъ. Такъ, за участіе въ судахъ присяжныхъ назначена была плата въ три обола (12 коп.), за военную же службу отъ 4 до 12 оболовъ (12 — 48 коп.), смотря по роду вооруженія, что при тогдашней дешевизнѣ жизни въ Афинахъ, было достаточно для безбѣдной жизни гражданъ. По настоянію Перикла, бѣднѣйшимъ гражданамъ выдавались ссуды изъ государственной казны и денежныя пособія для участія въ общихъ городскихъ празднествахъ. Бѣднѣйшіе граждане были также освобождены отъ податей.

Политическое могущество Афинъ. По мысли Перикла, демократическія Афины должны были сдѣлаться первымъ государствомъ въ Греціи. Но для этого необходимо было обезпечить и увеличить внѣшнее могущество государства. Перикль рѣшился воспользоваться главенствомъ Афинъ въ делосскомъ союзѣ и перенесеніемъ союзной казны изъ Делоса въ Афины.

Первенство афинянъ въ делосскомъ союзѣ уже скоро послѣ образованія его начало принимать характеръ господства. Это зависѣло отчасти отъ честолюбія и властолюбія Афинъ, главнымъ же образомъ, отъ нерасположенія значительной части союзниковъ къ исполненію обязанностей, налагаемыхъ условіями союза, и отъ желанія замѣнить военную службу денежнымъ платежемъ; между тѣмъ афиняне приняли на себя всецѣло обязанность защиты союзниковъ и обратили въ свою пользу слѣдующее за нее вознагражденіе. Такимъ образомъ союзный флотъ сдѣлался мало по малу афинскимъ, а завѣдываніе союзной казной на Делосѣ съ самаго начала было предоставлено Афинамъ. Перикль убѣдилъ союзниковъ, въ виду недостаточной будто бы безопасности острова Делоса со стороны враждебныхъ союзу персовъ и спартанцевъ, согласиться на перенесеніе союзной казны изъ Делоса въ Афины, какъ въ болѣе безопасное мѣсто для храненія ея. Съ этого времени союзники стали почти въ полную зависимость отъ Афинъ. Они обязаны были представлять свои ежегодныя взносы въ Афины, какъ дань. Впрочемъ, Перикль по-

ступалъ въ отношеніи союзниковъ съ благоразумною умѣренностію, и возложенная на нихъ подать не была обременительна. Съ тѣхъ поръ аѣиняне смотрѣли уже на союзную кассу, какъ на свою собственность. Отдавать отчетъ союзникамъ въ употребленіи ихъ взносовъ Периклъ не считалъ обязательнымъ для аѣинянъ, такъ какъ они исполняли вполнѣ свою обязанность относительно союзниковъ, защищая ихъ отъ враговъ. Флотъ въ 60 военныхъ кораблей постоянно крейсировалъ въ Архипелагѣ, охраняя владѣнія союзниковъ на случай нападенія персовъ. Союзные города обращались также въ Аѣины за рѣшеніемъ своихъ взаимныхъ недоразумѣній и столкновеній. Еще въ силу условій договора, положившаго начало делосскому союзу, желаніе отдѣлиться отъ союза или неповиновеніе общему собранію представителей союзныхъ государствъ считалось измѣною или возмущеніемъ, и Аѣины, какъ глава союза, обязаны были подавлять подобныя попытки. Теперь же Аѣины тѣмъ болѣе считали себя вправѣ употреблять насильственные мѣры противъ союзныхъ городовъ, которые пытались отдѣлиться отъ союза, какъ напр. противъ острова Самоса. Жители покоренныхъ союзныхъ острововъ и городовъ были обращены въ аѣинскихъ подданныхъ и, чтобы удерживать ихъ въ подданствѣ въ нѣкоторыхъ покоренныхъ областяхъ, особенно во Фракіи и Македоніи, были основаны аѣинскія колоніи.

Такимъ образомъ делосская симмахія постепенно превратилась въ аѣинское господство, и Аѣины сдѣлались центромъ и столицей обширнаго морскаго государства. Кромѣ всего этого, владычество Аѣинъ въ теченіе времени между 460 и 446 гг. до Р. Х. распространилось и на другіе острова и города, не принадлежащіе къ делосскому союзу. Эгина, побѣжденная Аѣинами, сдѣлалась данницею ихъ; островъ Эвбея былъ ими совершенно покоренъ. Аѣины подчинили также въ большей или меньшей степени своему господству Беотію, Фокиду, Локриду, Ахаію, Мегару и др. Мегаряне соединились съ Аѣинами, чтобы избѣжать угнетенія со стороны коринтянъ, а вліяніе въ Беотіи было приобрѣтено Аѣинами тѣмъ, что они вступили въ союзъ съ демократическою партіею беотійскихъ городовъ противъ аристократическихъ Фивъ и Спарты, дѣятельно старавшейся возстановить преобладаніе Фивъ и поддержать такимъ образомъ аристократическое начало. Въ это время могущество Аѣинъ находилось на самой высшей степени развитія, и ей принадлежала нѣкоторое время гегемонія не только на морѣ, но и на сушѣ. Но господства на сушѣ Аѣины скоро лишились вслѣдствіе энергичнаго противодѣйствія со стороны Спарты, которая вступила въ открытую борьбу съ Аѣинами и при помощи Фивъ нанесла имъ нѣсколько пораженій на сушѣ (при Танагрѣ и при Коронѣ), чему способствовала опрометчивость аѣинскихъ полководцевъ. По миру, заключенному Перикломъ со Спартой въ 445 г. до Р. Х., за Аѣинами оставалось только владычество ихъ на морѣ и на островахъ Архипелага. Не смотря на это, Аѣины представляли самое могущественное государство въ Греціи. Они сдѣлались пра-

вительственнымъ центромъ населенія въ десять милліоновъ человѣкъ, и между государствами, подвластными Аѣинамъ, было нѣсколько такихъ, которыя далеко превосходили ихъ числомъ своихъ жителей. Доходы государства возрасли на столько, что въ теченіе немногихъ лѣтъ при Периклѣ накопилось въ казнѣ слишкомъ 8,000 талантовъ (слишкомъ 11 мил. руб.) *). Аѣины сдѣлались также первымъ торговымъ городомъ Греціи. Съ береговъ Чернаго моря привозили въ Аѣины корабельный лѣсъ, соленую рыбу, медъ, воскъ, шерсть и т. п.; изъ Фригіи и Милета — тонкую шерсть и ковры. Словомъ, все, что только было лучшаго въ Сициліи, или въ Италіи, въ Египтѣ, въ Лидіи, или на берегахъ Понта, все это свозилось въ Аѣины, благодаря ихъ морскому владычеству. Съ своей стороны отправляли они вина съ подвластныхъ имъ острововъ и собственныя мануфактурныя произведенія. Богатства, стекавшіяся въ этотъ городъ, возможность скоро найти работу и дешевизна жизни способствовали благосостоянію народонаселенія и накопленію огромныхъ капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ личностей. На сколько увеличилось богатство гражданъ, можно заключить изъ того, что во времена Солона состояніе въ 7 талантовъ считалось очень большимъ, а при Периклѣ были граждане, которые владѣли сотней талантовъ (около 140,000 руб.) и держали до тысячи рабовъ въ своихъ рудникахъ. Свои богатства аѣинскіе граждане расточали не только на свои частныя нужды и удовольствія, но и на государственныя и общественныя нужды. Насчетъ богатѣйшихъ гражданъ снаряжалось до 300 кораблей; большія празднества устраивались отчасти на ихъ счетъ, и участія въ этихъ расходахъ добивались, какъ великой чести. Эти приношенія гражданъ извѣстны были подъ именемъ литургій (*Λειτουργίαι*), т. е. собственно общественныхъ службъ. Хоррегія или постановка театральнoй пьесы съ хорами и триерархія или оснащентіе и вооружентіе на свой счетъ выставленной государствомъ триеры не только не считались обременительнымъ налогомъ, а, напротивъ, почетомъ, и очередной плательщикъ обыкновенно давалъ больше, чѣмъ требовалъ законъ. Граждане, особенно отличившіеся своими пожертвованіями на государственныя и общественныя нужды, награждались публично вѣнкомъ.

Но хотя аѣинское государство достигло при Периклѣ своего высшаго процвѣтанія, оно носило въ себѣ зародышъ будущаго разложенія. Причина этого заключалась въ томъ, что, благодаря крайнему развитію демократіи, всѣ аѣинскіе граждане посвящали себя исключительно государственнымъ дѣламъ и эстетическимъ наслажденіямъ, отвыкая отъ всякаго другаго дѣла и проникаясь даже презрѣніемъ къ промышленному труду. Вся торговля и вся промышленность была въ рукахъ метэковъ;

*) По цѣнности денегъ въ наше время это составило-бы сумму слишкомъ въ 80 мил. рублей.

большую часть домашнихъ работъ снимали съ аѳинскаго гражданина жены и рабы, а рабовъ и метэковъ было въ Аѳинахъ въ восемь разъ больше, чѣмъ собственно гражданъ. Къ тому же до крайности развитая демократія могла легко сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ вліятельныхъ демагоговъ и выродиться въ охлократію, т. е. въ господство черни. Это было тѣмъ естественнѣе, что бѣдные граждане, жившіе только жалованьемъ отъ государства, были въ матеріальномъ отношеніи въ полной зависимости отъ состоянія государственныхъ финансовъ и отъ правительства и, не будучи въ состояніи сами заработать себѣ насущный хлѣбъ, могли легко сдѣлаться доступными подкупу со стороны отдѣльныхъ честолюбцевъ.

Климентъ
Памятники искусства въ Аѳинахъ въ эпоху Перикла. Фидій. Въ вѣкъ Перикла и, главнымъ образомъ, благодаря ему, Аѳины украсились великолѣпными памятниками искусства. Средства для этого Периклъ нашелъ въ сбереженіи части доходовъ отъ союзной казны, которые онъ считалъ себя вполне вправѣ расходовать на пользу и украшеніе Аѳинъ. Въ его время тамъ сосредоточились и достигли высшаго своего развитія всѣ искусства, такъ что и въ этомъ отношеніи Аѳины сдѣлались первымъ городомъ въ мірѣ.

Изъ всей Греціи великіе художники переселялись въ Аѳины. Тамъ жили въ вѣкъ Перикла величайшій скульпторъ Греціи Фидій, первые зодчіе своего времени Иктинъ и Калликратъ, лучшіе живописцы древности Полигнотъ и Парразій. Важнѣйшими изъ произведеній искусствъ, украсившихъ тогда Аѳины, были статуи боговъ и общественныя зданія, которыя одни отличались изящною архитектурою. Жилища же частныхъ лицъ, даже знатныхъ и богатыхъ, были во времена Перикла еще очень некрасивы и тѣсны, такъ какъ и вся частная жизнь аѳинскихъ гражданъ отличалась еще тогда простотою и незатѣйливостію. Величайшія произведенія ваянія и зодчества въ Аѳинахъ, исполненныя подъ руководствомъ, или при непосредственномъ участіи величайшаго художника древности и друга Перикла Фидія, сооружены были преимущественно въ акрополѣ, потерявшемъ уже прежнее значеніе крѣпости послѣ того, какъ увеличались наружныя украшенія Аѳинъ и ихъ гаваней.

Изъ зданій, воздвигнутыхъ въ акрополѣ подъ руководствомъ Фидія, особенно замѣчательны: Парѳенонъ, Пропилеи, Одеонъ, и нѣкоторые другіе памятники.

Парѳенонъ, святилище, посвященное богинѣ Аѳинѣ-дѣвственницѣ (παρθένος),—великолѣпнѣйшее зданіе изъ бѣлаго мрамора, построенное по плану Фидія лучшими зодчими, Иктиномъ и Калликратомъ, и украшенное снаружи и внутри изваяніями самого Фидія и другихъ художниковъ. Храмъ былъ украшенъ замѣчательными барельефами, изъ которыхъ многіе сохранились до нашего времени. Всѣ эти барельефы сдѣланы Фидіемъ или его учениками подъ непосредственнымъ его руководствомъ. Во внутренности святилища стояла огромная статуя богини

Аѳины, сдѣланная самимъ Фидіемъ, сорока футовъ вышины, вся изъ слоновой кости и золота, въ золотомъ шлемѣ и съ такимъ-же копьемъ; статуя была отлично освѣщена чрезъ отверстіе въ кровль храма. Богиню окружали, съ одной стороны — символъ мудрости, змѣй, съ другой — щитъ, испещренный изображеніемъ побѣдъ аѳинянъ. Одежда статуи, сдѣланная изъ чистаго золота, была такъ прилажена, что ее можно было легко снять и взвѣсить. Это сдѣлано было Фидіемъ по совѣту Перикла и дало ему впослѣдствіи возможность доказать аѳинянамъ свою невинность, когда враги Перикла обвиняли Фидіа въ утайкѣ нѣкоторой части золота, предназначеннаго для одежды богини-дѣвственницы.

Другимъ замѣчательнымъ произведеніемъ Фидіа была колоссальная бронзовая статуя богини Аѳины Паллады (защитницы), отлитая на счетъ маравонской добычи. Она стояла на самомъ возвышенномъ пунктѣ акрополя и была такъ высока, что ея золотое, сіяющее на солнцѣ копье, видимое на далекомъ разстояніи, служило маякомъ для кораблей, плавающихъ у береговъ Аттики. Къ числу замѣчательнѣйшихъ изваяній Фидіа принадлежитъ также колоссальная статуя Зевса Олимпійскаго, поставленная въ Олимпіи, въ храмѣ Зевса.

Входъ въ акрополь составляли пропилеи. Это была крытая мраморная колонада съ четырьмя боковыми входами и съ четырьмя расположенными по обѣимъ сторонамъ главнаго входа мраморными залами, украшенными произведеніями знаменитѣйшихъ живописцевъ, особенно Полигнота. Къ пропилеямъ вела широкая мраморная лѣстница.

Третье огромное строеніе Перикла былъ одеонъ, театральное зданіе, предназначенное для поэтическихъ и музыкальныхъ состязаній. Въ отличіе отъ другихъ театровъ, зала одеона для лучшаго резонанса была крытая. Одеонъ построенъ былъ по образцу шатра Ксеркса, отнятаго у персовъ. Покатая крыша одеона подпиралась балками, состоявшими, какъ говорятъ, изъ мачтъ персидскихъ кораблей. Одеонъ служилъ, такимъ образомъ, памятникомъ освобожденія Греціи отъ нашествія Ксеркса.

Но прежде, чѣмъ приступить къ сооруженію всѣхъ этихъ памятниковъ, Периклъ созвалъ народъ и старался доказать ему, какъ много осуществилось-бы для славы Аѳинъ, если-бы воздвигнуты были предложенные имъ памятники въ знакъ признательности къ богамъ, съ помощью которыхъ народъ аѳинскій одержалъ столь славныя побѣды и достигъ такого благосостоянія и величія. Когда собраніе указало на громадность суммъ, требуемыхъ для осуществленія задуманныхъ сооруженій, то Периклъ отвѣтилъ, что онъ готовъ принять расходы на свой собственный счетъ, но въ такомъ случаѣ велитъ выставить на всѣхъ памятникахъ свое имя. Тогда въ собраніи заговорило чувство народной гордости и предложеніе Перикла было принято безъ всякихъ возраженій. Сооруженія, предпринятія Перикломъ, стоили, дѣйствительно, аѳинскому государству большихъ суммъ; но за то созерцаніе художественныхъ произведеній возвышало и облагораживало понятія воинскаго народа.

Аѳины, какъ центръ умственной жизни Греціи. Въ эпоху Перикла Аѳины дѣлаются не только центромъ политической жизни Греціи, торговли, промышленности и искусства, но и вообще средоточіемъ просвѣщенія и умственной жизни Эллады. Благодаря особенностямъ политической и общественной жизни въ Аѳинахъ, образованность была доступна тамъ всѣмъ и каждому и сдѣлалась общимъ достояніемъ гражданъ. Воспитаніе аѳинянина совершалось жизнью, а не въ школѣ. Не будучи даже грамотнымъ, онъ могъ стать наряду съ самыми просвѣщенными людьми своего времени, потому что вращался постоянно въ сферѣ политическихъ, общественныхъ и умственныхъ интересовъ. Участвуя постоянно въ судебныхъ и политическихъ преніяхъ, присутствуя при обсужденіи различныхъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики величайшими ораторами, каждый аѳинскій гражданинъ получалъ обширное политическое воспитаніе. Невольно поддавался также каждый аѳинянинъ неотразимому вліянію умственной среды, гдѣ подъ открытымъ небомъ происходили доступныя для всѣхъ бесѣды философовъ и непрерывныя толки объ искусствѣ, составлявшемъ одинъ изъ главныхъ интересовъ общественной жизни. Эстетическое чувство каждаго аѳинянина уже съ дѣтства изощрялось на изящныхъ пластическихъ формахъ окружающихъ его памятниковъ искусства. Такому всестороннему развитію аѳинскаго гражданина способствовалъ и весь складъ его жизни. Дома онъ жилъ мало, и вся дѣятельность его, какъ общественная, такъ и частная, проходила подъ открытымъ небомъ въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей и впечатлѣній съ другими согражданами.

Общее стремленіе къ образованію и вліяніе духа времени проникло также и въ среду женщинъ. Ведя полузатворническую жизнь, женщины въ Аѳинахъ, какъ и вообще въ Греціи, далеко отставали по образованію отъ мужчинъ и, за исключеніемъ торжественныхъ случаевъ и религиозныхъ праздниковъ, рѣдко показывались въ обществѣ. На нихъ лежали только заботы о домохозяйствѣ. Несоотвѣтствіе такого положенія и развитія женщинъ новымъ требованіямъ общественной и умственной жизни было причиною того, что въ вѣкъ Перикла получили большое значеніе такъ называемыя гетеры. Это были женщины, которыя, не подчиняясь установленнымъ обычаямъ и даже отступая отъ строгой нравственности, сближались съ мужчинами и усвоивали себѣ все образованіе своего времени и изящество обращенія; многія изъ этихъ гетеръ (т. е. подругъ) слушали бесѣды знаменитѣйшихъ философовъ и даже подчиняли ихъ своему вліянію такъ же, какъ и государственныхъ людей. Наиболѣе замѣчательною изъ гетеръ была подруга Перикла Аспазія, красивѣйшая и образованнѣйшая женщина своего вѣка. Въ домѣ ея собирався кружокъ ея друзей, къ которымъ принадлежали замѣчательнѣйшіе люди Аѳинъ того времени. Даже философъ Сократъ признавался, что знакомство съ ней много способствовало его развитію. Среди бесѣдъ съ Аспазією и съ собиравшимися вокругъ нея художниками, ораторами и

философами развивался и самъ Перикль. По примѣру Аспазіи, и другія аѳинскія дѣвицы начали усваивать себѣ образованіе и изящество обхожденія. Но гетеризмъ имѣлъ гибельное вліяніе на семейную жизнь.

О высокомъ просвѣщеніи и строгомъ вкусѣ аѳинянъ того времени свидѣтельствуемъ уже способность чувствовать красоту такихъ драматическихъ представленій, какъ произведенія Эсхила и Софокла. Драматическія представленія имѣли тогда цѣлю не простую забаву, а соединенное съ эстетическимъ наслажденіемъ назиданіе, и потому имѣли огромное вліяніе на развитіе художественнаго пониманія гражданъ и вообще на ихъ умственное развитіе. Какъ высоко цѣнили самъ Перикль образовательное вліяніе театра на гражданъ, видно изъ того, что онъ учредилъ даже особую кассу (ѳеориконъ—*θεορίκον*) для выдачи бѣднымъ гражданамъ денегъ на посѣщеніе театра по большимъ праздникамъ, когда давались лучшія драматическія представленія.

Происхожденіе греческой драмы. Драматическая поэзія создана греками. Она возникла изъ обыкновенія ихъ прославлять боговъ хоровымъ гимномъ въ посвященные имъ праздники. Гимнъ этотъ сопровождался пляскою, имѣвшею символическій характеръ. Содержаніе гимна было какое-нибудь преданіе, а сопровождавшій его танецъ соотвѣтствовалъ содержанію. Изъ этихъ представленій, совершавшихся преимущественно въ честь бога Вакха, мало по малу развивалось драматическое искусство.

Эсхиль. Произведенія перваго изъ замѣчательнѣйшихъ греческихъ трагиковъ Эсхила находятся въ такой-же тѣсной связи съ эпохою греко-персидскихъ войнъ, какъ исторія Геродота. Эсхиль и самъ былъ героемъ въ борьбѣ грековъ съ персами. Въ полной силѣ мужества сражался онъ съ честью при Марафонѣ, и надгробная его надпись, сочиненная имъ самимъ, умалчиваетъ о поэтической его славѣ, но говоритъ о томъ, что «силу его испытали на себѣ персы и мидяне». Эсхиль принадлежалъ къ тѣмъ аѳинскимъ героямъ-патріотамъ, которые не только по времени, но и по духу жили среди самыхъ великихъ событій исторіи своего отечества. Борьба грековъ съ персами, вызвавшая въ жизни всѣ нравственныя и умственныя силы аѳинянъ и повліявшая такъ сильно на развитіе искусства вообще, дала также жизнь и содержаніе и греческой драмѣ. Еще до Марафонской битвы поэтъ Фринихъ изобразилъ въ трагедіи «Взятіе Милета» судьбу этого несчастнаго города и притомъ съ такою живостію, что аѳиняне огласили театръ воплями; но такъ какъ Фринихъ, въ противность обычаю, употребилъ искусство для изображенія современнаго бѣдствія, то за это государство наложило на него большую денежную пеню. Трагедіи Эсхила также почти всѣ имѣютъ отношеніе къ національной борьбѣ грековъ съ персами, но цѣль ихъ, соотвѣтственно съ результатами великой борьбы, — возвысить и прославить національное чувство въ народѣ, въ которомъ счастливая борьба съ персами еще болѣе укрѣпила его чувство любви къ свободѣ. Эсхиль постоянно противопоставляетъ государственную жизнь грековъ, проникнутыхъ сознаніемъ долга, и нравственную мощь свободнаго народа грубой массѣ персовъ, лишенной всякой внутренней связи и пріученной къ слѣпому повиновенію однимъ страхомъ. Во всѣхъ произведеніяхъ Эсхила обнаруживается вліяніе эпохи великихъ событій и свойственнаго ей возвышеннаго строя мыслей. Онъ выводитъ на сцену боговъ и героевъ, воспроизводитъ также судьбы цѣлыхъ поколѣній и государствъ и людей съ характеромъ, необыкновенно сильнымъ; въ каждой его драмѣ лежитъ въ основѣ религіозная или политическая идея. Главная руководящая идея произведеній Эсхила такъ-

же, какъ и у Геродота, есть проявленіе во всѣхъ событіяхъ всенаправляющей божественной мудрости и мощной силы духа.

Къ самымъ раннимъ произведеніямъ Эсхила, изъ семидесяти трагедій котораго дошла только десятая часть, принадлежитъ драма «Персы». Здѣсь Эсхиль развивалъ ту основную мысль, что въ борьбѣ эллиновъ съ персами побѣда суждена была первымъ по превосходству ихъ нравственныхъ силъ; персамъ-же суждена была гибель за ихъ непоумѣрную клчливость. Пьеса эта поставлена была на сцену всего двѣнадцать лѣтъ послѣ битвы при Саламинѣ. Тѣмъ болѣе должна она была воодушевлять грековъ на дальнѣйшую смѣлую борьбу съ варварами.

Главное содержаніе этой драмы слѣдующее: Оставшіеся дома старые персидскіе вельможи хвалятъ выступившее въ походъ многочисленное ополченіе, но озабочены неполученіемъ о немъ вѣстей. Ксерксова мать Атоса нанугана злобщимъ сповиднѣиѣмъ и вельможи внушаютъ ей прибѣгнуть за совѣтомъ и помощію къ тѣни Дарія. Въ это время является вѣстникъ и извѣщаетъ о несчастномъ исходѣ для персовъ саламинской битвы. «Одною битвою было, все покончено. Все персидское юношество лежитъ въ пыли». По просьбѣ всѣхъ вѣстникъ рассказываетъ подробно о ходѣ саламинскаго сраженія. Хоръ оплакиваетъ потерю персидскаго могущества. Атоса, видя осуществленіе своего сна, приноситъ дары, въ жертву тѣни Дарія. Дарій является. Узнавъ отъ Атосы, что всѣ силы персовъ погибли, ибо Ксерксъ отправился въ походъ противъ Эллады, Дарій присоединяетъ свой голосъ къ горькой жалобѣ живущихъ и возвѣщаетъ, что Ксерксъ наказанъ за свое высокоуміе и претерпѣлъ поражение на морѣ за то, что осмѣлился сковать цѣпями священный Геллеспонтъ. Для персовъ теперь одно спасеніе—прекратить борьбу съ свободою, бого-хранимою Элладой; а за то, что они раззоряли и жгли храмы, грабили имущество боговъ и уничтожали изображенія ихъ, должно погибнуть и остальное сухопутное войско. Такъ строгій судья Зевсъ наказываетъ гордость. Хоръ славитъ Дарія и приобретенное имъ могущество, которое умѣлъ онъ крѣпко отстоять. Тутъ является Ксерксъ, весь въ лохмотьяхъ, и, оплакивая свое бѣдствіе, желаетъ скорѣе смерти. Хоръ вторитъ Ксерксу своимъ плачемъ. Этимъ оканчивается драма. (Мункъ, Ист. греч. литературы).

Въ самомъ глубокомысленномъ произведеніи Эсхила въ «Скованномъ Прометей» олицетворена та мысль, что истинная свобода человѣка никогда не можетъ быть побѣждена, что истинное величіе души сильнѣе всякаго насилія.

Главное содержаніе этой драмы слѣдующее: Прометей, прикованный къ скалѣ, по повелѣнію Зевса за похищеніе божественнаго огня, оставшись наединѣ, зоветъ всю природу въ свидѣтели своего страданія, и она скорбитъ за одно съ героемъ; Прометей рассказываетъ причину своихъ мученій, хвалится тѣмъ, что онъ благодѣтель человѣческаго рода и жалуется на несправедливость Зевса. Приходитъ съ участіемъ водяной духъ Океанъ и совѣтуетъ Прометею покориться владычеству Зевса и не раздражать его дерзкими рѣчами. Прометей возражаетъ: «Буду пить горькую чашу страданія, пока-Зевсъ не угаситъ пламени своего гнѣва». Хоръ громко оплакиваетъ судьбу страдальца. Прометей знаетъ, что ему судьба готовитъ еще, много бѣдствій, но не хочетъ покориться своей судьбѣ и говоритъ: «Я не боюсь Зевса, сколько ни страдалъ; я знаю, и ему самому не избѣжать несчастія». Эсхиль по этому поводу влагаетъ въ уста хора слѣдующія слова, высказывая въ нихъ свой собственный взглядъ: «Не боюсь Зевса, изъ одного упрямства чтинш ты людей слишкомъ высоко, о Прометей. Суду смертнаго во вѣкъ не измѣнить верховной Зевсовой воли». Но напрасно хоръ увѣщаетъ Прометея, что мудры тѣ, кто преклоняется предъ незыблемымъ порядкомъ міра. Тщетно представляетъ Гермесъ Прометею, къ чему можетъ привести его безумное упорство. Прометей, увѣренный въ своей несокрушимой силѣ и вѣчности своего духа, остается при своемъ, и въ то время, какъ онъ призываетъ въ свидѣтели вѣчную

праведливость, эфиръ и лучезарное солнце, вдругъ поражаются землетрясеніемъ, молнія и громъ, и Прометей поглощается разъяренными стихіями.

Такимъ образомъ Эсхилъ изобразилъ въ Прометей всю силу независимаго духа и олицетворилъ въ немъ тотъ прозорливый изобрѣтательный умъ, который покоряетъ себѣ природу; но вмѣстѣ съ тѣмъ Эсхилъ показалъ, что кичливость духа, забывшаго о зависимости своей отъ безконечнаго, не избѣгнетъ кары Немезиды. (Карьеръ, «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры»).

Въ произведеніяхъ Эсхила высказывается также ясно его политическое направленіе и образъ мыслей. Вѣрнѣй старозавѣтнымъ обычаямъ отцовъ, Эсхилъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ болѣе склоненъ къ умѣренной аристократіи, къ которой принадлежалъ онъ и по рожденію, чѣмъ къ демократіи, которая начинала уже преобладать въ его время. Въ своихъ произведеніяхъ Эсхилъ вездѣ старается защитить отъ нападковъ крайнихъ демократовъ тѣ изъ аѳинскихъ учрежденій, которыя носили аристократическій характеръ. Особенно ясно выказалось это направленіе въ трагедіи «Евмениды», заключительной драмѣ Эсхила. Эсхилъ вступился тутъ за права ареопага, верховную власть котораго Периклъ и Эфіальтъ принесли въ жертву демократіи. Эсхилъ выставляетъ ареопагъ какъ учрежденіе, освященное самой богиней Аѳиною и предназначенное ею быть блюстителемъ и стражемъ всей страны. Будучи недоволенъ демократіею, Эсхилъ подъ вонецъ жизни оставилъ даже Аѳины и переселился въ Сиракузы, гдѣ жилъ при дворѣ тирана Гіерона, пользуясь большимъ почетомъ.

Софокль. Софокль родился въ самомъ началѣ греко-персидскихъ войнъ и пятнадцати-лѣтнимъ юношей участвовалъ въ хорѣ пѣвцовъ, славившихъ Саламинскую побѣду. Въ очень молодыхъ еще лѣтахъ прославился онъ своимъ искусствомъ въ музыкѣ и гимнастикѣ. На 28 году жизни онъ состязался въ трагедіи съ Эсхиломъ и побѣдилъ его; послѣ этого еще до двадцати разъ получалъ онъ первую награду въ драматическихъ состязаніяхъ съ лучшими поэтами. Вплоть до глубокой старости, до 90 лѣтъ, этотъ любимецъ музъ сохранилъ гениальную силу творчества. Въ политическихъ событіяхъ своего родного города Софокль принималъ дѣятельное участіе и, между прочимъ, въ войнѣ съ Самосомъ, какъ человекъ, близкій Периклу, занималъ одно изъ начальническихъ мѣстъ. Софокломъ, говорятъ, написано было болѣе ста трагедій, изъ которыхъ дошло до насъ только семь.

Софокль жилъ въ ту эпоху, когда въ Аѳинахъ господствовала уже крайняя демократія и аѳинское государство достигло апогея своего имуществва, и потому въ произведеніяхъ Софокла отразилось вполне то могучее движеніе, которое Периклъ сообщилъ всей политической и духовной жизни аѳинянъ. Хотя Софокль былъ только 30-ю годами моложе Эсхила, и оба поэта въ теченіи нѣкотораго времени даже соперничали другъ съ другомъ, но въ ихъ произведеніяхъ замѣтна огромная разница въ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ на общественную жизнь. Въ произведеніяхъ Софокла нѣтъ и слѣдовъ того аристократическаго направленія, которымъ проникнутъ былъ Эсхилъ. Женщины, не принимающія у Эсхила никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, играютъ у Софокла важную роль соотвѣтственно съ тѣмъ значеніемъ, которое получили во времена Перикла гетеры, какъ Аспазія и подобныя ей. Все ужасное и потрясающее въ произведеніяхъ Эсхила является у Софокла въ отрадной и мягкой формѣ. Это соотвѣтствовало новому направленію образованной части аѳинскаго общества, которая избѣгала на сценѣ, какъ и въ жизни, всего, что производило непріятное впечатлѣніе. Идея рока проходитъ у Софокла такъ же, какъ у Эсхила, чрезъ всѣ произведенія. Онъ не разъ показываетъ, какъ напрасно человекъ борется съ своимъ рокомъ, и провія судьбы проявляется обыкновенно въ томъ, что герой, желая избѣжать послѣдней или какънибудь повернуть ее, тѣмъ именно ее и навлекаетъ. Но герои Софокла дѣйствуютъ не какъ слѣпое орудіе судьбы, а какъ люди, до послѣдней минуты движимые болѣе или менѣе нравственными побужденіями. Превосходство

Софокла передъ Эсхиломъ состоитъ въ художественномъ развитіи драматическаго дѣйствія, въ которомъ ясно и опредѣленно выступаютъ внутреннія побужденія дѣйствующихъ лицъ. Какъ глубочайшій знатокъ челоѳческаго сердца, Софокль выводитъ на сцену различные характеры въ столкновеніи ихъ влеченій и обязанностей или противорѣчащихъ другъ другу правъ и убѣжденій и развиваетъ изъ этого борьбу, завершающуюся примиреніемъ души, очищенной этой внутренней борьбой. И въ этомъ случаѣ Софокль дѣйствовалъ сообразно съ новыми требованіями искусства. У Эсхила большую часть его обширныхъ трагедій занимаетъ лирическая часть, именно хоры, и этимъ ослабляется драматическое дѣйствіе. Во время-же Софокла публикѣ начала нравиться болѣе и болѣе драматическая часть трагедій. Поэтому Софокль, чтобы дать болѣе простора дѣйствію въ развитіи отдѣльныхъ характеровъ, ограничилъ въ своихъ трагедіяхъ употребленіе хора. Софокль развилъ не только внутренній характеръ трагедіи, но усовершенствовалъ также и ея внѣшнюю форму. Онъ прибавилъ къ двумъ актерамъ Эсхиловой сцены еще двухъ, увеличилъ составъ хора, усовершенствовалъ костюмы и украсилъ театръ декораціями. Содержаніе дошедшихъ до насъ семи трагедій Софокла большею частью заимствовано изъ эпическаго цѣла троянскихъ и ѳиванскихъ сказаній. Таковы его трагедіи «Аяксъ», «Эдипъ царь», «Антигона», «Эдипъ въ Колонѣ» и др. Три послѣднія трагедіи, составляющія совершенно самостоятельныя части одного обширнаго цѣлага, составляютъ лучшія изъ Софокловыхъ произведеній, которыя создалъ онъ въ полной зрѣлости своихъ силъ.

Чтобы дать понятіе объ особенномъ характерѣ трагедій Софокла, прослѣдимъ здѣсь въ главныхъ чертахъ развитіе основнаго содержанія трагедіи «Эдипъ царь».

«Эдипъ царь» отъ перваго явленія и до послѣдняго есть не что иное, какъ художественное развитіе фатальныхъ слѣдствій несчастнаго и ничѣмъ неизгладимаго преступленія.

Трагическая судьба преслѣдуетъ царственный родъ Лабдакидовъ. Внукъ Лабдака Эдипъ невольна сдѣлался убійцею отца и мужемъ матери. Но боги не прощаютъ и невольнаго преступленія. По винѣ Эдипа, городъ ѳивы постигнутъ страшною язвою. ѳивяне возлагаютъ всю надежду на мудрость своего царя, который спасъ уже ихъ одинъ разъ отъ пагубы сфинкса. Эдипъ посылаетъ зятя своего Креона къ пифійскому оракуду узнать о причинѣ гнѣва боговъ и о средствахъ къ его отвращенію. Приходитъ отвѣтъ: умерщвленіе Лаія осталось забытымъ, неискупленнымъ. Эдипъ проклинаетъ убійцу. Призванный для разъясненія вопроса вѣщій мужъ Тирезій указываетъ на Эдипа, какъ на убійцу, и велитъ ему покинуть предѣлы ѳивъ. Тогда Эдипъ обрушивается съ гнѣвомъ на Тирезія и въ сознаніи своей собственной невинности обвиняетъ зятя своего Креона во властолюбивомъ заговорѣ съ Тирезіемъ. Раздоръ съ Креономъ взялась уладить Иокаста. «Пророчаніямъ боговъ, говоритъ она, вѣрить нечего: вѣдь и Лаій долженъ былъ пасть отъ руки своего сына, но дѣтя забросили въ пустынные горы, а царь былъ убитъ разбойниками на перекресткѣ трехъ дорогъ». Эти слова, сказанныя въ успокоеніе Эдипу, подняли, напротивъ, тревогу въ душѣ его, напомнивъ ему, что онъ самъ умертвилъ незнакома на перекресткѣ трехъ дорогъ въ Фокидѣ. Напрасно Эдипъ, поколебавшись въ убѣжденіи относительно своей невинности, ищетъ себѣ послѣдней опоры въ показаніяхъ очевидцевъ преступленія или его современниковъ. Чѣмъ больше онъ выпытываетъ отъ нихъ, тѣмъ поразительнѣе возстаетъ предъ нимъ образъ преступника, въ которомъ онъ распознаетъ свои собственные черты. Вызванный Эдипомъ пастухъ, которому Лаій передалъ на руки своего ребенка, высказываетъ, по настоянію Эдипа, всю истину: онъ тутъ-же признаетъ въ Эдипѣ убійцу Лаія. Эдипъ не можетъ вынести тяжкаго сознанія, что онъ загубилъ душу отца и женился на родной матери. Иокаста повѣсилась съ отчаянія, а Эдипъ, разбитый внутренними терзаніями, выкололъ себѣ глаза надъ ея тру-

помь. Онъ произноситъ приговоръ самому себѣ и требуетъ, чтобы его оставили одинокимъ въ горахъ, какъ отверженнаго изгнанника. Въ этомъ отношеніи совѣсти преступника къ невольному совершенному имъ преступленію и заключается глубокой нравственный смыслъ произведенія Софокла. Если зрители и испытывали подавляющее впечатлѣніе отъ безпримѣрныхъ несчастій Эдипа, уже предначертанныхъ рокомъ, то все-таки въ глубинѣ души ихъ оставалось возвышающее чувство, что въ природѣ человѣка живутъ ничѣмъ неизгладимые истинныя правды, которыхъ не заглушатъ даже самые жестокіе удары судьбы. (Карьеръ).

Древняя трагедія достигла въ Софоклѣ своего высочайшаго совершенства. Софокла не называли иначе, какъ поэтомъ божественнымъ. За изящную-же форму его произведеній древніе прозвали его «аттической пчелой».

ПЕЛОПОНЕССКАЯ ВОЙНА И УПАДОКЪ ГРЕЦІИ.

Состояніе Греціи передъ войною. Зависть и вражда Спарты къ Аѣинамъ все болѣе и болѣе возрастала съ тѣхъ поръ, какъ къ нимъ перешла гегемонія. Борьба за гегемонію, начавшаяся еще за долго до окончанія греко-персидскихъ войнъ, была улажена на время перемиріемъ, которое удалось заключить Периклу со Спартой въ 445 г. Аѣины отказались по этому миру отъ гегемоніи на сушѣ и удержали за собой только гегемонію на морѣ. Но Спарта продолжала съ безпокойствомъ слѣдить за блистательнымъ развитіемъ могущества Аѣинъ и искала случая положить ему конецъ. Периклъ предчувствовалъ, что миръ со Спартой не можетъ быть проченъ, такъ какъ оба государства постоянно стремились къ преобладанію въ Греціи, и сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы приготовить Аѣины къ войнѣ, хотя и старался всѣми мѣрами избѣжать ея. Спарта, хотя и обязалась по миру 445 г. не вмѣшиваться въ дѣла городовъ, подвластныхъ аѣинской гегемоніи, но рассчитывая на сильное нерасположеніе къ Аѣинамъ нѣкоторыхъ изъ ихъ полуневольныхъ союзниковъ и подчиненныхъ имъ колоній, искала случая выступить защитницею ихъ свободы и самостоятельности противъ Аѣинъ. Вражда Спарты и Аѣинъ усиливалась также вполне развившеюся противоположною племеннаго характера дорянъ и іонянъ и враждебностію политическихъ началъ, представителями которыхъ они были: въ дорическихъ государствахъ господствовали начала аристократическія, а въ іоническихъ—демократическія. Такимъ образомъ вся Греція раздѣлилась на два противоположныя по характеру и враждебные другъ другу союза подъ главенствомъ Спарты и Аѣинъ. На сторонѣ Спарты были пелопонесскія государства, за исключеніемъ Ахаіи, оставшейся нейтральною, и Арго-са, въ средней-же Греціи—всѣ почти беотійскіе города, Фокида и др. Союзниками аѣинянъ были, кромѣ подвластныхъ имъ острововъ и прибрежныхъ городовъ Эгейскаго моря, еще Аргосъ, Платея, іонійскіе острова и нѣкоторые другіе города Средней Греціи и Фессаліи.

Военныя силы были съ обѣихъ сторонъ весьма значительны. Аѣины и ихъ союзники могли выставить флотъ изъ 300 триремъ съ экипажемъ отъ 60—90,000 человѣкъ и до 30,000 гоплитовъ, изъ которыхъ только 13,000 годны были къ наступательной войнѣ. Сухопутныя силы пелопонесцевъ состояли изъ 60,000 отборнаго войска, такъ что въ борьбѣ тяжело-вооруженныхъ Пелопонесъ, по словамъ самого Перикля, могъ бы побѣдить всю остальную Грецію. Аѣины были сильны преимущественно флотомъ. Вмѣстѣ съ союзниками они могли выставить 300 большихъ военныхъ кораблей, экипажъ которыхъ состоялъ изъ 60,000 человѣкъ. Флотъ-же пелопонесцевъ въ началѣ войны былъ весьма незначителенъ. Для своего флота аѣиняне, пользуясь громадными денежными запасами, набирали большею частію наемниковъ; армія-же пелопонесская состояла изъ опытныхъ въ войнѣ гражданъ. Но аѣиняне имѣли то преимущество предъ спартанцами, что могли располагать почти всѣми своими военными силами, не испрашивая согласія союзниковъ; между тѣмъ какъ военныя дѣйствія спартанцевъ могли замедляться зависимоію отъ союзниковъ. Наконецъ Аѣины были сильны тѣмъ, что во главѣ ихъ стоялъ великій государственный человѣкъ Перикль, который способенъ былъ управлять государствомъ въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Поводъ къ войнѣ. Первымъ поводомъ къ пелопонесской войнѣ послужило вмѣшательство аѣинянъ въ борьбу, завязавшуюся между городомъ Коринѣомъ и его колонією, островомъ Корцирою. Изъ иллирійскаго города Эпидамна или Диррахіума, основаннаго вмѣстѣ корцирянами и коринѣянами, вслѣдствіе ожесточенной борьбы партій аристократы были изгнаны демократами. Соединившись съ сосѣдними иллирійцами, изгнанные аристократы осадили Эпидамнъ. Осажденные обратились за помощію къ метрополіи Корцирѣ, но получили отказъ. Тогда они обратились къ своей второй метрополіи Коринѣу, который, смотря съ завистію на возрастающее морское и торговое могущество Корциры, принявъ подъ свою защиту Эпидамнъ и послалъ ему на помощь войско и флотъ. Но корциряне поддержали аристократическую партію, разбили коринѣскій флотъ; взяли Эпидамнъ и начали даже наступательныя дѣйствія противъ коринѣянъ и ихъ союзниковъ. Опасаясь новыхъ обширныхъ приготовленій къ войнѣ со стороны коринѣянъ, корциряне обратились за помощію къ Аѣинамъ. Послѣ долгихъ колебаній аѣиняне рѣшились поддержать корцирянъ и послали имъ на помощь нѣсколько кораблей, избѣгая всякихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Коринѣа, какъ члена пелопонесскаго союза. Тогда коринѣяне, уже издавна враждебные къ аѣинянамъ, какъ къ соперникамъ въ торговлѣ, обратились съ жалобой на нихъ къ Спартѣ и старались вооружить противъ аѣинянъ весь пелопонесскій союзъ. Но спартанцы колебались еще начать войну съ Аѣинами по этому поводу. Скоро между аѣинянами и коринѣянами произошло новое столкновеніе изъ-за города Потидеи, который былъ коринѣскою колонією, но принадлежалъ къ аѣинскому союзу. Коринѣяне возбудили по-

тидейцевъ къ отпаденію и послали имъ вспомогательное войско. Аѳиняне обложили городъ и осадили его. Это также послужило поводомъ къ пелопонесской войнѣ, такъ какъ коринѳяне опять принесли жалобу Спартѣ въ нарушеніи аѳинянами 30-лѣтняго перемирія. Тогда Спарта рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ для открытаго разрыва съ Аѳинами. Однако-жь чтобы выиграть время для военныхъ приготовленій, Спарта затянула объявленіе войны переговорами. Она отправила въ Аѳины посольство съ требованіемъ предоставить независимость подвластнымъ имъ городамъ. Аѳиняне, не желая войны, созвали народное собраніе, чтобы обсудить всесторонне важное предложеніе Спарты. Передъ собраніемъ выступилъ Перикль. Въ длинной рѣчи онъ указалъ на несправедливыя и дерзкія требованія спартацевъ и совѣтовалъ не уступать, не смотря на затруднительное положеніе. Онъ блестящимъ образомъ обрисовалъ положеніе Спарты и Аѳинъ и высказалъ главныя основанія своей внѣшней оборонительной политики. Онъ совѣтовалъ аѳинянамъ не тратить силъ республики на приобрѣтеніе новыхъ и отдаленныхъ владѣній, но удерживать настоящія границы ихъ владѣній и не останавливаться ни передъ какими жертвами для достиженія этой цѣли. „Начинать войны не хотимъ, но противъ нападающихъ будемъ защищаться“, сказалъ Перикль въ заключеніе своей рѣчи. Эта рѣчь такъ убѣдительно подѣйствовала на аѳинянь, что они дали посламъ Спарты окончательный отвѣтъ словами Перикля и мужественно ожидали войны.

Ходъ войны до Никіева мира. Война открылась въ 431 г., и продолжалась съ незначительными перерывами двадцать семь лѣтъ.

Между тѣмъ какъ Спарта и Аѳины медлили еще началомъ военныхъ дѣйствій, аристократическія Эивы, принадлежавшія къ пелопонесскому союзу, открыли войну неожиданнымъ нападеніемъ на союзный съ аѳинянами городъ Платею, гдѣ господствовало демократическое правленіе. Вступивъ въ союзъ съ платейскими аристократами, эиванцы, безъ всякаго объявленія войны двинулись въ темную ненастную ночь противъ Платей. Триста эиванскихъ гоплитовъ чрезъ измѣннически отворенныя ворота проникли въ Платею и овладѣли городомъ. Въ Платеѣ было провозглашено аристократическое правленіе. Такъ какъ главная эиванская армія не успѣла во время въ Платею, то при наступленіи дня платейцы, убѣдившись въ малочисленности эиванскаго отряда, напали на него и одолѣли его. Только немногіе спаслись, остальные сдались безусловно. Когда платейцы извѣстили аѳинянь о случившемся, то Перикль черезъ вѣстника прислалъ Платеѣ приказаніе щадить плѣнныхъ эиванцевъ; но платейцы въ порывѣ кровавой ненависти успѣли уже умертвить ихъ. Эта жестокость сильно озлобила беотійцевъ и весь пелопонесскій союзъ и ускорила войну между спартавцами и аѳинянами.

Въ первые три года войны спартавцы вторгались неоднократно въ Аттику, а аѳиняне съ своимъ флотомъ опустошали берега Пелопонеса, стараясь такимъ образомъ нанести другъ другу какъ можно большій

вредъ. Когда въ 431 г. спартанцы вторглись въ Атику съ 60,000-мъ войскомъ подъ предводительствомъ царя Архидама, Перикль совѣтовалъ аѳинянамъ и окрестнымъ сельскимъ жителямъ не вступать въ открытое сраженіе, а защищаться за крѣпкими стѣнами Аѳинъ. Между тѣмъ какъ аѳиняне получали съ моря всѣ необходимыя припасы и могли выдерживать продолжительную войну, спартанцы не могли долго оставаться въ разоренной странѣ. Къ несчастію для аѳинянъ, занесенная изъ Азіи на чужомъ кораблѣ моровая язва обрушилась гибелью на ихъ переполненный народомъ городъ. Зараза обнаружилась съ страшною силою. Люди мерли въ такомъ числѣ, что не успѣвали хоронить. На улицахъ и площадяхъ валялись безчисленные трупы. Моровая язва унесла въ могилу лучшихъ гражданъ и произвела страшную нравственную порчу. Исчезло прежнее благоговѣніе къ богамъ, исчезло всякое мужество, всякая надежда. Почти всѣми овладѣло тупое равнодушіе или мрачное озлобленіе. Другіе искали утѣшенія въ необузданномъ развратѣ. Подстрекаемый политическими врагами Перикла, народъ аѳинскій винилъ его въ бѣдствіяхъ. Но Перикль и въ это бѣдственное время не потерялъ своего спокойнаго мужества, а старался ободрить народъ новыми военными предпріятіями. Онъ самъ отправился во главѣ значительной эскадры къ берегамъ Пелопонеса и многіе города опустошилъ, нѣкоторыя взялъ. Перикль возстановилъ упавшее мужество аѳинянъ. Переговоры со Спартою, начатыя во время его отсутствія подъ вліяніемъ его политическихъ противниковъ, были прерваны. Съ удвоенною силою принялись за военныя приготовленія. Но первая-же неудача аѳинскаго войска опять дала оружіе врагамъ Перикла для возбужденія противъ него непостояннаго аѳинскаго народа. Къ стыду аѳинянъ, Перикль былъ даже несправедливо обвиненъ народнымъ судомъ въ неправильномъ распоряженіи государственными суммами, отставленъ отъ должности стратега и подвергнутъ денежному штрафу. Правда, скоро раскаялись аѳиняне въ своей неблагодарности къ Периклу и возвратили ему прежнюю власть еще съ большими полномочіями. Но не долго послѣ этого пользовались они его руководствомъ: на третьемъ году войны (въ 429 г.) Перикла поразила моровая язва, отъ которой его не стало.

Послѣ смерти Перикла вліятельнѣйшими лицами въ Аѳинахъ были Никій, Демосеенъ и Клеонъ. Но ни одинъ изъ нихъ не обладалъ тѣми многосторонними талантами, которые доставляли Периклу такое безграничное вліяніе на весь аѳинскій народъ. Никій и особенно Демосеенъ были опытными полководцами, но ни тотъ, ни другой не былъ способенъ руководить народомъ. Гораздо большимъ вліяніемъ на народъ пользовался кожевенный фабрикантъ Клеонъ, истый демагогъ, человѣкъ энергичный и крайне самоувѣренный, способный льстить народу и увлекать его на всякое дѣло. Въ отдѣльныхъ случаяхъ Клеонъ обнаруживалъ вѣрное пониманіе дѣла, но онъ не имѣлъ талантовъ полководца, не имѣлъ вовсе и тѣхъ особенныхъ дарованій, которыя дали-бы ему возможность за-

нять мѣсто Перикла. Къ тому-же, руководители аѳинянъ враждовали между собою и старались вредить другъ другу. Никій былъ главою аристократіи, Клеонъ-же, глава демоса, старался всячески уронить аристократическую партію и ея вождей. Никій стоялъ за возможно-скорое заключеніе мира со Спартой, Клеонъ—за продолженіе войны во что-бы то ни стало. Все это, естественно, должно было вредно отзываться на ходъ государственныхъ дѣлъ. Но и по смерти Перикла аѳиняне продолжали еще нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ вести войну, держась его оборонительной политики. Спартанцы также избѣгали рѣшительныхъ дѣйствій. Въ незначительныхъ схваткахъ между флотами обѣихъ воюющихъ сторонъ перевѣсъ оставался большею частію на сторонѣ аѳинянъ. Но война все болѣе разгорячала народныя страсти и проявлялась страшными жестокостями. Такъ, когда на четвертый годъ войны островъ Лесбось отдѣлился было отъ Аѳинъ и митиленцы, поддерживаемые пелопонесскимъ флотомъ, должны были послѣ долгой осады сдаться аѳинянамъ, то многіе изъ плѣнныхъ митиленцевъ были казнены. Съ такою-же жестокостію поступили спартанцы и ѳиванцы съ платейцами, когда они послѣ долгой геройской защиты должны были сдаться. Всѣ плѣнные платейцы были перебиты, женщины проданы въ рабство, городъ Платея переданъ ѳивянамъ, которые впоследствии и разрушили его.

Увлеченные благопріятнымъ оборотомъ войны аѳиняне подъ вліяніемъ демагоговъ мало-по-малу оставили консервативную политику Перикла въ веденіи войны и начали стремиться къ увеличенію своего могущества посредствомъ завоеваній. Они даже рѣшились вмѣшаться въ дѣла Сициліи, гдѣ происходила въ это время борьба между различными колоніями, и отправили часть своего флота въ Сицилію въ надеждѣ завладѣть этимъ островомъ. Часть флота, посланная въ 425 г. въ Сицилію на подкрѣпленіе аѳинскому флоту и находившаяся подъ начальствомъ Демосѳена, была застигнута бурей во время плаванія вдоль пелопонесскихъ береговъ и должна была искать убѣжища въ пилосской гавани въ Мессеніи. Тутъ у Демосѳена явился планъ овладѣть отличною гаванью Пилоса и основать на берегу подвластной Спартѣ Мессеніи укрѣпленія, въ надеждѣ на поддержку мессенцевъ, сильно тяготившихся спартанскимъ игомъ. Устроивъ укрѣпленіе, Демосѳенъ остался тутъ съ нѣсколькими кораблями и частью войска, и вокругъ него, дѣйствительно, собралось множество мессенцевъ и телотовъ, что сильно безпокоило Спарту. Спартанцы осадили Пилосъ и съ суши, и съ моря, но были разбиты аѳинянами и обратились въ бѣгство. Чтобы запретить входъ въ пилосскую бухту вновь приходящимъ аѳинскимъ кораблямъ, четвереста двадцать спартанцевъ, большею частію изъ самыхъ знатныхъ семействъ, заняли-было лежавшій у входа въ эту бухту островъ Сфактерію. Послѣ пораженія спартанцевъ, этотъ островъ былъ блокированъ аѳинскимъ флотомъ. Въ виду безвыходнаго положенія находившихся на Сфактеріи спартанцевъ и только-что испытаннаго пораженія на морѣ, Спарта

отправила въ Аѣины посольство съ мирными предложеніями и заключила пока перемиріе съ аѣинянами въ Пилосѣ. Переговоры, однако, ничѣмъ не кончились, потому что аѣиняне, подстрекаемые Клеономъ, предъявили спартанцамъ невозможныя требованія. Такимъ образомъ, военныя дѣйствія подъ Пилосомъ возобновились. Аѣинскій флотъ опять заперъ со всѣхъ сторонъ Сфактерію, а спартанцы съ большими силами обложили Пилосъ. Гарнизонъ аѣинскій сталъ терпѣть большой недостатокъ въ продовольствіи. Спартанцамъ-же удалось доставить припасы на Сфактерію. Поэтому осада острова затянулась. Демосеенъ и другіе полководцы считали за лучшее въ этихъ обстоятельствахъ держаться выжидательной системы дѣйствій. Но Клеонъ выступилъ въ народномъ собраніи съ обвиненіемъ противъ полководцевъ въ трусости и неспособности, утверждая, что заставить спартанцевъ, запертыхъ на Сфактеріи, сдать-ся—дѣло самое легкое. Тогда, по предложенію Никіа и по настоянію народа, Клеонъ принужденъ былъ самъ взяться за это дѣло. Съ удивительною самоувѣренностію хвастливый Клеонъ объявилъ народу, что въ двадцать дней онъ или уничтожитъ спартанцевъ на Сфактеріи, или приведетъ ихъ плѣнными въ Аѣины. Обстоятельства благопріятствовали Клеону. Когда онъ сталъ во главѣ войска, осаждавшаго Сфактерію, защитники его были уже доведены Демосееномъ до послѣдней крайности, а тутъ еще случайно вспыхнувшій на островѣ пожаръ истребилъ большую часть лѣса, составлявшаго главную защиту его. Поэтому, послѣ нападенія, произведеннаго Клеономъ вмѣстѣ съ Демосееномъ, спартанцы должны были сдать-ся и отправлены были Клеономъ въ Аѣины. Послѣ этого значеніе Клеона въ глазахъ аѣинскаго демоса еще болѣе возвысилось. Все это происходило въ 425 г.

Желая освободить своихъ согражданъ изъ плѣна, спартанцы предложили аѣинянамъ миръ. Но аѣиняне подъ вліяніемъ Клеона опять поставили спартанцамъ чрезмѣрныя требованія. Аѣиняне продолжали опустощать берега Пелопонеса и завладѣли нѣкоторыми городами пелопонесскихъ союзниковъ и лежащимъ у береговъ Лаконіи островомъ Киерой. Упоенные всѣми этими успѣхами аѣиняне составили смѣлый планъ завоевать Мегару и Беотію. Но попытка ихъ не удалась и они потерпѣли сильное пораженіе отъ беотійцевъ при Деліи (424). Гораздо большимъ ударомъ для нихъ было то, что отъ нихъ отпали подвластныя имъ колоніи, которыя отдались подъ защиту Спарты. Этимъ спартанцы обязаны были своему вождю Бразиду, искусному полководцу и умному дипломату. Бразидъ составилъ планъ перенести войну на сѣверъ, возстановить противъ аѣинянъ и привлечь на сторону Спарты подвластные Аѣинамъ города на берегу Фракіи и Македоніи и отнять такимъ образомъ у аѣинянъ главный источникъ ихъ средствъ для войны.

Въ 424 г. Бразидъ вступилъ во фракійскія владѣнія аѣинянъ и склонилъ Стагиру и нѣсколько другихъ городовъ къ отпаденію отъ Аѣинъ; затѣмъ двинулся онъ противъ самаго главнаго владѣнія аѣинянъ

въ Халкидикѣ—Амфиполиса и овладѣлъ имъ. Аѳиняне, опасаясь утратить всю свою силу на сѣверѣ, начали мирные переговоры со Спартою. Тутъ опять выступилъ Клеонъ съ рѣзкими осужденіями противъ партіи мира; Никій былъ посланъ во Фракію для борьбы съ спартанцами, но его дѣйствія казались слишкомъ медленными Клеону, и онъ, считая себя послѣ взятія Сфактеріи великимъ полководцемъ, вызвался самъ окончить войну. Счастіе благоприятствовало Клеону, и онъ успѣлъ возвратить подъ власть аѳинянъ нѣкоторые отложившіеся города; но при Амфиполисѣ онъ былъ разбитъ Бразидомъ и умеръ во время бѣгства; самъ Бразидъ палъ въ этой битвѣ. Со смертію этихъ двухъ лицъ, и въ Аѳинахъ, и въ Спартѣ одержала верхъ партія мира. Никію удалось въ 421 г. заключить миръ на 50 лѣтъ, извѣстный подъ именемъ Никіева мира. Обѣ стороны должны были обмѣняться плѣнными и возвратить всѣ свои завоеванія. Несмотря на заключеніе мира, враждебныя столкновения не прекращались совершенно, а уже черезъ 6 лѣтъ опять загорѣлась война съ большею силою и ожесточеніемъ, чѣмъ прежде. Аѳиняне первые нарушили миръ, предпринявъ походъ противъ Сиціліи и осадивъ главный городъ ея Сиракузы, находившійся въ союзѣ со Спартою.

Алкивіадъ. Походъ въ Сицілію. Главнымъ виновникомъ нарушенія мира былъ Алкивіадъ. По происхожденію онъ принадлежалъ къ самымъ знатымъ фамиліямъ и состоялъ въ родствѣ съ Перикломъ. Лишившись рано отца, Алкивіадъ воспитывался подъ опекою Перикла, но необузданная натура мальчика уже съ раннихъ лѣтъ не поддавалась никакому руководству. Сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ и получивъ въ распоряженіе богатое наслѣдство, даровитый, но крайне-легкомысленный Алкивіадъ предался пустой, разгульной жизни. Онъ старался блистать между согражданами богатствомъ и роскошью, не привыкъ себѣ ни въ чемъ отказывать, не привыкъ и не умѣлъ умѣрять свои страсти, а самая сильная страсть его была—неукротимое честолюбіе и властолюбіе. Онъ хотѣлъ, во что-бы то ни стало, властвовать надъ всѣми окружающими, надъ всѣмъ народомъ, а въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли онъ не стѣснялся. Но, при всей своей нравственной испорченности, Алкивіадъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, которыми можно было очаровать аѳинскій народъ: рѣдкій красавецъ собою, мужественный воинъ, блестящій ораторъ, Алкивіадъ, выступивъ на общественное поприще, скоро сдѣлался любимцемъ народа, который онъ умѣлъ особенно привлечь своею любезностью, щедростью и лестью. Уже скоро послѣ смерти Перикла, еще 22-хъ лѣтъ сдѣлался онъ главой народной партіи и самымъ могущественнымъ челоуѣкомъ въ Аѳинахъ.

Считая Никіевъ миръ непрочнымъ, Алкивіадъ старался снова вызвать войну противъ Спарты, въ которой онъ надѣялся достигнуть вліянія и военной славы. Не видя желаемого успѣха въ этомъ отношеніи, Алкивіадъ убѣдилъ самонадѣянныхъ аѳинянъ вмѣшаться въ раздоры между греческими колоніями на островѣ Сиціліи, осадить находившійся

въ союзѣ со Спартой главный городъ Сиракузы, завладѣть всѣмъ островомъ, снабжавшимъ Пелопонесъ хлѣбомъ, и такимъ образомъ повредить и самой Спартѣ. Воодушевленные надеждой на блестящій успѣхъ, аѳиняне напрягли всѣ силы и поспѣшно снарядили огромный флотъ, начальниками котораго назначены были Алкивиадъ и Никій.

Въ 415 г. аѳинскій флотъ, на который сѣло самое отборное войско, отплывъ изъ Пирея и, прибывъ къ о. Сициліи, быстро покорилъ нѣсколько городовъ и готовился уже къ осадѣ Сиракузъ. Но въ это время Алкивиадъ былъ вдругъ отозванъ въ Аѳины, куда потребованъ былъ на судъ.

Предъ самымъ отплытіемъ флота изъ Пирея, въ Аѳинахъ случилось необыкновенное происшествіе, которое дало совершенно неожиданный исходъ сицилійской экспедиціи. Въ одну ночь разбита была большая часть гермовъ, т. е. каменныхъ столбовъ съ головою бога Гермеса, стоявшихъ на площади и на главныхъ улицахъ предъ храмами и домами. Никто не зналъ, кѣмъ совершено было это святотатственное дѣло. Многіе думали, что это было дѣломъ какой нибудь пьяной разгульной компаніи; другіе-же видѣли въ этомъ намѣренное кощунство надъ отечественною религіей и считали виновникомъ этого дѣла Алкивиада. Такого рода мнѣніе распространяли особенно враги Алкивиада, молодые аристократы, ненавидившіе его какъ главу демократической партіи. Обвиненіе, павшее на Алкивиада, могло тѣмъ легче найти вѣру въ народѣ, что въ это время между образованными аѳинянами стало распространяться невѣріе въ олимпійскихъ боговъ и что самъ Алкивиадъ, какъ было извѣстно, не раздѣлялъ народныхъ вѣрованій. Поэтому враги Алкивиада видѣли въ случившемся происшествіи удобный случай погубить его и требовали суда надъ нимъ. Алкивиадъ, въ сознаніи несправедливости обвиненія требовалъ немедленнаго слѣдствія. Но враги его старались затянуть дѣло, зная, что войско, посаженное на корабли, было на сторонѣ Алкивиада. Когда-же флотъ отплылъ, враги Алкивиада, подкупивши подложныхъ свидѣтелей мнимаго преступленія его, стали требовать немедленнаго суда. За Алкивиадомъ былъ посланъ въ Сицилію государственный корабль. Алкивиадъ повиновался требованію суда и въ сопровожденіи посланнаго за нимъ корабля оставилъ Сицилію, чтобы явиться въ Аѳины; но пользуясь тѣмъ, что ему позволено было оставаться на своемъ кораблѣ, съ дороги искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Такъ какъ Алкивиадъ не явился въ назначенный срокъ на судъ, то его заочно приговорили къ смертной казни, конфисковали его имущество и предали проклятію.

Когда Алкивиадъ услышалъ, что его приговорили къ смерти, онъ сказалъ со злостью: „я покажу аѳинянамъ, что я еще живъ“, и онъ оправдалъ свою угрозу. Онъ бѣжалъ въ Спарту, раскрылъ предъ спартацами планы аѳинянъ и далъ совѣтъ помочь сиракузянамъ, осажденнымъ аѳинскимъ флотомъ. Онъ указалъ также спартацамъ въ самой

Аттикѣ, неподалеку отъ Аѳинъ, такой пунктъ, откуда можно было постоянно беспокоить Аѳины нападеніями.

Совѣты Алкивіада, которыми воспользовались спартанцы, были гибельны для Аѳинъ. Когда спартанскій флотъ прибылъ на помощь къ осажденнымъ сиракузянамъ, то перевѣсъ сталъ переходить на сторону послѣднихъ. Ободренные неожиданною помощью Спарты сиракузяне, которые готовы уже были сдаться, на столько оправились, что въ скоромъ времени уничтожили весь аѳинскій флотъ и заставили сдаться большую часть войска.

Вѣсть о несчастіи въ Сициліи произвела въ Аѳинахъ глубокую печаль, такъ какъ въ походѣ на Сицилію погибло лучшее войско (до 60,000 ч.) и почти весь флотъ. А тутъ еще спартанцы, укрьпившись недалеко отъ Аѳинъ, держали ихъ въ постоянномъ осадномъ положеніи. Явись теперь союзный пелопонесскій флотъ предъ Аѳинами—и они ничего не могли-бы противопоставить ему. Но спартанцы перенесли войну на берега Малой Азіи, стараясь завладѣть подчиненными Аѳинамъ приморскими городами. Аѳиняне пріободрились, вооружили новый флотъ и еще 9 лѣтъ выдерживали борьбу съ переменнымъ счастіемъ. Такъ какъ война ведена была на морѣ, то спартанцы все еще не могли собственными силами помѣряться съ аѳинянами. Алкивіадъ помогъ Спартѣ. Онъ, какъ искусный дипломатъ, склонилъ одного намѣстника персидскаго царя въ Малой Азіи оказать денежную помощь спартанцамъ, на которую они наняли матросовъ для сиракузскаго флота. Онъ-же склонилъ къ отпаденію отъ Аѳинъ много союзныхъ городовъ въ Малой Азіи и острова Архипелага.

Спартанцы обязаны были Алкивіаду своими успѣхами въ борьбѣ съ аѳинянами; не смотря на то, въ Спартѣ смотрѣли на него недружелюбно. Одни завидовали его вліянію и успѣхамъ; другіе не довѣряли ему какъ чужеземцу и какъ измѣннику своему отечеству. Самой жизни Алкивіада угрожала уже опасность со стороны его враговъ въ Спартѣ. Алкивіадъ во время узналъ объ угрожавшей ему опасности и бѣжалъ изъ Спарты къ тому-же самому персидскому сатрапу, котораго онъ убѣдилъ прежде оказать помощь Спартѣ. Теперь, въ досадѣ на неблагодарность спартанцевъ, а также изъ угрызений совѣсти относительно своего отечества, онъ старался отклонить персидскаго намѣстника отъ союза со Спартой, и склонить его на сторону аѳинянъ, чтобы открыть себѣ путь въ отечество.

Между тѣмъ въ Аѳинахъ произошелъ важный внутренній переворотъ. Враги народнаго правленія воспользовались неудачею сицилійской экспедиціи, чтобы сложить всю вину на господствовавшую форму правленія и уничтожить демократію. Учрежденія Солона были отмѣнены, и власть захватила олигархическая партія. Вся правительственная власть перешла къ утвержденному вновь *совѣту четырехсотъ*, который могъ созывать, когда ему вздумается, народное собраніе лишь изъ 5000 ч. Но

войско афинское, отправленное противъ спартанскаго флота и находившееся на о. Самосѣ, объявило себя за прежнее демократическое правленіе въ Афинахъ. Это-то афинское войско, узнавъ о разрывѣ Алкивіада со спартанцами, призвало его къ себѣ и вручило ему главное начальство надъ собою. Своимъ появленіемъ Алкивіадъ вдохнулъ въ афинское войско храбрость и новыя силы и тотчасъ повелъ его противъ спартанцевъ, которыхъ онъ такъ стѣснилъ цѣлымъ рядомъ побѣдъ, что первенство на морѣ опять перешло къ афинянамъ, а спартанцы въ крайности должны были просить мира у Алкивіада.

Теперь Алкивіадъ могъ уже рѣшиться возвратиться въ Афины, гдѣ прежнее было ему забыто и прощено. Когда Алкивіадъ возвратился въ Афины на побѣдоносномъ флотѣ съ многочисленными отнятыми у спартанцевъ кораблями и съ прочею богатою добычей, онъ былъ принятъ афинянами съ восторженными кликами и съ триумфомъ введенъ въ городъ. Народъ украсилъ его золотыми вѣнками. Памятные столбы, на которыхъ начертано было осужденіе его, брошены въ море. Алкивіаду снова предоставлена была неограниченная власть надъ всѣми военными силами.

Но не долго суждено было Алкивіаду пользоваться расположеніемъ непостояннаго афинскаго народа. Уже въ самый годъ возвращенія въ Афины онъ опять впалъ въ немилость у своихъ согражданъ. Алкивіадъ вышелъ въ море съ большимъ флотомъ и направился къ берегамъ Малой Азіи. Недалеко отъ афинскаго флота стоялъ вновь снаряженный спартанскій флотъ, подъ начальствомъ опытнаго и хитраго полководца Лизандра. Алкивіадъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и держался осторожно. Но однажды, когда ему пришлось отлучиться по дѣламъ, помощникъ его, вопреки его строгому запрещенію, вступилъ въ битву съ Лизандромъ и потерпѣлъ пораженіе. Этимъ воспользовались враги Алкивіада въ Афинахъ, опасавшіеся вторичнаго возвышенія его; они обвинили его предъ народомъ въ измѣнѣ и убѣдили народъ отнять у Алкивіада начальство надъ флотомъ.

Алкивіадъ опять долженъ былъ бѣжать. Афиняне - же, лишившись въ лицѣ его единственнаго даровитаго полководца, скоро послѣ этого потерпѣли рѣшительное пораженіе отъ хитраго Лизандра, который, воспользовавшись бездарностью и оплошностью афинскихъ стратеговъ, совершенно уничтожилъ афинскій флотъ у береговъ Малой Азіи (у устья рѣки Эгосъ-Потамосъ).

Паденіе могущества Афинъ. Послѣ пораженія афинянъ при Эгосъ-Потамосѣ паденіе Афинъ было неминуемо, такъ какъ всѣ военныя силы ихъ были уничтожены. Лизандръ возвратился къ беззащитнымъ афинянамъ и осадилъ ихъ съ моря; въ то-же время спартанцы обложили городъ и съ суши. Въ залептомъ со всѣхъ сторонъ городъ показался голодъ. А тутъ еще нѣкоторые заговорщики-аристократы, рассчитывая на помощь Спарты, своею измѣною ускорили паденіе Афинъ. Истощенные голодомъ, афи-

няне должны были сдаться Лизандру на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Стѣны аѣинскія были разрушены при игрѣ на флейтахъ, всѣ аѣинскіе корабли, находившіеся въ Пирей, сожжены. Послѣ того законы Солона были отмѣнены; народное правленіе уничтожено, и во главѣ управленія поставлены 30 тиранновъ изъ преданныхъ Спартѣ аристократовъ, для защиты которыхъ Лизандръ оставилъ спартанскій гарнизонъ въ Акрополѣ аѣинскомъ. Такимъ образомъ введено было въ Аѣинахъ олигархическое правленіе. Спарта добилаcь давно желаннаго униженія Аѣинъ.

Угнетаемые тираннами аѣиняне съ раскаяніемъ вспоминали объ Алкивіадѣ. Олигархи-же не считали свою власть прочною, пока еще живъ былъ Алкивіадъ, и требовали отъ Лизандра, чтобы онъ постарался какънибудь его погубить. Алкивіадъ бѣжалъ къ одному изъ сатраповъ въ Малой Азіи, надѣясь при его содѣйствіи получить доступъ къ персидскому царю и склонить его къ освобожденію Аѣинъ отъ господства спартанскаго. Но спартанцы потребовали отъ персидскаго сатрапа, чтобы онъ выдалъ имъ Алкивіада. Сатрапъ долженъ былъ исполнить требованіе. Подосланные убійцы окружили домъ, въ которомъ жилъ Алкивіадъ, и подожгли его. Съ копьемъ въ рукахъ бросился онъ изъ дома и проложилъ себѣ дорогу, но осыпанный градомъ стрѣлъ—тутъ-же палъ, и голова его была принесена сатрапу.

Фукидидъ. Пелопонесская война, имѣвшая громадное значеніе для всей Греціи, описана величайшимъ греческимъ историкомъ Фукидидомъ. Онъ родился въ Аѣинахъ въ 456 г. Онъ росъ и воспитывался въ вѣкъ Перикла и получилъ отличное образованіе подъ руководствомъ лучшихъ учителей. Въ описанной имъ пелопонесской войнѣ Фукидидъ самъ принималъ участіе. Въ восьмой годъ войны онъ командовалъ небольшою эскадрою аѣинскаго флота, но былъ отрѣшенъ отъ должности и изгнанъ изъ Аѣинъ за то, что не могъ защитить городъ Амфиполисъ отъ нападенія спартанцевъ подъ начальствомъ Бразиды. Двадцать лѣтъ послѣ этого провелъ Фукидидъ въ изгнаніи, преимущественно въ Фракіи, гдѣ родъ его издавна владѣлъ богатыми помѣстьями и самъ онъ имѣлъ золотые рудники. Только послѣ взятія Аѣинъ Лизандромъ, Фукидиду разрѣшено было особымъ постановленіемъ народнаго собранія возвратиться на родину, гдѣ онъ однако прожилъ недолго. Онъ умеръ въ 396 г., не успѣвъ, къ сожалѣнію, закончить своего великаго труда.

Фукидидъ уже съ самаго начала пелопонесской войны сталъ записывать событія ея, предвидя, какъ говоритъ онъ самъ, что война эта будетъ имѣть огромное значеніе и сдѣлается гораздо болѣе замѣчательной, чѣмъ всѣ предшествующія войны. Онъ продолжалъ записывать событія по мѣрѣ того, какъ они совершались на основаніи какъ собственныхъ наблюденій на мѣстѣ, такъ и разсказовъ другихъ, но по возможности тщательно провѣренныхъ имъ самимъ во всѣхъ частностяхъ. Большую часть своего 20-ти-лѣтняго изгнанія занимался Фукидидъ приведеніемъ въ порядокъ собраннаго имъ богатаго матеріала; но къ окончательной обработкѣ его приступилъ лишь по возвращеніи въ Аѣины. Замѣчательное твореніе Фукидида обнимаетъ собою только первые 21 годъ пелопонесской войны. По

своему глубоко вѣрному изображенію лицъ и событій и мастерскому изложенію сочиненіе Фукидида считалось у древнихъ и до сихъ поръ остается образцомъ историографіи.

Произведеніе Фукидида обнаруживаетъ полное безпристрастіе и строго-критическое отношеніе къ описываемымъ лицамъ и событіямъ. Оно не имѣетъ, правда, того поэтическаго колорита, какъ «Исторія» Геродота, но отличается гораздо болѣе тщательною провѣркою матеріала, болѣе глубокимъ пониманіемъ лицъ и событій и строгою прагматичностію изложенія, всюду раскрывающею причинную связь и послѣдовательность событій. Строгую историческую истину и точность разсказа самъ Фукидидъ считалъ достоинствомъ своего труда, какъ видно это изъ слѣдующихъ его словъ: «Для уха, пожалуй, эта исторія покажется не совсѣмъ пріятною, такъ какъ она не повѣствуетъ ни о чемъ баснословномъ; но я буду доволенъ, если только этотъ трудъ сочтутъ для себя полезнымъ тѣ, которые желаютъ знать совершившіяся явленія такъ, какъ они въ дѣйствительности были и какъ они приблизительно будутъ пересказываться и въ далекомъ будущемъ». Однакожь не только по своему содержанію, но и по формѣ, произведеніе Фукидида отличается замѣчательнымъ совершенствомъ. Слогъ Фукидида всегда признавался за самый совершенный по своей сжатости, мѣткости и художественности. Особенности творенія Фукидида составляютъ мастерскія характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ и вложенныя въ ихъ уста рѣчи. У Геродота рѣчи имѣли цѣлію содѣйствовать возвышенію интереса и оживленію разсказа. Фукидидъ-же старается объяснить читателю посредствомъ рѣчей образъ мыслей дѣйствующихъ лицъ, и то внутреннее настроеніе, на которомъ основывались ихъ дѣйствія. Этому достигалъ Фукидидъ не столько посредствомъ излагаемыхъ въ рѣчи мыслей, сколько посредствомъ манеры выражать эти мысли. Такъ, напримѣръ, изъ рѣчей, которыя Фукидидъ заставляетъ говорить Перикла, мы узнаемъ всѣ качества, доставившія ему его необыкновенное вліяніе, хотя Периклъ и не перечисляетъ въ нихъ своихъ достоинствъ. Самъ Фукидидъ говоритъ, что старался въ рѣчахъ по возможности передать дѣйствительно сказанное, по крайней мѣрѣ, по основной мысли, влагая въ уста дѣйствующихъ лицъ только такія рѣчи, какія они по своему положенію и въ данныхъ обстоятельствахъ должны были говорить.

По основнымъ воззрѣніямъ сочиненіе Фукидида также существенно различается отъ исторіи Геродота. Между тѣмъ какъ Геродотъ видитъ во всѣхъ событіяхъ дѣйствіе божественнаго промысла, которому подчиняетъ все, Фукидидъ выдвигаетъ на первый планъ сознательную дѣятельность людей, обусловливаемую характеромъ и положеніемъ каждаго лица. Геродотъ обращается преимущественно къ чувству своихъ современниковъ, Фукидидъ—къ ихъ разуму. Навинный разсказъ Геродота былъ понятенъ всему народу; серьезная, философская рѣчь Фукидида—лишь избранному кругу читателей, бывшихъ на высотѣ его воззрѣній. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ Геродотъ, оставаясь вѣрнымъ своему времени, сочувствуетъ наиболѣе демократической формѣ правленія; Фукидидъ-же является рѣшительнымъ противникомъ демократіи, особенно крайней демократіи, передавшей всю власть въ руки демагоговъ, какъ было это въ Аѣинахъ по смерти Перикла. Фукидидъ видитъ возможность достигнуть истинной свободы только возстановленіемъ аристократіи въ древнемъ, лучшемъ смыслѣ этого слова.

Правленіе тридцати и возстановленіе демократіи въ Аѣинахъ. Господство олигархической партіи, воцарившейся въ Аѣинахъ послѣ эгостъ-потамосской битвы, было гибельно для Аѣинъ. Партія эта, во главѣ которой стояли Терамень и Критій, заключала въ себѣ всѣхъ богатыхъ и знатныхъ гражданъ, которые, страшась новыхъ жертвованій и потерь, связанныхъ съ продолженіемъ войны, видѣли, въ ней одно раззореніе и

готовы были скорѣе отдаться подъ покровительство спартанцевъ, злѣйшихъ враговъ Аѳинъ, или совершенно предать свое отечество врагамъ, чѣмъ разстаться хоть съ частію накопленныхъ богатствъ. Понадѣявшись на помощь Спарты, олигархи зашли слишкомъ далеко въ тиранническомъ правленіи. Всѣ государственныя должности замѣщены были сторонниками тридцати тиранновъ, прочіе граждане, за исключеніемъ 3,000 имъ преданныхъ, были обезоружены и лишены гражданскихъ правъ, лишены права засѣдать въ судахъ и присутствовать въ народномъ собраніи. Многіе были осуждены на изгнаніе, или сами бѣжали отъ преслѣдованій тиранновъ, ища убѣжища въ сосѣднихъ государствахъ. Такое правленіе не могло долго продержаться; къ тому-же паденіе олигархіи было ускорено внутренними раздорами между самими тираннами, особенно между главами ихъ, Критіемъ и Фераменомъ, изъ которыхъ первый, отличавшійся особенною жестокостію, одержавъ верхъ надъ своимъ противникомъ, схватилъ и казнилъ его. Съ этого времени Критій сдѣлался главой правленія. Но уже скоро аѳинскіе демократы, нашедшіе убѣжище въ Фивахъ, собрались вокругъ Тразибула, выдававшагося между ними своимъ мужествомъ, и подъ его предводительствомъ двинулись на Аѳины съ цѣлію ниспровергнуть тираннію. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сраженій, Тразибулу удалось занять Пирей. Критій, выступившій противъ Тразибула, былъ разбитъ и погибъ. Остальные тиранны спаслись бѣгствомъ въ Элевзинъ. Узнавъ о положеніи дѣлъ въ Аѳинахъ, Лизандръ прибылъ съ спартанскимъ войскомъ съ цѣлію изгнать Тразибула и демократовъ и возстановить господство олигархіи. Но скоро между обѣими аѳинскими партіями состоялся миръ. Демократы подъ предводительствомъ Тразибула вступили съ оружіемъ въ рукахъ въ Аѳины, и демократія была возстановлена. Послѣ этого объявлена была всеобщая амнистія. Только скрывшіеся въ Элевзинѣ тиранны заплатились жизнію за свое жестокое управленіе.

Съ возстановленіемъ прежняго порядка вещей, всѣ законы олигарховъ были отмѣнены и приняты были мѣры для предотвращенія тиранніи въ будущемъ: единодушно принято было предложеніе, закрѣпленное клятвою и опредѣлявшее смерть каждому гражданину, стремящемуся къ тиранніи; смертная казнь грозила каждому даже за попытку удержать долѣе опредѣленнаго срока какую-бы то ни было должность. Для огражденія-же личной безопасности аѳинскихъ гражданъ изданъ былъ законъ, по которому никто не могъ подвергнуться изгнанію безъ согласія, по крайней мѣрѣ, 6,000 гражданъ, выраженнаго тайною подачею глосовъ. Такимъ образомъ, послѣ восьми-мѣсячнаго *правленія тридцати*, демократія была опять прочно утверждена. Но могущество Аѳинъ погибло безвозвратно.

Нравственный упадокъ Аѳинъ. Въ пелопонесской войнѣ погибли не только военныя силы аѳинянъ, но и лучшія ихъ нравственныя силы, такъ какъ не стало лучшихъ гражданъ. Войско аѳинское стало наполняться

сбродомъ людей со всѣхъ концовъ Греціи, наемниками, изъ которыхъ многіе обезчестили себя всякими пороками. Прежняго патриотизма не стало. Развращеніе нравовъ все усиливалось въ Аѣинахъ. Отвыкнувъ отъ правильнаго мирнаго труда, аѣинскіе граждане предоставили занятія промыслами и торговлею чужестранцамъ, сами-же наполняли народное собраніе и судилища, куда спѣшили они больше изъ празднаго любопытства, изъ страсти къ тяжбамъ и къ слушанію ораторскихъ рѣчей. Въ народномъ собраніи приобрѣли теперь вліяніе не лучшіе люди, въ народныхъ судахъ выигрывали дѣла не тѣ, на чьей сторонѣ была правда, а тѣ, которые болѣе льстили въ своихъ рѣчахъ народу и поражали умѣньемъ ловко и красно говорить. Краснорѣчіе цѣнилось теперь выше всего. Въ Аѣинахъ явился теперь цѣлый классъ учителей краснорѣчія—софисты, которые учили искусству красно говорить, доказывать и опровергать различныя мнѣнія, посредствомъ разныхъ хитросплетеній и изворотовъ представлять ложь истиной, а истину ложью. Софисты за деньги предлагали свои услуги всякому, кто хотѣлъ приобрести вліяніе въ государствѣ, и учили своему искусству во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ собиралось много народа, приобретая этимъ ремесломъ деньги и одобреніе народа. Возможность легко нажиться привлекла въ Аѣины изъ разныхъ греческихъ земель цѣлую толпу софистовъ, пагубно вліявшихъ на нравственность. Противъ этихъ-то джеучителей и выступилъ, знаменитѣйшій мудрецъ и учитель Сократъ.

Сократъ, какъ человѣкъ, философъ и учитель народа. Сократъ былъ сынъ скульптора и сначала посвятилъ себя искусству отца, но на 30 году жизни, возмущенный джеученіями софистовъ, онъ оставилъ прежнія занятія и отдался весь своему призванію—учить народъ истинной мудрости. Онъ велъ самый простой и умѣренный образъ жизни, ходилъ безъ обуви и лѣтомъ и зимой, въ бѣдной одеждѣ и очень легко переносилъ всякія лишения. Человѣкъ чрезвычайно пылкій отъ природы, онъ до того развилъ въ себѣ самообладаніе, что никогда не выходилъ изъ себя. Никогда онъ не бывалъ не въ духѣ и ни на что не ропталъ. Подобно всѣмъ аѣинскимъ гражданамъ онъ принималъ участіе въ войнахъ, участвовалъ въ началѣ пелопонесской войны въ нѣсколькихъ битвахъ, въ которыхъ не только отличался храбростью, но своею стойкостью заслужилъ удивленіе соотечественниковъ. Въ общественной жизни Сократъ строгое исполненіе обязанностей ставилъ для себя выше всего на свѣтѣ, но никогда не добивался видныхъ мѣстъ и почетныхъ должностей. Не какъ государственный человѣкъ, а какъ учитель народа хотѣлъ онъ служить своему отечеству. Главная цѣль всѣхъ стремленій Сократа была узнать и преподавать истину.

Всѣ почти философы до Сократа обращали вниманіе исключительно на внѣшнюю природу и старались объяснить ея явленія. Сократъ-же поставилъ цѣлю своихъ философскихъ изслѣдованій изученіе природы человѣка и знанія и законовъ нравственности. Его философія была осу-

щественіемъ дельфійской надписи: „познай самого себя“. Онъ постоянно увѣрялъ, что самъ ничего не знаетъ и что онъ превосходитъ въ мудрости всѣхъ прочихъ людей именно тѣмъ, что созналъ свое незнаніе. Разсужденія-же о природѣ и о первоначальныхъ причинахъ всего сущаго лежали, по мнѣнію Сократа, за предѣлами человѣческаго пониманія. Сократъ вѣрилъ, что въ каждомъ человѣкѣ кроются сѣмена мудрости и прирожденное чувство справедливости, что разумъ каждаго человека носить въ себѣ зародыши истины; себя-же Сократъ уподоблялъ акушеру, такъ какъ онъ помогая людямъ произвести на свѣтъ плодъ мысли, скрытой въ ихъ умѣ. Сократъ самъ не создалъ никакой новой философской школы или системы, онъ даже не излагалъ систематически своего ученія, но главная заслуга Сократа заключается въ томъ способѣ или методѣ изслѣдованія истины, посредствомъ котораго онъ старался пробуждать духъ пытливости въ умахъ своихъ слушателей, помогая имъ наводящими вопросами самостоятельно доискиваться истины. Это и есть сущность *сократовскаго метода*. Въ отношеніи религіозномъ Сократъ стоялъ гораздо выше своихъ современниковъ; онъ постигъ своимъ философскимъ умомъ идею единого невидимаго Творца вселенной и безсмертія души, причастной, по его ученію, божественной природѣ. Занимаясь философіей, Сократъ старался всего болѣе о приложеніи ея къ дѣйствительной жизни, и въ этомъ смыслѣ римскій писатель Цицеронъ сказалъ о немъ, что онъ первый свелъ философію съ неба на землю, въ города и жилища.

Сократъ не желалъ учить своихъ согражданъ различнымъ философскимъ воззрѣніямъ, не стремился образовать изъ нихъ ученыхъ, но хотѣлъ приучить ихъ мыслить, размышлять о себѣ, отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, въ добрѣ и злѣ и показать имъ настоящую цѣль жизни. Какъ человѣкъ глубоко религіозный, Сократъ, по словамъ Ксенофонта, училъ своихъ друзей, чтобы они воздерживались отъ всякаго нечестиваго, несправедливаго или постыднаго дѣянія не только въ присутствіи людей, но и наединѣ, и внушалъ имъ, что никакой ихъ поступокъ не укроется отъ взора боговъ. Сократъ училъ не въ школахъ, а вездѣ, гдѣ представлялась возможность: на рынкѣ, на площади, словомъ, вездѣ, гдѣ собирался народъ. Онъ училъ не для пріобрѣтенія богатствъ, какъ софисты, а для того, чтобы противодѣйствовать пагубному вліянію послѣднихъ и обратить вниманіе своихъ согражданъ на нравственныя побужденія и цѣли. Самый способъ преподаванія Сократа отличался оригинальностью: онъ никогда не читалъ лекцій, а училъ, спрашивая и заставляя учениковъ своихъ самостоятельно доискиваться истины. Особенно привлекалъ къ себѣ Сократъ молодыхъ людей, убѣжденный, что вѣрнѣйшимъ залогомъ улучшенія нравовъ въ Аѣнахъ было нравственное воспитаніе юношества. Онъ старался всюду „ловить людей“, какъ выражался онъ, чтобы сдѣлать ихъ разумнѣе и лучше. Вотъ какъ произошло знакомство Сократа съ Ксенофонтомъ, однимъ изъ самыхъ

преданныхъ ему въ послѣдствіи учениковъ. Встрѣтивъ однажды на улицѣ молодого человѣка очень красивой наружности, Сократъ остановилъ его и спросилъ: „Не знаешь-ли ты, юноша, гдѣ продается мука?“ — „На рынкѣ“, отвѣчалъ Ксенофонтъ. „А масло?“ — „Тамъ-же“. — „А знаешь-ли ты, гдѣ можно приобрести мудрость и добродѣтель?“ — Ксенофонтъ, изумленный вопросомъ, не зналъ, что отвѣчать. „Иди за мной“, сказалъ Сократъ, „я укажу тебѣ путь“.

Какое неотразимое впечатлѣніе и вліяніе производилъ Сократъ на окружавшую его молодежь, доказываетъ лучше всего удивительная власть, которую приобрѣлъ онъ, хотя и временно, надъ Алкивіадомъ, не поддавшимся руководству самого Перикла. Въ то время, когда Алкивіадъ предался было крайнему распутству, познакомился онъ съ Сократомъ, которому удалось на время пробудить благородные инстинкты въ богато-одаренной душѣ Алкивіада. Сократъ показалъ ему ничтожество богатства, красоты и всего того, чѣмъ онъ такъ гордился. Сократъ указывалъ ему на самопознаніе и добродѣтель, какъ на высшія блага, къ которымъ долженъ стремиться человѣкъ, объяснилъ ему, какъ человѣкъ, желающій господствовать надъ другими, а особенно руководитель народа, долженъ прежде научиться управлять самимъ собою. Мудрыя слова Сократа производили глубокое впечатлѣніе на душу Алкивіада, который самъ говорилъ не разъ: „Рѣчь Сократа такъ поражаетъ меня, что сердце у меня бьется и слезы навертываются на глаза“. И дѣйствительно, часто подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ бесѣды съ Сократомъ стоялъ предъ нимъ Алкивіадъ, тронутый до глубины сердца и обливаясь слезами, въ сознаніи своихъ ошибокъ и своего легкомыслія. Но скоро суетность и честолюбіе опять взяли верхъ въ душѣ Алкивіада и, освободившись отъ вліянія Сократа, вступилъ онъ опять на прежній путь жизни.

Сократъ на судѣ и въ темницѣ. Такъ какъ Сократъ всюду порицалъ и обличалъ безпощадно пагубное вліяніе корыстолюбивыхъ софистовъ на аѣинскую молодежь, то они, пользуясь своимъ вліяніемъ въ народѣ, рѣшились погубить опаснаго для нихъ мудреца. Для возбужденія ненависти къ Сократу они воспользовались презрѣніемъ къ религіи Алкивіада и свѣжею еще въ памяти народа тиранніею Критія, другаго ученика Сократа, бывшаго однимъ изъ тридцати тиранновъ, не смотря на то, что Алкивіадъ вовсе не слѣдовалъ въ своей жизни ученію и примѣру Сократа, а Критій былъ даже рѣшительнымъ его врагомъ. Софисты распространяли въ народѣ молву, что Сократъ не вѣритъ въ боговъ, не чтитъ ихъ, совращаетъ юношество съ пути и учитъ не повиноваться власти. Враги Сократа могли тѣмъ легче рассчитывать на успѣхъ, что онъ, дѣйствительно, неблагоклонно отзывался о нѣкоторыхъ безразсудныхъ дѣйствіяхъ народнаго собранія и не раздѣлялъ господствующихъ миеологическихъ воззрѣній, хотя онъ и чтилъ боговъ и строго исполнялъ всѣ религіозные обряды. Легкомысленный аѣинскій народъ поддакъ клеветѣ софистовъ. Скоро добились они того, что Сократу было даже запрещено

учить юношество. Но такъ какъ ученики Сократа не покидали его, то враги привлекли его къ суду, предъ которымъ трое афинскихъ гражданъ формально подтвердили взведенныя на него обвиненія. Выслушавъ ихъ на судѣ, Сократъ съ полнымъ спокойствіемъ и сознаниемъ своего достоинства опровергъ своихъ обвинителей, доказавъ имъ нелѣпость ихъ обвиненій и осмѣялъ своихъ враговъ. Убѣжденный въ своей невинности, Сократъ, обращаясь къ судьямъ, говорилъ такъ смѣло и рѣшительно, что привыкшій къ лести народъ нѣсколько разъ прерывалъ рѣчь его ропотомъ и за это, главнымъ образомъ, призналъ его виновнымъ. „Какая-бы здѣсь, граждане, ни предстояла мнѣ опасность“, говорилъ между прочимъ, Сократъ въ своей защитительной рѣчи, „но я, сражавшійся въ столькихъ битвахъ, не посрамлю себя преступнымъ страхомъ смерти и не покину дѣла, назначеннаго мнѣ богами—служить для мудрости и назиданія своего и вашего. Со всѣмъ уваженіемъ къ судилищу, которому я предстою въ настоящую минуту, объявляю вамъ, сограждане, что божеству я долженъ быть послушнѣе, чѣмъ вамъ. Всю жизнь не уклонялся я отъ исполненія обязанности — воспитывать себя и васъ, не уклонюсь отъ нея и до послѣдней минуты. Какъ прежде, такъ и послѣ, пока я буду видѣть въ васъ недостатокъ мудрости и правоты, я буду выставлать вамъ на видъ эти обличенія“. Такъ говорилъ Сократъ въ свою защиту передъ современниками и потомствомъ. Смѣлая защита Сократа тѣмъ болѣе раздражила судей, что они ожидали, что Сократъ, подобно другимъ подсудимымъ, предъ произнесеніемъ приговора станетъ молить судей о смягченіи послѣдняго. Большинствомъ голосовъ судъ приговорилъ Сократа выпить чашу съ ядомъ. Съ твердымъ спокойствіемъ выслушалъ онъ свой смертный приговоръ. Со слезами проводили Сократа ученики и друзья его въ темницу.

Друзья Сократа все еще не теряли надежды спасти ему жизнь, такъ какъ по случаю празднествъ въ честь бога Аполлона исполненіе смертнаго приговора надъ Сократомъ отложено было на 30 дней. Этимъ временемъ ученики Сократа старались воспользоваться для того, чтобы спасти своего учителя, доставивъ ему средство бѣжать изъ темницы, въ которой посѣщали они его ежедневно, продолжая съ наслажденіемъ слушать его наставленія.

Когда уже все было подготовлено для спасенія жизни Сократа, пришелъ къ нему дня за два до смерти самый преданный его ученикъ и другъ Критонъ и сталъ уговаривать его къ бѣгству. „Любезный Критонъ“, возразилъ мудрецъ, „не признали-ли мы давно, что первый долгъ гражданина повиноваться законамъ? Зачѣмъ-же мнѣ теперь нарушать ихъ за то, что нѣкоторые люди употребили во зло примѣненіе ихъ?“

Смерть Сократа. Въ самый день смерти Сократа друзья и ученики пришли къ нему въ темницу, чтобы провести съ нимъ послѣднія минуты. Послѣдняя бесѣда съ ними Сократа была о безсмертіи души. „Скажи, что завѣщаешь ты намъ?“ спросилъ Критонъ, „и какъ слѣдуетъ жить

намъ тебѣ въ угожденіе? — Живите такъ, какъ я давно уже васъ наставлялъ“, отвѣтилъ мудрецъ, „больше мнѣ нечего прибавить“. — „Мы употребимъ всѣ силы, чтобы быть тебѣ послушными, Сократъ“, продолжалъ Критонъ. „А какого погребенія хотѣлъ бы ты?“ — „Какого вы хотите сами“, отвѣчалъ Сократъ. „Вы, вижу, все еще не убѣдились, что не Сократъ, не духъ его, а лишь холодное, безжизненное тѣло останется здѣсь послѣ моей смерти“.

Тутъ пришли къ Сократу его жена и дѣти. Сократъ далъ имъ наставленіе, простился съ ними и отпустилъ ихъ. День клонился уже къ вечеру. Вошелъ тюремный служитель съ чашей, наполненной ядомъ. Съ твердостью принялъ Сократъ чашу, помолился богамъ и разомъ выпилъ. Друзья не выдержали и громко зарыдали. Сократъ упрекнулъ ихъ въ слабости, неприличной мужамъ. По наставленію тюремнаго служителя, началъ онъ ходить по комнатѣ, пока не отяжелѣли ноги, а потомъ легъ въ постель. Ядъ начиналъ уже дѣйствовать: нѣмѣли всѣ члены. Въ печальномъ безмолвіи окружили Сократа ученики его, пока не испустилъ онъ послѣдняго дыханія. Такъ умеръ безвинно Сократъ. Но его ученіе и подвиги жизни неизгладимыми чертами врѣзались въ души его учениковъ и послѣдователей и въ ихъ сочиненіяхъ сохранились на вѣки для потомства.

Эврипидъ. Унадокъ политической и нравственной жизни аѳинскаго общества отразился также и въ сферѣ драматическаго искусства, именно въ произведеніяхъ трагика Эврипида. Эврипидъ родился на о. Саламинѣ въ годъ саламинской битвы, былъ современникомъ знаменитѣйшихъ трагиковъ аѳинскихъ Эсхила и Софокла и умеръ даже нѣсколькими мѣсяцами раньше послѣдняго. Не смотря на то, Эврипидъ, по господствующему въ его произведеніяхъ направленію и духу, принадлежить къ позднѣйшему времени, чѣмъ Софокль. Эврипидъ, получивъ философское образованіе у знаменитѣйшихъ софистовъ и у Сократа, отличался отъ своихъ предшественниковъ философскимъ взглядомъ на жизнь, на религію и на преданія; ему недостаетъ уже того непосредственнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности и къ мнѣической эпохѣ, того живаго истинно-поэтическаго творчества и вдохновенія, того религіознаго паэоса, которыми отличаются произведенія Эсхила и Софокла, недостаетъ также того спокойнаго величія, печать котораго лежитъ на ихъ произведеніяхъ. Трагическое одушевленіе Эсхила и Софокла переходитъ у Эврипида въ риторическую фразу. Въ произведеніяхъ Эсхила и Софокла изображены идеалы человѣческаго величія и красоты, у Эврипида — люди изъ обыденной дѣйствительности. Эврипидъ, обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, тѣмъ не менѣе писалъ свои произведенія по извѣстнымъ правиламъ и старался поддѣлаться подъ вкусъ своихъ современниковъ. Такъ, приравливаясь къ господствующему вкусу аѳинянъ, къ риторскимъ рѣчамъ, къ скептическимъ мудрствованіямъ и словопреніямъ, Эврипидъ переноситъ на сцену судебное производство и ораторскія рѣчи и заставляетъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ вступать въ софистическія словопренія. Онъ старался поучать слушателей не высокими поэтическими образами, а нравственными изреченіями и правоченіями; онъ старался понравиться своимъ слушателямъ плавнымъ построеніемъ рѣчи по правиламъ искусства, неожиданными оборотами и остроумными фразами, словомъ, внѣшнею эффектностію, которой совершенно чужды были Эсхилъ и Софокль. Такъ въ трагедіи «Орестъ» представленъ судебный процессъ со всѣми

его подробностями; на сценѣ является даже допросъ свидѣтелей и въ длинныхъ рѣчахъ обѣихъ сторонъ проводятся различныя политическія взгляды. Въ другой трагедіи Эврипида «Финикійки», сюжетъ которой взятъ изъ цикла еванскихъ сказаній, также выводится на сцену процессъ. Въ рѣчахъ братьевъ Эгеокла и Полиника, гдѣ они являются соперниками, обнаруживается все ораторское искусство той эпохи: рѣчи эти, составленныя по строгимъ правиламъ искусства, состоятъ изъ вступленія, художественнаго изложенія предмета и трогательнаго окончанія. Оба противника стараются, подобно аѣнскимъ адвокатамъ, перетолковывать смыслъ словъ, отвѣчать колкостями или-же ловкою діалектикой обра- щать сказанное противникомъ въ смѣшное и т. п.

Въ своихъ произведеніяхъ Эврипидъ высказываетъ нерѣдко и свои политическія взгляды. При этомъ онъ рѣзко осуждаетъ господство массы и особенно нападаетъ на демагоговъ, ведущихъ народъ къ гибели. Эврипидъ сочувствуетъ умѣренной демократіи.

Аристофанъ. Въ то время, когда начался упадокъ античной чисто-художественной трагедіи, наступило время для самаго цвѣтущаго развитія греческой комедіи, черпавшей свое содержаніе въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ жизни и соотвѣтствовавшей исполнѣ живому насмѣшливому праву грековъ.

Греческая комедія такъ-же, какъ и трагедія, ведетъ свое начало отъ культа Діониса или Вакха. Во время празднествъ въ честь этого божества, именно во время сбора винограда, пѣлись въ торжественномъ шествіи веселыя пѣсни въ честь боговъ, которыя для удовольствія соучастниковъ соединялись часто съ насмѣшливыми выходками противъ различныхъ лицъ и современныхъ событій. Изъ этихъ-то пѣсней, сопровождавшихъ торжественное шествіе и принявшихъ мало по малу драматическую форму, и сложилась комедія, какъ указываетъ уже и самое ея названіе (*κῶμος*—торжественное шествіе и *ὥδῃ*—пѣсня). Величайшимъ комикомъ не только Аѣны, но и всего древняго міра былъ Аристофанъ, современникъ Сократа и Эврипида. Аристофанъ былъ аѣнскій гражданинъ и жилъ во время пелопонесской войны и еще лѣтъ 20 послѣ ея окончанія. Сюжетомъ комедіи Аристофана была вся тогдашняя политическая, нравственная и умственная жизнь аѣнскаго народа. Аристофанъ большою частью выводитъ на сцену современныхъ ему лицъ подъ настоящими именами, а также изображаетъ самый народъ аѣнскій со всѣми его слабостями. При этомъ онъ выдвигаетъ противоположность между характерами и упадкомъ нравовъ современной ему эпохи и чистотою нравовъ прежняго, лучшаго времени. Такъ, въ комедіи, извѣстной подъ именемъ «Плутосъ» или «Богатство», Аристофанъ проводитъ контрастъ между простотою жизни древнихъ грековъ и господствовающею въ его время страстію къ наживѣ и къ роскоши. Самымъ знаменитымъ изъ произведеній Аристофана была комедія «Облака», въ которой онъ изображаетъ упадокъ тогдашняго воспитанія и нравственности, начавшійся вмѣстѣ съ успѣхами промышленности и образованности и съ увеличеніемъ богатства. Онъ сильно нападаетъ на стремленіе аѣнянъ къ полученію образованія и приобрѣтенію познаній лишь съ цѣлью блистать ими въ обществѣ, особенно передъ менѣе образованными людьми, а также съ цѣлью умѣть доказывать и опровергать все, что угодно. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой комедіи является философъ Сократъ, въ лицѣ котораго Аристофанъ осмѣиваетъ все воспитаніе тогдашняго юношества, начинавшія входить въ моду насмѣшка надъ религіею и сомнѣнія въ достовѣрности міеовъ. Аристофанъ противопоставляетъ Сократу одного грубаго землевладѣльца, но сохранившаго чистоту нравовъ и искреннюю вѣру добраго стараго времени, въ противоположность развращенной, хотя и хвалящейся своимъ образованіемъ современности.

Въ другой комедіи «Лягушки», Аристофанъ предаетъ осмѣянію пришедшую въ упадокъ трагедію и представителя ея Эврипида и испорченный вкусъ аѣня-

скаго общества, которому онъ льстилъ. Аристофанъ противопоставляетъ Эврипиду Эсхила, какъ представителя истинной поэзіи, пародируя при этомъ звучныя фразы Эврипида и осмѣивая нѣкоторыя части его трагедій. При этомъ Аристофанъ указываетъ и на вредъ, причиненный образованію и изящному вкусу аеянъ владычествомъ простаго народа. Онъ заставляетъ Эврипида хвалиться тѣмъ, что въ его трагедіяхъ рабъ и старуха, господинъ и женщина говорятъ одинаково, и когда Эсхиль прерываетъ его восклицаніемъ: „И это допустили? И тебя не убили за то, что ты осмѣлился такъ унижить достоинство драмы?“ Эврипидъ отвѣчаетъ: „Клянусь Аполлономъ, я дѣлалъ это сообразно демократической модѣ“. Комедія Аристофана „Плутосъ“ также начинается пародіею на одну изъ трагедій Эврипида, который и тутъ осмѣивается какъ поэтъ, старающійся привлечь своихъ слушателей лишь занимательностію сюжета своей трагедіи и заслужить ихъ одобреніе искусственностію и гладкостію своей рѣчи.

Въ комедіи „Всадники“, Аристофанъ выводитъ на сцену самый демосъ аеинскій, какъ владычествующій народъ, осмѣиваетъ господство простаго народа и стоящихъ во главѣ его демагоговъ въ лицѣ кожевника Клеона. Подобно Эврипиду, Аристофанъ старается представить средней классъ гражданъ, какъ единственную опору аеинскаго государства.

Въ другой комедіи „Осы“ Аристофанъ ѣдко осмѣиваетъ страсть аеинянъ къ тяжбамъ, судебнымъ процессамъ и къ политикѣ. Аристофанъ выставляетъ тутъ въ смѣшномъ видѣ старыхъ гражданъ, засѣдающихъ въ судахъ и слушающихъ льстивыя рѣчи истцовъ, обвиняемыхъ и адвокатовъ. Аристофанъ доказываетъ аеинянамъ, что хотя они и воображаютъ, что они, въ самомъ дѣлѣ, управляютъ государствомъ, но что въ дѣйствительности они только рабы демагоговъ, и изъ-за нѣсколькихъ оболотовъ, получаемыхъ ими за каждое засѣданіе, терпятъ гораздо большій ущербъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Вообще Аристофанъ является въ своихъ произведеніяхъ поэтомъ съ опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ, именно, консервативнымъ, которымъ и опредѣляется его отношеніе ко всѣмъ изображаемымъ въ его комедіяхъ современникамъ и ко всему аеинскому обществу. Хотя Аристофанъ и заходитъ слишкомъ далеко въ своихъ нападкахъ, но нельзя отрицать того, что, вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ старыхъ формъ жизни и понятій къ новымъ, аеинскій народъ, дѣйствительно, впаде въ многія крайности, которыя и послужили предметомъ для ѣдкой сатиры Аристофана.

Возстаніе Кира Младшаго и отступленіе 10,000 грековъ. Ксенофонтъ. Греко-персидскія войны, способствовавшія быстрому политическому и умственному развитію Греціи, ускорили паденіе Персидскаго государства. Вслѣдъ за пораженіемъ Ксеркса Македонія, Фракія и цѣлыя области на берегахъ Малой Азіи отпали отъ Персіи. Въ Египтѣ со времени Дарія одно возстаніе слѣдовало за другимъ. Сатрапы стремились къ независимости, и ихъ неоднократныя возстанія совершенно разстроивали государство. Такимъ образомъ персидская монархія лишилась большей части своего могущества и значенія. Но положеніе Персіи измѣнилось къ лучшему съ конца V вѣка вслѣдствіе отношеній, возникшихъ между самими греками въ эпоху пелопонесской войны. Во время этой войны спартанцы стали прибѣгать къ помощи Персіи, и вступивъ съ ней въ союзъ противъ аеинянъ, дали ей этимъ поводъ вмѣшаться въ дѣла Греціи. При обезсиленіи Аеинъ, стоявшихъ со времени платейской битвы на стражѣ независимости малоазійскихъ грековъ, и послѣ совершеннаго исчезновенія делосскаго союза, Персія начала уже было думать о возстановленіи

своей прежней власти надъ малоазійскими греками; но въ концѣ V в. до Р. Хр. тамъ произошли смуты, которыя отсрочили конецъ независимости малоазійскихъ греческихъ колоній и грозили большою опасностію цѣльности самой персидской монархіи. Смуты эти были вызваны борьбою между двумя братьями, сыновьями персидскаго царя Дарія Нота, царемъ Артаксерксомъ II Мнемонемъ и Киромъ Младшимъ, намѣстникомъ большей части Малой Азіи, стремившимся къ независимости и оспаривавшимъ власть у своего брата. Для этого Киръ вошелъ въ сношенія съ греками и держалъ у себя наемныя греческія войска; для этой-же цѣли Киръ старался склонить на свою сторону спартанцевъ, и потому, въ свою очередь, поддерживалъ ихъ въ концѣ пелопонесской войны. Напрасно подчиненный Киру сатрапъ Тиссафернъ доносилъ царю Артаксерксу о военныхъ приготовленияхъ брата его къ возстанію. Артаксерксъ, видя несогласіе между Киромъ и Тиссаферномъ за нѣкоторые іонійскіе города, самъ желалъ войны между ними и не обращалъ вниманія на вооруженныя силы Кира. Между тѣмъ послѣдній двинулся съ многочисленнымъ войскомъ во внутрь Персидской монархіи, подъ предлогомъ усмиренія нѣкоторыхъ возставшихъ провинцій. Главную силу въ войскѣ Кира составляли 13,000 греческихъ наемниковъ, между вождями которыхъ особеннымъ значеніемъ пользовался спартанецъ Клеархъ. Уже недалеко отъ Вавилона, при мѣстечкѣ Кунаксъ, войско Кира встрѣтилось съ царскимъ войскомъ. Произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ Киръ былъ убитъ. По смерти его азіятская часть войска обратилась въ постыдное бѣгство; греческіе-же наемники удержались на полѣ битвы и, благодаря своей замѣчательной стойкости, не только не были атакованы персами, но получили еще обѣщаніе свободного пропуска въ отечество. Положеніе ихъ было крайне опасно и, казалось, безвыходно: число ихъ уменьшилось до 10,000 ч., лагерь ихъ былъ разграбленъ во время сраженія; они были окружены со всѣхъ сторонъ неприятелями и, въ довершенію несчастія, лишились еще своихъ вождей, которыхъ коварный Тиссафернъ, заманивъ къ себѣ, предательски схватилъ и отправилъ къ Артаксерксу, по приказанію котораго они были казнены. Не смотря на все это, греки рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ проложить себѣ дорогу въ Малую Азію и возвратиться на родину.

Однимъ изъ главныхъ предводителей грековъ во время этого отступленія, извѣстнаго подъ именемъ отступленія десяти тысячъ и составляющаго одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ военныхъ подвиговъ древняго міра, явился аеинянинъ Ксенофонтъ, который и описалъ это отступленіе въ одномъ изъ своихъ историческихъ сочиненій, именно въ „Анабазисѣ“. Ксенофонтъ подробно описываетъ путь, которымъ слѣдовали греки во время своего отступленія, и всѣ тѣ почти неодолимыя препятствія, которыя имъ удалось преодолѣть, только благодаря несравненному превосходству греческаго образованія, мужества и греческой тактики надъ грубой, хотя и многочисленной силой персовъ и ихъ нравствен-

нымъ безсиліемъ. Потерявъ дорогою до 4,000 человекъ, греки добрались, послѣ восьмимѣсячнаго похода, до южнаго берега Чернаго моря, пройдя пространство почти въ 450 миль; а оттуда перешли во Фракію, гдѣ большею частію опять нанялись въ военную службу. Самъ-же Ксенофонтъ вернулся въ Грецію и нѣсколько лѣтъ спустя принялъ опять участіе въ походѣ противъ персовъ, предпринятомъ спартанскимъ царемъ Агезилаемъ. Но такъ какъ персы были въ это время союзниками афинянъ противъ спартацевъ, то Ксенофонтъ за участіе свое въ походѣ царя Агезилая былъ приговоренъ къ изгнанію изъ своего отечества, чему способствовало также аристократическое направленіе Ксенофонта и предпочтеніе его ко всему спартанскому. Впослѣдствіи ему было позволено вернуться въ Аѣны, но онъ жилъ большею частію въ Коринѣѣ, гдѣ и была написана имъ большая часть его сочиненій.

Кромѣ своего историческаго труда „Анабазисъ“, Ксенофонтъ извѣстенъ еще своимъ продолженіемъ исторіи Фукидида, подъ названіемъ „Гелленики“ и „Киропедіей“, представляющей родъ историко-педагогическаго романа, героемъ котораго является Киръ Старшій, основатель Персидской монархіи, изображаемый какъ идеаль государя.

Ксенофонтъ извѣстенъ также философскими и экономическими сочиненіями. Одно изъ важнѣйшихъ философскихъ сочиненій Ксенофонта есть его „Достопамятности Сократа“, въ которыхъ Ксенофонтъ старается защитить обожаемаго имъ наставника отъ всѣхъ обвиненій въ безбожіи, развращеніи юношества и неповиновеніи законамъ. При этомъ Ксенофонтъ влагасть въ уста Сократа то философское ученіе, котораго держался онъ самъ и его современники. Однакожъ самый способъ пониманія и толкованія ученія Сократа Ксенофонтъ показываетъ, какъ далеко онъ отъ того возвышенно-идеальнаго міровоззрѣнія, которымъ проникнуто было настоящее ученіе Сократа, и какъ прежнее идеальное направленіе философіи уступило мѣсто утилитарному воззрѣнію: по мнѣнію Ксенофонта, предметомъ и цѣлью всякой философіи должно быть лишь доступное нашимъ чувствамъ и полезное.

Какъ историкъ, Ксенофонтъ стоитъ гораздо ниже Фукидида; Ксенофонту недостаетъ ни того широкаго взгляда на политическія событія, какимъ отличается исторія Фукидида, ни его строгаго прагматизма, ни строго критическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнаго отношенія къ фактамъ, какъ у Фукидида, ни его пластичности и мастерской отдѣлки въ изложеніи; за то изложеніе Ксенофонта отличается чрезвычайною простотою и прелестью, которыя сдѣлали его „Анабазисъ“ и „Гелленики“ одними изъ самыхъ извѣстныхъ историческихъ произведеній древности. Исторіей своего времени Ксенофонтъ старался доказать, главнымъ образомъ, превосходство Спарты и ея учрежденій. Между тѣмъ Спарта въ это время утратила уже свой прежній характеръ и прежнее значеніе.

Война Спарты съ персами и возстаніе грековъ противъ спартанской гегемоніи; Анталкидовъ миръ. (387 г. до Р. Х.). Послѣ пелопонесской войны гегемонія перешла опять къ Спартѣ. Но вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ и недостатка образованія Спарта пришла постепенно въ сильный нравственный упадокъ. Мѣсто прежней простоты и строгости нравовъ заступила страсть къ наслажденіямъ, къ роскоши, къ наживѣ. Алчность и властолюбіе стали руководить Спартою въ отношеніяхъ ея къ другимъ

государствамъ. Во всѣхъ подчиненныхъ ей городахъ Спарта стремилась ввести олигархію. Начальники спартанскихъ гарнизоновъ, поставленные въ подчиненныхъ Спартѣ городахъ для поддержанія олигархіи (гармосты), правили самовластно и насильственно, возбуждала этимъ ненависть противъ Спарты. Съ своими прежними союзниками, Коринѳомъ и Фивами, она стала обходиться надменно. Но Спарта скоро втянулась въ войну съ Персіей, и зависимые отъ Спарты города воспользовались этимъ, чтобы избавиться отъ тягостной ея гегемоніи. Когда могущество Аѳинъ рушилось, Персія задумала снова подчинить себѣ мало-азійскихъ грековъ. Такимъ образомъ открылись новыя греко-персидскія войны (399 г. до Р. Х.). Посланный противъ персовъ спартанскій царь Агезилай, отличный полководецъ, прошелъ Малую Азію, всюду разбивая персидское войско, и готовился уже перенести оружіе въ собственные владѣнія персовъ; но въ это время въ Греціи, подъ вліяніемъ и съ помощію Персіи, образовался противъ Спарты союзъ Коринѳа, Аргоса, Фивъ и Аѳинъ съ цѣлю уничтожить гегемонію Спарты. Началась коринѳская война, названная такъ потому, что она велась, главнымъ образомъ, въ Коринѳской области. На сушѣ Агезилай одною побѣдою надъ союзниками въ Беотіи, при Коринѳѣ, возстановилъ перевѣсъ спартанцевъ (394 г.); на морѣ же одержали верхъ союзники, которымъ помогала Персія и деньгами, и флотомъ. Не чувствуя себя въ силахъ справиться съ соединенными силами враждебныхъ ей греческихъ государствъ, Спарта рѣшилась пожертвовать независимостью мало-азійскихъ грековъ и интересами общей родины, лишь-бы сохранить и упрочить свою власть и вліяніе въ Греціи, привлекая на свою сторону персидскаго царя. Спарта отправила къ персидскому двору для мирныхъ переговоровъ хитраго эфора Анталкида, и ему удалось заключить въ Персіей постыдный миръ (387 г.), по которому персидскому царю отдавались всѣ греческіе города въ Малой Азіи; за то персидскій царь обязывался силою принудить воевавшія со Спартою греческія государства прекратить войну и обѣщался поддерживать вліяніе Спарты. Кромѣ того, всѣ греческія государства объявлены независимыми другъ отъ друга, что было одинаково выгодно какъ для Спарты, такъ и для Персіи, такъ какъ полная автономія всѣхъ греческихъ государствъ разъединяла ихъ силы. По Анталкидову-же миру, Спарта выговорила себѣ надзоръ за точнымъ исполненіемъ условій его, и такимъ образомъ она снова достигла прежняго господства надъ остальной Греціей.

Фиванско-спартанская война. Не смотря на поддержку персидскаго царя, Спартѣ послѣ заключенія Анталкидова мира не на долго пришлось удержать гегемонію въ своихъ рукахъ. Полагаясь на разрозненность и бессилие греческихъ государствъ и на помощь Персіи, Спарта стала теперь еще самовластнѣй распоряжаться въ Греціи и явно поддерживать олигархію въ тѣхъ городахъ, гдѣ послѣдняя одерживала верхъ. Такимъ образомъ дѣйствій Спарта возстановила противъ себя многіе изъ грече-

сихъ городовъ, во главѣ которыхъ стали на время Эивы, особенно выведенныя изъ терпѣнія Спартой. Вслѣдствіе Анталкидова мира Эивы были лишены прежняго господства своего надъ всѣми остальными городами Беотіи, и уже это раздражало эиванцевъ противъ Спарты. Но еще болѣе возмутило эиванцевъ то, что во время борьбы, происходившей въ Эивахъ между знатными и простыми гражданами, одинъ спартанскій полководецъ (Февидъ), чтобы поддержать аристократовъ, занялъ замокъ эиванскій своимъ гарнизономъ и помогъ аристократамъ низвергнуть въ Эивахъ народное правленіе и учредить олигархію. Опираясь на помощь спартанцевъ, олигархи стали самовластно распоряжаться въ Эивахъ и изгонять приверженцевъ народнаго правленія. Но изгнанники эиванскіе находятъ убѣжище и поддержку въ Аѣинахъ. Здѣсь собираетъ вокругъ себя изгнанниковъ также бѣжавшій отъ ярости олигарховъ храбрый эиванецъ Пелопидъ, который заводитъ тайныя сношенія съ своими единомышленниками въ Эивахъ и, при ихъ помощи, пробирается съ своей дружиной тайно ночью въ Эивы, дѣлаетъ внезапное нападеніе на олигарховъ въ то время, какъ они безпечно пируютъ, избиваетъ олигарховъ и призываетъ эиванскій народъ къ свободѣ. Народъ въ Эивахъ тотчасъ присоединяется къ возвратившимся изгнанникамъ, и эиванцы съ помощію значительнаго эиванскаго отряда осаждаютъ заключенный въ замокъ эиванскомъ спартанскій гарнизонъ и принуждаютъ его голодомъ къ сдачѣ. Послѣ этого Эивы получаютъ опять демократическое правленіе и становятся средоточіемъ всѣхъ предпріятій противъ Спарты. Кромѣ того, Эивы съ помощію аѣинянъ возстановили свое господство надъ всей Беотіей. Чтобы наказать Эиванцевъ, Спарта отправляетъ противъ нихъ большое войско, но эиванцы, предводимые храбрыми и даровитыми полководцами, Пелопидомъ и Эпаминондомъ, не только отражаютъ набѣги спартанцевъ, но наносятъ имъ такое сильное пораженіе при Левктрахъ (371 г. до Р. Хр.), какого они еще никогда не испытывали. Этой побѣдой эиванцы всецѣло были обязаны генію и энергіи Эпаминонда, который сумѣлъ пробудить грубыхъ и лѣнливыхъ эиванцевъ отъ ихъ вѣковаго усыпленія, вызвать и поддержать въ нихъ воинственный духъ и въ короткое время сформировать стройное и искусное въ военномъ дѣлѣ ополченіе.

Во время освобожденія Эивъ Эпаминондому было около 40 лѣтъ. До этого времени онъ жилъ уединенно, не принимая участія въ государственныхъ дѣлахъ и посвящая все время собственному образованію. Въ это время онъ усвоилъ себѣ всѣ знанія, какія требовались отъ греческаго гражданина. Самые знаменитые преподаватели наставляли его въ наукахъ, искусствахъ и гимнастическихъ упражненіяхъ. Онъ былъ отличный музыкантъ, великій ораторъ, отличный воинъ, и подъ его начальствомъ войско не знало страха. Во всѣхъ сраженіяхъ былъ онъ въ первыхъ рядахъ или впереди всѣхъ. „Лучшая смерть“, говорилъ онъ, „смерть въ битвѣ“. Съ Пелопидомъ онъ былъ связанъ тѣсной дружбой и, подобно ему, былъ врагъ олигарховъ; но они не изгнали его изъ

Фивъ, считая его слишкомъ добродушнымъ человѣкомъ и совершенно для себя безопаснымъ. Когда Пелопидъ съ заговорщиками пробрался тайно въ Фивы съ цѣлью погубить тиранновъ, Эпаминондъ не принялъ участія въ дѣлѣ заговорщиковъ, потому что онъ былъ врагомъ всякаго насилія, хотя-бы и съ благою цѣлью. Но когда олигархи были умерщвлены и граждане были призваны къ свободѣ, онъ первый сталъ со щитомъ и копьемъ въ ряды гражданъ, готовившихся къ опасному штурму противъ враговъ родины, засѣвшихъ въ Кадмеѣ, и въ долгой войнѣ, послѣдовавшей за капитуляціей спартанцевъ, онъ съ рѣдкимъ безкорыстіемъ и самозабвеніемъ служилъ своему отечеству, стоя во главѣ Фивъ и всѣхъ враговъ Спарты.

Побѣда надъ спартанцами при Левктрахъ сразу доставила Фивамъ первенство въ Греціи. Освобожденіе Фивъ и безсиліе передъ ними спартанцевъ ослабило страхъ предъ Спартою и во многихъ другихъ греческихъ государствахъ, угнетаемыхъ ею, и въ нихъ также обнаружилось возстаніе противъ спартанскаго господства. Пользуясь этимъ, Эпаминондъ вмѣшался въ дѣла Пелопонеса, сталъ поддерживать противъ Спарты ея сосѣднихъ враговъ, аркадцевъ и угнетаемыхъ спартанцами жителей подвластной имъ Мессеніи. Мессенія была восстановлена, какъ самостоятельное государство. Мало того, Эпаминондъ съ помощью своихъ союзниковъ два раза вторгался въ Лаконію, которая уже 500 лѣтъ не видала непріятеля въ своихъ предѣлахъ, и угрожалъ существованію Спарты. Спарта, казалось, была уже на краю гибели. Ужасъ объятъ весь городъ, когда фиванцы и ихъ союзники съ огнемъ и мечемъ прошли вдоль берега Эвроты и стояли уже предъ самой Спартою. Не имѣя стѣнъ, городъ оставался беззащитнымъ; цвѣтъ спартанскаго юношества, мужество котораго замѣняло Спартѣ всякія укрѣпленія, палъ въ непрерывныхъ войнахъ; періэки возставали противъ спартиатовъ. Тогда спартанцы призвали на помощь гелотовъ, обѣщая имъ свободу. Но главнымъ образомъ Спарта была спасена отъ нападенія фиванцевъ и ихъ союзниковъ храбростью и находчивостью Агезилая и помощью аеинянъ, которые, изъ зависти къ возвышенію Фивъ, отпали отъ нихъ и соединились противъ нихъ со спартанцами. Фиванцы не могли сосредоточить всѣхъ своихъ силъ на борьбѣ въ Пелопонесѣ, втянувшись еще въ войну съ Фессаліей, въ которой погибъ знаменитый полководецъ Пелопидъ. Къ тому-же и нѣкоторые изъ союзныхъ съ Фивами государствъ въ самомъ Пелопонесѣ отпали отъ Фивъ и перешли на сторону Спарты. Наконецъ борьба фиванцевъ со Спартою разрѣшилась кровопролитной битвою при Мантинеѣ (въ Аркадіи), гдѣ фиванцы хотя и побѣдили, но лишились вмѣстѣ съ тѣмъ своего единственнаго и знаменитаго полководца Эпаминонда. Сраженіе при Мантинеѣ было послѣднимъ въ войнѣ Фивъ со Спартою. Послѣ этой битвы Фивы, могущество которыхъ держалось только доблестями Эпаминонда и Пелопида, съ потерю ихъ, скоро впади опять въ прежнее безсиліе и ничтожество.

Политическій и нравственный упадокъ Греціи. Послѣ битвы при Мантинѣ, не только Фивы, но также Аѣны, Спарта и всѣ греческія государства пришли въ совершенный упадокъ политическій и нравственный. Въмѣсто того, чтобы соединить общія силы противъ персовъ и отстаивать независимость единоплеменныхъ малоазіатскихъ грековъ, какъ было это въ цвѣтущее время Греціи, или же собирать силы противъ начинающаго угрожать ему могуществу Македоніи, греки продавали эти силы иноземнымъ государямъ и правителямъ или истощали ихъ въ непрерывной взаимной борьбѣ. Такъ, уже вскорѣ послѣ битвы при Мантинѣ спартанскій царь Агезилай является съ отрядомъ наемниковъ на помощь къ возмущившемуся намѣстнику персидскаго царя въ Египтѣ, а значительный отрядъ эиванневъ оказываетъ содѣйствіе малоазійскому сатрапу, возставшему противъ персидскаго царя. Въ Пелопонесѣ и во всей Греціи возобновились племенные усобицы, и не было ни одного государства, которое осталось бы не тронутымъ, которое не имѣло-бы сосѣдей, угрожающихъ ему гибелью; не было ни одного государства, которое сколько-нибудь преобладало-бы надъ прочими. „Прежде старались спартавцы“, говоритъ Ксенофонтъ, „быть достойными предводителями грековъ, теперь стараются болѣе достигнуть владычества, нежели быть достойными его“. Гегемонія внушила Спартѣ гордость относительно союзниковъ, жажду къ обладанію чужимъ добромъ, презрѣніе къ клятвамъ и договорамъ. Аѣнцы точно также совершенно почти утратили свою прежнюю гегемонію и свое прежнее значеніе: владѣнія аѣнчанъ въ другихъ странахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ острововъ и городовъ, были потеряны безвозвратно, и по отношенію къ этимъ немногимъ союзникамъ Аѣины дѣйствовали вполне своекорыстно и деспотически.

Вѣковая борьба за гегемонію, непрерывныя племенные войны и усобицы произвели пагубное вліяніе и на внутреннее политическое развитіе греческихъ государствъ, особенно Спарты и Аѣнъ. Уже одно пораженіе при Левктрахъ нанесло Спартѣ въ этомъ отношеніи ужасный ударъ; цвѣтъ спартанскаго юношества погибъ въ этой кровопролитной битвѣ, такъ что старики должны были вступать въ ряды войска, и всѣ послѣдующія войны Спарта вела уже вновь набранными гражданами изъ періэковъ и гелотовъ (такъ наз. неодамодами); возстанія въ Пелопонесѣ Спарта подавляла уже наемниками. Число полноправныхъ спартанскихъ гражданъ уменьшилось почти въ десять разъ въ періодъ отъ начала V-го до половины IV-го с. и въ ихъ рукахъ сосредоточилась вся власть, такъ что прежнее аристократическое управленіе Спарты превратилось въ совершенную олигархію. Въ Аѣнахъ такъ-же, какъ и въ Спартѣ, и во всей Греціи совершалось въ это время разложеніе политическаго и общественнаго строя. Войны и политическія распри истребили самую лучшую часть гражданъ, и для пополненія числа ихъ принимались теперь не только метэки, но даже рабы; щедро раздавалось также право гражданства иностранцамъ, и вся эта новая толпа большаю частью бѣдныхъ гражданъ, безъ политическаго смысла, засѣдала въ судахъ и въ народномъ собраніи, привлекаемая лишь платою въ три обола, и должна была рѣшать дѣла государственныя. Но не для дѣлъ государственныхъ собирались на площадь новые аѣнскіе граждане, а за новостями. Въ народномъ собраніи нельзя было уже встрѣтить стариннаго порядка, благочинія и разсудительности: невозможно стало теперь удержать шумъ и крикъ въ народномъ собраніи, котормъ руководили страсти, прихоть и гнѣвъ; при совѣщаніяхъ толпа ловила всякій удачный случай пошутить и посмѣяться. Лучшіе люди оставляли площадь, удалялись отъ дѣлъ государственныхъ, или шли на чужбину искать въ службѣ иноземныхъ государей дѣятельности и добычи. Вся власть и сила перешла теперь къ черни, или вѣряѣ, къ руководившимъ ею демагогамъ, льстившимъ и цокававшимъ ея страстямъ и прихотямъ и искавшимъ власти, какъ средства къ обогащенію на счетъ государственной казны. Грабя казну, демагоги не смѣли забы-

вать и голодной толпы, зорко слѣдившей за ними и рассчитывавшей на поддержку со стороны демагоговъ и государственной казны. Вотъ почему они должны были тратить огромныя суммы на угощеніе народа и на его увеселеніе. Подстрекаемый демагогами народъ требовалъ также, чтобы остатокъ отъ государственныхъ доходовъ, сберегавшійся прежде на случай войны, расходовался для забавы народной. Такимъ образомъ возстановленная въ Аѣннахъ съ низложеніемъ тридцати тиранновъ демократія выродилась скоро въ совершенную охлократію, или господство черни.

Глубокій внутренній политическій упадокъ Спарты и Аѣинъ объясняется не только гибельнымъ вліаніемъ непрерывныхъ войнъ и взаимныхъ распрей, но еще болѣе экономическимъ и нравственнымъ состояніемъ этихъ государствъ, какъ и всей Греціи. Экономическое положеніе Аѣинъ около половины IV в. вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ было отчаянное. Промышленность остановилась, торговля перешла въ другія мѣстности, сельское хозяйство было въ страшномъ запущеніи и бѣдность дошла до крайней степени. Классъ земледѣльческой, составлявшій самую здоровую и лучшую часть народонаселенія Аттики, почти не существовалъ: часть его погибла въ битвахъ, молодое же поколѣніе этого здороваго класса взросло въ стѣнахъ города, куда отцы ихъ бѣжали скрыться во время спартанскихъ нашествій на Аттику; оно отвыкло поэтому отъ сельской жизни, отъ земледѣлія и выросло въ привычкахъ праздныхъ аѣинскихъ гражданъ. Тѣ-же мелкіе землевладѣльцы, которые желали-бы переселиться въ деревню и снова посвятить себя земледѣлію, не имѣли капиталовъ, необходимыхъ на обзаведеніе и постройку, и не могли конкурировать съ крупными капиталистами, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась большая часть поземельной собственности. Напрасно было искать имъ работы на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ вслѣдствіе сильнаго развитія рабства всѣ эти земли обрабатывались рабами. Число рабовъ въ Атикѣ было въ это время такъ велико, что рабъ стоилъ въ Аѣннахъ въ пять разъ дешевле хорошей лошади. При такомъ положеніи дѣлъ большая часть мелкихъ землевладѣльцевъ бросала поля свои и оставалась въ городѣ, гдѣ они увеличивали собой и безъ того многочисленную толпу празднопатающагося городского населенія. Государство также не въ состояніи было помочь бѣднымъ гражданамъ: оно до того обѣднѣло, что не могло заплатить ѣивянамъ двухъ талантовъ (2,800 руб.) долгу. Союзники не платили болѣе податей, флотъ не существовалъ, клерухій или поземельныхъ надѣловъ нельзя было уже раздавать бѣднымъ гражданамъ, ибо всѣ почти владѣнія внѣ Аттики были потеряны. И въ то время, когда народъ бѣдствовалъ, когда въ казнѣ не доставало часто денегъ на дневное содержаніе войска, сами правители богатѣли и дома ихъ превосходили великолѣпнѣе общественныя зданія.

Вмѣстѣ съ чрезмѣрной роскошью вкрались въ Аѣины такъ-же, какъ и въ другія греческія государства, мотовство и корыстолюбіе. Жадность къ деньгамъ господствовала всюду до такой степени, что такой человекъ, какъ Эпаминондъ, не имѣвшій этого порока, казался своимъ соотечественникамъ явленіемъ исключительнымъ, страннымъ. Слѣдствіемъ этой страсти къ приобрѣтенію были продажность и злоупотребленіе ввѣренной властію. Почти всѣ рѣчи аѣинскихъ ораторовъ наполнены обвиненіями въ подкупахъ, въ растратѣ государственныхъ денегъ и въ лихоимствѣ. Всѣ рвались къ мѣстамъ, наиболѣе доходнымъ, и въ этомъ отношеніи однимъ изъ главныхъ источниковъ для неправильнаго обогащенія были по сольскія мѣста, особенно въ Персіи и Македоніи. Такъ напр., Эпикратъ, назначенный посломъ въ Персію, нажилъ себѣ тамъ состояніе въ 600 талантовъ (приблизительно 800,000 руб.), что по цѣнности денегъ въ наше время составило бы 6½ мил. рублей. Между тѣмъ, когда Эпикратъ былъ обвиненъ въ подкупѣ, онъ и не думалъ отрицаться, но сказалъ прямо, что „онъ смотритъ на посольство какъ на лучшее демократическое средство къ обогащенію гражданъ и совѣтуетъ имъ

вмѣсто того, чтобы избирать 9 архонтовъ, посылать лучше ежегодно въ Персію 9 бѣдныхъ гражданъ для поправленія ихъ состоянія“. Народъ-же, слушая эти возмутительныя рѣчи, отвѣтилъ на нихъ не негодованіемъ, а хохотомъ. До того низко палъ прежній славный аѳинскій демось.

Въ Спартѣ также мало по малу совершенно исчезли прежняя простота и чистота нравовъ. Какъ вслѣдствіе упадка старинной доблести и прежняго строгаго и воинственнаго характера жизни, такъ и вслѣдствіе проникновенія чуждыхъ нравовъ, въ Спартѣ такъ-же, какъ и въ Аѳинахъ и во всей Греціи, стали господствовать роскошь, корыстолюбіе и развратъ. Установленныя Ликургомъ снѣсѣтіи вышли мало по малу изъ употребленія и были наконецъ совсѣмъ забыты. Вмѣсто простой пищи и утвари вошли въ употребленіе роскошныя яства, изысканныя вина, дорогіе сосуды. Крайній упадокъ нравовъ отразился также на положеніи и нравственномъ характерѣ жевщицъ высшаго круга, изъ которыхъ многія сдѣлались жертвами грубаго разврата, и ихъ распущенность была также одною изъ главныхъ причинъ введенія чрезмѣрной роскоши.

При такомъ всеобщемъ политическомъ и нравственномъ упадкѣ греческихъ государствъ и ихъ разрозненности Греція легко могла сдѣлаться добычею чужеземнаго владычества, и она, дѣйствительно, скоро подпала усилившемуся въ то время, македонскому царству, которое, усвоивъ себѣ отчасти греческую образованность и выработанное въ еванской войнѣ военное искусство, сдѣлалось достаточно сильнымъ, чтобы подчинить себѣ Грецію, покорить персидское царство и распространить греческую цивилизацію въ предѣлахъ Азіи и Африки.

Платонъ. Въ эпоху политическаго и нравственнаго упадка Греціи Аѳины все-таки продолжали оставаться центромъ умственной жизни ея, и такую роль они не переставали играть даже въ эпоху македонскаго владычества. Особенно высокаго развитія достигла въ Аѳинахъ въ послѣдній періодъ философія въ лицѣ Платона и Аристотеля. Въ этотъ періодъ всеобщаго политическаго и нравственнаго разложенія Греціи великіе философскіе умы, не находя удовлетворенія въ дѣйствительной жизни, политической и общественной, искали удовлетворенія въ области отвлеченной мысли и въ мірѣ утопіи или несбыточныхъ мечтаній. Представителемъ такого направленія мысли въ отношеніи политическомъ былъ особенно Платонъ, одинъ изъ величайшихъ греческихъ философовъ.

Платонъ родился въ 430 г. въ Аѳинахъ. Дѣтство и молодость его совпадаютъ со временемъ пелопонесской войны. Двадцатилѣтнимъ юношею познакомился Платонъ съ Сократомъ и съ этого времени до самой смерти послѣдняго почти не разлучался съ нимъ. Во все время суда надъ Сократомъ онъ не покидалъ любимаго учителя, взялся защищать его, даже началъ было рѣчь, но она была прервана судьями. Въ своей „Апологіи“ Платонъ оставилъ превосходное описаніе суда надъ Сократомъ. По смерти Сократа, Платонъ много путешествовалъ, побывалъ въ Киренѣ, Египтѣ, Сициліи и Южной Итали. Платонъ по примѣру своего любимаго учителя посвятилъ себя обученію другихъ и училъ даромъ. По возвращеніи въ Аѳины Платонъ основалъ здѣсь школу, получившую названіе академіи отъ любимаго мѣстопребыванія Платона, публичнаго сада въ окрестностяхъ Аѳинъ. Какъ даровитѣйшій ученикъ и послѣдо-

ватель Сократа, Платонъ вполне понялъ значеніе сократовскаго метода, усвоилъ его себѣ и усовершенствовалъ.

Слѣдую сократовскому методу изысканія истины, Платонъ все сочиненія свои излагалъ въ діалогической формѣ. Чтобы нагляднѣе представить свое ученіе, Платонъ во всѣхъ своихъ діалогахъ выводитъ Сократа. При этомъ онъ постоянно старается выказать умственное превосходство, умѣренность и скромность своего учителя въ противоположность умственному безсилію, ослѣпленію и высокоумію софистовъ и вообще его современниковъ. Изъ всего ученія, которое Платонъ влагаетъ въ уста Сократа, ученіе о государственномъ управленіи въ связи съ ученіемъ о сущности человѣческой природы имѣетъ наибольшее значеніе для пониманія того отношенія, въ какомъ находятся сочиненія Платона къ его времени и къ греческой культурѣ вообще. Это ученіе Платонъ вполне развилъ въ сочиненіяхъ своихъ „Политія“ или о государствѣ и „о законахъ“.

Въ наиболѣе замѣчательномъ сочиненіи своемъ „Политія“ Платонъ представляетъ идеаль гармоническаго сочетанія всѣхъ способностей человѣка и начертываетъ образецъ устроеннаго по этому идеалу совершенно идеальнаго государства. При этомъ Платонъ говоритъ о своемъ государствѣ, не принимая въ соображеніе ни національныхъ свойствъ, ни географическихъ и историческихъ условій и другихъ обстоятельствъ, которыми опредѣляются государственныя формы и учрежденія дѣйствительно существующихъ государствъ. Какъ далеко было созданное умомъ Платона идеальное государство отъ дѣйствительной жизни древней Греціи даже въ самый блестящій ея періодъ, доказываетъ лучше всего то, что самъ Платонъ признавалъ свою мысль неосуществимою до тѣхъ поръ, пока люди совершенно не переродятся. Такъ какъ по собственному сознанію Платона, совершенно идеальное государство невозможно въ дѣйствительности, то онъ въ сочиненіи „о законахъ“ старается изобразить идеаль чисто греческаго государства, основаннаго уже на существующихъ элементахъ, именно на племенномъ различіи и національныхъ свойствахъ. Такъ какъ Платонъ старается представить свое идеальное государство свободнымъ отъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, которые существовали въ Аѳинахъ и въ Спартѣ, то это даетъ возможность уяснить себѣ не только философскія, но и политическія воззрѣнія Платона, въ которыхъ особенно отражается направленіе и характеръ его времени.

Платонъ является тутъ приверженцемъ истинной аристократіи, при которой лучшіе граждане управляютъ государствомъ. При этомъ Платонъ наираетъ на то, что подъ истинной аристократіей понимаетъ онъ вовсе не замкнутый кругъ аристократіи, принадлежность къ которой опредѣляется происхожденіемъ, а еще менѣе выродившуюся олигархію, подобную той, которая въ то время господствовала въ Спартѣ. Но разсуждая о демократіи и изображая при этомъ сущность аѳинскаго государственнаго устройства, Платонъ высказываетъ также явное нечувствіе къ народному владычеству. Платонъ сравниваетъ демократію съ пестрою одеждою, вытканною всевозможными цвѣтами, ибо массы, по словамъ Платона, судятъ обыкновенно о демократическомъ управленіи точно такъ-же, какъ женщины и дѣти о пестрой одеждѣ, которую они именно по ея пестротѣ и считаютъ лучшимъ платьемъ. По словамъ Платона, демократическое государственное устройство, привлекательное для всякаго, кто судить о человѣческой жизни только по ея внѣшнимъ проявленіямъ, въ сущности приноситъ очень много вреда, потому что при управленіи толпы преобладаютъ чувственность и необузданность, такъ какъ толпа не понимаетъ ни высшихъ наслажденій, ни мыслей, выходя-

щихъ изъ круга понятій обыденной жизни. Когда-же демократія вырождается въ господство черни, то въ государствѣ исчезаетъ всякій порядокъ, продажность дѣлается повсемѣстно господствующею и народъ изъ состоянія полнѣйшей свободы впадаетъ въ самое ужасное рабство, такъ какъ массы, доступныя подкупу, дѣлаются рабами честолюбцевъ. Очевидно, что рисуя такими мрачными красками владычество черни, Платонъ списывалъ ея характеристику съ живой дѣйствительности, именно съ того нравственнаго и политическаго упадка Аѳинъ, въ которомъ находились они въ эпоху возвышенія Македоніи.

Ученики Платона образовали школу, или секту философовъ, называвшуюся академіей по имени того публичнаго сада, въ которомъ училъ Платонъ.

Тогда какъ Платонъ и другіе послѣдователи Сократа имѣли преимущественно въ виду научное развитіе его философіи и отношеніе ея къ государству, рядомъ съ философіей Платона возникли двѣ другихъ философскихъ школы, которыя стремились проводить ученіе Сократа въ самую жизнь, исходя, впрочемъ, изъ совершенно противоположныхъ взглядовъ на нее. Основателями этихъ двухъ школъ были Аристиппъ киренскій и Антисеенъ аѳинскій, оба—ученики Сократа. Аристиппъ сдѣлалъ наслажденіе предметомъ и цѣлью своего философскаго ученія. Господствовавшій тогда въ средѣ греческихъ аристократовъ и богачей роскошный образъ жизни Аристиппъ возвелъ въ принципъ, въ философскую систему, именно въ философію наслажденія. Аристиппъ, впрочемъ, проповѣдывалъ не объ одностороннемъ чувственномъ наслажденіи жизнью, а о мудромъ наслажденіи жизнью, или объ искусствѣ соединять должнымъ образомъ духовныя блага съ вещественными. Ученіе Аристиппа нашло не мало послѣдователей въ греческой знати, а впоследствии еще болѣе между римскими аристократами. Философская школа, которой положилъ основаніе Аристиппъ, по имени родины ея основателя называется киренскою. Впоследствии же ученіе Аристиппа, измѣненное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Эпикуромъ, получило названіе эпикурейской философіи и выродилось въ ученіе о грубомъ чувственномъ наслажденіи жизнью.

Какъ Аристиппъ былъ основатель философіи наслажденія, такъ Антисеенъ—основатель философіи воздержанія. Самъ Антисеенъ былъ очень бѣденъ и принадлежалъ къ низшему классу аѳинскихъ гражданъ. Сущность его ученія состоитъ въ противопоставленіи природнаго состоянія неестественному и въ сознаніи превосходства внутренняго достоинства человѣка надъ наружнымъ, мишурнымъ блескомъ, богатствомъ и другими внѣшними преимуществами, которыми такъ кичились въ то время высокоумѣнные греческіе аристократы. Ученіе Антисеена носитъ названіе цинической философіи или потому, что онъ обыкновенно преподавалъ въ циносартѣ, одномъ изъ аѳинскихъ гулявій, или же потому, что послѣдователямъ Антисеена было впоследствии дано въ насмѣшку бранное названіе циниковъ (циникъ отъ греческаго слова *κυνικός*—собачій) за примѣненіе началъ лишенія до пренебреженія нравами и приличіями. Утративъ свой первоначальный характеръ, циническая философія утратила также и свое прежнее названіе и стала называться стоической философіей, потому что Зенонъ, преобразователь цинической философіи, училъ обыкновенно въ одномъ аѳинскомъ портикѣ или стоѣ.

ВОЗВЫШЕНІЕ И ГОСПОДСТВО МАКЕДОНІИ.

Возвышеніе Македоніи при царѣ Филиппѣ (361—336). Македонія лежала къ сѣверу отъ Греціи, между Фракіей и Иллиріей. Съ трехъ сторонъ замыкаемая горами она отрѣзана была отъ моря греческими ко-

лоніями, занимавшими побережье Македоніи. Населеніе Македоніи составляло племя, родственное съ греками, но очень грубое и необразованное. Подъ вліяніемъ сосѣднихъ греческихъ колоній (Олинѣ, Амфиполисъ и др.) цари македонскіе уже давно стремились ввести въ свое государство греческіе нравы и образованіе. Но до царя Филиппа Македонія была незначительнымъ государствомъ, много терпѣвшимъ отъ нападений сосѣднихъ варваровъ (илирійцевъ, еракійцевъ и др.) и отъ частыхъ внутреннихъ междоусобій. Съ половины-же IV вѣка Македонія, благодаря Филиппу, быстро возвысилась и стала во главѣ всей Греціи.

Еще въ молодости прожилъ Филиппъ нѣсколько лѣтъ заложникомъ въ Фивахъ, въ домѣ Эпаминонда, и въ это время усвоилъ себѣ греческое образованіе и познакомился съ военнымъ искусствомъ грековъ. Въ это же время Филиппъ, предпринимавшій изъ Фивъ поѣздки въ разныя государства Греціи, имѣлъ случай узнать внутреннее устройство и слабости грековъ и испорченность ихъ нравовъ, и все это дало ему впослѣдствіи возможность подчинить Грецію своей власти.

Филиппъ, на видъ человѣкъ крайне щедушный и невзрачный, обладалъ замѣчательными талантами правителя и полководца. Крайне хитрый, расчетливый, онъ умѣлъ ловко, осторожно и энергично пользоваться обстоятельствами для достиженія своихъ цѣлей, не останавливаясь ни предъ какими средствами. Съ своими подданными онъ обходился ласково и умѣлъ приобрести ихъ любовь. Кроткимъ обращеніемъ съ покоренными онъ умѣлъ заставить ихъ забыть свою неволю.

Сдѣлавшись царемъ македонскимъ, Филиппъ прежде всего началъ борьбу съ сосѣдними варварскими племенами и покорилъ часть ихъ земель. Въ этихъ войнахъ Филиппъ, знакомый уже съ строемъ греческой пѣхоты, организовалъ свое войско по греческому образцу и даже усовершенствовалъ его, создавъ такъ-называемую македонскую фалангу. Она состояла изъ 8,000 тяжело-вооруженныхъ воиновъ, которые строились въ рядъ по 16 человѣкъ въ глубь. Воины были вооружены громадными щитами, закрывавшими все тѣло, и такими длинными копьями, что копьѣ солдатъ шестаго ряда выходили за первый рядъ. Солдаты остальныхъ рядовъ клали свои копья на плечи стоявшихъ передъ ними, что чрезвычайно облегчало стройность движеній. Ядро военныхъ силъ Филиппа составляло македонское національное войско, которое чувствомъ своего единства и могущества стояло несравненно выше наемныхъ дружинъ греческихъ государствъ. Но еще больше, чѣмъ на силу оружія своего, полагался Филиппъ на продажность и корыстолюбіе большинства государственныхъ людей Греціи. „Нѣтъ такой высокой, крутой городской стѣны“, говорила Филиппъ, „чтобы осель, нагруженный золотомъ, не могъ перешагнуть черезъ нее“.

Первымъ дѣломъ Филиппа послѣ обезпеченія безопасности его государства было приобретение побережья Македоніи, и потому онъ обратилъ свои силы противъ греческихъ колоній, заграждавшихъ ему доступъ къ

морю. Овладевъ большею частью ихъ, Филиппъ сталъ стремиться къ достиженію главной цѣли своей—подчинить Македоніи всю Грецію. Но такъ какъ наибольшимъ значеніемъ въ Греціи все еще пользовались Аѳины, то на нихъ и обратилъ Филиппъ главное вниманіе. Онъ ждалъ только случая вмѣшаться въ дѣла Греціи и, пользуясь ея раздорами, опутать ее со всѣхъ сторонъ. Такой случай представился скоро Филиппу въ такъ-называемой священной или фокидской войнѣ.

Около половины IV вѣка до Р. Хр. случилось, что жители Фокиды, въ области которыхъ находился городъ Дельфы, запахали часть земли, принадлежавшей дельфійскому храму. За это по настоянію враждебныхъ фокидцамъ еиванцевъ на собраніи амфиктионовъ было рѣшено наложить на фокидцевъ огромную денежную пеню, а еиванцы и еессалійцы взялись принудить ихъ къ исполненію приговора. Но такъ какъ фокидцы не могли уплатить ее, то противъ нихъ была объявлена война, въ которую были вовлечены большая часть государствъ Сѣверной и Средней Греціи. Война эта названа была священной, потому что поводомъ къ ней послужила защита дельфійскаго храма. Фокидцы приготовились къ войнѣ, и предводители ихъ, для пріобрѣтенія средствъ къ ней, захватили сокровища дельфійскаго храма. Не смущаясь, однакожь, ограбленіемъ святыни, наемники со всѣхъ областей Греціи стали стремиться теперь подъ знамена фокидскихъ военачальниковъ. Фокидцы дѣйствовали храбро и даже вторглись въ Эссалию. Тогда еессалійцы обратились за помощію къ Филиппу, и это дало ему поводъ вмѣшаться въ священную войну и выступить защитникомъ національной греческой святыни. За содѣйствіе, оказанное еессалійцамъ, Филиппъ подчинилъ себѣ Эссалию. Отсюда онъ могъ легко проникнуть чрезъ Термопилы въ Среднюю Грецію, если-бы только не поспѣшили во время занять этотъ проходъ аѳиняне, которые только теперь спохватились и поняли всю опасность, грозившую свободѣ Греціи отъ хитраго македонскаго царя. Этимъ аѳиняне обязаны были провинцальности замѣчательнѣйшаго своего оратора Демосѳена.

Демосѳенъ. Демосѳенъ остался послѣ отца ребенкомъ. Опекуны расхитили имѣніе, доставшееся ему въ наслѣдство, и мало заботились о его воспитаніи. Чтобы самому защищать свои права предъ судомъ, по аѳинскому обыкновенію, онъ рано сталъ заниматься краснорѣчіемъ под руководствомъ отличныхъ ораторовъ. Когда ему пришлось однажды услышать рѣчь одного замѣчательнаго оратора, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что рѣшился, во что-бы то ни стало, сдѣлаться ораторомъ. Тогда было ему еще 16 лѣтъ. Послѣ этого онъ сталъ еще съ большимъ рвеніемъ заниматься изученіемъ краснорѣчія, и, чтобы усвоить себѣ способъ изложенія лучшихъ греческихъ писателей, съ большимъ вниманіемъ вчитывался въ нихъ и изучалъ наизусть ихъ произведенія. Когда Демосѳенъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ, онъ выигралъ процессъ противъ своихъ опекуновъ; но ему удалось взыскать съ нихъ лишь ничтожную долю растроченнаго ими наслѣдства, и потому, оставшись безъ

средствъ, онъ вынужденъ былъ содержать себя составленіемъ рѣчей для другихъ.

Неутомимымъ трудомъ Демосеенъ усовершенствовалъ свой ораторскій талантъ и выработалъ слогъ рѣчей своихъ по лучшимъ образцамъ. Но это было еще недостаточно для успѣха оратора предъ народнымъ собраніемъ. Въ Аѣнахъ, гдѣ ежедневно въ судѣ и въ народномъ собраніи выступали лучшіе ораторы, народъ былъ такъ взыскателенъ въ отношеніи къ нимъ, что каждое неловкое слово, каждое неграціозное движеніе возбуждало смѣхъ въ народѣ и заставляло нерѣдко оратора сходить съ трибуны. Ораторъ долженъ былъ непремѣнно обладать громкимъ, благозвучнымъ голосомъ, правильнымъ выговоромъ и искусною мимикой. Демосеенъ-же во всѣхъ этихъ отношеніяхъ имѣлъ большіе недостатки. Болѣзненный отъ природы онъ имѣлъ чрезвычайно слабый голосъ и короткое дыханіе, немного заикался, пришепетывалъ; къ тому-же его тѣлодвиженія не отличались граціею: онъ подергивалъ однимъ плечомъ. Поэтому, когда Демосеенъ заговорилъ въ первый разъ въ народномъ собраніи, то народъ поднялъ такой шумъ и смѣхъ, что Демосеенъ долженъ былъ замолчать и удалиться съ трибуны. При второй попыткѣ говорить предъ народомъ онъ также былъ освистанъ. Пораженный, съ закрытымъ лицомъ и съ отчаяніемъ въ душѣ спѣшилъ онъ домой, чтобы скрыть отъ всѣхъ стыдъ свой, и не видѣлъ, какъ слѣдомъ за нимъ шелъ одинъ изъ друзей его, любимый аѣинскою публикою актеръ. Они вошли вмѣстѣ. Демосеенъ началъ ему громко жаловаться на свои неудачи и на несправедливость народа. „Ты правъ, Демосеенъ“, отвѣчалъ другъ его, „но я берусь поправить дѣло. Прочти мнѣ какіе-нибудь стихи изъ драмы Эврипида или Софокла“. Демосеенъ прочелъ. Когда онъ кончилъ, актеръ продекламировалъ то-же самое, но съ такой декламациею, съ такою выразительностью и плавностью въ произношеніи, что Демосеену казалось, будто онъ слышитъ совсѣмъ другіе стихи. Демосеенъ узналъ, чего ему не достаетъ и съ удвоеннымъ усердіемъ принялся за работу. Онъ укрѣпилъ свой голосъ тѣмъ, что громко декламировалъ на ходу, а еще чаще взбираясь на горы или стараясь пересилить голосомъ шумъ морскихъ волнъ. Онъ слушалъ постоянно хорошихъ ораторовъ и пользовался ихъ замѣчаніями. Наконецъ онъ, чтобы сосредоточиться еще болѣе на своихъ упражненіяхъ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ безвыходно съ обритою головой въ землянкѣ и упражнялся тамъ въ декламации передъ зеркаломъ для приобрѣтенія граціи въ тѣлодвиженіяхъ. Послѣ продолжительныхъ и неимовѣрныхъ усилій Демосеенъ достигъ своей цѣли: онъ сдѣлался совершеннѣйшимъ ораторомъ, и тогда онъ всѣ силы направилъ на то, чтобы возбудить въ нравственно павшихъ согражданахъ духъ прежней доблести и сознаніе необходимости принять всѣ мѣры противъ угрожавшаго Греціи порабощенія со стороны македонскаго царя.

Когда Филиппъ попыткою вторгнуться чрезъ Термопилы въ Среднюю Грецію обнаружилъ свои замыслы, Демосеенъ выступилъ предъ народомъ

съ первую свою рѣчью противъ Филиппа (филиппикою), предостерегалъ народъ и указывалъ на средства къ предотвращенію грозившей опасности. Съ этихъ поръ сдѣлался онъ средоточіемъ небольшой партіи патриотовъ, стремившейся всѣми силами возбуждать Грецію къ борьбѣ за честь и свободу.

Но хотя Демосеену и удавалось отъ поры до времени убѣдить согражданъ въ необходимости энергическихъ мѣръ противъ Филиппа, ему трудно было бороться со всеобщимъ упадкомъ патриотизма въ Аѣинахъ съ истощеніемъ въ нихъ нравственныхъ и военныхъ силъ и съ убѣжденіемъ многихъ честныхъ гражданъ (Фокіонъ и др.) въ необходимости объединенія Греціи подъ властью Македоніи. Кромѣ того, сильное противодѣйствіе оказывали Демосеену подкупленные македонскимъ золотомъ сторонники Филиппа, во главѣ которыхъ стоялъ непримиримый врагъ Демосеена, Эскинъ, который силою и смѣлостью своихъ рѣчей болѣе нравился легкомысленнымъ аѣинянамъ, чѣмъ Демосеенъ, и всячески содѣйствовалъ цѣлямъ Филиппа.

У Демосеена было слишкомъ много вѣры въ свой народъ, и потому онъ старался соединить всѣ греческія государства въ одинъ союзъ съ Аѣинами противъ общаго врага. По его настоянію аѣиняне рѣшились оказать помощь союзному съ ними Олинеу на берегу Фракіи, куда Филиппъ направилъ свои силы, послѣ того какъ аѣиняне принудили егс отступить отъ Фермопилъ. Но аѣиняне дѣйствовали такъ нерѣшительно и не единодушно, что Олинеъ сдался Филиппу, а аѣиняне лишились послѣдняго союзника на сѣверѣ. Послѣ этого Филиппъ предложилъ аѣинянамъ миръ, а самъ, обманувъ ихъ лукавыми переговорами, вторгся въ это время чрезъ Фермопилы въ Фокиду и помогъ еиванцамъ окончить уже 10 лѣтъ продолжавшуюся войну съ фокидцами, опустошивъ всю ихъ область. Между тѣмъ, Демосеенъ не считалъ мира съ Филиппомъ прочнымъ и потому старался подготовить своихъ согражданъ къ новой борьбѣ. Онъ добился наконецъ рѣшенія, чтобы весь театральнй сборъ былъ обращенъ на покрытіе военныхъ издержекъ. Ему удалось также хорошимъ устройствомъ флота поднять морскія силы Аѣинъ. Словомъ, въ это время Демосеенъ приобрѣлъ такое вліяніе, что сдѣлался истиннымъ вожааемъ и правителемъ республики. Всюду, гдѣ Филиппъ искалъ приобрѣсть себѣ союзниковъ или противодѣйствовалъ вліянію аѣинянь, самъ Демосеенъ или послы его являлись на мѣсто для противодѣйствія Филиппу. Въ это время Демосеенъ находился на самой высокой степени своей славы.

Покореніе Греціи Филиппомъ. Херонейская битва. Въ награду за помощь противъ фокидцевъ Филиппъ былъ сдѣланъ членомъ амфиктіоннаго союза, и этимъ греки сами дали ему право вмѣшиваться въ свои дѣла. Но съ свойственною ему осторожностью и благоразуміемъ Филиппъ послѣ опустошенія Фокиды отступилъ изъ Средней Греціи, обезпечивъ себѣ только свободный проходъ чрезъ Фермопилы, который занялъ македон-

скимъ гарнизономъ. Скоро открылась новая священная война, которая снова проложила дорогу македонскому войску въ Среднюю Грецію. Жители одного города области Локриды, сосѣдней съ Фокидою, обработали землю, принадлежавшую дельфійскому храму. Эскинъ побудилъ амфиктионовъ союзъ наказать локридцевъ и назначить неограниченнымъ предводителемъ въ предстоящей войнѣ Филиппа. Филиппъ явился тотчасъ съ войскомъ и, быстро покончивъ съ ничтожнымъ городомъ Локриды, неожиданно завладѣлъ одною крѣпостью въ Фокидѣ, открывшею ему свободный проходъ въ Беотию и Аттику.

Когда вѣсть объ этомъ дошла до аѳинянъ, ими овладѣлъ паническій страхъ. Когда на слѣдующій день созвано было народное собраніе, никто не рѣшался выступить изъ толпы, чтобы предложить рѣшительныя мѣры для спасенія отечества. Наконецъ Демосѳенъ обратился къ народу съ рѣчью, которою старался ободрить упавшій духъ аѳинянъ. Онъ совѣтовалъ имъ отправить къ ѳиванцамъ посольство и предложить имъ союзъ и помощь аѳинянъ на случай грозящей имъ опасности. Предложеніе Демосѳена было принято безпрекословно. Самъ Демосѳенъ посланъ былъ съ четырьмя другими ораторами въ ѳивы, чтобы возбудить ихъ къ энергическому сопротивленію Филиппу. Между тѣмъ и Филиппъ успѣлъ уже отправить посольство къ ѳиванцамъ, предлагая имъ союзъ. Послы Филиппа сдѣлали ѳиванцамъ выгодныя предложенія, и они могли-бы имѣть тѣмъ большій успѣхъ, что между ѳиванцами Филиппъ имѣлъ очень многихъ и сильныхъ приверженцевъ. Но явился Демосѳенъ и силою своихъ рѣчей ему удалось воспламенить въ нихъ чувства долга и чести до того, что, забывъ старую вражду свою къ аѳинянамъ, ѳиванцы соединились съ ними. Соединенное войско Аѳинъ и ѳивъ вмѣстѣ съ отрядами союзныхъ городовъ выступило противъ Филиппа и въ двухъ сраженіяхъ одержало верхъ. Наконецъ всѣ силы обѣихъ сторонъ встрѣтились на поляхъ беотійскаго города Херонеи (338 г.). Въ этой кровопролитной битвѣ Демосѳенъ мужественно сражался въ рядахъ своихъ согражданъ. Побѣда долго оставалась нерѣшенной, пока сынъ Филиппа, 18-лѣтній Александръ, командовавшій однимъ крыломъ, не доставилъ перевѣса македонянамъ.

Битва при Херонее рѣшила участь Греціи; свобода ея погибла безвозвратно. Филиппъ достигъ цѣли своихъ желаній, но, не смотря на то, обращался съ побѣжденными греками кротко и снисходительно. Аѳины, опасаясь мести Филиппа, рѣшились, по крайней мѣрѣ, погибнуть со славою; но Филиппъ предложилъ аѳинянамъ миръ. ѳиванцевъ-же наказалъ онъ за ихъ измѣну. Скоро вся Греція признала гегемонію за царемъ Македоніи. Покончивъ дѣла свои въ Греціи, Филиппъ готовился уже во главѣ соединенныхъ греческихъ силъ выступить въ походъ противъ персовъ, но среди приготовленій къ великому предпріятію погибъ вслѣдствіе заговора, въ которомъ, какъ полагаютъ, принималъ участіе и персидскій царь. Задуманное Филиппомъ дѣло окончилъ сынъ его Александръ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ (336—323 г. до Р. X.).

Личность Александра Великаго. Александръ, царь Македонскій, получившій за свои подвиги имя Великаго, велъ свой родъ отъ древнихъ героевъ Греціи—Геркулеса и Ахиллеса. Еще съ юныхъ лѣтъ поражалъ онъ всѣхъ своею красотой и умомъ, необыкновенною храбростью и ловкостью. Еще отрокомъ онъ сумѣлъ укротить дикаго коня, на котораго никто изъ наѣздниковъ не могъ сѣсть, и этимъ привелъ отца своего въ такой восторгъ, что тотъ воскликнулъ: „сынъ мой, ищи себѣ другаго царства: Македонія мала для тебя“.

Когда Александру минуло 13 лѣтъ, Филиппъ пригласилъ ему въ наставники славнаго греческаго философа Аристотеля. Быстро развился подъ руководствомъ великаго учителя гениальный умъ царственнаго отрока. Аристотель сообщилъ серьезное направленіе его мысли, возвышенное, благородное настроеніе душѣ его и внушилъ ему необыкновенную любовь и уваженіе къ наукѣ. Александръ привязался къ своему наставнику, какъ къ родному отцу, и не разъ говорилъ, что отцу онъ обязанъ жизнью, Аристотелю же—тѣмъ, что достоинъ жизни. Иліада была его любимой книгой, а прославленный въ ней предокъ его Ахиллесъ былъ идеаломъ, которому стремился онъ подражать. Подобно ему стремился онъ быть „превосходнымъ царемъ и метателемъ копій“. (Этотъ стихъ Иліады былъ его любимымъ, часто повторяемымъ стихомъ). Стремленіе къ славѣ и великимъ подвигамъ наполняло душу Александра, когда онъ былъ еще ребенкомъ; 16-ти-лѣтнимъ юношею участвовалъ онъ уже въ походахъ и начальствовалъ надъ войскомъ, 20-ти лѣтъ онъ уже вступилъ на престолъ.

Первый годъ царствованія Александра былъ полонъ тревогъ. При извѣстїи о смерти Филиппа, взволновалась вся Греція и противъ македонскаго владычества возсталъ одинъ городъ за другимъ. Прежде всѣхъ поднялись Эивы и отбили стоявшій въ ихъ городѣ гарнизонъ македонскій. Жители Пелопонеса отправились на помощь Эивамъ. Аѳиняне, воодушевленные Демосѳеномъ, вооружились также. Но Александръ быстро и неожиданно явился передъ Эивами, городъ былъ взятъ приступомъ и разрушенъ. Судьба Эивъ послужила страшнымъ примѣромъ для всей Греціи: ни одинъ городъ не думалъ больше о сопротивленіи.

Походъ Александра въ Персію и его побѣды. Покореніе Персіи. Усмиривъ Грецію, Александръ рѣшился выступить противъ персовъ во главѣ всѣхъ греческихъ силъ. Не даромъ вслушивался Александръ еще съ дѣтства въ рассказы о Персіи и въ планы отца своего относительно нея. Уже рано началъ мечтать Александръ о блистательныхъ побѣдахъ и приобрѣтеніяхъ въ дальней Азіи, о походѣ соединенныхъ грековъ и македонянъ противъ варваровъ, которые разрушили когда-то многіе грече-

скіе города и храмы греческихъ боговъ. Задумавъ походъ противъ Персіи, Александръ хорошо зналъ настоящее положеніе и силы Персіи и потому смѣло могъ рѣшиться начать борьбу съ огромнымъ персидскимъ царствомъ, которое было почти въ 50 разъ обширнѣе царства македонскаго. Избранный предводителемъ почти единогласно всѣми государствами, онъ выступилъ въ походъ лишь съ 35,000 войскомъ. Но это было войско, закаленное въ битвахъ, исполненное мужества и довѣрія къ своему предводителю, и потому оно смѣло могло помѣряться силами съ безчисленными, но беспорядочными массами варваровъ приходившаго уже въ разрушеніе персидскаго царства, гдѣ воссѣдалъ на тронѣ слабый и невоинственный царь Дарій Кодоманъ.

Александръ старался придать своему походу противъ персовъ значеніе религіознаго и обще-эллинскаго подвига и связать его съ воспоминаніями о подвигахъ и герояхъ древней Греціи. Прибывъ къ Азіи, онъ высадился съ своимъ войскомъ близъ развалинъ древней Трои и оживилъ связаннныя съ нею воспоминанія торжественными играми и жертвами на могилахъ павшихъ тутъ героевъ. Этимъ онъ возбудилъ національное чувство; греки и македоняне шли теперь на персовъ, какъ одинъ народъ. Первая битва между македонянами и персами произошла при рѣкѣ Граникѣ. Македоняне первые сдѣлали нападеніе на персовъ и, сражаясь съ ними, перешли рѣку. Александръ самъ сражался здѣсь съ такою храбростью, что нѣсколько разъ подвергался опасности быть убитымъ, и спасеніемъ своимъ обязанъ только полководцу своему Клиту. Полная побѣда надъ персами была наградою за храбрость Александра и его войска.

Послѣ побѣды при Граникѣ Александръ не преслѣдовалъ персовъ, и устремилъ всѣ силы противъ приморскихъ городовъ Малой Азіи, чтобы завладѣть всѣмъ берегомъ Эгейскаго моря и отрѣзать персамъ путь къ сообщенію съ европейскими греками. Въ Малой Азіи города сдавались Александру одинъ за другимъ, такъ какъ здѣсь онъ являлся освободителемъ отъ персидскаго ига, и, кромѣ того, онъ обѣщалъ имъ полную политическую самостоятельность.

Узнавъ, что Дарій выступилъ противъ него съ арміей въ 600,000 человекъ, Александръ двинулся дальше на востокъ къ нему на встрѣчу. Оба войска встрѣтились въ тѣсной гористой мѣстности, гдѣ огромной арміи персидской нельзя было развернуть свои силы. Произошло кровопролитное сраженіе при г. Иссъ, въ которомъ пало до 100,000 персовъ. Персидскій царь долженъ былъ бѣжать съ поля сраженія, оставивъ побѣдителю свое семейство и свои сокровища. Александръ удержалъ при себѣ царскую семью и обходился съ ней такъ ласково и съ такимъ почтеніемъ, что мать Дарія полюбила его, какъ сына.

Скоро послѣ побѣды при Иссъ завладѣлъ Александръ Финикіей, Палестиной и Египтомъ. Когда онъ двинулся вдоль береговъ Сиріи, ему безъ сопротивленія подчинялись всѣ города, за исключеніемъ новаго

Тира, который лежалъ на островѣ. Послѣ семимѣсячной осады городъ былъ взятъ и разрушенъ. Съ паденіемъ Тира кончилась опасность, угрожавшая Александру со стороны персидскаго флота, въ которомъ финикійскіе корабли составляли главную силу.

Во время осады Тира покорилась Александру Іудея. Какъ и всѣмъ покореннымъ имъ народамъ, Александръ оставилъ и іудеямъ ихъ образъ правленія неприкосновеннымъ. Изъ Палестины Александръ пошелъ въ Египетъ, завоеваніе котораго не представило ему почти никакихъ трудностей; здѣсь еще свѣжа была ненависть къ персамъ.

Богамъ каждаго изъ племенъ, чрезъ земли которыхъ лежалъ побѣдннй путь македонцевъ, были принесены жертвы. И тѣмъ уваженіемъ, которое оказывалъ вездѣ Александръ религіямъ покоренныхъ народовъ, привлекалъ онъ особенно сердца покоренныхъ.

На западъ отъ Нильской дельты основалъ Александръ городъ Александрію, угадавъ важное значеніе, какое долженъ былъ имѣть этотъ городъ по своему положенію для торговли Европы и Азіи.

Завладѣвъ всѣми персидскими провинціями по берегу Средиземнаго моря и увеличивъ въ Египтѣ армію свою новыми подкрѣпленіями изъ Греціи, Александръ направился по Сиріи и Месопотаміи чрезъ Евфратъ и Тигръ во внутрь персидскаго государства.

Въ Ассиріи, на большой равнинѣ, недалеко отъ Ниневіи (при Гавгамелѣ) Александра ожидалъ Дарій съ огромнымъ войскомъ. У Александра было менѣе 50,000 войска, у Дарія по крайней мѣрѣ вдесятеро болѣе. Смѣлый и опытный полководецъ Александра Парменіонъ оробѣлъ при видѣ многочисленныхъ враговъ и совѣтовалъ Александру начать битву ночью. Но Александръ отвѣчалъ: „я не хочу украсть побѣду“. Началась битва. Персы бились съ большею храбростью, чѣмъ когда либо. Уже фаланга македонская была разстроена персидскою конницею. Дѣло, казалось, было потеряно; но личное мужество и распорядительность Александра обратили сраженіе въ пользу македонянъ. Дарій опять бѣжалъ съ поля битвы, а за нимъ и его войско. Спасавшійся бѣгствомъ Дарій былъ захваченъ однимъ изъ его саграповъ—Бессомъ, который объявилъ себя царемъ и велѣлъ убить Дарія. Но Александръ достигъ Бесса, казнилъ его, Дарія-же велѣлъ похоронить съ подобающими почестями. Послѣ побѣды при Гавгамелѣ вся Персія была въ рукахъ Александра. Главные города Персидскаго царства: Вавилонъ, Суза, Персеполь—передались ему безъ битвы. Всюду находилъ онъ безчисленныя сокровища, которыми щедро награждалъ войско.

Въ Персеполѣ, главномъ городѣ Персиды, возсѣлъ Александръ на престолъ персидскихъ царей и принималъ присягу отъ своихъ новыхъ подданныхъ. Онъ такъ расположилъ къ себѣ персовъ, что многіе вельможи и даже самъ братъ Дарія вступили въ гвардію македонскаго царя. Столицею своею избралъ Александръ Вавилонъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ покоренія Персіи Александръ предпри-

нялъ походъ въ Индію. Ему удалось уже неслыханными трудами покорить себѣ нѣкоторыя воинственныя племена Индіи и перейти черезъ Индъ, но тутъ измученное непрерывными походами и битвами войско Александра стало роптать на него и требовать возвращенія изъ Индіи. Александръ одинъ оставался неутомимъ, не смотря на то, что несъ всѣ труды и опасности наравнѣ съ простыми воинами, и думалъ еще о покореніи долины Ганга. Напрасны были всѣ его просьбы и угрозы, онъ долженъ былъ уступить и предпринять обратный путь. Въ память о своемъ походѣ Александръ поставилъ на берегу Гифазиса, лѣваго притока Инда, крайняго предѣла своихъ завоеваній, 12 алтарей въ видѣ башенъ, на которыхъ принесъ жертву 12 богамъ олимпійскимъ.

Александръ—царь Персіи. Переѣзна въ Александрѣ. Планы его. Сдѣлавшись повелителемъ обширнаго царства, обнимаващаго, кромѣ Македоніи и Греціи, почти всю переднюю Азію, Александръ старался по возможности сблизить грековъ и македонянъ съ азіатцами и слить разнородныя части своего государства въ одно цѣлое. Оставивъ неприкосновенными религію, обычаи и законы покоренныхъ народовъ, онъ старался мягкимъ и справедливымъ управленіемъ привязать ихъ къ себѣ. Онъ раздавалъ знатнымъ персамъ высокія мѣста, сталъ учиться персидскому языку, ввелъ при дворѣ своемъ роскошную обстановку персидскихъ царей, поощрялъ грековъ и македонянъ вступать въ бракъ съ персіянками, а знатныхъ персовъ побуждалъ къ изученію греческаго языка и къ усвоенію греческаго образованія. 30,000 молодыхъ персовъ, обученныхъ по его приказанію греческому языку и военному порядку, образовали преданную македонскому царю гвардію. Такими дѣйствіями были недовольны многіе изъ македонянъ и грековъ и даже многіе изъ близкихъ Александру людей. Они смотрѣли на покоренныхъ персовъ, какъ на варваровъ, обреченныхъ на рабство. Особенно-же роптали македоняне за уравненіе съ ними покоренныхъ ихъ оружіемъ персовъ. На Александра посыпались обвиненія въ измѣнѣ обычаямъ родины, въ изгѣженности. Ему ставили также въ вину уваженіе, которое онъ оказывалъ чужимъ богамъ. Негодованіе противъ него дошло наконецъ до того, что на жизнь его составленъ былъ заговоръ въ средѣ его приближенныхъ. Но заговоръ былъ во-время открытъ, и заговорщики казнены. Вслѣдствіе такого постояннаго противоѣдствія своимъ планамъ въ Александрѣ появилась чуждая ему прежде раздражительность. Раздражительность эта проявилась особенно въ умерщвленіи Клита, храбраго, честнаго и преданнаго Александру полководца, раздѣлявшаго, однако, общее недовольство противъ него. Однажды на пиру у Александра Клитъ, возмущенный расточаемою царю лестью, сталъ оспаривать похвалы Александру и, разгоряченный виномъ, вышелъ изъ предѣловъ приличія. Онъ упрекалъ его въ неблагодарности къ вѣрнымъ слугамъ и въ пристрастіи къ льстивымъ персидскимъ царедворцамъ; при этомъ онъ доказывалъ, что Александръ несравненно ниже отца своего Филиппа. Терпѣніе Александра истощи-

лось; онъ вскочилъ и потребовалъ оружія. Друзья Клита вывели его; но онъ скоро вернулся и пропѣлъ Александру сложенную про него въ Греціи оскорбительную пѣсню. Тогда царь, въ порывѣ ярости, вырвалъ у стоявшаго на часахъ воина копье и бросилъ имъ въ Клита; но въ тотъ же мигъ Александръ опомнился, въ ужасѣ повалился на трупъ Клита и, вынувъ изъ него копье, хотѣлъ поразить имъ себя, но былъ во-время остановленъ. Въ продолженіе трехъ сутокъ послѣ того не отходилъ Александръ отъ трупа, рыдалъ и проклиналъ себя и не хотѣлъ принимать пищи. Наконецъ друзья Александра насильно вошли къ нему въ палатку, и послѣ долгихъ увѣщаній имъ удалось его успокоить.

Вся жизнь Александра проходила въ неутомимой военной и государственной дѣятельности. Его походы сдѣлали извѣстными грекамъ многія неизвѣстныя до того земли; въ завоеванныхъ имъ странахъ основывалъ онъ новые города и греческія колоніи, стараясь о распространеніи греческаго образованія. Особенно содѣйствовали сближенію Азіи съ Европой многочисленныя каналы и проложенныя имъ дороги въ видахъ расширенія торговли. Послѣдніе годы жизни Александра прошли въ дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ различнымъ предпріятіямъ. Александръ намѣревался лично пройти съ войскомъ весь сѣверный берегъ Африки и мечталъ уже о покореніи Карфагена и народовъ юго-западной Европы, думая соединить всѣ извѣстныя тогда земли въ одну всемірную монархію; но ранняя смерть не позволила Александру осуществить задуманные имъ планы.

Смерть Александра. Тяжелые труды въ продолженіе всей жизни Александра, прошедшей въ походахъ и непрерывной дѣятельности, надломили его сильную натуру, а глубокая скорбь объ утратѣ лучшаго друга Гефестіона, въ связи съ тревожными потрясеніями послѣднихъ лѣтъ, окончательно подорвали его силы и расположили его къ болѣзненности, усилившейся вслѣдствіе неблагоприятнаго климата и не совсѣмъ умѣренной жизни. Александръ умеръ еще во цвѣтѣ лѣтъ, на 33 году жизни.

Аристотель. Одновременно съ величайшимъ завоевателемъ древняго міра, стремившимся къ соединенію всѣхъ образовавшихся до него государствъ въ одну всемірную монархію, жилъ величайшій мыслитель древности, обнявшій своимъ умомъ всѣ выработанныя до него знанія и давшій новый видъ всѣмъ наукамъ. То былъ Аристотель. Онъ родился въ 384 г. во еракійской колоніи Стагирѣ. Слухъ о великихъ философахъ и школахъ аѳинскихъ привлекъ въ Аѳины и 17-ти-лѣтняго юношу Аристотеля. Здѣсь, вступивъ въ число учениковъ Платона, гениальный и жаждавшій знанія юноша отдался со всею страстію и энергіею изученію философіи. Аристотель слушалъ Платона въ теченіи 17-ти лѣтъ, т. е. до смерти послѣдняго, и Платонъ охарактеризовалъ живую и неутомимую дѣятельность своего даровитѣйшаго ученика словами: „Аристотель— душа моей школы“. По смерти Платона Аристотель жилъ въ Малой Азіи до тѣхъ поръ, пока Филиппъ II не вызвалъ его въ Македонію для

воспитанія молодого Александра. Аристотель прибылъ къ македонскому двору, когда Александру было еще 12 или 14 лѣтъ и разстался съ нимъ только при началѣ его похода въ Азію, хотя, впрочемъ, нравственная и умственная связь между ними продолжалась еще долгое время послѣ этого. Аристотель выбиралъ для Александра людей, способныхъ выполнять его намѣренія, давалъ ему совѣты въ государственныхъ дѣлахъ и посылалъ книги для чтенія; а Александръ, въ свою очередь, не жалѣя издержекъ, способствовалъ всѣми мѣрами естественно-научнымъ изслѣдованіямъ своего великаго учителя, особенно при составленіи имъ коллекцій рѣдкостей по части естественной исторіи, собранныхъ въ завоеванныхъ провинціяхъ и послужившихъ матеріаломъ для составленія Аристотелемъ „исторіи животных“.

Послѣ долгаго отсутствія Аристотель вернулся въ Аѣны, гдѣ основалъ философскую школу въ загородной гимназіи, называвшейся лицеемъ. Здѣсь во время прогулокъ по тѣнистымъ аллеямъ лицея Аристотель въ продолженіи 13-ти лѣтъ преподавалъ философію своимъ многочисленнымъ ученикамъ: поэтому ученики Аристотеля назывались перипатетиками, то есть прогуливающимися философами, а самая философія его — перипатетическою.

Аристотель посвятилъ свою долгую трудовую жизнь приобрѣтенію знанія и своимъ глубокимъ, воспримчивымъ и всеобъемлющимъ умомъ объясилъ всю сумму выработанныхъ до него научныхъ свѣдѣній и результатовъ мысли по всѣмъ отраслямъ знанія. Всю эту массу разнородныхъ знаній стремился Аристотель привести въ одно связанное и стройное ученіе; и онъ, дѣйствительно, свелъ въ одно строго-систематическое цѣлое всѣ тогдашнія познанія грековъ, къ какой бы области наукъ они ни относились. При громадной учености и гениальномъ умѣ Аристотель своими обширными и разнообразными изслѣдованіями не только на много подвинулъ впередъ развитіе всѣхъ отраслей знанія, но положилъ самъ начало нѣкоторымъ наукамъ и проложилъ новые пути въ тѣхъ областяхъ знанія, которыя были уже разрабатываемы до него. Многочисленность и превосходство его сочиненій (изъ которыхъ, впрочемъ, сохранилась только четвертая часть) возбуждала во всѣ времена изумленіе образованнаго міра. Онъ писалъ о политикѣ, и, не смотря на то, что трактатъ этотъ дошелъ до насъ не вполнѣ, онъ и теперь причисляется къ лучшимъ изслѣдованіямъ по этому предмету. Онъ писалъ о поэзіи, и изложенная имъ впервые теорія стихотворнаго искусства или поэтики имѣла громадное вліяніе на поэтическую литературу не столько еще въ древности, сколько въ концѣ среднихъ вѣковъ и до начала прошлаго столѣтія. Онъ писалъ о логикѣ, и въ продолженіи многихъ столѣтій почти до нашего времени, никто не могъ придумать никакого новаго усовершенствованія въ этой области. Логическія изслѣдованія Аристотеля дали научныя основанія развитію математическихъ наукъ. Благодаря Аристотелю, физика и теоретическая астрономія также, какъ и прикладныя математическія знанія, именно механика и оптика получили значеніе самостоятельныхъ наукъ. Аристотель первый подраздѣлилъ математику на чистую, выводящую лишь законы, и прикладную, прилагающую математику къ изученію явленій природы. Аристотель былъ также творцомъ естественныхъ наукъ: зоологіи, анатоміи, ботаники и химіи. Знаменитый трактатъ его «исторія животныхъ» доказываетъ, что изслѣдованія и выводы его были основаны на непосредственномъ знаніи, на личномъ наблюденіи и на анатомическихкихъ

сбченіяхъ, и что многія изъ самыхъ замѣчательныхъ открытыхъ новѣйшихъ нату-
ралистовъ были положительно извѣстны Аристотелю.

Точности выводовъ и положительности результатовъ научныхъ изслѣдованій
Аристотеля способствовалъ всего болѣе примѣненный имъ впервые съ полнымъ
успѣхомъ и послѣдовательностью методъ наведенія или индукціи. Аристотель не
рѣшается стронуть вывода, не имѣя для своего изслѣдованія достаточнаго коли-
чества явленій. Онъ утверждалъ, что только всесторонній опытъ можетъ дать
полное знаніе. «Опытъ», говоритъ онъ «доставляетъ начало всякой науцѣ». Во-
обще Аристотель склоненъ вѣрить больше явленіямъ, чѣмъ заключеніямъ разума.

Важнѣйшія заслуги Аристотеля состоятъ въ его трудахъ по философіи въ тѣс-
номъ смыслѣ слова. Особенно важное значеніе имѣютъ сочиненія Аристотеля о
логикѣ или его метафизика, о нравственности или этика и о государственномъ
управленіи или политика. До Аристотеля греческіе мыслители занимались изслѣ-
дованіемъ о происхожденіи и природѣ знанія, Аристотель же первый занялся
изученіемъ необходимыхъ формъ и законовъ мышленія. Этотъ разборъ различныхъ
процессовъ ума и раскрытіе искусства мыслить во всѣхъ его подробностяхъ и
составляетъ предметъ логики Аристотеля.

Этика Аристотеля, или ученіе о нравственности, составляетъ какъ-бы введе-
ніе въ ученіе о государствѣ, такъ какъ Аристотель исходитъ отъ того положенія,
что жизнь государства и жизнь частнаго человѣка имѣютъ общее основаніе и
общую цѣль, именно нравственныя свойства человѣка и обусловливаемое имъ
истинное счастье. По мнѣнію Аристотеля, задача государства состоитъ въ томъ,
чтобы сдѣлать гражданъ нравственно хорошими людьми. Свое ученіе о государ-
ствѣ Аристотель развилъ въ сочиненіи «Политика», гдѣ онъ изслѣдуетъ теорети-
чески, какое государственное устройство, по его наблюденіямъ, представляется
самымъ лучшимъ. Аристотель не ищетъ, какъ Платонъ, идеала государства, но
строго держится въ границахъ дѣйствительнаго и выполнимаго, изслѣдуетъ, ка-
кая изъ извѣстныхъ на опытѣ формъ государственнаго устройства заслуживаетъ
наибольшаго предпочтенія. «Политика» Аристотеля имѣетъ очень важное значе-
ніе для изученія политической исторіи древней Греціи, такъ какъ онъ постоянно
подтверждаетъ свои взгляды и положенія примѣрами изъ государственнаго устрой-
ства различныхъ греческихъ государствъ и нерѣдко указываетъ ихъ историче-
ское основаніе. Еще большее значеніе для исторіи имѣло бы другое, къ сожалѣ-
нію, утраченное, сочиненіе Аристотеля, которое заключало въ себѣ описаніе
всѣхъ дѣйствительно существующихъ въ Греціи формъ государственнаго устрой-
ства, какія только могъ изслѣдовать Аристотель.

Между различными формами государственнаго устройства Аристотель отдастъ
преимущество монархической формѣ правленія, установленной въ его время са-
мымъ ходомъ событий, и аристократической, но только такой, при которой власть
находится не въ рукахъ богачей или знатныхъ, но у всѣхъ тѣхъ гражданъ, ко-
торые воспитаны для всесторонней нравственной дѣятельности и чрезъ это способны
къ управленію государствомъ и къ его защитѣ. Вообще, по мнѣнію Аристотеля,
то государство самое лучшее, гдѣ управляетъ добродѣтель и господствуетъ за-
конъ, будетъ-ли это въ лицѣ одного человѣка или многихъ. Впрочемъ, Аристо-
тель не утверждаетъ ни объ одной формѣ правленія, что она есть единственно
истинная. По его мнѣнію, дѣло идетъ не объ идеалѣ государства, но о томъ,
какая форма правленія всего болѣе соотвѣтствуетъ даннымъ естественнымъ, эконо-
мическимъ, умственнымъ и нравственнымъ отношеніямъ. И здѣсь, такимъ обра-
зомъ, Аристотель держится почвы дѣйствительности или опыта.

Философія Аристотеля скоро распространилась между греками и получила пере-
вѣсъ надъ Платоновою философіей, потому что была гораздо глубже, всестороннѣе и
практичнѣе, чѣмъ Платоново ученіе, и болѣе соотвѣтствовала монархическому
вѣку и потребностямъ своего времени.

СУДЬБА МАКЕДОНИИ И ГРЕЦИИ ПОСЛѢ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКАГО ДО ЗАВОЕВАНІЯ ИХЪ РИМЛЯНАМИ.

Распаденіе монархіи Александра Македонскаго. Обширная монархія Александра Великаго, простиравшаяся отъ Средиземнаго моря до далекаго Инда, до Нильскихъ водопадовъ и Аравіи, представляла пеструю смѣсь всевозможныхъ народностей азіятскихъ и европейскихъ, связанныхъ между собою лишь силою оружія и гениемъ Александра Великаго. Понятно поэтому, что уже скоро послѣ смерти его созданное имъ государство распалось на главныя составныя части свои. Этому способствовало также и то, что Александръ, умирая, не оставилъ послѣ себя способнаго къ правленію наслѣдника и не сдѣлалъ никакого точнаго опредѣленія относительно управления государствомъ послѣ него. Еще у трупа Александра начался между полководцами его споръ о томъ, кто будетъ ему наслѣдовать. Одни предлагали малолѣтняго побочнаго сына Александра (Иракла), другіе—своднаго брата Александра, слабоумнаго Аридея; третьи наконецъ объявили себя за младенца, который долженъ былъ вскорѣ родиться отъ вдовы Александра—Роксаны. Скоро полководцы Александра пришли къ соглашенію, что царемъ будетъ признанъ Аридей, но что онъ долженъ будетъ раздѣлить верховную власть съ сыномъ Александра отъ Роксаны. Между тѣмъ, послѣ кончины Александра управление государствомъ перешло въ руки полководца его Пердикки, которому Александръ передалъ свой перстень съ печатью и который принялъ на себя опеку надъ слабоумнымъ Аридеемъ. Имѣя въ своемъ неограниченномъ распоряженіи почти всѣ владѣнія Александра Великаго, за исключеніемъ Греціи и Македоніи, гдѣ правителемъ былъ полководецъ Александра Антипатръ, честолюбивый Пердикка, чтобы расположить въ свою пользу остальныхъ полководцевъ, роздалъ имъ разныя области въ видѣ намѣстничествъ: такъ, Птоломею онъ отдалъ Египетъ, Антигону—большую часть Малой Азіи, Лизимаху—Фракію и т. д. Но намѣстники провинцій стали домогаться независимаго владычества, и нѣкоторые изъ нихъ, именно Антипатръ, Антигонъ и Птоломей, въ виду явнаго стремленія Пердикки къ неограниченному господству надъ всею Александровой монархіею, заключили противъ него союзъ. Хотя союзники и потерпѣли сначала пораженіе, но и самъ Пердикка скоро палъ жертвою возмущенія въ войскѣ, съ которымъ онъ направился было противъ Птолемея. Тогда правителемъ всего государства провозглашенъ былъ Антипатръ, который правилъ всего два года. По смерти Антипатра между полководцами Александра Великаго вслѣдствіе стремленія каждаго изъ нихъ къ господству возникли новыя междуусобія, во время которыхъ мало

по малу погибли всѣ члены царской фамилии. Послѣ этого различныя области Александровой монархіи распредѣлились слѣдующимъ образомъ: Кассандръ получилъ Македонію и Грецію, Лизимахъ—Фракію, Птоломей—Египетъ и Сирію, Антигонъ—остальныя владѣнія въ Азіи, Селевкъ—наи́мѣстничество въ Вавилоніи.

Изъ всѣхъ этихъ правителей могущественнѣе всѣхъ былъ Антигонъ. Господствуя надъ всѣми землями отъ Инда до Геллеспонта и будучи отличнымъ полководцемъ, онъ задумалъ возстановить подъ своею властію распавшуюся монархію Александра, опираясь на громадное число своихъ наемныхъ войскъ. Но Антигонъ слишкомъ явно обнаружилъ свои властолюбивыя замыслы и, между прочимъ, возстановилъ противъ себя союзника своего Селевка, начинавшаго приобрѣтать силу, отнявъ у него наи́мѣстничество въ Вавилоніи. Тогда противъ Антигона составилъ союзъ изъ знатнѣйшихъ полководцевъ, именно Птолемея, Селевка и Лизимаха. Въ этой борьбѣ, которая продолжалась очень долго и ведена была съ переменнымъ счастьемъ и въ Греціи, и въ Азіи, Антигонъ имѣлъ сильную поддержку въ сынѣ своемъ Димитріѣ Полиоркетѣ („разрушитель городовъ“). Это былъ замѣчательный полководецъ и знатокъ военнаго дѣла, получившій свое прозваніе за необыкновенные успѣхи въ осадномъ искусствѣ и въ изобрѣтеніи новыхъ орудій и метательныхъ снарядовъ. По общему мнѣнію современниковъ, не было такого города, котораго-бы не могъ взять Димитрій Полиоркетъ. Дѣйствительно, никто не сооружалъ такихъ ужасныхъ машинъ, никто не спускалъ на воду такихъ громадныхъ кораблей, какъ онъ. Машины, сооруженныя имъ при помощи извѣстныхъ механиковъ того времени, служили долгое время образцомъ для потомства и составили переворотъ въ исторіи военнаго искусства. Къ тому же Димитрій Полиоркетъ отличался чрезвычайною рѣшительностію и увѣренностію въ своихъ силахъ. Благодаря своимъ талантамъ, ему удалось нанести сильное пораженіе на морѣ (близь Саламина) одному изъ главныхъ противниковъ Антигона—Птолемею. Послѣ этого Антигонъ и Димитрій Полиоркетъ присвоили себѣ царскій титулъ. Этому примѣру послѣдовали тотчасъ и остальные правители. Но Антигонъ хотѣлъ сдѣлаться единственнымъ царемъ во всѣхъ владѣніяхъ бывшей монархіи Александра, и потому борьба продолжалась еще до 301 г. Наконецъ она разрѣшилась сраженіемъ при Ипсѣ, во Фригіи, гдѣ окончательно рѣшился вопросъ: быть или не быть Александровой монархіи? Въ этой битвѣ 80-лѣтній Антигонъ былъ разбитъ и самъ палъ на полѣ битвы. Сынъ-же его Димитрій едва успѣлъ бѣжать съ поля сраженія съ остатками войска. Съ этой поры для Димитрія Полиоркета начинается жизнь искателя приключеній: одно время онъ властвовалъ въ Аеинахъ, но не могъ тамъ долго удержаться; былъ по смерти Кассандра царемъ Македоніи и былъ оттуда также изгнанъ; однакожь, онъ не упалъ духомъ и пытался еще основать себѣ новое царство въ Малой Азіи, но попался въ руки къ Селевку и умеръ въ его владѣніяхъ въ почетномъ заточеніи.

Послѣ битвы при Ипсѣ союзники раздѣлили между собою владѣнія Антигона, при чемъ Селевку досталась большая часть. Съ этого времени можно считать окончательное раздробленіе Александровой монархіи, изъ которой образовались слѣдующія государства: 1) Македонія съ Греціей, которая, переходя изъ рукъ въ руки, досталась наконецъ сыну Димитрія Полиоркета Антигону Гонату. 2) Сирійское царство Селевкидовъ. 3) Египетское царство Птолмеевъ и 4) нѣкоторыя мелкія государства, образовавшіяся въ Малой Азіи, какъ Царства Пергамское, Понтійское и др.

Политика македонскихъ царей въ отношеніи къ Греціи. При первомъ извѣстіи о смерти Александра въ Греціи снова пробудилась надежда на достиженіе совершенной независимости отъ Македоніи. Первые вооружились аѣиняне, поддерживаемые въ своемъ воодушевленіи къ свободѣ вдохновенными рѣчами возвращеннаго изъ ссылки Демосѣна. Народное собраніе въ Аѣинахъ издало манифестъ съ объявленіемъ войны, въ которомъ торжественно возвѣщалось, что аѣиняне рѣшились принести все въ жертву для освобожденія Греціи отъ ига македонскаго, что македонскіе гарнизоны должны быть изгнаны изъ всѣхъ городовъ, что всѣ аѣиняне моложе сорока лѣтъ выступятъ въ походъ и въ скоромъ времени будетъ снаряженъ сильный флотъ. Это рѣшеніе аѣинскаго народа было сообщено особыми посольствами всѣмъ греческимъ государствамъ. Дѣйствительно, скоро образовался союзъ, во главѣ котораго стали Аѣины, къ нему примкнули сначала этолийцы, а потомъ и всѣ почти остальные греческія государства. Союзники собрали большой флотъ и 30,000 войска. Противъ этой союзной арміи выступилъ изъ Македоніи Антипатръ съ гораздо меньшими силами и былъ разбитъ при Оермопилахъ. Послѣ этого Антипатръ заперся съ остатками своей арміи въ укрѣпленномъ ѳессалійскомъ городѣ Ламіи, отъ осады котораго и самая война носить названіе ламійской. Скоро однако жъ Антипатръ получилъ значительное подкрѣпленіе и совершенно разбилъ союзниковъ. Тогда послѣдніе должны были просить мира. Антипатръ согласился однакожь лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы каждое государство вело съ нимъ переговоры отдѣльно. Это требованіе и сознаніе превосходства македонскихъ силъ лишили грековъ всей энергіи, и союзъ мало по малу распался.

Съ аѣинянами Антипатръ заключилъ миръ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Аѣиняне должны были измѣнить у себя образъ правленія согласно съ требованіями Антипатра, принять македонскій гарнизонъ, заплатить военныя издержки и выдать ораторовъ, враждебныхъ македонскому владычеству. Демосѣнъ, бѣжавшій на одинъ изъ ближайшихъ острововъ, былъ найденъ посланными за нимъ македонскими воинами въ храмѣ бога Посейдона; чтобы не попасть въ руки Антипатра, онъ принялъ заранѣе приготовленный ядъ и умеръ передъ алтаремъ (322 г.). Въ Аѣинахъ демократическая форма правленія была уничтожена и господство передано въ руки богатой аристократіи: только граждане, владѣвшіе имуществомъ въ 2,000 драхмъ (около 500 р.), могли принимать участіе въ

управленіи, всё же остальные были лишены политическихъ правъ. Большинство афинянъ, потерявшихъ политическія права (всего 12,000 чел.), покинули свое отечество и были поселены Антипатромъ во Фракіи.

Подобно Антипатру, и преемники его въ управленіи Македоніей пользовались внутреннею борьбою партій въ Аѳинахъ и въ другихъ греческихъ республикахъ для собственныхъ выгодъ, усиливая вражду между демосомъ и олигархами или, вѣрнѣе, между немущими и богатыми классами. Вслѣдствіе такого искусственнаго разжиганія борьбы партій происходили неоднократныя гибельныя для порядка перемѣны въ образѣ правленія. Впослѣдствіи правители Македоніи нашли для себя еще болѣе надежную и сильную поддержку для господства надъ Греціей въ тиранніи. Тираннъ, поставленный въ томъ или другомъ городѣ съ небольшимъ наемнымъ отрядомъ, былъ лично привязанъ къ своему покровителю въ Македоніи и имѣлъ болѣе прочное положеніе, опираясь на вооруженную силу. Руководясь этой мыслью, Антигонъ Гонать пересталъ искать опоры въ той или другой партіи; онъ просто водворилъ вездѣ тиранновъ и при ихъ помощи держалъ въ полномъ подчиненіи всю Грецію.

Когда во всѣхъ почти греческихъ государствахъ, подъ вліяніемъ господства діадочовъ (такъ назывались преемники Александра), тираннія и сопровождавшіе ее хаосъ и раззореніе подавляли всякое проявленіе самостоятельной жизни, стремленіе къ независимости Греціи обнаружилось въ двухъ областяхъ — Этолій и Ахайи, которыя до совершеннаго подчиненія Греціи македонскому игу не играли почти никакой роли въ исторіи ея. Изъ городовъ Этолій и Ахайи и примынувшихъ къ нимъ другихъ государствъ образовалось въ смутный періодъ анархіи въ Македоніи два сильныхъ союза: Этолійскій и Ахейскій, которые еще нѣкоторое время поддерживали свободу и независимость Греціи. Но эта поддержка оказалась непрочною, такъ какъ оба союза вмѣсто того, чтобы постоянно дѣйствовать дружно противъ общаго врага — Македоніи, истощали свои силы по взаимной борьбѣ. Македонія же, пользуясь этимъ, старалась всѣми мѣрами раздуть эту вражду, рассчитывая такимъ образомъ легче утвердить свою гегемонію въ Греціи. Вообще, политика македонскихъ царей была направлена къ тому, чтобы поддерживать раздробленность въ Греціи и не допускать образованія въ ней обширныхъ союзовъ.

Союзъ Этолійскій. Этолійцы, которымъ суждено было въ эпоху македонскаго владычества, при безсиліи и упадкѣ всей Греціи, играть значительную роль, въ продолженіи многихъ вѣковъ самостоятельной жизни Греціи оставались чужды прочимъ эллинамъ и слыли у нихъ полуварварами. Еще даже въ эпоху пелопонесской войны языкъ этолійцевъ былъ почти непонятенъ для образованныхъ грековъ, обычаи ихъ носили черты первобытной грубости: они ѣли сырое мясо и жили въ разсѣянныхъ, неукрѣпленныхъ селеніяхъ. Вообще они обнаруживали крайнюю грубость и невоздержность въ наслажденіяхъ, славились корыстолюбіемъ и хищническими набѣгами и возбуждали всеобщую ненависть своими грабежами. Вмѣстѣ съ грубостью этолійскіе горцы сохранили много первобытной энергіи и отличались воинственнымъ характеромъ и безразсуд-

ной храбростью. Не усвоивъ никакихъ улучшеній въ военномъ искусствѣ, сдѣлавшемъ значительные успѣхи уже съ начала IV вѣка, этолійцы сражались однако лучше другихъ греческихъ племенъ и были единственнымъ народомъ, который съ успѣхомъ боролся съ преемниками Александра, защищая свою свободу противъ ихъ нападений. Дѣло въ томъ, что этолійцы одни изъ всѣхъ грековъ имѣли настоящія національныя войска.

Въ періодъ македонскаго владычества этолійцы составляли уже одно федеративное или союзное государство, но даже и въ это время они не имѣли городовъ въ греческомъ смыслѣ слова, т. е. въ смыслѣ политій или самостоятельныхъ въ политическомъ отношеніи городскихъ общинъ. Этолійскій союзъ составлялъ сначала лишь союзъ нѣсколькихъ общинъ и мѣстечекъ, связанныхъ между собою единствомъ происхожденія, нарѣчія и обычаевъ, а впослѣдствіи союзъ нѣсколькихъ сосѣднихъ родственныхъ племенъ или областей (Этолія, Акарнанія, Локры и проч.).

Въ эпоху наибольшаго своего могущества (около половины III вѣка) этолійскій союзъ обнималъ собою не только сосѣднихъ локрійцевъ, фокейцевъ, акарнанцевъ и многія эссалійскія племена, но и острова Ионическаго моря, въ Пелопонесѣ нѣкоторые города восточной Аркадіи, а одно время и Элиду. Этолійцы составляли ядро этого союза: ими онъ сдерживался; изъ нихъ, какъ народа чисто военнаго, главнымъ образомъ, составлялось союзное войско. Сохраняя во внутреннемъ управленіи автономію, члены союза не имѣли права рѣшать вопросы внѣшней политики: вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшались общимъ союзнымъ собраніемъ, на которомъ имѣлъ право присутствовать всякій гражданинъ союзнаго города. Въ общемъ-же собраніи союза, происходившемъ разъ въ годъ, избирались союзные сановники. Высшій сановникъ былъ стратегъ, которому принадлежало предсѣдательство въ общихъ собраніяхъ союза и предводительство союзною арміею.

Ахейскій союзъ. Ахейцы, подобно этолійцамъ, до смерти Александра Македонскаго не принимали почти никакого участія въ дѣлахъ Греціи. Двѣнадцать городовъ, изъ которыхъ образовался союзъ ахейскій, составляли столько-же отдѣльныхъ маленькихъ государствъ, и при томъ союзъ этотъ не былъ на столько крѣпокъ, чтобы сплотить Ахаію въ одно государство; при всемъ томъ союзъ этотъ имѣлъ то значеніе, что обезпечивалъ между всѣми союзными городами миръ и согласіе. Со времени македонскаго владычества и на Ахаію обрушились общія бѣдствія. Благодаря политикѣ преемниковъ Александра, союзъ ахейскихъ государствъ былъ расторгнутъ и въ большей части изъ нихъ были поставлены отдѣльные тиранны или македонскіе гарнизоны. Между ахейскими городами начались распри, и нѣкоторые изъ нихъ начали стремиться къ усиленію на счетъ другихъ. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые изъ нихъ были покорены правителями Македоніи (Димитріемъ Полиоркетомъ, Антигономъ Гонатомъ и др.). Такое положеніе дѣлъ длилось до 280 года до Р. Хр., когда четыре города прежняго ахейскаго союза (Патры, Димэ, Фары и Три-

Покореніє Греції и Македоніи Римомъ. Когда Римъ въ началѣ II вѣка до Р. Хр. возвысился, вслѣдствіе подчиненія всей Италіи и цѣлаго ряда другихъ приобрѣтеній, особенно-же вслѣдствіе униженія Кароагена, Македонія мало-по-малу также подпала зависимости отъ Рима, раздраженнаго противъ нея за поддержку, оказанную ею Кароагену противъ Рима въ концѣ второй пунической войны. Наконецъ въ 148 г. до Р. Х. Македонія обращена была въ римскую провинцію. Борьба-же между Спартой и ахейскимъ союзомъ дала поводъ Риму вмѣшаться во внутреннія отношенія греческихъ государствъ, такъ какъ враждебныя стороны сами обратились къ Риму за посредничествомъ. Въ 146 г. Греція объявлена была римскою провинціей подъ именемъ Ахаіи.

Очеркъ исторіи Египта при Птоломеяхъ и Сиріи при Селевнидахъ. По смерти Александра В. самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ государствъ, образовавшихся изъ его монархіи, сдѣлался Египетъ, гдѣ утвердилась династія Птолемеевъ или Лагидовъ, названная такъ по имени перваго царя изъ этой династіи Птолемея Сотера, или отца его македонскаго вельможи Лага. Въ то время, когда въ Греціи, Македоніи и Сиріи происходили непрерывные перевороты и кровавые раздоры, Египетъ пользовался спокойствіемъ и быстро развивающимся благосостояніемъ. Мудрый Птоломей Сотеръ и два ближайшихъ его преемника (Птоломей II Филадельфъ и Птоломей III Эвергетъ), слѣдуя политикѣ Александра В., стремились по мѣрѣ возможности къ сліянію туземнаго населенія съ греческимъ. Стремясь къ утверженію въ Египтѣ греческой образованности, окружая себя преимущественно греками и опираясь на греко-македонскую армію, Птолемеи, однакожь, не только щадили національные обычаи и вѣрованія туземнаго населенія, но обнаруживали къ нимъ полное уваженіе, чтили жрецовъ и воздавали поклоненіе туземнымъ богамъ. Все это тѣмъ болѣе привлекало сердца египтянъ къ царствующей династіи Птолемеевъ, что отношеніе ихъ къ туземнымъ элементамъ представляло рѣзкую противоположность обращенію персидскихъ монарховъ и ихъ сатраповъ, систематически оскорблявшихъ національные нравы и вѣрованія египтянъ. Сліяніе греческаго и туземнаго элементовъ было дѣйствительно достигнуто Птолемеями въ значительной степени и упростило обладаніе ихъ египетскимъ царствомъ.

При первыхъ Птоломеяхъ Египетъ сдѣлался средоточіемъ всемірной торговли, центромъ промышленности и александрійской образованности, названной такъ по резиденціи ихъ Александріи. Созданныя уже Птолемеемъ Сотеромъ флотъ и войско дали возможность ему и преемникамъ его увеличить владѣнія свои нѣкоторыми приобрѣтеніями, важными для расширенія торговли и благосостоянія Египта; таковы были завоеванія области Кирены, острова Кипра, части М. Азіи и др.; потомъ Птолемеи стали также стремиться къ покоренію Сиріи и всѣхъ земель до Евфрата. Во время продолжительнаго и мирнаго царствованія втораго Птолемея почти всѣ берега, острова и приморскіе города восточной части Среди-

земнаго моря и Аравійскаго залива были подвластны Египту или находились подъ его вліяніемъ. Такимъ образомъ при первыхъ Птоломеяхъ царство ихъ заключало въ себѣ плодороднѣйшія, населеннѣйшія и важнѣйшія въ торговомъ отношеніи страны древняго міра. Какъ распространена была тогда морская торговля Египта, видно изъ того, что Птоломею II принадлежало болѣе 4,000 купеческихъ кораблей. Владѣнія Птоломеевъ доставляли имъ огромныя матеріальныя сокровища, большую часть которыхъ тратили они на украшеніе своей столицы, на различныя затѣи восточной роскоши, а также на поощреніе ученыхъ и художникамъ. Заботливость Птоломеевъ объ украшеніи ихъ столицы Александріи доказывается лучше всего гаванями, улицами, каналами, водопроводами и зданіями этого города. Къ числу величественнѣйшихъ сооружений Александріи принадлежали такъ называемый гептастадій, каменный молъ, длиною около версты, соединявшій съ твердою землею лежавшій передъ гаванью островъ Фаросъ, далѣе, построенный на этомъ островѣ знаменитый маякъ и, наконецъ, музей. Построенный Птоломеемъ II Филадельфомъ музей имѣлъ чисто ученое назначеніе и примыкалъ къ огромному зданію царскаго дворца. Въ музей помѣщалась огромная библіотека, основанная еще первымъ Птоломеемъ и значительно увеличенная его преемникомъ. Полагаютъ, что число рукописей доходило до 700,000. Кромѣ помѣщенія для библіотеки въ музей находились всевозможныя пособія для занятія науками, такъ что онъ соотвѣтствовалъ и университету, и академіи наукъ. Одна часть зданія музея была занята помѣщеніями для знаменитѣйшимъ ученыхъ, постоянно жившихъ въ музей на царскомъ иждивеніи, другая часть музея занята была залами для учебныхъ занятій и преподаванія, наконецъ третья отведена была для переписчиковъ, постоянно занятыхъ переписываніемъ рукописей. Кромѣ всѣхъ этихъ помѣщеній, при музей находились еще портики и сады, такъ какъ греческіе учителя читали болшею частью свои лекціи, прогуливаясь взадъ и впередъ со своими учениками. На содержаніе музея отведены были опредѣленныя земли. Какъ Птоломей II Филадельфъ, которому принадлежитъ слава учрежденія музея, такъ и его преемники приказывали собирать и переписывать для музея не одни греческія книги, но и сочиненія другихъ народовъ, потому что, по ихъ мысли, библіотека александрійская должна была заключать въ себѣ произведенія литературы всѣхъ народовъ.

Особенное содѣйствіе оказывали первые Птоломеи успѣхамъ естественныхъ наукъ устройствомъ физическихъ кабинетовъ, коллекцій естественныхъ предметовъ и звѣринца, гдѣ они, не жалѣя издержекъ, содержали много рѣдкихъ животныхъ. Покровительствуя успѣхамъ естествознанія, Птоломеи руководствовались не стремленіемъ къ чисто научному познанію природы, а желаніемъ воспользоваться естественными науками для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей жизни. Вообще, александрійская эпоха была періодомъ быстрого и высокаго развитія

всѣхъ наукъ и искусствъ, имѣющихъ примѣненіе къ промышленности, мореплаванію, архитектурѣ, медицинѣ и военному дѣлу, и успѣхи реальныхъ наукъ составляютъ наиболѣе замѣчательное явленіе александрійской образованности. Особенно замѣчательны успѣхи медицины, математики, механики и астрономіи. Прочное основаніе медицинѣ положено было при Птоломеехъ научною разработкою анатоміи. Математическія знанія были впервые приведены въ стройную систему знаменитымъ ученымъ Эвклидомъ: онъ составилъ геометрію и изобрѣлъ методу преподаванія математики, сохранившей свое значеніе до нашего времени. Сознаніе огромной важности математики въ приложеніи къ мореходству, торговлѣ и промышленности выразилось въ основаніи цѣлаго ряда школъ математическихъ въ важнѣйшихъ торговыхъ и приморскихъ городахъ того времени, какъ въ Александріи, Родосѣ, Византіи и др. Замѣчательнѣйшимъ математикомъ послѣ Эвклида въ александрійскую эпоху былъ Эратосѣенъ, бывшій при Птоломееѣ III начальникомъ Александрійской бібліотеки; онъ оказалъ значительныя услуги географіи и наблюдательной астрономіи. Еще большее значеніе въ развитіи математическихъ наукъ имѣетъ современникъ Эратосѣена Архимедъ, уроженецъ Сиракузъ, величайшій механикъ древности, получившій свое образованіе въ Александріи. Кромѣ практическаго примѣненія математики къ военному искусству и практической механикѣ, Архимедъ замѣчателенъ какъ творецъ статики, науки о законахъ равновѣсія тѣлъ; онъ первый указалъ значеніе и опредѣлилъ положеніе центра тяжести тѣлъ. Архимедъ оказалъ также большую услугу астрономіи, устроивъ планетарій, представляющій наглядно движеніе небесныхъ свѣтилъ. Къ александрійской-же эпохѣ принадлежитъ величайшій астрономъ древности и основатель астрономической науки Гиппархъ, жившій уже во II вѣкѣ до Р. X.

Съ Птолемея IV начинается въ Египтѣ рядъ неспособныхъ царей. При нихъ вышнія завоеванія, сдѣланныя при первыхъ Птоломеехъ, особенно въ Сиріи и Малой Азіи, были скоро потеряны. Со вступленія же на престолъ малолѣтнаго Птолемея V Эпифана, споры изъ-за престолонаслѣдія въ Египтѣ, быстрое подчиненіе Антіохомъ III египетскихъ владѣній въ Сиріи и Малой Азіи и, наконецъ, завоеваніе самого Египта сирійскимъ царемъ Антіохомъ IV Эпифаномъ послужили поводомъ къ вмѣшательству римлянъ въ дѣла Египта. Римляне заставили Антіоха IV очистить Египетъ. Въ концѣ-же перваго вѣка (30 г. до Р. X.) Египетъ обращенъ былъ въ римскую провинцію.

Сирія. Самымъ обширнымъ изъ государствъ, на которыя распалась Александрова монархія, было царство Сирійское, основанное Селевкомъ Никагоромъ и потому называемое также царствомъ Селевкидовъ. Оно простиралось въ цвѣтущую пору своего существованія отъ Тавра, Финикіи, Египта и Аравійской пустыни вплоть до Инда, а на сѣверѣ до Яксарта. Но самая обширность владѣній Селевкидовъ и разнородный національный составъ ихъ служили одною изъ главныхъ причинъ непрочности царства Селевкидовъ. Между тѣмъ, они, не довольствуясь доставшимися на ихъ долю владѣніями, постоянно стремились къ расширенію.

предѣловъ своего государства подчиненіемъ себѣ Македоніи, Греціи и Египта и мечтали такимъ образомъ о возстановленіи подѣ своей властію всей монархіи Александра Великаго. Эта ложная политика Селевкидовъ привела ихъ къ продолжительной кровавой борьбѣ съ правителями Греціи и Македоніи, ослабившей значительно силу ихъ государства. И во внутреннемъ управленіи Селевкиды также держались превратной политики, относясь почти съ презрѣніемъ къ туземному населенію, его обычаямъ и вѣрованіямъ, и стараясь навязать ему греческое образованіе, вѣру и нравы грековъ и не примѣняясь нисколько къ внѣшней обстановкѣ и мѣстнымъ условіямъ жизни. Селевкиды окружаютъ себя почти исключительно греками и македонянами; изъ нихъ составляется ядро войска, только изъ нихъ назначаются начальники войска. Резиденціею своею Селевкиды избираютъ вновь основанный ими городъ Антиохію, который по своей обширности, населенности, богатству и образованности въ продолженіе многихъ столѣтій былъ первымъ городомъ Азіи. Селевкиды основали также множество другихъ городовъ, которые старались населить привлекаемыми изъ Европы греками и македонянами, которые составляли во всѣхъ отношеніяхъ привилегированный классъ населенія въ царствѣ Селевкидовъ. Такою превратною политикою Селевкиды оттолкнули отъ себя туземное населеніе. Къ тому-же преемники Селевка Никатора были большею частію неспособные правители, утопавшіе въ нѣгѣ, роскоши и развратѣ и склонные къ деспотизму. Все это способствовало быстрому упадку государства Селевкидовъ. Только Антиохъ III или Великій снова возвысилъ было Сирію и возвратилъ ей нѣкоторое значеніе. Но стремленіе его къ покоренію Македоніи и Греціи и связь его съ Аннибаломъ привели его къ столкновенію съ Римомъ, которое было гибельно для Сиріи. Вскорѣ послѣ его смерти при Антиохѣ IV Эпифанѣ; Сирійское царство еще болѣе ослабѣло, и различныя составныя части его начали стремиться къ самостоятельности. Первые возстали противъ Селевкидовъ іудеи, подѣ предводительствомъ Маккавеевъ, возмущенные гоненіемъ Антиоха Эпифана на іудейскую религію и насильственнымъ навязываніемъ имъ греческаго язычества. Слѣдствіемъ этого возстанія было освобожденіе іудеевъ отъ сирійскаго владычества. Въ половинѣ III вѣка отложились отъ Сиріи паряне, покорившіе мало по малу всю страну отъ Евфрата до Инда. Мало по малу и другія области Сирійскаго государства, бывшія во время персидскаго владычества наслѣдственными сатрапіями (какъ Понтъ, Вионія и др.), стали совершенно независимыми государствами. Такъ на сѣверѣ Малой Азіи по берегу Чернаго моря образовалось царство Понтійское, на западномъ берегу Малой Азіи—Пергамское, на верхнемъ теченіи Евфрата—Армянское и другія.

Но почти всѣ эти государства, образовавшіяся изъ распавшейся монархіи Селевкидовъ, за исключеніемъ Парянскаго, были покорены одно за другимъ римлянами, которые къ концу I вѣка до Р. X. подчинили себѣ мало по малу почти весь древній міръ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРИЯ РИМА.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ДРЕВНЕЙ ИТАЛІИ.

Подобно Греціи, Италія представляетъ полуостровъ, далеко простирающійся на югъ. Съ сѣвера замыкается онъ высокой гранитной стѣной Альповъ, а съ остальныхъ сторонъ омывается волнами Тирренскаго, Ионическаго и Адриатическаго морей. По пространству и по протяженію съ С. на Ю. Италія значительно превосходитъ Грецію, въ развитіи-же береговъ уступаетъ ей. Болѣе другихъ развита береговая линія Тирренскаго моря, омывающаго Италію съ западной стороны, а это возбуждало жителей прилегающихъ къ нему странъ къ предприимчивости и дѣятельности. Бурное-же Адриатическое море, не имѣющее на восточномъ берегу Италіи ни одной удобной гавани, имѣло очень мало значенія для нея. Не достаетъ Италіи также обильнаго островами моря. Въ Тирренскомъ морѣ есть нѣсколько острововъ, способствующихъ мореплаванію, какъ Сицилія, Сардинія, Корсика, Эльба, Эгатскіе острова и нѣкоторые другіе; но Тирренское море не можетъ идти въ сравненіе съ усѣянными многочисленными островами Эгейскимъ моремъ. Поверхность Италіи не представляетъ такого поразительнаго разнообразія горъ и долинъ, такого развѣтвленія горныхъ группъ, какъ поверхность Греціи. Образующая какъ-бы остовъ Италійскаго полуострова цѣль Аппенинскихъ горъ, примыкая къ западной вѣтви Альповъ, идетъ по направленію къ юго-востоку. Достигнувъ Адриатическаго моря, Аппенинскій хребетъ заворачиваетъ на югъ, тянется по всей Италіи и, раздѣлившись на югъ на нѣсколько вѣтвей, образуетъ два узкихъ полуострова; наконецъ, перерѣзавъ Мессенскій проливъ, продолжается въ различныхъ направленіяхъ по острову Сициліи. Но, уступая Греціи въ разнообразіи устройства поверхности, Италія превосходитъ ее богатыми рѣчными равнинами и плодородными, или луговыми скатами горъ, благоприятными для земледѣлія и скотоводства. Въ сѣверной части Италіи между Альпами и Аппенинами простирается обширная равнина, орошаемая полноводною рѣкою По (Падусъ) съ его притоками (Тичино, Адда, Трѣбія) и рѣкою Эчъ (Атезисъ), изливающеюся въ Адриатическое море. Долина р. По отличается чрезвычайно теплымъ климатомъ и могучею растительностію.

На востокъ Италиі Аппенины круто спускаются къ Адриатическому морю и близко подходят къ нему; тутъ нѣтъ значительныхъ и удобныхъ для судоходства рѣкъ. На западномъ берегу, гдѣ Аппенины спускаются отлого, разстилается широкая область, перерѣзанная нѣсколькими побочными вѣтвями Аппениновъ и спадающими съ нихъ рѣками, изъ которыхъ особенно значительны Тибръ и Арно. Эта область представляетъ разнообразіе долинъ, холмовъ и болотистыхъ низменностей.

Большая часть Итальянскаго полуострова, именно середина его, раздѣляется хребтомъ Аппенинскихъ горъ на двѣ неравныя половины: восточную—узкую и чрезвычайно гористую, и западную—болѣе широкую, низменную и болотистую. Западная часть изобиловала папьями, восточная—пастбищами.

Въ отношеніи климата Италиа пользуется умѣренной температурой и здоровымъ воздухомъ на высокихъ горахъ и вообще въ долинахъ и равнинахъ. Только по западному берегу Италиі, вслѣдствіе недостаточнаго стока для рѣкъ, текущихъ съ Аппениновъ, образовались обширныя болотистыя пространства, заражающія воздухъ своими зловещными испареніями. Таковы Мареммы—болотистая мѣстность около устья Арно, далѣе на югъ Понтійскія и Минтурнскія болота.

Италиа, подобно Греціи, раздѣлялась въ древности на три части: сѣверную или верхнюю, среднюю и южную или нижнюю, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на нѣсколько различныхъ областей.

А. Верхняя Италиа, обнимающая долину р. По и простирающаяся отъ Альповъ до Рубикона, населена была преимущественно гальскими племенами и потому называлась у римлянъ Галлія Цизальпійская (т. е. предъальпійская) въ отличіе отъ Галліи Трансальпійской (заальпійской) или нынѣшней Франціи. Цизальпійская Галлія дѣлилась теченіемъ р. По на двѣ области: Галлію Транспадаанскую, лежащую за Падусомъ, и Циспадаанскую, лежащую по сю сторону, т. е. къ югу отъ Падуса. На сѣверномъ берегу По замѣчательнымъ гальскимъ племенемъ были инсубры, у которыхъ былъ городъ Медіоланумъ (Миланъ); на южномъ берегу р. По обитали бойи, у которыхъ были города Бононія (Болонья), Парма, Мутина (Модена), и другія племена. Южнѣе всѣхъ жило гальское племя сеноновъ, которые вели продолжительныя войны съ римлянами. По берегу Тирренскаго моря въ верхней Италиі находилась область Лигурія съ городомъ Генуа, а по сѣверному берегу Адриатическаго моря находилась область Венетовъ съ городами Аквилея и Патавіумъ и др.

В. Средняя Италиа дѣлилась на слѣдующія области: 1) Этрурія или Тусція, населенная этрусками и представлявшая до покоренія римлянами союзъ изъ 12-ти городовъ: Клузіумъ, Тарквиніи, Вей и др. Во время господства римлянъ важнѣйшими городами были здѣсь Пиза и Флоренція въ долинѣ рѣки Арно.

2) Къ югу отъ Этруріи простирается Лаціумъ, колыбель римскаго государства. Отъ Этруріи Лаціумъ отдѣляется р. Тибромъ, на обоихъ

берегахъ котораго поднимаются умѣренныя возвышенія. Мѣстность Лаціума представляетъ широкую значительно поднятую равнину. На подобіе острововъ поднимаются на поверхности ея частыя крутыя известковыя скалы, частію вулканическія возвышенія, погасшіе кратеры которыхъ сдѣлались озерами. Значительнѣйшая между ними есть Альбанская, представлявшая жителямъ Лаціума и самый здоровый климатъ, и самыя свѣжіе источники и безопасныя поселенія. Здѣсь находилась Альба-Лонга, метрополія всего Лаціума, всѣ города котораго (а ихъ было до 30) считались колоніями ея. На лѣвомъ берегу Тибра, не особенно далеко отъ устья, лежитъ городъ Римъ.

3) Къ югу отъ Лаціума простирается благословенная равнина Кампаніи, по справедливости называемая „садомъ Италіи“. Отъ Лаціума отдѣлялась она рѣкою Лирисомъ. Орошенная Вултурномъ и многими другими рѣками, Кампанія покрыта роскошными лугами и нивами и уже въ древности славилась своими виноградниками. Поверхность Этрурии, испытывавшая въ глубокой древности множество вулканическихъ переворотовъ, изобилуетъ вулканами, а Везувій еще до сихъ поръ продолжаетъ извергать изъ своихъ нѣдръ пламя и лаву. Изъ городовъ Кампаніи болѣе замѣчательны: Капуа, Неаполь (Партенопоя), Кумы и др.

По восточному берегу, по направленію съ сѣвера на югъ, находились также три области: 1) Умбрія съ городомъ Ариминумъ. 2) Пиценумъ съ важнымъ торговымъ городомъ Анкона. 3) Самніумъ, суровая лѣсистая горная страна, занимавшая самую высокую часть Аппениновъ и населенная различными сабельскими племенами.

С. Нижняя Италія, называемая также Великою Греціею, по множеству береговыхъ греческихъ колоній (Тарентъ, Сибарисъ, Кротонъ и другія), населена была племенами осскаго и сабельскаго происхожденія и множествомъ греческихъ переселенцевъ, подчинявшихъ себѣ туземное италійское населеніе. Нижняя Италія дѣлилась на три части: 1) Апулія съ Калабриею, которыя занимаютъ юго-восточную оконечность Италіи. 2) Луканія, между Тарентскимъ заливомъ и Тирренскимъ моремъ, прорѣзана скалистыми горами и изобилуетъ лѣсами и богатыми пастбищами. 3) Бруціумъ—самая южная область Италіи, съ такимъ-же характеромъ, какъ и Луканія. Но хотя Италія и раздѣлялась на множество областей, въ ней все-таки легче, чѣмъ въ Греціи, могло образоваться одно государство, такъ какъ области эти были не такъ замкнуты, какъ въ Греціи, и въ самомъ характерѣ италійскаго населенія не было того стремленія къ обособленію, какъ въ характерѣ эллиновъ.

Господство надъ всей Италіей мало по малу получили римляне, т. е. жители города Рима, принадлежащіе къ латинскому племени. Они подчинили себѣ сначала всѣ города Лаціума, потомъ всю среднюю и южную Италію и наконецъ уже верхнюю Италію.

Впоследствии-же въ составъ римскихъ владѣній вошли почти всѣ историческія земли древняго міра и Римъ сдѣлался столицею міра.

НАСЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИТАЛИИ.

О первомъ переселеніи народовъ въ Италію нѣтъ никакого извѣстія, ни даже преданія. Лишь путемъ сравнительнаго изученія языковъ тѣхъ племенъ, которыя населяли Италію въ началѣ Римской исторіи, дознано, что коренное туземное населеніе Италіи составляли, главнымъ образомъ, латины и умбро-сабеллы — двѣ главныя отрасли одного и того-же италійскаго племени, и этруски.

Италійцы и Греки. Что касается до происхожденія италійскаго племени, составлявшаго самую важную часть населенія всего полуострова, то сравнительное изученіе языковъ, вѣрованій и обычаевъ италійцевъ и грековъ не только доказываетъ близкое родство ихъ между собою, но не оставляетъ даже сомнѣнія въ томъ, что предки грековъ и италійцевъ первоначально составляли одно греко-италійское племя и что, только по истеченіи долгаго времени, италійцы отдѣлились отъ грековъ и въ свою очередь раздѣлились на двѣ отрасли — латиновъ и умбро-сабелловъ. Гдѣ и когда произошли эти раздѣленія, языкъ не можетъ дать вѣрныхъ указаній. Сравнительное изученіе языковъ италійцевъ и грековъ доказываетъ только, что еще до раздѣленія ихъ уже совершенъ былъ ими переходъ отъ пастушеской жизни къ земледѣлію. Устройство греческаго дома, какъ оно описано у Гомера, въ существенныхъ чертахъ своихъ осталось то-же и въ Италіи. Одежда древнихъ грековъ и италійцевъ въ сущности одинакова: туника вполне соотвѣтствуетъ греческому хитону, а тога есть лишь просторный иматіонъ. Главное оружіе того времени копье (lancea, λόγχη) также сходно у обоихъ народовъ, какъ наслѣдіе греко-италійской эпохи.

Но если такимъ образомъ, въ области матеріальной или внѣшней обстановки, жизнь грековъ и италійцевъ представляетъ первоначально, по своей основѣ, удивительное сходство, то въ области духовной, въ сферѣ религіи и искусства, обнаруживается между италійцами и эллинами, при внѣшнемъ сходствѣ, и глубокое внутреннее различіе.

Въ характерѣ эллиновъ и основаніи всей исторической ихъ жизни лежитъ свободное развитіе личности въ сферѣ семьи и государства; въ характерѣ италійцевъ, напротивъ, — ограниченіе личности и подчиненіе всѣхъ интересовъ государству. Въ характерѣ грековъ — художественное чутье и пониманіе; въ характерѣ италійцевъ — полное отсутствіе ихъ. Свойственное уму грековъ стремленіе къ идеальному и возвышенному и способность ихъ къ поэтическому творчеству рѣзко отличали ихъ отъ чисто практическихъ, по направленію своего ума, римлянъ, почти чуждыхъ поэзіи. Но особенно рѣзко выступаетъ внутреннее различіе въ складѣ ума грековъ и римлянъ въ сферѣ религіи. Главныя божества грековъ и римлянъ были, повидимому, совершенно тождественны и отличаются только по имени, какъ Зевсъ и Юпитеръ, Гера и Юнона, Афродита и Венера, Аресъ и Марсъ, Посейдонъ и Нептунъ. Богиня домашняго очага Веста пользовалась у римлянъ такимъ-же поклоненіемъ, какъ Гестія у грековъ. Вѣра въ жизнь

умершихъ подь образомъ тѣней была какъ у грековъ, такъ и у римлянъ такъ-же, какъ и вѣра въ проявленіе воли боговъ въ различныхъ знаменіяхъ. Но, при всей родственности римской религіи съ греческой, есть между ними и существенныя различія. Грекамъ всѣ ихъ боги являлись въ живыхъ, конкретныхъ, тѣлесныхъ образахъ, между тѣмъ какъ римляне представляли себѣ своихъ боговъ въ болѣе отвлеченной формѣ, лишенной полной индивидуальности. Во всей природѣ римлянъ чтили духовную общую сторону явленія, и потому онъ старался одухотворить всякое явленіе, всякій предметъ. Человѣку и дереву, государству и двору, границѣ и т. д. былъ приданъ особый духъ, происходящій одновременно съ предметомъ и съ нимъ погнбающій. Такимъ образомъ явилось у римлянъ представленіе о духѣ или богѣ границъ—Терминѣ, о домашнихъ богахъ, покровителяхъ домовъ — пенатахъ. Точно также одухотворилось и каждое дѣйствіе; такъ, въ молитвѣ за земледѣльца призывался духъ паханія, сѣянія, бороненія и т. п. По понятіямъ римлянъ, высшія божества ихъ—Юпитеръ, Юнона, Минерва и др. не вступали въ бракъ и не рождали дѣтей, какъ боги грековъ, не страствовали незримые между смертными и не нуждались въ нектарѣ. Не нуждались они также ни въ изображеніи, ни въ храмахъ, ибо явленіе боговъ есть земной міръ и здѣсь-же ихъ пребываніе. Лишь подь вліяніемъ греческимъ уже рано вошли въ обычай и въ Италіи какъ изображеніе боговъ, такъ и связанное съ ними построеніе храмовъ. Греческое-же поклоненіе героямъ было совершенно чуждо римлянамъ.

Латины и умбро-сабеллы. Точно такъ-же, какъ при общемъ происхожденіи и родствѣ грековъ и италійцевъ, каждый изъ этихъ народовъ развилъ, подь вліяніемъ особенныхъ историческихъ условій жизни, свои національныя особенности, такъ и различныя италійскія племена, при своемъ близкомъ родствѣ и общихъ національныхъ чертахъ, развили съ теченіемъ времени, подь вліяніемъ новыхъ условій жизни въ различныхъ частяхъ Италіи, свои племенные особенности въ отношеніи языка, быта и вѣрованій. Такимъ образомъ, латины и умбро-сабеллы, при нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ сходства, представляютъ нѣкоторыя рѣзкія, характеристическія особенности, которыя только впоследствии, чрезъ сближеніе и взаимодѣйствіе различныхъ племенъ, ступшевались и слились въ общенациональныхъ чертахъ римской народности.

Новѣйшее изслѣдованіе языка латиновъ и различныхъ племенъ умбро-сабельскихъ (умбры, сабины, самниты, вольски и др.) представило несомнѣнныя доказательства, что всѣ они говорили на различныхъ діалектахъ одного и того же языка, которые находятся между собою въ такомъ-же отношеніи, какъ различные діалекты языка греческаго. Религіозное поклоненіе умбро-сабелловъ основывается на одинаковыхъ воззрѣніяхъ съ латинскимъ, лишь видоизмѣненными мѣстными условіями. Главнымъ божествомъ у всѣхъ италійскихъ племенъ былъ Ювись или Юпитеръ. Сильно развитое поклоненіе богинѣ Вестѣ (гр. Ἑστία), богинѣ домашняго очага и покровительницѣ сѣмейной жизни, такъ-же какъ и богамъ покровителямъ земледѣлія (Сатурнъ, Опсъ и др.) было обще обоимъ племенамъ. Но были нѣкоторыя божества, принадлежавшія первоначально лишь тому или другому племени, какъ Янусъ, богъ солнца у латиновъ, или Марсъ, богъ войны, первоначально лишь божество сабиновъ. Наблюденіе полета

птицъ есть общій обоимъ племенамъ способъ узнавать волю боговъ. Но въ отношеніи общаго характера жизни и государственнаго устройства между этими племенами представляются и существенныя различія, обусловливаемые отчасти характеромъ мѣстности занятыхъ ими областей. Латины пришли въ Италію раньше умбро-сабелловъ и потому заняли плодородную равнину въ западной части Италіи, именно въ Лаціумѣ, а одно время занимали и Кампанію. Умбро-сабеллы-же, какъ позже пришедшіе въ Италію, должны были удовольствоваться горными областями Аппениновъ и лишь позднѣе сошли съ горъ и вдвинулись отчасти между латинскими племенами. Латины, занимая плодородную равнину, были народъ по преимуществу земледѣльческій, но, кромѣ того, они уже рано начали заниматься также промышленностію и торговлею, что обусловливалось и самымъ характеромъ Лаціума: Тибръ есть естественный торговый путь Лаціума; его устье на берегу, бѣдномъ гаванями, есть пристанище для мореплавателей; сабельскія-же племена, занимаясь земледѣліемъ и особенно скотоводствомъ, были чужды промышленной дѣятельности.

Латины, окруженные враждебными имъ пограничными племенами эквовъ, сабиновъ, герниковъ, вольсковъ и рутуловъ, постоянно должны были быть насторожѣнны отъ враждебныхъ набѣговъ, и потому ихъ древнѣйшія поселенія, имѣвшія первоначально характеръ родовыхъ общинъ, побуждаемы были общею опасностію къ сближенію между собою и образованію прочныхъ союзовъ. Это-же стремленіе къ безопасности побуждало союзниковъ искать защиты отъ нашествія враговъ въ укрѣпленныхъ городахъ. Въ этихъ мѣстахъ находились обыкновенно и священныя мѣста поселянъ извѣстнаго округа, сюда сходились для общихъ празднествъ и совѣщаній. Такимъ образомъ, соединеніе многихъ сосѣднихъ слободъ съ цѣлію общей безопасности послужило первымъ зародышемъ городскихъ союзовъ. Такихъ городскихъ союзовъ было сначала въ Лаціумѣ много, пока они не соединились всѣ въ одинъ латинскій союзъ подъ гегемонію Альба-Лонги. Каждый изъ городовъ, входившихъ въ составъ этого латинскаго союза, былъ совершенно самостоятеленъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и имѣлъ свой сенатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ тридцать городовъ составляли одну крѣпкую федерацію съ общимъ главнымъ сеймомъ, и всѣ члены союза были связаны между собою общими политическими и религіозными учрежденіями. Это-то стремленіе къ политическому единству и крѣпкой общественной организаціи и составляетъ характерную особенность латиновъ. Умбро-сабельскія племена (родоначальниками которыхъ были сабины и потому называемыя часто сабинами), живя въ горной области, отличались слабостію федеративныхъ связей и недостаткомъ крѣпкой внутренней организаціи. Городская жизнь почти вовсе не развилась у нихъ, такъ какъ защиту отъ враговъ они находили въ самыхъ горахъ и въ мелкихъ укрѣпленіяхъ, а для торговыхъ сношеній они жили слишкомъ далеко отъ моря. У сабельскихъ племенъ было въ обычаѣ жить въ открытыхъ неукрѣпленныхъ селеніяхъ.

Только самниты, составлявшие главное из сабельских племенъ, были еще сдѣлены между собою тѣсною политическою связью, и это-то дало имъ позднѣе силу бороться съ Римомъ за первенство въ Итали; но, уступая римлянамъ въ крѣпости политической организаціи, они должны были подчиниться имъ. Противоположность латиновъ и сабелловъ отразилась также въ ихъ діаметрально противоположной системѣ колонизаціи. Римляне, распространяя свое владычество въ Итали, постоянно содержали свои колоніи въ строгой зависимости отъ метрополіи. Сабеллы-же, по слабости федеральныхъ связей, предоставляли полную свободу своимъ выходцамъ, не заботясь нисколько о томъ, чтобы удержать ихъ хотя въ нѣкоторой зависимости отъ ихъ первоначальной родины. Поэтому-то сабельскіе народы, переселившіеся въ другія области Итали изъ своихъ первоначальныхъ поселеній, какъ кампанцы, луканы и др., такъ скоро отчуждались отъ своего кореннаго племени и, забывъ свое происхожденіе, нерѣдко даже враждовали противъ своихъ родичей. Между тѣмъ, у сабелловъ существовалъ одинъ древній священный обычай, который много способствовалъ тому, что племя это постоянно расширяло свои предѣлы новыми пріобрѣтеніями. Когда слѣдовало опасаться излишка населенія и недостатка пастбищъ, то назначалось празднованіе такъ-называемой «священной весны», состоявшее въ торжественномъ обѣтѣ принести чрезъ 20 лѣтъ въ жертву или выпустить на волю весь родившійся въ этотъ годъ скотъ и выслать на поселеніе въ отдаленныя земли всѣхъ молодыхъ людей, которые достигнутъ къ тому времени 20-ти лѣтняго возраста.

Сабинны, смѣшавшись мало по малу съ латинами, имѣли огромное вліяніе на развитіе характера римской національности. Твердое нравственное и религиозное чувство, строгость домашнихъ нравовъ и вообще всѣ основныя черты патриархальнаго устройства сохранились въ большей чистотѣ и свѣжести у суроваго горнаго сабинскаго племени, чѣмъ у латиновъ, народа болѣе подвижнаго и развитаго, котораго гораздо болѣе коснулась цивилизація вслѣдствіе раннихъ сношеній съ другими болѣе образованными народами, эллинами, этрусками и карфагенянами.

Этруски. Племенное происхожденіе этрусковъ или тусковъ, а также мѣсто, откуда они пришли въ Италию, извѣстно лишь по догадкамъ. Полагаютъ, что они принадлежатъ къ индоевропейскому племени и пришли въ Италию съ сѣвера или запада. Исторія застаётъ ихъ уже въ сѣверной Итали, гдѣ они сначала жили лишь на С. отъ р. По. Оттуда они двинулись далѣе на югъ и утвердились, наконецъ, въ области, названной по ихъ имени Этруріей, между Арно и Тибромъ. Этруски находились въ рѣзкой противоположности какъ съ латинскими и сабинскими племенами, такъ и съ греками. Уже по самому строенію тѣла, малорослые этруски съ большою головою и толстыми руками рѣзко отличались отъ рослыхъ и стройныхъ грековъ и италійцевъ. Подтверженіемъ глубокаго и первоначальнаго различія этрусковъ отъ греко-италійцевъ служитъ также и этрусскій языкъ, который хотя, по всей вѣроятности, и принадлежитъ къ индо-европейскимъ нарѣчіямъ, рѣзко, однакожь, отличается по своей грубости, твердости и неблагозвучности отъ всѣхъ греко-италійскихъ нарѣчій, мягкихъ и благозвучныхъ. Языкъ этрусковъ римляне называли также варварскимъ, какъ непонятный для нихъ. Не менѣе рѣзко отличались этруски отъ греко-италійцевъ по своимъ нравамъ и обычаямъ, особенно по религіи, которая носитъ мрачный, таинственный характеръ.

Между богами этрусковъ рѣзко выдаются злыя и злорадныя боже-ства. Самый культъ ихъ былъ дикъ и страшенъ и допускалъ принесеніе въ жертву плѣнныхъ. Представленія о загробной жизни отличались также мрачнымъ характеромъ. По представленію этрусковъ, души умершихъ каз-нятся въ преисподней ударами и змѣями, между тѣмъ какъ латины представляли себѣ загробное царство помѣщающимся въ глубинѣ земли спокойнымъ міромъ добрыхъ отшедшихъ духовъ. Особенно важное мѣсто занимало въ религіи этрусковъ объясненіе знаменій и чудесъ. Въ мол-ніяхъ и во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ этрусскіе жрецы читали будущность человѣка до мельчайшихъ подробностей.

Политическое устройство этрусковъ представляетъ нѣкоторое сход-ство съ латинскимъ, представляя союзъ 12-ти городскихъ общинъ. Ранняя наклонность этрусковъ къ мореплаванію, торговлѣ и промышленности должна была способствовать развитію городского общиннаго быта. Во главѣ каждаго города стоялъ царь или лукумонъ, но союзное устройство не отличалось такою крѣпостію, какъ у латиновъ. Хотя городскія об-щины въ Этруріи и признавали одну метрополию (именно городъ Воль-синій) и одного верховнаго главу союза, въ лицѣ верховнаго жреца или лукумона, но все-таки центральная власть была слишкомъ слаба, такъ что даже во время общей союзной войны не было обязательно для каждой этрусской общины дѣйствовать сообща съ другими городами противъ общаго врага. Этимъ недостаткомъ политической организаціи такъ-же, какъ и рѣзкой противоположностію между господствующимъ классомъ этрусковъ и находившимся въ угнетенномъ положеніи низшимъ классомъ населенія, объясняется легкое покореніе Этруріи римлянами.

Что касается до переселенія этрусскихъ общинъ въ Римъ, то сохра-нилось извѣстіе, что еще въ первое время политическаго существованія Рима одна этруская дружина пришла въ Римъ, гдѣ и поселилась на Це-лійскомъ холмѣ. На подобное-же переселеніе указываетъ существованіе въ Римѣ Тусской слободы (Vicus Tuscus) у Палатинскаго холма. Извѣстно также достовѣрно, что родъ послѣдняго изъ римскихъ царей происхо-дилъ изъ Этруріи. Однако-же этруски никогда не составляли существен-наго элемента римскаго народа.

Въ отношеніи развитія торговли, промышленности и особенно искус-ства, какъ и вообще образованности, этруски значительно опередили латиновъ. Ихъ торговый флотъ соперничалъ съ карфагенскимъ. Металли-ческія издѣлія ихъ литейныхъ заводовъ славились въ древности. Жрецы этрусскіе имѣли свѣдѣнія изъ астрономіи и медицины. Остатки, сохра-нившіеся отъ этрусскихъ памятниковъ искусства, свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ въ зодчествѣ и отчасти въ живописи. Таковы уцѣлѣвшія от-части колоссальныя стѣны Волатерръ и другихъ городовъ, развалины колоссальныхъ храмовъ, слѣды огромныхъ плотинъ, каналовъ, дорогъ, и такъ называемыя этрусскія вазы, т. е. украшенные живописью глиняные сосуды и урны.

Вслѣдствіе своего превосходства надъ италійцами въ отношеніи образованности и особенно техническихъ знаній, ремесль и искусствъ, этруски имѣли извѣстное вліяніе на Римъ. Но это вліяніе ограничивалось лишь сферою искусства и нѣкоторыхъ особенностей во внѣшней обстановкѣ римской жизни. Существеннаго-же вліянія на жизнь Рима и особенно на характеръ римской національности этруски никогда не имѣли.

Языкъ, государство и религія римлянъ свидѣтельствуютъ о само-бытномъ національномъ развитіи римскаго народа.

ПЕРІОДЪ ЦАРЕЙ (753—510 г. до Р. Х.).

Основаніе Рима. Не далеко отъ устья Тибра, на лѣвомъ берегу его, лежитъ семихолмный Римъ. Первоначальная исторія этого города баснословна и представляетъ слѣдующее народное поэтическое преданіе. Царь города Альба-Лонги Нумиторъ, потомокъ троянскаго героя Энея, былъ свергнутъ съ престола братомъ своимъ Амуліемъ, а дочь его Рея Сильвія посвящена въ число дѣвственныхъ жриць богини Весты. Но когда она родила двухъ близнецовъ, Ромула и Рема, отцомъ которыхъ преданіе называетъ бога войны Марса, то жестокій дядя предаль ее казни, а дѣтей приказаль бросить въ рѣку Тибръ. Но дѣти были выброшены рѣкою на берегъ и вскормлены волчицей. Затѣмъ нашелъ ихъ царскій пастухъ и приютилъ ихъ у себя. Съ дѣтства оба брата отличались силою и смѣlostью въ борьбѣ съ дикими звѣрями. Узнавъ случайно о своемъ происхожденіи, Ромулъ и Ремъ рѣшились отомстить Амулію за своего дѣда и свою мать. Собравъ толпу бездомныхъ скитальцевъ, они убили его и возвели снова на престолъ своего дѣда Нумитора. Въ благодарность за это получили они отъ него позволеніе основать поселеніе на томъ мѣстѣ (холмѣ Палатинскомъ), куда они были выброшены Тибромъ. При самомъ основаніи братья заспорили о томъ, чьимъ именемъ назвать городъ. Ромулъ убилъ Рема и назвалъ городъ по своему имени Roma. Основаніе города относятъ обыкновенно къ 753 году до Р. Х., и отъ него вели римляне свое лѣтосчисленіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ мнѣическомъ сказаніи объ основаніи вѣчнаго города Ромуломъ и Ремомъ нѣтъ никакой исторической достовѣрности. Цѣлью этого сказанія было, очевидно, представить въ образѣ связь Рима съ Альба-Лонгой, какъ съ общей метрополіей Лаціума. Однакожь, само преданіе, кромѣ двухъ братьевъ, не упоминаетъ о другихъ выходцахъ изъ Альба-Лонги, ни тѣмъ болѣе объ участіи альбанской общины въ основаніи города. Уже самый выборъ мѣста для основанія Рима сильно говоритъ противъ мысли о колоніи, такъ какъ прежде, чѣмъ произведена была осушка болотъ, римская мѣстность была неудобна для постоянного жительства и крайне нездорова.

Преданіе объ основаніи Рима носитъ всѣ типичныя признаки мнѣического сказанія: и вмѣшательство боговъ, и прямое участіе животныхъ въ дѣйствіи. Исто-

рической и филологической критикой доказано теперь, что не Ромуль далъ свое имя Риму, а, наоборотъ, имя основателя произошло отъ названія города.

Несомнѣнно также, что основаніе Рима не можетъ быть отнесено къ извѣстному году и что эра, начинающаяся основаніемъ города, есть произвольная. Постепенное возникновеніе города Рима объясняется естественно его географическимъ положеніемъ, важнымъ въ отношеніи торговомъ и стратегическомъ, положеніемъ на судоходной рѣкѣ, вблизи моря, на семи холмахъ, на границѣ съ Этруріей. Никакое мѣсто не представляло такихъ удобствъ для пограничнаго укрѣпленія и для складочнаго рынка морской и рѣчной торговли Лаціума (особенно при тогдашнемъ состояніи судоходства), какъ то мѣсто, гдѣ основанъ былъ Римъ. Оно представляло лучшую защиту отъ морскихъ разбойниковъ, нежели мѣста, лежащія непосредственно у берега моря; оно соединяло выгоды континентальнаго положенія съ непосредственнымъ сосѣдствомъ рѣки. Не случайно было то, что Римъ прежде другихъ италійскихъ государствъ сталъ чеканить свои деньги и что уже въ очень отдаленное время заключалъ онъ торговые договоры съ кареагенянами и греками. Вопреки преданію, которое связываетъ заложеніе первой стѣны въ Римѣ съ происхожденіемъ римской общины, необходимо признать, что община эта существовала уже прежде, чѣмъ возникли стѣны на Капитолии и Палатинѣ, и что римскіе поселенцы имѣли на этихъ холмахъ свои святилища и мѣсто убѣжища задолго прежде, чѣмъ судоходство и защита границъ сдѣлали Римъ важнымъ пунктомъ для Лаціума. Какъ древни были населенія римскія, доказываетъ и то, что уже въ древнѣйшее время римское гражданство само представляло союзъ трехъ одноплеменныхъ и равноправныхъ общинъ: *Rampes Titii* и *Luceres*. Изъ нихъ Тиціи были, несомнѣнно, сабинскаго происхожденія, а Рамны и Лудеры латинскаго. Хотя и неизвѣстно, когда и какимъ образомъ эти три общины соединились между собою, но уже самый фактъ достиженія этого единства представляетъ, безъ сомнѣнія, результатъ продолжительнаго и постепеннаго сближенія.

Римъ при первыхъ царяхъ. По преданію, первымъ царемъ Рима былъ мифическій основатель этого города Ромуль, дружина котораго составила первоначальное населеніе Рима; но для увеличенія населенія города Ромуль предоставилъ селиться въ немъ всѣмъ чужестранцамъ и бѣглецамъ; римлянамъ не доставало, однакожъ, женъ, такъ какъ сосѣдніе народы считали стыдомъ вступать въ родственные союзы съ ними. Тогда Ромуль, для привлеченія сосѣдей, придумалъ торжественный праздникъ съ военными играми, на который приглашены были сосѣди изъ ближнихъ и дальнихъ городовъ. Во время игръ, по данному царемъ знаку, толпа римскихъ юношей съ мечами и копьями въ рукахъ бросилась на гостей и захватила дѣвицъ, а безоружные гости обратились въ бѣгство. Больше всего было на праздникѣ сабинянокъ, и потому событіе это извѣстно подъ именемъ похищенія сабинянокъ. Оскорбленные сабиняне пошли на Римъ войною подъ предводительствомъ своего царя Тита Тація. Но война эта скоро прекратилась посредничествомъ похищенныхъ сабинянокъ. По условіямъ мирнаго договора, римляне и сабиняне рѣшились слиться въ одинъ народъ и образовать одно государство подъ соединеннымъ правительствомъ Тита Тація и Ромула. По смерти-же ихъ, цари должны были избираться попеременно изъ латинянокъ и сабинянокъ сенатомъ, составленнымъ изъ старѣйшихъ родоначальниковъ того

и другаго племени. Ромулу, который по смерти Тація одинъ управлялъ государствомъ, преданіе приписываетъ всю первоначальную государственную и военную организацію Рима, а также счастливые успѣхи въ войнахъ съ сосѣдними народами. Поэтическое преданіе о Ромулѣ оканчивается чудеснымъ переселеніемъ его на небо, послѣ чего онъ былъ причисленъ къ лику боговъ подъ именемъ Квирина (Quirinus). Народъ римскій сталъ послѣ этого называться *populus romanus et Quirites*, а позже *populus romanus Quiritium*.

По смерти Ромула избранъ былъ сенатомъ въ цари сабинецъ Нума Помпилій, зять царя Тація. Въ противоположность Ромулу, какъ царю воинственному, преданіе изображаетъ Нуму крайне миролюбивымъ государемъ. Онъ старался смягчить суровые нравы римлянъ и приучить ихъ къ мирнымъ занятіямъ, главнымъ образомъ, къ земледѣлію и промышленности. По преданію, Нума роздалъ бѣднѣйшимъ гражданамъ земли, добытыя завоеваніями Ромула, и учредилъ древнѣйшіе ремесленные цехи. Ему-же приписывается установленіе религіозныхъ учреждений и обрядовъ, какъ напр., учрежденіе различныхъ жреческихъ коллегій. Таковы были: коллегія понтифесовъ для общаго надзора за богослуженіемъ и жертвоприношеніями (*pontifices*), коллегія авгуровъ или птицегадателей и др. Для служенія каждому изъ трехъ первостепенныхъ божествъ, т. е. Юпитеру, Марсу, и Квирину, Нума установилъ особенныхъ фламинновъ (жрецовъ возжигателей) и ввелъ поклоненіе богинѣ домашняго очага, Вестѣ, учредивши для служенія ей коллегію весталокъ, которыя давали клятвенный обѣтъ цѣломудрія и должны были поддерживать въ храмѣ неугасаемый жертвенный огонь. Во все время правленія Нумы Помпилія въ римскомъ государствѣ господствовалъ внутренній и внѣшній миръ. Врата храма Януса, бога солнца и времени, охранителя мира, постоянно открывавшіяся въ военное время, не открывались ни разу при Нумѣ Помпиліи. По преданію, Нума Помпилій ввелъ всѣ религіозныя учрежденія, по непосредственному внушенію нимфы Эгеріи, что указываетъ на его миѳическій характеръ. Какъ въ царствованіи Ромула преданіе олицетворило первоначальныя государственныя учрежденія Рима, такъ въ царствованіи Нумы Помпилія—религіозныя.

При слѣдующихъ за Нумою Помпиліемъ царяхъ, Туллѣ Гостиліи, Анкѣ Марціи и Тарквиніи Прискѣ, Римъ получилъ мало по малу значеніе важнаго, торговаго и военнаго пункта и, присоединивъ къ себѣ уже силою оружія многіе ближайшіе города, началъ оспаривать первенство въ Лациумѣ у Альба-Лонги. По преданію, война между Римомъ и Альба-Лонгой была рѣшена единоборствомъ трехъ братьевъ Гораціевъ со стороны Рима и трехъ Куриціевъ со стороны Альба-Лонги. Побѣда осталась за Римомъ. Тогда Альба-Лонга была разрушена римлянами, а жители ея большею частію переведены въ Римъ. Послѣ паденія Альбы всѣ латинскіе города мало по малу должны были признать первенство Рима. Покореніе Альба-Лонги приписывается Туллу Гостилію, а окон-

чательное подчинение латинскихъ городовъ—Анеу Марцію и Тарквинію Приску.

Форма римской гегемоніи въ Лациумѣ была вообще форма равнаго союза между римскою общиною съ одной—и латинскимъ союзомъ съ другой стороны, вслѣдствіе чего утверждался вѣчный миръ и вѣчный союзъ оборонительный и наступательный. Во внутреннемъ своемъ управленіи отдѣльныя общины остались самостоятельными. Союзная армія составлялась изъ римскихъ и латинскихъ войскъ. Приобрѣтеныя въ общей войнѣ земли и добычи дѣлились поровну между Римомъ и остальнымъ Лациумомъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ внутреннихъ отношеніяхъ сохранялось строгое равенство правъ и обязанностей между Римомъ и союзными городами. Но во внѣшнихъ отношеніяхъ представительство принадлежало одному Риму. Всѣ договоры съ иностранными державами заключались отъ имени союза однимъ Римомъ.

Туллѣ Гостилію преданіе изображаетъ только воинственнымъ царемъ; преемникъ-же его, Анкъ Марцій, какъ сабинянинъ по происхожденію, является не только завоевателемъ, но, подобно Нумѣ, внукомъ котораго онъ былъ, поощрителемъ мирныхъ занятій, земледѣлія и промышленности, и возстановителемъ религіозныхъ обрядовъ и церемоній, остававшихся въ небреженіи при Туллѣ Гостиліи. Наиболее важнымъ дѣломъ его было построение гавани Остіи у устья Тибра, имѣвшей такое важное значеніе для торговли Рима.

Изъ дѣятельнаго торговаго города Римъ сдѣлался мало по малу могущественною столицей цвѣтущей области, центромъ многочисленныхъ союзныхъ городовъ. Основанный на холмѣ Палатинскомъ, онъ распространился мало по малу и по шести другимъ сосѣднимъ холмамъ (Капитолійскому, Авентинскому, Квиринальскому, Целійскому, Виминальскому и Эсквилинскому*). При такомъ положеніи, естественно, началъ измѣняться и внѣшній видъ Рима, который сталъ украшаться замѣчательными памятниками. Украшеніе Рима различными сооруженіями принадлежитъ Тарквинію Приску, который, по преданію, былъ этрусскаго происхожденія и, благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, былъ избранъ римскимъ народомъ въ цари. Онъ положилъ начало сооруженію знаменитаго Капитолійскаго кремля и величественнаго храма Капитолія, посвященнаго капитолійскимъ божествамъ: Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ. Въ долинѣ между холмами Палатиномъ и Авентиномъ устроилъ онъ огромный циркъ („Circus maximus“), предназначенный для совершенія въ честь капитолійскихъ божествъ состязаній на колесницахъ и въ скачкахъ и въ другихъ гимнастическихъ играхъ цирка (ludi circenses). Кромѣ того, Тарквиній Прискъ положилъ начало осушенію болотистой долины между Капитоліемъ и Палатиномъ и другими холмами посредствомъ огромныхъ подземныхъ каналовъ или клоакъ (Cloaca maxima) изъ плит-

*) Включеніе въ предѣлы Рима Эсквилинскаго и Виминальскаго холмовъ было уже дѣломъ предпоследняго римскаго царя Сервія Туллія, при которомъ Римъ сталъ, дѣйствительно, „семихолмнымъ“.

ника, существующих и до настоящего времени. Такимъ образомъ стало возможно взять осушенныя долины подъ площади для общественныхъ потребностей. Мѣсто народнаго собранія, находившееся прежде на Капитолійскомъ холмѣ, перенесено было теперь на равнину между Палатиномъ и Капитоліемъ, именно на городскую площадь, гдѣ по обѣимъ сторонамъ новаго римскаго рынка (forum Romanum) построены были лавки. Тарквиній Прискъ началъ также построение вокругъ Рима новой каменной стѣны; но онъ долженъ былъ оставить дѣло неоконченнымъ какъ вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ, такъ и вслѣдствіе громадности начатаго сооруженія. Оно было окончено уже при преемникѣ Тарквинія Приска Сервіи Тулліи, который еще болѣе способствовалъ огражденію Рима возведеніемъ огромнаго вала и прорытіемъ глубокаго и широкаго рва вдоль восточной части г. Рима, наиболѣе доступной для нападений.

Тарквиній Прискъ первый принялъ внѣшніе знаки верховной власти: сѣдалище изъ слоновой кости (sella curulis), 12 ликторовъ съ пучками прутьевъ (fasces) и др.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РИМА ВЪ ПЕРІОДЪ ЦАРЕЙ.

Семейныя и родовыя отношенія. Семейная жизнь древняго Рима въ царскій періодъ характеризуется совершенной патріархальностію отношеній родоваго быта и безграничнымъ авторитетомъ отцовской власти. Семейство управляется всемогущею волею отца. Ему принадлежитъ безграничное право надъ жизнію и имуществомъ всѣхъ членовъ семьи. Власть отца и домохозяина, какъ представителя кровнаго и религіознаго единства дома и заступника всѣхъ его членовъ, остается нерушимою до самой его смерти. Эта власть не прекращается даже съ потерюю умственныхъ способностей отца. Отецъ имѣетъ право и обязанность судьи надъ всѣми членами семьи и, смотря по винѣ, можетъ лишить ихъ свободы и жизни. Онъ можетъ даже продать своего сына въ полную собственность третьему лицу, какъ раба, если покупатель чужестранецъ (такъ какъ римляне не могли быть настоящими рабами другъ друга).

Если отцовская власть встрѣчала какое-либо ограниченіе, то не со стороны государства, которое вовсе не вмѣшивалось въ сферу семейныхъ отношеній, а со стороны религіи, служившей первоначально главною связью всѣхъ членовъ семьи и рода: отца, слишкомъ злоупотреблявшаго своими правами, постигало религіозное проклятіе. Единство семейства было такъ сильно, что не разрушалось и со смертію отца. По смерти отца, сыновья его, наследуя его права, дѣлаются самостоятельными до-

мохозяевами, къ нимъ-же переходитъ власть или опека (*tutela*) надъ матерью и незамужними сестрами, которыя, какъ женщины, не могли, по древнему римскому воззрѣнью, имѣть власти ни надъ другими, ни надъ собою. Такимъ образомъ продолжала поддерживаться связь между всѣми самостоятельными членами семьи и ихъ ближайшими родственниками, составлявшими одну семью или фамилію; но, съ теченіемъ времени, съ дальнѣйшимъ развѣтвленіемъ семьи, первоначальная связь все болѣе слабѣла. Мало по малу семья разрасталась въ родъ, члены котораго были связаны происхожденіемъ отъ общаго родоначальника. Роды имѣли каждый своихъ особенныхъ родовыхъ боговъ и героевъ, въ честь которыхъ совершались обряды и жертвоприношенія въ особыхъ родовыхъ храмахъ.

Но, кромѣ близкихъ и дальнихъ родственниковъ, въ составъ рода, въ обширномъ смыслѣ слова, входило также извѣстное число чуждыхъ ему по своему происхожденію людей, такъ называемыхъ кліентовъ. Это были отпущенные на волю рабы и иностранцы, преимущественно переселенцы изъ различныхъ городовъ Лаціума, которые приписывались къ тому или другому роду коренныхъ римскихъ гражданъ и жили въ домѣ своихъ патроновъ или покровителей въ качествѣ людей подзащитныхъ, такъ какъ безопасностію въ Римѣ и защитою суда могли пользоваться только лица, принадлежавшія въ дѣйствительности или формально къ тому или другому роду. Всѣ, принадлежавшіе къ одному роду, носили общее, родовое имя (*Fabius, Claudius* и др.); это родовое имя распространялось и на кліентовъ. Отношенія кліентовъ къ патронамъ опредѣлялись обычаемъ, въ силу котораго хозяинъ дома обыкновенно защищалъ личность и интересы своихъ кліентовъ, а они почитали его, какъ отца, и добровольно ему повиновались; поэтому хозяинъ дома и назывался почетнымъ отцомъ или патрономъ (*patronus* отъ слова *pater*), а они послушными, кліентами (*clientes* отъ *cluere*—повиноваться). Какъ обязанностію патрона было выручить своего кліента изъ всякаго затруднительнаго положенія, такъ и кліенты обязаны были поддерживать своего патрона въ денежномъ отношеніи въ тѣхъ случаяхъ, когда честь или нужда требовали отъ него чрезвычайныхъ издержекъ; если-же кліентъ умиралъ безъ прямыхъ наслѣдниковъ, то все его имущество доставалось патрону, который послѣ родныхъ былъ къ кліенту ближе всѣхъ.

Государственное устройство.—Власть царя. Форма государственнаго устройства совершенно соответствовала формѣ семейныхъ отношеній. Какъ во главѣ семьи стоитъ отецъ, такъ во главѣ государства стоитъ царь съ пожизненною властію. Царь (*rex*) назначался своимъ предшественникомъ, а если послѣдній не оставлялъ себѣ преемника, то по назначенію междуцаря (*interrex*), избраннаго старѣйшинами на пять дней.

Власть царя получала законную силу только послѣ формальнаго утвержденія его собраніемъ свободныхъ коренныхъ гражданъ Рима, спо-

собныхъ носить оружіе. Съ этой поры царь имѣлъ въ общинѣ полную власть, подобно тому, какъ отецъ въ семьѣ. Какъ отецъ семейства есть представитель его въ отношеніи религіозномъ, такъ и царь сносится съ богами отъ лица общины, вопрошаетъ и умоливаетъ ихъ. Его власть (*imperium*) всемогуща въ мирѣ и на войнѣ, что выражается символически въ предшествующихъ ему при должностныхъ выходахъ 24-хъ ликторахъ съ сѣкирами и пучками прутьевъ. Царь собираетъ народъ на войну и большею частію самъ предводительствуетъ войскомъ. Договоры, заключаемые имъ отъ имени римской общины съ чужими народами, обязательны для всего народа. Какъ отецъ и домохозяинъ въ дому одинъ имѣетъ всю власть, такъ и царь въ государствѣ есть единственное имѣющее власть лицо, и всякій, облеченный властію въ государствѣ, получаетъ ее только отъ царя и на столько времени, на сколько хочетъ послѣдній. Такъ, назначались царемъ слѣдователи объ убійствахъ (*quaestores publici*), начальники отрядовъ пѣхоты и конницы и др. Законное ограниченіе царской власти заключалось въ томъ, что онъ имѣлъ право только исполнять законъ, а не измѣнять его, такъ что повелѣніе царя, противное обычаю и не утвержденное верховною властію народа, не имѣло никакой законной силы. Царская власть (какъ говоритъ Саллюстій) была неограниченная и въ то-же время она была связана законами (*imperium legitimum*).

Сенатъ. Неограниченная власть царя была, однако-же, стѣснена тѣмъ, что самыхъ важныхъ дѣлъ, кромѣ военныхъ и судебныхъ, онъ не могъ рѣшать безъ совѣта старѣйшинъ или сената (*senatus*), такъ-же какъ и отецъ семейства, при всей неограниченности своей власти, въ случаяхъ какого нибудь важнаго рѣшенія, долженъ былъ выслушать мнѣніе семейнаго совѣта изъ ближайшихъ родственниковъ. Сенатъ не былъ простымъ собраніемъ довѣренныхъ лицъ царя, но постояннымъ политическимъ учрежденіемъ, состоявшимъ первоначально изъ пожизненныхъ старѣйшихъ представителей (*patres*) отъ каждаго изъ составлявшихъ государство патриціанскихъ родовъ. Вслѣдствіе этого число сенаторскихъ мѣстъ было постоянное и соответствовало числу родовъ, такъ что присоединеніе къ Риму новыхъ общинъ, также состоявшихъ изъ родовъ, необходимо соединено было съ умноженіемъ сенаторскихъ мѣстъ. Но мало по малу, по мѣрѣ слитія всѣхъ народовъ въ единую римскую общину, выборъ сенаторовъ перешелъ фактически въ свободное распоряженіе царя. Эти вновь назначенные сенаторы имѣли особое названіе приписанныхъ (*conscripti*). По преданію, при Ромулѣ сенатъ состоялъ изъ 100 членовъ, впослѣдствіи число ихъ возрасло до 300. Сенатъ не могъ собраться самъ собой, безъ приглашенія царя; точно также сенаторы могли подавать голосъ только тогда, когда царь обращался къ нимъ съ вопросомъ. Рѣшеніе сената не было обязательно для царя.

Народное собраніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда царь замышлялъ войну или какое либо измѣненіе въ существующихъ законахъ, онъ долженъ

былъ спрашивать согласія народнаго собранія, въ которомъ участвовали всѣ коренные граждане Рима или патриціи (*patricii*). Но граждане собирались только тогда, когда царь приглашалъ ихъ. Въ народномъ собраніи имѣлъ право говорить только царь, или тотъ, кому онъ давалъ на это право; дѣло народа было просто отвѣчать на вопросъ утвердительно или отрицательно, но не обсуждать его. Такимъ образомъ, участие народа въ управленіи было чисто пассивное. Но народу принадлежало одно важное право въ сферѣ суда. Собственно судъ, производившійся на основаніи обычая, принадлежалъ царю и тѣмъ лицамъ, которымъ поручалъ онъ слѣдствіе надъ преступниками и составленіе приговора. Право помилованія осужденныхъ на смерть преступниковъ принадлежало не царю, а народу. Царь могъ только дать или не дать осужденному права просить помилованія (*provocatio*).

Трибы и куріи. Въ народномъ собраніи граждане совѣщались по куріямъ (*curia* — опека), и потому собранія эти назывались куріятскими (*comitia curiata*). Куріи-же были въ свою очередь подраздѣленіями трехъ частей или трибъ (*tribus*—часть), на которыя дѣлились всѣ римскіе граждане, соотвѣтственно первоначальному тройственному составу римскаго государства изъ трехъ общинъ: Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ. Каждая триба состояла изъ десяти курій. Каждую курією завѣдывалъ куріонъ (*curio*), который былъ представителемъ куріи передъ богами. Въ древнѣйшее время каждая курія въ свою очередь подраздѣлялась еще на десять родовъ, общее число которыхъ было 300: впоследствии куріи не имѣли подраздѣленій. На трибы и куріи подраздѣлялись не только граждане, но и земля. Принадлежность къ той или другой трибѣ и куріи было существеннымъ условіемъ права гражданства въ Римѣ, какъ въ Аѳинахъ принадлежность къ филѣ и къ фратріи. Граждане же всѣхъ трибъ и курій имѣли равныя права и обязанности. Изъ нихъ составляется воинство (*populus*). Для набора (*legio*) каждая триба выставляетъ одинаковое число всадниковъ (*celeres*) и пѣшихъ воиновъ (*pedites*): первыхъ по сту (*centuria*), вторыхъ по тысячѣ, такъ что войско составлялось въ Римѣ первоначально изъ 300 всадниковъ и 3000 пѣшихъ. Каждая сотня всадниковъ имѣла своего начальника (*tribunus celerum*), точно такъ же, какъ каждая тысяча пѣхоты своего (*tribunus militum*). Тягость войны не падала на государственную казну, такъ какъ граждане несли военную службу безвозмездно, но граждане не платили никакихъ правильныхъ прямыхъ податей, и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ дѣлалась всеобщая раскладка подати (*tributum*). Поселившіеся же въ Римѣ чужестранцы платили извѣстный взносъ въ казну за оказываемое имъ покровительство. Личныя повинности гражданъ не падали на чужестранцевъ, но зато они не имѣли участія и въ правахъ гражданъ. Но если чужестранцы были лишены всѣхъ политическихъ правъ, то они пользовались очень важнымъ гражданскимъ правомъ—правомъ приобрѣтать въ Римѣ движимое и даже недвижимое имущество; это право предоставлялось

лишь тому чужестранцу, который переселялся въ Римъ на долгое время и отдавалъ себя въ покровительство и подчиненіе какому-нибудь римскому дому, а также переселенцамъ изъ союзныхъ латинскихъ городовъ. Это право чужестранцевъ, при важномъ торговомъ значеніи Рима, естественно привлекало въ него большое число переселенцевъ.

Патриціи и плебеи. Вслѣдствіе добровольнаго переселенія въ Римъ жителей союзныхъ городовъ, а также насильственнаго перемѣщенія въ него жителей покоренныхъ городовъ Лаціума, въ Римѣ мало по малу образовался изъ переселенцевъ особый классъ населенія, составлявшій, въ противоположность потомкамъ первоначальнаго кореннаго населенія, замкнутому классу патриціевъ, массу неполноправныхъ гражданъ или негражданъ—плебеевъ (*plebs* отъ *pleo*, *plenus*). Граждане союзныхъ латинскихъ общинъ жили въ Римѣ не по милости царя или другаго гражданина, а по праву союза или договора и не нуждались въ покровительствѣ отдѣльныхъ патроновъ; переселенцы же изъ покоренныхъ латинскихъ общинъ поступали большею частію прямо въ кліенты царя, число которыхъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ уменьшенія значенія родовъ, все болѣе увеличивалось. Такимъ образомъ, рядомъ съ патриціями и кліентами явился новый классъ населенія въ Римѣ, который наравнѣ съ кліентами принадлежалъ къ негражданамъ, не пользуясь никакими политическими правами, но имѣлъ то преимущество предъ ними, что пользовался покровительствомъ царя и не зависѣлъ ни отъ какого отдѣльнаго члена общины.

Если положеніе каждаго изъ плебеевъ было болѣе независимо, чѣмъ положеніе кліентовъ, то положеніе плебеевъ, какъ цѣлаго класса въ государствѣ, было вполнѣ подчиненное по сравненію съ патриціями. Патриціи одни имѣли право на занятіе всѣхъ государственныхъ должностей (*jus honorum*), право подавать голосъ въ народныхъ собраніяхъ или комиціяхъ (*jus suffragii*), право вступать въ законный бракъ съ свободно-рожденною римлянкою (*jus connubii*), почетное право служить въ легионахъ (*jus militiae*); патриціи также одни пользовались правомъ участія въ завоеванномъ общественномъ полѣ (*ager publicus*) и другими преимуществами.

Вслѣдствіе замкнутости патриціанской общины, она естественно съ теченіемъ времени должна была уменьшаться; классъ же плебеевъ, вслѣдствіе постояннаго прилива переселенцевъ, долженъ былъ, напротивъ, все болѣе увеличиваться; а такъ какъ военная повинность лежала на однихъ патриціяхъ, то они стали наконецъ тяготиться ею и требовать привлеченія къ ней и плебеевъ. Плебеи же, въ числѣ которыхъ были многіе переселенцы, богатые и знатные на своей первоначальной родинѣ или же разбогатѣвшіе уже въ Римѣ, должны были тяготиться своимъ безправіемъ и стали стремиться къ полученію гражданскихъ правъ наравнѣ съ патриціями. Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было начало уравненія плебеевъ и патриціевъ, сдѣланное царемъ Сервіемъ Тулліемъ.

Законодательство Сервія Туллія. Желая преобразовать военное и гражданское устройство Рима, Сервій Туллій наложилъ обязанность военной службы и связанную съ нею въ случаѣ нужды денежную подать (tributum) на всѣхъ землевладѣльцевъ какъ патриціевъ, такъ и плебеевъ, сообразно съ ихъ поземельнымъ имуществомъ или цензомъ. По величинѣ участковъ земли, обязанное военною службою народонаселеніе Рима было раздѣлено на пять классовъ и переходъ одного класса въ другой обусловливался лишь имущественнымъ состояніемъ гражданъ. Къ первому классу принадлежали самые богатые землевладѣльцы, владѣвшіе участкомъ земли, оцененнымъ не менѣе, чѣмъ во 100,000 ассовъ (2,300 руб. сер.); они должны были платить наиболѣе податей и, какъ преимущественно призванные къ военной службѣ (classici), выставлять тяжеловооруженныхъ и всадниковъ; они обязаны были также сражаться въ первыхъ рядахъ. Къ слѣдующимъ четыремъ классамъ принадлежали менѣе значительные землевладѣльцы: такъ, ко 2-му классу владѣльцы участковъ въ 75,000 ассовъ, къ 3-му—въ 50,000, къ 4-му—въ 25,000, къ 5-му—въ 12,500 ассовъ. Послѣдніе четыре класса гражданъ также обязаны были податями и военною службою, но отъ нихъ не требовалось полного вооруженія. Неосѣдлые-же, бездомовные люди, или имѣвшіе участокъ земли менѣе, чѣмъ въ 12,500 ассовъ, составляли классъ пролетаріевъ (proletarii или capite censi). Они выставляли ремесленниковъ и музыкантовъ и извѣстное число запасныхъ людей (adsensi), которые слѣдовали за войскомъ безоружные и занимали на полѣ битвы мѣста раненыхъ или убитыхъ, надѣвая ихъ оружіе. Постоянное регулярное войско составляли, впрочемъ, только всадники (equites), остальное-же пѣшее войско созывалось только въ случаѣ войны.

Для облегченія народа, а также для уничтоженія въ войскѣ различія между гражданами и негражданами, городъ и все населеніе его были раздѣлены Сервіемъ Тулліемъ на 4 мѣстныхъ трибы, или части, вмѣсто прежняго дѣленія на 3 трибы, имѣвшихъ родовое значеніе. Каждая изъ 4-хъ трибъ выставляла равное число людей для войска. Въ отношеніи отбыванія податей и воинской повинности, а также подачи голосовъ въ народномъ собраніи Сервій Туллій подраздѣлилъ всѣ классы на центуріи или сотни *), общее число которыхъ было 193. Изъ нихъ 80 центурій пѣхоты и 18 центурій всадниковъ принадлежали къ первому классу, а остальные 95 центурій ко всѣмъ остальнымъ классамъ, вмѣстѣ

*) Относительно значенія центурій существуетъ въ исторической наукѣ большое разногласіе. Одни (какъ Момсенъ) придаютъ центуріи значеніе арифметической единицы, т. е., сотня составляла подраздѣленіе гражданъ въ отношеніи военномъ. (Исторія Рима т. I часть I стр. 69—72). По мнѣнію же другихъ (Schwegler. В. I s. 748) центурія имѣла значеніе единицы имущественной и составляла подраздѣленіе гражданъ въ отношеніи политическомъ.

взятымъ. Изъ нихъ классъ пролетаріевъ составлялъ лишь одну центурию.

Для приведенія въ извѣстность всего наличнаго имущества каждаго изъ гражданъ, обязанныхъ службою и денежными повинностями, введена была особая запись, въ которую всѣ землевладѣльцы должны были внести съ точностію количество своихъ земель со всѣми принадлежностями, рабами, скотомъ и проч. Веденіе этихъ списковъ гражданъ съ оцѣнкою ихъ имущества лежало на обязанности участковыхъ старшинъ Рима (*maiores vici*), и чрезъ каждые пять лѣтъ производилась ревизія этихъ поземельныхъ записей (*lustratio*).

Участію различныхъ классовъ гражданъ въ военныхъ и денежныхъ повинностяхъ соотвѣтствовало и вліяніе этихъ классовъ на государственныя дѣла. Въ народныхъ центуриатскихъ собраніяхъ (*comitia centuriata*), въ которыхъ принимали участіе и патрици, и плебеи, наибольшее число голосовъ принадлежало гражданамъ перваго класса, и ими, главнымъ образомъ, рѣшались всѣ дѣла. Это объясняется тѣмъ, что въ центуриатскихъ собраніяхъ голоса подавались не поголовно, а по центуриямъ, при чемъ рѣшеніе большинства каждой центурии составляло одинъ голосъ. Между тѣмъ, первыя 98 центурій были по преимуществу патриціанскія, и при согласіи ихъ не приходилось даже обращаться къ центуриямъ слѣдующихъ классовъ. Такимъ образомъ, при новомъ положеніи дѣла патрици удержали въ своихъ рукахъ вліяніе на государственныя дѣла, именно, въ отношеніи участія ихъ въ народномъ собраніи.

Вслѣдствіе преобразования Сервія Туллія плебеи, на которыхъ наложена была подать и обязанность военной службы, получили возможность становиться и центурионами, и трибунами въ войскѣ (т. е. начальниками сотенъ и трибъ). Сервій Туллій роздалъ также бѣднымъ плебеямъ участки изъ приобретенныхъ войною общественныхъ полей. Но и послѣ всѣхъ этихъ преобразованій плебеи не имѣли, въ дѣйствительности, почти никакого участія въ управленіи и не могли вступать въ бракъ съ патриціями. Господствующимъ классомъ съ правами полного гражданства (*jus civitatis optimo jure*) остались по прежнему одни патрици. Не смотря на то, Сервій своими преобразованіями возбудилъ противъ себя ропотъ со стороны патриціевъ и палъ жертвою заговора, составленнаго на его жизнь. Во главѣ этого заговора стоялъ зять Сервія Туллія — Тарквиній.

Тарквиній Гордый. По смерти Сервія Туллія царемъ сдѣлался Тарквиній (этрускаго происхожденія), который не былъ утвержденъ ни сенатомъ, ни народнымъ собраніемъ. За свое высокомерное отношеніе къ патриціямъ Тарквиній получилъ прозваніе Гордаго (*Superbus*). Это былъ царь воинственный и дѣятельный, который старался расширить предѣлы римскаго господства завоеваніями и утвержденіемъ гегемоніи Рима въ Лаціумѣ. Онъ удачно воевалъ съ сосѣдними сабельскими народами, вольсками, рутулами и покорилъ нѣкоторые города ихъ. Послѣ 22-хъ-

лѣтней войны съ вольсками взялъ онъ ихъ главный городъ (Суэссе Помецію). Въ покоренныхъ земляхъ Тарквиній Гордый старался утвердить власть Рима посредствомъ устройства въ нихъ римскихъ колоній. Онъ упрочилъ также союзъ Рима съ латинскими городами отчасти посредствомъ оружія, большею-же частію посредствомъ дружескихъ связей съ знатными фамиліями Лапіума. Счастливыя войны и приобрѣтенная имъ богатая добыча дали Тарквинію возможность украсить Римъ различными сооруженіями. Онъ окончилъ построеніе замѣчательнаго Капитолійскаго храма, продолжалъ сооруженіе громадныхъ водосточныхъ клоакъ, возвелъ сильныя укрѣпленія на вершинѣ Капитолія. Но, вмѣстѣ съ заботливостію о политическомъ могуществѣ и возвеличеніи Рима, Тарквиній Гордый обнаружилъ также стремленіе возвысить и свою собственную власть и сдѣлать царское достоинство неограниченнымъ и наследственнымъ, опираясь на вооруженной силѣ. Всѣ важнѣйшія дѣла государства онъ рѣшалъ по собственному усмотрѣнію, безъ одобренія сената и народа. Онъ почти даже не созывалъ сената и, вопреки установившемуся обычаю, оставлялъ мѣста выбывшихъ членовъ сената незанятыми; плебеевъ-же раздражалъ онъ усиленными повинностями и налогами и тѣмъ, что лишалъ ихъ даже предоставленныхъ имъ Сервіемъ Тулліемъ правъ. Такимъ образомъ наступило господство жестокаго произвола.

Устрашенные общеою опасностію со стороны деспотическаго царя, плебеи и патриціи соединились на время и возстали, руководимые въ этомъ дѣлѣ родственниками царскаго дома Луціемъ Юніемъ Брутомъ, начальникомъ всадниковъ (*tribunus celerum*), и Коллатиномъ, начальникомъ города (*praefectus urbis*), который управлялъ имъ за отсутствіемъ царя, осаждавшаго въ это время горную крѣпость рутуловъ Ардею. Поводомъ къ возстанію послужило оскорбленіе, нанесенное сыномъ Тарквинія женѣ Коллатина Лукреціи, которая не перенесла оскорбленія и лишила себя жизни. Тогда Брутъ произнесъ у трупа Лукреціи пламенную рѣчь къ собравшемуся народу, призывая его къ мщенію царствовавшему роду Тарквиніевъ за совершенныя имъ насилія. Воспламененные рѣчью Брута, ярко обрисовавшею насилія Тарквинія и его сына, патриціи и плебеи единогласно отрѣшили царя и осудили его на изгнаніе со всѣмъ родомъ. Это было въ 510 году до Р. Х.

ПЕРІОДЪ РЕСПУБЛИКИ (510—30 г. до Р. Х.).

По изгнаніи Тарквинія Гордаго римскій народъ далъ формальный обѣтъ никогда болѣе не возстановлять царской власти, и самое названіе царя (*rex*) стало равносильнымъ, по значенію, съ названіемъ деспота. Всякому, даже подозрѣваемому въ стремленіи къ царской власти, законъ

грозили смертною казню. Римъ сдѣлался республикой, въ которой вся сила принадлежала патриціямъ. Изъ ихъ среды избирались ежегодно два правителя, получившіе въ послѣдствіи названіе консуловъ, т. е. сотоварищей по управленію (*consules*, сначала они назывались *praetores*), къ которымъ перешла почти вся власть, принадлежавшая прежде царю. Первыми консулами избраны были народомъ Юній Брутъ и Коллатинъ, такъ какъ имъ, главнымъ образомъ, обязанъ былъ Римъ своею свободою. Подобно царямъ, консулы были верховными правителями римскаго народа, судьями (*judices*) и полководцами (*praetores*); подобно царямъ, они молились богамъ за всю римскую общину, приносили жертвы и отъ лица республики испытывали волю боговъ при посредствѣ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ жрецовъ. Консуламъ принадлежало также право созывать народныя центуриатскія собранія. Именами обоихъ консуловъ назывался въ календарѣ каждый годъ республики. Внѣшними знаками отличія каждаго изъ консуловъ были, кромѣ курульнаго кресла, тога, обшитая пурпуромъ (*toga praetexta*) и сопровождавшая ихъ при должностныхъ выходахъ свита изъ 12-ти ликторовъ съ пучками прутьевъ, а внѣ Рима со вложенными въ эти пучки сѣкирами (что указывало символически на безграничную власть консуловъ, какъ военачальниковъ, надъ жизнью и смертію гражданъ). Но хотя власть консуловъ, по своей полнотѣ и силѣ, и равнялась почти власти царя, она была однакожь значительно ограничена. Уже одновременное назначеніе двухъ совершенно равноправныхъ сановниковъ или магистратовъ, изъ которыхъ каждому порознь вручалась полная верховная власть, представляло для каждаго изъ нихъ сильное ограниченіе. Каждый изъ консуловъ имѣлъ право кассировать или отмѣнять (*intercedere*) повелѣніе своего равноправнаго товарища, и уже этимъ предотвращалась возможность единоличнаго произвола. Еще сильнѣе было ограниченіе власти консуловъ срокомъ ихъ власти и отвѣтственностію за ихъ дѣйствія: они избирались только на одинъ годъ и, по истеченіи срока ихъ должности, могли быть привлечены сенатомъ къ отвѣтственности за всякое злоупотребленіе. Право произнесенія окончательнаго приговора надъ уголовными преступниками, принадлежавшее сначала консуламъ, было уже скоро отнято у нихъ и предоставлено народному собранію. Въ силу закона Валерія Публиколы (*lex Valeria de provocatioe*, 245 ап. аб. У. С. или 509 г. до Р. Х.), консулъ обязанъ былъ давать подсудимому провокацію къ народному собранію, если только онъ осудилъ его на смерть или тѣлесное наказаніе (не во время войны), а позднѣе, даже въ случаѣ приговора подсудимаго къ денежной пенѣ. Высшій надзоръ за управленіемъ, за судебной частью и за финансами принадлежалъ сенату. Сенатъ предписывалъ взысканіе налоговъ, опредѣлялъ расходы; ему-же принадлежало управленіе общественною землею. На сенатѣ, по преимуществу, лежала забота о религіозномъ почитаніи боговъ, о праздникахъ и жертвоприношеніяхъ. Внѣшнее представительство Рима, веденіе дипломатическихъ сношеній съ чужими народами и послами,

какъ при объявленіи войны и заключеніи мира и различныхъ договоровъ, принадлежало сенату. Сенату принадлежало также важное право предварительнаго разсмотрѣнія новыхъ законовъ и мѣръ и право утверженія или отверженія выборовъ и законовъ, принятыхъ центуриатскими народными собраніями. Постановленія сената (*senatus consulta*) не рѣдко имѣли даже подобный закону авторитетъ. Мѣстомъ засѣданія сената служили особыя зданія, носившія названіе куріа (*curia*), или какой либо изъ храмовъ. Засѣданія открывались жертвоприношеніемъ и молитвою и происходили три раза въ мѣсяць (въ календы, ноны и иды) подъ предсѣдательствомъ правительствующихъ магистратовъ, именно, консуловъ.

Въ особенно затруднительномъ положеніи государства, какъ напр., во время большой опасности внутренней или внѣшней, сенатъ могъ облечь консуловъ безграничною властію, предоставляя имъ заботиться о томъ, чтобы республика не потерпѣла никакого ущерба (*videant consules ne quid respublica detrimenti capiat*). Но и въ случаяхъ крайней необходимости, когда положеніе дѣлъ требовало скорыхъ и рѣшительныхъ мѣропріятій, для которыхъ двоевластіе консуловъ оказывалось неудобнымъ, избирался изъ патриціевъ срокомъ на шесть мѣсяцевъ диктаторъ (*dictator*), въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся верховная власть, такъ что ему безусловно подчинялись всѣ остальные сановники (какъ начальникъ конницы, квесторы и др.) Диктаторъ имѣлъ безграничную власть не только на войнѣ, какъ консулъ, но и въ предѣлахъ Рима. На рѣшеніе диктатора не могло быть апелляціи къ народному собранію.

Такимъ образомъ въ началѣ римской республики патриціи достигли полнаго обладанія политическимъ могуществомъ: они господствовали чрезъ сенатъ и избираемыхъ изъ ихъ среды магистратовъ, они имѣли исключительный доступъ ко всѣмъ должностямъ гражданскимъ и жреческимъ, они имѣли сильное вліяніе на голоса въ центуриатскихъ народныхъ собраніяхъ и, наконецъ, имѣли возможность при посредствѣ сената утверждать или отрицать всякое опредѣленіе центурій.

Но если фактически вся власть была въ рукахъ патриціевъ, то юридически,—то есть по праву, и плеbei принимали теперь значительное участіе въ управленіи, по крайней мѣрѣ, гораздо большее, чѣмъ при царяхъ, такъ какъ центуриатскимъ собраніямъ, въ которыхъ участвовали и плеbei, принадлежали такія важныя политическія права, какъ избраніе магистратовъ или государственныхъ сановниковъ, принятіе законовъ и право помилованія уголовныхъ преступниковъ. Во всемъ этомъ заключался уже залогъ дальнѣйшаго управленія сословій и будущаго могущества римской республики. Это уравненіе сословій было результатомъ вѣковой борьбы ихъ и совершилось съ чрезвычайною постепенностію. Но замѣчательно то, что даже во время самой жаркой борьбы, римская община сохранила свое единство, и передъ государственными интересами смолкали притязанія отдѣльныхъ сословій.

Борьба республики съ Тарквиніемъ Гордымъ и его союзниками. Еще не успѣла установиться новая форма правленія въ юной республикѣ, какъ ей пришлось выдержать опасную борьбу съ Тарквиніемъ Гордымъ, который стремился достигнуть возстановленія своей власти сперва при содѣйствіи преданной ему партіи въ самомъ Римѣ, а потомъ при помощи сосѣдей и враговъ Рима. Удалившись въ этрусскій городъ Церы, Тарквиній сталъ возбуждать оттуда чрезъ довѣренныхъ ему людей знатную молодежь въ Римѣ, преданную еще прежней монархической формѣ правленія, къ заговору съ цѣлю возвратитъ изгнанный царскій родъ. Многие граждане, и въ числѣ ихъ даже сыновья Брута, вступили въ переговоры съ Тарквиніемъ. Но заговоръ былъ открытъ, и виновники строго наказаны; при этомъ консулъ Брутъ, по словамъ сказанія, не пощадилъ и своихъ собственныхъ сыновей, и даже самъ присутствовалъ при смертной казни ихъ. Коллатинъ-же, какъ близкій родственникъ Тарквиніевъ, возбудилъ подозрѣніе народа и, по совѣту Брута, вскорѣ добровольно оставилъ Римъ. На его мѣсто избранъ былъ консуломъ Публій Валерій Публикола.

Послѣ неудачи сдѣланнаго въ пользу Тарквинія заговора, онъ сталъ возбуждать нѣкоторые этрусскіе города (Тарквинія, Вей) къ войнѣ съ Римомъ, надѣясь при ихъ помощи возвратитъ утраченную власть. Онъ успѣлъ также склонитъ къ войнѣ противъ Рима Порсенну, могущественнаго царя этрусскаго города Клузіума. Порсенна, пользуясь случаемъ нанести ударъ постоянно усиливавшемуся Риму, двинулся на него съ многочисленнымъ войскомъ подъ предлогомъ возстановленія изгнаннаго Тарквинія. Римъ былъ въ величайшей опасности. Уже Порсенна разбилъ на берегу Тибра главныя силы римлянъ, овладѣлъ Янигуломъ и едва не вторгся въ городъ по деревянному мосту; но тутъ, по народному преданію, онъ былъ задержанъ Гораціемъ Коклесомъ, который одинъ защищалъ отъ непріятеля мостъ, пока римляне не разрушили его. Тогда Горацій бросился въ Тибръ, переплылъ его подъ непріятельскими стрѣлами и былъ съ восторгомъ принятъ своими согражданами. Между тѣмъ, Порсенна со всѣхъ сторонъ осадилъ Римъ и въ городѣ скоро открылся голодъ. Тогда, говоритъ преданіе, одинъ молодой римлянинъ, Муцій Сцевола, рѣшился для спасенія отечества на отчаянное предпріятіе. Онъ пробрался въ непріятельскій лагерь съ цѣлю убить Порсенну, но по ошибкѣ убилъ, вмѣсто него, одного изъ военачальниковъ его. Схватенный и приведенный къ Порсеннѣ, Муцій объявилъ, что 300 римскихъ юношей, составивъ заговоръ на жизнь этрусскаго царя, бросили между собой жребій, который и достался ему; но такъ какъ онъ не успѣлъ убить царя, то это удастся кому-нибудь изъ остальныхъ. Когда Муцію стали грозить пыткой, то онъ, чтобы показать, какъ римляне презираютъ тѣлесныя страданія, протянулъ свою правую руку въ огонь, горѣвшій на жертвенникѣ и сжегъ ее даже безъ выраженія боли въ лицѣ, отчего онъ и получилъ прозваніе Сцевола (лѣвшя). Исполненный удивленія къ храбрости римлянъ, говоритъ сказаніе, Порсенна не только отпустилъ

Муція, но и снялъ осаду съ Рима. Но, вопреки этому поэтическому сказанію, составившемуся подъ вліяніемъ гордаго патриотизма римлянъ, достовѣрно извѣстно изъ позднѣйшихъ извѣстій, что Порсенна, дѣйствительно, взялъ Римъ (507) и оставилъ его только послѣ того какъ римляне выдали ему заложниковъ и уступили третью часть своихъ владѣній. Несомнѣнно также, что Порсенна вступилъ въ войну съ Римомъ не за изгнаннаго Тарквинія, такъ какъ, оставшись побѣдителемъ, онъ не включилъ въ условія мира возстановленія его власти. Могущество Порсенны скоро, впрочемъ, рушилось въ борьбѣ его съ нѣкоторыми изъ латинскихъ городовъ (Ариціи и др.), римляне-же, напротивъ того, скоро оправились отъ пораженій Порсенны. Но и послѣ этой новой неудачи Тарквиній все-таки не терялъ еще надежды на возстановленіе своей власти. Онъ обратился за помощію къ латинскимъ городамъ, которые рады были воспользоваться ослабленіемъ Рима, чтобы принудить его отказаться отъ первенства надъ ихъ союзомъ. Но, послѣ пораженія латинцевъ при Регильскомъ озерѣ (496 г.), они принуждены были заключить съ Римомъ вѣчный миръ. Тарквиній-же, послѣ всѣхъ тщетныхъ попытокъ возстановить потерянную власть, долженъ былъ отказаться отъ этой надежды и умеръ въ неизвѣстности.

Учрежденіе должности народныхъ трибуновъ.—Пока патриціи нуждались въ помощи плебеевъ для борьбы съ изгнаннымъ царемъ и съ его союзниками, они щадили плебеевъ и старались ихъ расположить различными мѣрами въ пользу происшедшей перемѣны правленія, то есть, въ пользу правленія знати. Дѣйствительно, въ первое время республики таможенныя пошлины были уменьшены, во время дороговизны хлѣба закупалось его большое количество на счетъ государства, чтобы продавать его бѣднымъ гражданамъ по дешевой цѣнѣ; съ тою-же цѣлью правительство приняло на себя продажу соли. Но, когда страхъ внѣшней опасности миновалъ, патриціи начали тѣснить плебеевъ до того, что положеніе ихъ стало гораздо хуже, чѣмъ было оно при царяхъ, которые, какъ покровители плебеевъ, защищали ихъ своимъ авторитетомъ отъ всякихъ несправедливостей со стороны патриціевъ. Цари, свободно располагавшіе общественными пастбищами, давали право пользоваться ими и плебеямъ; сенатъ-же, завѣдуя финансами и общественными угодами, предоставилъ это право только патриціямъ и принятымъ въ сенатъ богатымъ плебеямъ; мелкіе-же землевладѣльцы изъ плебеевъ были лишены этого права. При царяхъ и въ самомъ началѣ республики значительную часть государственныхъ доходовъ представляли поступавшія въ казну деньги за пасущійся скотъ (*scriptura*); теперь квесторы изъ патриціевъ стали небрежно относиться къ этому сбору и потомъ совсѣмъ оставили его; а вслѣдствіе этого возрасла тягость податей. Прежде всякій разъ, какъ приобретались войною новыя земли, часть ихъ раздѣлялась поровну между гражданами въ собственность или въ аренду, при чемъ принимали въ расчетъ всѣхъ бѣднѣйшихъ гражданъ и обывателей. Теперь

раздача общественной земли (*ager publicus*) плебеямъ прекратилась, и земля отдавалась только привилегированнымъ лицамъ въ безденежное пользованіе (*оссураціо*), которое могло быть, правда, во всякое время отнято. Между тѣмъ, войны съ сосѣдями не прекращались и плебеи, отягченные налогами и участвуя въ походахъ, должны были оставлять поля невоздѣланными, не пользуясь выгодами побѣдъ, одержанныхъ общими усиліями сословій. Доведенные до совершеннаго разоренія плебеи большею частію должны были сдѣлаться должниками патриціевъ и отдавать въ залогъ не только свое имущество, но свое собственное тѣло. Римскіе-же законы о долговыхъ обязательствахъ отличались чрезвычайною строгостію и даже жестокостію. Должники, въ случаѣ неуплаты долга въ опредѣленный срокъ, попадали въ полное рабство или кабалу къ своимъ заимодавцамъ. Кредиторы, если ихъ было нѣсколько, имѣли даже право убить несостоятельнаго должника и раздѣлить его трупъ между собою. Несостоятельные должники, закованные въ цѣпяхъ, должны были работать на своихъ кредиторовъ, терпѣть побои и всякія притѣсненія, или томиться въ тюрьмахъ. Строгое исполненіе долговаго права возбудило раздраженіе во всемъ земледѣльческомъ классѣ. Когда въ 495 г. до Р. Х. опредѣленъ былъ наборъ для предстоявшей опасной войны съ вольсками, плебеи отказались идти въ походъ. Въ такой крайности консулъ Публій Сервилій остановилъ на время дѣйствіе долговыхъ законовъ и приказалъ даже выпустить сидѣвшихъ въ долговыхъ тюрьмахъ людей. Тогда плебеи стали въ ряды и помогли одержать побѣду. Но, когда они воротились съ поля битвы домой, опять съ безжалостною строгостію начали приводиться въ исполненіе долговые законы. Когда въ слѣдующемъ году война возобновилась, слово консула не имѣло уже никакого значенія для плебеевъ. Только назначенному диктатору Манію Валерію подчинились плебеи, побужденные всего болѣе довѣренностію къ его народнымъ чувствамъ и справедливости. Когда Маній Валерій издалъ эдиктъ объ освобожденіи кабальныхъ (*пехі*) и вообще о прекращеніи дѣйствія долговыхъ законовъ, плебеи стекались во множествѣ подъ его знамена, и скоро побѣда была опять на сторонѣ римлянъ. Но когда побѣдители воротились и диктаторъ предложилъ сенату утвердить эдиктъ объ освобожденіи кабальныхъ, то встрѣтилъ въ сенатѣ упорное противодѣйствіе. Войско еще не разошлось и стояло по обычаю передъ воротами города, когда пришло извѣстіе о несогласіи сената на предложеніе диктатора; войско оставило полководца и лагерь, двинулось въ военномъ порядкѣ отъ Рима и расположилось укрѣпленнымъ лагеремъ на Священной горѣ (въ 3-хъ римскихъ миляхъ отъ Рима), дѣлая видъ, что хочетъ строить новый плебейскій городъ. Сенатъ пришелъ въ ужасъ отъ такого рѣшенія плебеевъ и счелъ за лучшее начать съ ними переговоры, чтобы путемъ уступокъ достигнуть примиренія. Посредникомъ этого примиренія былъ диктаторъ. Плебеи выговорили себѣ ручательство въ томъ, что на будущее время они будутъ имѣть средство защиты отъ патриціевъ—въ

лицѣ плебейскихъ трибуновъ. Договоръ подтвержденъ былъ клятвой, и плебеи опять возвратились въ Римъ. Внѣшнее единство было такимъ образомъ восстановлено.

Народные трибуны (*tribuni plebis*). Трибуны избирались на одинъ годъ изъ среды плебеевъ въ собраніяхъ по куріямъ, сначала въ числѣ двухъ, потомъ пяти и наконецъ десяти. Они были покровителями и защитниками каждаго плебея, руководителями народа. Ихъ личность объявлена была неприкосновенною (*sacrosancti*), и весь народъ поголовно поклонялся за себя и за дѣтей своихъ защищать трибуна. Они были совершенно независимы какъ отъ консуловъ, такъ и отъ сената. Трибуны получили право уничтожать своимъ протестомъ (*intercessio*) всякое распоряженіе другаго сановника, если плебей, котораго оно касалось, чувствовалъ себя обиженнымъ (*jus auxilii*). Такъ трибуны могли остановить тюремное заключеніе осужденнаго должника, прекративъ вовсе слѣдствіе и т. п. Для того, чтобы помощь трибуна была всегда готова и близка, постановлено было, чтобы трибунъ не проводилъ ночи внѣ города и чтобы дверь его дома была день и ночь открыта. Трибуны имѣли также право возраженія (*veto*) противъ постановленій сената. Сами трибуны были облечены неограниченною судейскою властію относительно постановленія приговоровъ въ уголовныхъ дѣлахъ и защиты этихъ приговоровъ въ случаѣ провокаціи передъ народнымъ собраніемъ. Въ силу своей судейской должности трибуны могли пригласить къ себѣ чрезъ своихъ посланцевъ (*viatores*) всякаго гражданина, даже консула, могли приказать схватить ослушника (*jus prehensionis*), посадить его въ заключеніе или отпустить на поруки и потомъ судить уголовнымъ судомъ, опредѣляющимъ смертную казнь или денежный штрафъ. Трибунамъ даны были въ помощники и исполнители — два вмѣстѣ съ нимъ назначаемыхъ народныхъ эдила (*aediles plebis*), которые судили менѣе важныя дѣла, оканчивавшіяся денежнымъ штрафомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ были надзирателями на рынкахъ.

Мало по малу трибуны распространили свое право на созваніе народнаго собранія и обращеніе къ нему рѣчи не только для утвержденія своихъ судейскихъ приговоровъ, но и для другихъ дѣлъ. Такъ какъ трибуны не имѣли военной власти, которая и давала консуламъ право созывать центуріятскія собранія, то введенъ былъ новый способъ подачи голосовъ по трибамъ или кварталамъ. Вмѣсто прежняго дѣленія Рима на 4 трибы, Римъ и его область раздѣлены были на 21 трибу. Право подавать голоса въ трибахъ принадлежало въ сущности всѣмъ осѣдлымъ жителямъ; но различіе правъ, обусловливаемое имущественнымъ цензомъ, равно какъ и право патриціевъ на первые голоса, какъ было это въ центуріятскихъ собраніяхъ, уничтожилось въ трибахъ. Впослѣдствіи, по предложенію трибуна Публія Валерона (470 до Р. Хр.), избраніе трибуновъ перешло отъ курій къ трибамъ. Мало по малу собранія по трибамъ (*comitia tributa*) получили право обсуждать и рѣшать не толь-

ко дѣла однихъ плебеевъ, но и всѣ общегосударственные вопросы. Впрочемъ, постановленія народнаго собранія по трибамъ или плебисциты не имѣли сначала силы законовъ безъ утвержденія сената и курій.

Гай Марцій Коріоланъ. Только крайняя нужда въ помощи плебеевъ заставила патриціевъ согласиться на учрежденіе народныхъ трибуновъ, и потому патриціи рады были при первомъ удобномъ случаѣ отнять у плебеевъ дарованное имъ право защиты, но это оказалось уже невозможнымъ. Доказательствомъ этому служить дѣло сенатора Гая Марція, храбраго патриція, получившаго за взятіе города Коріолы прозваніе Коріолана. Раздраженный отказомъ центурій въ консульствѣ, посовѣтовалъ онъ сенату воспользоваться наступившимъ голодомъ и остановить продажу хлѣба изъ государственныхъ магазиновъ, пока голодный народъ не откажется отъ трибуната. Тогда трибуны потребовали Коріолана къ суду; онъ - же бѣжалъ къ врагамъ Рима, вольскамъ, повелъ ихъ на Римъ, обложилъ его и сталъ опустошать поля плебеевъ. Только уступая мольбамъ матери и жены, вышедшихъ къ нему изъ города, рѣшился Коріоланъ отступить отъ Рима; но вольски, раздраженные приказомъ Коріолана объ отступленіи, убили его.

Законъ Кассія о раздѣлѣ полей. Приобрѣтши съ учрежденіемъ трибуната новую силу, плебеи стали требовать также участія въ общественныхъ поляхъ, которыми пользовались до этого времени одни патриціи, платя за это государству самую ничтожную десятину, или получая ихъ на правѣ оккупации почти въ полную собственность. Но вопросъ объ общественныхъ поляхъ былъ поднятъ въ первый разъ не трибунами, а однимъ изъ патриціевъ-же—Спуріемъ Кассіемъ.

Спурій Кассій, уже два раза бывший консуломъ, еще прежде заслужилъ любовь плебеевъ своими, хотя и неудачными, попытками возстановить во время голода нормальныя цѣны на хлѣбъ. Въ свое третье консульство (486 г. до Р. Хр.) Кассій первый предложилъ аграрный или поземельный законъ, т. е., законъ о дарованіи плебеямъ участія въ пользованіи государственными землями. Сенатъ, раздраженный предложеніемъ Кассія, измѣнившаго интересамъ своего сословія, рѣшился лишить его расположенія плебеевъ: онъ обѣщалъ дать плебеямъ часть государственныхъ земель, но при этомъ обвинилъ Кассія въ намѣреніи воспользоваться любовью народа для достиженія царской власти. Плебеевъ-же легко было возстановить противъ Кассія, такъ какъ его честолюбіе было всѣмъ извѣстно и такъ какъ они были недовольны тѣмъ, что Кассій хотѣлъ дать и латинскимъ союзникамъ долю при раздѣлѣ полей, какъ требовало того союзное право и справедливость. Не довѣряя Кассію, плебеи ничего не сдѣлали для его спасенія, когда, обвиненный въ измѣнѣ, онъ былъ призванъ къ суду куріятскихъ комицій. Преданный въ руки своихъ враговъ, Кассій былъ приговоренъ къ смерти и подвергся позорной казни. Домъ его былъ разрушенъ среди проклятій народа.

Такъ какъ консулы, слѣдовавшіе за Кассіемъ, не думали вовсе при-

водить въ исполненіе обѣщаніе, данное сенатомъ относительно раздѣла общественныхъ полей, то трибунъ Генуцій потребовалъ въ 473 г. до Р. Хр., чтобы всѣ консулы, слѣдовавшіе за Кассіемъ до этого года, были призваны къ суду народа за неисполненіе данного сенатомъ обѣщанія. Первыми были призваны консулы предшествовавшаго года. Патриціи старались всѣми мѣрами воспрепятствовать этому, но старанія ихъ остались безуспѣшными, и консулы были-бы навѣрно осуждены, если бы трибунъ Генуцій не былъ умерщвленъ въ ночь наканунѣ суда и народъ не разошелся по домамъ, пораженный вѣстью объ его смерти.

Децемвиры. Учрежденіе трибуната, крайне неприятное для патриціевъ, не обезпечивало вполне личной и имущественной безопасности плебеевъ и правильнаго хода судопроизводства, такъ какъ, не смотря на громадную власть трибуновъ въ отношеніи суда, законы и формы судопроизводства составляли тайну однихъ патриціевъ, почерпавшихъ юридическія знанія изъ устныхъ преданій и таинственныхъ жреческихъ книгъ, неизвѣстныхъ плебеямъ. Поэтому народный трибунъ Гай Терентилій Арса (въ 461 г. до Р. Хр.) предложилъ назначить комиссію для составленія общихъ для всего народа писанныхъ законовъ, которыми консулы были-бы связаны въ своей судебной дѣятельности. Патриціи сильно воспротивились требованію плебеевъ, но плебеи и на слѣдующіе годы избирали все однихъ и тѣхъ-же трибуновъ, которые настойчиво и энергично отстаивали требованіе писаннаго права.

Вслѣдствіе несогласія сословій снова возникли въ Римѣ волненія и смуты. Пользуясь этимъ, вольски и эквы вторглись въ предѣлы Рима и сильно стѣснили римлянъ. Въ виду опасности отъ враговъ, стихла на время горячая борьба сословій. Сенатъ рѣшился избрать диктатора и вручить ему неограниченную власть надъ государствомъ. Диктаторомъ избранъ былъ болѣе чѣмъ 60-ти-лѣтній Цинцинать, извѣстный какъ отличный военачальникъ и одинъ изъ ревностнѣйшихъ противниковъ дальнѣйшаго расширенія правъ плебеевъ, особенно требованія Терентилія Арсы. Бодро пошли римляне, предводимые Цинцинатомъ, на встрѣчу врагамъ. Эквы потерпѣли рѣшительное пораженіе и должны были отступить *).

Когда внѣшняя опасность, угрожавшая Риму со стороны эквовъ, миновала, возобновилась борьба между сословіями по поводу писанныхъ законовъ. Патриціи надѣялись еще удовлетворить плебеевъ нѣкоторыми уступками. Такъ, они согласились умножить число трибуновъ до десяти, что придавало новую силу всей коллегіи трибуновъ. Въ 456 г. были раз-

*) По преданію, посланные къ Цинцинату для извѣщенія его объ избраніи въ диктатора нашли его въ полѣ за плугомъ. Выслушавъ приказаніе сената, Цинцинать тотчасъ поспѣшилъ въ Римъ; но уже скоро послѣ побѣды, одержанной надъ врагами Рима, онъ, не смотря на восторженный пріемъ, встрѣченный здѣсь, сложилъ съ себя диктатуру и возвратился къ своему плугу (457 г. до Р. Х.).

дѣлены между плебеями государственныя земли на Аэвентинскомъ холмѣ, представлявшемъ до того времени священный лѣсъ и необитаемое мѣсто. Въ то-же время постановлено было, что сенатъ долженъ принимать на обсужденіе плебисциты, причемъ трибунамъ предоставлено право защищать ихъ. Не смотря на всѣ эти уступки, плебеи все-таки продолжали настаивать на требованіи писанныхъ законовъ. Тогда только патриціи рѣшились наконецъ уступить. Прежде чѣмъ приступить къ составленію общаго для обоихъ сословій законодательства, послано было (въ 454 г. до Р. Хр.) въ Грецію посольство изъ нѣсколькихъ сенаторовъ для собранія Солоновыхъ и другихъ греческихъ законовъ. Наконецъ для составленія законовъ избраны были (451 г.) изъ патриціевъ десять мужей съ консульскою властію (*decem viri consulari imperio legibus scribundis*). Децемвирамъ поручено было также управленіе государствомъ, и до окончанія занятій они были исключительными представителями верховной власти, такъ что даже должность трибуновъ была на это время отмѣнена. Децемвиры 451 г., въ которые избраны были самыя ревностныя защитники патриціанскихъ привиллегій, представили законы свои народу, которымъ они и были утверждены; послѣ этого они были вырѣзаны на 10-ти мѣдныхъ доскахъ и прибиты на площади около ораторской каѳедры вблизи сената; но такъ какъ, по заявленію самихъ децемвировъ, законы эти необходимо было дополнить, то въ слѣдующемъ году (450 г.) назначены были опять десять мужей, которые и прибавили еще двѣ доски. Такимъ образомъ произошли первые писанныя законы Рима, законы XII таблицъ. Законы эти не заключали въ себѣ почти никакихъ нововведеній. Даже для смягченія долговыхъ законовъ не сдѣлано было ничего, кромѣ опредѣленія процентовъ ($8\frac{1}{3}\%$) и назначенія строгаго наказанія ростовщику. Въ главныхъ же своихъ основаніяхъ долговой процессъ не былъ измѣненъ. Еще менѣе перемѣнъ сдѣлано было въ правахъ сословій; различіе между патриціями и плебеями и незаконность браковъ между ними была вновь подтверждена законами XII таблицъ. Особенность законовъ XII таблицъ составляетъ строгость наказаній относительно преступленій противъ собственности. Такъ напр., воръ, застигнутый ночью, можетъ быть убитъ безнаказанно, а также и днемъ, если онъ будетъ защищаться. Но существенное политическое значеніе законовъ XII таблицъ заключалось не столько въ ихъ содержаніи, сколько въ формальномъ обязательствѣ консуловъ слѣдовать имъ въ своихъ приговорахъ, чрезъ что правосудіе сдѣлалось болѣе гласнымъ, а гласность должна была принудить консуловъ къ болѣе справедливости.

Децемвиры исполнили возложенное на нихъ порученіе, и имъ оставалось уже только обнародовать двѣ послѣднія таблицы и потомъ уступить мѣсто обычной магистратурѣ; между тѣмъ, они медлили и продолжали, по прошествіи года, свою должность подъ предлогомъ, что законы еще не готовы. Стремленіе децемвировъ къ удержанію власти въ своихъ

рукахъ на болѣе долгое время вызвало волненія въ народѣ. Даже набѣги на Римъ вольсковъ и сабиновъ и угрожавшая отъ нихъ опасность не усмирили на этотъ разъ броженія умовъ. Безъ сопротивленія собраны были двѣ арміи; но римляне, предводимые нѣкоторыми изъ децемвировъ, разбиты были во всѣхъ сраженіяхъ. Жестокое обращеніе децемвировъ съ римскими войсками вызвало сильное волненіе въ средѣ ихъ. Волненіе войска перешло скоро въ явное возстаніе, когда на децемвировъ пало обвиненіе въ убійствѣ бывшаго народнаго трибуна Луція Сикція Дентата, извѣстнаго своимъ либеральнымъ образомъ мыслей и своей замѣчательной храбростію. Дальнѣйшимъ поводомъ къ возстанію былъ несправедливый приговоръ главы децемвировъ Аппія Клавдія въ дѣлѣ о свободѣ Виргиніи, дочери центуріона Луція Виргинія, невѣсты бывшаго народнаго трибуна Ицилія, въ которую Аппій Клавдій самъ влюбился. Чтобы овладѣть Виргиніей, Аппій Клавдій прибѣгнулъ къ постыдной клеветѣ. По его внушенію одинъ изъ его кліентовъ явился предъ судомъ и объявилъ Виргинію своею бѣглою рабыней. Аппій Клавдій присудилъ выдать ему Виргинію, которую немедленно и отвели-бы силою въ его домъ, если-бы этому не помѣшали отецъ ея и женихъ Ицилій. Этотъ приговоръ такъ поразилъ отца несчастной дѣвушки, что онъ для спасенія своей дочери отъ позора рѣшился вонзить ей ножъ въ грудь на площади предъ массою собравшагося народа. Между тѣмъ какъ народъ, изумленный и испуганный неслыханнымъ дѣломъ, стоялъ вокругъ трупа прекрасной дѣвушки, Аппій Клавдій повелѣлъ своимъ служителямъ привести отца и жениха на судъ къ нему для отвѣта за послушаніе противъ его власти. Это окончательно возмутило народъ. Между тѣмъ какъ сенатъ трепещетъ и колеблется, отецъ и женихъ съ многочисленными свидѣтелями страшнаго дѣла являются въ оба лагерь, войска оставляютъ своихъ предводителей, проходятъ въ боевомъ порядкѣ городъ и располагаются лагеремъ на Авентинѣ. Децемвиры все еще отказываются сложить свою власть. Тогда плебеи еще разъ идутъ на Священную гору и тамъ избираютъ себѣ трибуновъ. Лишь теперь, когда ежеминутно могло начаться въ стѣнахъ Рима кровопролитіе, отказались децемвиры отъ своей обезславленной власти. Между патриціями и плебеями состоялось соглашеніе, въ силу котораго трибунатъ былъ восстановленъ. Обвиненія противъ децемвировъ кончились тѣмъ, что два наиболѣе виновные изъ нихъ, Аппій Клавдій и Спурий Опцій, лишили себя жизни въ темницѣ, остальные восемь отправились въ изгнаніе, а имѣнія ихъ конфискованы.

Законы Валерія и Горація. Посредниками этого втораго соглашенія между патриціями и плебеями были Луцій Валерій и Маркъ Горацій. Благодаря ихъ содѣйствію, а также дружнымъ и настойчивымъ требованіямъ вновь избранныхъ трибуновъ, по уничтоженіи децемвирата, восстановлено было прежнее государственное устройство съ тѣмъ новымъ условіемъ, чтобы всѣ постановленія трибутскихъ комицій имѣли силу за-

кона и чтобы впредь каждый магистратъ, даже диктаторъ, давалъ при своемъ назначеніи обязательство допускать провокацію.

Избранные въ консулы, Луцій Валерій и Маркъ Горацийъ обратили эти столь важныя для плебеевъ постановленія въ положительныя законы, представивъ ихъ на утвержденіе народныхъ собраній. По закону Валерія, постановленія комицій по трибамъ стали обязательными для всего римскаго народа. Съ этого времени трибунамъ и трибутскимъ комиціямъ было также предоставлено вліяніе на администрацію и финансы. Управление военною казною было отнято у консуловъ и отдано двумъ квесторамъ изъ патриціевъ. Еще болѣе важнымъ по своимъ послѣдствіямъ нововведеніемъ было то, что трибунамъ предоставленъ былъ совѣщательный голосъ въ сенатѣ. Но сенату казалось сначала униженіемъ своего достоинства впустить плебейскихъ трибуновъ въ курію сената, а потому для нихъ поставлена была скамья у дверей въ вестибулъ (*vestibulum*), откуда они могли слѣдить за совѣщаніями. Тѣмъ не менѣе уже нельзя было теперь воспретить трибунамъ вмѣшательство въ опредѣленія сената, и такимъ образомъ установилось мало-по-малу новое положеніе, по которому всякое опредѣленіе сената могло быть остановлено вмѣшательствомъ одного трибуна чрезъ его veto (*jus intercedendi* *). Такимъ образомъ съ постепеннымъ развитіемъ значенія трибутскихъ собраній, особенно со времени закона Валерія, послѣдовательно, хотя и медленно возрастало вліяніе трибуновъ на опредѣленія сената и наконецъ достигло такой силы, что сенатъ во всѣхъ общегосударственныхъ мѣрахъ долженъ былъ предварительно спрашивать мнѣнія трибуновъ.

Законъ Канулея; борьба за государственныя должности. Послѣ уничтоженія децемвирата и возвѣщенія авторитета трибутскихъ комицій и трибуновъ, нѣкоторыя изъ знатнѣйшихъ плебейскихъ фамилій, получившія съ самаго начала республики доступъ въ сенатъ и примкнувшія своими интересами къ господствовавшему классу патриціевъ, обратили теперь вниманіе на положеніе своихъ низшихъ собратій и стали стремиться къ тому, чтобы стать во главѣ ихъ путемъ занятія вліятельной должности трибуновъ и употребить свое вліяніе для политическаго возвышенія своего сословія. Только съ этого времени уравненіе сословій начало быстро двигаться впередъ. Уже менѣе чѣмъ чрезъ 4 года послѣ низложенія децемвировъ были уничтожены самыя существенныя препятствія къ сближенію между собой сословій, именно, незаконность брака между патриціями и плебеями и недопущеніе послѣднихъ къ занятію должностей. Въ 445 году закономъ Канулеевымъ было опредѣлено, что бракъ между патриціями и плебеями считался законнымъ римскимъ бракомъ (*connubium*) и рожденныя отъ него дѣти слѣдовали-бы состоянію отца; далѣе было опредѣлено, вмѣсто консуловъ, избирать военныхъ трибуновъ съ консульскою властію (*tribuni militares consulari potestate*) и допустить къ этой должности какъ патриціевъ, такъ и плебеевъ, обязаныхъ военною службою. Но патриціи еще долгое время не могли помириться съ этой послѣдней уступкой, и ежегодно возобновлялся споръ

*) Впослѣдствіи по плебисциту Аунія, (129 г. до Р. Х.) трибуны являются настоящими сенаторами и получаютъ право созывать сенатъ (*jus cum patribus agendi* или *jus senatus habendi*) и дѣлать ему представленія (*jus interferendi*).

о томъ, выбирать-ли консуловъ изъ патриціевъ, или военныхъ трибуновъ съ консульскою властію изъ обоихъ сословій. При этомъ патриціи прибѣгали къ всевозможнымъ мѣрамъ и хитростямъ чтобы не допустить плебеевъ къ должности военныхъ трибуновъ съ консульскою властію. Съ этой цѣлію патриціи старались дѣйствовать на выборы посредствомъ подкупа и угрозъ и посредствомъ авторитета жреческихъ коллегій. Когда выборы оказывались неблагоприятными для патриціевъ, тогда спрашивали жрецовъ, не было-ли при этихъ выборахъ какого либо упущенія въ птицегаданіи, или въ другихъ религиозныхъ церемоніяхъ, и жрецы не затруднялись въ такомъ случаѣ открывать какія либо мнимыя упущенія, вслѣдствіе чего выборы считались уже недѣйствительными. Такимъ образомъ, только въ 400 г., т. е. чрезъ 45 лѣтъ послѣ формальнаго допущенія плебеевъ къ занятію должности военныхъ трибуновъ съ консульскою властію, состоялся первый выборъ плебея въ эту должность. Уступивъ наконецъ плебеямъ то, что составляло самую сущность консульской власти, патриціи отказывали имъ, однакожь, въ почетномъ имени консула и въ допущеніи ихъ къ чести триумфа. Мало того: чтобы умалить значеніе военныхъ трибуновъ съ консульскою властію, въ которой получили доступъ и плебеи, патриціи стали раздроблять прежнюю нераздѣльную власть консула, стараясь сохранить исключительно въ рукахъ своего сословія нѣкоторыя права консульской власти. Такимъ образомъ, составленіе бюджета, переписи гражданъ и реестровъ податей, принадлежавшее прежде консуламъ или назначеннымъ ими чиновникамъ, было уже въ 443 г. передано двумъ оцѣнщикамъ или цензорамъ (*censores*), выбираемымъ центуріями лишь изъ патриціевъ. Главная обязанность цензоровъ заключалась въ оцѣнкѣ имущества гражданъ, находившейся въ тѣсной связи не только со всею финансовою системою государства, но и съ подраздѣленіемъ гражданъ на центуріи и съ основаннымъ на немъ участіемъ каждаго въ государственномъ управленіи. Немедленно по вступленіи въ должность, цензоры собирали народъ на Марсовомъ полѣ, производили перепись имуществу гражданъ и соединенный съ нею смотръ военнымъ силамъ республики. Всѣ граждане являлись вооруженные и поочереди объявляли цензору подъ присягою свое имущество. За ложное показаніе лишали имущества и свободы. Не явившійся на цензь терялъ право гражданства. Изъ собранныхъ данныхъ цензоры составляли податной реестръ и списокъ гражданамъ по классамъ, цензуріямъ и трибамъ. Впослѣдствіи съ важной обязанностію цензора относительно ценза соединилось наблюденіе за нравами гражданъ, военною дисциплиною, назначеніемъ податей и администраціей. Впрочемъ, надзоръ за нравами, возложенный на цензоровъ, былъ собственно надзоръ не за нравственностію гражданъ въ современномъ смыслѣ этого слова, но касался того, что составляло особенность національнаго характера римлянъ, ихъ старинныхъ нравовъ и понятій. Право надзора за сохраненіемъ старинныхъ нравовъ и образа мыслей давало цензорамъ большое вліяніе на государ-

ство. Они справлялись объ образѣ жизни и репутаціи каждаго римлянина и имѣли право, для искорененія всѣхъ вредныхъ для семейной и государственной жизни проступковъ и привычекъ, подвергать наказаніямъ гражданъ всѣхъ классовъ. Они могли даже исключить изъ сената недостойныхъ членовъ, но только на пять лѣтъ, потому что новые цензоры имѣли право допустить ихъ снова въ число сенаторовъ. Сначала цензоры избирались чрезъ каждыя пять лѣтъ, такъ какъ первоначально перепись гражданъ и оцѣнка ихъ имущества или цензъ производились чрезъ каждое пятилѣтіе (lustrum); но уже чрезъ 9 лѣтъ по утвержденіи цензуры былъ изданъ законъ, по которому цензоры не могли занимать своей должности долѣе 18-ти мѣсяцевъ.

Во время борьбы между патриціями и плебеями Римъ неоднократно подвергался нападеніямъ отъ сосѣднихъ народовъ, отъ сабиновъ, эквовъ, вольсковъ и др.; но всякій разъ, когда внѣшніе враги угрожали государству, оба сословія прекращали свои распри и старались превзойти другъ друга воинскою доблестью. Благодаря такому патриотическому единодушію, эквы и вольски къ концу пятого вѣка были уже совершенно побѣждены. Значительная часть земель покоренныхъ народовъ была роздана римскимъ и латинскимъ поселенцамъ. Но, по окончаніи этихъ войнъ, опять начались внутреннія волненія и борьба партій.

Нашествіе галловъ. Едва римляне побѣдоносно окончили войны съ сосѣдними вольсками и эквами, а также успѣли покорить пограничный съ Лаціумомъ сильно укрѣпленный этрусскій городъ Вейи и проложили себѣ такимъ образомъ путь къ покоренію всей Этруріи, какъ Римъ самъ едва не погибъ отъ нашествія галловъ.

Еще во время первыхъ римскихъ царей галлы перешли изъ нынѣшней Франціи чрезъ Альпы въ сѣверную Италію. Отсюда это дикое, воинственное племя стало распространяться на югъ. Въ 390 г. до Р. Х. галлы стали приближаться къ Риму. Вышедшее къ нимъ на встрѣчу римское войско въ числѣ 40,000 потерпѣло рѣшительное пораженіе при рѣчкѣ Алліи, на лѣвомъ берегу Тибра, такъ что только незначительная часть римскаго войска, спасаясь бѣгствомъ, укрѣпилась въ городѣ Вейяхъ. Дорога въ Римъ была открыта галламъ. При извѣстіи объ испытанномъ отъ галловъ пораженіи, въ Римѣ распространился ужасъ. Кто могъ — спасался бѣгствомъ въ южную Италію; тысячи мужественныхъ гражданъ заперлись въ крѣпости Рима—Капитоліи. Въ городѣ остались только старѣйшіе изъ сенаторовъ, не желавшіе пережить гибель роднаго города. Галлы безпрепятственно вступили въ опустѣвшій, беззащитный Римъ, перебили сенаторовъ, разграбили и сожгли городъ. Затѣмъ они стали осаждать Капитолій *). Но когда жизненные припасы осажденныхъ стали

*) По преданію, они однажды въ темную ночь взобрались уже на крѣпостную стѣну, но крикъ священныхъ гусей въ храмѣ Юноны во время разбудилъ Марка Манлія, который сбросилъ въ пропасть перваго изъ взбиравшихся на стѣну варваровъ и этимъ спасъ Римъ.

истощаться, они предложили осаждающимъ выкупъ за снятіе осады, Галлы тѣмъ охотнѣе согласились войти въ соглашеніе съ римскимъ гарнизономъ, что и ихъ съѣстные припасы быстро истощались въ разграбленной странѣ, а лѣтнія римскія лихорадки опустошали ихъ ряды. Предводитель галловъ (брентъ) потребовалъ 1,000 ф. золота. Римляне согласились. Галлы ушли послѣ семимѣсячной осады и съ добычей своей счастливо вернулись въ отечество. Но римское преданіе рассказываетъ, что галлы изгнаны были Маркомъ Фуриемъ Камилломъ, который приобрѣлъ уже до того времени извѣстность покореніемъ Вейевъ. Будучи избранъ въ диктаторы укывшимися въ Вейяхъ римлянами, Камиллъ будтобы прибылъ съ войскомъ на выручку Рима въ то самое время, когда римляне отвѣщивали галламъ золото, и заставилъ ихъ удалиться во свояси.

Законы Лицинія и Секстія и окончательное уравненіе сословій въ Римѣ. Уже скоро послѣ изгнанія галловъ снова возникли въ Римѣ прежнія внутреннія распри, вызванныя, главнымъ образомъ, всеобщей нуждой, бывшей слѣдствіемъ галльской войны. Неизбѣжное возвышеніе налоговъ, возстановленіе разрушенныхъ жилищъ, поправка опустошенныхъ полей и необходимость приобретать вновь рабочія орудія и скоть вовлекли большую часть народа въ долги. Корыстолюбивые-же богачи изъ патриціевъ и плебеевъ пользовались этими денежными затрудненіями, и должники были принуждены испытывать на себѣ всю строгость и жестокость долговыхъ законовъ. Между патриціями явились нѣкоторые, желавшіе помочь всеобщей нуждѣ, но ихъ стремленія увѣнчались не лучшимъ успѣхомъ, чѣмъ благородное стремленіе Спурія Кассія. Особенно ревностнымъ защитникомъ утѣсненныхъ выступилъ Маркъ Манлій, спаситель Капитолія, во время осады его галлами прославившійся своею храбростію. Одного храбраго офицера хотѣли посадить въ долговую тюрьму. Манлій вступился за него и внесъ за него свои деньги. Онъ освободилъ также многихъ заключенныхъ за долги, ссудивъ ихъ деньгами безъ процентовъ, и предложилъ въ продажу свои помѣстья, громко объявляя, что пока у него есть хоть пядень земли, онъ не потерпитъ такихъ несправедливостей. Затѣмъ онъ пошелъ еще дальше и предложилъ, чтобы для погашенія долговъ была продана часть государственныхъ земель. Этого было достаточно для того, чтобы вся правительственная партія, патриціи и знатные плебеи, соединилась противъ опаснаго нововводителя. Обвиненіе въ государственной измѣнѣ, въ стремленіи къ царской власти, подѣйствовало на народъ. Народные трибуны формально подтвердили въ центуриатскихъ комиціяхъ направленное противъ Манлія обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Манлій былъ приговоренъ къ смерти и, согласно предписанному въ законѣ наказанію за намѣреніе разрушить существующій государственный порядокъ, былъ низвергнутъ съ Тарпейской скалы, а жилище его сравнено съ землею (383 г. до Р. Х.).

Но уже чрезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Манлія снова возгорѣвшаяся борьба между патриціями и плебеями была окончательно рѣшена

въ пользу послѣднихъ. Это было достигнуто законами Кая Лицинія Столона и Луція Секстія Латерана. Лициній Столонъ былъ знатный плебей, женатый на дочери патриція и пользовавшійся такимъ уваженіемъ народа, что могъ надѣяться быть избраннымъ въ консулы, какъ только достоинство это сдѣлается доступнымъ для плебеевъ. Поэтому онъ соединился съ другимъ знатнымъ плебеемъ Секстіемъ Латераномъ, и оба они рѣшились добиться званія народныхъ трибуновъ, чтобы затѣмъ стремиться къ уничтоженію запрещенія для плебеевъ занятія консульской должности и къ осуществленію нѣкоторыхъ существенныхъ мѣръ для облегченія страдающаго отъ долговъ и бѣдности земледѣльческаго класса. Избранные въ 376 г. въ народные трибуны, Лициній и Секстій предложили слѣдующіе законы: во 1-хъ, отмѣнить должность военныхъ трибуновъ съ консульскою властію и вмѣсто нихъ выбирать двухъ консуловъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ былъ-бы плебей, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть плебеямъ доступъ въ одну изъ трехъ высшихъ жреческихъ коллегій, именно въ коллегію хранителей оракуловъ (*decemviri sacris faciundis*), во 2-хъ, предоставить всѣмъ гражданамъ право на пользованіе государственными землями (*ager publicus*), но съ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый изъ патриціевъ могъ удержать не болѣе 500 югеровъ (ок. 150 десятинъ) и, въ 3-хъ, дозволить должникамъ уплачивать накопившіеся долги съ разсрочкою, засчитывая при этомъ въ счетъ долга уплаченные уже проценты.

Напрасно употребляли патриціи всѣ возможные средства противъ этихъ законовъ. Лициній и Секстій, 10 лѣтъ сряду избираемые въ трибуны, съ замѣчательною энергіей отстаивали свои законы, не смотря не только на упорное сопротивленіе патриціевъ, но даже на встрѣченную вначалѣ оппозицію со стороны остальныхъ 8-ми трибуновъ. Когда-же, наконецъ, между трибунами установилось единодушіе, сенатъ думалъ отсрочить необходимую уступку, провозгласивъ диктаторомъ Камилла, ревностнаго защитника патриціанскихъ интересовъ. Но настойчивость народныхъ трибуновъ ничто не могло поколебать. Патриціи соглашались уступить требованіямъ относительно общественнаго поля и относительно ограниченія мѣры владѣнія общественнымъ полемъ, но не могли долгое время рѣшиться допустить плебеевъ къ должности консула. Трибуны-же соединили всѣ эти требованія въ одно предложеніе (*rogatio*). Наконецъ, послѣ 10-ти-лѣтняго тщетнаго сопротивленія, сенатъ долженъ былъ уступить, и предложенія Лицинія получили силу закона (366 г. до Р. X.). Въ слѣдующемъ-же году избранъ былъ консуломъ Секстій Латеранъ.

Въ первое время послѣ принятія Лициніевыхъ законовъ они были часто нарушаемы назначеніемъ обоихъ консуловъ изъ патриціевъ, но съ 343 г. до Р. X. этого уже болѣе не встрѣчается.

Какъ только консульство стало доступно плебеямъ, патриціи, чтобы удержать хоть часть своихъ привиллегій, настояли на томъ, чтобы выс-

шая судебная власть отдѣлена была отъ консульства подѣ предлогомъ, что право извѣстно исключительно однимъ патриціямъ. Такимъ образомъ для судопроизводства назначенъ былъ особый третій консулъ или, какъ онъ обыкновенно называется, преторъ, избравшійся лишь изъ патриціевъ. Преторъ былъ товарищемъ консуловъ по занятіямъ, наравнѣ съ ними избирался въ центуриатскихъ комиціяхъ, съ соблюденіемъ тѣхъ-же религіозныхъ церемоній, и въ отсутствіи консуловъ заступалъ ихъ мѣсто. При вступленіи въ должность, преторъ излагалъ свои воззрѣнія и основанія, которыми онъ намѣревался руководствоваться въ судопроизводствѣ; эти ежегодные эдикты преторовъ содѣйствовали мало-по-малу выработкѣ положительнаго римскаго законодательства, вполнѣ примѣнимаго къ потребностямъ времени. Число преторовъ постепенно возрастало: вмѣсто одного стали избирать позже 2-хъ, 4-хъ и наконецъ 10 преторовъ. Что касается до полицейскаго судопроизводства, то оно перешло въ руки двухъ вновь назначенныхъ патриціанскихъ эдиловъ, которые для отличія отъ плебейскихъ названы эдилами курульными, т. е. съ судейскимъ кресломъ (aediles curules). На эдиловъ была возложена обязанность распорядиться публичными играми. Они наблюдали также за торговлей, за общественными зданіями и соборженіями, за чистотою и порядкомъ на улицахъ и площадяхъ. Въ Римѣ было всегда по два плебейскихъ и по два курульныхъ эдила.

Кромѣ двухъ вновь учрежденныхъ должностей, патриціи удержали за собой еще на нѣкоторое время диктаторство, цензорство и должности жрецовъ; но, уже скоро послѣ учрежденія курульныхъ эдиловъ, и плебеи получили доступъ къ этой должности. Уже черезъ 10 лѣтъ послѣ принятія Лициніевыхъ законовъ (356 г.), плебей былъ избранъ въ диктаторы. Въ 338 году плебеи получили доступъ къ цензорству, а черезъ два года послѣ этого и къ преторству. Наконецъ черезъ 40 лѣтъ послѣ того, именно въ 302 году до Р. Х., плебеямъ открылся доступъ и къ должности верховнаго жреца.

ЗАВОЕВАНІЕ СРЕДНЕЙ ИТАЛІИ РИМЛЯНАМИ.

Послѣ уравнианія плебеевъ съ патриціями, когда внутренніе раздоры въ Римѣ совершенно прекратились, римляне, сильные единодушіемъ и соревнованіемъ гражданъ въ служеніи отечеству, сдѣлались могущественнѣйшимъ народомъ на Аппенинскомъ полуостровѣ и подчинили себѣ мало-по-малу всю Италію. Но до этого имъ пришлось выдержать цѣлый рядъ упорныхъ войнъ съ самнитами, латинами, съ Тарентомъ и съ цизальпийскими галлами.

Первая война съ самнитами. Въ то время, какъ римскій народъ вступалъ въ періодъ полнаго развитія своихъ силъ и стремился упрочить связь съ своими колоніями, основанными на вновь приобретаемыхъ земляхъ, Самніумъ все болѣе слабѣлъ вслѣдствіе постепеннаго выселенія изъ него нѣкоторыхъ племенъ и основанія самнитскихъ городовъ въ Кампаніи и въ нѣкоторыхъ областяхъ Южной Итали (въ Луканіи и Бруціумѣ). Паденіе этрусскаго могущества около половины V вѣка и упадокъ греческихъ колоній въ половинѣ IV вѣка дали самнитскому племени, стѣсненному въ горномъ Самніумѣ, большой просторъ для передвиженія на западъ и на югъ, и съ этихъ поръ толпы самнитовъ начали одна за другою покидать свою первобытную родину. Распространяясь по Южной и отчасти по Средней Итали, самнитское племя распалось на множество народовъ, изъ которыхъ нѣкоторые мало по малу утратили почти совершенно свой первоначальный характеръ подъ вліяніемъ новыхъ мѣстныхъ и историческихъ условій. Такая перемѣна произошла особенно въ характерѣ самнитовъ, утвердившихся въ Кампаніи, которые, какъ подъ вліяніемъ климата и роскошнаго плодородія своего новаго отечества, такъ и подъ вліяніемъ усвоенныхъ ими греческихъ нравовъ и образованія, утратили прежнюю энергію и простоту нравовъ своего племени. Коренные же самниты, оставшіеся въ горномъ Самніумѣ, вполнѣ еще сохраняли свои древнія національныя учрежденія и первобытную простоту нравовъ. Этотъ-то храбрый и сильный народъ вступилъ съ римлянами въ борьбу, продолжавшуюся съ небольшими промежутками 50 лѣтъ и окончившуюся утвержденіемъ римскаго господства во всей Средней Итали, такъ какъ, при всемъ мужествѣ самнитянъ и ихъ воинственности, имъ совершенно не доставало прочной политической организаціи и единства, именно того, что составляло основаніе могущества Рима въ періодъ полнаго развитія внутреннихъ его силъ.

Поводъ къ первой самнитской войнѣ былъ данъ утвердившимися въ Кампаніи самнитами, которые около половины V вѣка отняли эту область у господствовавшихъ надъ ней этрусковъ. Между тѣмъ эти кампанскіе самниты пришли въ столкновеніе, въ половинѣ IV вѣка, съ коренными горными самнитами, когда послѣдніе попытались покорить издревле жившія на границахъ Самніума племена, изъ которыхъ одно племя, сидицины, призвало къ себѣ на помощь кампанскихъ самнитовъ изъ Капуи. Кампанцы обѣщали сидицинамъ свою помощь, но въ то-же время, опасаясь превосходства силъ своихъ горныхъ соплеменниковъ изъ Самніума, сами обратились за помощію къ Риму. Римляне, незадолго предъ тѣмъ заключившіе союзъ съ самнитами, боялись вступить въ союзъ съ кампанцами и потому обѣщали имъ помощь только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы кампанцы признали надъ собою господство Рима и тѣмъ самымъ дали-бы ему право принять ихъ подъ свою защиту. Въ виду этого, кампанцы формальнымъ договоромъ признали себя римскими подданными. Тогда Римъ потребовалъ отъ самнитовъ, чтобы они прекратили враждеб-

ныя дѣйствія противъ кампанцевъ, какъ признавшихъ надъ собою власть римскаго народа. Самниты не только отвергли такое требованіе, но даже объявили заключенный съ кампанцами договоръ нарушеніемъ мира. Тогда въ Кампанію двинулись римскіе легіоны подъ предводительствомъ обоихъ консуловъ—Валерія Корва и Корнелія Косса.

Подробности самаго хода первой самнитской войны (какъ изложены они у Т. Ливія) крайне сбивчивы и недостовѣрны. Вѣрнымъ можно считать только то, что въ силу мирнаго договора, заключеннаго между римлянами и самнитами, первые удержали за собой Капуу, а послѣднимъ предоставленъ былъ, повидимому, городъ сидициновъ Теанумъ. Уступчивость римлянъ объясняется тѣмъ, что они торопились окончаніемъ войны, вслѣдствіе наступленія серьезной и опасной для нихъ войны съ латинами.

Латинская война (340—338). Латины, тяготясь своимъ подчиненнымъ положеніемъ относительно Рима, рѣшились воспользоваться завязавшею уже борьбою между римлянами и самнитами для достиженія полнаго политическаго равенства съ римскими гражданами и для полнаго сліянія латинскихъ городовъ съ Римомъ въ одно государство. Такимъ образомъ, латины потребовали отъ Рима права участвовать въ сенатѣ, въ консульствѣ и во всѣхъ должностяхъ. Римляне не хотѣли уступить, и потому завязалась у нихъ ожесточенная война съ латинами. Такъ какъ послѣдніе соединились съ кампанцами и нѣкоторыми другими народами Италіи, то въ Кампанію были тотчасъ-же посланы двѣ римскія арміи подъ начальствомъ консуловъ Тита Манлія Торквата и Публия Деція Муса. Здѣсь, у подошвы Везувія, произошла (340 г. до Р. Х.) рѣшительная битва, доставившая римлянамъ первенство во всей Италіи. Консулы, начальствовавшіе надъ римлянами въ этой битвѣ, приобрѣли геройскую славу и считались впослѣдствіи идеалами римскаго мужества, дисциплины, самопожертвованія и любви къ отечеству.

По преданію, консулъ Манлій Торкватъ предъ сраженіемъ запретилъ, подъ страхомъ смертной казни, кому-либо изъ римскихъ воиновъ вступать въ единоборство съ непріателемъ. Между тѣмъ, сынъ Манлія Торквата, встрѣтившись во время развѣдокъ съ однимъ изъ латинскихъ военачальниковъ, принялъ предложенный имъ въ насмѣшку вызовъ на единоборство и, убивъ его, съ торжествомъ возвратился въ лагерь. Тогда Манлій Торкватъ, чтобы показать войску примѣръ страшнаго наказанія за нарушеніе дисциплины, пожертвовалъ единственнымъ сыномъ: собравъ все войско, Манлій Торкватъ объявилъ, что подвигъ сына радуется его, какъ отца, но что, какъ консулъ, онъ долженъ за это наказать, и приказалъ подвергнуть сына смертной казни. Другой-же консулъ, П. Децій Мусъ, приобрѣлъ еще большую славу, обрекши самого себя на смерть ради спасенія отечества. По преданію, предъ началомъ битвы у подошвы Везувія оба консула слышали во снѣ предвѣщаніе о томъ, что въ предстоящемъ сраженіи должны погибнуть: съ одной

стороны—войско, а съ другой—одинъ изъ предводителей, какъ жертва преисподнимъ богамъ. Чтобы обратить это предсказаніе въ пользу римлянъ, консуль Децій Мусъ, увидѣвъ, что крыло, которымъ онъ начальствовалъ, уже въ самомъ началѣ сраженія начало отступать, рѣшился принести себя въ жертву подземнымъ богамъ (*dii Manes* или *indigetes*). Попросивъ главнаго жреца произнести надъ нимъ предсмертное напутствіе, онъ надѣлъ сенаторскую тогу, всталъ на свой мечъ и, покрывъ голову, громко произнесъ заклинаніе, которымъ онъ приносилъ себя какъ очистительную жертву (*piaculum*) подземнымъ богамъ за все римское войско. Потомъ онъ бросился въ ряды латиновъ и палъ, пронзенный ихъ стрѣлами *). Сраженіе у подошвы Везувія было очень кровопролитно и, благодаря самопожертвованію Деція Муса, побѣда осталась за римлянами, такъ какъ единовѣрные съ римлянами латины, испугавшись самопожертвованія римскаго полководца, совершенно пали духомъ: едва четвертая часть латинскаго войска ушла съ поля битвы.

Отъ этого пораженія латины скоро оправились. Между тѣмъ, положеніе римлянъ сдѣлалось весьма затруднительнымъ: не только кампанцы, не смотря на недавно предложенное имъ добровольное подданство Риму, приняли участіе въ дѣлѣ латинскаго союза, но и вольски воспользовались возстаніемъ латиновъ, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку освободиться отъ римскаго владычества. Вслѣдствіе возстанія латиновъ и вольсковъ, римскіе легіоны, занявшіе Кампанію, были совершенно отрѣзаны отъ отечества. Только рѣшительная побѣда могла ихъ спасти. Къ счастью для римлянъ, консуль Манлій Торкватъ одержалъ вскорѣ рѣшительную побѣду надъ латинами и ихъ союзниками, вслѣдствіе которой силы латиновъ были окончательно разстроены и древній союзъ латиновъ совершенно распался. Лишь нѣкоторые латинскіе города продолжали еще сопротивляться; поэтому война затянулась еще на два года, пока она не окончилась совершеннымъ покореніемъ всего Лаціума. Держась обычнаго правила своей политики: раздѣлай и властвуй (*divide et impera*), римляне постарались разъединить интересы покоренныхъ городовъ, даровавъ имъ различныя права. Съ городами, оказавшими наибольшее сопротивленіе римлянамъ, было поступлено наиболѣе жестоко: жители этихъ городовъ должны были переселиться въ Римъ, а земли ихъ розданы были римскимъ поселенцамъ; нѣкоторымъ городамъ даны были права римскаго гражданства съ различными ограниченіями; большая-же часть латинскихъ городовъ получили полное право римскаго граждан-

*) По словамъ Ливія, каждому военачальнику представлялось по усмотрѣнію обречь въ жертву подземнымъ богамъ не только себя самого, но и всякаго другаго, служащаго въ легіонѣ, если это дѣлалось съ цѣлію погубить совершенно непріятельское войско. Если посвященный подземнымъ богамъ не находилъ желаемой смерти, то онъ считался въ продолженіе всей своей жизни нечистымъ, и вмѣсто него приносилась очистительная жертва: дѣлали изъ дерева статую человѣка, зарывали ее въ землю и на этомъ же мѣстѣ убивали быка.

ства. Часть земель, отнятыхъ у латинскихъ городовъ, раздѣлена была между римскими гражданами. Для обезпеченія Риму обладанія всею латинскою областью основаны были тамъ двѣ новыя колоніи, отрѣзавшія вмѣстѣ съ тѣмъ латиновъ отъ моря, которое римляне ревниво приберегали для себя: ни одинъ латинскій городъ не имѣлъ права содержать военные корабли. Такимъ образомъ римляне окончательно утвердили свое владычество въ Лаціумѣ.

Вторая самнитская война. Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ первой войны римлянъ съ самнитами, между ними снова завязалась упорная война, продолжавшаяся слишкомъ 21 годъ (326—306 г.) и вызванная соперничествомъ римлянъ и самнитовъ въ стремленіи къ покоренію плодородной Кампаніи. Считая войну съ самнитами чрезвычайно опасною и важною, римляне избрали диктаторомъ одного изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ Луція Папірія Курсора, которому удалось въ скоромъ времени нанести такое пораженіе самнитамъ, что они принуждены были просить мира. Папірій, опасаясь раздражить самнитовъ отказомъ и довести этотъ энергическій народъ до отчаяннаго сопротивленія, согласился заключить миръ, удовольствовавшись тѣмъ, что самниты признали превосходство римлянъ и заплатили денежную пеню; но римскій сенатъ согласился только заключить перемиріе на одинъ годъ.

По возобновленіи войны, римляне, предводимые прославившимся уже въ началѣ этой войны консуломъ Кв. Фабіемъ Максимомъ Руллианомъ, вели войну съ такимъ успѣхомъ, что самниты вторично должны были просить мира; но тяжелыя требованія, предъявленныя римскимъ сенатомъ, вызвали самнитовъ на отчаянную и продолжительную борьбу.

На пятый годъ войны (321 г.) самнитяне, предводимые талантливымъ и храбрымъ полководцемъ Понціемъ, жестоко отомстили римлянамъ за ихъ высокомерныя требованія и унижительный отказъ въ просимомъ мирѣ. Хитрому Понцію удалось завлечь все римское войско въ засаду, гдѣ онъ рассчитывалъ легко уничтожить его однимъ ударомъ. Вдавшись въ обманъ, римляне углубились въ горы и очутились въ долинѣ, замыкаемой съ обоихъ концовъ ущельями, называемыми по имени сосѣдняго самнитскаго города Каудиумъ — Кавдинскими ущельями. Римляне съ ужасомъ увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ главными силами самнитовъ. Въ этомъ безвыходномъ положеніи римскіе консулы принуждены были сдаться со всѣмъ своимъ войскомъ (отъ 40 до 50 т. чел.). По договору, вынужденному Понціемъ у консуловъ, римляне обязывались очистить всѣ самнитскія владѣнія, уничтожить основанныя тамъ колоніи и хранить миръ съ самнитами. Къ довершенію позора, римское войско, отпущенное самнитами, принуждено было пройти подъ ярмомъ, оставивъ у самнитовъ 600 всадниковъ въ качествѣ заложниковъ.

Извѣстіе о пораженіи въ Кавдинскихъ ущельяхъ и о возвращеніи обезпеченнаго войска произвело въ Римѣ ужасное и подавляющее впечатлѣніе. Весь городъ одѣлся въ трауръ, всѣ дѣла были остановлены;

на мѣсто консуловъ, сложившихъ свое званіе, назначенъ былъ диктаторъ. Римскій сенатъ отказался принять заключенный договоръ и выдалъ самнитамъ тѣхъ, которые заключили его. Такимъ образомъ удалось сенату возстановить упавшій духъ римскаго войска. По словамъ римскихъ историковъ, честь римлянъ была возстановлена уже на слѣдующій годъ послѣ Кавдинскаго пораженія блистательными побѣдами римскихъ консуловъ надъ самнитами. Въ особенности удалось загладить кавдинскій позоръ консулу Луцію Папірію Курсору, который не только освободилъ находившихся у самнитовъ римскихъ заложниковъ, но одержалъ въ одномъ сраженіи (въ Апуліи) рѣшительную побѣду надъ самнитами и заставилъ всѣхъ схваченныхъ плѣнныхъ, и въ числѣ ихъ самого Понція, пройти подъ игомъ. Но и послѣ этого война, благодаря упорному сопротивленію самнитовъ, продолжалась еще 16 лѣтъ. Перевѣсъ оставался большею частію на сторонѣ римлянъ, покорившихъ себѣ во время этой войны окончательно всю Апулію. Оставленные всѣми союзниками самниты просили мира, но напрасно. Лишь паденіе самнитской столицы Бовіанума, взятой съ боя соединенными римскими арміями послѣ рѣшительной побѣды, положило конецъ войнѣ. Однакожь, по договору, заключенному въ 305 году, самниты сохранили свою самостоятельность и не потеряли ничего изъ своихъ владѣній, но должны были также признать независимость подвластныхъ имъ до того времени лукановъ.

Во время второй самнитской войны этруски и соединившіеся съ ними умбры, а также герники, эквы и др. незначительные горные народы Средней Италіи подняли противъ Рима оружіе, надѣясь воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ римлянъ; но римляне, сильные политическимъ и военнымъ единствомъ, побѣдили всѣхъ своихъ враговъ. Слабый союзъ этрусковъ совершенно распался, и отдѣльныя государства его заключили съ Римомъ миръ. Умбры покорились римлянамъ на весьма тягостныхъ условіяхъ; мелкіе-же сабельскіе народы — одни покорились окончательно римлянамъ, другіе поставлены ими въ отношеніе союзниковъ.

Третья самнитская война: Не прошло болѣе шести лѣтъ со времени окончанія второй самнитской войны, какъ снова вспыхнула война между римлянами и самнитами. Поводомъ къ третьей самнитской войнѣ послужило то, что римляне приняли подъ свою защиту Луканію, снова почти совершенно завоеванную самнитами. Положеніе Рима было тѣмъ болѣе затруднительно, что съ самнитами соединились также недавно еще побѣжденные римлянами этруски, умбры и апулійцы, а также галлы, раздраженные противодѣйствіемъ римлянъ своимъ хищническимъ набѣгамъ на Среднюю Италію. Римляне, стремясь разъединить силы союзныхъ враговъ, еще въ началѣ войны заняли всѣ горные проходы, которые вели изъ Самніума въ земли ихъ союзниковъ. Обезопасивъ себя со стороны этрусковъ, умбровъ и апулійцевъ, римляне направили всѣ свои силы противъ самнитовъ, и, ожесточенные долговременною войною съ

ними, вели на этотъ разъ войну съ крайнею безчеловѣчностью, систематически опустошая всю страну. Самымъ рѣшительнымъ моментомъ этой войны былъ 295 годъ, когда она приняла опасный поворотъ для римлянъ, такъ какъ самниты, покинувъ свою опустошенную страну, перешли въ Умбрію и соединились тамъ съ этрусками, умбрами и галлами. Римляне избрали на этотъ годъ консулами Кв. Фабія Максима Руллиана и Публия Деція Муса, сына прославившагося во время латинской войны Деція Муса. Римскіе консулы двинулись противъ соединенныхъ непріятельскихъ войскъ и встрѣтились съ ними при умбрскомъ городѣ Сентинумѣ. Союзные враги римлянъ превосходили ихъ числомъ, но ихъ силы были ослабляемы господствовавшимъ между ними тайнымъ недоверіемъ. Битва была чрезвычайно упорною, и побѣда долго колебалась, пока наконецъ самоотверженіе П. Деція Муса не склонило ея на сторону римлянъ: когда находившаяся подъ начальствомъ Деція римская конница была уже приведена въ замѣшательство гальскими колесницами и легіоны начали уже отступать, Публий Децій, слѣдуя примѣру отца своего, принесъ себя въ жертву подземнымъ богамъ, бросившись въ самую густую толпу галловъ и найдя тамъ смерть, на которую себя обрекъ. Это геройское самопожертвованіе любимаго полководца возстановило мужество его воиновъ: отступавшіе солдаты остановились, храбрѣйшіе снова устремились впередъ, чтобы отмстить смерть своего вождя или умереть вмѣстѣ съ нимъ. Къ счастью, въ это-же время подоспѣла помощь отъ консула Фабія. Галлы сильнымъ натискомъ обращены были въ бѣгство, а вслѣдъ затѣмъ и самниты были совершенно разбиты. Цвѣтъ самнитской арміи легъ на мѣстѣ битвы. Однакожь, и послѣ этого военныя дѣйствія въ Этруріи и Самніумѣ продолжались еще нѣсколько лѣтъ. Война въ Самніумѣ сдѣлалась въ послѣдніе годы еще ожесточеннѣе, чѣмъ въ началѣ. Самниты геройски защищали свою независимость и послѣ неоднократныхъ пораженій снова вступили въ бой съ римлянами, пока послѣдніе не опустошили въ конецъ всего Самніума. Побѣды римскихъ консуловъ Манія Курія Дентата и Кв. Фабія Максима Младшаго окончательно сломили силы и стойкость самнитовъ, которые должны были признать верховное владычество римлянъ. Покореніемъ самнитовъ было положено прочное основаніе римскому владычеству въ Италіи. Въ годъ окончанія самнитскихъ войнъ (290 г.) окончательно покорены были римлянами и сабины, благодаря также побѣдамъ Манія Курія Дентата. Затѣмъ, слѣдуя своей обычной политикѣ, римляне постарались закрѣпить за собой сдѣланныя уже завоеванія основаніемъ новыхъ колоній.

УТВЕРЖДЕНІЕ ВЛАДЫЧЕСТВА РИМА ВЪ ЮЖНОЙ ИТАЛІИ.

Подчинивъ себѣ Среднюю Италію, римляне стали стремиться къ подчиненію и Южной Италіи, которая привлекала ихъ своими богатыми торговыми городами. Съ этою цѣлію искали они только случая вмѣшаться въ раздоры, происходившіе тамъ какъ между различными населявшими ее народами (греки, луканы и др.), такъ и между греческими колоніями. Поводъ къ вторженію римлянъ въ Южную Италію и къ завоеванію ея подали луканы нападеніемъ на греческій городъ Туріи, отдавшійся подъ покровительство Рима, а затѣмъ Тарентъ — дерзкимъ нападеніемъ на римскій флотъ въ тарентинской гавани.

Во время самнитскихъ войнъ луканы были союзниками римлянъ и много способствовали успѣшному для нихъ окончанію этихъ войнъ, отвлекая тарентинцевъ отъ участія въ войнѣ противъ римлянъ. Изъ благодарности къ луканамъ римляне предоставили имъ греческіе города, находившіеся въ ихъ области; но луканы, при покореніи ихъ, проявили большую жестокость. Тогда одинъ изъ этихъ городовъ, Туріи, доведенный до крайности нападеніями лукановъ, обратился къ Риму за помощью и отдался подъ его покровительство. Римляне, не нуждавшіеся уже болѣе въ луканяхъ, приняли турійцевъ подъ свою защиту и требовали отъ лукановъ, чтобы они оставили въ покоѣ городъ Туріи. Это раздражило лукановъ, и они завязали сношенія съ самнитами и тарентинцами, стараясь образовать противъ Рима новую коалицію. Римскихъ пословъ, отправленныхъ къ нимъ для дальнѣйшихъ переговоровъ, луканы захватили и начали войну съ Римомъ новымъ нападеніемъ на Туріи. Въ то-же время они призвали къ участію въ борьбѣ противъ Рима этрусковъ, умбровъ и галловъ. Скоровся сѣверная Италія возстала противъ Рима. Между тѣмъ, римляне не теряли времени и, пока еще союзники договаривались и собирались съ силами, нанесли быстрый и рѣшительный ударъ сенонскимъ галламъ, которые послѣ того были отчасти истреблены мечомъ, отчасти-же вытѣснены изъ Италіи. Такимъ образомъ, еще прежде чѣмъ успѣла образоваться коалиція противъ Рима, галлы — самый опасный членъ ея — были уже побѣждены имъ. Это развязало руки римлянамъ для болѣе энергичныхъ дѣйствій въ Южной Италіи, гдѣ они явились вскорѣ съ сильнымъ войскомъ на выручку Туріевъ, освободили этотъ городъ и разбили лукановъ на-голову. Уничтоженіе сеноновъ имѣло еще то важное послѣдствіе для римлянъ, что отдало во власть ихъ значительную полосу Адриатическаго моря, и потому они спѣшили воспользоваться этимъ, какъ-бы предвидя близкую войну съ Тарентомъ: въ прежнюю столицу сенонской области, гавань Сену (нынѣшнюю Сенигалию), отведена была колонія римскихъ гражданъ, и въ то же время римскому флоту приказано было изъ Тирренскаго моря от-

правиться въ Адриатическое, съ цѣлю прикрывать римскія владѣнія на берегу его. На пути своемъ римскій флотъ вошелъ въ тарентинскія воды и сталъ на якорь въ гавани Тарента съ полною вѣрою въ дружественное расположеніе тарентинцевъ, которые съ конца второй самнитской войны жили съ Римомъ въ ненарушимомъ мирѣ.

Между тѣмъ тарентинцы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы дать волю долго сдерживаемому раздраженію противъ Рима. Какъ только римскій флотъ вошелъ въ тарентинскую гавань, тарентинцы устремились неожиданно бѣшеною толпой на римскій флотъ и послѣ жаркаго боя овладѣли имъ; пять кораблей были взяты, а экипажъ ихъ убитъ, или проданъ въ рабство. Не довольствуясь этимъ, тарентинцы напали потомъ на Туріи, захватили въ распахъ римскій гарнизонъ и наказали турійцевъ за то, что они передались на сторону Рима.

Римскій сенатъ, желая какъ можно долѣе удержать Тарентъ нейтральнымъ, отправилъ туда посольство съ предложеніемъ миролюбивой сдѣлки на умѣренныхъ условіяхъ, согласныхъ съ честью Рима. Когда-же попытка римскаго сената сохранить миръ съ Тарентомъ осталась тщетною, а тарентинская чернь даже оскорбила самымъ недостойнымъ образомъ римскихъ пословъ, то римское войско вступило въ тарентинскую область; нанесло нѣсколько пораженій тарентинской милиціи и начало опустошать окрестности Тарента. Въ такомъ положеніи тарентинцы обратились съ просьбою о помощи къ Пирру, царю Эпирскому.

Пирръ, смѣлый, даровитый полководецъ и высокообразованный стратегъ, выработавшійся въ эпоху борьбы діадочовъ, родственникъ Александра Великаго по матери и занимавшій одно время македонскій престоль, мечталъ, подобно великому македонскому завоевателю, о всемірныхъ завоеваніяхъ, объ основаніи обширнаго эллинскаго государства на западѣ, зерно котораго составили-бы Эпиръ, Великая Греція и Сицилія, и которое отодвинуло-бы далеко на задній планъ и Римъ, и Карфагенъ. Осуществленіе такого обширнаго плана было, однакожь, не по плечу Пирру, который является скорѣе отважнымъ искателемъ приключеній, чѣмъ героемъ, подобнымъ великому завоевателю персидской монархіи.

Пирръ прибылъ въ Тарентъ въ началѣ 280 г. Его сопровождало пестрое войско, состоявшее частію изъ его собственныхъ солдатъ, частію изъ македонской пѣхоты и эссалійской конницы, данныхъ ему по договору македонскимъ царемъ, частію-же изъ различныхъ греческихъ наемниковъ. Всего Пирръ привелъ съ собою 25,000 ч. войска и кромѣ того еще 20 боевыхъ слоновъ. Между тѣмъ въ Италіи дѣла коалиціи были въ плохомъ состояніи: у союзниковъ въ южной Италіи вовсе не было войска въ полѣ; тарентинцы-же, неспособные къ войнѣ, и не думали стать въ ряды войска заодно съ солдатами Пирра, рассчитывая купить побѣды Пирра за свои деньги. Но Пирръ началъ вербовать на тарентинскія деньги италійскихъ наемниковъ, выбралъ изъ тарентинцевъ всѣхъ способныхъ къ военной службѣ людей, грозя смертію послуш-

никамъ, и вообще распорядился съ Тарентомъ какъ съ завоеваннымъ городомъ. Лишь теперь, когда Тарентъ былъ въ рукахъ Пирра, онъ могъ начать военныя дѣйствія противъ римлянъ. Римляне-же двинули главныя свои силы въ Южную Италию и слѣшили застать Пирра еще въ Тарентѣ, чтобы не дать ему времени соединить подъ своими знаменами войско самнитовъ и другихъ враждебныхъ племенъ Южной Итали, что имъ и удалось. Скоро они столкнулись съ Пирромъ близъ тарентинской колоніи Гераклеи. Римляне начали сраженіе удачною кавалерійскою атакою, и сначала конница Пирра приведена была въ разстройство. Нѣсколько разъ сходились легіоны и фаланга; уже ряды царскаго войска поколебались-было, и римляне считали-было побѣду въ своихъ рукахъ; но Пирръ, обходя ряды пѣхоты, съумѣлъ вновь оживить мужество своихъ солдатъ, а противъ римской конницы посланы были оставашіеся до сихъ поръ въ резервѣ слоны. Тогда лошади испугались, всадники не съумѣли съ ними управиться; бѣгущая конница и стремящіеся за ней слоны разорвали наконецъ замкнутый строй римской пѣхоты. Все бѣжало: слоны вмѣстѣ съ превосходною ессалійскою конницею произвели большое кровопролитіе между бѣгущими римлянами, и если-бы одинъ римскій солдатъ не ранилъ одного слона и тѣмъ самымъ не произвелъ замѣшательства въ преслѣдующихъ войскахъ, вся римская армія была-бы истреблена. Потеря со стороны римлянъ была огромная; но и Пиррово войско сильно потерпѣло: тысячи его лучшихъ, старыхъ и опытныхъ солдатъ легли на полѣ сраженія, а также большая часть отличнѣйшихъ его офицеровъ. Однакожь, эта первая побѣда надъ римлянами имѣла громадное значеніе для Пирра. Уже непосредственныя послѣдствія побѣды были значительны. Луканія была потеряна для римлянъ. Бреттіи, луканы, самниты безпрепятственно соединились съ Пирромъ; всѣ греческіе города также перешли на сторону его. Плѣннымъ римлянамъ предложилъ онъ, по греческому обычаю, вступить въ его войско; но ни одинъ римлянинъ, ни союзникъ не принялъ его предложенія. Тутъ-то Пирръ узналъ, что ему приходится считаться не съ толпою наемниковъ, а съ стойкою гражданскою силою народнаго ополченія.

Понимая невыгоду своего положенія, Пирръ, какъ прозорливый политикъ, предложилъ римлянамъ миръ. Требованія, предъявленныя Риму Пирромъ чрезъ посла его, ессалійца Кинеаса, были слѣдующія: освобожденіе отъ римскаго владычества всѣхъ греческихъ городовъ и возвращеніе самнитамъ, луканамъ и бреттіямъ отнятыхъ у нихъ областей. Римскій сенатъ поколебался-было и готовъ былъ признать независимость отложившихся государствъ; но тутъ старый и слѣпой консуляръ Апшій Клавдій, уже давно удалившійся отъ государственныхъ дѣлъ, велѣлъ привести себя въ сенатъ въ самую рѣшительную минуту и своими огненными рѣчами остановилъ колебанія сената и заставилъ дать царю эфирскому гордый отвѣтъ, что Римъ не ведетъ переговоровъ, пока иноземныя

войска стоятъ на почвѣ Итали; послу-же Пиррову было велѣно немедленно выѣхать изъ Рима. Убѣдившись въ совершенномъ безсиліи своего краснорѣчія предъ величіемъ свободнаго римскаго народа, не упавшаго духомъ послѣ столь тяжкаго пораженія, посоль Пирра объявилъ, по возвращеніи домой, что сенатъ римскій показался ему какъ-бы собраніемъ царей.

Пирръ, по полученіи извѣстія о неудачномъ исходѣ переговоровъ Римомъ, двинулся-было по направленію къ Риму на соединеніе съ этрусками; но римляне успѣли во-время заключить миръ съ этрусками и двинули всѣ свои легіоны противъ Пирра. Находясь уже не болѣе какъ въ 50 верстахъ отъ Рима, онъ принужденъ былъ повернуть назадъ и расположился на зимовку въ Тарентѣ. Такъ кончился походъ 280 года. Еще разъ мелькнула-было въ душѣ Пирра надежда на заключеніе выгоднаго для него мира съ римлянами, когда прибыло къ нему римское посольство изъ трехъ консуляровъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый побѣдитель турійскій Кай Фабрицій; но оказалось, что это посольство было уполномочено переговорить только о выкупѣ и размѣнѣ плѣнныхъ. Пирръ отвергнулъ это предложеніе, но отпустилъ на честное слово всѣхъ плѣнныхъ къ празднику сатурналій *).

Весною слѣдующаго 279 г. Пирръ снова началъ наступательныя дѣйствія вступленіемъ въ Апулію. Туда-же на встрѣчу ему двинулось римское войско. При Аскулумѣ встрѣтились оба войска, силы которыхъ были въ равномъ числѣ. Для отраженія слоновъ римляне изобрѣли родъ военныхъ колесницъ, изъ которыхъ высовывались желѣзные шести съ прикрѣпленными на концѣ ихъ жаровнями и, кромѣ того, на колесницахъ устроены были подвижныя сверху внизъ опускающіяся бревна съ острыми желѣзными наконечниками; но, не смотря на всѣ эти хитропридуманныя оборонительныя мѣры противъ боевыхъ слоновъ Пирра, римляне проиграли и это сраженіе. Слоны рѣшили и эту битву. Ихъ многочисленное прикрытіе, бросая стрѣлы и камни, прогнало прислугу, бывшую при римскихъ колесницахъ, что было сигналомъ къ общему бѣгству римскаго войска. Бѣгущіе римляне спаслись въ близъ-лежащемъ лагерѣ. Поле сраженія осталось за Пирромъ; но побѣда куплена была дорогою цѣною, такъ какъ самъ Пирръ потерялъ многихъ изъ лучшихъ своихъ воиновъ убитыми и ранеными. Между ранеными былъ самъ царь; метательное копье пробило ему руку насквозь въ то время, какъ онъ сражался въ самой густой свалкѣ. Несомнѣнная побѣда Пирра не имѣла никакого значенія для его политическихъ цѣлей, хотя и дѣлала ему

*) Позднѣйшее римское преданіе хвастливо прославляетъ честность отпущенныхъ Пирромъ плѣнныхъ римлянъ, которые послѣ праздника будто всѣ вернулись къ Пирру, а также неподкупность и неустрашимость Кая Фабриція, котораго Пирръ тщетно старался склонить и золотомъ, и запугиваніемъ къ заключенію болѣе выгодныхъ условій.

честь, какъ полководцу и воину. Усталый отъ бесплодной борьбы съ Римомъ и презирая своихъ союзниковъ, онъ ждалъ только случая и предлога, чтобы съ честью покинуть Италию.

Между тѣмъ, сицилійскія обстоятельства представили скоро новое поприще дѣятельности для военной отваги и предприимчивости Пирра. Каррагеняне, древніе обладатели западнаго угла Сициліи, долгое время безпрепятственно распространявшіе свое владычество на островѣ, остановлены были на-время въ своихъ успѣхахъ воинственнымъ сиракузскимъ тиранномъ Агаеокломъ, но по смерти его опять начали свои завоеванія на островѣ и, задумавъ совершенно покорить подъ свою власть весь островъ, обратились противъ главнаго города его — Сиракузъ. Въ такомъ положеніи сиракузяне призвали на помощь Пирра, зятя Агаеокла, изъ южной Италіи и добровольно предложили ему власть. Обстоятельства требовали немедленнаго прибытія Пирра въ Сиракузы, осажденные каррагенянами съ суши и съ моря. Пирръ, не желая отдать Сиракузы въ руки Каррагена, рѣшился пожертвовать своими италійскими союзниками и ограничиться пока обладаніемъ самыми важными гаванями въ южной Италіи, Тарентомъ и Локраами. Оставивъ своего полководца въ Тарентѣ, Пирръ сѣлъ на суда и поплылъ въ Сиракузы. Съ прибытіемъ Пирра въ Сицилію, дѣла получили тамъ другой оборотъ. Онъ заставилъ каррагенянъ снять осаду Сиракузъ, соединивъ въ короткое время подъ своею властью всѣ греческіе города Сициліи, и, распоряжаясь ихъ силами, отнялъ у каррагенянъ почти всѣ ихъ владѣнія на островѣ. Но слабость положенія Пирра заключалась въ его ошибочной внутренней политикѣ: онъ управлялъ греческими городами въ Сициліи самовластно: не обращая вниманія на республиканское устройство общинъ, онъ назначалъ своихъ довѣренныхъ людей правителями городовъ, и смѣнялъ ихъ по своему усмотрѣнію; сажалъ свои гарнизоны по городамъ, произвольно налагалъ конфискаціи, приговаривалъ къ ссылкѣ и даже къ смертной казни, такъ что привыкшимъ къ самоуправленію греческимъ городамъ даже каррагенское иго казалось легче новаго военнаго деспотизма. Въ виду всеобщаго недовольства и броженія умовъ въ Сициліи, Пирръ переправился въ концѣ 276 г. въ Италию. Когда-же на пути новый флотъ его потерпѣлъ сильное пораженіе отъ каррагенскаго флота, то при одномъ извѣстіи объ этой неудачѣ всѣ города въ Сициліи тотчасъ отказали Пирру въ деньгахъ и войскахъ и провозгласили себя самостоятельными. Такимъ образомъ и въ Сициліи предпріятіе Пирра оказалось неудачнымъ.

Между тѣмъ Пирра ожидали новыя неудачи. Удаленіе его въ Сицилію развязало римлянамъ руки въ Италіи, гдѣ никто уже не смѣлъ противостоятъ имъ въ открытомъ полѣ. Луканы и бреттіи были уже въ 277 г. разбиты римлянами, и скоро почти весь южный берегъ Италіи достался римлянамъ. Когда Пирръ прибылъ съ своими вновь сформированными войсками въ Тарентъ, то италійцы не встрѣчали его уже, какъ

своего спасителя: прежнее довѣріе къ нему исчезло; войска и денегъ также не было у союзниковъ. Римляне-же за это время все усиливались. Въ 275 г. двинулся Пирръ на помощь къ самнитамъ, сильно стѣсненнымъ римлянами, и при Беневентѣ произошло сраженіе, въ которомъ римляне остались уже совершенными побѣдителями. И тутъ слоны рѣшили дѣло, но на этотъ разъ въ пользу римлянъ, такъ какъ римскіе стрѣлки, поставленные для прикрытія лагеря, привели слоновъ въ замѣшательство, и они, разъяренные, поворотили назадъ и бросились топтать своихъ-же. Побѣдителямъ достались: лагерь царя Пирра, множество плѣнныхъ и богатая добыча. Отчаявшись въ успѣхѣ противъ Рима, Пирръ оставилъ Италію и удалился въ 274 г. въ Грецію, гдѣ ему удалось еще разъ овладѣть македонскою короной. Наконецъ онъ потерялъ жизнь въ одной жалкой уличной схваткѣ въ Аргосѣ. По удаленіи Пирра изъ Италіи, обезсиленные италійскіе союзники его, самниты, луканы и бреттіи, были окончательно покорены римлянами и должны были признать верховное господство римлянъ, частью какъ ихъ союзники, а частью какъ подданные, а покоренныя земли были еще прочнѣе прикрѣплены къ Риму водвореніемъ въ нѣкоторыхъ городахъ римскихъ колонистовъ. Въ 268 году подчинены были римлянами и пиценты. Съ 266 г. римское владычество было уже прочно утверждено на всемъ полуостровѣ.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ВЛАДЫЧЕСТВА РИМА ВНѢ ИТАЛІИ.

Пуническія войны (264—146 г. до Р. Хр.). Когда римляне распространили свое владычество почти надъ всею Италіей вплоть до Сициліи, то они захотѣли овладѣть и этимъ богатымъ по природѣ и важнымъ по своему положенію островомъ; но вслѣдствіе этого они должны были неминуемо вступить въ борьбу съ господствовавшими надъ большею частью Сициліи карфагенянами или пунійцами. Вѣковая вражда за обладаніе этимъ островомъ между Карфагеномъ и Сиракузами дала римлянамъ поводъ вмѣшаться въ дѣла Сициліи, и такимъ образомъ завязались между Римомъ и Карфагеномъ ожесточенныя войны, извѣстныя подъ названіемъ пуническихъ, продолжавшіяся съ значительными перерывами слишкомъ сто лѣтъ и окончившіяся разрушеніемъ Карфагена.

Состояніе Карфагена и Рима предъ началомъ борьбы ихъ. Предъ началомъ борьбы Рима съ Карфагеномъ политическое и общественное состояніе ихъ и вооруженныя силы были совершенно различны. 1) Владѣнія карфагенянъ были гораздо обширнѣе римскихъ: господство Рима простиралось только надъ Апеннинскимъ полуостровомъ и то до Альповъ; Кар-

еагенъ-же, сначала лишь колонія Тира, мало-по-малу приобрѣлъ господство надъ всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Африки отъ Триполи до Атлантическаго океана, надъ южной береговой полосой Испаніи, надъ всѣми островами западной части Средиземнаго моря, кромѣ восточной половины Сициліи. 2) Главное занятіе римлянъ и основаніе ихъ силы составляли земледѣліе и война. Основаніе-же могущества Кароагена заключалось въ цвѣтущемъ состояніи торговли и промышленности. Благодаря мѣстоположенію его и дѣятельному характеру его населенія, Кароагенъ захватилъ въ свои руки всю торговлю западной части Средиземнаго моря. Кароагенскіе караваны заходили далеко во внутрь Африки, а корабли ихъ даже въ Нѣмецкое море. Кароагенскія ткани можно было видѣть на всѣхъ рынкахъ древняго міра. Эта цвѣтущая торговля и промышленность породили огромныя богатства Кароагена. 3) Въ Римѣ еще не было такого рѣзкаго различія въ экономическомъ положеніи высшаго и низшаго класса гражданъ, какъ въ Кароагенѣ. Въ Римѣ большинство гражданъ владѣло землею; въ Кароагенѣ большинство слишкомъ полумилліоннаго населенія состояло изъ бѣдняковъ. Въ Римѣ сами граждане воздѣлывали свои небольшія поля, и даже сами консулы не стыдились собственноручно обрабатывать свое поле. Въ Кароагенѣ, гдѣ было много крупныхъ землевладѣльцевъ, землю обрабатывали закованные въ цѣпи рабы. 4) Простота, умѣренность, суровость въ образѣ жизни римлянъ составляли рѣзкую противоположность съ роскошною обстановкою зажиточныхъ кароагенянъ. Самый городъ Римъ уже по внѣшности рѣзко отличался отъ богатѣйшаго тогда въ мірѣ города Кароагена. Въ Римѣ только общественныя зданія отличались великолѣпіемъ, тогда какъ жилища самихъ римлянъ состояли изъ деревянныхъ или глиняныхъ избъ безъ всякихъ украшеній внутри; Кароагенъ съ своими шестизэтажными каменными домами и со многими великолѣпными храмами поражалъ своимъ великолѣпіемъ и богатствомъ. Кисель, немного мяса и плодовъ составляли обыкновенную пищу римлянъ, спали они обыкновенно на соломѣ; эта простота римлянъ казалась даже смѣшною привыкшимъ къ роскоши богатымъ кароагенянамъ, въ домахъ которыхъ утварь блистала золотомъ и слоновою костью. 5) И Римъ, и Кароагенъ имѣли республиканское устройство. Какъ во главѣ Рима стояли сенатъ и два консула, такъ во главѣ Кароагена стояли также сенатъ, верховный совѣтъ ста мужей и два суффета или верховные судьи. Но, тогда какъ въ римскій сенатъ дарованія открывали доступъ всякому римскому гражданину, въ сенатъ кароагенскій и особенно въ верховный совѣтъ ста открывали доступъ лишь богатство и знатность. Въ кароагенскомъ сенатѣ и между кароагенскими гражданами происходили постоянныя несогласія вслѣдствіе борьбы враждебныхъ партій—олигархической и демократической; въ Римѣ-же со времени уравниенія патриціевъ и плебеевъ господствовало полное единодушіе. 6) Отношеніе Рима и Кароагена къ подчиненнымъ имъ землямъ и народамъ было со-

вершено различно. Римъ принималъ мало-по-малу покоренные имъ народы въ свое гражданство; Картагенъ ни разу не далъ даже надежды зависѣвшимъ отъ него областямъ на полученіе одинаковыхъ съ нимъ правъ. Римъ не только не отнималъ совершенно самостоятельности ни у одного изъ подвластныхъ ему народовъ, но никогда и не налагалъ опредѣленной дани; Картагенъ-же разсылалъ своихъ правителей во всѣ подчиненныя ему земли, истощалъ ихъ налогами и поступалъ съ покоренными племенами, какъ съ рабами. 7) Не довѣряя покореннымъ народамъ, картагеняне не рѣшались укрѣплять зависѣвшіе отъ нихъ города, оставляя такимъ образомъ беззащитными отъ непріятеля пріобрѣтенныя земли. Въ Италіи, напротивъ, большая часть покоренныхъ городовъ сохраняла свои укрѣпленія, и Аппенинскій полуостровъ былъ со всѣхъ сторонъ защищенъ цѣлою цѣпью крѣпостей. 8) Вооруженныя силы Картагена въ матеріальномъ отношеніи превосходили силы римлянъ. Главный оплотъ картагенянъ составлялъ ихъ военный многочисленный флотъ изъ 500 кораблей, которому не было тогда равнаго въ мірѣ; ихъ матросы превосходно были выучены, ихъ капитаны искусны и безстрашны. Картагенъ былъ въ то время первою морскою державою, тогда какъ римляне располагали лишь немногими кораблями, изъ которыхъ большинство выставляли союзные греческіе города Южной Италіи, и не смѣли показываться на открытомъ морѣ противъ картагенянъ. На сушѣ картагеняне могли выставить отличную нумидійскую конницу и многочисленную пѣхоту, набранную изъ подвластныхъ земель и составленную изъ наемниковъ. Картагеняне имѣли еще для войны богатые арсеналы, множество военныхъ осадныхъ машинъ, множество слоновъ и богатую казну. Но, кромѣ общаго знамени и внѣшней выгоды, ничто не связывало разноплеменные части картагенскаго войска. Картагеняне, занятые исключительно своими торговыми дѣлами и питавшіе отвращеніе къ военному дѣлу, не шли сами на войну; только офицеры и главнокомандующіе назначались изъ картагенянъ. Наемныя войска сражались безъ всякаго патріотизма и не разъ при неудовольствіи грозили Картагену большою опасностію, чѣмъ самыя враги. Римское-же войско состояло изъ гражданъ, храбрость и воинственность которыхъ воспитана была съ молодыхъ лѣтъ гимнастическими и военными упражненіями и потомъ закалена въ непрерывныхъ войнахъ, и римскіе легіоны шли на войну съ полнымъ сознаніемъ гражданского долга, проникнутые любовью къ отечеству и привыкшіе къ безпрекословному повиновенію.

Военное устройство Рима. Военное устройство Рима въ цвѣтущее время республики было одною изъ главныхъ причинъ политическаго могущества и, дѣйствительно, было замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Всѣ римскіе граждане отъ 17-ти-лѣтняго возраста обязаны были военной службой срокомъ отъ 16 до 20 лѣтъ. Однакожь, служба военная считалась не только обязанностію, но и честью, и къ ней допускались только люди незапятнанной жизни и записанные въ цензорскій списокъ. Пролетаріи, ремесленники и вольноотпущенники призывались только въ случаѣ крайней опасности. Когда во время первой пунической

войны сдѣлана была новая перепись гражданъ, то цензъ показывалъ 298,000 гражданъ, способныхъ носить оружіе. Войско раздѣлялось на легіоны (legio-наборъ), численный составъ которыхъ съ теченіемъ времени мѣнялся. Въ концѣ царскаго періода легіонъ представлялъ, по устройству и вооруженію, фалангу голлитовъ въ 3,000 чел., въ періодъ республики отъ 4,200 до 6,000 чел., въ числѣ которыхъ было 300 всадниковъ. При этомъ голлиты, построенные въ восемь рядовъ глубины, выдерживали первые главную тяжесть сраженія; всадники ставились на фалангахъ и употреблялись, преимущественно, какъ резервы. Изъ этого боеваго порядка развилось мало-по-малу новое устройство легіона съ подраздѣленіемъ его на манипулы или роты, а позже на когорты. Главное оружіе составляли мечъ и копье, какъ орудія рукопашнаго боя, метательное же оружіе имѣло въ сраженіи второстепенное значеніе. Въ римскомъ-же легіонѣ получило особенно важное значеніе собственно италійское метательное оружіе, дротикъ (pilum), т. е. длинная четырехъ-угольная или круглая палка съ трехъ или четырехъ-граннымъ мѣднымъ наконечникомъ. Это оружіе бросалось двигающимся впередъ строемъ на неприятельскіе ряды на разстояніи отъ 10 до 20 шаговъ *). Но задлѣ метательныхъ дротиковъ имѣлъ цѣлю только открыть путь дѣйствию меча. Такимъ образомъ, превосходство боеваго порядка въ римскихъ легіонахъ основывалось на соединеніи рукопашнаго боя съ битвой издала посредствомъ метательнаго копья. Главные недостатки греко-македонской фаланги заключались въ малой подвижности и однообразіи ея состава; римскій-же легіонъ въ случаѣ необходимости легко могъ дѣлиться на свои составныя части: каждая когорта и манипулъ составляли отдѣльное цѣлое и могли сражаться особо. Легіонъ въ глубину состоялъ изъ трехъ главныхъ массъ тяжеловооруженной пѣхоты, изъ которыхъ первый строй назывался гастатами (hastati) и состоялъ изъ болѣе молодыхъ солдатъ, второй—принципами (principes) изъ болѣе возмужалыхъ людей, третій—триаріями (triarii) изъ самыхъ опытныхъ ветерановъ. Эти три строя составляли какъ бы три боевыя линіи и вступали въ бой одни за другими въ поименованномъ порядкѣ. Въ длину-же легіонъ распадался на десять отрядовъ или ротъ (manipuli), такъ что между каждыми двумя ротами оставался значительный промежутокъ. Къ каждому легіону принадлежало также нѣсколько сотъ легковооруженныхъ воиновъ (безъ панцыря съ легкимъ щитомъ), которые обыкновенно начинали битву и сражались внѣ линіи (corarii). Каждый римскій рекрутъ поступалъ сначала въ число легковооруженныхъ и изъ нихъ постепенно переходилъ въ первый, потомъ во второй строй и, наконецъ, въ третій строй триаріевъ, въ которыхъ, какъ въ самыхъ опытныхъ и служивыхъ солдатахъ, заключалась, главнымъ образомъ, вся сила римскаго войска.

Система лагерныхъ укрѣпленій состояла у римлянъ въ соединеніи наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій; мѣсто, гдѣ останавливался отрядъ войска, хотя-бы на одну только ночь, непременно окружалось правильнымъ валомъ и принимало видъ крѣпости. Эта система лагерныхъ укрѣпленій доставила римлянамъ выгоды соединенія наступательной и оборонительной войны, давая имъ возможность, смотря по обстоятельствамъ, принимать или не принимать сраженіе и въ первомъ случаѣ сражаться какъ будто подъ стѣнами крѣпости. Если надобно было брать укрѣпленный городъ, то его окружали валомъ и отъ него къ городской стѣнѣ дѣлали насыпи, на которыхъ дѣйствовали съ помощію осадныхъ машинъ. Употребленіе и устройство осадныхъ машинъ заимствовали римляне отъ грековъ, уже начиная со времени войны съ Пирромъ. Самою обыкновенною машиною былъ таранъ, состоявшій изъ бревна съ мѣднымъ наконечникомъ, который раскачивали на цѣпяхъ и затѣмъ били имъ въ стѣну. Болѣе сложными осад-

*) Впрочемъ, дротикомъ можно было такъ-же дѣйствовать, какъ и пикомъ.

ными машинами, заимствованными отъ грековъ, были катапульты и баллисты, которыми метали большія стрѣлы, камни и пр.

Жалованье римскіе солдаты стали получать только съ конца V вѣка до Р. Х. Воины, отличившіеся на полѣ битвы, получали въ награду лавровые вѣнки, которые надѣвали по праздничнымъ днямъ. Полководецъ, побѣдоносно окончившій войну, получалъ, при возвращеніи въ Римъ, триумфъ: онъ вѣзжалъ въ городъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, въ колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, въ сопровожденіи факеловъ и военной музыки. За колесницею слѣдовали плѣнники, а за ними шли легионы триумфатора, на встрѣчу къ которому выходилъ весь городъ.

Главное достоинство римскаго военнаго устройства составляла непримѣрная дисциплина: порядокъ и повиновеніе считались выше всего, и всякое малѣйшее уклоненіе отъ дисциплины наказывалось очень строго, даже жестоко. Открытое неповиновеніе наказывалось смертію. Главнокомандующему предоставлено было право отрубить голову каждому служащему въ его легионахъ человѣку и наказывать палками вышшаго офицера наравнѣ съ рядовымъ солдатомъ. Подобныя наказанія назначались не только за большія преступленія, но даже и тогда, если какой нибудь офицеръ позволялъ себѣ отступить отъ даннаго ему приказа. Если отрядъ давалъ себя захватить врасплохъ или отступалъ съ поля сраженія, то его постигала децимація (decimatio), то есть, каждого десятаго по жребію подвергали жестокому бичеванію. Не даромъ-же римскіе легионы въ теченіе лишь слишкомъ двухъ столѣтій покорили почти весь древній міръ.

Первая пуническая война (264—241 г. до Р. Х.) началась на островѣ Сициліи. Нападеніе было сдѣлано со стороны римлянъ. Высадившись въ Сициліи, они разбили карагенянъ и въ короткое время завладѣли большею частію острова. Карагеняне выслали противъ нихъ огромныя морскія силы, такъ что римлянамъ необходимо было также имѣть для борьбы военный флотъ. Между тѣмъ прежнія военныя барки и трехпалубныя суда римлянъ оказывались негодными для морскихъ сраженій, для которыхъ употреблялись теперь парусныя пятипалубныя корабли (пентеры). Тогда римляне съ необычайною энергіей въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ построили флотъ изъ 100 пентеръ, по образцу одного сѣвшаго на мель и захваченнаго римлянами карагенскаго корабля. Но такъ какъ римляне были неопытны въ морскихъ сраженіяхъ, то они устроили на своихъ корабляхъ особаго рода подъемные мосты, посредствомъ которыхъ большею частію превращали морское сраженіе въ сухопутное. Подъемные мосты, прикрѣпленные къ передней части римскихъ кораблей, спускались на палубу неприятельскаго корабля, какъ только онъ приближался, и врѣзывались въ него острыми желѣзными крючьями. Тогда римляне переходили по мосту на неприятельскій корабль и вступали тамъ въ рукопашный бой, какъ на сушѣ. Такимъ образомъ создали себѣ римляне флотъ, который могъ соперничать съ карагенскимъ.

Съ такимъ флотомъ выступилъ римскій консулъ Дуилій противъ карагенскаго флота и близъ Мессенскаго пролива, при Липарскихъ островахъ, напалъ на карагенянъ. Благодаря новоизобрѣтеннымъ подъемнымъ мостамъ, сраженіе кончилось тѣмъ, что до 50 карагенскихъ кораблей были потоплены или захвачены римлянами. Выигрышъ былъ ве-

ликъ, но еще больше было нравственное вліяніе побѣды. Римъ сталъ вдругъ морскою силою и послѣ этого смѣло могъ продолжать войну съ карѳагенянами какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Въ воспоминаніе о первой морской побѣдѣ и въ честь Дуилия, римляне воздвигли мраморную колонну, къ которой прикрѣплены были носы захваченныхъ ими карѳагенскихъ судовъ.

Подвигъ Регула. Въ слѣдующіе годы римляне сражались такъ счастливо, что рѣшили даже послать войско въ Африку, чтобы принудить карѳагенянъ къ уступкѣ Сициліи. Здѣсь римляне встрѣтили такъ мало сопротивленія, что римскій консулъ Регуль не только побѣдилъ карѳагенянъ, но отнялъ у нихъ болѣе 70 городовъ и осадилъ самый Карѳагенъ. Карѳагеняне просили мира, но Регуль предложилъ тяжелыя условія. Тогда карѳагеняне сдѣлали новыя военныя приготовленія и призвали на помощь наемныя войска изъ Греціи, во главѣ которыхъ былъ одинъ опытный спартанскій военачальникъ. Онъ далъ Регулу битву подѣ Карѳагеномъ, совершенно разбилъ его и захватилъ въ плѣнъ.

Но въ Сициліи римляне продолжали войну съ такимъ успѣхомъ, что завоевали уже почти весь островъ. Карѳагеняне владѣли только западною оконечностью его и такъ были ослаблены войною, что рѣшились просить мира у римскаго сената. Въ числѣ пословъ былъ отправленъ и плѣнный Регуль, обязавшійся клятвою вернуться въ Карѳагенъ, если ему не удастся склонить сенатъ къ миру. Регуль-же, жертвуя собою для выгодъ отечества, не только не совѣтовалъ сенату заключить миръ съ Карѳагеномъ, но, указывая на истощеніе его военныхъ силъ, побуждалъ римлянъ продолжать войну. Послѣ этого, вѣрный своей клятвѣ, Регуль, не смотря на убѣжденія сената и на мольбы жены и дѣтей, вернулся въ Карѳагенъ, гдѣ былъ жестоко замученъ озлобленными противъ него карѳагенянами. Чтобы усилить муки, говорятъ, его сажали въ бочку, въ которой со всѣхъ сторонъ выступали острые гвозди; но, вѣроятно, рассказы эти были отчасти выдуманы родными Регула, чтобы оправдать жестокость, съ которой выместили они смерть его на нѣкоторыхъ карѳагенскихъ плѣнникахъ.

Хотя римляне дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ на сушѣ, но на морѣ счастье имъ едва совсѣмъ не измѣнилось. Одинъ флотъ погибалъ за другимъ. Но римляне не падали духомъ. Проникнутые любовью къ своему отечеству, они нѣсколько разъ создавали вновь весь флотъ. Когда казна римская истощилась, нѣкоторые болѣе зажиточные граждане строили почти весь флотъ на свои собственныя средства, пока наконецъ римскій консулъ Лукацій Катуль не одержалъ блестящей побѣды надъ карѳагенскимъ флотомъ (при Эгатскихъ островахъ, къ западу отъ Сициліи). Сраженіе это положило конецъ войнѣ. Продолжавшаяся уже 23 года война истощила средства богатаго Карѳагена и сильно вредила его торговлѣ. Поэтому карѳагеняне рѣшились заключить миръ, уступивъ римлянамъ островъ Сицилію и заплативъ имъ издержки войны. Сици-

ля была первою римскою провинціей, то-есть внѣ-италійскою покоренною страной.

Вторая пуническая война (218 — 201 г. до Р. Хр.). Миръ, которымъ закончилась первая пуническая война, былъ непрочень. Уже скоро послѣ заключенія мира римляне воспользовались крайне затруднительнымъ положеніемъ Картагена вслѣдствіе опаснаго возстанія противъ него недовольныхъ скуднымъ вознагражденіемъ наемныхъ войскъ, чтобы отнять у картагенянъ островъ Сардинію (238 г.), а потомъ и Корсику, изъ которыхъ образовалась вторая римская провинція. Это опять воспламенило ненависть картагенянъ къ Риму. Во главѣ самыхъ ярыхъ враговъ римлянъ стоялъ въ Картагенѣ отличный полководецъ Гамилькаръ-Барка, который отличился уже въ первой пунической войнѣ. Теперь онъ хотѣлъ вовлечь картагенянъ въ новую войну съ Римомъ, но для этого считалъ нужнымъ доставить истощенному отечеству новыя силы и средства. Чтобы вознаградить Картагенъ за потерю Сициліи и Сардиніи, Гамилькаръ задумалъ овладѣть Испаніей, богатою серебряными рудниками и строевымъ лѣсомъ, необходимымъ для усиленія флота. Гамилькаръ, высадившись на берегъ Испаніи, въ девять лѣтъ покорилъ почти весь полуостровъ. На восточномъ берегу Испаніи картагеняне основали городъ Новый Картагенъ. На этомъ-же берегу находились и нѣкоторыя греческія колоніи. Эти-то колоніи, главною изъ которыхъ былъ Сагунтъ, страдаая отъ торговаго соперничества картагенянъ и опасаясь ихъ силы, обратились съ просьбою о защитѣ къ Риму. Римляне, опасаясь быстрыхъ успѣховъ картагенянъ въ Испаніи, съ радостію привяли подъ свое покровительство сагунтинцевъ и объявили картагенянамъ, что нападеніе ихъ на Сагунтъ или переходъ черезъ р. Эбро они сочтутъ за нарушеніе мира.

Аннибалъ. Скоро послѣ Гамилькара-Барки главнокомандующимъ картагенскаго войска сдѣлался сынъ его Аннибалъ. Это былъ одинъ изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ. Онъ былъ самый искусный и самый отважный наѣздникъ въ арміи, ловко владѣлъ въ бою копьемъ и мечомъ и пользовался особенною любовью и довѣріемъ солдатъ, съ которыми наравнѣ переносилъ всѣ трудности и лишения походовъ. У него не было даже опредѣленнаго времени для сна. При нападеніи былъ онъ первымъ, при отступленіи—последнимъ. Съ величайшею отвагой соединялъ Аннибалъ настойчивость и предусмотрительность; но вмѣстѣ съ тѣмъ было у него, какъ и вообще у картагенянъ, много изобрѣтательнаго лукавства. Къ засадамъ и военнымъ хитростямъ прибѣгалъ онъ на каждомъ шагу. Къ Риму питалъ онъ страшную ненависть, унаслѣдованную отъ отца. Еще будучи девятилѣтнимъ ребенкомъ, далъ онъ, по требованію отца, клятву предъ алтаремъ въ томъ, что во всю жизнь свою будетъ непримиримымъ врагомъ римлянъ, и честно держалъ свою клятву. Считаая картагенянъ достаточно готовыми къ войнѣ съ Римомъ, Аннибалъ нарушилъ миръ тѣмъ, что напалъ на Сагунтъ и овла-

дѣль имъ. Узнавъ объ этомъ, римскій сенатъ потребовалъ отъ Кароагена выдачи Аннибала; но кароагеняне отказались выдать его. Тогда-то началась вторая пуническая война.

Походъ Аннибала въ Италию. Римляне рассчитывали вести войну съ кароагенянами въ Африкѣ и въ Испаніи и отправили туда флотъ и войско; но Аннибалъ совершенно неожиданно для римлянъ перенесъ войну въ самую Италию, напавъ на нее съ той стороны, съ которой, казалось, всего менѣе угрожала ей опасность. Такъ какъ перевѣсъ морской силы былъ въ это время (какъ и во всю вторую пуническую войну) на сторонѣ римлянъ, то Аннибалъ не рѣшился двинуться на Италию моремъ, а направился чрезъ Пиренеи, южную Галлію и затѣмъ чрезъ Альпы. Избирая такой трудный путь, онъ рассчитывалъ на поддержку населявшихъ сѣверную Италию галльскихъ племенъ, еще недавно покоренныхъ Римомъ и готовыхъ при первой возможности возстать противъ него *). Сравнительно съ римлянами у Аннибала предъ переходомъ чрезъ Альпы было войска немного (около 60 т.); но это было сильное и преданное своему предводителю войско, испытанное въ бояхъ и побѣдахъ; къ тому-же, оно состояло на этотъ разъ не изъ наемниковъ чужеземныхъ, а изъ подданныхъ кароагенскихъ, испанцевъ и дивійцевъ, изъ которыхъ послѣднимъ Аннибалъ обѣщалъ права кароагенскаго гражданства, если они возвратятся побѣдителями.

Переходъ чрезъ Альпы. Когда войско Аннибала подошло къ Альпамъ, то, при видѣ крутыхъ скалъ и снѣжныхъ вершинъ альпійскихъ, ужась и безпокойство овладѣли имъ; но Аннибалъ сумѣлъ ободрить солдатъ и преодолѣть всѣ необычныя трудности и опасности. Пятнадцать дней продолжался переходъ чрезъ Альпы, и за это время потерялъ онъ большую часть своего войска въ борьбѣ съ природными трудностями и съ горными альпійскими жителями; но, твердый духомъ, Аннибалъ указывалъ солдатамъ съ вершины Альповъ (С. Бернардъ) на Италию, какъ на скорую и богатую добычу. Спускъ съ горъ представлялъ еще больше трудностей, чѣмъ всходъ, потому что Альпы со стороны Италиіи еще круче. Крутые, покрытые снѣгомъ склоны горъ были почти невозможны для перехода. Люди, лошади и вьючный скотъ валялись одни на другихъ и вмѣстѣ скатывались въ бездну. Нѣкоторыя скалы выступали такъ отвѣсно, что невооруженный солдатъ съ трудомъ могъ спуститься внизъ, придерживаясь за кустарникъ и деревья. Въ нѣкоторыхъ

*) Война римлянъ съ цизальпинскими галлами и покореніе ихъ продолжались отъ 226 до 222 г. до Р. Хр. Плодоносная полоса земли по обѣ стороны По была обращена въ римскую провинцію (220 г.) подъ именемъ Цизальпинской Галліи и соединена съ Римомъ военными дорогами. Но галлы еще долгое время не могли помириться съ потерей своей политической самостоятельности. Окончательно утверждено было владычество Рима въ сѣверной Италиіи къ концу второй пунической войны, чему не мало способствовали раздоры между самими галлами.

мѣстахъ Аннибалъ приказалъ ломать камень, чтобы только расширить узвія извилистыя тропинки. Аннибалъ спустился въ Италію только съ 26,000 войска, и то истомленнаго и неспособнаго почти къ битвѣ. Но и съ такимъ войскомъ умѣлъ онъ одерживать блестящія побѣды.

Побѣды Аннибала въ Италиі. Когда римляне узнали, что Аннибалъ спустился черезъ Альпы въ Италію, они выслали противъ него двѣ арміи подъ предводительствомъ консуловъ Сципіона и Семпронія. Аннибалъ, давши отдохнуть своему войску и подкрѣпленный присоединившимися къ нему галлами, напалъ на Сципіона при рѣкѣ Тичино и одержалъ блистательную побѣду. Затѣмъ онъ перешелъ на правый берегъ По и при рѣкѣ Требіи разбилъ консула Семпронія. Особенно сильно было пораженіе, нанесенное римлянамъ въ Этруріи, при Тразименскомъ озерѣ. Римляне, предводимые нилкимъ Фламиніемъ, потеряли здѣсь большую часть своей арміи (около 40 т. человекъ). Ужасъ овладѣлъ всѣмъ Римомъ. Римляне были увѣрены, что Аннибалъ идетъ уже на Римъ, и вооружились для защиты его съ твердымъ намѣреніемъ не вступать въ переговоры съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не оставитъ Италіи.

Фабій Кунктаторъ. Для принятія чрезвычайныхъ мѣръ назначенъ былъ сенатомъ диктаторъ Квинтъ Фабій Максимъ, человекъ испытанной твердости и крайне осторожный. Аннибалъ, зная, что онъ встрѣтитъ со стороны римлянъ отчаянное сопротивление, не рѣшился идти прямо на Римъ, а двинулся на югъ черезъ Самніумъ въ надеждѣ, что въ Средней и Южной Италиі союзные съ Римомъ народы отпадутъ отъ Рима и присоединятся къ карфагенскому войску. Аннибалъ рассчитывалъ такимъ образомъ уединить Римъ и двинуться противъ него съ помощью отпавшихъ отъ него союзниковъ; но союзные съ Римомъ народы почти всѣ остались ему вѣрны и заперли ворота своихъ городовъ предъ Аннибаломъ. На защиту союзниковъ отъ нападеній Аннибала двинулся диктаторъ Фабій Максимъ, который понялъ, какъ должно вести войну съ Аннибаломъ. Фабій считалъ за правило уклоняться отъ всякаго рѣшительнаго сраженія съ нимъ, нападать на него изъ засады, вступать въ сраженіе только въ случаѣ вѣрнаго успѣха, перехватывать у него продовольствіе и при всякомъ удобномъ случаѣ наносить ему вредъ. Въ Римѣ были недовольны медлительностію Фабія и прозвали его сначала въ насмѣшку Кунктаторомъ, т. е. „мѣшкотнымъ“, но скоро убѣдились на опытѣ въ разумности дѣйствій Фабія относительно Аннибала и дали Фабію названіе Кунктатора, какъ почетное имя.

Сраженіе при Каннахъ. Аннибалъ двинулся въ Южную Италію, гдѣ овладѣлъ сильною крѣпостію Каннами и расположился лагеремъ возлѣ нея. Римляне напрягли всѣ силы и собрали снова огромную армію (90 т. чел.), которую послали противъ Аннибала подъ начальствомъ двухъ консуловъ, Эмилія Павла и Теренція Варрона. Первый былъ болѣе опытный полководецъ и держался тактики Фабія Кунктатора; Варронъ же, напротивъ, требовалъ немедленной битвы. Такъ какъ начальство

надъ войскомъ мѣнялось между консулами поочередно чрезъ день, то Варронъ въ свой очередной день, не спрашивая совѣта товарища, воспользовался случаемъ дать битву Аннибалу, у котораго было почти вдвое меньше войска. Но римляне потерпѣли тутъ такое пораженіе, что около 50,000 изъ нихъ легло на полѣ битвы. Здѣсь палъ также консулъ Эмилиій Павелъ, погибло 80 сенаторовъ, а всадниковъ, у которыхъ знакомъ достоинства было золотое кольцо, пало такъ много, что Аннибалъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ послалъ въ Кареагенъ нѣсколько мѣръ такихъ колець. Въ битвѣ при Каннахъ палъ цвѣтъ офицеровъ и солдатъ римскихъ. Число павшихъ было такъ велико, что ни одно почти семейство въ Римѣ не обошлось безъ траура, и вопли женщинъ оглашали весь городъ. Но сенатъ показалъ необычайную твердость и не думалъ о мирѣ или о какой нибудь сдѣлкѣ съ побѣдителемъ, стараясь возвратитъ гражданамъ вѣру въ себя и въ будущее. Когда консулъ Варронъ, возвращаясь съ потеряннаго сраженія, подошелъ къ Риму, сенатъ вышелъ къ нему на встрѣчу, привѣтствовалъ его и благодарилъ за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества. Женщинамъ римскимъ было запрещено выходить изъ домовъ, чтобы не смущать народъ слезами объ убитыхъ родныхъ. Всѣ силы были употреблены на то, чтобы организовать новую армію. Римъ призвалъ къ оружію все свое мужское населеніе; вооружены были также граждане, попавшіе въ кабалу за долги, и нѣсколько тысячъ купленныхъ на государственный счетъ рабовъ. Не доставало оружія. Изъ храмовъ взяли все древнее, добытое когда-то отъ разныхъ враговъ оружіе; фабрики и мастерскія вездѣ припли въ движеніе. Аннибалъ предложилъ сенату выкупить плѣнныхъ римлянъ, но это предложеніе было отвергнуто. Кареагенскій посолъ не былъ даже допущенъ въ Римъ, чтобы не казалось, что сенатъ думаетъ о мирѣ.

Видя твердость и непоколебимость римлянъ, Аннибалъ даже послѣ побѣды при Каннахъ не рѣшился идти на Римъ, а двинулся въ Кампанію противъ Капуи, самаго большаго города въ Италіи послѣ Рима. Здѣсь расположился онъ съ своимъ войскомъ на зимовку, чтобы дать ему передохнуть. Но въ этомъ богатомъ городѣ войско Аннибала скоро развратилось и отвыкло отъ суровой обстановки лагерной жизни. Особенно-же затруднительно было положеніе Аннибала потому, что старыя, испытанныя въ бою воины пали въ различныхъ битвахъ, а присоединившаяся къ нему незначительная часть итальянцевъ не могла ихъ замѣнить. Аннибалъ ждалъ помощи изъ Кареагена, но тамъ враждебная ему партія въ сенатѣ была такъ сильна, что ему оказана была самая незначительная поддержка. Римляне, напротивъ, дѣйствовали теперь съ чрезвычайною энергіею и осторожностью. Подъ предводительствомъ Фабія Кунктатора и Марцелла римскіе легіоны вытѣснили Аннибала изъ Капуи и овладѣли ею и другими городами Южной Италіи, которые сдались было Аннибалу. Римляне стали дѣйствовать наступательно.

Союзный съ Аннибаломъ городъ Сиракузы былъ завоеванъ Клавдіемъ Марцелломъ (212 г.). Тарентъ, которымъ завладѣлъ было Аннибалъ, опять перешелъ въ руки римлянъ. Такимъ образомъ, слава непобѣдимости Аннибала исчезла, довѣріе къ нему войска и населенія Южной Италиі поколебалось. Но и въ этомъ крайне затруднительномъ положеніи геніальный полководецъ держался еще въ Южной Италиі въ продолженіи многихъ лѣтъ, пока кареагеняне не вызвали его въ Африку для защиты Картегена отъ угрожавшей ему со стороны римлянъ опасности.

Корнелій Сципіонъ въ Испаніи и въ Африкѣ. Сраженіе при Замѣ. Оставленный въ Италиі безъ всякой помощи со стороны Картегена, Аннибалъ могъ еще рассчитывать на подкрѣпленіе изъ Испаніи. Дѣйствительно, по приглашенію Аннибала изъ Испаніи двинулся съ войскомъ братъ его Газдрубалъ, который, перейдя чрезъ Альпы, увеличилъ свои силы отрядами изъ галловъ и направился вдоль береговъ Адриатическаго моря на соединеніе съ Аннибаломъ, находившимся въ Апуліи; но римскій консулъ Клавдій Неронъ предупредилъ это соединеніе картегенскихъ силъ, разбивъ на голову Газдрубала въ 207 году (при Метаврѣ, въ Умбріи). Тогда Аннибалъ отступилъ въ Бруціумъ, гдѣ онъ съ своими ничтожными силами съ трудомъ продолжалъ держаться въ оборонительномъ положеніи противъ римлянъ. Ослабивъ Аннибала въ Южной Италиі, римляне обратили свои силы на покореніе Испаніи. Начальникомъ отправленнаго туда войска былъ назначенъ молодой Корнелій Сципіонъ. Еще семнадцатилѣтнимъ юношей участвовалъ онъ въ первой битвѣ съ Аннибаломъ при Тичино, въ которой онъ спасъ раненаго отца своего отъ плѣна, вынеся его на плечахъ съ поля битвы. Высадившись въ Испаніи, Сципіонъ въ короткое время овладѣлъ главнымъ пунктомъ картегенскихъ силъ — Новымъ Картегеномъ. Тутъ попали въ руки Сципіона многіе изъ знатныхъ туземцевъ Испаніи, содержавшихся у картегенянъ въ качествѣ заложниковъ. Благородный и высокообразованный Сципіонъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы мягкимъ, великодушнымъ обращеніемъ съ ними пріобрѣсти расположеніе ихъ единоплеменниковъ. Онъ не только безъ всякаго выкупа отпустилъ захваченныхъ въ плѣнъ заложниковъ, но еще щедро одарилъ ихъ, такъ что они стали всюду прославлять великодушіе римскаго полководца. Скоро большая часть испанскихъ народовъ перешла на сторону римлянъ, и картегеняне, разбитые Сципіономъ во многихъ сраженіяхъ, были изгнаны изъ Испаніи (206 г.). Испанія покорилась власти римлянъ.

Ободренный блестящими успѣхами въ Испаніи, молодой Корнелій Сципіонъ рѣшился перенести войну въ самую Африку, чтобы окончательно ослабить Картегенъ. Здѣсь онъ также настолько счастливо повелъ войну, что скоро проникъ почти до самаго Картегена. Много способствовало успѣхамъ Сципіона то обстоятельство, что къ нему присоединился съ своимъ отрядомъ врагъ картегенянъ, нумидіецъ Массинисса,

сдѣлавшійся скоро послѣ того царемъ Нумидіи. Опасаясь осады Каррагена со стороны римлянъ, каррагеняне вызвали Аннибала изъ Италіи и сформировали новую армію, во главѣ которой Аннибалъ двинулся противъ Сципіона, стоявшаго близъ г. Замы, въ пяти дняхъ пути отъ Каррагена. Аннибалъ, не довѣряя храбрости своего войска, состоявшаго большею частію изъ наемниковъ и изъ новобранцевъ, попытался сначала склонить Сципіона къ миру переговорами; но требованія Сципіона были такъ тяжелы, что Аннибалъ не могъ на нихъ согласиться и рѣшился на битву. Это была послѣдняя битва Аннибала съ римлянами. Уже начало битвы было неблагопріятно для каррагенянъ: слоны ихъ обратились противъ нихъ - же и произвели большой безпорядокъ въ ихъ рядахъ. Хотя Аннибалу все-таки удалось воодушевить войско, и оно сражалось съ большимъ упорствомъ, но каррагеняне не могли устоять противъ римлянъ. Окруженное со всѣхъ сторонъ каррагенское войско погибло, и Аннибалъ только съ немногими всадниками убѣжалъ въ Каррагенъ и совѣтовалъ тамъ принять миръ, на какихъ-бы то ни было условіяхъ. Условія мира были, дѣйствительно, очень тяжелы: 1) каррагеняне должны были выдать весь свой военный флотъ и всѣхъ слоновъ; 2) Каррагенъ обязывался ни съ кѣмъ не вести войны безъ согласія Рима и 3) Каррагенъ долженъ былъ въ продолженіе 50 лѣтъ выплачивать огромную денежную контрибуцію. Сжегши на глазахъ каррагенянъ выданный ими флотъ, Сципіонъ съ торжествомъ и съ богатою добычею вернулся въ Римъ. За свои побѣды въ Африкѣ получилъ онъ титулъ „Африканскаго“.

По окончаніи второй пунической войны, Аннибалъ, ставшій во главѣ управленія Каррагеномъ, принялъ энергическія мѣры для уплаты денежной контрибуціи и сталъ думать о возможности отомстить римлянамъ, когда Каррагенъ опять соберется съ силами. Но враги Аннибала въ Каррагенѣ донесли на него въ Римъ, что онъ готовится къ новой войнѣ и ищетъ союзниковъ для борьбы съ Римомъ въ македонскомъ и сирійскомъ царяхъ. Римскій сенатъ отправилъ посольство въ Каррагенъ съ тайнымъ порученіемъ захватить Аннибала или какъ нибудь избавиться отъ него. Аннибалъ, опасаясь за свою жизнь, бѣжалъ изъ Каррагена и нашелъ покровительство сначала у сирійскаго царя Антиоха III, а потомъ у вионинскаго царя Прузія; но нигдѣ не находилъ онъ безопаснаго убѣжища отъ всюду преслѣдовавшихъ его римлянъ. Наконецъ онъ принялъ ядъ, чтобы только не попасться живымъ въ ихъ руки; въ Каррагенѣ-же, по интригамъ враговъ Аннибала, въ его отсутствіе осудили его на изгнаніе, разрушили его домъ и конфисковали имущество.

Война съ Филиппомъ III Македонскимъ и съ Антиохомъ III. Покореніе Македоніи и Греціи. Увлеченные успѣхомъ своего оружія въ борьбѣ съ Каррагеномъ, римляне начали рядъ завоеваній на Востокѣ. По окончаніи второй пунической войны, Римъ вмѣшался во внутренніе раздоры Греціи и Македоніи и началъ войну съ послѣднею. Поводомъ къ этому

послужилъ союзъ македонскаго царя Филиппа III съ Аннибаломъ. Филиппъ III возбудилъ гнѣвъ римлянъ своими враждебными отношеніями къ союзникамъ ихъ въ Греціи, именно этолійцамъ, аеинянамъ и другимъ, которые искали защиты и покровительства у Рима. Римляне приняли сторону своихъ союзниковъ и начали войну съ Филиппомъ; но ему сначала удавалось, при поддержкѣ ахейскаго союза и нѣкоторыхъ другихъ греческихъ государствъ, отражать нападенія римлянъ. Когда-же принявшій главное начальство надъ римскими войсками искусный полководецъ Т. Квинкцій Фламининъ привлекъ ахейцевъ на сторону римлянъ, положеніе македонскаго царя измѣнилось, и македонскіе гарнизоны должны были очистить всѣ занятыя ими города въ Пелопонесѣ и въ Эладѣ. Наконецъ въ битвѣ при Кинокефалахъ (въ Тессалии) Фламининъ нанесъ такое пораженіе Филиппу III, что онъ долженъ былъ согласиться на заключеніе мира на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, а именно, признать независимость всѣхъ греческихъ государствъ, переходившихъ отнынѣ подъ покровительство Рима, выдать весь военный флотъ, заплатить огромныя контрибуціи и, наконецъ, отказаться отъ права начинать войну безъ позволенія римлянъ. Послѣ того Фламининъ, чтобы польстить грекамъ, на истмійскихъ играхъ 196 г. торжественно провозгласилъ, отъ имени римскаго сената, освобожденіе грековъ отъ македонскаго владычества и автономію ихъ и привелъ этимъ въ восторгъ весь собравшійся на игры народъ.

Мало по малу энтузіазмъ грековъ къ своимъ мнимымъ освободителямъ—римлянамъ совершенно исчезъ, а нѣкоторые изъ греческихъ государствъ, бывшихъ даже еще недавно союзниками римлянъ, стали къ нимъ въ совершенно враждебныя отношенія. Такъ, воинственные этоліицы, раздраженные ничтожными выгодами, доставленными имъ римлянами отъ войны съ Филиппомъ III, недовольные вмѣшательствомъ римлянъ въ дѣла Греціи, старались возстановить противъ Рима могущественнаго въ то время Антиоха III, которому они предложили для этого союзъ и помощь. Расположеніе къ войнѣ съ Римомъ поддерживалъ еще въ Антиохѣ III Аннибаль, нашедшій у него убѣжище тотчасъ послѣ изгнанія его изъ Карфагена и предложившій ему свои услуги для войны противъ Рима. Въ виду всего этого Антиохъ III рѣшился выступить противъ Рима въ качествѣ освободителя Греціи. Между тѣмъ союзники римлянъ, именно, царь пергамскій и родосцы, обратились къ нимъ съ просьбою о помощи противъ Антиоха III, опасаясь его завоевательныхъ плановъ. Такимъ образомъ завязалась война между Римомъ и Антиохомъ III, имѣвшая рѣшительное вліяніе на судьбу значительной части передней Азіи.

Въ 192 г. Антиохъ III высадился въ Тессалии съ незначительными силами и вмѣсто того, чтобы, по совѣту Аннибала, соединиться съ царемъ македонскимъ и двинуться заодно съ нимъ прямо на Италію, проводилъ время въ различныхъ празднествахъ и пиршествахъ, и своею безтактностію оттолкнулъ отъ себя Филиппа III. Римляне-же, не теряя

времени, двинули въ Фессалию 40,000 армію. Въ 191 г. при Фермопилахъ дѣло дошло до сраженія, въ которомъ сирійско-этолійскія войска были разбиты на-голову, между тѣмъ какъ флотъ римлянъ одерживалъ неоднократно побѣды надъ морскими силами сирійскаго царя. Антіохъ III вынужденъ былъ оставить Грецію и послѣдно возвратиться въ Малую Азію, но римское войско перешло черезъ Геллеспонтъ и преслѣдовало Антіоха III и въ Малой Азіи, пока онъ не былъ окончательно разбитъ въ битвѣ при Магнезій (близъ Смирны). Послѣ этого рѣшительнаго пораженія Антіохъ III, покинутый своими союзниками, долженъ былъ купить миръ уступкою всѣхъ своихъ владѣній въ Европѣ и въ Малой Азіи до Тавра, не говоря уже объ уплатѣ громадной контрибуціи за военныя издержки; онъ долженъ былъ также выдать почти весь свой военный флотъ и боевыхъ слоновъ. Пораженіе Антіоха имѣло также слѣдствіемъ подчиненіе этолійцевъ. Въ 189 г. этолійскій союзъ былъ уничтоженъ, послѣ чего этолійцы потеряли всякое политическое значеніе.

Во время войны римлянъ съ Антіохомъ III, Филиппъ III держалъ постоянно ихъ сторону, и потому они нѣкоторое время смотрѣли сквозь пальцы на распространеніе его владычества въ Фессалии и даже утвердили за Филиппомъ отнятыя имъ у этолійцевъ города. Но римляне очень хорошо понимали, что не дружба къ Риму, а вражда къ Антіоху побудила Филиппа III къ войнѣ противъ сирійскаго царя, и потому по окончаніи войны стали принимать жалобы, съ которыми обращались въ римскій сенатъ различные фессалійскіе города противъ самоуправства Филиппа III, причемъ рѣшеніе сената было почти всегда противъ македонскаго царя. Это постоянное вмѣшательство Рима въ отношенія Македоніи къ различнымъ греческимъ городамъ, и, притомъ, въ повелительномъ тонѣ, крайне оскорбляло и раздражало Филиппа III, такъ что онъ началъ готовиться уже къ войнѣ съ Римомъ въ надеждѣ, что всѣ недовольные римскимъ господствомъ греческіе города примкнутъ къ нему, чтобы общими силами свергнуть унижительное римское иго. Но война эта открылась уже по смерти Филиппа III (179 г.), при сынѣ его Персеѣ.

Персей наследовалъ отъ отца его ненависть и раздраженіе противъ Рима и надежду на близкое возрожденіе государства. Со всею энергіею взялся онъ за продолженіе отцовскаго дѣла и ревностно готовился къ войнѣ съ Римомъ. Но Персею недоставало ни военныхъ талантовъ и политической прозорливости, ни упрюгой силы характера и выдержки Филиппа III. Въ то время вся національная партія между греками была искренно расположена поддержать стремленіе Македоніи страхнуть покровительство Рима, такъ что все это побуждало Персея попытаться стать противъ римскаго владычества во главѣ коалиціи всѣхъ притѣвленныхъ государствъ. Но римскій сенатъ, узнавъ о приготовленіяхъ къ войнѣ Персея, рѣшилъ объявить ему войну.

Въ первые три года войны перевѣсъ былъ на сторонѣ Персея. Но

замѣчательно то, что когда послѣ совершеннаго пораженія римлянъ въ первомъ сраженіи Персей, не смотря на свою побѣду, просилъ у римлянъ мира, и притомъ на очень выгодныхъ для нихъ условіяхъ, римляне отвергли это предложеніе, оставаясь вѣрными своему принципу—никогда не заключать мира послѣ пораженія. Между тѣмъ, безчинство римскихъ офицеровъ и солдатъ по отношенію къ грекамъ и произвольное обложеніе военными контрибуціями даже союзныхъ съ Римомъ греческихъ городовъ усиливали раздраженіе грековъ противъ римлянъ, такъ что эпироты перешли явно на сторону Персея, и римская армія терпѣла неоднократныя пораженія; но Персей не сумѣлъ воспользоваться своими побѣдами и довольствовался только тѣмъ, что укрѣплялъ себя въ Македоніи и вообще держался въ оборонительномъ положеніи. Но положеніе воюющихъ сторонъ сразу измѣнилось, когда главнокомандующимъ римскихъ войскъ назначенъ былъ Луцій Эмилиій Павлъ (Paullus), сынъ консула того-же имени, павшаго при Каннахъ, человекъ изъ древней знати и съ греческимъ образованіемъ, не разъ уже отличавшійся на полѣ битвы, отличный полководецъ старой школы, строгій къ самому себѣ и къ своимъ подчиненнымъ и неподкупный. Какъ только новый полководецъ, все еще свѣжій и бодрый, не смотря на свои 60 лѣтъ, прибылъ въ лагерь, дисциплина въ римской арміи была восстановлена, дѣла римлянъ пошли блистательно, и не болѣе какъ въ 15 дней война была окончена съ полнымъ торжествомъ для римлянъ. И не только война, но вся судьба Македоніи была рѣшена однимъ сраженіемъ при Пиднѣ (168 г.), продолжавшимся всего одинъ часъ. Пораженіе македонской арміи было страшное: 20,000 македонянъ легли на полѣ битвы, 11,000 взято въ плѣнъ, и вся Македонія покорилась въ два дня. Персей съ своимъ золотомъ искалъ сначала спасенія въ бѣгствѣ, но, не видя спасенія, предалъ себя на волю римлянъ. Немного лѣтъ спустя, онъ умеръ государственнымъ плѣнникомъ въ Италіи. Послѣ покоренія Македоніи въ сенатѣ римскомъ было рѣшено принять мѣры, чтобы разъ навсегда уничтожить всякую возможность повторенія для Рима опасности со стороны Македоніи и Греціи. Македонія, какъ единая монархія, была уничтожена и, по рѣшенію римскаго сената, раздѣлена на 4 независимые одинъ отъ другаго округа, получившіе республиканское управленіе. Македонія обложена была податью въ пользу Рима. Вся земля была обезоружена, крѣпости срыты. Въ самой Греціи особенно жестоко были наказаны эпироты за союзъ свой съ Персеемъ. По тайному приказанію сената, Эмилиій Павлъ въ одинъ день отдалъ на разграбленіе 70 мѣстечекъ, жители которыхъ, числомъ 150,000 проданы были въ рабство. Но македонская партія была во всякомъ городѣ, и вотъ по всей Греціи начались процессы. Во всѣхъ греческихъ городахъ приверженцы Македоніи преслѣдовались, какъ государственные измѣнники, и наказывались лишеніемъ свободы, имущества или жизни. Такимъ образомъ, замѣчательнѣйшіе патріоты между эссалійцами, этолійцами и

др. были удалены изъ родины; но особенно много ахейцевъ, и притомъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ, числомъ болѣе тысячи, потребованы были за тайное расположеніе къ Македоніи на судъ въ Италію, гдѣ они прожили 17 лѣтъ заложниками въ разныхъ городахъ. Большая часть ихъ умерла въ плѣну; остальные добились наконецъ отъ римскаго сената разрѣшенія возвратиться въ отечество (ихъ оставалось всего 300). Тѣмъ болѣе старались они, по возвращеніи на родину, разжигать злобу и ненависть къ Риму, тягостное покровительство котораго и безъ того давало себя съ каждымъ днемъ все болѣе чувствовать.

Въ то время, какъ отношенія грековъ къ Риму становились все болѣе враждебными въ Македоніи, явился самозванецъ, нѣкто Андрискъ, который выдалъ себя за сына Персеева и, будучи признанъ царемъ, поднялъ возстаніе противъ Рима, опираясь на поддержку и сочувствіе между недовольнымъ гнетущею властію народонаселеніемъ Македоніи и Тессалии. Это подало римлянамъ поводъ къ окончательному покоренію Македоніи. Уже на слѣдующій годъ послѣ возстанія (148 г. до Р. X.) Андрискъ, называемый обыкновенно Лже-Филиппомъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ римскимъ консуломъ Метелломъ, и Македонія обращена въ римскую провинцію, управление которою ввѣрено было римскому проконсулу и квестору. Послѣ того римляне обратились противъ Греціи и, главнымъ образомъ, противъ ахейскаго союза, который они старались раздѣлить. Поводомъ къ вмѣшательству римлянъ въ дѣло союза послужили отношенія между Спартою и ахейцами. Спарта, только силою оружія принужденная къ вступленію въ ахейскій союзъ, старалась теперь порвать съ нимъ всякую связь. Въ виду этого, римскіе послы безъ всякаго законнаго основанія потребовали отъ ахейскаго союза, чтобы они исключили изъ своего союза не только Спарту, но и Коринѣвъ, и Аргось, и нѣкоторые другіе города. Это требованіе со стороны Рима возбудило негодованіе ахейцевъ и произвело явное возстаніе. Во главѣ ахейцевъ стали два непримиримѣйшіе врага римлянъ (Критолай и Діей) и въ 147 г. открылась война. Метеллъ разбилъ ахейцевъ, но окончаніе войны долженъ былъ поручить суровому Муммію, который нанесъ окончательное пораженіе ахейцамъ. Послѣ этого онъ, по повелѣнію сената, не только взялъ приступомъ и разрушилъ богатый городъ Коринѣвъ, но и запретилъ подъ проклятіемъ отстраивать его снова. Жители Коринѣа были частью избиты, частью отведены въ рабство, а драгоценныя произведенія искусствъ были отчасти истреблены, отчасти перевезены въ Римъ; ахейскій союзъ былъ уничтоженъ, всѣ собранія запрещены; управление въ каждомъ городѣ поручено было совѣту, составленному изъ знатнѣйшихъ олигарховъ; вся-же Греція въ совокупности, подъ именемъ Ахаіи, обращена въ римскую провинцію и подчинена проконсулу Македоніи (146 г. до Р. X.).

III. Пуническая война.
Разрушеніе Карфагена. (146 г. до Р. X.). Не смотря на тяжкія условія мира, которымъ закончилась вторая пуническая война, Карфагенъ съ

теченіемъ времени вновь оправился, благодаря удивительной предприимчивости караегенянъ въ торговлѣ и промышленности. Римляне съ завистью и опасеніемъ смотрѣли на возобновленіе силъ Караегена и искали только повода снова начать войну съ нимъ и окончательно уничтожить его. Поводъ къ этой войнѣ заключался уже въ условіи мира, по которому Караегенъ не могъ начинать войны безъ позволенія Рима. Пользуясь этимъ, Массиниса, царь нумидійскій, находясь въ союзѣ съ Римомъ, отнималъ у караегенянъ одну область за другою. Жалобы караегенянъ римскому сенату на Массинису не приводили ни къ чему. Тогда караегеняне, выведенные изъ терпѣнія, взяли за оружіе. Этимъ нарушили они договоръ съ римлянами и дали имъ предлогъ для войны.

Когда римскій сенатъ отправилъ въ Караегенъ посольство, съ цѣлью изслѣдовать положеніе дѣла, то послы, по возвращеніи въ Римъ, своимъ пристрастнымъ изображеніемъ могущества Караегена склонили сенатъ къ войнѣ. Особенно настаивалъ на этомъ стоявшій во главѣ враждебной Караегену партіи сенаторъ Катонъ, который, послѣ возвращенія своего изъ Караегена, каждую рѣчь свою въ сенатѣ заканчивалъ словами: „Кромѣ того, я полагаю, что Караегенъ долженъ быть разрушенъ“. (*Ceterum censeo Carthaginem delendam esse*).

Римляне послали огромную армію подъ начальствомъ двухъ консуловъ, чтобы покончить съ Караегеномъ. Караегеняне, узнавъ о выступленіи въ Африку римскаго войска, готовы были покориться всѣмъ требованіямъ Рима, чтобы только сохранить свободу. По требованію римскаго сената, караегеняне выслали 300 заложниковъ изъ самыхъ знатныхъ фамилій, затѣмъ, когда консулы высадились въ Африкѣ и потребовали выдачи всего оружія и всѣхъ военныхъ снарядовъ, — караегеняне исполнили и это требованіе. Но, не смотря на обѣщаніе консуловъ пощадить Караегенъ, они предъявили обезоруженнымъ караегенянамъ новое и самое жестокое требованіе — разрушить Караегенъ, а самимъ поселиться, по крайней мѣрѣ, на двѣ мили отъ морскаго берега. Это требованіе привело въ негодованіе и отчаяніе всѣхъ караегенянъ, и они рѣшились лучше умереть подъ развалинами роднаго города, чѣмъ оставить его. Одушевленіе караегенянъ было безпредѣльно. Не только были прерваны переговоры о мирѣ, но и растерзаны всѣ тѣ, которые стояли за миръ съ Римомъ, убиты сенаторы, принявшіе прежнія условія отъ консуловъ. Поспѣшно приведены были городскія стѣны въ оборонительное положеніе. Принялись готовить оружіе и военные снаряды; храмы и площади обращены въ мастерскія. День и ночь старъ и малъ, мужчины и женщины работали надъ производствомъ оружія и метательныхъ снарядовъ. Женщины охотно стригли свои косы на тетивы для луковъ. Разрушались общественныя зданія, чтобы достать оттуда балки и металлъ; деревянныя кровли домовъ срывались на постройку военныхъ кораблей. Всякій несъ все свое достояніе на нужды отечества.

Когда римскіе консулы подступили къ Караегену, то, къ изумленію

своему, нашли ворота города запертыми, а на стѣнахъ многочисленное войско въ полномъ вооруженіи. Началась осада, которая затянулась надолго. Неспособные римскіе консулы ничего не могли сдѣлать противъ сильныхъ крѣпостныхъ сооруженій. Не разъ римляне были отбиваемы со страшнымъ урономъ. Каррагенъ получалъ припасы моремъ и могъ еще держаться. Каррагеняне успѣли даже въ короткое время построить и вооружить значительный флотъ. Дѣла римлянъ шли неуспѣшно до тѣхъ поръ, пока во главѣ войска не былъ поставленъ молодой и талантливый полководецъ Корнелій Сципionъ Эмилианъ, сынъ Эмилиа Павла, избранный консуломъ на 147 г. Ему удалось воодушевить войско и запереть городъ съ суши и съ моря укрѣпленіями и плотинами. Въ Каррагенѣ начался страшный голодъ, и это ослабило сопротивленіе каррагенянъ. Шагъ за шагомъ овладѣлъ Сципionъ наружными укрѣпленіями Каррагена и вступилъ въ городъ. Но каррагеняне защищались еще въ самомъ городѣ. Шесть дней и шесть ночей непрерывно шла битва въ улицахъ и домахъ, которые надобно было брать по одиночкѣ, пока добрались римляне до цитадели. Завоеванныя улицы были сожжены, и многіе жители погибли въ домахъ своихъ. Когда-же Сципionъ напалъ на крѣпость, то оставшіеся въ живыхъ защитники ея, изнемогшіе отъ голода и послѣднихъ усилій, просили Сципiona о пощадѣ, и онъ даровалъ имъ жизнь. Болѣе 50,000 плѣнныхъ были закованы въ цѣпи и проданы въ рабство. По приказанію римскаго сената, Каррагенъ былъ сравненъ съ землею. Опустошительный пожаръ длился больше двухъ недѣль. Мѣсто нѣкогда цвѣтушаго города было вспахано плугомъ и предано проклятiю на вѣчныя времена. Съ чувствомъ ужаса и горечи смотрѣлъ Сципionъ на страшное дѣло разоренія, вспоминая объ участи Трои и думая о возможности подобной-же участи для своего отечества. Послѣ разрушенія Каррагена всѣ владѣнія его были присоединены къ Риму и обращены въ провинцію подъ именемъ Африки. Сципionъ Эмилианъ за покореніе ея получилъ титулъ Африканскаго, но въ отличіе отъ Сципiona Африканскаго, побѣдителя при Замѣ, названъ былъ Младшимъ. Скоро послѣ разрушенія Каррагена тотъ же Сципionъ Эмилианъ докончилъ покореніе Испаніи (133) покореніемъ города Нуманціи, отчего онъ извѣстенъ также подъ именемъ Нумантійскаго.

Окончательное покореніе Испаніи и Пергамскаго царства. Еще во время второй пунической войны римляне покорили большую часть Испаніи и земли ея обратили въ римскія провинціи (*Hispania citerior* и *ulterior*). При открытіи третьей пунической войны, римлянамъ оставалось еще покорить на Пиренейскомъ полуостровѣ лузитанцевъ, жившихъ въ западной части полуострова между Таго и Минью. Но лузитанцы, подъ предводительствомъ Вириата, мужественно защищались. Наконецъ, послѣ измѣнническаго умерщвленія Вириата и вслѣдствіе раздоровъ между самими лузитанцами, они были покорены римлянами. Но и послѣ этого Нуманція, жители которой были выведены изъ терпѣнія угнетеніями римскихъ наместниковъ, еще нѣсколько лѣтъ продолжала отчаянную борьбу съ римлянами, пока наконецъ Сципionу Эмилиану не удалось окружить городъ и голодомъ принудить нумантинцевъ къ сдачѣ. Взятые въ плѣнъ нумантинцы были проданы въ раб-

ство, а городъ разрушенъ до основанія. Такъ кончилась такъ называемая нумантинская война (149—133 г.), приведшая къ покоренію всей Испаніи, за исключеніемъ сѣверо-западной гористой части, гдѣ еще въ продолженіи столѣтія храбрые астурийскіе горцы сохраняли независимость отъ Рима.

Не далѣе какъ черезъ три года послѣ окончательнаго покоренія Испаніи, владѣнія римлянъ расширились еще пріобрѣтеніемъ Пергамскаго царства въ Малой Азіи, которое обращено было въ римскую провинцію, подъ именемъ Азіи. Когда римляне, послѣ успѣшной войны съ Антіохомъ III, раздѣлили пріобрѣтенную отъ него часть Малой Азіи (до Тавра) между своими союзниками въ войнѣ съ сирійскимъ царемъ (Пергамъ и Родось), чтобы этимъ тѣснѣе привязать ихъ къ своимъ интересамъ, то при этомъ большую часть Малой Азіи получилъ пергамскій царь Эвменъ, царство котораго вслѣдствіе союза съ Римомъ сдѣлалось вдругъ могущественнымъ въ Азіи. Съ усиленіемъ могущества Рима, Пергамское царство становилось все болѣе зависимымъ отъ Рима. Наконецъ, въ 133 г. царь пергамскій Атталъ III, сынъ Эвмена, не оставивъ по себѣ прямаго наслѣдника престола, завѣщаль свое царство римлянамъ. Между тѣмъ, родственникъ царской фамилии Аттала III (Аристоникъ) предъявилъ свои притязанія на Пергамское царство и поднялъ было жителей его къ возстанію противъ римлянъ. Тогда возстаніе это было скоро подавлено силою оружія, и Пергамское царство окончательно подчинено было Риму въ качествѣ провинціи (130 г. до Р. X.).

Предѣлы римскаго государства. Вслѣдствіе непрерывныхъ почти внѣ-италійскихъ войнъ, владѣнія Рима чрезвычайно расширились и охватывали уже почти всѣ берега и острова Средиземнаго моря. Въ концѣ II вѣка до Р. X. всѣ внѣиталійскія владѣнія образовали слѣдующія провинціи: 1) Сицилія; 2) Сардинія и Корсика; 3) Галлія Цизальпинская (*Gallia cisalpina*); 4) Испанія Дальняя (*Hispania ulterior*) и 5) Испанія Ближайшая (*Hispania citerior*); 6) Африка; 7) Иллирія; 8) Македонія и Ахаія, и 9) Азія.

ПОЛИТИКА РИМЛЯНЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПОКОРЕННЫМЪ ИМИ НАРОДАМЪ И ГОРОДАМЪ.

Послѣ утвержденія владычества Рима во всей Италіи и почти надъ всѣми землями по берегамъ Средиземнаго моря, римляне долгое еще время продолжали поддерживать нѣкоторое различіе политическихъ правъ между покоренными ими народами Италіи и жителями подвластныхъ имъ внѣиталійскихъ земель или такъ называемыхъ провинцій. Послѣдніе всегда считались покоренными народами, тогда какъ итальянцы пользовались большею или меньшею свободою и самостоятельностью. Вообще политика римлянъ была направлена къ тому, чтобы поселить и поддерживать рознь между подвластными имъ народами и даже между высшимъ и низшимъ классами въ каждой народности, а этого достигали они посредствомъ установленія различія политическихъ правъ, съ одной стороны, между покоренными народами внѣ Италіи и жителями подвластныхъ областей въ предѣлахъ самой Италіи и, съ другой стороны,—между различными итальянскими народами и различными классами гражданъ каждой отдѣльной народности.

Въ эпоху всемірнаго владычества Рима все населеніе его раздѣлялось на слѣ-

дующія категоріи: собственно римскихъ гражданъ, союзниковъ на латинскомъ или италійскомъ правѣ и провинціаловъ.

Полное право римскаго гражданства (*jus civitatis*) получили, кромѣ гражданъ самаго Рима, тѣ народы и города Италіи, которые въ критическія минуты исторіи Рима, во время продолжительныхъ войнъ его съ латинами и итальянцами, оказывались неизмѣнно-вѣрными Риму: таковы сабиняне и вольскіи, а также южно-италійскія приморскія колоніи. Кромѣ того, въ различныхъ областяхъ и городахъ получали право полного гражданства отдѣльныя лица, выдававшіяся по своему общественному положенію, напр. должностныя лица, считавшіяся римскими гражданами уже по своей должности.

Города на правѣ латинскомъ имѣли съ начала почти одинаковыя съ Римомъ права, но впослѣдствіи, когда они начали тяготиться гегемоніей Рима и начались латинскія войны, то отношенія Рима къ латинамъ измѣнились. Римъ старался ограничить предоставленную прежде латинамъ равноправность: нѣкоторымъ городамъ, оставшимся вполнѣ вѣрными Риму, оставлены были полныя права гражданства, права же другихъ были ограничены. Однако-же, всѣ города съ латинскимъ правомъ (*jus latinum*) сохранили старинное право вступленія въ бракъ съ римскими гражданами (*jus connubii*), право торговыхъ сдѣлокъ и приобрѣтенія квинритской собственности (*jus commercii*), право на участіе въ *ager publicus*, право свободного переселенія въ Римъ и право быть зачисленными въ римскія трибы; но впослѣдствіи и эти двѣ послѣднія привилегіи были даруемы только высшимъ лицамъ городовъ на латинскомъ правѣ.

Латины управлялись своими законами и должностными лицами, которыхъ избирали изъ своей среды. Всякій латинъ, переселившійся въ Римъ и обладавшій достаточнымъ по цензу имуществомъ, получалъ право римскаго гражданства. Часто подавали голоса въ комиціяхъ римскихъ гражданъ и присутствовавшіе при этомъ латины. Впрочемъ, преимущества эти были предоставлены не всѣмъ латинскимъ городамъ въ одинаковой степени. Но, рядомъ съ нѣкоторыми преимуществами, латины испытывали и нѣкоторыя серьезныя ограниченія: такъ, для устраненія возможности возстановленія существовавшаго въ Лаціумѣ союза латинскихъ городовъ, римляне уничтожили право латинскихъ сходовъ; съ этою-же цѣлію латины различныхъ городовъ были лишены взаимнаго *jus connubii* и *commercii*; латины не входили въ составъ римскихъ легионовъ, не принимались въ ихъ сообщество и составляли какъ бы отдѣльныя вспомогательные отряды войска. Латины не имѣли также голоса въ совѣщаніяхъ о мирѣ и войнѣ, хотя обязанности военной службы ложились на нихъ болѣе тяжело, чѣмъ на римскихъ гражданъ. Вообще латинское право, *jus latinum*, было ниже, чѣмъ *jus civitatis*, но выше, чѣмъ *jus italicum*.

Итальянскіе народы не латинскаго происхожденія, подчинившіеся Риму на основаніи договоровъ, назывались союзниками. Права, опредѣлявшія отношеніе ихъ къ Риму, составляли такъ называемое италійское право (*jus italicum*). Но права италійцевъ относительно Рима были чрезвычайно разнородны, такъ какъ договоры между ними и Римомъ заключались при разныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, и италійскіе народы были разъединены разнообразіемъ своихъ правъ и отношеній къ Риму. Но, при всей разрозненности итальянскихъ союзниковъ, были у нихъ и нѣкоторыя общія права и обязанности: подобно латинамъ, они должны были помогать римлянамъ на войнѣ войсками и деньгами, но за то управлялись по своимъ законамъ избранными изъ ихъ среды должностными лицами.

Въ особыхъ отношеніяхъ къ Риму находились города Италіи, носившіе названіе *муниципій* и *колоній*. Муниципій (*municipium* отъ *municipus* и *carere*) были города, имѣвшіе свое самостоятельное управление и пользовавшіеся вполнѣ, или съ нѣкоторыми ограниченіями правами римскаго гражданства. Въ большинствѣ:

муниципій городское или муниципальное управление было устроено по образцу римскаго. Во главѣ управленія стояли два дуумвира (duumviri), на подобіе римскихъ консуловъ, и, кромѣ того, существовали должности цензоровъ, эдиловъ, квесторовъ и народныхъ трибуновъ, также сенаты и народныя собранія.

Римскія колоніи основывались въ покоренныхъ земляхъ Италіи съ двоякою цѣлью: во 1-хъ, съ цѣлью уменьшенія количества бѣднаго населенія въ Римѣ и обезпеченія ихъ посредствомъ надѣла во вновь прибрѣтенныхъ земляхъ; во 2-хъ, съ цѣлью упроченія сдѣланныхъ уже завоеваній. Всѣ основанныя въ Италіи римскія колоніи отличались отъ греческихъ тѣмъ, что были основаны не вновь, а на мѣстѣ городовъ, изъ которыхъ были изгнаны прежніе жители. Колоніи имѣли такое-же устройство, какъ большинство муниципій: управлялись сенатомъ, народнымъ собраніемъ, дуумвирами, цензорами и народными трибунами. Одинъ изъ знатнѣйшихъ жителей изъ каждой колоніи засѣдалъ въ римскомъ сенатѣ и былъ тамъ представителемъ ея интересовъ. Колоніи за дарованныя имъ земли обязаны были платить подати, а также обязаны были военною службою. Колонисты римскаго происхожденія имѣли права римскаго гражданства, но правомъ голоса въ народныхъ собраніяхъ вообще не пользовались.

Отношенія италійскихъ союзниковъ, муниципій и колоній къ Риму нѣсколько измѣнились со времени второй пунической войны, смотря по болѣе или менѣе дѣятельному участію ихъ въ войнѣ противъ Аннибала: многіе города, оставшіеся неизмѣнно-вѣрными Риму, получили полное право гражданства, другіе, напротивъ, лишились своихъ прежнихъ преимуществъ за переходъ на сторону картагенянъ. Въ концѣ римской республики, послѣ продолжительной союзнической войны, всѣ италійцы получили право голоса въ римскихъ комиціяхъ и право на занятіе почетныхъ государственныхъ должностей.

Провинціи. Положеніе всѣхъ италійскихъ городовъ, не смотря на различныя ограниченія въ ихъ самостоятельныхъ правахъ, было, однако, несравненно благоприятнѣе того бѣдственнаго положенія, въ которое поставлены были почти всѣ провинціи. Впрочемъ, оставаясь вѣрными своей политикѣ, римляне и провинціаламъ предоставили неодинаковыя льготы. Всѣ тѣ, которые, при занятіи страны римлянами, измѣнили своимъ прежнимъ согражданамъ или правительству, получали различныя преимущества: имъ предоставлялось болѣе или менѣе самостоятельное управленіе, или значительное уменьшеніе налоговъ, иногда-же и совершенное освобожденіе отъ нихъ. Напротивъ того, города и народы, обнаружившіе въ борьбѣ съ римлянами упорство и вѣрность своему правительству, теряли свои прежнія права, были подчиняемы произволу римскаго намѣстника и обременены налогами. Намѣстники провинцій назывались пропреторами и проконсулами. Намѣстниковъ сопровождали квесторы, завѣдывавшіе финансовою частью, легаты (legati) и множество низшихъ чиновниковъ: писцы (scribae), ликторы (lictores) и др. Намѣстники провинцій имѣли власть гражданскую (potestas) и военную (imperium). Имъ принадлежало также завѣдываніе судопроизводствомъ. При вступленіи своемъ въ должность, римскіе намѣстники, подобно преторамъ въ Римѣ, издавали эдикты, которымъ подчинялись всѣ дѣйствовавшіе въ провинціи законы, и, не смотря на то, что римское правительство, благодаря процвѣтанію въ самомъ Римѣ правовѣднія, заботилось вообще о введеніи въ провинціи хорошихъ законовъ или объ улучшеніи существовавшихъ, провинціи большею частію лишались и этого единственнаго благодѣянія римскаго владычества вслѣдствіе общаго характера управленія римскихъ намѣстниковъ. Страшнымъ зломъ было уже то, что намѣстники смѣнялись ежегодно и къ тому-же не получали опредѣленнаго жалованья отъ правительства, а содержались со своей свитой на счетъ жителей провинцій, отданной имъ въ управленіе. Поэтому большая часть намѣстниковъ смотрѣла на назначеніе свое въ провинціи, какъ на средство для наживы и удовлетворенія честолюбію. Особенно губельны были также для провинцій

масса разнородныхъ налоговъ и податей и система отдачи на откупъ этихъ податей. Кромѣ поземельной или поголовной подати деньгами или десятиной, взимался еще извѣстный сборъ съ общественныхъ выгоновъ, съ горныхъ и соляныхъ промысловъ и мн. др. Всѣ эти налоги и пошлыны отдавались обыкновенно на откупъ главнымъ откупщикамъ (*publicani*) изъ сословія всадниковъ, которые съ пуническихъ войнъ все болѣе утрачивали свой первоначальный характеръ военного сословія и превратились въ денежную аристократію, въ классъ капиталистовъ, забравшихъ въ свои руки всѣ денежные и торговые обороты. Обыкновенно всадники, внесши, по условію, опредѣленную сумму въ государственную казну, старались потомъ наверстать съ лихою уплаченный въ казну капиталъ, беспощадно обирая населеніе провинцій. Кромѣ того, всадники увеличивали еще бѣдствія провинціаловъ огромными процентами за ссужаемые имъ въ долгъ капиталы, которые шли на уплату-же податей. Противъ произвола откупщиковъ податей рѣдко можно было найти защиту и покровительство, потому что они, какъ знатные римскіе граждане, имѣли вліяніе на распредѣленіе высшихъ должностей въ Римѣ, и оттого намѣстники обращались съ ними всегда съ крайнею осторожностью. Напротивъ того, намѣстники болѣею частію не только наживались сами на счетъ жителей провинціи, но еще поддерживали вымогательства откупщиковъ податей и дѣйствовали заодно съ ними. Существовалъ, правда, законъ (*lex Calpurnia de repetundis* 149 г.), дававшій право обиравымъ провинціямъ жаловаться сенату на своихъ угнетателей, по истеченіи срока ихъ управленія, уголовнымъ порядкомъ, но, какъ судьи, выбираемые изъ сословія сенаторовъ или всадниковъ, сами болѣею частію принадлежали къ денежной или правительственной аристократіи, то виновные обыкновенно были оправдываемы, или для виду только присуждались къ какой-нибудь незначительной денежной пенѣ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Перемена римскихъ нравовъ. Съ началомъ пуническихъ войнъ Римъ все болѣе теряетъ свой прежній, особенный, національный характеръ и вступаетъ на опасный путь постоянныхъ и легкомысленныхъ отклоненій отъ всего завѣщаннаго предками. Пока римляне ограничивались господствомъ надъ одной Италіей, они сохраняли первобытную простоту и строгость нравовъ; вслѣдствіе завоевательной политики римскаго государства и пріобрѣтенія всемірнаго владычества, весь бытъ римскаго народа совершенно измѣнился. вмѣсто прежнихъ строгихъ нравовъ явилось стремленіе къ роскоши и распущенности, вмѣсто прежняго трудолюбія—отвращеніе къ работѣ и праздное шатанье, вмѣсто прежнихъ занятій земледѣліемъ и войной (*armis et arvis*)—стремленіе къ коммерческимъ предпріятіямъ, къ легкой наживѣ. Вслѣдствіе завоеваній, богатства цѣлаго міра стали стекаться въ Римъ: въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ, отъ конца второй пунической войны до войны съ Персеемъ, на однихъ триумфахъ ввезено было въ Римъ, по меньшей мѣрѣ, серебра въ слиткахъ миллионъ фунтовъ, золота 20,000 фунтовъ, чеканенной монеты 50 миллионъ сестерцій (2¹/₂ мил. рублей) и несмѣтное количество зо-

лотыхъ вѣнцовъ, блюдь, сосудовъ. Какъ велики были сокровища, привозимыя тогда въ Римъ съ завоеванныхъ земель, можно заключить изъ того, что Павль Эмилий, напр., по окончаніи македонской войны, доставилъ въ государственное казначейство 8 мил. рублей на наши деньги и привезъ съ собой множество награбленныхъ драгоценностей и до 400 огромныхъ золотыхъ вѣнцовъ. Между тѣмъ, по случаю триумфовъ часть добычи обыкновенно дѣлилась между полководцами и отчасти между воинами, которые такимъ образомъ обогащались *). Неудивительно поэтому, что уже послѣ второй пунической войны роскошь въ Римѣ чрезвычайно усилилась между знатными и богатыми римлянами. Прежде на званый обѣдъ достаточно было истратить сто ассовъ, теперь обѣдъ и въ сто тысячъ ассовъ былъ уже не рѣдкостью. Кухня стала разнообразнѣе и изысканнѣе, увеличилось количество блюдь, появилась даже особенная поваренная наука. Изъ отдаленныхъ провинцій привозились самыя дорогія и прихотливыя яства, какъ фазаны, павлины, соловьи и разнаго рода рыба. Соотвѣтственно съ этимъ измѣнилась и вся домашняя обстановка богатыхъ римлянъ: теперь не довольствовались уже деревянными избами, простою дубовою мебелью, простою одеждою; на женскіе наряды тратились милліоны сестерцій. По мѣрѣ развитія роскоши, усиливалось и стремленіе къ наживѣ. Деньги стали кумиромъ высшихъ и низшихъ классовъ гражданъ, и всѣ кривыя пути къ обогащенію считались дозволенными: грабежъ провинцій, обманъ въ казенныхъ подрядахъ, ремесло ростовщика—все оправдывалось ради обогащенія. Обогащая государственную казну, полководцы и себя не забывали. Заботясь только о своемъ обогащеніи и о пріобрѣтеніи любви своихъ солдатъ, полководцы и военачальники позволяли своимъ войскамъ безнаказанно грабить непріятелей и союзниковъ, а вслѣдствіе этого ослабѣла въ войскѣ дисциплина. Управление провинціями сдѣлалось для римлянъ лучшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію богатствъ и упроченію своего положенія въ Римѣ. Чиновники и правители, пользуясь своею властію, расхищали государственную казну, смотря на нее, какъ на свою частную собственность. Большую часть общественнаго поля захватили въ свое владѣніе знатные граждане, присоединяя къ своимъ частнымъ помѣстьямъ цѣлыя полосы сосѣднихъ государственныхъ земель, и такимъ образомъ составляли себѣ громадныя помѣстья. Правда, сенатъ нерѣдко принималъ строгія мѣры противъ этихъ и другихъ злоупотребленій; но эти частныя мѣры не много могли помочь дѣлу, потому что корень зла заключался въ духѣ и направленіи времени.

*) Что считалось богатствомъ въ тогдашнемъ Римѣ, можно понять отчасти изъ того, что Луцій Павль, имѣвшій около 100,000 руб. состоянія, не считался за богатаго сенатора, и что приданое въ 80 т. руб., полученное каждою изъ дочерей Сципіона Старшаго, считалось лишь приличнымъ приданнымъ знатной дѣвушки.

Упадокъ прежней строгости нравовъ отразился также и въ сферѣ семейной жизни. Вслѣдствіе строгой чистоты нравовъ женщины въ древнемъ Римѣ пользовались особымъ уваженіемъ и внѣшнимъ почетомъ. На улицѣ римская матрона только консулу уступала дорогу. За оскорбленіе матроны безстыднымъ словомъ законъ грозилъ наказаніемъ и даже смертію. Римскія женщины, хотя и имѣли право участвовать въ общественныхъ празднествахъ и посѣщать театры, проводили, однакожъ, все свое время дома, занимаясь домашнимъ хозяйствомъ, тканьемъ и пряденьемъ и воспитаніемъ дѣтей. За всякое уклоненіе отъ строгой нравственности, даже отъ скромности, женщины подвергались строгому общественному суду и карѣ закона. Хотя разводъ дозволялся закономъ, но случался онъ рѣдко. Но, подъ вліяніемъ общаго упадка нравовъ и религіозности, исчезла древняя строгость семейныхъ отношеній. Разводы стали очень часты; отравленія, убійства, составленіе подложныхъ завѣщаній сдѣлались явленіями нерѣдкими въ сферѣ семейныхъ отношеній. Женщины не подчинялись уже ни власти мужа, ни опека родственниковъ. Не домашнее хозяйство, не воспитаніе дѣтей занимало теперь женщинъ высшаго круга, а дорогіе наряды. Вслѣдствіе совершеннаго измѣненія характера женщинъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, онѣ начали отстранять отъ себя заботы о воспитаніи дѣтей, предоставляя ихъ попеченію рабовъ изъ образованныхъ плѣнныхъ грековъ. Эти наставники или воспитатели (paedagogus) сопровождали своихъ воспитанниковъ всюду, въ школу, на прогулку, и давали имъ уроки греческаго языка и другихъ предметовъ. Вообще греки сдѣлались въ это время руководителями и наставниками римлянъ въ дѣлѣ образованія.

Вліяніе греческой образованности на высшіе классы римскаго общества; начало искусственной литературы въ Римѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ слѣдствій римскихъ завоеваній, и именно покоренія Греціи, было распространеніе греческой образованности въ высшихъ классахъ римскаго общества и возникновеніе искусственной поэтической литературы. До пуническихъ войнъ и покоренія Греціи, литературное образованіе было еще для римлянъ роскошью, а не потребностью, такъ какъ практическій складъ ума римлянъ чуждался всего отвлеченнаго и теоретическаго, всего неимѣющаго практическаго примѣненія въ жизни. На поэтовъ смотрѣли въ Римѣ прежде, какъ на тунеядцевъ, живущихъ на чужой счетъ. И послѣ того, какъ проникло уже греческое вліяніе въ Римъ, поэзію занимались преимущественно провинціалы, люди большею частью низкаго происхожденія и часто даже, вольноотпущенники. Сценическое искусство цѣнилось еще такъ низко, что актеры лишены были правъ гражданства. Знакомство съ греческимъ языкомъ и греческой литературой началось въ Римѣ еще со времени войны съ Пирромъ и съ покоренія Южной Итали. Но интересъ къ литературѣ и участіе къ наукѣ и искусству пробуждены были въ римлянахъ только ближайшимъ знакомствомъ съ греческою литературою и искусствомъ лишь послѣ поко-

ренія собственно Греціи. Забранные изъ покоренныхъ городовъ лучшіе памятники греческаго искусства и замѣчательныя произведенія греческой изящной словесности, при содѣйствіи греческихъ наставниковъ, открыли передъ наиболѣе образованною частію римлянъ цѣлый новый міръ и вызвали въ римлянахъ стремленіе къ подражанію. Въ наиболѣе образованныхъ римлянахъ начала проявляться наклонность къ изученію греческой философіи. Нѣкоторые начали даже входить во вкусъ греческой діалектики. Для завершенія своего образованія многіе знатные молодые римляне предпринимали путешествіе въ греческіе города, преимущественно въ Аѳины, Родосъ и Александрію и тамъ слушали уроки извѣстнѣйшихъ риторовъ и философовъ. Между знатными римлянами все болѣе распространялись языкъ грековъ, ихъ моды и обстановка. Благодаря родству основныхъ религіозныхъ представленій грековъ и латиновъ, греческая міеологія легко распространилась между латинами, и главныя божества римлянъ мало по малу слились съ соотвѣтствующими олимпійскими богами. Грекамъ же обязаны были римляне развитіемъ архитектурнаго искусства и ваянія. Благодаря греческимъ художникамъ, въ большомъ числѣ переселившимся послѣ покоренія Греціи въ Римъ, и ихъ подражателямъ, Римъ украсился многими великолѣпными зданіями и памятниками искусствъ. Римскіе храмы, по мѣрѣ сліянія греческой и римской міеологіи, приняли форму греческихъ. Отъ грековъ же заимствовали римляне искусство строить красивыя театры и амфитеатры, термы (публичныя бани), базилики (зданія, соотвѣтствовавшія нашимъ биржамъ) и многія другія зданія.

Особенно сильно отразилось вліяніе греческое на развитіи искусственной литературы. Какъ только римляне познакомились съ греческою поэзіей, начатки ихъ собственной поэзіи (какъ хвалебныя пѣсни въ честь предковъ, свадебныя представленія или фесценны, простонародныя міеическіе фарсы или аттеланы) скоро пришли въ забвеніе. Познакомившись съ художественными произведеніями греческой поэзіи, римляне стали подражать греческимъ образцамъ, и такимъ образомъ было положено начало искусственной литературѣ, имѣвшей на первыхъ порахъ чисто подражательный характеръ. Первые писатели, познакомившіе римлянъ съ греческою поэзіей въ переводахъ или подражаніяхъ и начавшіе литературную обработку латинскаго языка, были по происхожденію также греки, только италійскіе; таковы именно Ливій Андроникъ, Невій и Эній, литературная дѣятельность которыхъ относится ко второй половинѣ III и началу II вѣка до Р. Х.

Ливій Андроникъ, взятый въ плѣнъ при осадѣ Тарента, проданный въ рабство, но чрезъ нѣсколько времени получившій свободу, первый поставилъ на римскій театръ (соединяя въ своемъ лицѣ и автора, и актера) драматическія представленія, составленныя по образцу греческихъ. Онъ же перевелъ на латинскій языкъ «Одиссею». Современникъ его Невій также писалъ трагедіи и комедіи въ греческомъ вкусѣ. По примѣру греческихъ комиковъ, выводившихъ болѣею частію на сцену дѣйствительныя лица, Невій позволилъ себѣ на сценѣ насмѣшки надъ нѣкоторыми изъ важныхъ государственныхъ сановниковъ, но былъ за это приговоренъ къ тюремному заключенію. Невій написалъ также эпическую поэму, въ которой прославлялъ подвиги римлянъ въ первой пунической войнѣ.

Эній превосходилъ обоихъ своихъ предшественниковъ поэтическими дарованіями и прославился поэмою, въ которой воспѣвалъ подвиги Сципіона Афри-

канскаго. Онъ первый положилъ начало римской художественной поэзіи и его называли даже римскимъ Гомеромъ. Драматическія произведенія его составляли лишь вольныя переложенія греческихъ пьесъ. Впрочемъ, даже слѣдовавшіе за нимъ Пакувій и Атцій, считавшіеся у римлянъ совершеннѣйшими трагиками, все таки не могли стать выше простаго подражанія греческимъ образцамъ.

Изъ драматическихъ формъ получила у римлянъ наиболѣе полное художественное развитіе комедія (*fabulla palliata*) въ произведеніяхъ Плавта и Теренція.

Плавтъ, хотя и подражалъ греческимъ образцамъ и даже называлъ себя простымъ переводчикомъ, отличался оригинальностью и поэтическими дарованіями. Онъ былъ вполнѣ народнымъ комическимъ писателемъ. Его комедіи и особенно картины нравовъ отличаются оригинальнымъ, язвительнымъ юморомъ и острою, но за насмѣшкой его всюду проглядываетъ у него негодованіе на испорченность нравовъ, на жажду къ золоту, на тщеславіе и т. д., какъ показываютъ уже и самыя заглавія нѣкоторыхъ изъ его многочисленныхъ пьесъ: „Деньги для ословъ“, „Горшокъ съ золотомъ“, „Хвастливый воинъ“, „Плѣнные“ и др.

Какъ Плавтъ былъ народнымъ комическимъ писателемъ, такъ Теренцій—творцомъ комедіи для высшаго общества. Но у Теренція нѣтъ ни оригинальнаго остроумія, ни той изобрѣтательности, какъ у Плавта, хотя пьесы его даютъ вѣрную картину жизни и тона, господствовавшего въ высшемъ обществѣ того времени. Особенный успѣхъ имѣла комедія Теренція «Евнухъ», которая до того поправилась публикѣ, что за одно представленіе ея авторъ получилъ 8,000 сестерцій (около 400 р.)—цѣну, до тѣхъ поръ неслыханную. Съ началомъ искусственной литературы въ Римѣ совпадаетъ также происхожденіе римской сатиры, для которой быстро усилившейся упадокъ нравовъ представлялъ постоянную пищу. Первымъ замѣчательнымъ сатирикомъ, придавшимъ этому роду поэзіи характеръ насмѣшливаго, карающаго поученія, былъ К. Луцилій

Сципіонъ Африканскій Старшій и М. Порцій Катонъ: Интересъ и участіе высшаго класса римскаго общества къ зарождавшейся литературѣ обнаружился явственно въ томъ, что она нашла себѣ покровителей въ кругу просвѣщенныхъ аристократовъ. Поборниками новаго направленія и греческой образованности были Маркъ Клавдій Марцеллъ и фамиліи Сципіоновъ, Павла Эмилиа и Фламиніновъ. Главнымъ представителемъ всей этой партіи былъ Сципіонъ Африканскій Старшій. Его обвиняли за то, что онъ одѣвался по гречески и тратилъ время на чтеніе греческихъ книгъ. У него нашелъ покровительство прославившій его подвиги поэтъ Энній, съ которымъ Сципіонъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Хотя ближайшее знакомство съ Греціей и ея литературой и искусствомъ и отразилось громаднымъ вліяніемъ на все дальнейшее развитіе римской образованности и послужило къ возникновенію искусственной литературы въ Римѣ, однакожь, благотворное вліяніе греческой образованности простиралось на весьма немногихъ личностей. Большинство-же римлянъ принимало то, что легче было усвоить себѣ—страсть къ наслажденіямъ, роскошь и расточительность въ столѣ и одеждѣ, лоскъ и деликатность въ обращеніи и разныя чувственныя удовольствія. Это объясняется тѣмъ, что Римъ столкнулся съ Греціей уже въ эпоху ея политическаго и нравственнаго вырожденія, когда и сама литература, и искусство грековъ сошли съ прежней высоты и, по направленію, гармонировали съ общимъ нравственнымъ упадкомъ. Такимъ

образомъ, вмѣстѣ съ образованностью греческою распространилась въ Римѣ и страшная испорченность греческихъ нравовъ. Пристрастіе ко всему греческому встрѣтило ожесточенныхъ противниковъ въ тѣхъ изъ римлянъ, которые были горячими приверженцами старинныхъ строгихъ нравовъ и національно-самобытной жизни Рима. Таковъ былъ въ особенности Маркъ Порцій Катонъ.

Маркъ Порцій Катонъ, типъ истаго римлянина стараго закала, былъ сынъ мелкаго землевладѣльца и первую юность свою провелъ въ своемъ сабинскомъ помѣстьѣ занимаясь сельскими работами. Благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, продолжилъ онъ себѣ путь къ консульству и даже цензорству. Вступивъ на 17-мъ году въ гражданское ополченіе, онъ провелъ въ немъ всю войну съ Аннибаломъ и показалъ себя къ различные періоды этой войны въ Италіи, Испаніи, Греціи и Македоніи равно отличнымъ солдатомъ и военачальникомъ. Не менѣе замѣчательнъ былъ Катонъ и какъ ораторъ. На городской площади стоялъ онъ, какъ на полѣ битвы, съ чрезвычайной энергіей и упорствомъ защищалъ мнѣнія и принципы стараго времени, представителемъ котораго онъ былъ, и борясь противъ новаго духа времени. Его безстрашная грозная рѣчь, его суровое, мѣткое деревенское остроуміе, его невѣроятная дѣятельность, его знаніе римскаго права и практической жизни обрабиди на него сначала вниманіе его ближайшихъ согражданъ, а потомъ, когда онъ выступилъ на болѣе широкое поприще дѣятельности на римскомъ форумѣ и въ сенатѣ, онъ сдѣлался самымъ замѣчательнымъ ораторомъ своего времени и получилъ сильное вліяніе на государственныя дѣла. Какъ человекъ энергическій, рѣзкій и рѣшительный, прямодушный, честный и строгій къ самому себѣ, Катонъ, отличавшійся также суровою внѣшностію, относился съ беспощадною строгостію и жестокостію ко всему, что противорѣчило его идеалу строгой исключительно-національной римской жизни. Съ раздраженіемъ и ненавистію относился онъ ко всѣмъ своимъ противникамъ, принадлежавшимъ знаменитѣйшимъ могущественнымъ родамъ того времени, именно къ Сципіонамъ и Фламиніамъ, представителямъ ненавистной для Катона новизны и сторонникамъ греческаго образованія. Какъ врагъ безчестности и распущенности и заступникъ интересовъ поселянъ, Катонъ не разъ публично съ горькими упреками осыпалъ въ сенатѣ своихъ знатныхъ сотоварищей за ихъ увлеченіе отъ долга и отъ древнихъ строгихъ нравовъ, и этимъ нажилъ себѣ среди правительственной знати многочисленныхъ враговъ, которые всячески старались очернить его въ глазахъ народа. Онъ былъ обвиненъ публично 44 раза, но всякій разъ выходилъ чистымъ и оправданнымъ въ глазахъ народа, видѣвшаго въ Катонѣ защитника своихъ интересовъ и строгаго обличителя каждой несправедливости. Поэтому, вопреки всѣмъ усиліямъ знати, Катонъ былъ избранъ всѣми гражданами цензоромъ въ 184 г., не смотря на то, что при выборахъ онъ съ ораторской трибуны напередъ объявилъ, что, получивъ эту должность, онъ намѣренъ предпринять всеобщее очищеніе государства. Не даромъ опасалась знать неумолимой строгости Катона въ качествѣ цензора. Какъ врагъ всякаго плутовства и роскоши, бывший самъ во всю жизнь образомъ умѣренности и простоты, Катонъ, по полученіи званія цензора, пользовался предоставленною ему властью съ такою строгостію и суровостію, что ему дали впоследствии прозваніе цензорія (Censorius). Катонъ обложилъ высокою пошлиною всѣ предметы роскоши; заставилъ разрушить частныя зданія, воздвигнутыя римскими вельможами на общественной землѣ; отнялъ у подрядчиковъ общественныхъ работъ большую часть присвоенныхъ ими себѣ выгодъ и т. п. Но, не смотря на всѣ эти энергическія мѣры, Катонъ не могъ возстановить древней строгости нравовъ и обычаевъ, потому что сила новаго порядка вещей была гораздо могущественнѣе противодѣйствія отдѣльныхъ личностей. До какой степени страсть къ наживѣ и купеческій

духъ глубоко проникли въ римское общество и какъ безсильны были противъ этого новаго направленія римскаго общества отдѣльныя личности, доказываетъ лучше всего то, что самъ Катонъ на старости лѣтъ увлекся духомъ времени и сталъ входить въ обширныя торговыя предпріятія, не смотря на то, что ставилъ земледѣліе выше всѣхъ промысловъ, называя его самымъ надежнымъ и благочестивымъ занятіемъ, придавшимъ Риму внутреннюю крѣпость *). Не менѣе горячо и энергично, чѣмъ противъ роскоши и расхищенія государственной собственности, выступилъ Катонъ противъ греческаго образованія и всего греческаго. Но неправильное, предубѣжденное отношеніе Катона къ греческой литературѣ и образованности обуславливалось вовсе не недостаткомъ его собственнаго образованія. Напротивъ, это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ писателей своего времени. Значеніе Катона въ римской литературѣ тѣмъ болѣе велико, что онъ начинаетъ собою рядъ римскихъ прозаиковъ едва-ли не по всѣмъ родамъ римской литературы. Катонъ былъ ораторъ, историкъ, моралистъ, писалъ объ агрономіи, тактикѣ, медицинѣ. Однимъ словомъ, и въ литературѣ онъ обнаружилъ ту же разнородную дѣятельность и такое-же разнообразіе таланта, которыми онъ отличался и въ общественной, и въ частной жизни.

Въ своей постоянной оппозиціи противъ сторонниковъ эллинизма Катонъ исходилъ изъ убѣжденія, что проникновеніе греческаго образованія и вліянія служить главною причиною обнаружившейся порчи нравовъ и разрушенія стараго строя жизни. „Это негодный и несправильный народъ“, пишетъ Катонъ своему сыну и грекамъ, „и прими это, какъ изреченіе оракула: когда это племя передастъ намъ свою словесность, оно все развратитъ“. Въ особенности возмущали Катона греческіе ораторы и риторы съ ихъ софистическими хитросплетеніями. Въ 160 г. состоялся даже (отчасти при содѣйствіи Катона) сенатскій указъ объ изгнаніи изъ Рима всѣхъ риторовъ и философовъ. Впрочемъ, какъ ни сильно боролся Катонъ противъ всего чужаго, но на старости лѣтъ не устоялъ противъ господствующаго новаго направленія и принялся за изученіе столь ненавистной ему греческой литературы.

Оптиматы и пролетаріи; увеличеніе рабства. Безпрерывныя войны имѣли пагубное вліяніе на взаимныя отношенія различныхъ классовъ гражданъ и особенно на ихъ экономическое положеніе. Сословная вражда, прекратившаяся съ уравненіемъ плебеевъ и патриціевъ, возникла снова еще съ болѣею силою вслѣдствіе постепеннаго исчезновенія средняго зажиточнаго класса гражданъ и возникновенія двухъ рѣзко противоположныхъ общественныхъ классовъ: немногочисленной замкнутой и богатой аристократіи и массы обнищавшихъ и безземельныхъ гражданъ или пролетаріевъ. Въ теченіе непрерывныхъ войнъ нѣсколько выдающихся по своему положенію фамилій, успѣли утвердить за собою первенство въ государствѣ: это были фамиліи тѣхъ полководцевъ, которые во время

*) Единственное сочиненіе, сохранившееся отъ Катона и озаглавленное «De re rustica», т. е. о сельскомъ хозяйствѣ, заключаетъ въ себѣ всевозможныя правила, касающіяся сельскаго хозяйства: правила земледѣлія, садоводства, огородничества, скотоводства, винодѣлія и т. п.

многочисленныхъ и опасныхъ войнъ выдвинулись своими талантами и, внушивъ къ себѣ довѣріе римскому народу, постоянно удерживали начальство надъ войскомъ и приобрѣли громадныя богатства, какъ отъ полученія наградъ изъ богатой добычи, такъ и другими незаконными путями. Такимъ образомъ, вмѣсто прежней родовой патриціанской аристократіи, образовался тѣсный кругъ замкнутой фамиліи аристократіи, нобилей (*nobiles*) или оптиматовъ, которые захватили въ свои руки всѣ государственныя должности и все управленіе. Эти немногія правительственныя фамиліи смотрѣли на всѣ должности, провинціи и начальство надъ войскомъ, какъ будто на свое наслѣдственное достояніе. Членамъ правительственныхъ фамилій открытъ былъ доступъ въ сенатъ безъ различія способностей, между тѣмъ какъ всѣ римскіе граждане, не принадлежавшіе къ новой наслѣдственной аристократіи, лишены были доступа къ обѣимъ высшимъ должностямъ — къ консульству и цензорству. Человѣку новому (*homo novus*), не принадлежавшему по своему происхожденію къ правительствующей олигархіи, почти невозможно было попасть въ этотъ замкнутый кругъ оптиматовъ. Эти знатныя фамиліи дѣлили выгоды завоеваній съ всадниками, этими богачами низшаго происхожденія, которые, послѣ присоединенія къ Риму многихъ провинцій, еще болѣе усилились и обогатились вслѣдствіе отдачи имъ на откупъ податей съ провинцій.

Но въ то время, какъ правительствующая знать и всадники богатыли, благосостояніе массы гражданъ все болѣе уменьшалось. Вмѣсто прежняго неравенства сословій, выступило въ Римѣ другое общественное зло — доходившее до крайности неравенство имуществъ. Число мелкихъ землевладѣльцевъ уменьшалось, съ каждымъ днемъ, такъ какъ разоренные войною крестьяне должны были закладывать, или продавать свои земли крупнымъ землевладѣльцамъ. Правда, римскіе граждане за участіе въ войнахъ получали иногда участки общественнаго поля, но, вслѣдствіе завоеваній, личный трудъ, и особенно земледѣльческій, все менѣе и менѣе оплачивался, во 1-хъ, вслѣдствіе общаго упадка земледѣлія въ Италіи, обусловливаемого громаднымъ привозомъ хлѣба изъ завоеванныхъ плодородныхъ провинцій (Сицилія, Галлія), и, во 2-хъ, вслѣдствіе увеличенія числа рабовъ. Постоянный привозъ хлѣба изъ провинцій настолько понизилъ цѣны на продукты земледѣлія, что многіе крупныя землевладѣльцы, считая невыгоднымъ производство хлѣба, обращали свои земли подъ пастбища. Но главная причина безвыходнаго положенія крестьянъ, вызваннаго внѣиталійскими завоеваніями, заключалась въ увеличеніи рабства. Завоевавъ Сицилію, римляне познакомились съ тамошними кареагенскими плантаціями, и съ тѣхъ поръ богатые римскіе землевладѣльцы стали употреблять для полевыхъ работъ невольничій трудъ, какъ, самый дешевый. Это было тѣмъ легче, что покоренныя земли снабдили Римъ сотнями тысячъ рабовъ, которые считались не за людей, а за вещи (*servi sunt res*). Скоро и всѣ почти промыслы перешли въ руки

рабовъ. Сельскіе продукты, производимые рабскимъ трудомъ, почти ничего не стоившимъ, продавались дешево, и потому крупные землевладѣльцы могли еще, при продажѣ хлѣба, конкурировать по дешевизнѣ съ продавцами привознаго хлѣба. Римскіе-же крестьяне, которые должны были кормиться своимъ трудомъ, тѣмъ, что получали съ своей земли, не могли конкурировать съ крупными землевладѣльцами и потому принуждены были продавать свои участки богатымъ, влѣдствіе чего еще болѣе увеличились крупныя поземельныя владѣнія (latifundia) оптиматовъ. Распродавъ свои земли, многочисленныя сельчане оставались безъ вѣрнаго куска хлѣба и увеличивали собой число голодныхъ пролетаріевъ. Напрасно стали-бы они теперь искать работы на поляхъ оптиматовъ, или какого нибудь ремесла, такъ какъ все это исполнялось руками рабовъ. Поэтому пролетаріи, покидая свои поля, уходили въ Римъ, гдѣ они толкались на площади, проводя время въ праздншатаніи. Одно, что оставалось еще этимъ голоднымъ, безземельнымъ гражданамъ—это право на участіе въ народныхъ собраніяхъ, право подавать голосъ при выборахъ должностныхъ лицъ, и въ этомъ правѣ искали теперь пролетаріи источника для существованія, предлагая свой голосъ за кусокъ хлѣба тѣмъ лицамъ, которыя, ища общественныхъ должностей, заискивали въ народѣ для полученія на выборахъ большинства голосовъ*). Вообще характеръ народныхъ собраній совершенно измѣнился подъ вліяніемъ вызванныхъ завоеваніями ненормальныхъ экономическихъ отношеній. Большинство гражданъ, превратившихся въ пролетаріевъ, задавленныхъ ежедневною нуждой, потеряли уже прежній политическій смыслъ и не имѣли понятія о сложныхъ политическихъ вопросахъ, рѣшавшихся въ народномъ собраніи. Эта масса гражданъ получала все болѣе и болѣе характеръ черни и на предлагаемыя важныя вопросы отвѣчала совершенно случайно „да“ или „нѣтъ“, смотря по минутному настроенію и, главное, по тому, что выгодно было для подкупившихъ голоса честолюбцевъ, отъ которыхъ требовала за то „хлѣба и увеселительныхъ игръ цирка“ (panem et circenses).

Братья Гракхи. Въ то время, когда почти вся римская знать съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣла на совершенное раззореніе простыхъ гражданъ и поселянъ и начавшееся уже разложеніе государства, нѣкоторые изъ знатныхъ и наиболѣе образованныхъ римлянъ, движимые чувствомъ справедливости и состраданія къ пролетаріямъ и пламенную преданностію дѣлу общественной пользы, обратили вниманіе на бѣдственное положеніе низшаго класса и указали на мѣры для облегченія его. Таковы были братья Тиберій Семпроній и Кай Семпроній Гракхи.

*) Продажность избирателей при выборахъ и вліяніе оптиматовъ на немущую массу (гражданъ усилились въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ, по законамъ Габинія и Кассія 138 г. до Р. X.), вмѣсто прежней устной подачи голосовъ, при выборахъ введена была тайная подача или баллотировка посредствомъ дощечекъ.

Подъ вліяніемъ образованной матери Корнеліи, дочери Сципіона Африканскаго Старшаго, и подъ руководствомъ греческихъ учителей, Гракхи получили отличное образованіе. Старшій изъ нихъ, Тиберій, уже 17-ти лѣтъ началъ военную службу, участвуя въ походѣ противъ Карфагена, и, при взятіи этого города римлянами, первый взшелъ на стѣну. Не менѣе того онъ отличился въ Нумантійской войнѣ въ Испаніи. Возвращаясь въ отечество изъ Испаніи, по окончаніи войны, и проѣзжая чрезъ Этрурію, Тиберій былъ пораженъ запустѣніемъ страны и тѣмъ, что повсюду толпы закованныхъ въ цѣпи рабовъ обрабатывали громадныя поля богатыхъ оптиматовъ. Тиберій былъ убѣжденъ, что замѣна свободнаго труда земледѣльцевъ трудомъ рабскимъ есть главная причина обѣднѣнія крестьянъ и сосредоточенія всей земли въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Такъ какъ необыкновенно усилившійся привозъ рабовъ былъ бы невозможенъ, еслибъ не было значительнаго спроса на нихъ со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, то Тиберій пришелъ къ убѣжденію, что необходимо ограничить крупныя помѣстья пресвоившихъ себѣ общественное поле оптиматовъ и снова создать классъ мелкихъ собственниковъ посредствомъ надѣла или нарѣзки имъ земли изъ общественнаго поля въ полную собственность. Подобнаго рода аграрную реформу Тиберій могъ считать тѣмъ болѣе возможною и законною, что она была уже разъ принята по предложенію Лицинія и Секстія и что владѣльцы общественныхъ полей не были собственниками ихъ: право собственности на общественное поле считалось за государствомъ, и потому оно могло отнимать эти земли у владѣльцевъ ихъ и давать имъ другое назначеніе. Въ виду всего этого, Тиберій Гракхъ, горячо преданный интересамъ народа, избранный въ народные трибуны на 133-й годъ, предложилъ въ народномъ собраніи возстановить пришедшіе уже въ забвеніе аграрныя законы Лицинія и раздать въ потомственное владѣніе бѣднымъ гражданамъ за умѣренный оброкъ государству небольшія участки въ 30 югеровъ (около 8 десятинъ) изъ общественныхъ полей, захваченныхъ оптиматами. При этомъ Тиберій требовалъ, чтобы ни одинъ землевладѣлецъ не могъ удержать изъ общественнаго поля для себя болѣе 500 югеровъ (ок. 150 дес.) и кромѣ того, на cadaго изъ своихъ сыновей еще по 250 югеровъ (въ общемъ, впрочемъ, не болѣе 1,000 югеровъ — ок. 300 дес.), и не могъ-бы выгонять на общественное пастбище больше опредѣленнаго числа крупнаго и мелкаго скота. Этимъ Тиберій Гракхъ рѣшительно возстановилъ противъ себя всю знать, которая смотрѣла на предложенную имъ реформу, какъ на прямое посягательство на ихъ частную собственность. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе долговременнаго владѣнія частныя родовыя владѣнія оптиматовъ и захваченныя ими общественныя земли до того слились, что разграниченіе ихъ было, дѣйствительно, дѣломъ очень затруднительнымъ; къ тому-же, владѣльцы общественнаго поля указывали на большія затраты, сдѣланныя ими въ теченіе долгаго времени на удобреніе земли, ея обработку и на возведенныя на этихъ

земляхъ усадьбы. Но, крайне осторожный и умѣренный при выступленіи съ своей реформой, Тиберій ставилъ сначала условіемъ осуществленія своего закона вознагражденіе владѣльцевъ общественнаго поля при отнятіи у нихъ земель за употребленныя на нихъ издержки. Не смотря на все это, оптиматы рѣшились всѣми мѣрами противодействовать закону Тиберія Гракха.

Когда предложенъ былъ законъ Гракха въ народномъ собраніи, оптиматы воспользовались разногласіемъ въ коллегіи трибуновъ, изъ которыхъ товарищъ Тиберія Гракха, Маркъ Октавій, убѣжденный въ несвоевременности аграрной реформы, произнесъ свое veto, какъ только дѣло дошло до подачи голосовъ. Тогда Тиберій Гракхъ, пользуясь властію, предоставленною ему закономъ въ подобномъ случаѣ, какъ народному трибуну, приостановилъ всѣ государственныя дѣла и запечаталъ государственное казначейство. Сенатъ, имѣя въ виду затормозить и замѣять дѣло, предложилъ Гракху перенести дѣло изъ народнаго собранія въ сенатъ. Гракхъ, надѣясь на уступки со стороны знати, согласился. Но такъ какъ надежды его оказались тщетными и сенатъ не далъ никакого хода предложенному имъ закону, то приходилось отложить дѣло до будущаго года, въ надеждѣ на новый, болѣе благопріятный для реформы, составъ коллегіи трибуновъ; Тиберій человекъ горячій, увлекающійся, не способенъ былъ на выжидательную политику; къ тому-же, онъ не могъ разсчитывать навѣрно ни на полное согласіе въ коллегіи трибуновъ въ слѣдующемъ году, ни на то, что онъ самъ будетъ избранъ въ народные трибуны вторично, такъ какъ одному и тому-же лицу нельзя было уже въ то время два года сряду занимать одну и ту же должность. Въ виду всего этого, Тиберій рѣшился на крайнюю мѣру, представлявшую явное нарушеніе установленнаго законами государственнаго порядка. Онъ объявилъ народу, что не можетъ оставаться трибуномъ вмѣстѣ съ Октавіемъ, и предложилъ выбирать между нимъ и Октавіемъ, поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ, можетъ ли оставаться трибуномъ тотъ, кто дѣйствуетъ вопреки интересамъ народа. Когда-же народъ на вопросъ Тиберія далъ отрицательный отвѣтъ, то онъ приказалъ своему посланному свести Октавія со скамьи трибуновъ и вслѣдъ затѣмъ предложилъ свой законъ. Все это представляло рѣзкое нарушеніе существующаго законнаго порядка и освященной вѣками неприкосновенности трибунской власти; но этимъ путемъ Гракхъ достигъ своей цѣли. Предложенный имъ законъ былъ принятъ народомъ съ восторгомъ и даже немедленно назначена была комиссія изъ трехъ лицъ (обоихъ братьевъ Гракховъ и тестя Тиберія—Аппія Клавдія) для приведенія въ исполненіе аграрной реформы. Маркъ-же Октавій едва не сдѣлался жертвой народной ярости, и на мѣсто его былъ избранъ одинъ изъ кліентовъ Гракха. Но, разъ сошедши съ законнаго пути, Тиберій могъ удержаться только новыми нарушеніями закона. Оптиматы, принужденные подчиниться рѣшенію народнаго собранія, съ своей стороны, затаили чувство

мести и ждали только удобнаго случая, чтобы погубить Тиберія, какъ виновника новаго закона. Не чувствуя себя безопаснымъ со стороны оптиматовъ, Тиберій иначе не выходилъ на улицу, какъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ челоувѣкъ изъ преданной ему народной партіи. Чтобы удержать расположеніе народа, отъ охраны котораго зависѣла теперь его жизнь, онъ сталъ предлагать нѣкоторыя новыя противозаконныя мѣры. Такъ Тиберій предложилъ раздѣлить между бѣднѣйшими гражданами наслѣдство, полученное Римомъ отъ пергамскаго царя Аттала, и предоставить распоряженіе городами Пергамскаго царства народнымъ трибунамъ. Единственное средство къ спасенію отъ мести враговъ видѣлъ для себя Тиберій во вторичномъ избраніи его въ трибуны. Поэтому, когда наступили выборы въ должность трибуновъ на слѣдующій годъ, Тиберій противозаконно помѣстилъ себя въ число кандидатовъ. Когда начались выборы народъ началъ уже подавать голоса въ его пользу, но сенатъ протестовалъ противъ незаконности вторичнаго выбора его, и вообще противодѣйствіе знати было такъ сильно, что пришлось отложить выборы на слѣдующій день. На утро слѣдующаго дня Тиберій явился въ народное собраніе тяжело вооруженнымъ, какъ бы предчувствуя кровавую развязку. То-же мрачное предчувствіе было и въ народѣ. Сенатъ собрался въ полномъ составѣ по близости въ храмъ „Вѣрности“. Между тѣмъ, шумъ, происшедшій въ народномъ собраніи по случаю того, что сломалось нѣсколько скамеекъ, былъ принятъ сенатомъ за возмущеніе. Сенатъ потребовалъ отъ консула Сцеволы, чтобы онъ велѣлъ казнить Тиберія, какъ мятежника; но Сцевола настаивалъ на незаконности этой мѣры. Тогда Сципionъ Назика, одинъ изъ старшихъ сенаторовъ, вскочилъ съ мѣста и сказалъ: „Консулъ предаетъ городъ; кто хочетъ спасти законы, слѣдуй за мною!“ Вооружившись чѣмъ попало, сенаторы двинулись на мѣсто народнаго собранія. Народъ обомлѣлъ, когда увидѣлъ сенаторовъ, идущихъ въ народное собраніе съ дубинами, полѣньями и стульями въ рукахъ. Изъ уваженія къ сенаторамъ смущенная толпа безъ сопротивленія дала себя оттѣснить. Когда-же Тиберій указалъ народу на свою голову, чтобы дать понять, что его голова въ опасности, это было ложно истолковано, какъ требованіе царской діадемы. Тогда сенаторы бросились на Тиберія и окружавшихъ его приверженцевъ. Тиберій пустился бѣжать, но споткнулся у подошвы Капитолія. Здѣсь, предъ дверьми храма „Вѣрности“, Гракхъ палъ мертвымъ подъ ударами враговъ. Къ вечеру, вмѣстѣ съ трупомъ Гракха лежало еще 300 тѣлъ и на Капитоліи, и у его подошвы, потому что многіе были сброшены внизъ по крутымъ каменнымъ спускамъ твердыни.

Но со смертію Тиберія Гракха, оптиматы не рѣшались тотчасъ же уничтожить принятые по его предложенію аграрныя законы (*lex agraria*), и начатыя-было размежеваніе и раздѣлъ земель продолжались; сенатъ искалъ только случая воспрепятствовать дальнѣйшему осуществленію аграрной реформы. Прежде всего сенатъ постарался удалить изъ

Рима, подъ благовиднымъ предложемъ, брата Тиберія—Кая Гракха и другихъ вождей народной партіи. Кай Семпроній Гракхъ былъ посланъ квесторомъ въ Сардинію. Какъ сильны были опасенія оптиматовъ со стороны Кая Гракха, показываетъ уже то, что сенатъ удерживалъ его въ Сардиніи безсмынно впродолженіи трехъ лѣтъ. Наконецъ въ 124 г. Кай Гракхъ возвратился противъ воли сената въ Римъ, гдѣ онъ былъ избранъ народнымъ трибуномъ на слѣдующій годъ. Скоро его блестящія дарованія, его замѣчательное краснорѣчіе, его страстная, благородная, обаятельная, хотя крайне честолюбивая натура и другія рѣзко выдающіяся качества приобрѣли ему бездну приверженцевъ въ народѣ. Выступивъ на общественное поприще, Кай Гракхъ уже не довольствовался возобновленіемъ аграрнаго закона, а пошелъ гораздо дальше и увлекся до крайностей. Конечною цѣлью его благородныхъ стремленій было вырвать власть изъ рукъ оптиматовъ, помочь безземельному и бездомному классу гражданъ какъ осуществленіемъ аграрныхъ законовъ, такъ и обширною эмиграціей во внѣиталійскія области; далѣе, уравнить всю Италію съ Римомъ и затѣмъ провинціи съ Италіей и такимъ образомъ уничтожить ту глубокую бездну, которая отдѣляла во всемъ Римскомъ государствѣ господствующіе классы отъ подчиненныхъ. Законодательство Кая Гракха обнимало всѣ отрасли государственнаго управленія. Изъ многихъ предложеній его особенно важны слѣдующія: а) о продажѣ хлѣба бѣдному классу гражданъ въ Римѣ по умѣренной цѣнѣ и о выселеніи колоній изъ бѣдныхъ римскихъ гражданъ внѣ предѣловъ Италіи; б) о реформѣ судопроизводства; в) о предоставленіи правъ римскаго гражданства такъ называемымъ италійскимъ союзникамъ. Изъ всѣхъ предложенныхъ Каемъ законовъ хлѣбный законъ (*lex frumentaria*) доставилъ ему наибольшее число приверженцевъ въ народѣ; однако, законъ этотъ оказался гибельнымъ для государства: дешевая продажа хлѣба скоро превратилась въ даровую раздачу его и привлекала въ Римъ все больше и больше людей, тяготившихся трудомъ, и истощала казну. Кромѣ того, хлѣбный законъ имѣлъ еще то пагубное вліяніе, что долженъ былъ вести къ разрушенію земледѣлія, такъ какъ всѣ оставшіеся еще малоземельные граждане, соблазняемые дешевою продажей, а потомъ даровою раздачею хлѣба, стремились въ Римъ и продавали свои поля; а это вело къ еще большому увеличенію крупнаго землевладѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ къ увеличенію числа рабовъ, употреблявшихся въ крупныхъ помѣстьяхъ для полевыхъ работъ. Такимъ образомъ, хлѣбный законъ способствовалъ усиленію того именно зла, противъ котораго собственно направлены были аграрные законы братьевъ Гракховъ. Этого, конечно, Кай не предвидѣлъ, но, благодаря этой мѣрѣ, Кай сразу сдѣлался любимцемъ народа, а это дало ему твердую опору для борьбы съ оптиматами, которыхъ стремился онъ какимъ-бы то ни было образомъ погубить или, по крайней мѣрѣ, по возможности обезсилить. Этимъ-же стремленіемъ объясняется, очевидно, предложеніе закона относительно реформы

судопроизводства, сдѣланное Каемъ уже по избраніи его трибуномъ на слѣдующій годъ. Въ силу этого закона, присяжными судьями должны были избираться одни всадники, тогда какъ до этого времени судьи эти избирались только изъ среды сената, то-есть изъ оптиматовъ. Проведеніемъ этого закона Каю удалось раздвоить аристократію и изъ отдѣленнаго отъ нея сословія всадниковъ, составлявшихъ въ Римѣ могущественный классъ капиталистовъ, составить себѣ, какъ и изъ пролетаріевъ, опору для борьбы съ родовой аристократіею и съ существующимъ порядкомъ. Но законъ этотъ, хотя и ослабилъ отчасти исключительное вліяніе оптиматовъ, принесъ все-таки мало пользы общегосударственнымъ интересамъ, такъ какъ всадники, какъ откупщики податнаго сбора въ провинціяхъ, склонны были прикрывать всякія злоупотребленія въ провинціальномъ управленіи, такъ что провинціи, вслѣдствіе реформы судопроизводства, отданы были на произволь хищничеству капиталистовъ.

По предложенію-же Кая Гракха утвержденъ былъ народнымъ приговоромъ законъ, въ силу котораго одно и то же лицо могло ежегодно снова быть избираемо на должность трибуна, что давало, повидимому, Каю возможность упрочить свое значеніе и вліяніе. Между тѣмъ, оптиматы не дремали и придумывали, какимъ-бы средствомъ всего вѣрнѣе уничтожить вліяніе Кая Гракха на народъ, пока не представится случай совершенно погубить и его, и всѣхъ его приверженцевъ. Противопоставить Каю кого-либо изъ трибуновъ съ однимъ только veto казалось уже недостаточнымъ, какъ доказала это борьба съ Тиберіемъ Гракхомъ. Поэтому сенатъ прибѣгъ къ другому средству и выставилъ Гракху соперника въ лицѣ подкупленнаго трибуна Ливія Друза, который, по мысли оптиматовъ, долженъ былъ своими предложеніями на пользу пролетаріевъ превзойти Кая Гракха и этимъ самымъ подорвать его значеніе. Тогда какъ Кай предлагалъ вывести двѣ колоніи внѣ предѣловъ Италіи, Ливій Друзъ потребовалъ устройства 12 новыхъ колоній и притомъ внутри самой Италіи, что было-бы гораздо пріятнѣе будущимъ колонистамъ. Ливій Друзъ предложилъ также, съ согласія сената, отмѣнить оброкъ, который, по закону Гракховъ, обязаны были платить владѣльцы участковъ, розданныхъ изъ общественнаго поля. Планъ оптиматовъ былъ рассчитанъ вѣрно: народъ дался въ обманъ и принялъ съ энтузіазмомъ предложенія Ливія Друза; Кай-же Гракхъ не былъ выбранъ въ трибуны на слѣдующій, 121-й годъ. Предложеніе Гракха о дарованіи правъ гражданства итальянскимъ союзникамъ было тѣмъ болѣе отвергнуто народомъ, что римскіе граждане вовсе не склонны были дѣлиться своими преимуществами даже съ италійцами. Такой исходъ дѣла чрезвычайно ободрилъ аристократію, которая нашла еще для себя опору во вновь избранномъ изъ ихъ среды консулѣ Луціи Олимпіи, злѣйшемъ врагѣ Гракховъ. Теперь оптиматы искали только повода, чтобы нанести рѣшительный ударъ Каю Гракху и его партіи. Прежде всего онъ былъ обвиненъ жрецами въ нарушеніи святости религіи, такъ какъ онъ пред-

ложилъ вывести колонію на мѣсто разрушеннаго Каррагена, вопреки проклятію, изреченному надъ этимъ городомъ при разрушеніи его. Въ тотъ день, когда дѣло должно было поступить на разсмотрѣніе народнаго собранія, обѣ враждебныя партіи, готовыя къ борьбѣ, уже съ утра собрались на capitoлийскомъ холмѣ. Убіиство одного изъ консульскихъ ликторовъ, вызванное крайнею грубостью послѣдняго, было первымъ зловѣщимъ проявленіемъ воспламененныхъ страстей. Сенатъ тотчасъ-же уполномочилъ консуловъ принять чрезвычайныя мѣры. Консулъ Л. Опицій велѣлъ сенаторамъ и преданной ему части гражданъ вооружиться. Тогда вся аристократія вооружилась и расположилась въ боевомъ порядкѣ на форумѣ и около сенатскаго зданія. Партія Гракха также готовилась къ уличному бою. Самъ Гракхъ не принималъ участія въ этихъ приготовленіяхъ: онъ старался, напротивъ, успокоить народъ и положить конецъ всеобщему смятенію; но, обращаясь къ народу, Кай нечаянно перебилъ рѣчь одного изъ трибуновъ. Пользуясь этимъ, сенатъ потребовалъ Кая Гракха къ отвѣту за оскорбленіе трибунскаго сана; но Кай не повиновался и искалъ убѣжища на Авентинскомъ холмѣ, гдѣ другъ и товарищъ его Фульвій Флаккъ укрѣпился въ храмѣ Діаны. Тогда сенатъ приказалъ атаковать и взять штурмомъ Авентинскій холмъ. Завязался жаркій бой, въ которомъ приверженцы Гракха потерпѣли совершенное пораженіе. Фульвій Флаккъ и 3,000 его товарищей были перебиты, и тѣла ихъ побросаны въ Тибръ. Гракха-же друзья почти силой заставили бѣжать, но скоро трупъ его найденъ былъ обезглавленнымъ.

Не стало Гракховъ; предложенные ими законы большею частію остались мертвою буквой; но память ихъ жила еще долго въ массѣ народа. Изъ благодарности къ нимъ пролетаріи воздвигли въ честь ихъ статуи и на мѣстахъ, гдѣ были они убиты, приносили жертвы, какъ въ храмѣ.

МАРІЙ И СУЛЛА.

По смерти Гракховъ, вражда между пролетаріями и оптиматами усилилась еще болѣе. Этими внутренними смутами воспользовались нѣкоторые честолюбцы, ставшіе предводителями: одни — оптиматовъ, другіе — пролетаріевъ. Между этими предводителями партій, аристократической и народной, началась ожесточенная борьба за первенство. Но, такъ какъ судьба Гракховъ доказала, что чернь представляетъ ненадежную опору, то вожди партій стали опираться въ своей борьбѣ на легіоны, которые вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ римлянъ обратились теперь въ постоянныя войска. Особенно гибельна была для Рима борьба, открывшаяся въ

началъ I-го вѣка до Р. Х. между Маріемъ, вождемъ пролетаріевъ, и Суллой, вождемъ оптиматовъ.

Кай Марій, сынъ арпинскаго поденщика, грубый и совершенно необразованный человѣкъ, своимъ мужествомъ и военными талантами возвысился отъ положенія солдата до высшихъ должностей. Въ трудной школѣ испанскихъ войнъ достигъ онъ офицерскихъ чиновъ и заслужилъ особенное вниманіе великаго Сципіона Эмилиана. Затѣмъ онъ прошелъ обычный рядъ магистратскихъ должностей до преторства включительно. Для увѣнчанія карьеры ему не доставало одного—консульства, недоступнаго, однако, для него, какъ для человѣка неродовитаго. Но скоро представился Марію случай снова заявить свои военные таланты и быть избраннымъ въ консулы, именно, во время югуртинской войны, веденной Римомъ съ нумидійскимъ царемъ Югуртой (112—106). Война эта въ отношеніи Рима заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что во время ея рѣзко обнаружались безпечность и продажность римскихъ оптиматовъ.

Сынъ Массинисы, Миципса, раздѣлилъ передъ смертію свое нумидійское царство между сыновьями Адгербаломъ и Гіемпсаломъ, и племянникомъ Югуртой; но Югурта, человѣкъ даровитый и отважный, желая одинъ владѣть всѣмъ царствомъ, убилъ Гіемпсала, Адгербала же выгналъ изъ его царства. Послѣдній обратился съ жалобой на Югурту въ Римъ, отъ котораго находилась въ зависимости Нумидія; но Югурта подкупилъ многихъ членовъ римскаго сената и оказался правъ. Ему отдѣлена была лучшая и большая часть Нумидіи, Адгербалу же—меньшая и худшая. Но Югурта, недовольный этимъ, убилъ Адгербала, завоевалъ резиденцію его Цирту и присвоилъ себѣ всю Нумидію. Такъ какъ, при взятіи Цирты, перебито было много италійцевъ, то римскій сенатъ послалъ противъ Югурты консула съ войскомъ; но консулъ былъ подкупленъ, и потому Югурта могъ заключить выгодный миръ. Не разъ такимъ образомъ и послѣ были подкупаемы Югуртой римскіе военачальники и офицеры. Наконецъ одинъ изъ народныхъ трибуновъ возбудилъ процессъ противъ подкупленныхъ Югуртою консуловъ и привлекъ Югурту въ качествѣ свидѣтеля. Югурта явился въ Римъ съ блестящею свитой и посредствомъ подкупа сумѣлъ затянуть дѣло. Но мало того: въ самомъ Римѣ онъ убилъ одного родственника своего, видя въ немъ соперника на нумидійскій престолъ. Такое наглое преступленіе, совершенное въ самомъ Римѣ, возбудило всеобщее негодованіе противъ Югурты, и даже подкупленные имъ сторонники его въ римскомъ сенатѣ не смѣли за него болѣе заступаться. Ему была объявлена война и приказано было оставить Италію. Римскій историкъ Саллюстій говоритъ, что, оставляя Римъ, Югурта обернулся и, взглянувъ на него, воскликнулъ: «Вотъ городъ, который продалъ-бы себя, если-бы нашелъ покупателя!»

Убѣжденіе Югурты въ значительной степени подтвердилось ходомъ

вновь открывшейся войны, въ теченіе которой, благодаря позорной продажности римскихъ полководцевъ, Югурта, не смотря на свои ничтожныя военныя силы, посредствомъ золота постоянно избѣгалъ поражений. Такъ тянулось дѣло, пока наконецъ начальство надъ легионами не было передано Цецилію Метеллу, гордому аристократу, но умному и честному человеку. Ему удалось въ теченіе 109-го и 108-го годовъ такъ стѣснить Югурту, что онъ сталъ просить мира. Но Метеллъ не успѣлъ окончить войны, такъ какъ Югурта находилъ помощь и убѣжище въ сосѣднихъ съ Нумидіей владѣніяхъ; войну эту окончилъ уже служившій подъ начальствомъ Метелла Марій, который, съ помощію народной партіи и благодаря популярности, приобрѣтенной имъ въ войскѣ своимъ мужествомъ и честностію, не только былъ выбранъ въ консулы, но получилъ по особому постановленію народнаго собранія главное начальство надъ африканскою арміею, вопреки существующимъ законамъ, по которымъ только сенатъ могъ распредѣлять между консулами ихъ вѣдомства.

Марій, принявъ въ свое войско, вопреки обычаю, много пролетаріевъ, продолжалъ войну счастливо, но окончить ее ему удалось лишь въ 106 г., когда Сулла, легатъ Марія, съумѣлъ своими искусными дипломатическими дѣйствіями заставить мавританскаго царя Бокха, тестя и союзника Югурты, выдать послѣдняго римлянамъ. За успѣшное окончаніе войны Марій получилъ блестящій триумфъ; при этомъ триумфальную колесницу Марія сопровождалъ плѣненный Югурта, который былъ брошенъ въ подземельную тюрьму въ Римѣ, гдѣ онъ и умеръ голодною смертію.

Не успѣлъ еще Марій окончить югуртинской войны, какъ уже вновь обратилось на него всеобщее вниманіе народа. На окраинахъ Италіи появились въ первый разъ германскіе народы, именно дикія племена кимвровъ и тевтоновъ, двинувшихся отъ береговъ Балтійскаго моря съ женами, и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ искать себѣ новыхъ обиталищъ. Уже одинъ наружный видъ ихъ наводилъ паническій страхъ на римскіе легионы. Высокаго роста и исполинской силы, одѣвались они въ звѣриныя шкуры и носили желѣзные панцири, въ человѣчeskій ростъ щиты, длинныя мечи, тяжелыя палицы, а битву начинали съ ужаснымъ шумомъ и ревомъ, стремительно опрокидываясь на непріятеля. Высланныя противъ нихъ одна за другою консульскія арміи въ теченіе 8 лѣтъ (113—105) пять разъ потерпѣли совершенное пораженіе. Наконецъ Римомъ овладѣлъ такой ужасъ, что никто не рѣшался принять на себя начальство надъ войсками. Тогда надежда римлянъ обратилась на одного Марія. Еще не вернулся онъ изъ похода въ Нумидію, какъ былъ избранъ въ Римѣ, вопреки обыкновенію, консуломъ на все время предстоящей войны съ варварами (104—101 г. до Р. Хр.). Но у Рима не было войска. Чтобы сформировать новую армію, Марій произвелъ въ устройствѣ легионовъ важную реформу, имѣвшую большое вліяніе на всю будущую судьбу Рима, а именно устранилъ въ войскѣ различіе, основанное на цензѣ и правѣ гражданства, и допустилъ въ армію всѣхъ свободныхъ

людей—римлянъ, италиковъ и даже провинціаловъ, которыхъ онъ сумѣлъ еще привлечь къ себѣ щедрыми наградами. Съ этимъ войскомъ Марій въ нѣсколько лѣтъ блистательно окончилъ войну. Тевтоновъ разбилъ онъ въ Южной Галліи при Аквахъ Секстіевыхъ (нынѣ Э), кимвровъ-же, спустившихся съ Альповъ въ Сѣверную Италию, при Верцеллахъ (101 г.). Такимъ образомъ, Марій оправдалъ довѣріе народа и спасъ Римъ отъ варваровъ, героизмъ которыхъ не разъ заставлялъ содрогаться римскіе легіоны.

Когда Марій, послѣ пораженія кимвровъ и тевтоновъ, явился въ Римъ, онъ сталъ рѣшительно популярнѣйшимъ человекомъ въ городѣ. Народъ любилъ его, какъ истиннаго представителя своего, и возлагалъ на него всѣ надежды. Аристократія-же, хотя и уважала его за его неоспоримыя услуги государству, смотрѣла на него съ недовѣріемъ и отчасти съ презрѣніемъ, какъ на выскочку. Но, не принадлежа къ аристократической партіи, Марій не примыкалъ первоначально и къ партіи народной, держась въ сторонѣ отъ политической борьбы ихъ. Однако-же обстоятельства сложились такимъ образомъ, что Марій долженъ былъ стать во главѣ оппозиціи, которую составлялъ весь народъ, рискуя въ противномъ случаѣ потерять вовсе пріобрѣтенную имъ въ народѣ популярность и преданность своего войска. Въ такомъ положеніи крайне честолюбивый Марій рѣшился взять въ свои руки дѣло народа и выступить на защиту его правъ. Распустивъ свое войско и ставъ во главѣ народной партіи, Марій долженъ былъ необходимо сблизиться съ второстепенными вождями ея, которыми были въ то время Сервилій Главція, выдававшійся особенно своимъ грубымъ уличнымъ краснорѣчіемъ, и Аппулей Сатурнинъ, самый даровитый и энергическій вождь народа со времени Гракховъ, но не отступавшій для достиженія задуманной цѣли ни передъ какими насиліями. Съ ними-то Марій соединился и условился дѣйствовать сообща. Благодаря поддержкѣ ветерановъ, вожди народной партіи стали домогаться осуществленія плановъ Кая Гракха и предложили въ народномъ собраніи такъ называемые аппулеевы законы, цѣлью которыхъ было основать во внѣиталійскихъ земляхъ (въ Африкѣ, Испаніи и др.) колоніи римскихъ гражданъ, раздать въ нихъ земли воинамъ, участвовавшимъ въ борьбѣ съ кимврами и тевтонами, и, кромѣ того, допустить въ эти колоніи италиковъ наравнѣ съ римскими гражданами. Аппулеевы законы встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны оптиматовъ; но, при поддержкѣ ветерановъ Марія, ему удалось все-таки провести въ народномъ собраніи новые законы; сенатъ-же былъ вынужденъ дать присягу въ точномъ соблюденіи ихъ.

Уже, повидимому, народная партія торжествовала надъ оптиматами; но эта кажущаяся побѣда народной партіи была началомъ ея паденія. Причина неудачи заключалась въ чрезмѣрномъ значеніи черни и ея демагоговъ, нерѣшительности Марія и въ разладѣ его съ другими народными вождями, а также въ сближеніи денежной и родовой аристократіи.

Всадники, видя, что власть перешла въ руки черни и ея демагоговъ, отдѣлились отъ народной партіи и тѣснѣе примкнули къ аристократіи. Но еще болѣе самъ Марій повредилъ успѣху дѣла тѣмъ, что отстранилъ отъ себя всякое дѣятельное участіе въ борьбѣ партій, какъ только его товарищи, Сатурнинъ и Главція, для проведения реформъ прибѣгли, опираясь на чернь, къ насильственнымъ мѣрамъ. Мало того, Марій не только отступился отъ своихъ товарищей, но даже сблизился съ сенатскою партіей. Положеніе Марія было крайне незавидно. Своимъ уклончивымъ, нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій онъ оттолкнулъ отъ себя обѣ враждующія партіи. Чтобы найти какой-нибудь выходъ изъ своего неловкаго положенія, онъ на-время удалился изъ Рима; но разъ возбужденная жажда чести и власти не давала ему покоя, и онъ выжидалъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, когда его услуги опять понадобятся Риму для отраженія враговъ.

Союзническая война. Ожиданія не обманули Марія. Дѣйствительно, въ 91 году вспыхнуло грозное возстаніе италиковъ противъ Рима, и началась такъ называемая союзническая или марсійская война (*bellum sociale* или *marsicum*), названная такъ потому, что впереди возставшихъ союзниковъ было сабелльское племя марсы. Давно уже накоплялось раздраженіе союзниковъ противъ господства Рима, и было изъ-за чего: оставаясь постоянно вѣрными союзниками римлянъ, проливая свою кровь за распространеніе ихъ господства, союзники за все это испытывали отъ нихъ одни только лишенія и притѣсненія; раздѣляя всѣ тягости налоговъ и военной службы, они вовсе не пользовались преимуществами римскихъ гражданъ. Особенно-же давала себя чувствовать тягота военныхъ повинностей, такъ какъ союзники не только обязаны были поставять двойное противъ римлянъ число воиновъ въ легіоны, но были отданы на полный произволь римскихъ военачальниковъ, сохранившихъ въ отношеніи союзниковъ безапелляціонное право казнить смертію ослушниковъ, тогда какъ по отношенію къ римскимъ гражданамъ, служившимъ въ легіонахъ, законъ постепенно ограничивалъ произволь военачальниковъ. Не разъ уже обнаруживавшіяся попытки частныхъ возмущеній союзниковъ противъ несправедливости римскихъ предводителей были подавляемы силою. Со времени Гракховъ не разъ Римъ пробуждалъ въ италійцахъ надежду на уравненіе ихъ съ римскими гражданами, но каждый разъ надежды эти оканчивались горькимъ разочарованіемъ, и безсердечные оптиматы все болѣе и болѣе стѣсняли права союзниковъ. Наконецъ на защиту правъ союзниковъ выступилъ изъ среды самихъ оптиматовъ народный трибунъ М. Ливій Друзъ, сынъ противника Кая Гракха, возобновившій предложеніе закона о доставленіи права римскаго гражданства союзникамъ; но консулъ и большая часть сената были противъ этого предложенія, какъ и противъ другихъ предложенныхъ Ливіемъ Друзомъ реформъ. Въ день, назначенный для обнародованія закона Друза объ уравненіи правъ союзниковъ съ римскими

гражданами, италики толпами устремились въ Римъ и, когда консуль хотѣлъ воспрепятствовать чтенію закона, слуга Ливія Друза схватилъ его за горло и такъ сильно сжалъ, что у него брызнула кровь изъ носу. Вечеромъ того-же дня, когда Ливій Друзъ возвращался домой, подкупленный враждебною ему партіей убійца нанесъ ему у самыхъ дверей его дома смертельный ударъ и быстро скрылся. Убійца не былъ найденъ; судебного слѣдствія не было наряжено, а предложенныя Друзомъ реформы остались невыполненными. Это случилось въ 91 году. По умерщвленіи Друза сенатъ объявилъ виновнымъ въ уголовномъ преступленіи всякаго, кто осмѣлится снова предложить законъ о дарованіи права гражданства союзникамъ. Смерть Ливія Друза, съ которымъ исчезла послѣдняя надежда союзниковъ, послужила сигналомъ къ всеобщему ихъ возстанію. Всѣ народы сабелльскаго корня, марсы, самниты, пелигны, пиценты, апулійцы, луканы и др., отпали отъ Рима и подъ руководствомъ отважнаго Кв. Силона составили италійскій союзъ, во главѣ котораго долженъ былъ стоять союзный совѣтъ или сенатъ изъ 500 членовъ съ двумя консулами. Когда въ Римѣ узнали объ отпаденіи союзниковъ, внутренняя борьба партій тотчасъ-же затихла, и всѣ единодушно стали готовиться къ войнѣ, которая казалась для Рима тѣмъ опаснѣе, что предстояло сражаться съ навывшими къ войнѣ силами, тактика и военное искусство которыхъ не разъ уже доставляли побѣду римскому оружію. Чтобы увеличить свои военныя силы, римляне призвали войска кельтскія и нумидійскія, вооружили вольноотпущенниковъ и, по закону Юліеву (lex Julia 90 г.), даровали право гражданства оставшимся вѣрными латинамъ, этрускамъ и умбрамъ, чтобы удержать ихъ отъ союза съ остальными италійцами. Благодаря военному исскуству своихъ полководцевъ, Марія и Суллы, римлянамъ послѣ кровавой борьбы, веденной съ переменнымъ счастіемъ, удалось наконецъ подавить опасное возстаніе италійскихъ союзниковъ. Но, такъ какъ броженіе между ними все еще продолжалось, то въ предупрежденіе новыхъ возстаній римляне сочли необходимымъ предложить право римскаго гражданства съ извѣстными ограниченіями всѣмъ, которые въ теченіе 60 дней положатъ оружіе. Этимъ война кончилась.

Марій въ первый годъ этой войны оказалъ Риму важныя услуги; но, такъ какъ ему не удавалось одержать ни одной блистательной побѣды, то враждебные ему оптиматы обвиняли его въ медлительности и въ слѣдующемъ году отняли у него ввѣренное ему начальство и передали его сопернику Марія—Суллѣ. Съ затаенною злобою и жаждою мести покинулъ Марій армію, горя нетерпѣніемъ выместить на врагахъ своихъ нанесенныя ему тяжкія обиды.

Когда, по окончаніи союзнической войны, въ Римѣ опять возгорѣлась политическая борьба партій и глава демократической партіи, народный трибунъ Сульпицій Руфъ, произвелъ новую попытку къ революціи, по примѣру Гракха и Сатурнина, Марій воспользовался обстоятель-

ствами, чтобы снова стать во главѣ народной партіи и выместить на оптиматахъ накипѣвшую злобу. Такъ какъ оптиматы въ борьбѣ своей съ народною партіею опирались теперь на армію, то Сульпицій, по происхожденію аристократъ, съ цѣлью пріобрѣсти большее довѣріе пролетаріевъ соединился съ Маріемъ, имя котораго все-еще имѣло нѣкоторое облаченіе въ глазахъ массы народа. Тогда встревоженные этимъ оптиматы тѣснѣе примкнули къ Суллѣ и сдѣлали его главнымъ своимъ оплотомъ въ борьбѣ съ народною партіей.

Вражда Марія и Суллы. Л. Корнелій Сулла, ставшій во главѣ аристократической партіи, былъ и по происхожденію, и по образованію истиннымъ представителемъ ея со всѣми ея хорошими и дурными качествами: съ любовью къ искусству соединялъ онъ страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ. Онъ былъ умнымъ политикомъ, опытнымъ и храбрымъ воиномъ и человѣкомъ крайне властолюбивымъ, не разбиравшимъ средствъ для своего возвышенія. Еще съ югуртинской войны, въ которой Сулла служилъ подъ начальствомъ Марія, сдѣлался онъ соперникомъ послѣдняго. Вражда ихъ усилилась, когда Сулла блистательно окончилъ союзническую войну и въ награду за это былъ удостоенъ консульства. Марій сталъ завидовать успѣхамъ Суллы, и между ними началась ожесточенная борьба, обнаружившаяся скоро по поводу назначенія Суллы главнокомандующимъ въ новой войнѣ съ Митридатомъ, царемъ понтійскимъ.

Митридатъ, владѣя въ Малой Азіи небольшимъ царствомъ на берегу Чернаго моря—Понтомъ, задумалъ овладѣть всею Малою Азіей и изгнать оттуда римлянъ, уже владѣвшихъ западною частію этого полуострова.

Римское господство въ покоренныхъ областяхъ Малой Азіи было очень ненавистно вслѣдствіе притѣсненія туземнаго населенія римскими намѣстниками и чиновниками. Пользуясь этимъ, Митридатъ рѣшилъ однимъ ударомъ уничтожить всѣхъ римлянъ въ Малой Азіи, что и было исполнено по его приказанію. До 80,000 римлянъ погибло такимъ образомъ единовременно въ жестокихъ мученіяхъ. Когда для войны съ Митридатомъ сенатъ назначилъ главнокомандующимъ Суллу, Марій, завидя этому назначенію своего соперника, обѣщавшему много почестей и богатствъ, добился въ народномъ собраніи съ помощію своихъ приверженцевъ того, что главное начальство въ предстоявшей войнѣ было отнято у Суллы и передано ему, Марію. Тогда Сулла обратился къ помощи своихъ легионовъ, съ которыми онъ выступилъ было уже въ походъ, повелъ ихъ на Римъ, вступилъ съ ними въ городъ, изгналъ оттуда Марія съ его приверженцами и снова утвердилъ потрясенную олигархію. Послѣ этого онъ отплылъ въ Азію. Марій-же, осужденный на смерть, долженъ былъ даже бѣжать изъ Италіи и нѣсколько времени скитался въ Африкѣ, не находя себѣ нигдѣ вѣрнаго убѣжища. Но во время отсутствія Суллы приверженцы Марія, стоявшіе во главѣ народной партіи, вызвали его изъ изгнанія обратно въ Римъ. Марій съ

толпою собравшихся вокругъ него ветерановъ вступилъ въ Римъ, и тутъ-то началась кровавая месть оптиматамъ. Такъ какъ ненависть его обращена была противъ всей аристократіи, то онъ хотѣлъ истребить все это сословіе. Онъ приказалъ запереть всѣ ворота и пять дней и ночей происходила въ Римѣ непрерывная рѣзня; но и послѣ этого еще цѣлые мѣсяцы продолжалось истребленіе враждебныхъ Марію людей и продажа съ молотка ихъ имущества. Наконецъ весь Римъ былъ преданъ на произволь организованныхъ въ разбойничьи шайки воиновъ Марія, состоявшихъ изъ отпущенныхъ на волю рабовъ. Затѣмъ Марій добился того, что былъ избранъ въ седьмой разъ консуломъ, но скоро онъ умеръ, 70 лѣтъ отъ роду, мучимый тяжкими угрызеніями совѣсти и провожаемый въ могилу проклятіями всего народа.

Диктатура Суллы и его реформы. Между тѣмъ Сулла, принудивъ къ миру Митридата, вернулся съ своими легионами въ Италію, гдѣ къ нему тотчасъ сбѣжались со всѣхъ сторонъ спасшіеся отъ преслѣдованія Марія аристократы. Разбивъ въ Южной Италіи арміи вождей демократической партіи, Сулла овладѣлъ Римомъ и затѣмъ принялся безпощадно истреблять всѣхъ сторонниковъ Марія въ отмщеніе за насилія надъ аристократами. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду продолжались въ Римѣ и Италіи ужасныя сцены убійства. Съ одного конца Италіи до другаго приверженцы Марія были умерщвлены или изгнаны, и имущество ихъ продано съ публичнаго торга или подѣлено между соумышленниками и офицерами Суллы. Для довершенія своего торжества Сулла обнародовалъ свои опальные списки (проскрипціи) съ именами тѣхъ маріанцевъ, которыхъ, по приговору новыхъ судилищъ, каждый могъ лишить жизни и имущества, при чемъ убійцы проскриптовъ или даже доносившіе объ убійщѣ ихъ щедро вознаграждались изъ государственной казны. По закону Суллы объ опальныхъ, объявлялись лишенными чести и имущества даже дѣти и внуки осужденныхъ. Наконецъ Сулла пресытился кровью, терроръ прекратился, и въ Римѣ водворилось на нѣкоторое время мертвое спокойствіе. Послѣ этого Сулла заставилъ провозгласить себя безсмѣннымъ диктаторомъ и воспользовался своею неограниченною властію для доставленія перевѣса аристократіи. Вскорѣ однакожъ Сулла отказался отъ власти и удалился въ свое помѣстье, гдѣ умеръ на 60-мъ году жизни (78 г. до Р. Хр.) отъ ужасной болѣзни, порожденной чрезвычайною неумѣренностью его въ чувственныхъ наслажденіяхъ.

Въ силу обнародованной Суллою новой конституціи, законодательство Гракховъ было уничтожено; сенаторы снова приобрѣли исключительное право на судейскія мѣста, отнятыя у всадниковъ; сенатъ, численный составъ котораго увеличился приверженцами Суллы до 500 ч., сдѣлался не только высшей судебной инстанціей, но также верховнымъ законодательнымъ и административнымъ учрежденіемъ; власть народныхъ собраній была ограничена съ уничтоженіемъ права апелляціи къ нимъ (*ius provocationis*); власть трибуновъ также была чрезвычайно ограничена, и имъ предоставлено только право покровительства (*auxilium*) и право возраженія противъ судебныхъ приговоровъ (*intercessio*). Безъ разрѣшенія сената

ни трибунъ, ни какой другой сановникъ не имѣлъ права обращаться къ народу рѣчь. Сулла отнялъ также у отпущенниковъ право голоса; но въ то-же время онъ допустилъ въ Римъ 10,000 новыхъ гражданъ, взятыхъ изъ среды рабовъ, которыхъ владѣтели попали въ проскрипціи, и основалъ для своихъ ветерановъ 23 военныя колоніи съ правомъ полнаго римскаго гражданства.

ВОЗВЫШЕНІЕ ПОМПЕЯ. — КАТИЛИНА И ЦИЦЕРОНЪ.

Въ эпоху междоусобной борьбы Марія и Суллы и руководимыхъ ими партій пролетаріевъ и оптиматовъ успѣли мало-по-малу выдвинуться нѣкоторыя даровитыя личности, которыя приобрѣли тѣмъ большее вліяніе на политическую судьбу Рима, что они для вѣрнѣйшаго достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей соединили-бы временно свои силы, чтобы исторгнуть власть у сената; стремленіе къ первенству каждаго изъ честолюбцевъ, захватившихъ сообща власть, привело наконецъ къ господству болѣе сильнаго и даровитаго изъ нихъ. Таковы были Кней Помпей, Лициній Крассъ и Юлій Цезарь.

Помпей уже въ молодости приобрѣлъ славу великаго полководца. Аристократъ по происхожденію, онъ въ борьбѣ Марія и Суллы принялъ сторону послѣдняго, сформировалъ на свой счетъ нѣсколько легионовъ и во главѣ ихъ выступилъ, по порученію Суллы, противъ маріянцевъ, удалившихся отъ преслѣдованій въ Сицилію и въ Африку. Помпей, еще будучи 23 лѣтъ, съ необыкновеннымъ успѣхомъ окончилъ порученіе Суллы, и за то, по возвращеніи Помпея изъ похода, Сулла привѣтствовалъ его именемъ Великаго. По смерти Суллы Помпей сдѣлался первымъ челоувѣкомъ въ Римѣ и, ставъ во главѣ аристократической партіи, окончилъ войну противъ приверженцевъ Марія, удалившихся въ Испанію; во главѣ которыхъ былъ Серторій, лучший и даровитѣйшій изъ предводителей маріянцевъ. Сенатъ римскій не разъ высылалъ противъ Серторія войска; но они каждый разъ были разбиваемы имъ. Наконецъ былъ посланъ въ Испанію Помпей, и ему удалось, правда, только благодаря измѣнническому умерщвленію Серторія, подавить маріянцевъ и снова подчинить Риму туземное населеніе Испаніи, возставшее противъ господства Рима и признавшее надъ собою власть Серторія. Возвращаясь въ Италію по окончаніи войны въ Испаніи, Помпей окончилъ другую, еще болѣе опасную для Рима войну съ возставшими рабами-гладіаторами.

Возстаніе рабовъ-гладіаторовъ. Невыносимое положеніе рабовъ, которыми наполнялась Италія со времени пуническихъ войнъ, доводило ихъ до отчаянія и не разъ уже вызывало возмущенія съ ихъ стороны. Но ни одно изъ возстаній рабовъ не было такъ рѣшительно и опасно, какъ возстаніе рабовъ-гладіаторовъ, которое вспыхнуло въ южной Ита-

ліи (въ 73 г. до Р. Хр.). Гладіаторами (отъ слова *gladius*—мечъ) назывались бойцы изъ рабовъ, которые при торжественныхъ празднествахъ для потѣхи римлянъ сражались между собою и съ дикими звѣрями въ римскомъ циркѣ. Къ этимъ кровавымъ зрѣлищамъ римляне, вообще охотники до всякихъ зрѣлищъ, пристрастились особенно вслѣдствіе постоянныхъ кровопролитныхъ войнъ. Гладіаторовъ приготовляли къ ихъ кровавому ремеслу въ особо-устроенныхъ для того школахъ, гдѣ ихъ учили искусству ловко и граціозно биться. Опасные по своей страшной силѣ и отвагѣ, гладіаторы содержались при школахъ съ особенною строгостью въ тюрьмахъ и закованные въ цѣпяхъ. Изъ одной такой гладіаторской школы, находившейся въ Капуѣ, удалось бѣжать 70 гладіаторамъ, которыхъ увлекъ на это отважный товарищъ ихъ Спартакъ, простой еракеецъ, но человекъ выдававшійся своимъ умомъ. „Если ужъ жертвовать жизнью“, сказалъ Спартакъ товарищамъ, „то лучше отдадимъ ее за свободу нашихъ братій, чѣмъ бросать ее на потѣху черни!“ Запасшіеся оружіемъ бѣглецы засѣли въ ущельяхъ Везувія, призывая къ возстанію рабовъ изъ всей Италіи. Рабы изъ окрестныхъ мѣстъ стали во множествѣ стекаться и подъ предводительствомъ Спартака грабили окрестности. Нѣсколько разъ высылаемы были противъ возмутившихся рабовъ легіоны, но рабы разбивали ихъ. Вслѣдствіе успѣха возмутившихся рабовъ число ихъ возросло скоро до 40,000, а потомъ и до 70,000 чел. Тогда они захватили въ свои руки большую часть городовъ въ нѣкоторыхъ областяхъ южной Италіи. Своихъ прежнихъ притѣснителей они безпощадно грабили и убивали. Вся Италія дрожала отъ страха. Сенатъ принялъ рѣшительныя мѣры и послалъ противъ возставшихъ большое войско подъ начальствомъ двухъ консуловъ; но и оно было разбито. Тогда сенатъ поручилъ усмиреніе рабовъ Крассу, который во время господства Суллы показалъ себя способнымъ предводителемъ и тогда-же сдѣлался первымъ богачомъ въ Римѣ, скупая за безцѣнокъ конфискованныя имущества маріанцевъ. Крассъ окружилъ Спартака (въ южной Италіи) и принудилъ его къ рѣшительной битвѣ. Спартакъ былъ побѣжденъ и самъ палъ въ битвѣ. Лишенные предводителя толпы рабовъ разсѣялись и были легко истреблены. Вся дорога отъ Капуи къ Риму обозначилась крестами съ распятыми на нихъ рабами. Только нѣсколько тысячъ рабовъ спаслись въ сѣверную Италію въ намѣреніи убѣжать за Альпы, но попались на встрѣчу возвращавшемуся изъ Испаніи Помпею, который приказалъ истребить ихъ и на этомъ основаніи приписалъ окончаніе войны съ рабами себѣ.

Вернувшись въ Римъ, Помпей началъ стремиться къ первенству въ государствѣ. Чтобы пріобрѣсть расположеніе народа, онъ настоялъ на восстановленіи власти трибуна, отмѣненной Суллою, и старался угодить народу играми въ циркѣ. Съ Крассомъ, чтобы не имѣть въ немъ врага, Помпей сблизился, и оба они были избраны консулами.

Война съ морскими разбойниками. Скоро Помпею представился случай еще болѣе возвыситься въ глазахъ народа, а именно заслугами своими въ войнѣ и съ морскими разбойниками или пиратами. Морской разбой былъ въ древности обычнымъ промысломъ бездомныхъ скитальцевъ. Неслыханныхъ размѣровъ достигли морскіе разбои въ Средиземномъ морѣ особенно съ тѣхъ поръ, какъ римляне уничтожили Картагенъ и его морскую силу, а между тѣмъ дали пасть и своему флоту. Теперь морскіе разбои распространились по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря. Главные-же притоны пиратовъ были на южномъ берегу Малой Азіи (въ Киликіи) и на о. Сициліи. Тѣснимые и разоренные римскимъ господствомъ жители провинцій присоединились къ бѣглецамъ и искателямъ приключеній и увеличивали число пиратовъ. Мало-по-малу изъ многихъ соединившихся шаекъ пиратовъ образовалось какъ-бы морское разбойничье государство. Пираты, имѣя болѣе 1000 судовъ въ своемъ распоряженіи, господствовали надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ. Ни одинъ городъ на берегу его не былъ безопасенъ отъ ихъ нападенія. Даже берега самой Италіи сильно страдали отъ ихъ грабежа и опустошеній. Дерзость пиратовъ дошла до того, что эскадра ихъ проникла въ римскую гавань Остію и въ виду Рима сожгла флотъ римскій. Морская торговля была прервана, и въ Римѣ дороговизна хлѣба угрожала голодомъ вслѣдствіе прекращенія подвоза припасовъ. Тогда одинъ изъ трибуновъ выступилъ съ предложеніемъ вручить Помпею верховную власть надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ и его берегами съ цѣлію уничтоженія морскихъ разбоевъ. Сенатъ, опасаясь неограниченной власти Помпея, сначала противился, но долженъ былъ уступить требованію народа. Помпею предоставлены были въ распоряженіе огромный флотъ и многочисленное войско, и съ этими силами Помпей въ три мѣсяца очистилъ все Средиземное море отъ пиратовъ. Крѣпости ихъ были разорены, корабли сожжены. Плѣнные и добровольно покорившіеся морскіе разбойники расселены на жительство въ различныхъ мѣстахъ. Въ награду за свою заслугу Помпей былъ скоро назначенъ главнокомандующимъ во второй войнѣ съ Митридатомъ.

Война съ Митридатомъ. Оправившись отъ пораженія, нанесеннаго ему Суллой, Митридатъ сталъ опять готовиться къ войнѣ съ римлянами, владѣнія которыхъ въ Малой Азіи постоянно увеличивались и соприкасались уже съ Понтійскимъ царствомъ. Въ виду этого, Митридатъ вторгся въ римскія владѣнія въ Малой Азіи и опять овладѣлъ большею частію ея. Римскій сенатъ отправилъ сначала въ Азію отличнаго полководца Лукулла, который совершенно ослабилъ Митридата и заставилъ его бѣжать изъ своихъ владѣній. Но римскіе легіоны, тяготясь строгою дисциплиной Лукулла, принудили его къ отступленію. Тогда приверженцы Помпея въ Римѣ добились того, что главнокомандующимъ въ Азіи былъ назначенъ Помпей, которому уже не трудно было подчинить Риму владѣнія Митридата. Скоро не только Понтійское царство, но и вся Малая

Азія окончательнo подчинилась Риму. Затѣмъ Помпей въ наказаніе за помощь, оказанную Митридату родственнѣмъ ему царемъ Арменіи, Тиграномъ, заставилъ послѣдняго признать себя данникомъ Рима и отступить отъ принадлежавшей ему Сиріи. Такимъ образомъ, владѣнія Рима въ Азіи простирались уже теперь до Евфрата и Каспійскаго моря. Помпей заставилъ также признать зависимость отъ Рима и Іудею, представлявшую въ то время самостоятельное государство подъ правленіемъ Маккавеевъ.

Тріумфъ Помпея. По возвращеніи въ Римъ, Помпей получилъ такой блестящій тріумфъ, какого не получалъ еще никто. На доскѣ, которую везли впереди, написано было 16 именъ побѣжденныхъ народовъ. Тутъ же вычислялось огромное число захваченныхъ тріумфаторомъ городовъ, вѣрностей, кораблей и проч. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ знатныхъ плѣнныхъ находились жена и дѣти Митридата. Въ концѣ тріумфальной процессіи слѣдовалъ самъ Помпей на великолѣпной колесницѣ, облеченный въ броню, выкованную изъ золота и серебра и принадлежавшую нѣкогда Александру Македонскому, съ которымъ Помпей такъ любилъ себя сравнивать и на котораго онъ, дѣйствительно, походилъ лицомъ.

Когда Помпей праздновалъ свой тріумфъ надъ Азіей, то, опираясь на свои великія заслуги, сталъ домогаться консульства на слѣдующій годъ и требовалъ раздачи земель войскамъ своимъ и утвержденія своихъ распоряженій въ Азіи; но сенатъ, возненавидѣвшій Помпея за его гордость и заискиваніе расположенія въ народѣ, воспротивился притязаніямъ и требованіямъ Помпея. Между тѣмъ, Помпей былъ слишкомъ нерѣшителенъ, чтобы съ помощію народной партіи поборотъ сопротивленіе сената и не имѣлъ уже войска, на которое онъ могъ-бы опереться. Но скоро значеніе Помпея опять сильно поднялось, когда онъ нашелъ поддержку въ соединившемся съ нимъ изъ своихъ личныхъ цѣлей Юліѣ Цезарѣ.

Заговоръ Катилины *) и Цицеронъ. Какъ велика была анархія въ Римѣ, какъ слабо правительство и какъ глубоко проникла нравственная порча въ среду оптиматовъ въ то время, когда возвысился Помпей, доказываетъ лучше всего заговоръ Катилины, грозившій въ это время гибелью Риму. Луцій Сергій Катилина, образованный и даровитый, но крайне безнравственный человекъ, былъ промотавшійся аристократъ, отличающійся чрезвычайной силою характера, безумною отвагою и способностью подчинять своему вліянію всякаго, съ кѣмъ приходилъ онъ въ соприкосновеніе. Онъ служилъ подъ командою Суллы и принималъ самое

*) Заговоръ Катилины художественно изображенъ въ сочиненіи римскаго историка Саллюстія Криспа: „De conjuratione Catilinae“. Замѣчательна особенно въ этомъ сочиненіи характеристика дѣйствующихъ лицъ и современной эпохи, а также рѣчи, вводимыя Саллюстіемъ въ уста Катилины и Ю. Цезаря. Саллюстію-же принадлежитъ не менѣе замѣчательное описаніе Югуртинской войны.

дѣятельное участіе въ его грабежахъ. Когда-же не стало Суллы, Катилина хотѣлъ, по примѣру его, добиться диктатуры и сдѣлаться вторымъ Суддой. Онъ сталъ добиваться консульства, но вслѣдствіе дурной репутаціи, пріобрѣтенной имъ еще во время преторства въ Африкѣ, потерпѣлъ полную неудачу. Тогда Катилина составилъ первый заговоръ вмѣстѣ съ нѣкоторыми раззорившимися аристократами, недовольными своимъ положеніемъ, съ цѣлю ниспровергнуть республиканское правительство, перебить сенаторовъ и консуловъ и захватить власть въ свои руки. Возвысившійся въ это время Помпей зналъ о заговорѣ Катилины, но не принялъ никакихъ мѣръ для подавленія его, а смотрѣлъ, напротивъ, на этотъ заговоръ, какъ на средство къ большому усиленію своей власти, рассчитывая, что въ минуту крайней анархіи сенатъ самъ прибѣгнетъ къ его защитѣ и вручитъ ему всю власть. Мало того, нѣкоторые члены правительственнаго класса, именно 11 сенаторовъ, преторъ К. Лентулъ Сурра, даже Кай Антоній, впоследствии консулъ, были на сторонѣ Катилины. Такимъ образомъ противъ него только потому, что не было еще явныхъ уликъ, не было принято никакихъ мѣръ, не смотря на то, что знали въ точности назначенный для осуществленія заговора день и опасались зажигательствъ и грабежа. Когда на этотъ разъ планы Катилины и его сообщниковъ не могли быть осуществлены, Катилина не потерялъ все-таки надежды добиться консульства и на ближайшихъ выборахъ выступилъ однимъ изъ кандидатовъ. Но и этотъ разъ потерпѣлъ онъ неудачу; консуломъ былъ выбранъ явившійся соискателемъ Катилины при выборахъ извѣстный римскій ораторъ и писатель Цицеронъ.

Маркъ Туллій Цицеронъ родился въ 106 году до Р. X. въ окрестностяхъ Арпинума, въ землѣ вольсковъ, и происходилъ изъ всаднической фамиліи. Образованіе свое Цицеронъ получилъ подъ руководствомъ лучшихъ греческихъ учителей. Надѣленный отъ природы блистательными дарованіями и любознательностію, Цицеронъ образовался на первоклассныхъ произведеніяхъ греческой литературы и въ бесѣдахъ съ первыми по образованію людьми своего времени. Обладая яснымъ, воспримчивымъ и философскимъ, хотя и не творческимъ умомъ и умѣньемъ живо и ясно излагать свои мысли, Цицеронъ сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ римскихъ писателей и считается творцомъ классической прозы; но наибольшую силу дарованія проявилъ Цицеронъ въ краснорѣчїи и на ораторскомъ поприщѣ стяжалъ себѣ наибольшую славу какъ между современниками, такъ и въ потомствѣ. Рано Цицеронъ пристрастился къ форуму, гдѣ во время его молодости выступали съ замѣчательнымъ успѣхомъ Маркъ Антоній и Лициній Крассъ. По достиженіи совершеннолѣтія, Цицеронъ посвятилъ себя изученію законовъ и философіи. Послѣ тщательнаго приготовленія къ общественной и особенно ораторской дѣятельности, Цицеронъ выступилъ на форумъ сначала въ качествѣ адвоката и съ перваго-же раза имѣлъ большой успѣхъ. Особенно обратилъ онъ на себя вниманіе, выступивъ въ уголовномъ процессѣ защитникомъ Росція Американа (pro Roscio Amerino) противъ одного изъ любимцевъ Суллы; незаконнымъ образомъ присвоившаго себѣ имущество обвиняемаго. Блистательный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ, защита котораго требовала не мало гражданскаго мужества въ виду всемогущества Суллы, упрочилъ общественное положеніе Цицерона. Однако-же

онъ прежде, чѣмъ продолжать свою дѣятельность, отправился въ Грецію съ цѣлю докончить свое образование, учился у знаменитыхъ учителей краснорѣчія и философіи въ Аѳинахъ и на о. Родосѣ и затѣмъ, вернувшись въ Римъ еще съ лучшей подготовкой, выступилъ опять въ качествѣ адвоката на общественное поприще. Будучи 30 лѣтъ отъ-роду, Цицеронъ былъ единогласно избранъ въ квесторы, и ему досталась въ управление Сицилійская провинція, гдѣ онъ отправлялъ должность свою съ строгою честію, что составляло тогда рѣдкое исключеніе. По окончаніи срока службы, Цицеронъ разстался съ управляемой имъ провинціею, напутствуемый благодарностію островитянъ. Занимаясь по возвращеніи въ Римъ съ большимъ успѣхомъ адвокатурой, Цицеронъ получилъ при выборахъ на 68-й годъ до Р. X. должность эдила. Въ этому году относится знаменитый процессъ его противъ Верреса (*in Verrem*), который во время своего трехлѣтняго намѣстничества въ Сициліи запятналъ себя страшнымъ грабительствомъ. Сицилійцы, искавшіе правосудія въ Римѣ, избрали своимъ адвокатомъ Цицерона, и онъ такъ очевидно раскрылъ страшныя злоупотребленія Верреса, что послѣдній былъ осужденъ, не смотря на сильную протекцію и на вошедшую въ обыкновеніе безнаказанность провинціальныхъ правителей. На 41 году жизни Цицеронъ былъ избранъ въ городскіе преторы (*praetor urbanus*). Первая политическая рѣчь, произнесенная Цицерономъ въ это время, имѣла цѣлю защитить предложеніе трибуна Манілія о назначеніи Помпея главнокомандующимъ въ войнѣ съ Митридатомъ (*pro lege Manilia*). И на этотъ разъ Цицеронъ имѣлъ блистательный успѣхъ. Послѣ этого онъ выступилъ въ 64 году, одновременно съ Катилиной, кандидатомъ на консульскую должность слѣдующаго года, и въ это время, когда Катилину постигла вторичная неудача, Цицеронъ приобрѣлъ уже такую популярность, что когда дѣло дошло до голосованія его кандидатуры, римскій народъ передъ подачей голосовъ на табличкахъ сначала провозгласилъ его громогласно консуломъ; страхъ-же предъ Катилиной склонилъ на сторону Цицерона и олигархическую партію, не смотря на то, что онъ былъ *homo novus*. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ званіи консула передъ народнымъ собраніемъ, высказалъ онъ между прочимъ намѣреніе всѣми силами противоудѣйствовать стремленіямъ демагоговъ, и это доказалъ онъ своимъ отношеніемъ къ заговору Катилины.

Послѣ новой неудачи Катилина, подъ вліяніемъ чувства мести и оскорбленной гордости, сталъ дѣйствовать еще энергичнѣе для приведенія въ исполненіе своихъ преступныхъ замысловъ. Готовясь вступить въ открытую борьбу съ государствомъ, Катилина старался привлечь на свою сторону и пролетаріевъ, началъ набирать войско въ различныхъ частяхъ Италіи и собирать деньги и оружіе. Въ это время онъ успѣлъ склонить на свою сторону многихъ вліятельныхъ лицъ, дѣйствуя, главнымъ образомъ, чрезъ посредство женщинъ, при помощи которыхъ онъ рассчитывалъ также взбунтовать рабовъ, чернь и иностранцевъ. Главными помощниками Катилины были два городскіе претора: Лентулъ и Цетегъ. Во всѣ концы Италіи, въ Этрурію, Апулію и другія области, разослалъ Катилина своихъ агентовъ, которые набирали для него войско. Въ самомъ Римѣ Катилина устраивалъ сходки своихъ соумышленниковъ для совѣщанія о томъ, какимъ образомъ вѣрнѣе осуществить планы и достигнуть на слѣдующій годъ консульства. Но, не смотря на открытыя совѣщанія заговорщиковъ въ Римѣ, дѣйствовать противъ нихъ было не возможно, пока не было на лицо явныхъ уликъ. Однако-же нѣкоторыя положительныя свѣдѣнія о заговорѣ удалось собрать Цицерону, благо-

положительныя свѣдѣнія о заговорѣ удалось собрать Цицерону благодаря ловкости и осторожности дѣйствій. Послѣ этого Цицеронъ тотчасъ принялъ рѣшительныя мѣры: по всѣмъ важнымъ пунктамъ разставилъ онъ стражу, по всей Италіи разослалъ надежныхъ комиссаровъ съ полномочною властію, уговорилъ сенатъ вручить ему и Каю Антонію, товарищу своему по консульству, диктаторскую власть. Имѣя уже достаточно данныхъ для того, чтобы выступить противъ Катилины, хотя и безъ прямыхъ уликъ, Цицеронъ рѣшился публично въ сенатѣ потребовать отъ Катилины отвѣта. По этому поводу произнесъ онъ въ сенатѣ свою знаменитую рѣчь (*Oratio in Catilinam*) противъ Катилины и требовалъ, чтобы онъ оставилъ городъ. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, Катилина, въ свою очередь, обратился къ сенаторамъ и просилъ ихъ не вѣрять ничѣмъ недоказаннымъ обвиненіямъ Цицерона, наконецъ сталъ говорить съ пренебреженіемъ о немъ и даже ругать его. Тогда въ сенатѣ поднялся ропотъ, и всѣ единогласно назвали Катилину преступникомъ и врагомъ отечества. „Когда такъ“, воскликнулъ онъ въ порывѣ досады, „когда враги мои хотятъ моею погибели, такъ я-же потушу пожаръ моего жилища развалинами“. Въ слѣдующую ночь Катилина удалился изъ Рима и былъ осужденъ на изгнаніе. Консулу Антонію было поручено идти съ войскомъ въ Этрурію, гдѣ одинъ изъ сообщниковъ Катилины собралъ для него войско. Самъ Цицеронъ остался въ Римѣ для защиты города. Въ слѣдующую-же ночь, по плану Катилины, оставшіеся въ Римѣ заговорщики должны были умертвить Цицерона, зажечь городъ съ 12-ти концовъ, ограбить и умертвить самыхъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ. Но бдительность Цицерона предупредила осуществленіе этого ужаснаго дѣла, такъ какъ ему удалось собрать очевидныя доказательства относительно намѣреній заговорщиковъ и во-время привлечь ихъ къ отвѣтственности. Дѣло въ томъ, что заговорщики сообщили о своей тайнѣ посламъ галльскаго народа аллоброговъ, надѣясь привлечь послѣднихъ на свою сторону. Послы галльскіе проговорились объ этомъ одному знатному римлянину, который въ свою очередь сообщилъ объ этомъ Цицерону. Тогда Цицеронъ побудилъ пословъ аллоброговъ взять отъ заговорщиковъ письменное изложеніе своихъ плановъ и желаній. Между тѣмъ, какъ только послы выѣхали изъ Рима, они были задержаны, и письма у нихъ отобраны. Эти-то письма Цицеронъ представилъ въ сенатъ для изобличенія заговорщиковъ и требовалъ осужденія ихъ на смерть безъ дальнѣйшаго суда и слѣдствія. Заговорщики, между тѣмъ, старались возмутить чернь. Цицеронъ разставилъ вездѣ войско и требовалъ немедленнаго приговора, опасаясь осуществленія заговорщиками ихъ плановъ въ ближайшую-же ночь. Наконецъ, по настоянію Цицерона, надъ заговорщиками былъ произнесенъ смертный приговоръ. Изъ нихъ пятеро были удушены въ тюрьмѣ, остальные успѣли бѣжать. Противъ самого Катилины было послано войско подъ предводительствомъ К. Антонія. Около Пистойи произошла жаркая битва, въ

второй какъ самъ Катилина, такъ и сообщники его дрались съ мужествомъ отчаянія, пока не пали всѣ до одинаго.

За услуги, оказанныя отечеству раскрытіемъ и подавленіемъ заговора Катилины, Цицеронъ былъ почтенъ необыкновенными почестями не только въ Римѣ, но и въ другихъ городахъ Италіи и между прочимъ титуломъ „отца отечества (*pater patriae*), который еще въ первый разъ присвоивался римскому гражданину. Въ это время Цицеронъ достигъ высшей степени славы и величія. Но уже скоро послѣ этого онъ подвергся жестокимъ нападкамъ со стороны народныхъ трибуновъ и своихъ враговъ за лишеніе жизни римскихъ гражданъ безъ суда. Наконецъ, чтобы избѣгнуть осужденія народа по обвиненію его народнымъ трибуномъ Клодіемъ въ нарушеніи законныхъ правъ казненныхъ гражданъ, Цицеронъ отправился на нѣсколько лѣтъ въ добровольную ссылку. Въ числѣ враговъ Цицерона, рѣзко высказавшихся противъ него за осужденіе заговорщиковъ на смерть безъ рѣшенія народа и вопреки праву провокаціи, былъ также и Юлій Цезарь, произнесшій въ этомъ смыслѣ рѣчь въ сенатѣ еще до исполненія приговора надъ заговорщиками. Есть основаніе думать, что самъ Цезарь принадлежалъ къ числу ихъ и принималъ участіе въ ихъ планахъ, хотя лишь изъ личныхъ, честолюбивыхъ цѣлей. Но Цезарь былъ уже тогда любимцемъ народа, и потому Цицеронъ, не имѣя противъ него лично несомнѣнныхъ уликъ, боялся втянуть его въ число привлеченныхъ къ суду: его оставили въ покоѣ.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ И ПЕРЕХОДЪ КЪ ИМПЕРІИ.

Юлій Цезарь, потомокъ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Юліевъ, по смерти отца своего остался шестилѣтнимъ ребенкомъ на попеченіи матери, чрезвычайно образованной женщины, которая при помощи греческихъ учителей дала даровитому мальчику отличное всестороннее образованіе. Во всѣхъ упражненіяхъ, требовавшихъ физической силы и ловкости, рѣдко кто могъ счастливо соперничать съ Цезаремъ. Но еще болѣе выдавался онъ изъ своихъ современниковъ умомъ и образованіемъ. Онъ былъ едва-ли не самый образованный человекъ того времени. Онъ былъ глубокой знатокъ греческой и римской литературъ, отлично изучилъ математику, ораторское искусство, — мало того, былъ самъ замѣчательнымъ ораторомъ и писателемъ. Сознвая свое умственное превосходство, Цезарь во всю свою жизнь обнаруживалъ непомерное честолюбіе и считалъ себя какъ-бы предназначеннымъ судьбою къ роли великаго человека. Когда онъ, будучи уже намѣстникомъ въ Испаніи, увидѣлъ однажды статую Александра Македонскаго, онъ сказалъ окружающимъ со слезами

на глазахъ: „Въ мои лѣта онъ завоевалъ уже весь свѣтъ, а я ничего еще не сдѣлалъ!“ Цезарь выражалъ желаніе быть лучше первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ. Когда однажды буря застигла Цезаря на морѣ, онъ ободрилъ смущеннаго рулеваго, сказавъ съ спокойною увѣренностью: „Не бойся, ты везешь Цезаря и его счастье“. Цезарь выросъ во время кровавой междоусобной борьбы между Маріемъ и Суллой за первенство въ Римѣ, и это не прошло безслѣдно для честолюбиваго юноши. Во время диктаторства Суллы Цезарь былъ еще изнѣженный юноша и притомъ очень занятый своею красивою наружностью; но въ то-же время онъ, при своемъ крайнемъ честолюбіи, не оставался равнодушнымъ зрителемъ совершавшейся на его глазахъ борьбы. Скоро сказались какъ будущее направленіе политической дѣятельности Цезаря, такъ и свойственная ему необыкновенная сила характера.

Диктаторъ Сулла, питая недовѣріе къ молодому Цезарю, какъ къ близкому родственнику Марія и къ тому-же женатому на дочери одного изъ главныхъ предводителей маріянцевъ, требовалъ отъ Цезаря, чтобы онъ развелся съ своею женой. Но, хотя Цезарю за неповиновеніе грозило изгнаніе, онъ все-таки не исполнилъ требованія диктатора. Мало того, онъ возстановилъ въ Капитоліи низвергнутыя во время торжества Суллы статуи Марія, не смотря на то, что возстановленіе ихъ было строго запрещено. За это Сулла произнесъ надъ Цезаремъ строгій приговоръ, и только родственными связями и ходатайствомъ близкихъ людей спасенъ былъ Цезарь. Сулла простилъ его противъ воли, но въ то-же время онъ разгадалъ въ немъ будущаго Цезаря и сказалъ заступникамъ его: „берегитесь этого юноши: въ немъ скрывается нѣсколько Маріевъ“. Возстановленіемъ статуй Марія и заявленнымъ такимъ образомъ сочувствіемъ къ нему Цезарь привлекъ къ себѣ сердца пролетаріевъ; но еще болѣе приобрѣлъ онъ расположеніе народа любезностью и щедрою раздачей хлѣба. Чтобы закрѣпить расположеніе къ себѣ народа, Цезарь, уже имѣя за 30 лѣтъ, старался получить должность эдила, представлявшую первую ступень къ высшимъ должностямъ. Обязанности эдиловъ состояли, главнымъ образомъ, въ надзорѣ за ввозомъ хлѣба въ Римъ и за устройствомъ общественныхъ игръ. Этимъ воспользовался Цезарь, и, будучи избранъ въ эдилы, онъ при постановкѣ игръ на свой счетъ украсилъ съ чрезмѣрною расточительностью городскую площадь и Капитолій и, между прочимъ, поставилъ для цирка 320 паръ гладиаторовъ въ серебряномъ вооруженіи. Всѣмъ этимъ Цезарь достигъ въ глазахъ народа огромнаго значенія и скоро сдѣлался его любимцемъ и главнымъ вождемъ. Какъ высоко цѣнили народъ Цезаря, обнаружилось уже въ скоромъ времени, когда Цезарь явился соискателемъ на должность верховнаго жреца. Народъ, къ удивленію сената, не колеблясь, отдалъ предпочтеніе Цезарю предъ многими другими соискателями, имѣвшими уже высокое положеніе въ сенатѣ. Заискивая въ расположеніи народа, Цезарь такъ щедро тратился на него, что впалъ въ неоплатные долги.

Когда онъ былъ назначенъ намѣстникомъ въ Испаніи, кредиторы не хотѣли выпустить его изъ Рима; но Цезарь съумѣлъ привлечь къ себѣ перваго богача въ Римѣ, Красса, и тотъ ссудилъ его громадною суммою денегъ для уплаты части долговъ. Въ Испаніи Цезарь имѣлъ случай пріобрѣсть военную славу и собрать такъ много денегъ, что по возвращеніи въ Римъ онъ могъ расплатиться съ своими долгами.

Союзъ Цезаря съ Помпеемъ и Крассомъ или первый триумvirатъ (60 г. до Р. Хр.). До настоящаго времени Цезарь, стремясь къ первенству въ Римѣ, медленно и осторожно приближался къ своей цѣли, не внушая долгое время опасеній ни сенату, ни своимъ будущимъ соперникамъ. Теперь, заручившись расположеніемъ народа, Цезарь сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе для достиженія власти. Видя затруднительное положеніе Помпея относительно сената, онъ сблизился съ Помпеемъ и обѣщалъ ему содѣйствовать его цѣлямъ, если только Помпей поможетъ ему добиться консульства. Благодаря вліянію Помпея и деньгамъ его и Красса, Цезарь, дѣйствительно, былъ выбранъ въ консулы. Тогда Помпей и Цезарь, привлеки къ себѣ недовольнаго также своимъ положеніемъ Красса, заключили между собой тайный тройственный союзъ—триумvirатъ, для взаимной поддержки и для совмѣстнаго управленія римскимъ государствомъ (60 г. до Р. Хр.). Сенатъ потерялъ почти всякое значеніе.

По уговору триумвиры устроили такъ, что каждый изъ нихъ получилъ въ управленіе извѣстныя провинціи: Помпей—Испанію и Африку, Крассъ—азіятскія провинціи, а Цезарь—Галлію Цизальпинскую и Трансальпійскую съ правомъ диктатора на 5 лѣтъ. Галлія по ту сторону Альповъ еще не вся принадлежала Риму, и ее нужно было покорить. Такимъ образомъ Цезарь имѣлъ случай добыть себѣ военную славу и пріобрѣсть закаленное въ битвахъ и преданное ему войско. Все это было необходимо для Цезаря, стремившагося къ единовластію въ римскомъ государствѣ.

Цезарь въ Галліи. Цезарь поставилъ себѣ цѣлью завоевать всю Галлію отъ Пиренеевъ до Рейна, между тѣмъ какъ до этого времени Риму принадлежала только южная часть Галліи (до верхней Гаронны и Севенновъ). Завоеваніе Галліи представляло громадныя трудности. Галлы славилась храбростью, воинственностью, неспособностью переносить какое-либо владычество надъ собою и противопоставили Цезарю войско въ 300,000 человекъ. Мало было удобствъ для сообщеній, средствъ для продовольствія войска. Но Цезарь, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ, съумѣлъ преодолѣть всѣ препятствія и въ теченіе 10 лѣтъ завоевалъ всю Галлію. До 3-хъ милл. чел. погибло въ этихъ войнахъ. При этомъ Цезарю, кромѣ его военнаго генія, много помогло и то, что онъ, какъ тонкій политикъ, съумѣлъ воспользоваться междоусобіями галловъ. Не разъ возставали противъ Цезаря покоренные Галлы, но каждый разъ они были снова побѣждаемы имъ. Покоривъ оконча-

тельно галловъ, Цезарь обходился съ ними очень кротко и заботился о внутреннемъ порядкѣ и благосостояніи вновь пріобрѣтенной провинціи. Чтобы обезопасить Галлію со стороны германцевъ, которые не разъ уже переходили чрезъ Рейнь, селились въ Галліи и являлись опасными соперниками римлянъ, Цезарь дважды переходилъ чрезъ Рейнь и началъ наступательныя движенія противъ Германіи. Завоеваніемъ Галліи и своими походами въ Германію Цезарь пріобрѣлъ себѣ славу величайшаго полководца. Онъ былъ первый изъ римлянъ, перешедшій съ войскомъ за предѣлы Рейна. Теперь Цезарь началъ еще рѣшительнѣе стремиться къ единовластію.

Между тѣмъ какъ Цезарь занятъ былъ покореніемъ Галліи, триумвиратъ, заключенный имъ съ Помпеемъ и Крассомъ, разстроился самъ собою. Крассъ отправился намѣстникомъ въ Сирію и тамъ погибъ въ войнѣ съ однимъ изъ сосѣднихъ народовъ (пареяне). Помпей-же остался въ Римѣ въ намѣреніи увеличить свое вліяніе и достигнуть какъ можно большей власти. Завидуя быстро возрастающей славѣ Цезаря и опасаясь его превосходства, Помпей, со смертію Красса, сталъ думать о разрывѣ съ Цезаремъ. Онъ опять перешелъ рѣшительно на сторону сената, получилъ отъ него диктаторскую власть и, чтобы обезоружить Цезаря, внесъ въ сенатъ предложеніе вызвать его изъ провинціи; но Цезарь, оставаясь въ Галліи, поддерживалъ отношенія съ Римомъ и посредствомъ денегъ и личнаго вліянія пріобрѣлъ себѣ новыхъ приверженцевъ въ народѣ, особенно между вліятельными трибунами.

Когда врагами Цезаря были распущены въ Римѣ ложные слухи, будто онъ съ своими легіонами выступилъ противъ Италіи, сенатъ, по настоянію Помпея, приказалъ Цезарю распустить войско. Цезарь не виновался сенату и за то былъ объявленъ имъ врагомъ отечества. Узнавъ объ этомъ, Цезарь обратился къ своимъ легіонамъ, представилъ имъ, какая угрожаетъ ему опасность и требовалъ отъ нихъ защиты. Преданныя ему войска объявили единогласно, что пойдутъ за нимъ всюду, куда онъ ихъ ни поведетъ. Тогда Цезарь двинулся въ Италію; но когда дошелъ до р. Рубикона, отдѣлявшей провинцію отъ Италіи, то не сразу рѣшился перейти эту границу: онъ зналъ, что если вступить въ Италію съ легіонами, то будетъ считаться государственнымъ измѣнникомъ (такъ какъ, по законамъ римскимъ, полководцы не имѣли права вступать съ войскомъ въ Италію, которою управлялъ сенатъ). Но послѣ нѣкотораго колебанія Цезарь далъ приказъ легіонамъ идти впередъ, сказавъ: „жеребій брошень“! (*Alea jacta est!*).

Сраженіе при Фарсалѣ. Когда Цезарь двинулся на Римъ, Помпей, не сдѣлавшій никакихъ приготовленій, оставилъ столицу и удалился въ Грецію въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ-аристократовъ. Цезарь-же, вступивъ въ Римъ, заставилъ сенатъ провозгласить его диктаторомъ. Завладѣвъ Италіей, Цезарь двинулся сначала въ Исцанію, чтобы уничтожить тамъ войско Помпея, оставшееся безъ своего главнокомандую-

щаго, а затѣмъ уже пойти на Помпея, удалившагося въ Грецію съ горстью аристократовъ. И дѣйствительно, когда войско Помпея, окруженное легіонами Цезаря, принуждено было сдаться и перешло большею частью на его сторону, онъ быстро двинулся въ Грецію противъ Помпея, которому, между тѣмъ, удалось собрать большое войско въ восточныхъ провинціяхъ. Послѣ нѣсколькихъ столкновеній между войсками соперниковъ, произошла рѣшительная битва въ Фессаліи, при г. Фарсалѣ. У Помпея было противъ Цезаря вдвое больше войска; конницу-же его составляли преимущественно знатные римскіе юноши. На этихъ-то оптиматовъ, вполнѣ увѣренныхъ въ побѣдѣ, и направилъ Цезарь первые удары лучшаго своего войска, приказавъ своимъ закаленнымъ въ бою солдатамъ, какъ только выступятъ всадники Помпея, броситься на нихъ и своими мечами бить ихъ прямо въ лицо и въ глаза. Цезарь былъ убѣжденъ, что въ такомъ случаѣ молодые римскіе аристократы, дорожившіе всего болѣе красотою лица, не устоятъ. Онъ не ошибся. Когда началась битва, всадники Помпея первые были обращены въ бѣгство и этимъ произвели смятеніе во всемъ своемъ лагерѣ. Помпей, видя, что его всадники бѣгутъ, упалъ духомъ и, считая дѣло проиграннымъ, бѣжалъ, оставивъ въ добычу Цезарю весь лагерь. Послѣ битвы при Фарсалѣ большая часть Помпеевой арміи перешла на сторону Цезаря.

Помпей искалъ спасенія въ Египтѣ у царя Птолемея. Цезарь быстро послѣдовалъ туда-же, но, прибывъ въ Египетъ, не нашелъ уже Помпея въ живыхъ. По приказанію египетскаго царя, желавшаго привлечь на свою сторону Цезаря, Помпей былъ вѣроломно умерщвленъ, и едва Цезарь вступилъ въ Египетъ, какъ ему поднесли отрубленную голову Помпея. Цезарь съ ужасомъ отвернулся и не могъ при этомъ удержаться отъ слезъ. Онъ отнялъ престолъ у Птолемея и передалъ его сестрѣ его, прекрасной Клеопатрѣ.

Изъ Египта Цезарь отправился въ Малую Азію, чтобы покорить возмущившагося противъ римлянъ сына Митридатова Фарнака, царя Босфорскаго, который, пользуясь смутами въ Римѣ, снова завладѣлъ прежнимъ Понтійскимъ царствомъ. Цезарь, выступивъ противъ него съ большимъ войскомъ, окончилъ войну въ пять дней. Объ этой войнѣ Цезарь писалъ въ Римъ одному изъ своихъ друзей: „я пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ“ (*veni, vidi, vici*).

Послѣ этой войны Цезарю пришлось еще нѣсколько лѣтъ вести борьбу въ Испаніи и въ Африкѣ съ приверженцами Помпея, сплотившимися подъ предводительствомъ его сыновей и образовавшими многочисленное войско. Наконецъ Цезарю удалось уничтожить всѣхъ своихъ противниковъ, послѣ чего онъ сталъ единовластителемъ римскаго государства.

Единовластіе и смерть Цезаря. Когда Цезарь послѣ всѣхъ своихъ побѣдъ вернулся въ Римъ, онъ былъ осыпанъ неслыханными почестями. Провозглашенный пожизненнымъ диктаторомъ, онъ пользовался отнынѣ

неограниченную властью. Онъ былъ объявленъ неприкосновеннымъ, какъ трибунъ, и всѣ распоряженія его получали силу закона. Ему поставили статую, какъ „непобѣдимому божеству“. Въ сенатѣ и на судѣ онъ сидѣлъ на высокомъ золотомъ креслѣ, одѣтый въ царскій пурпуръ. Сдѣлавшись неограниченнымъ властелиномъ Рима, Цезарь стремился дать Риму монархическое устройство и водворить порядокъ и законы, которыхъ давно уже не существовало въ республикѣ, истерзанной внутренними междоусобіями. Республиканскія должности сдѣлались простымъ титуломъ, и Цезарь раздавалъ ихъ, кому хотѣлъ. Сенатъ превратился лишь въ совѣтъ Цезаря. Число сенаторовъ возросло до 900. При этомъ Цезарь назначилъ членами сената не однихъ римскихъ гражданъ, но также многихъ знатныхъ иностранцевъ и особенно галловъ, еще недавно получившихъ право римскаго гражданства. По мысли Цезаря сенатъ долженъ былъ такимъ образомъ сдѣлаться представителемъ интересовъ всѣхъ частей имперіи на началахъ равенства. Но это нововведеніе Цезаря вызвало естественно крайнее раздраженіе въ аристократической партіи, и въ своемъ безсиліи она мстила ему сарказмами, эпиграммами; мало того, вывѣшивались даже афиши на площадяхъ, приглашавшія честныхъ гражданъ не указывать новымъ сенаторамъ дороги въ сенатъ. Но Цезарь не обращалъ вниманія на это. Онъ стремился къ тому, чтобы уравнять провинціаловъ въ правахъ гражданства съ римлянами. Первые законы консульства Цезаря были законы въ пользу провинцій, именно, на защиту ихъ отъ вымогательствъ намѣстниковъ. Еще гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ дарованіе правъ гражданства Галліи Циспаданской, присоединеніе ея къ Италіи, дарованіе латинскаго права Галліи Транспаданской и основаніе въ ней колоній. Цезарь даетъ право римскаго гражданства всѣмъ иностраннымъ врачамъ, практикующимъ въ Римѣ, всѣмъ учителямъ разныхъ наукъ и искусствъ. Въ Африкѣ онъ возстановляетъ и колонизируетъ Карфагенъ, въ Греціи возстановляетъ разрушенный Коринтъ. Чтобы сблизить провинціаловъ съ римскими гражданами, онъ выселилъ въ колоніи болѣе 80,000 гражданъ, и они, безъ сомнѣнія, сильно двинули впередъ дѣло политическаго объединенія и уравниванія провинцій съ Италіей и Римомъ. Эти заботы Цезаря о провинціяхъ и его благородныя стремленія вызывали любовь и благоговѣніе къ нему въ провинціяхъ, но усиливали вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть къ нему аристократически-республиканской партіи. Въ такомъ положеніи Цезарю необходимо было дѣйствовать съ крайнею умѣренностію и осторожностію, не посягая на установившіяся республиканскія формы.

Между тѣмъ Цезарь, не довольствуясь своею неограниченною властью, стремился еще къ полученію царскаго титула. Онъ охотно допускалъ, чтобы друзья его въ кругу близкихъ людей называли его царемъ и старались-бы предъ народомъ добыть ему царскій титулъ. Но это было противно желаніямъ народа. Когда, однажды, во время празднества одинъ изъ ревностнѣйшихъ сторонниковъ Цезаря, консулъ Антоній, хотѣлъ

надѣть на его голову царскую діадему, въ народѣ слышался сильный ропотъ. Цезарь притворно отклонилъ діадему, сказавъ: „только Юпитеръ царь Рима“, и отослалъ ее въ Капитолій. Тогда сторонники Цезаря рѣшились предложить сенату вопросъ о временномъ возстановленіи для Цезаря царскаго титула хоть внѣ Италіи, въ виду предстоящей войны съ пареянами, которые, по предсказанію, могли быть побѣждены только римскимъ царемъ. Друзья Цезаря надѣялись, что, по возвращеніи его побѣдителемъ изъ похода, ему легко будетъ удержать царскій титулъ и въ самомъ Римѣ. Предложеніе это должно было быть окончательно обсуждено въ засѣданіи сената 15 марта 44 года до Р. Хр. Этотъ день враги Цезаря выбрали для осуществленія заговора противъ его жизни. Большинство заговорщиковъ состояло изъ помилованныхъ Цезаремъ помпеянцевъ, враждовавшихъ противъ него изъ-за личныхъ интересовъ. Но между заговорщиками были нѣкоторые лица, посягнувшія на жизнь Цезаря изъ дѣйствительной привязанности къ республиканскимъ формамъ правленія. Между ними особенно выдавались стоявшіе во главѣ заговора Кассій и Брутъ. Послѣдній былъ родственникомъ Цезаря и пользовался особенною его любовью и всеобщимъ уваженіемъ. Цезаря предостерегали неоднократно отъ предстоящей ему опасности, но онъ, полагаясь на свое счастье, пренебрегъ всякою предосторожностью, убѣжденный, что не умретъ прежде назначеннаго часа. Когда Цезарь въ день, назначенный для осуществленія заговора, шелъ въ сенатъ, нѣкто подаль ему письмо, въ которомъ означены были имена и намѣренія заговорщиковъ; но Цезарь, не прочитавъ письма, положилъ его въ карманъ. Когда онъ вошелъ въ сенатъ и занялъ свое мѣсто, заговорщики обступили его со всѣхъ сторонъ подъ видомъ подкрѣпленія просьбы одного изъ сенаторовъ о помилованіи его брата. Когда-же Цезарь отказалъ, заговорщики нанесли ему множество ударовъ кинжалами. Цезарь, видя неизбежную смерть, завернулся въ свою тогу и, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія къ своей защитѣ, палъ подъ смертельными ударами.

Когда Цезарь былъ убитъ и тѣло его положено на костеръ, то вокругъ костра тѣснились галлы, евреи и другіе провинціалы иноземцы, пришедшіе въ Римъ со всѣхъ концовъ міра: они оплакивали человѣка, отъ котораго ожидали облегченія участи своей родины *).

*) Юлій Цезарь замѣчательнъ также, какъ историческій писатель, который по изящному слогу и другимъ литературнымъ достоинствамъ своихъ сочиненій принадлежитъ къ золотому вѣку римской литературы. Дѣйствительно, его „Записки о галльской войнѣ“ („*Commentarii de bello gallico*“) и „о междоусобной войнѣ“ („*de bello civili*“) отличаются замѣчательною ясностію, объективностію, простотою и прелестію изложенія. Въ запискахъ о галльской войнѣ Цезарь описываетъ свои военные подвиги въ Галліи, а частію въ Британіи и Германіи отъ 58 до 51 г. Содержаніемъ-же записокъ о междоусобной войнѣ служатъ событія 49 и 48 годовъ.

Второй триумvirатъ (43 г. до Р. Х.). По смерти Цезаря въ римскомъ государствѣ снова начались кровавыя междоусобія. Пользуясь нерѣшительностью заговорщиковъ, которые убійствомъ Цезаря возбудили противъ себя народъ и вынуждены были бѣжать изъ Рима, консуль Антоній заключилъ союзъ съ начальникомъ конницы Лепидомъ, захватилъ всю власть и сталъ распоряжаться неограниченно, опираясь на привлеченные имъ на свою сторону легіоны. Но соперникомъ Антонія явился 19-тилѣтній Кай Октавій, внукъ сестры Цезаря, котораго послѣдній усыновилъ и сдѣлалъ главнымъ наслѣдникомъ своимъ *). Этотъ-то Октавій, на котораго народъ перенесъ любовь свою къ Цезарю, сумѣлъ поддержать это расположеніе въ народѣ и въ войскѣ посредствомъ щедрой раздачи денегъ. Стремясь къ единовластію, хитрый Октавіанъ съ рѣдкимъ притворствомъ скрывалъ свои честолюбивыя намѣренія и старался пріобрѣсти довѣріе сената, который держалъ сторону республиканцевъ. Особенно сумѣлъ Октавіанъ снискать расположеніе Цицерона, стоявшаго во главѣ партіи сената, и Цицеронъ старался возвысить Октавіана, чтобы при его содѣйствіи отнять власть у Антонія. Между тѣмъ, Октавіанъ, посланный съ войскомъ противъ Антонія, удалившагося съ своими легіонами въ Цизальпинскую Галлію, соединился изъ своихъ личныхъ цѣлей съ Антоніемъ и съ Лепидомъ, и всѣ они заключили между собой второй триумvirатъ.

Триумвиры захватили въ свои руки верховную власть и рѣшили вести войну противъ Брута и Кассія, которые получили отъ сената въ управленіе восточныя провинціи Рима и собрали вокругъ себя всѣхъ республиканцевъ. Республиканскія войска были побѣждены триумвирами въ битвѣ при Филиппахъ, въ Македоніи. Брутъ и Кассій въ отчаяніи сами лишили себя жизни въ самомъ началѣ битвы и этимъ способствовали побѣдѣ триумвировъ. Послѣ побѣды надъ республиканцами, триумвиры раздѣлили между собою управленіе провинціями. Октавіанъ взялъ себѣ западныя владѣнія Римской имперіи, Антоній — восточныя, Лепидъ же получилъ въ управленіе Африку. Но между триумвирами не было искренняго согласія. Октавіанъ скоро отнялъ у Лепида его провинцію и искалъ случая лишить власти и Антонія. Хотя Антоній и превосходилъ Октавіана дарованіями, перевѣсъ, однако, былъ на сторонѣ послѣдняго. Между тѣмъ какъ Октавіанъ оставался въ центрѣ государства, подчинилъ себѣ сенатъ и образовалъ сильную сухопутную армію и военный флотъ, Антоній въ страшной безпечности оставался въ столицѣ Египта Александріи, въ полномъ подчиненіи у египетской царицы Клеопатры, сыновьямъ которой началъ раздавать римскія провинціи. Этимъ воспользовался Октавіанъ и побудилъ сенатъ отнять у Антонія начальство надъ азіятскими войсками, а Клеопатрѣ объявить войну. Но Антоній не по-

*) Съ этого времени Октавій сталъ именоваться Каемъ Юліемъ Цезаремъ Октавіаномъ.

виновался сенату и рѣшился защищать египетскую царицу. Между Октавіаномъ и Антоніемъ произошла морская битва у западныхъ береговъ средней Греціи (при мысѣ Акціумѣ). Флотъ Антонія былъ разбитъ; сухопутное войско перешло на сторону Октавіана. Антоній удался въ Египетъ, гдѣ лишилъ себя жизни. То-же сдѣлала и Клеопатра. Октавіанъ-же объявилъ Египетъ римскою провинціей (30 г. до Р. X.).

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ (30 г. до Р. X.—476 послѣ Р. X)

Правленіе Августа. (30 г. до Р. X.—14 г. по Р. X.). По смерти Антонія, у Октавіана не было уже соперниковъ, и онъ сдѣлался единовластнымъ правителемъ римскаго государства. Это явленіе считается началомъ Римской имперіи.

Народъ римскій, утомленный продолжительными междоусобными войнами, тѣмъ легче подчинился Октавіану, что послѣдній, наученный судьбою Цезаря, избѣгалъ видимыхъ знаковъ власти. Онъ сохранилъ только, вопреки обыкновенію, и во время мира главное начальство надъ всѣми военными силами съ титуломъ императора, т. е. военачальника. По прошествіи трехъ лѣтъ, въ 27 году до Р. X., Октавіанъ притворно объявилъ сенату, что хочетъ сложить съ себя и эту высшую военную власть и возвратиться къ частной жизни. Управимаемый сенатомъ Октавіанъ рѣшился взять на себя императорскую власть еще на 10 лѣтъ. За такое великодушіе сенатъ далъ Октавіану почетное имя Августа (т. е. священнаго, высокаго). Особа его была признана священною и неприкосновенною. И впослѣдствіи Августъ не разъ отказывался отъ власти и всякій разъ возобновлялъ ее для себя на 10 лѣтъ. Въ качествѣ предсѣдателя сената, Октавіанъ вполне подчинилъ его своей волѣ. Сенатъ собирался рѣдко и потерялъ свое значеніе. Республиканскія должности (консуловъ, трибуновъ, цензоровъ и пр.) Октавіанъ замѣстилъ преданными ему людьми и, уступая какъ-бы просьбамъ сената, самъ также принялъ на себя званіе всѣхъ высшихъ республиканскихъ должностей. Уже тотчасъ по смерти Антонія за Октавіаномъ была признана пожизненная трибунская власть, а въ 19 году сенатъ постановилъ, чтобы Августъ сохранилъ за собой пожизненно консульскую власть. Предоставленное Августу право издавать по своему усмотрѣнію законы — было уже явнымъ переходомъ къ самодержавному управленію. Хотя республиканскія учрежденія существовали еще по имени, въ дѣйствительности вся власть находилась въ рукахъ Октавіана. Онъ запретилъ, однакожь, называть себя государемъ или господиномъ (*dominus*).

Чуждый пышности, Августъ жилъ почти такъ-же просто, какъ жили тогда достаточные сенаторы. Самый дворець его мало чѣмъ отличался отъ палатъ богатыхъ оптиматовъ, развѣ только карауломъ изъ императорской гвардіи, преторіанцевъ, стоявшихъ у входа. Въ простой одеждѣ—обыкновенной сенаторской тогѣ—Октавіанъ часто ходилъ по городу одинъ, посѣщалъ сенатъ, народное собраніе, судилище и, какъ простой гражданинъ, вмѣшивался въ толпу, прислушивался къ преніямъ въ судѣ, подавалъ свое мнѣніе, выслушивалъ возраженія. Но, спрашивая мнѣнія сената и народа, когда онъ считалъ это нужнымъ, Августъ въ сущности рѣшалъ всѣ дѣла самъ. „Никто ему не оказывалъ сопротивленія“, говоритъ Тацитъ, „потому что отважные люди погибли въ битвахъ, или чрезъ проскрипціи, а остальная знать, получая, по мѣрѣ готовности къ раболѣпію, богатства и отличія и находя такимъ образомъ для себя выгоду въ новомъ порядкѣ вещей, предпочитала безопасность въ настоящемъ полному опасностей прошедшему“.

Сдѣлавшись самодержавнымъ правителемъ Римскаго государства, Августъ заботился о водвореніи порядка и благосостоянія въ потрясенномъ непрерывными смутами Римѣ и въ провинціяхъ, истощенныхъ подъ гнетомъ римскихъ намѣстниковъ. Три года провелъ Августъ въ путешествіи по провинціямъ, изучая бытъ подвластныхъ народовъ. Онъ привязалъ къ себѣ войско подарками, народъ—раздачею хлѣба, всѣхъ гражданъ—удобствами покоя. Чтобы имѣть средства для поддержанія расположенія черни не только даровою раздачею хлѣба, но и деньгами, и зрѣлищами цирка, Августъ учредилъ, помимо государственной казны или эрарія (aerarium), особую императорскую казну, или фискъ (fiscus), въ который мало-по-малу стеклись всѣ государственные доходы, такъ что, въ дѣйствительности, финансовое управленіе сосредоточилось въ рукахъ императора. Чтобы имѣть въ своемъ безграничномъ распоряженіи войско, Августъ удержалъ за собою управленіе всѣми пограничными провинціями, въ которыхъ, по причинѣ близости непріятелей, приходилось еще содержать постоянно легіоны. Остальными-же провинціями располагалъ сенатъ. Съ этого времени провинціи раздѣлялись на императорскія (provinciae principis) и сенатскія (provinciae senatis). Не мало способствовалъ также усиленію авторитета Августа, какъ главы всѣхъ военныхъ силъ государства, введенный имъ новый военный порядокъ, въ силу котораго каждый легіонеръ давалъ клятву личной вѣрности императору, а каждый офицеръ зависѣлъ отъ его прямаго назначенія.

Располагая большими средствами и желая прославить свое правленіе, Августъ украсилъ Римъ многими сооруженіями: двумя новыми громадными театрами и множествомъ мраморныхъ храмовъ, такъ что, по справедливости, могъ сказать о себѣ: „Я засталъ Римъ кирпичнымъ, а оставляю его мраморнымъ“. Августъ покровительствовалъ также писателямъ и лучшихъ изъ нихъ допускалъ въ свой домашній кругъ.

И во внѣшней политикѣ Августъ заботился о сохраненіи мира. Нѣ-

которыя войны, веденныя при немъ, имѣли цѣлью не расширеніе, а сохраненіе границъ. Особенно замѣчательна была война съ германцами, предпринятая для огражденія Галліи отъ ихъ набѣговъ. Римскіе легіоны не разъ переходили чрезъ Рейнъ, и слѣдствіемъ этихъ походовъ было подчиненіе Риму многихъ разрозненныхъ германскихъ племенъ. Одна-кожь, нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, выведенныя изъ терпѣнія притѣсненіями римскаго намѣстника Вара, соединились подъ предводительствомъ Арминія и разбили римскіе легіоны въ Тевтобургскомъ лѣсу (9 г. до Р. Хр.). Все римское войско было тутъ истреблено. Только немногіе спаслись отъ гибели, и чрезъ нихъ-то дошла въ Римъ вѣсть о несчастіи. Эта вѣсть произвела глубокую печаль въ Римѣ. Самъ Августъ былъ въ отчаяніи отъ потери своихъ легіоновъ. Потеря, повидимому, была не велика: погибло всего три легіона (около 23,000 человекъ); но велика была нравственная утрата: это пораженіе должно было поколебать убѣжденіе германцевъ въ непобѣдимости римскаго оружія.

Золотой вѣкъ римской литературы. Время правленія Августа, какъ и конецъ республики, считается золотымъ вѣкомъ римской литературы, процвѣтанію которой кромѣ мира, наступившаго съ прекращеніемъ смутнаго времени, способствовало покровительство Августа современнымъ ему писателямъ. Особеннаго изящества достигла въ это время поэтическая литература. Изъ писателей времени Августа всего болѣе замѣчательны *Виргилій, Горацій, Овидій и Титъ Ливій.*

Виргилій. Прежде всѣхъ ярко выдается изъ круга поэтовъ Августова вѣка по своему поэтическому таланту *Публий Виргилій Маронъ.* Изъ произведеній его замѣчательны: „*Буколики*“, „*Георгики*“ и всего болѣе „*Энеида*“. „*Буколики*“, т. е. произведенія пастушеской поэзіи, представляютъ рядъ идиллическихъ стихотвореній, изъ которыхъ каждое носитъ названіе эклоги. Основная идея ихъ — прославленіе мирнаго земледѣльческаго труда. „*Буколики*“ служили *Виргилію* средствомъ высказать тѣ чувства, которыя питалъ онъ къ своимъ покровителямъ *Августу* и *Меценату*, особенно же къ *Августу*, котораго онъ прямо называетъ своимъ вдохновителемъ. Но при всей прелести своихъ стиховъ, „*Буколики*“ болѣею частію не самостоятельны и представляютъ прямыя заимствованія у извѣстнаго греческаго поэта *Теокрита*, прославившагося своими идилліями. Гораздо болѣе замѣчательно произведеніе *Виргилія* „*Георгики*“, посвященное *Меценату*. Это—чисто-дидактическое произведеніе, представляющее какъ-бы руководство по сельскому хозяйству въ стихахъ, которымъ *Виргилій*, очевидно, имѣлъ цѣлью способствовать поднятію сельскаго хозяйства, потрясеннаго междоусобными войнами. Не смотря на свое дидактическое содержаніе, „*Георгики*“ носятъ на себѣ печать поэтическаго таланта, представляя множество замѣчательно-художественныхъ описаній. И въ „*Георгикахъ*“ *Виргилій* не опускаетъ случая прославить *Августа*, какъ установителя мира и благодѣтеля Рима. Но изъ всѣхъ произведеній *Виргилія* наибольшую славу доставила ему героическая поэма „*Энеида*“. Въ этомъ произведеніи сами римляне видѣли вышее произведеніе своего національнаго эпоса. По своему содержанію „*Энеида*“ распадается на двѣ части, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ 6 книгъ. Первая изображаетъ странствованіе троянца *Энея*, считавшагося родоначальникомъ римскаго народа, а вторая часть изображаетъ подвиги *Энея* въ Италіи. Прославляя *Энея*, *Виргилій* имѣетъ главнымъ образомъ цѣлью прославить подвиги *Августа*, какъ потомка рода *Юльевъ*,

который производили отъ Энея. Энеида представляетъ преднамѣренное подражаніе Гомеру, но, какъ произведеніе искусственное и написанное въ такую эпоху, которая представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенную противоположность гомеровскому времени, Энеида представляетъ лишь въ которое вѣдшее сходство съ знаменитѣйшими произведеніями національнаго греческаго эпоса, Илиадой и Одиссеей, съ которыми она не можетъ поэтому идти въ сравненіе. Хотя въ цѣломъ „Энеида“ стоитъ гораздо ниже гомеровыхъ поэмъ, она въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ представляетъ много возвышенно-поэтическихъ мѣстъ; особенно-же она замѣчательна по своему образцовому языку. Эта-то высоко-образцовая форма произведенія, независимо отъ его содержанія, и дѣлала „Энеиду“ въ глазахъ римскихъ писателей образцомъ, выше котораго латинская рѣчь ничего не производила.

Гораций. Несравненно болѣе самобытный характеръ имѣютъ произведенія другаго поэта вѣка Августа—Горация, замѣчательнѣйшаго римскаго лирика и сатирика. Біографія этого писателя имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что ею въ значительной степени объясняется характеръ литературной дѣятельности его.

Гораций родился всего пятью годами позже Вергилія (65 д. до Р. Хр.) въ значительномъ городѣ Италіи (Венузіи). Сынъ вольноотпущенника, занимавшаго въ обществѣ невысокое положеніе (сборника податей), Гораций, благодаря своимъ дарованіямъ и заботамъ отца, не щадившаго на воспитаніе сына никакихъ издержекъ, получилъ отличное образованіе въ римскихъ школахъ; онъ познакомился съ греческой и римской литературами, съ грамматикой, риторикой и отчасти философіей. Не довольствуясь этимъ, Гораций въ юношескихъ лѣтахъ отправился для довершенія образованія въ Аѳины. Знакомый съ греческимъ языкомъ еще на родинѣ, Гораций предался въ Аѳинахъ серьезному изученію греческой литературы, особенно поэтической, внушившей ему то благоговѣніе передъ высокими созданіями греческаго искусства, которое онъ сохранилъ на всю жизнь и не разъ высказываетъ въ своихъ произведеніяхъ. Политическія смуты, которыя переживала Римъ въ тяжелыя времена переходнаго состоянія Рима отъ республики къ имперіи, оторвали на время Горация отъ литературныхъ занятій. Во время борьбы триумвировъ съ Брутомъ и Кассіемъ, защитниками республиканской свободы, Гораций, увлеченный патріотическимъ чувствомъ, вмѣстѣ со многими другими юношами сталъ въ ряды республиканцевъ, собравшихся вокругъ Брута, и служилъ подъ знаменами его въ званіи военнаго трибуна. Но послѣ совершеннаго пораженія республиканцевъ при Филиппахъ, вопросъ о существованіи республики былъ окончательно рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Брутъ и Кассій сами лишили себя жизни, а уцѣлѣвшіе защитники республиканской свободы или передались на сторону побѣдителя, или же искали спасенія въ бѣгствѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Гораций; въ этомъ онъ самъ откровенно признается. Въ это время Гораций былъ еще только 22-хъ-лѣтнимъ юношею; но бурныя событія, при которыхъ протекла вся его юность и въ которыхъ онъ принималъ уже дѣятельное участіе, не могли пройти безъ вліянія на впечатлительную душу Горация и на его политическія убѣжденія. Этимъ вліяніемъ объясняется переходъ Горация безъ всякой почти борьбы съ самимъ собою изъ республиканскаго лагеря въ монархическій. Это былъ со стороны Горация вполне честный переходъ отъ безконечной анархіи доживающей республики на сторону государственнаго порядка, утвердившагося въ началѣ имперіи и созданнаго Октавіаномъ Августомъ. Не имѣя передъ собою никакой политической карьеры, Гораций посвятилъ себя всецѣло литературѣ, въ которой и нашелъ свое истинное призваніе. Знакомство съ лучшимъ обществомъ своего времени и особенно съ литературнымъ кружкомъ, собравшимся вокругъ Мецената, наконецъ дружба съ самимъ Меценатомъ—все это окончательно вывело Горация на литературное поприще. Но вращаясь въ обществѣ Мецената, а потомъ и Августа, Гораній, благодаря необыкновенному таланту

и чувству самоуваженія, сумѣлъ сохранить свою нравственную независимость. Съ Августомъ Горацийъ никогда не былъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ, не смотря на все расположеніе къ нему Августа и на желаніе его приблизить Горация къ себѣ. Горацийъ даже всячески избѣгалъ большаго сближенія съ нимъ; но когда съ единовластіемъ Августа водворились въ Римѣ спокойствіе и внутреннее благосостояніе, въ которыхъ, по убѣжденію Горация, всего болѣе нуждалось тогда государство, то онъ совершенно искренно считалъ себя въ правѣ воспѣвать подвиги Августа и молить Юпитера о долговѣчномъ сохраненіи его для чести и славы Рима.

Первыя произведенія Горация были сатиры и эподы, потомъ уже слѣдовали чисто-лирическія произведенія и посланія. Въ своихъ сатирахъ Горацийъ свободно и съ психологическою вѣрностію рисуетъ картины нравовъ своего времени въ юмористическомъ духѣ, не преслѣдуя пороковъ отдѣльныхъ лицъ, а отмѣчая въ шутивомъ тонѣ смѣшныя стороны общественной жизни, ибо по мнѣнію Горация шутка въ большей части случаетъ разить сильнѣе и лучше, чѣмъ рѣзкое слово*). Дѣйствительно, въ своихъ сатирахъ Горацийъ болѣею частію бесѣдуетъ съ читателемъ остроумнымъ пріятно-шутливымъ тономъ о разныхъ уродливыхъ явленіяхъ общественной жизни, только мимоходомъ задѣвая своихъ враговъ: то онъ передаетъ свой разговоръ съ чудакомъ, нашедшимъ высшую мудрость въ гастрономіи, то онъ представляетъ юмористическую картину изученія ходячей въ то время науки приобрѣтенія наслѣдствъ отъ богатыхъ стариковъ; то просто рассуждаетъ о предметахъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего сатирическаго, какъ напр. о пріятности уединенія въ своемъ новомъ сабинскомъ помѣстьѣ, подаренномъ ему Мecenатомъ, въ противоположность шумной жизни Рима. Самую большую и вмѣстѣ съ тѣмъ главную часть произведеній Горация составляютъ оды (*carmina*), на которыхъ преимущественно основана слава его. Нѣкоторыя оды Горация составляютъ лишь прямое подражаніе Сафо, Анакреону и другимъ греческимъ лирикамъ.

Письмами или посланіями (*epistolae*) заключалась литературная дѣятельность Горация. Письма эти двоякаго рода: одна часть ихъ представляетъ посланія къ друзьямъ и знакомымъ по частнымъ случаямъ, другая-же категорія писемъ принадлежитъ къ дидактическимъ произведеніямъ и содержитъ въ себѣ поучительныя рассужденія о различныхъ вопросахъ житейской мудрости, или же рассужденія объ исторіи и теоріи литературы. Таково, напр., посланіе его къ Августу, представляющее въ краткомъ очеркѣ исторію латинской поэзіи. Вѣнецъ-же посланій Горация составляетъ его посланіе къ Пизонамъ, извѣстное болѣе подъ названіемъ—*de arte poetica*. Здѣсь Горацийъ излагаетъ настоящую теорію поэтическаго искусства.

Вообще римская лирика достигла въ произведеніяхъ Горация своего апогея такъ-же, какъ въ произведеніяхъ Вергілія—эпическая.

Овидій. Публий Овидій Назонъ родился въ 43 г. до Р. Хр. и происходилъ изъ всадническаго сословія. Уже съ дѣтскихъ лѣтъ проявлялъ онъ страсть къ занятію поэзіей, въ юности-же эта страсть была такъ велика, что какъ онъ ни старался писать прозой, у него изъ-подъ пера неволью выходили стихи. Достигши зрѣлаго возраста, Овидій, по желанію отца, вступилъ въ государственную службу, въ которой и прошелъ нѣсколько низшихъ должностей. Но государственная служба не соотвѣтствовала его наклонностямъ, и онъ вскорѣ бросилъ ее для литературныхъ занятій. Послѣ этого онъ всецѣло предался поэзіи. Овидій былъ, дѣйствительно, поэтомъ по природѣ, по призванію, по страсти. По его словамъ, онъ былъ исполненъ такого благоговѣнія къ представителямъ тогдашней поэтической литературы, что cadaго изъ нихъ онъ почиталъ божествомъ.

Произведенія, въ которыхъ Овидій прежде всего нашелъ свое призваніе и которыя, по собственнымъ его словамъ, приобрѣли ему въ цѣломъ Римѣ громкую.

*) *Ridiculum acri fortius ac melius magnas plerumque secat res* (Sat. lib I. c. X, 14).

извѣстность, были его любовныя элегіи, извѣстныя подъ именемъ „Amores“. Предметомъ этихъ элегіи служатъ по преимуществу любовныя похождения самого поэта, дѣйствительныя или мнимыя. Въ своихъ любовныхъ элегіяхъ Овидій обнаружилъ большой стихотворный талантъ, о которомъ свидѣтельствуется самъ поэтъ, говоря, что стихъ у него складывался самъ собой, лишь только онъ начиналъ говорить; кромѣ того, онъ обнаружилъ также много остроумія и знанія человѣческаго сердца. При всемъ томъ легкомысленныя по своему содержанію элегіи Овидія много уступаютъ его поэтическимъ произведеніямъ болѣе зрѣлаго періода— „Метаморфозамъ“ и „Фастамъ“. Въ „Метаморфозахъ“ или „Превращеніяхъ“ Овидій разсказывалъ о происхожденіи міра, объ образованіи земли и живущихъ на ней тварей, о всемірномъ потопѣ, истребившемъ нечестивый родъ людской; о новомъ племени людей, произведенномъ Девкаліономъ и Пиррой; далѣе Овидій воспроизвелъ цѣлый рядъ поэтическихъ сказаній о богахъ и людяхъ, подвергшихся превращеніямъ. Всѣ эти сказанія связаны между собой хронологическою нитью и оканчиваются смертію Юлія Цезаря, превратившагося, по сказанію, въ звезду. „Метаморфозы“ Овидія, кромѣ заимствованія содержанія мифовъ, представляютъ совершенно самобытное произведеніе его поэческаго таланта и отличаются особымъ изяществомъ и легкостію изложенія. Въ одно время съ „Метаморфозами“ Овидій сталъ заниматься изслѣдованіемъ происхожденія, равно какъ и описаніемъ римскихъ праздниковъ и религиозныхъ обрядовъ, что составляетъ изложенное въ поэтической формѣ содержаніе „Фастовъ“.

Среди этихъ серьезныхъ занятій, въ жизни Овидія случился переворотъ, измѣнившій совершенно его судьбу и прервавшій правильный ходъ развитія его поэческаго таланта. Это было изгнаніе Овидія въ ссылку вслѣдствіе неожиданнаго распоряженія Августа. Мѣстомъ этой ссылки былъ городъ Томи, лежавшій на сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря, недалеко отъ Дуная. Причина этого внезапнаго изгнанія Овидія до сихъ поръ неизвѣстна и составляетъ предметъ различныхъ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ. Овидій заключаетъ собою рядъ первостепенныхъ поэтовъ Августова вѣка. Кромѣ этихъ первоклассныхъ поэтовъ, вѣкъ Августа изобилывалъ также множествомъ второстепенныхъ писателей, которые имѣли свою долю въ литературномъ движеніи своего времени.

Титъ Ливій былъ родомъ изъ Падуи (др. Patavinum, откуда и прозваніе его Patavinus) и родился въ 59 г. до Р. X. Получивши хорошее первоначальное образованіе въ школахъ своего отечественнаго города и поселившись затѣмъ въ Римѣ, Ливій всецѣло посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ. Обративъ на себя вниманіе Августа, онъ сблизился съ его семействомъ. Это сближеніе не имѣло большаго вліянія на стѣсненіе свободы повѣствованія Ливія, что видно уже изъ того, что онъ даже о Брутѣ и Кассіѣ отзывался, какъ о знаменитыхъ людяхъ, что нисколько, однакожъ, не повредило дружескимъ отношеніямъ между Ливіемъ и Августомъ. Вся жизнь Ливія протекла въ занятіяхъ литературой; умеръ онъ уже въ глубокой старости (17 г. по Р. X.). Большую часть своей долготѣйшей жизни, именно около 40 лѣтъ, посвятилъ Ливій своему обширному историческому труду. Между литературными трудами Т. Ливія, кромѣ его знаменитой исторіи (Historiae Romanae), указываются древними его „Диалоги“, сочиненіе полуисторическаго и полупоэтическаго содержанія, и сочиненія риторическаго содержанія. Сочиненіе, обезсмертившее имя Ливія, есть исторія римскаго государства, начатая разсказомъ о прибытіи троянцевъ въ Италію и доведенная до его времени, именно до смерти Друза, то-есть до 9-го года до Р. X. Къ сожалѣнію, римская исторія Ливія не дошла до насъ въ цѣлости; изъ 142 книгъ дошло только 35, именно декады *) 1-я, 3-я, 4-я и половина 5-й до 167 года до Р. X.

*) Впрочемъ, дѣленіе на декады не принадлежитъ самому Ливію, хотя первоначальное подраздѣленіе исторіи Ливія на извѣстные отдѣлы по содержанію не подлежитъ сомнѣнію.

Исторія Тита Ливія проникнута вся нравственно-патріотическимъ духомъ, что высказывается уже ясно въ предисловіи къ исторіи римскаго государства. Какова бы ни была судьба предпринимаемаго имъ труда, говоритъ тутъ Ливій, ему во всякомъ случаѣ ужъ то доставитъ удовлетвореніе, что и онъ по мѣрѣ силъ содѣйствовалъ сохраненію памяти о дѣйствіяхъ перваго на землѣ народа. Ливій хочетъ обратить вниманіе своихъ читателей, главнымъ образомъ, на то, при какихъ нравахъ созидалось величіе Рима, какіе люди и какія средства способствовали возвышенію его и какъ затѣмъ постепенно усиливавшееся паденіе нравовъ привело римлянъ къ современной ему эпохѣ, когда люди не въ состояніи болѣе ни совпадать съ своими пороками, ни найти средствъ противъ нихъ, Ливій ищетъ въ содержаніи древнихъ подвиговъ Рима утѣшенія отъ созерцанія современныхъ золъ, такъ долго терзавшихъ отечество. Онъ старается выдвинуть и освѣтить яркимъ свѣтомъ величіе и доблесть римскаго народа (*virtus populi Romani*) въ періодъ его славы, чтобы пробудить этимъ въ современномъ поколѣніи уснувшее чувство гражданскаго долга и великихъ дѣлъ. Изслѣдованіе же событій, критическое отношеніе къ нимъ такъ же, какъ и къ источникамъ, которыми онъ пользовался—все это представляло въ глазахъ Ливія послѣднее дѣло. Трудъ Ливія болѣею частію чисто-компилятивный, т. е. составленный по второстепеннымъ источникамъ, именно по сочиненіямъ предшествовавшихъ ему анналистовъ и историковъ. Ливій даже не воспользовался многими первоначальными и драгоценными для него источниками, которые онъ могъ имѣть подъ руками, какова, напр., „большая лѣтопись понтификсовъ“, важнѣйшій памятникъ официальной исторіи Рима. Но и источниками второй руки онъ не воспользовался вполнѣ должнымъ образомъ, не сдѣлавъ между ними тщательнаго выбора. Впрочемъ, благодаря вѣрному чутью, Ливій отдавалъ предпочтеніе старымъ анналистамъ предъ новыми, съ 3-ей-же декады имѣлъ вѣрнаго руководителя въ греческомъ историкѣ Поливіи. Современные критики Ливія ставятъ ему также въ укоръ недостатокъ прагматизма, то-есть связнаго изложенія событій въ ихъ причинной связи, кромѣ того, многія неточности, пропуски, противорѣчія, смѣшеніе эпохъ и т. п. Древніе писатели были чужды современной критической точки зрѣнія при оцѣнкѣ Т. Ливія. Они оцѣнивали его исключительно съ литературной стороны и восхищались его изложеніемъ, его краснорѣчіемъ (*eloquentia*) и спокойнымъ, мягкимъ, добродушнымъ тономъ въ отношеніи къ описываемымъ лицамъ и событіямъ (*sandor*). Дѣйствительно, сила Ливія заключается въ его изложеніи. Замѣчательно соотвѣтствіе въ изложеніи между рассказомъ и предметомъ, о которомъ повѣствуется: важность и строгость тона въ повѣствованіи о предметахъ возвышенныхъ, простота въ изображеніи событій обыкновенныхъ, живость и ясность въ описаніяхъ. Оживленію рассказа способствуютъ также рѣчи, влагаемыя Ливіемъ въ уста героевъ повѣствованія. Эта особенная живость изложенія и сила выраженій, обусловливаемая возвышеннымъ настроеніемъ мысли, сдѣлали Ливія первостепеннымъ писателемъ древности и образцомъ краснорѣчія.

Послѣдніе годы жизни Августа были омрачены семейными раздорами. Третья жена его Ливія, женщина властолюбивая и коварная, преслѣдовала со всею ненавистью единственную дочь его Юлію отъ втораго брака, и ея сыновей. Двое изъ нихъ, на которыхъ Августъ возлагалъ свои лучшія надежды, умерли преждевременно, отравленные, какъ подозревали, Ливією; третьяго внука онъ самъ принужденъ былъ сослать за его дивій и необузданный нравъ. Мужественный пасынокъ Августа Друзъ погибъ еще во цвѣтѣ лѣтъ въ войнахъ съ германцами. Въ такомъ положеніи Августъ, желая сдѣлать свою власть наследственной, усыновилъ другаго, нелюбимаго имъ пасынка Тиберія (отъ перваго брака

Ливіи съ Тиберіемъ Клавдіемъ Нерономъ) и еще при жизни своей сдѣлалъ его соучастникомъ въ управленіи. Такимъ образомъ, когда не стало Августа, Тиберій остался фактическимъ наслѣдникомъ императорской власти.

Тиберій (14—37 г. по Р. Хр.). Когда Тиберій сдѣлался императоромъ, онъ былъ уже не молодъ: ему было за 50 лѣтъ. Это былъ чело-вѣкъ очень умный, даровитый и образованный, знатокъ греческой и римской литературы, а также знаменитый полководецъ, составившій себѣ уже имя походами противъ племенъ придунайскихъ; при этомъ онъ былъ чело-вѣкъ лицемѣрный, скрытный, крайне подозрительный и жестокій. Но, несимпатичный какъ чело-вѣкъ, Тиберій былъ хорошимъ администраторомъ и настоящимъ организаторомъ имперіи на тѣхъ именно началахъ, которыя заложены были Цезаремъ и развиты Августомъ.

Первые годы правленія Тиберія были счастливы для народа. Не терпя низкой лести, Тиберій отказался отъ поднесеннаго ему сенатомъ громкаго титула „отца отечества“, даже не любилъ, чтобы его называли „господиномъ“, а тѣмъ менѣе допускалъ обоготвореніе его сенатомъ. Тиберій говорилъ, что для рабовъ онъ господинъ, для войска—императоръ, а въ сенатѣ подписывался только „princeps“. Въ отношеніи уцѣлѣвшихъ еще отъ республики учреждений и властей, Тиберій дѣйствовалъ сначала также съ осторожностію и умѣренностію, не проявляя произвола. „Государственныя и особенно важныя дѣла частныхъ лицъ, говорить Тацитъ, обсуждались сначала въ сенатѣ. Первымъ сенаторамъ поручалось высказывать свое мнѣніе, и самъ Тиберій останавливалъ тѣхъ, которые впадали въ лесть. Консулы и преторы сохраняли свой внѣшній блескъ, и даже низшія должности пользовались на самомъ дѣлѣ присвоенною имъ властію“. Внѣшняя политика Тиберія отличалась благо-разумной сдержанностію и настойчивостію такъ же, какъ и отношеніе его къ легионамъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ, особенно въ отправленіи судебныхъ обязанностей, Тиберій обнаруживалъ чрезвычайную дѣятельность, и желаніе его все дѣлать, все видѣть самому переходили у него даже въ мелочность и педантизмъ. Постигаемые какимъ-либо невольнымъ несчастіемъ, его подданные находили въ немъ всегда покровителя: такъ, не разъ помогалъ онъ жителямъ Рима, когда имъ приходилось страдать отъ сильныхъ пожаровъ; точно также обнаружилъ онъ гуманную заботливость о малоазійскихъ провинціяхъ, пострадавшихъ отъ землетрясенія. Вообще онъ заботился о народѣ, кормилъ его, но играми не забавлялъ. Особенно было обращено вниманіе Тиберія на провинціи. Онъ заботился о томъ, чтобы провинціи не обременялись новыми налогами, и чтобы прежніе не увеличивались вслѣдствіе корыстолюбія и жестокости чиновниковъ. Относительно злоупотребленій онъ былъ безпощадно строгъ; жалобы провинціаловъ находили его всегда готовымъ выслушивать ихъ; онъ самъ производилъ слѣдствія строго и безпристрастно. Его крайняя бережливость была также въ пользу провинцій. Словомъ, для провинцій

Тиберій былъ и остался отличнымъ правителемъ; имя его было благословляемо не въ одной провинціи. Но относительно Рима правленіе Тиберія мало-по-малу приняло характеръ жестокой и тираннической, обрушившейся особенно на сенатскія аристократическія фамиліи и вообще на всѣхъ тѣхъ, которыя чѣмъ-либо возбуждали его постоянно возраставшую подозрительность. Усиленіе этой подозрительности въ Тиберіи обусловливалось, впрочемъ, не только личными, природными свойствами его, сколько еще болѣе общимъ политическимъ положеніемъ Рима по смерти Августа.

Положеніе Тиберія при вступленіи его на престолъ было, дѣйствительно, довольно затруднительно. Августу легко было забрать всю власть въ свои руки, такъ какъ ему помогала въ этомъ всеобщая потребность въ успокоеніи государства. Но за 44 года правленія Августа Римъ успѣлъ отдохнуть отъ утомленія междоусобными войнами и выросло новое поколѣніе; тогда вновь образовались партіи, и особенно высоко подняла на время голову партія республиканская, партія сената, къ которой принадлежала вся аристократія. Не смотря на введеніе въ сенатъ значительнаго числа плебеевъ и провинціаловъ, духъ корпораціи въ немъ все еще держался, и наружная льстивая покорность сената, даже его проявлявшееся нерѣдко раболѣпіе не скрывали сущности дѣла отъ пронизательнаго Тиберія. Онъ понималъ, что сенатъ, который терпѣлъ Августа ради его обстоятельствъ, смотритъ на него какъ на человѣка, незаконно захватившаго власть. И, дѣйствительно, многіе сенаторы считали себя имѣющими такое-же право на престолъ, какъ и самъ Тиберій. Все это, при свойственной Тиберію подозрительности и несамоуверенности, помогало развиваться темнымъ сторонамъ его характера. Тиберій передалъ сенату отнятое имъ у народнаго собранія право избирать сановниковъ, рассчитывая, что на сенатъ онъ могъ легче вліять при выборахъ, чѣмъ на массу народа; но этимъ самымъ онъ только возвысилъ значеніе наиболѣе опасной для него корпораціи. Прежняя глухая оппозиція сенатской партіи стала все болѣе усиливаться и явно, хотя и нерѣшительно, высказывалась въ сенатскихъ засѣданіяхъ. Между тѣмъ, сознаніе Тиберіемъ своей непопулярности, по его собственному убѣжденію вовсе незаслуженной, все болѣе раздражало его противъ аристократіи, дѣлало его завистливымъ и ревнивымъ ко всякому выраженію народной любви къ другимъ и постепенно довело его до невѣроятнаго страха и подозрительности ко всѣмъ окружающимъ. Такимъ образомъ жертвою его подозрительности погибъ талантливый и всѣми любимый племянникъ Тиберія—Германникъ, который своими блестящими походами въ Германіи и приобрѣтенной тамъ военной славой, какъ и вообще своею популярностью, возбудилъ опасенія Тиберія. Подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ отозвалъ онъ Германника съ театра войны и далъ ему чрезвычайное порученіе на Востокѣ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ. Молва говорила, что онъ былъ отравленъ по внушенію самого Тиберія

намѣстникомъ Сиріи, Пизономъ. Это было на 21 году по Р. X. Затѣмъ съ каждымъ годомъ правленіе Тиберія принимало все болѣе жестокой характеръ. Это обнаружилось особенно въ частомъ и деспотическомъ примѣненіи изданнаго еще прежде закона объ оскорбленіи величества (*lex laesae majestatis* или просто *lex majestatis*) и въ поощреніи доносовъ. Правда, законъ этотъ былъ введенъ впервые не Тиберіемъ, но при немъ получилъ онъ болѣе широкое приложеніе, чѣмъ было это прежде. Законъ объ оскорбленіи величества существовалъ еще во время республики, но первоначально онъ имѣлъ цѣлью возвысить достоинство народныхъ трибуновъ (*lex Aruleia*, 100 г. до Р. X.) и всякое покушеніе противъ ихъ привилегій разсматривалось, какъ; покушеніе на величіе и достоинство республики. По этому же закону наказывалось всякое униженіе чести римскаго народа, всякая государственная измѣна. Августъ первый воспользовался этимъ закономъ для преслѣдованія письменныхъ пасквилей (*famosi libelli*) противъ императора; но примѣровъ преслѣдованія за простое злорѣчіе въ правленіе Августа не встрѣчается. При Тиберіи-же законъ объ оскорбленіи величества получилъ такое широкое распространеніе, что въ силу его преслѣдовались даже тѣ, которые позволяли себѣ неприличное выраженіе предъ изображеніемъ императора, что объясняется отчасти отождествленіемъ въ періодъ имперіи личности государя съ самимъ государствомъ. Естественно, что расширеніе этого закона должно было чрезвычайно увеличить число доносовъ и ложныхъ обвиненій, между тѣмъ какъ въ первый періодъ своего правленія Тиберій постоянно почти игралъ роль умѣрителя излишняго усердія доносчиковъ и судей.

Но за то уже со второй трети своего правленія Тиберій начинаетъ явно покровительствовать доносчикамъ, и делаторство достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Тогда-то личная безопасность въ Римѣ совершенно исчезла; даже дошло до того, что дѣти стали доносить на родителей. Этотъ новый мрачный періодъ начинается на девятомъ году правленія Тиберія (23 г. по Р. X.), съ того времени, какъ онъ подпалъ подъ особенное вліяніе префекта преторіанской гвардіи Сеяна, человѣка вкрадчиваго, низкаго и властолюбиваго. Сеянъ до того опуталъ Тиберія, что послѣдній официально призналъ его помощникомъ въ правленіи. Но, не довольствуясь этимъ, Сеянъ задумалъ самъ овладѣть верховною властью. Первымъ шагомъ къ осуществленію этой цѣли была придуманная имъ реформа въ преторіанской гвардіи. Чтобы найти для себя опору въ преторіанцахъ, Сеянъ предложилъ Тиберію построить для нихъ укрѣпленный лагерь въ самомъ Римѣ *). Тиберій, вполне довѣряя Сеяну, далъ свое

*) Первоначально преторіанцы составляли постоянную стражу полководца изъ избраннаго войска. Когда Августъ сдѣлался единовластителемъ, то онъ придвинулъ къ самому Риму преторіанскую стражу, которая находилась при немъ для храненія его особы, какъ императора или начальника войска, и вмѣстѣ съ тѣмъ служила для поддержанія порядка въ столицѣ. Но при Августѣ около Рима сосредоточено было не болѣе трехъ

согласіе, и въ Римѣ сосредоточено было до 10,000 преторіанцевъ. Но, чтобы еще вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, Сеянъ рѣшился погубить всѣхъ членовъ императорской фамиліи. Первою жертвою этого преступнаго плана палъ сынъ Тиберія—Друзъ. Затѣмъ ему удалось погубить Агриппину, жену Германника, съ двумя ея сыновьями, вооруживъ противъ нихъ Тиберія. Наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ самого Тиберія, Сеянъ уговорилъ его удалиться изъ Рима для отдыха на о. Капрею (нынѣ Капри), гдѣ онъ и провелъ послѣдніе годы своей жизни, предаваясь самому грубому разврату. Между тѣмъ, въ то время, какъ Тиберій жилъ на о. Капреѣ, охраняемый стражей и почти ни для кого недоступный, главнымъ распорядителемъ въ Римѣ былъ Сеянъ, который уже явно стремился къ неограниченной власти. Однакожъ, честолюбивые замыслы Сеяна были открыты, и онъ погибъ. Но, съ гибелью Сеяна, жестокости Тиберія не только не прекратились, а еще усилились. Оставаясь жить на Капреѣ, Тиберій еще съ большею жестокостью, чѣмъ прежде, продолжалъ преслѣдовать и истреблять аристократію. Особенно подверглись гоненію и казнямъ всѣ друзья и приближенные Сеяна. Наконецъ на 78 году Тиберій умеръ насильственною смертію, задушенный преемникомъ Сеяна, префектомъ преторіанцевъ Макрономъ, который провозгласилъ императоромъ усыновленнаго Тиберіемъ Кая Цезаря, сына Германника.

Кай Калигула (37—41 г. по Р. Хр.). Наслѣдовавшій Тиберію Кай Цезарь, прозванный еще въ дѣтствѣ Калигулою, былъ радостно привѣтствованъ римскимъ народомъ при вступленіи на престолъ. Этому способствовали и страшная ненависть къ Тиберію, и память объ отцѣ Калигулы Германникѣ, и надежды, возбужденныя первыми актами правленія новаго императора. Дѣйствительно, въ первые 7 мѣсяцевъ онъ сдѣлалъ много хорошаго. Онъ началъ тѣмъ, что отмѣнилъ законъ о преступленіи противъ величества, возвратилъ всѣхъ изгнанныхъ; онъ разрѣшилъ также не только чтеніе, но даже продажу сочиненій, написанныхъ въ республиканскомъ духѣ, между тѣмъ какъ при Августѣ и при Тиберіи такія сочиненія и авторы ихъ преслѣдовались. Однако уже въ первое время правленія Калигулы проявлялись иногда признаки его умственного разстройства, а не болѣе какъ черезъ годъ по вступленіи на престолъ помѣшательство его обнаружилось самымъ явнымъ и жестокимъ образомъ. Расточивъ громадный запасъ сокровищъ, сбереженныхъ Тиберіемъ. Калигула, нуждаясь въ денежныхъ средствахъ для поддержанія народной любви, напелъ самый легкій способъ пополнять казну чрезъ конфискацію частной собственности. Закона объ оскорбленіи величества

преторіанскихъ когортъ, которыя жили за городомъ въ казармахъ; остальные-же расположены были въ сосѣднихъ Риму городахъ. Со времени-же Тиберія преторіанцы утвердились въ самомъ Римѣ, и съ этого времени ихъ гибельное вліяніе стало быстро возрастать.

онъ не возстановилъ, но онъ просто началъ убивать богатыхъ и знатныхъ гражданъ, ненавистныхъ и подозрительныхъ ему почему бы то ни было, безъ всякаго предварительнаго суда и слѣдствія; при этомъ самыя противорѣчивыя и нелѣпыя предлоги служили къ обвиненію. Съ каждымъ днемъ увеличивались раздражительность и сумасшествіе Калигулы. Для своей любимой лошади онъ учредилъ особый придворный штатъ и сдѣлалъ ее членомъ коллегіи жрецовъ, которую онъ учредилъ для того, чтобы она воздавала ему божескія почести. Правда, еще до Калигулы начался обычай причислять къ богамъ императоровъ, но только по смерти; ихъ Калигула сталъ требовать себѣ божескаго поклоненія еще при жизни. Онъ поставилъ свою статую въ храмъ Юпитера Капитолійскаго; но затѣмъ выстроилъ себѣ особый храмъ, гдѣ по нѣсколькимъ часамъ стоялъ на пьедесталѣ и принималъ поклоненіе. И въ этомъ умудрился безумный Калигула найти новый источникъ для поправленія денежныхъ средствъ, продавая мѣста жрецамъ за большія деньги. Четыре года терпѣли римляне унижительное владычество Калигулы. Наконецъ противъ него составился заговоръ изъ нѣкоторыхъ преторіанцевъ, и онъ былъ убитъ въ самомъ дворцѣ.

Клавдій (41—54). По умерщвленіи Калигулы, сенатъ собрался немедленно для совѣщанія объ установленіи новаго правительства. Мнѣніе большинства было возстановить республику, и даже полицейскія когорты Рима были отчасти на сторонѣ сената; но замѣчательно, что внѣ сената и небольшого числа преторіанцевъ, согласныхъ съ его мнѣніемъ, мысль о возстановленіи республики не встрѣтила ни малѣйшаго сочувствія. Между тѣмъ, какъ сенатъ продолжалъ еще совѣщаться о формѣ правленія, новый императоръ былъ уже провозглашенъ преторіанцами. То былъ дядя Калигулы, Тиберій Клавдій Неронъ, братъ Германника. Клавдій, безобразный на видъ, въ высшей степени странный и разсѣянный, былъ при всемъ томъ человѣкъ здравомыслящій, образованный и съ благородными порывами. Во все время своего правленія онъ находился, однако, въ значительной степени подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему вольноотпущенниковъ изъ образованныхъ грековъ, нерѣдко злоупотреблявшихъ его довѣріемъ и разсѣянностью и совершавшихъ отъ его имени большія жестокости. Еще болѣе злоупотребляла довѣріемъ Клавдія и вліяніемъ на него третья жена его, Мессалина, женщина крайне развратная и впослѣдствіи казненная по его приказанію. Но, помимо всѣхъ слабыхъ сторонъ въ личности и дѣятельности Клавдія, правленіе его имѣетъ важное значеніе по характеру его внутренней и внѣшней политики. Въ своей внутренней политикѣ онъ взялъ себѣ въ образецъ Октавіана. Его умѣренность относительно личныхъ почестей, его уваженіе къ сенату и сохраненіе за нимъ его законной юрисдикціи, обновленіе сената принятіемъ въ него знатныхъ людей изъ Галліи, Испаніи и Африки, его любовь къ справедливости и неутомимая судебная дѣятельность, его отеческая заботливость о провинціяхъ, стрем-

леніе къ уравненію ихъ въ правахъ съ Римомъ и къ распространенію въ нихъ римскаго образованія, его заботы объ улучшеніи положенія рабовъ, его религіозная терпимость къ евреямъ и запрещеніе кроваваго культа друидовъ въ Британніи, основаніе нѣсколькихъ важныхъ колоній (нын. Кельна, Трира и др.), предпріятіе нѣкоторыхъ важныхъ публичныхъ сооружеій (постройка порта въ Остіи, сооруженіе водопроводовъ въ Римѣ),—все это вмѣстѣ взятое доказываетъ, что Клавдій, вопреки крайне рѣзкому осужденію его Тацитомъ, былъ правитель умный и дѣятельный. Внѣшняя его политика отличалась также разумностію и твердостію, и веденныя имъ войны были необходимы и цѣлесообразны: походъ въ Британнію и основаніе тамъ колоній обезопасили Галлію отъ бриттовъ, а походъ за Атласъ обезопасилъ отъ бедуиновъ провинцію Африку.

По смерти Мессалины, Клавдій вступилъ въ новый бракъ съ Агриппиною, сестрою Калигулы, отличавшеюся умомъ и красотой, но еще въ гораздо большей степени—безнравственностію и властолюбіемъ. Сдѣлавшись женою Клавдія, она обратила всѣ свои помыслы на то, чтобы назначить наслѣдникомъ престола своего сына отъ перваго брака Люція Домиція, вмѣсто сына Клавдія отъ Мессалины—Британника. По настоянію Агриппины, Клавдій усыновилъ своего пасынка, и по этому поводу Домицій принялъ имя Нерона, которое было въ большомъ почтеніи въ семействѣ Клавдія. Затѣмъ, сблизившись съ начальникомъ преторіанцевъ, Бурромъ, и обезпечивъ себѣ ихъ помощь, Агриппина рѣшилась, для доставленія престола своему сыну, погубить Клавдія. Вскорѣ онъ и умеръ отъ отравы, по проискамъ Агриппины. Благодаря содѣйствію Бурра и щедрымъ обѣщаніямъ, полученнымъ преторіанцами отъ Нерона, послѣдній былъ, по смерти Клавдія, провозглашенъ немедленно императоромъ (54 г.); сенату-же оставалось только дать свое согласіе.

Нерону было 17 лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ престолъ отъ Клавдія. Это былъ юноша воспримчивый и одаренный внѣшними артистическими способностями къ рисованію, пѣнію, наѣздничеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне слабый и податливый, привыкшій постоянно подчиняться чужой волѣ и почти вовсе неспособный ни къ серьезному дѣлу, ни къ строгому самостоятельному сужденію; самый-же сильный порокъ его былъ полное отсутствіе всякаго нравственнаго чувства и убѣжденія, дѣлавшее его способнымъ на всякое злодѣяніе. Мудрено, впрочемъ, было развиться нравственному чувству и сознанію нравственнаго долга въ той развратной, испорченной средѣ, въ которой выросъ будущій повелитель Рима. Отъ извѣстной своими порочными наклонностями и злодѣяніями Агриппины и не менѣе порочнаго перваго мужа ея — Димитрія Агенобарба—могло, по откровенному сознанію послѣдняго, произойти только чудовище. Въ дѣтствѣ воспитаніе Нерона было предоставлено двумъ гувернерамъ, изъ которыхъ одинъ былъ парикмахеромъ, другой—танцоромъ; позднѣе Неронъ получилъ въ руководители философа Сенеку,

человѣка даровитаго и высокообразованнаго, но человѣка безъ всякихъ твердыхъ убѣжденій, крайняго лицемѣра, ритора, въ жизни котораго слово и дѣло находились въ постоянномъ противорѣчїи.

Первое время правленія Нерона, именно первыя пять лѣтъ (Quinquennium Neronis) прошли спокойно. Первыя дѣйствія и рѣчи Нерона возбуждали даже въ Римѣ большія надежды. Впрочемъ, въ первое время Неронъ находился подъ вліяніемъ Сенеки и Бурра, заслуженнаго воина, сохранившаго еще отчасти древній римскій патриотизмъ. Но Агриппина, которая на первыхъ порахъ захватила власть, не могла помириться съ тою мыслію, что эта власть уйдетъ изъ ея рукъ. Сенека-же и Бурръ, въ свою очередь, не хотѣли уступать. Начались взаимныя интриги и козни. Руководители Нерона, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, стали вооружать его противъ матери и подстрекать къ независимому образу дѣйствій. Видя, что сынъ ея начинаетъ дѣйствовать самостоятельно, Агриппина рѣшилась подѣйствовать на него угрозами и стала страшать его тѣмъ, что провозгласитъ императоромъ Британника. Тогда Неронъ, опасаясь соперничества Британника, рѣшился погубить его. Скоро послѣ этого Британникъ умеръ, отравленный, по приказанію Нерона, за обѣдомъ, не безъ вѣдома, впрочемъ, Сенеки и Бурра. Ударъ, поразившій Британника, былъ также косвеннымъ пораженіемъ и Агриппины; но устраненіе Агриппины отъ управленія, хотя и отразилось благопріятно на общемъ ходѣ государственныхъ дѣлъ, — дурно повліяло на самого Нерона. Отдѣлавшись отъ сдерживавшей его еще опеки матери, которая прибѣгала ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы держать его въ повиновеніи, Неронъ ударился прямо въ оргїи. Около этого времени сблизился Неронъ съ извѣстною красавицей Пoppеей Сабиною и, искренно привязавшись къ ней, совершенно подчинился ея вліянію. Ревнивая къ власти, и опасаясь возвращенія Агриппиною утраченнаго ею вліянія, Пoppея Сабина сумѣла поселить окончательный раздоръ между Нерономъ и его матерью, и то угрозами, то насмѣшками довела его до того, что въ немъ сложилось убѣжденіе въ несовмѣстности жизни матери съ его собственною безопасностію. Скоро затѣмъ, по порученію Нерона, одинъ отпущенникъ умертвилъ Агриппину. Трудно рѣшить, были-ли причастны замыслу объ убійствѣ ея руководители Нерона, Сенека и Бурръ, но нѣтъ сомнѣнія, что они, по крайней мѣрѣ, не воспротивились этому неестественному злодѣянію, и этимъ какъ-бы поощряли къ нему Нерона.

Со смертію матери въ жизни Нерона наступила новая эпоха. Ничто не мѣшало ему теперь предаваться необузданному разврату и скоморошеству, такъ какъ совѣтники его относились гораздо снисходительнѣе ко всѣмъ слабостямъ его, чѣмъ мать его. Все болѣе стали его занимать съ этого времени различнаго рода сценическія удовольствія. Его соблазняла роль публичнаго пѣвца, манила настоящая театральная сцена. Но онъ еще не рѣшался прямо выступить на подмостки и потому устроилъ сначала новыя игры, родъ большаго праздника для всего римскаго юноше-

ства, куда допускался всякій въ роли зрителя или актера, и тутъ-то, передъ пестрой толпой римскаго народа, Неронъ впервые обнаружилъ свои артистическія дарованія.

Но пока подлѣ Нерона оставались еще его прежніе совѣтники, онъ даже въ сумасбродныхъ забавахъ все-еще сохранялъ нѣкоторое приличіе. Но когда внезапно умеръ Бурръ, и мѣсто его въ качествѣ начальника преторіанцевъ заступилъ Тигеллинъ, неразлучный спутникъ развратныхъ оргій Нерона, и когда Сенека, чувствуя свое ложное положеніе, просилъ Нерона отставить его отъ дѣлъ и предоставилъ Нерона самому себѣ, тогда только наступилъ для него ничѣмъ нестѣсненный разгулъ.

По удаленіи Сенеки и смерти Бурра, все вліяніе перешло на время къ Поппеѣ. Законная жена Нерона, Октавія, дочь Клавдія, была подѣ предложеномъ безплодія прогнана Нерономъ, потомъ сослана и наконецъ убита по настоянію Поппеи, съ которою онъ вступилъ теперь въ формальное супружество. Привязанность Нерона къ Поппеѣ не мѣшала ему однакожь удариться въ самый страшный развратъ; съ каждымъ днемъ онъ все болѣе чувствовалъ потребность мѣнять свои развлечения. Когда наскучалъ ему развратъ, онъ съ увлеченіемъ предавался своимъ артистическимъ наклонностямъ, объѣзжалъ Италію въ качествѣ странствующаго артиста и выступалъ комедіантомъ или пѣвцомъ всюду, гдѣ представлялась только возможность. Между тѣмъ, какъ Неронъ проводилъ жизнь въ роли актера и комедіанта, его авторитетъ какъ государя все болѣе падалъ, и раздраженіе противъ него всѣхъ благомыслящихъ людей возрастало, хотя, подавленные казнями и восстановленіемъ закона объ оскорбленіи величества, никто даже изъ враждебныхъ Нерону членовъ сенатской партіи не рѣшался поднять голосъ противъ него. Но вскорѣ, по случаю страшнаго пожара въ Римѣ, обнаружились какъ крайняя непопулярность Нерона и раздраженіе противъ него римлянъ, такъ и страсть его къ сильнымъ ощущеніямъ и необычнымъ зрѣлищамъ. Въ то время, когда великій городъ шесть дней и шесть ночей пылалъ отъ объявшаго его пожара, покинутый почти всѣми жителями, Неронъ, горюя, изъ своего дворца любовался видомъ пылающаго города и воспользовался даже этимъ зрѣлищемъ для поэтической импровизаціи.

Въ виду такого страннаго поведенія Нерона при всеобщемъ бѣдствіи и смятеніи народа, въ послѣднемъ сложилось убѣжденіе въ умысленномъ поджогѣ Рима Нерономъ съ цѣлью доставить себѣ удовольствіе видѣть живое подобіе разрушенія Трои. Это ложное обвиненіе имѣло, однакожь, основаніе въ общемъ характерѣ поведенія Нерона. Чтобы очистить себя въ глазахъ римлянъ отъ оскорбительнаго для него обвиненія, Неронъ счелъ за лучшее свалить всю эту тяжкую и вымышленную вину на христіанъ, лишенныхъ покровительства законовъ и считавшихся въ глазахъ римскаго общества повинными въ закланной ненависти къ нему. Тогда-то было воздвигнуто первое и страшное гоненіе противъ христіанъ. Прикованные къ столбамъ и обернутые горючими веществами, христіане

были зажжены по приказанію Нерона въ садахъ его, гдѣ для народа устроено было имъ празднество. Но такая жестокость возбудила ненависть даже въ самихъ римлянахъ, привыкшихъ уже къ кровавымъ зрѣлищамъ. Не смотря на то, что скоро Римъ началъ возникать изъ пепла въ новомъ и еще болѣе изящномъ видѣ, не смотря на стремленіе Нерона своими распоряженіями облегчить народныя бѣдствія, негодованіе народа противъ него возрастало и выразилось въ заговорѣ противъ него, во главѣ котораго стали многіе знатные римляне. Слѣдствіемъ этого неудачнаго заговора былъ лишь длинный рядъ казней, отъ котораго погибло и множество невинныхъ людей, и въ числѣ ихъ и Сенека, воспитатель Нерона. Скоро въ Римѣ наступилъ настоящій терроръ. Преслѣдуемый мыслью объ угрожающихъ ему всюду опасностяхъ и заговорахъ, Неронъ не зналъ покоя и не находилъ его ни въ оргіяхъ разврата, ни въ крови безчисленныхъ жертвъ его страха и подозрительности. Два года продолжались эти кровавыя сцены. Наводнивъ кровью Италію и не довольствуясь уже рукоплесканіями въ Римѣ, Неронъ предпринялъ артистическое странствованіе за предѣлы Италіи, начавъ съ древней Греціи, этой страны искусствъ, гдѣ онъ рассчитывалъ найти настоящую арену для поэтическихъ и музыкальныхъ состязаній. Правленіе въ Римѣ на время отсутствія Нерона оставлено имъ было отпущеннику Геллію, которому дано было право на жизнь и смерть всѣхъ гражданъ. Произволь этого намѣстника встрѣтилъ, однакожь, сопротивленіе въ Римѣ; это ускорило возвращеніе Нерона изъ Греціи. Опять въ Римѣ все смолкло. Но опасность грозила Нерону не отъ Рима. Движеніе обнаружилось прежде всего въ Галліи, оттуда оно распространилось за Пиренеи и охватило всю Испанію. Стоявшіе въ ней легіоны провозгласили императоромъ намѣстника Испаніи, Гальбу. Въ то-же время началось движеніе легіоновъ на Рейнѣ и даже на отдаленномъ Востокѣ. Неронъ, узнавъ о возмущеніи въ Галліи, совершенно палъ духомъ; затѣмъ онъ рѣшился было лично вести войско противъ возмутившихся провинцій, но все дѣло окончилось лишь приготовленіями къ походу. Между тѣмъ Гальба отклонилъ отъ себя предлагаемое ему легіонами императорское достоинство и, предоставивъ сенату право распорядиться правленіемъ, двинулся съ своими легіонами на освобожденіе Рима. Тогда Неронъ, оставленный всѣми и считая преторіанцевъ ненадежною опорой противъ двинувшихся на Римъ испанскихъ легіоновъ, бѣжалъ изъ столицы на загородную дачу одного изъ отпущенниковъ. Когда-же сенатъ рѣшилъ объявить низложеннаго цезаря „врагомъ отечества“ и опредѣлилъ ему смерть, Неронъ приказалъ своему отпущеннику убить себя. Послѣднія слова его, говорятъ, были: „О, какого художника потерялъ во мнѣ свѣтъ!“ (*Qualis artifex pereo*).

Но, не смотря на всѣ темныя стороны личности и правленія Нерона; не смотря на его безумства и тираннію, наступившую со смерти Бурра, политическая и соціальная жизнь продолжала развиваться въ

Римской имперіи въ томъ-же направленіи, какое приняла она при Августѣ и его ближайшихъ преемникахъ: такую прочность и устойчивость получилъ уже къ тому времени государственный механизмъ Рима. Сенатъ продолжалъ быть средоточіемъ законодательной и отчасти административной власти, хотя она до извѣстной степени парализировалась императорскими эдиктами, особенно во второй половинѣ его правленія. Въ отношеніи провинцій Неронъ также продолжалъ политику своихъ предшественниковъ, заботясь объ охраненіи ихъ отъ злоупотребленій и вымогательствамъ намѣстниковъ. Вотъ почему, не смотря на всю безнравственность Нерона, онъ, какъ представитель новыхъ интересовъ, былъ несомнѣнно популяренъ во многихъ частяхъ имперіи, особенно въ Греціи и на Востокѣ, гдѣ являвшіеся по его смерти лже-Нероны встрѣчаемы были каждый разъ съ большимъ сочувствіемъ. Вліяніе гуманнаго духа времени даже и на Неронѣ сказалось въ томъ, что онъ далъ право римскаго гражданства Греціи, призналъ самоуправленіе греческихъ городовъ, заботился о введеніи свободы хлѣбной торговли и вообще объ облегченіи тяжести налоговъ для массы населенія посредствомъ уничтоженія косвенныхъ налоговъ, чему воспротивился, однакожь, сенатъ.

Со смертію Нерона, съ которымъ и прекратился домъ Августа, въ Римѣ наступили междоусобныя войны; въ короткое время, отъ 68 до 70 г., на престолѣ смѣнилось трое императоровъ (Гальба, Отгонъ и Вителлій), которые были возводимы на престолъ и свергаемы то преторіанцами, то легіонами, расположенными въ провинціяхъ, пока избранный на престолъ Веспасіанъ Флавій не положилъ на долго конецъ этому необузданному своеволю солдатъ.

СИЛА И СЛАБОСТЬ ИМПЕРІИ.

Границы римской имперіи и ея столица. Уже въ началѣ имперіи римское государство заключало въ себѣ всѣ лучшія земли Европы, Азіи и Африки. Оно простиралось до Рейна и Дуная, до пустыни Сахары и Аравіи, до Атлантическаго океана и до Евфрата. Народонаселеніе имперіи доходило уже при Августѣ до ста милліоновъ. Сюда входили самыя лучшія, самыя образованныя, богатые и воинственные народы.

Столица міра, семиколмный Римъ, со своимъ двухмилліоннымъ населеніемъ, 400 храмовъ, 2,000 дворцовъ, множествомъ театровъ и разныхъ великолѣпныхъ зданій, сосредоточилъ въ стѣнахъ своихъ всю образованность и все богатство древняго міра:

Развитіе торговли и промышленности. Августъ, умирая, завѣщалъ преемникамъ своимъ не раздвигать границъ имперіи, и, дѣйствительно, въ періодъ управленія Рима императорами, въ теченіе слишкомъ пяти вѣковъ, завоевательные походы предпринимались очень рѣдко, и населеніе Римской имперіи большею частию наслаждалось миромъ. Долговременный миръ, прекращеніе внутреннихъ смуть, установленіе порядка и безопасности, улучшеніе путей сообщенія, составлявшее одну изъ главныхъ заботъ римскихъ императоровъ, — все это способствовало развитію въ имперіи промышленности и торговли. Въ самомъ Римѣ, правда, ремесла и торговля находились въ жалкомъ состояніи, вслѣдствіе сильнаго развитія рабства, презрѣнія римскихъ гражданъ ко всякому труду; въ провинціяхъ же производство значительно усилилось, а быстро возрастающая торговля Рима со всѣми провинціями чрезвычайно способствовала увеличенію матеріальнаго благосостоянія послѣднихъ. Вслѣдствіе быстрого развитія благосостоянія и торговли провинціи покрылись множествомъ цвѣтущихъ городовъ. Города эти скоро украсились такими-же памятниками искусства, какъ и самый Римъ. Такъ было въ Испаніи, Галліи, сѣверо-западной Африкѣ. Въ Испаніи уже при первыхъ императорахъ было до 400 цвѣтущихъ городовъ, такъ что она была въ лучшемъ состояніи, какъ провинція римская, чѣмъ послѣ, какъ королевство; въ Галліи было 1200 городовъ, изъ которыхъ многіе, какъ Марсель, Арль, Нимъ, Тулуза, Бордо, Ліонъ и нѣкоторые другіе были въ отличномъ состояніи; положеніе восточныхъ провинцій было въ періодъ римской имперіи несравненно лучше, чѣмъ въ позднѣйшее время. Въ одной Малой Азійи было до 500 густо-населенныхъ городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые въ прежнее время процвѣтавшіе, теперь уже и не существуютъ. Антиохія въ Сиріи и Александрія въ Египтѣ соперничали въ величіи съ самимъ Римомъ. Точно также весь сѣверозападный берегъ Африки покрытъ былъ тогда цвѣтущими и богатѣйшими городами.

Улучшеніе положенія провинцій. Время имперіи было во всѣхъ отношеніяхъ благотѣльно для провинцій. Во время республики провинціи стонали отъ притѣсненій и вымогательствъ не получавшихъ жалованья намѣстниковъ. Во времена-же имперіи положеніе провинцій въ этомъ отношеніи чрезвычайно улучшилось. Какъ Августъ, такъ и преемникъ его Тиберій и многіе другіе императоры по нѣскольку разъ объѣзжали большую часть провинцій и внимательно слѣдили за управленіемъ намѣстниковъ.

Раздѣливъ провинціи на императорскія и сенатскія, Августъ одинъ и безотчетно управлялъ первыми чрезъ назначенныхъ имъ легатовъ съ званіемъ пропреторовъ, уполномоченныхъ гражданскою и военною властію (*potestas et imperium*); вторыя-же по прежнему остались въ завѣдываніи сената и управлялись проконсулами, которые выбирались по жребію и которымъ предоставлена была только гражданская власть (*potestas*); впрочемъ, и сенатскія провинціи со времени Августа подлежали также отчасти контролю императоровъ. Что положеніе императорскихъ провинцій было однакожь лучше, чѣмъ положеніе сенатскихъ, видно изъ

того, что при Тиберіи послѣднія очень охотно переходили въ непосредственное завѣдываніе императора *).

Мѣры, наиболѣе способствовавшія улучшенію положенія провинцій и поддержанію правильнаго контроля надъ управленіемъ ихъ, были слѣдующія: во 1-хъ, намѣстники провинцій со времени Августа стали получать жалованье, совершенно обезпечивавшее ихъ (отъ 100 до 200 тысячъ сестерцій), что естественно способствовало ослабленію прежнихъ вымогательствъ; во 2-хъ, со времени Августа провинціальныя намѣстники окружены были непосредственными императорскими чиновниками (прокураторами), которые могли слѣдить за ихъ поведеніемъ; въ 3-хъ, уничтоженію произвола провинціальныя правителей, между прочимъ, много способствовалъ учрежденный Августомъ трибуналъ изъ бывшихъ консуловъ (*virī consulares*), который разбиралъ жалобы и апелляціи провинціаловъ. Тиберій продолжалъ относительно провинцій дѣло Августа. Онъ сдѣлалъ очень важное нововведеніе въ провинціальномъ управленіи, оставляя намѣстниковъ провинцій по нѣскольку лѣтъ сряду (отъ 3-хъ до 5-ти) въ одной и той-же провинціи, вопреки прежнему закону и обычаю, въ силу котораго намѣстники ежегодно смѣнялись. Клавдій былъ также настоящимъ отцомъ провинцій, и даже Неронъ пользовался недурною славою въ провинціяхъ. Впослѣдствіи-же при императорахъ изъ дома Антониновъ многія провинціи достигли цвѣтущаго состоянія.

Со времени имперіи право римскаго гражданства постепенно распространялось и на провинціи. Уже съ Августа въ нѣкоторыхъ изъ провинціальныхъ городовъ введено было италійское право; нѣкоторые города уравнины были въ правахъ гражданства съ римскими колоніями и муниципіями и пользовались свободою отъ поземельныхъ налоговъ и внутреннимъ самоуправленіемъ; въ нѣкоторыхъ-же провинціяхъ города оставались еще долгое время на прежнемъ положеніи и лишь отдѣльные граждане ихъ могли получать право римскаго гражданства. Но уже въ концѣ II в. по Р. Х., по знаменитому эдикту императора Каракаллы, всѣ свободные жители имперіи были признаны равноправными римскими гражданами; наконецъ, провинціи почти во всемъ были сравнены съ Италіей. Превращеніе политическая исключительность Рима пала, и безчисленные народы Римской имперіи стали сливаться какъ-бы въ одну великую семью.

Усиленіе римской образованности и распространеніе ея въ провинціяхъ. вмѣстѣ съ политическимъ единствомъ Римъ приносилъ покореннымъ народамъ единство цивилизаціи, языкъ, литературу, школу, науку. Гдѣ являлись римляне съ своими легіонами, колоніями и своимъ управленіемъ, тамъ чрезъ нѣсколько времени учреждались латинскія школы, и побѣжденные народы мало по малу забывали свой родной языкъ и усвои-

*) Провинціями императорскими были слѣдующія: Испанія Тарраконская, Лузитанія, Галлія, Британія, Пононія, Иллирія, Далмація, Киликія, Сирія, Іудея, Арменія, Месопотамія и Египетъ; къ сенатскимъ-же провинціямъ принадлежали: Сицилія, Сардинія, Корсика, Бѣтика, Галлія Нарбонская, Македонія и Ахаія, Критъ и Кипръ, Африка, Нумидія, Кирена, Азія (*Asia minor* или *Asia propraia*), Понтъ и Визанія.

вали себѣ языкъ своихъ побѣдителей. Такіе быстрые успѣхи латинизаціи покоренныхъ провинцій, особенно въ періодъ имперіи, объясняются, главнымъ образомъ, быстрымъ развитіемъ самой римской образованности со времени Августа. Въ самомъ Римѣ явились огромные книжные склады, въ которыхъ сотни переписчиковъ постоянно были заняты работой и въ короткое время изготовляли сотни и тысячи экземпляровъ для продажи и по очень сходной цѣнѣ, такъ какъ трудъ рабовъ-переписчиковъ цѣнился очень низко. Школы, которыя въ періодъ республики содержались лишь частными лицами, при императорахъ мало по малу обратились въ общественныя заведенія. Правительство назначало учителямъ жалованье и заботилось о распространеніи школъ въ провинціяхъ. Изъ Рима-же образованіе распространилось во всѣ провинціи, особенно въ западныя, гдѣ латинскій языкъ скоро сдѣлался литературнымъ языкомъ. Такъ, въ Галліи латинскій языкъ началъ распространяться еще со времени Юлія Цезаря; со времени-же Августа и Тиберія школы въ Марсели, Лионѣ и др., приобретаютъ уже извѣстность. Въ этихъ городахъ такъ же, какъ и въ главнѣйшихъ городахъ другихъ западныхъ провинцій (какъ, напр. Карфагенъ и др.), существовали даже школы для высшихъ наукъ и устраивались публичныя чтенія въ бібліотекахъ и театрахъ. Многіе провинціалы изъ Испаніи, Галліи, Африки и др. провинцій предались литературной дѣятельности, и значительная часть лучшихъ произведеній римской литературы во времена имперіи принадлежатъ провинціаламъ, выходцамъ изъ Испаніи, изъ Галліи и др. странъ.

Въ Испаніи центрами литературнаго движенія сдѣлались нѣкоторыя изъ основанныхъ Августомъ колоній (Carragosa—Caesarea Augusta и др.) Такое-же значеніе имѣли въ Галліи Марсель—Massilia, Лионъ—Lugdunum и др. Уже со второй половины перваго вѣка выступаетъ цѣлый рядъ писателей испано-латинской школы (философъ Сенека, поэтъ Луканъ и др.); со второй половины III-го вѣка начинается литературный періодъ галло-римской литературы (историкъ Помпей, сатирикъ Петроній Арбитръ и др.), а въ слѣдующій за тѣмъ періодъ выступаетъ пуно-латинская школа, къ которой принадлежали писатели, происходившіе изъ провинцій Африки (новѣллователь Апулей, извѣстный христіанскій писатель Тертуліанъ, епископъ карфагенскій и др.).

Развитіе римскаго права. Въ періодъ имперіи римское законодательство получило сильное развитіе и новое направленіе; прежнія исключительно-національныя начала римскаго права, положенныя въ основу XII таблицъ мало-по-малу уступили мѣсто новымъ началамъ равенства и единства общечеловѣческихъ правъ. Развитію римскаго права въ такомъ направленіи много способствовало еще въ періодъ республики то, что Римъ, распространяя свое всемірное владычество, не вводилъ своего гражданскаго права между націями побѣжденными: консулы въ провинціяхъ и иностранный преторъ (praetor peregrinus) судили побѣжденных, руководствуясь лишь обычаями и общими началами справедливости. Процессы между римлянами и иностранцами въ Римѣ и провинціяхъ могли быть рѣшаемы по одному закону, общему для всѣхъ—закону естественному. Все это необходимо должно было расширить прежнюю узкую сферу юридическихъ понятій. Но еще болѣе способствовало этому такъ-называемое преторское право. Облеченный широкимъ правомъ дополнять и исправлять законъ, преторъ могъ въ каждомъ данномъ рѣшеніи руководствоваться не буквальнымъ смысломъ закона, а

просто здравымъ смысломъ и требованіями справедливости. Такимъ образомъ мало-по-малу установилось различіе между правомъ гражданскимъ (*jus civile*) и правомъ на началахъ справедливости (*jus aequum*). Болѣе сильное развитіе получило преторское право съ учрежденіемъ провинціальныхъ преторовъ, такъ какъ вслѣдствіе этого чрезвычайно расширился кругъ наблюденій римлянъ надъ законами и обычаями различныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ Римской имперіи. Открывшееся римлянамъ обширное поле для наблюденій надъ тѣмъ, что было общаго въ законахъ и обычаяхъ различныхъ народовъ, приводило естественно къ началамъ «общенароднаго права» (*jus gentium*).

Въ періодъ имперіи не только усовершенствовалось значительно положительное законодательство, но возникла и получила широкое развитіе наука права, чему способствовало усиленіе образованія вообще и вліяніе проникшихъ изъ Греціи философскихъ идей, особенно стоической школы. Подъ вліяніемъ этихъ идей, проникшихъ въ науку римскаго права и придавшихъ ему космополитическій характеръ, выработались три главныхъ принципа римскаго права, ясно выраженныхъ въ изреченіи знаменитаго римскаго юриста Ульпіана: жить честно, не вредить другому, воздавать каждому свое (*honeste vivere, alterum non laedere suum cuique tribuere*). Римскіе императоры покровительствовали словію ученыхъ законовѣдовъ и съ ихъ помощью старались привести въ порядокъ и систему огромную массу римскихъ законовъ. Эпохою высшаго процвѣтанія науки права было время Адріана, Антониновъ и Северовъ. Наибольшимъ авторитетомъ между учеными юристами времени имперіи пользовались Папиніанъ, Сальвій Юліанъ, Галій, Ульпіанъ и Павль; но сочиненія этихъ ученыхъ извѣстны намъ только въ отрывкахъ по извлеченіямъ изъ нихъ въ юридическихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ латинскимъ названіемъ дигестовъ и греческимъ — пандектовъ.

Улучшеніе положенія рабовъ. Во время имперіи подъ вліяніемъ гуманнѣешихъ законодательныхъ идей и распространявшагося въ имперіи христіанства, покровительство законовъ распространено было и на рабовъ. Во время республики и въ началѣ имперіи рабы считались полною собственностью своихъ господъ, произволъ которыхъ не былъ ничѣмъ ограниченъ. Еще при Августѣ власть господъ надъ рабами была до того безгранична, что нѣкто Ведій Полліанъ кормилъ своими рабами морскихъ угрей. Рабъ считался тогда въ полномъ смыслѣ слова вещью. Но императоры, начиная съ Клавдія, особенно Адріанъ, Антонинъ Пій и Константинъ Великій стремились къ смягченію участи рабовъ. Запрещеніе убійства раба и даже жестокаго съ ними обращенія, дозволеніе рабамъ жаловаться на господина и освобожденіе раба правительственной властію, въ случаѣ неудовлетворенія господиномъ жалобы раба, запрещеніе заключеній рабовъ въ подземныхъ тюрьмахъ, запрещеніе разлученій близкихъ родственниковъ при продажѣ рабовъ — всѣ эти мѣры поставили личность раба подъ охрану закона. Наконецъ эдиктъ Константина поставилъ убійство раба на равнѣ съ убійствомъ свободнаго человѣка.

Своеволіе преторіанцевъ и легіоновъ. Слабая сторона имперіи заключалась прежде всего въ отсутствіи всякаго твердо установленнаго порядка престолонаслѣдія, вслѣдствіе чего послѣ смерти Августа при избраніи императоровъ получили огромное вліяніе преторіанцы, а въ по-

слѣдующее время расположенные въ провинціяхъ легіоны, которые по своему произволу возводили и низводили императоровъ.

Многіе изъ императоровъ, заботясь объ улучшеніи положенія провинцій, въ то-же время въ самомъ Римѣ управляли съ жестокимъ произволомъ. Но жестокость ихъ обрушивалась преимущественно на знатныхъ и богатыхъ римлянъ; массѣ-же народа императоры старались всячески угождать посредствомъ даровой раздачи хлѣба и игръ цирка.

Увеличеніе числа пролетаріевъ. Во время имперіи масса пролетаріевъ въ Римѣ составляла огромное большинство населенія. Вслѣдствіе презрѣнія ко всякому промышленному труду со стороны даже бѣдныхъ гражданъ и чрезмѣрнаго развитія рабскаго труда масса римскихъ гражданъ увеличивала собою каждый день число пролетаріевъ. Въ Римѣ не было людей средняго состоянія: были или безмѣрные бочаги, или крайніе бѣдняки. Въ началѣ имперіи число пролетаріевъ въ Римѣ доходило уже до 1.250,000 человекъ. Уже Августъ содержалъ или поддерживалъ постоянно половину городского населенія раздачею хлѣба и денегъ, а въ годы голода и дороговизны онъ безденежно раздавалъ хлѣбъ на большую часть года почти всѣмъ гражданамъ Рима. Но раздача хлѣба не уменьшала бѣдности, а увеличивала ее, привлекая новыя толпы пролетаріевъ и лишая ихъ всякаго побужденія къ труду.

Жажда зрѣлищъ. Еще неумѣреннѣе были требованія римской черни относительно удовольствія и увеселеній разнаго рода. Единственнымъ кликомъ римской черни сдѣлались слова: „хлѣба и игръ цирка“; и императоры, начиная съ Августа, постоянно удовлетворяли этимъ требованіямъ. Жажда зрѣлищъ развилась въ римскомъ народѣ во время имперіи еще больше прежняго. Особенно усилилась страсть къ кровавымъ гладиаторскимъ боямъ. Эти зрѣлища цирка развивали въ массѣ римскаго народа жестокость, безчеловѣчіе и пресыщеніе удовольствіями, и способствовали упадку нравственности въ народѣ.

Упадокъ нравовъ. Эта порча нравовъ въ концѣ республики и во время имперіи выразилась также въ крайней неумѣренности и роскоши въ образѣ жизни высшаго класса, въ особенности относительно стола. Римскіе богачи изощрялись всячески въ придумываніи различныхъ кушаньевъ, приправъ, напитковъ и соперничали другъ съ другомъ въ роскоши стола. Одно блюдо павлиньихъ языковъ или соусъ изъ мозговъ попугаевъ стоили по нѣскольку сотъ рублей на наши деньги. На пиршествахъ вошло въ обычай принимать рвотное, чтобы очистить желудокъ и затѣмъ снова приняться за ѣду.

Упадокъ религіи. При страшномъ упадкѣ нравовъ, обманъ, клятвопреступленіе, ложный доносъ, отравленіе сдѣлались явленіями обычными. Религія-же, которая еще одна могла бы поддерживать строгость и чистоту нравовъ, находилась въ крайнемъ упадкѣ. Покоривъ какой-либо народъ, римляне не только оставляли неприкосновенною его религію, но переводили въ столицу имперіи боговъ покореннаго народа, такъ что въ

началъ имперіи столпились въ Римѣ божества всего древняго міра, и этимъ богамъ многіе римляне поклонялись такъ-же, какъ и своимъ. При Августѣ выстроенъ былъ даже храмъ, въ которомъ поставлены были статуи боговъ всѣхъ народовъ Римской имперіи (Пантеонъ). Вмѣстѣ съ чужими богами переходили въ Римъ и чужіе обряды и религіозныя церемоніи. Въ образованныхъ классахъ римскаго народа распространилось равнодушіе къ религіи и безбожіе. Сами римскіе первосвященники стали сомнѣваться въ силѣ, въ существованіи языческихъ боговъ. Римскіе авгуры не могли безъ улыбки смотрѣть друга на друга. Масса-же народа была погружена въ грубое суевѣріе. Императоры римскіе сами не мало способствовали паденію старой языческой религіи, требуя себѣ божескаго поклоненія. Уже съ Августа начался обычай причислять императоровъ по смерти ихъ къ богамъ, а потомъ римляне стали воздавать императорамъ божеское поклоненіе еще при жизни ихъ. Лучшіе мыслящіе люди изъ римлянъ, видя общій упадокъ нравовъ и не находя утѣшенія въ языческой религіи, проникались тоской, равнодушіемъ къ жизни, и безъ всякаго сожалѣнія лишали себя жизни. Самоубійство сдѣлалось явленіемъ обыкновеннымъ. Знатный римлянинъ, рѣшаясь на добровольную смерть, не скрывалъ своего намѣренія: онъ торжественно прощался съ друзьями и семействомъ, открывалъ себѣ въ ихъ присутствіи жилы и продолжалъ съ ними бесѣдовать до послѣдняго вздоха.

Рождество Іисуса Христа и начало христіанской церкви. Гоненія на христіанъ. Въ то время, какъ языческія религіи потеряли всякое значеніе, всякую силу надъ умами, всякое сдерживающее вліяніе надъ разлагавшимся нравственно древнимъ міромъ, въ провинціи римской, Іудеѣ, родился Христосъ, который своимъ ученіемъ любви обновилъ одряхлѣвшій языческій міръ и облегчилъ страданія милліоновъ людей. Рожденіе Христа относится къ тридцатому году правленія Августа и считается началомъ христіанскаго лѣтосчисленія или эрой. Свое великое дѣло искупленія рода человѣческаго Спаситель совершилъ уже при преемникѣ Августа—Тиберіи.

Послѣ крестной смерти Христа ученики Его или св. апостолы разошлись въ разныя стороны, чтобы проповѣдывать новую религію любви къ Богу и къ ближнимъ. Но христіанское ученіе, исполненное духа любви и смиренія, не могло проникнуть сразу въ жизнь древнихъ народовъ и встрѣтило сильное сепротивленіе со стороны господствовавшихъ изстари религіозныхъ и общественныхъ понятій. Сопротивленіе это выразилось въ цѣломъ рядѣ гоненій на христіанъ. Всѣ эти гоненія, однакожъ, только увеличивали число послѣдователей Христа. Замѣчательное мужество и стойкость убѣжденных христіанскихъ мучениковъ возбуждали удивленіе язычниковъ и склоняли ихъ къ принятію христіанства.

• Еще въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. христіане составляли отдѣльныя общины, члены которыхъ соединялись единствомъ вѣры въ Божественнаго Учителя и Спасителя міра: богатые и бѣдные, свободные и

рабы, сохраняя свои отношенія въ гражданскомъ быту, всѣ равно считались братьями и жили во взаимной любви, какъ дѣти одного отца. Каждая христіанская община управлялась выборными старѣйшинами или пресвитерами, во главѣ которыхъ стоялъ епископъ. Христіане не отличались въ то время отъ язычниковъ ни языкомъ, ни одеждою, но тѣмъ не менѣе они жили совершенно иначе, чѣмъ окружавшіе ихъ язычники. Христіане были исполнены уваженія къ существующей власти и законамъ, но не допускали вмѣшательства государственной власти въ дѣла совѣсти. Они отказывались отъ воздаванія императору божескихъ почестей, не хотѣли преклоняться предъ его изображеніемъ и приносить ему жертвы; они отказывались отъ участія въ общественной жизни римлянъ, избѣгали случая являться предъ судомъ язычниковъ, не принимали участія въ общественныхъ торжествахъ, не бывали ни въ театрахъ, ни въ циркахъ; битвы гладиаторовъ они открыто осуждали. Они проповѣдывали братское равенство всѣхъ людей безъ различія состоянія и пола и принимали въ свои общины даже рабовъ. Для слушанія Св. Писанія и для богослуженія собирались христіане въ потаенныхъ убѣжищахъ, гдѣ нибудь въ чащѣ лѣса или въ подземныхъ пещерахъ Рима (катакомбахъ). Религіозное ученіе христіанъ не было признано государственною властью: христіанство подходило, по законамъ римскимъ, подъ разрядъ суевѣрій, запрещенныхъ правительствомъ. Естественно, что христіане должны были казаться въ глазахъ императоровъ нарушителями существующаго порядка, опасными врагами и заговорщиками. Тѣмъ менѣе могли быть понятны таинственныя сходбища христіанъ и ихъ отчужденіе отъ всего языческаго общества массъ простаго народа, и потому послѣдній приписывалъ всѣ общественныя бѣдствія, какъ пожаръ, голодъ, засуху колдовству христіанамъ; за все это христіане были страшно преслѣдуемы. Они были отвергнуты существующимъ обществомъ и лишены покровительства законовъ, какъ враги общественнаго порядка. Христіане неоднократно подвергались гоненіямъ; главныхъ гоненій насчитываютъ 10, изъ которыхъ первое было при Неронѣ. Гоненія на христіанъ продолжались до IV в. по Р. Х., пока христіанское ученіе не было объявлено господствующимъ, въ силу эдикта, изданнаго императоромъ Константиномъ В. въ 313 г.

ИМПЕРАТОРЫ ИЗЪ ДОМА ФЛАВІЕВЪ И АНТОНИНОВЪ.

Возстаніе іудеевъ (67—70 по Р. Х.). Іудея, поставленная въ зависимость отъ Рима еще Помпеемъ, была окончательно обращена въ римскую провинцію при императорѣ Клавдіѣ, предшественникѣ Нерона.

Жестокое правленіе корыстолюбивыхъ римскихъ намѣстниковъ раздражало іудеевъ. Но особенно возмутилъ ихъ, какъ вѣрныхъ послѣдователей Моисеева закона, указъ Нерона о воздаваніи божескаго почитанія императорамъ. Одушевляемые своимъ духовенствомъ и лжепророками, предвѣщавшими близкое пришествіе Мессіи, іудеи возстали и перебили римскія войска, расположенныя въ разныхъ пунктахъ Палестины. Правитель Сиріи, въ которой лежала Палестина, двинулся съ своимъ войскомъ на усмиреніе послѣдней, но былъ отбитъ съ страшнымъ урономъ. Іудеи стали ополчаться на отчаянную борьбу: готовили оружіе, укрѣпляли Іерусалимъ. Для усмиренія и наказанія іудеевъ императоръ Неронъ послалъ лучшаго полководца Веспасіана Флавія съ шестидесяти тысячнымъ войскомъ. Веспасіанъ разбилъ въ нѣсколькихъ стычкахъ войско іудеевъ и подступилъ къ Іерусалиму; но, получивъ извѣстіе, что онъ провозглашенъ римскими легіонами императоромъ, Веспасіанъ оставилъ своего сына Тита для осады Іерусалима и поспѣшилъ въ Римъ.

Осада и разрушеніе Іерусалима. Титъ съ 70,000 войска обложилъ сильно защищенный Іерусалимъ и заперъ городъ со всѣхъ сторонъ. Іудеи мужественно оборонялись. Въ городѣ, въ которомъ столпилось населеніе со всѣхъ окрестностей, сталъ свирѣпствовать страшный голодъ. Послѣ совершеннаго истощенія силъ іудеи должны были уступить напору осаждающаго войска и сдать городъ. Но значительная часть іудеевъ держалась еще въ крѣпости Іерусалима Сіонѣ и въ самомъ храмѣ. Наконецъ, раздраженные упорствомъ іудеевъ римскіе солдаты бросили огонь подъ священное зданіе, и оно сгорѣло со всѣми заключенными въ немъ; потомъ зажгли весь Іерусалимъ. Отъ самого храма не осталось камня на камнѣ, и вся страна надолго заустѣла. До милліона народа погубило въ этой войнѣ, не считая тѣхъ, которые были проданы въ рабство. Прошло еще два года, прежде чѣмъ вся страна была вполне покорена. Это было въ 70 году по Р. Х. Въ томъ-же году Титъ получилъ въ Римѣ блистательный триумфъ.

Въ царствованіе Веспасіана подавлены также возстанія германцевъ — батавовъ, жившихъ у устьевъ Рейна. Предводителемъ этого возстанія выступилъ Цивилисъ, увлекшій также прирейнскія племена галловъ и германцевъ. Движеніе это было подавлено полководцемъ Цереалисомъ лишь благодаря несогласіямъ, возникшимъ между возставшими племенами.

Внутреннее правленіе Веспасіана, человѣка строго справедливаго, бережливаго и дѣятельнаго, замѣчательно тѣмъ, что онъ возстановилъ въ войскѣ дисциплину, отмѣнилъ возстановленный Нерономъ законъ объ оскорбленіи величества и украсилъ Римъ многими зданіями, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ былъ громаднѣйшій амфитеатръ Колизей. Веспасіану наслѣдовалъ сынъ его Титъ Флавій.

Правленіе Тита Флавія. Подобно отцу своему Титъ Флавій обнаружилъ въ своемъ правленіи сильную дѣятельность и бережливость. Суды объ оскорбленіи величества, упраздненныя при Веспасіанѣ, не были во-

зобновлены и его сыномъ, и потому шпіонство и доносы значительно уменьшились. Титъ царствовалъ два года (79 — 81 г.). Въ это время судьба обрушилась на Римъ и Италію страшными бѣдствіями, каковы страшный пожаръ въ Римѣ, свирѣпствовавшая тамъ моровая язва и изверженіе Везувія, разрушившее и покрывшее лавой и пепломъ прежніе цвѣтущіе города Геркуланумъ и Помпею *). Титъ заботился объ облегченіи народа отъ постигшихъ его общественныхъ бѣдствій, и облагодѣтельствованный имъ народъ прозвалъ его „любовью и утѣшеніемъ человечества“.

Правленіе Домиціана. Титу наслѣдовалъ братъ его Домиціанъ (81—96 г.), бездарный, жестокій правитель, тираннія котораго была тяжеле даже деспотизма Нерона. При немъ снова начались преслѣдованія за оскорбленіе величества, и опять началась дѣятельность шпіоновъ и доносчиковъ. Безграничнымъ деспотизмомъ возстановилъ онъ противъ себя всѣ классы общества. Это было, по словамъ Тацита, время, когда нельзя было ни слѣшать, ни говорить изъ опасенія лишиться жизни. Особенно жестоко преслѣдовалъ Домиціанъ христіанъ, отказывавшихся называть его богомъ и воздавать ему божескія почести. Своими походами Домиціанъ уронилъ славу римскаго оружія. Таковъ походъ его противъ дакійцевъ (жившихъ на лѣвомъ берегу Дуная, въ нынѣшней Румыніи и Трансильваніи), примкнувшихъ къ возставшимъ противъ Рима германскимъ племенамъ; жившимъ на сѣверныхъ границахъ римскаго государства (хатты, маркоманы и др.). Походъ Домиціана противъ возставшихъ дакійцевъ былъ до того неудаченъ, что онъ долженъ былъ заключить съ ними постыдный для Рима миръ. Это, однакожъ, не помѣшало Домиціану устроить себѣ въ Римѣ блестящій триумфъ и украсить себя именемъ Дакійскаго.

Единственное славное дѣло позорнаго во всѣхъ отношеніяхъ царствованія Домиціана было окончательное покореніе Британіи, благодаря успѣшнымъ дѣйствіямъ даровитаго полководца Кн. Юлія Агриколы, наминавшаго римлянамъ своею личностію лучшія времена республики. Покореніе Британіи начато было еще при императорѣ Клавдіи, но вслѣдствіе возстанія бриттовъ римляне едва не лишились своего господства въ Британіи. Но послѣ того, какъ возстаніе было подавлено, Веспасіанъ уже въ послѣдній годъ своего царствованія отправилъ въ Британію Агриколу, который, благодаря своимъ талантамъ и энергіи, въ нѣсколько походовъ покорилъ всю Британію до морей Атлантическаго и Нѣмецкаго и раздвинулъ границы римскихъ владѣній до Клейда и Форты. Самыя блистательныя дѣйствія Агриколы относятся ко времени

*) Слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ случайно открыты были слѣды Геркуланума. Съ тѣхъ поръ начали производиться дѣятельныя раскопки на томъ мѣстѣ, а впоследствии на мѣстѣ Помпеи. Эти раскопки дали возможность изучить въ подробностяхъ образъ жизни древнихъ римлянъ, такъ какъ въ засыпанныхъ лавою городахъ сохранились почти въ цѣлости дома, утварь, статуи, картины и пр.

Домициана, который однакожь не далъ Агриколѣ окончательно обезопасить страну отъ безпокойныхъ горцевъ Каледоніи (нынѣ Шотландіи). Подозрительный и жестокій императоръ, опасаясь популярности Агриколы, вызвалъ его изъ Британіи въ Римъ и устранилъ отъ всякой государственной дѣятельности.

Домицианъ погибъ вслѣдствіе заговора, составленнаго противъ него его приближенными и его собственной женой, увидѣвшей свое имя въ спискѣ приговоренныхъ къ смерти.

Счастливыи періодъ имперіи. По смерти Домициана на престолѣ былъ возведенъ престарѣлый сенаторъ Нерва, съ воцаренія котораго начинается такъ-называемый золотой вѣкъ римской имперіи. Въ свое кратковременное правленіе (96—98 г.) Нерва успѣлъ сдѣлать многое для благосостоянія государства. Онъ возвысилъ значеніе сената, снова закрылъ суды объ оскорбленіи величества, сократилъ значительно расходы на императорскій дворъ и т. п. Передъ смертію онъ усыновилъ своего лучшаго полководца Траяна, начальствовавшего въ то время надъ легионами на нижнемъ Рейнѣ, и назначилъ его своимъ преемникомъ.

М. Ульпій Траянъ былъ испанецъ родомъ и первый иностранецъ на римскомъ престолѣ. Правленіе его, продолжавшееся отъ 98 до 117 года, изображается древними историками, какъ самое славное и благодѣтельное для римскаго народа. „Будь счастливѣе Августа и лучше Траяна“ (felicior Augusto, melior Trajano) — таковы были слова, съ которыми въ продолженіе двухъ съ половиною столѣтій сенатъ привѣтствовалъ каждаго новаго императора. За твердое, умное и кроткое правленіе сенатъ далъ ему имя „наилучшаго“. Траянъ, дѣйствительно, рѣзко выдавался изъ среды всѣхъ почти императоровъ. Онъ былъ вполне доступенъ для всѣхъ гражданъ безъ различія и находился въ близкой дружбѣ съ извѣстнѣйшими писателями своего времени: Плиніемъ, Тацитомъ и др. Царедворцы потеряли прежнее значеніе, и прежній придворный этикетъ былъ почти уничтоженъ. Траянъ еще болѣе, чѣмъ его предшественникъ, возвысилъ значеніе сената: онъ предоставилъ ему всю законодательную власть и сдѣлалъ пренія его совершенно свободными, предоставляя на обсужденіе свои собственныя предложенія. Траянъ значительно облегчилъ участь рабовъ, ограничивъ произволъ рабовладѣльцевъ и уничтоживъ безчеловѣчный указъ Нерона, въ силу котораго всѣ рабы, служившіе въ домѣ, подвергались смертной казни въ случаѣ, если одинъ изъ нихъ умертвилъ хозяина дома. Провинціи также испытывали на себѣ заботливость управленія Траяна. Одно, что омрачаетъ благодѣтельное правленіе его, это возобновившіяся при немъ гоненія на христіанъ.

Траянъ замѣчательнъ также какъ отличный полководецъ. Не смотря на строгость по отношенію къ войску, привыкшему къ своеволю, Траянъ еще до вступленія на престолъ умѣлъ заслужить въ войскѣ всеобщее уваженіе своею храбростію, справедливостію и простотою. Сдѣлавшись императоромъ, онъ также продолжалъ дѣлить съ своими легионами

всѣ опасности и лишенія. Своими завоеваніями Траянъ значительно расширилъ предѣлы государства. Послѣ двухъ трудныхъ походовъ онъ покорилъ даковъ и обратилъ ихъ землю въ римскую провинцію. Посредствомъ основанныхъ въ землѣ даковъ колоній ему удалось проложить путь къ латинизаціи туземнаго населенія и такимъ образомъ обезопасить положеніе провинцій Мизіи и Фракіи. Памятникомъ счастливыхъ походовъ Траяна въ Дацію и покоренія ея служитъ стоящая до сихъ поръ въ Римѣ Траянова колонна, украшенная рельефными изображеніями изъ дакійской войны. Такъ-же счастливо велъ Траянъ войну въ Азіи съ парянами, обратилъ Арменію и Месопотамію въ римскія провинціи и сдѣлалъ рѣку Тигръ границей римской имперіи на востокѣ.

Траяну наследовалъ Публій Элій Адрианъ, родственникъ Траяна и, такъ-же, какъ и онъ, испанецъ по происхожденію. Адрианъ былъ очень образованный и даровитый человекъ, но, какъ личность, онъ стоитъ ниже Траяна. При всемъ своемъ образованіи онъ былъ крайне суевѣренъ, до щепетильности самолюбивъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ деспотиченъ. Онъ считалъ себя и отличнымъ живописцемъ, и отличнымъ архитекторомъ и не допускалъ, чтобы кто-нибудь могъ превзойти его въ какой-либо области наукъ и искусствъ, или жѣ не признавать его таланта. Но, не смотря на эти недостатки, Адрианъ былъ однимъ изъ лучшихъ правителей. Въ противоположность Траяну, онъ избѣгалъ войны, хотя и отличался способностями полководца, что доказалъ въ походахъ Траяна. Миръ съ сосѣдними народами и внутренній порядокъ составляли программу дѣятельности Адриана. Онъ началъ съ того, что отказался отъ завоеваній Траяна въ парянской войнѣ, потому что удержаніе въ покорности завоеванныхъ земель требовало непрерывныхъ войнъ. Особую заботливость выказалъ онъ объ улучшеніи положенія провинцій. Съ этой цѣлю предпринималъ онъ большія путешествія почти по всѣмъ провинціямъ, чтобы самому на мѣстѣ узнать нужды ихъ. „Императоръ долженъ, какъ солнце, освѣщать всѣ части государства“, говорилъ Адрианъ. Свои путешествія предпринималъ онъ въ сопровожденіи немногихъ приближенныхъ и большею частію пѣшкомъ. Сенатъ пользовался также при Адрианѣ свободой въ своихъ дѣйствіяхъ и уваженіемъ императора. Адрианъ способствовалъ также много развитію науки римскаго права. По его порученію знаменитѣйшій юристъ его времени, Сальвій Юліанъ, предпринялъ систематическій сводъ всѣхъ преторскихъ эдиктовъ времени республики, и такимъ образомъ составилъ родъ свода законовъ, изданный подъ названіемъ постоянного эдикта (*edictum perpetuum*). Адрианъ украсилъ многіе города превосходными памятниками: такъ, онъ докончилъ въ Афинахъ постройку храма Зевса Олимпійскаго, начатую еще при Пизистратидахъ; основалъ также нѣкоторые новые города, какъ Адрианополь во Фракіи, Антинополь въ Египтѣ. Мирное правленіе Адриана было нарушено возстаніемъ іудеевъ, вызваннымъ стремленіемъ его сдѣлать Иерусалимъ римскою колонією и ввести тамъ служеніе капито-

лійскому Юпитеру, вмѣсто служенія Іеговѣ. Въ трехлѣтней борьбѣ, вызванной возстаніемъ іудеевъ, ихъ погибло слишкомъ полмилліона чело-вѣкъ. Іерусалимъ былъ вторично разоренъ и потомъ названъ Элія Капитолина. Изъ оставшихся іудеевъ многіе были проданы въ рабство, многіе-же расселились въ другія страны.

Адриану наслѣдовалъ усыновленный имъ Аврелій Антонинъ, по прозванію Пій (Pius), т. е. благочестивый (138 — 161 г. по Р. Хр.). Онъ былъ родомъ изъ южной Галліи и принадлежалъ къ потомству древней римской фамиліи Авреліевъ. Направленіе своего царствованія выразилъ онъ въ слѣд. словахъ: „лучше сохранить жизнь одного гражданина, нежели поразить тысячу враговъ“. Это былъ государь въ высшей степени добродушный и милосердый. Страшные неурожаи и пожары въ Италіи, наводненіе въ самомъ Римѣ, землетрясеніе въ Малой Азіи, — всѣ эти бѣдствія, постигшія Римскую имперію въ правленіе Антонина Пія, оставили безъ крова и безъ куска хлѣба тысячи чело-вѣкъ. Антонинъ Пій принималъ живое участіе въ страждущемъ населеніи и оказывалъ ему дѣятельную помощь какъ изъ сбереженныхъ имъ средствъ казны, такъ и изъ собственныхъ богатствъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ своихъ богатыхъ предковъ. Особенно замѣчательны по гуманности распоряженія Антонина относительно рабовъ и христіанъ. За жестокое обращеніе господъ съ рабами законъ грозилъ тяжелою пеней первымъ и предоставлялъ право требованія выкупа послѣднимъ. Христіане, благодаря заступничеству за нихъ предъ императоромъ философа Юстина, освобождены были отъ преслѣдованій, которымъ подвергались они прежде за вѣру, что способствовало не мало распространенію христіанства въ Римской имперіи. Антонинъ извѣстенъ также тѣмъ, что первый учредилъ бесплатную школу для дѣвочекъ бѣдныхъ родителей подобно тому, какъ Траянъ учредилъ такую-же школу для мальчиковъ. Въ правленіе Антонина были воздвигнуты на его счетъ многія полезныя сооруженія какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ. Вообще время правленія Антонина Пія было, дѣйствительно, золотымъ временемъ Римской имперіи.

По смерти Антонина Пія вступилъ на престолъ усыновленный имъ Маркъ Аврелій, по прозванію Философъ. Будучи послѣдователемъ философскаго ученія стоиковъ, проникшаго изъ Греціи въ Римъ, Маркъ Аврелій видѣлъ задачу своей жизни въ дѣятельности для общаго блага и въ подчиненіи личныхъ интересовъ интересамъ государственнымъ. Съ особенною заботливостью и вниманіемъ предался Маркъ Аврелій государственнымъ дѣламъ, законодательству и устройству правосудія, руководясь тѣмъ правиломъ, что въ основѣ всякаго преступленія лежитъ заблужденіе, и потому виновный нуждается не въ наказаніи, а въ наставленіи. Многаго могъ ожидать Римъ отъ внутренней правительственной дѣятельности такого образованнаго и умнаго государя, какимъ былъ Маркъ Аврелій. Но обстоятельства сложились такъ, что все почти цар-

ствование Марка Аврелия (161—180 г.) прошло въ непрерывныхъ войнахъ, постоянно отвлекавшихъ его отъ внутреннихъ дѣлъ государства.

Уже въ самомъ началѣ правленія Марка Аврелия произошло новое возстаніе въ Британіи, и нѣкоторыя германскія племена вторглись за Рейнъ и опустошили Бельгію. Но скоро германцы (хатты) были прогнаны за Рейнъ. Болѣе сильная опасность грозила на востокѣ, со стороны паряевъ, которые перешли Евфратъ, вторглись въ Арменію, разбили римское войско, опустошили Сирію и захватили многіе города. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорной борьбы удалось римскимъ легионамъ снова отгнать паряевъ за Евфратъ и возвратить Арменію и Месопотамію. Но едва удалось покончить съ парянами и обезопасить восточныя границы, какъ пришлось вступить въ борьбу съ новыми врагами, угрожавшими уже самой Италіи съ сѣвера: то были воинственныя германскія племена, маркоманны, квады и другія, жившія по лѣвую сторону Дуная въ нынѣшней Австріи и Венгріи. Тѣснимыя готами, эти сосѣднія съ Римомъ германскія племена побѣдоносно двинулись къ югу, разбивая римскіе легионы, и съ огнемъ и мечемъ прошли до Адриатическаго моря, гдѣ осадили городъ Аквилею въ области венетовъ. При появленіи германцевъ въ самой Италіи, ужасъ распространился въ Римѣ и на всемъ полуостровѣ. Въ то-же время постигли Италію голодъ и моровая язва; упадокъ духа былъ всеобщій. Но крѣпкій духомъ стойкій императоръ бодро повелъ свои легионы противъ варваровъ, которые скоро снова отгнаны были за Дунай. Лишь только Маркъ Аврелій вернулся въ Италію, какъ за Дунаемъ вспыхнула еще болѣе опасная война, такъ какъ къ маркоманамъ и квадамъ присоединились другія племена. Положеніе имперіи было отчаянное: казна была пуста, легионы на половину уничтожены. Но Маркъ Аврелій не остановился ни предъ какими препятствіями. Онъ обратилъ въ деньги царскія сокровища, золотыя сосуды, драгоценныя камни, даже ткани, и вырученный капиталъ употребилъ на приобрѣтеніе оружія; по недостатку свободныхъ гражданъ, онъ пополнилъ легионы рабами-гладіаторами, даже дезертирами изъ германцевъ, и изъ такихъ элементовъ онъ сумѣлъ сформировать сильное войско, съ которымъ перешелъ въ Паноннію. Перешедши черезъ Дунай, онъ долго оставался въ непріятельской землѣ и не разъ наносилъ врагамъ серьезныя пораженія, пока они не стали просить мира. Маркъ Аврелій, пользуясь этимъ, заставилъ германцевъ уступить Риму полосу земли на лѣвомъ берегу Дуная и нѣкоторые пункты внутри страны, а также обязалъ ихъ ежегодно доставлять римлянамъ извѣстный контингентъ войска. Когда-же и послѣ этого маркоманны и квады разорвали цѣпь римскихъ укрѣпленій и опустошили земли на нижнемъ Дунаѣ, Марку Аврелію пришлось въ третій разъ предпринять походъ за Дунай. Изъ этого похода онъ уже и не возвращался. Онъ умеръ въ 180 г. въ Виндабонѣ (Вѣна), не успѣвъ обезпечить государства со стороны германцевъ на Дунаѣ.

Вообще царствованіе императоровъ, управлявшихъ Римомъ со смерти Домиціана и до смерти Марка Аврелія, было временемъ, когда счастье великаго народа было главнѣйшею цѣлью его государей. Но въ это время весь политическій, общественный, экономическій и нравственный строй Рима былъ уже настолько распатанъ въ своихъ основаніяхъ, что стремленія самыхъ благородныхъ государей были бессильны противъ накопившихся золъ.

Серебряный вѣкъ римской литературы. Въ періодъ управленія лучшихъ императоровъ опять проявилось движеніе въ литературѣ, совершенно почти заглохшей подъ деспотическимъ гнетомъ преемниковъ Августа, подавившихъ совершенно свободу мысли и слова. Этотъ періодъ литературы носить названіе „серебрянаго вѣка“. Главными представителями его были сатирикъ Ювеналь и историкъ Тацитъ.

Ювеналь, сынъ или приемышъ богатаго отпущенника, жилъ въ самую порочную эпоху римской исторіи, именно въ правленіе Клавдія, Нерона и Домиціана. Обладая замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ, Ювеналь въ своихъ сатирахъ съ искреннимъ, благороднымъ негодованіемъ и горькимъ сарказмомъ возстаетъ противъ извращенности своего времени. Ювеналь началъ писать сатиры, когда ему было уже за 40 лѣтъ, и уже изъ этого видно, что его произведенія не были выраженіемъ минутнаго юношескаго порыва, а негодованія вполне зрѣлаго человека. „Если природа мнѣ отказала въ стихѣ, то родитъ его негодованіе“, говоритъ самъ о себѣ Ювеналь. Въ своихъ 16 сатирахъ онъ беспощадно бичуетъ современное ему общество, изображая во всей наготѣ алчность, продажность, лицемеріе, шпіонство, раболопіе и развратъ, особенно безстыдство женщинъ. Болѣе замѣчательны по своей желчности III и IV сатиры. Такъ (въ III сатирѣ) онъ называетъ Римъ городомъ корысти и продажи, гдѣ „слѣпой развратъ давитъ все неудержимо“. Особенно язвительно нападаетъ также Ювеналь на греческихъ „риторовъ, которые занесли въ Римъ таланты всѣхъ людей, пороки всей земли“. Остроумно-шутливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ язвительнымъ тономъ говоритъ онъ о низкопоклонствѣ и раболопіи этихъ грековъ и нападаетъ на развратъ, вносимый ими въ сферу семейной жизни римлянъ. Еще болѣе зло осмѣиваетъ Ювеналь раболопіе сенаторовъ передъ императоромъ, особенно передъ Домиціаномъ, и, наконецъ, самого Домиціана. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшія произведенія Ювенала, т. е. его начальныя сатиры, сложились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ деспотизма Домиціана. Ювеналь съ гораздо большимъ успѣхомъ овладѣлъ матеріаломъ сатиры, чѣмъ ея формой: дѣйствительно, въ большей части сатиръ нѣтъ той художественной цѣлости и округленности, того гармоническаго соответствія между основной идеей произведенія и внѣшнимъ ея выраженіемъ, которое составляетъ необходимую принадлежность истинно-поэтическихъ произведеній. Въ Сатирахъ Ювенала встрѣчаются даже нерѣдко общія мѣста безъ всякой внутренней связи, а также чисто-риторическія фигуры, многословіе, повтореніе. Словомъ, настоящій характеръ Ювеналовой сатиры—это смѣсь истиннаго, глубокаго чувства съ декламацией, риторикой. Но, при недостаткѣ художественности, сатиры Ювенала имѣютъ важное историческое значеніе, какъ незамѣнимый матеріалъ для характеристики нравовъ римскаго общества второй половины I-го в. по Р. X.

Тацитъ и его сочиненія. Биографическія свѣдѣнія о Тацитѣ чрезвычайно скудны. Даже мѣсто и годъ его рожденія въ точности не извѣстны. Только по нѣкоторымъ соображеніямъ можно принять, что онъ родился не позже 54 г. по Р. X. Происходилъ Тацитъ изъ сословія всадниковъ и получилъ отличное для своего времени образованіе. На поприще общественной дѣятельности выступилъ онъ въ концѣ правленія Веспасіана; при Домиціанѣ занималъ онъ уже должность пре-

тора, а при Нервѣ достигъ даже званія консула. Съ этого времени (97 г.) начинается періодъ замѣчательной дѣятельности его, какъ историка. Въ сочиненіяхъ Корнелія Тацита римская исторія достигла высшаго своего развитія, какъ въ исторіи Фукидида — греческая. Впрочемъ, литературная извѣстность, которою пользовался Тацитъ еще въ молодые годы, была извѣстность не историка, а оратора. Весьма вѣроятно, что его первые, не дошедшіе до насъ литературные труды принадлежали главнымъ образомъ къ ораторскому роду, потому что таковы было приготвленіе Тацита къ общественной дѣятельности; но изъ всей литературной дѣятельности Тацита, которая была плодомъ его ораторскаго и риторическаго образованія, уцѣлѣло, хотя и не вполне, лишь одно, но чрезвычайно важное сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ „Разговоръ объ ораторахъ“ (*Dialogus de oratoribus*), представляющее въ разговорной формѣ изслѣдованіе о причинахъ упадка въ Римѣ краснорѣчія со времени установленія имперіи. Уже въ этомъ самомъ раннемъ изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Тацита сказались какъ замѣчательная выработка его слога, такъ и направленіе его политическихъ воззрѣній. Блестящая рѣчь, которою заканчивается «Разговоръ объ ораторахъ» и которую Тацитъ влагаетъ въ уста главнаго лица въ «Разговорѣ», Матерна, свидѣтельствуетъ о томъ, что, по сознанію самого Тацита, прошло время для ораторской дѣятельности, такъ какъ она давно уже лишилась самаго жизненнаго своего элемента — свободы.

Первое историческое сочиненіе Тацита есть жизнеописаніе его тестя Агриколы. Историкъ было уже 44 года, когда онъ выпустилъ въ свѣтъ этотъ первый историческій трудъ свой. Что Тацитъ такъ поздно выступилъ на историческое поприще, объясняется тогдашними политическими обстоятельствами, заставившими его хранить молчаніе, пока, съ умерщвленіемъ Домиціана, не кончилось то рабство мысли, на которое обречены были лучшіе люди въ Римѣ въ продолженіи его 15-лѣтней тиранніи, и не настало счастливое царствованіе Нервы, когда, по словамъ Тацита, можно было «чувствовать, что хочешь, и говорить, что чувствуешь», когда императорская власть и свобода не казались уже болѣе явленіями непримиримыми. Впродолженіи всего тягостнаго періода правленія Домиціана, Тацитъ, при всей умѣренности своихъ политическихъ воззрѣній, не оставался, однакожъ, равнодушнымъ свидѣтелемъ господствовавшаго вокругъ него деспотизма, хоть ему и приходилось по неволѣ сдерживать накупившее въ душѣ негодованіе. Въ этомъ смыслѣ жизнеописаніе Агриколы имѣетъ громадный интересъ, представляя краснорѣчивый политическій протестъ противъ правленія гнуснѣйшаго изъ тиранновъ. Собственно-же какъ біографія, сочиненіе Тацита объ Агриколѣ, хотя и замѣчательное по своему изложенію, не имѣетъ того художественнаго достоинства, какимъ обладаютъ всѣ остальные сочиненія Тацита, что объясняется, главнымъ образомъ, стараніемъ его идеализировать личность Агриколы, который, будучи честнымъ гражданиномъ, усердно служившимъ своему государству, не выдавался, однакожъ, ни силой своихъ талантовъ, ни величіемъ характера. Съ біографіей Агриколы Тацитъ сумѣлъ соединить довольно обстоятельное описаніе Британіи, гдѣ Агрикола провелъ большую часть своей службы отечеству. Это описаніе Британіи, ея народовъ и войнъ, веденныхъ ими съ римлянами, составляетъ двѣ трети всего сочиненія и имѣетъ важное научное значеніе, какъ первое описаніе Британіи, сдѣланное на основаніи вѣрныхъ источниковъ.

Вскорѣ по изданіи въ свѣтъ жизнеописанія Агриколы, появилась монографія Тацита о Германіи: „*De situ moribus populisque Germaniae*“. Это, есть чисто этнографическое сочиненіе, имѣющее и понынѣ громадную научную цѣну. Не смотря на незначительный объемъ этого сочиненія, Тацитъ сумѣлъ въ немъ съ неподражаемою ясностью и мѣткостью схватить всѣ характеристическія черты германцевъ въ ихъ семейной и общественной жизни, на войнѣ и въ мирное

время, и познакомить своих читателей как съ географіей и произведеніями страны, такъ и съ описаніемъ религіи, нравовъ и привычекъ народа. Тацитъ особенно любитъ рисовать нравственное состояніе германцевъ. Ему нравятся простота и неразвращенность ихъ нравовъ; при этомъ, обращаясь мыслію къ чудовищному разврату своихъ соотечественниковъ, онъ не разъ наводитъ читателя на контрастъ между строгимъ патриархальнымъ бытомъ германцевъ, полныхъ еще свѣжихъ силъ и неиспорченныхъ еще цивилизаціей, съ одряхлѣвшимъ Римомъ, утопающимъ въ нѣгѣ и въ порокахъ. Особенно наираетъ онъ на контрастъ между изнѣженной и развращенною женщиною утонченнаго Рима и грубою, но цѣломудренною и сильною женщиною воинственныхъ германцевъ. Говоря о добродѣтеляхъ германцевъ, Тацитъ не считаетъ нужнымъ скрывать и оборотной стороны ихъ нравовъ, и съ научною объективностію рисуетъ одинаково спокойно и свѣтлая, и темныя стороны занимающаго его народа. Вообще сочиненіе о Германіи, хотя и написано Тацитомъ не на основаніи личныхъ наблюденій, отличается, не смотря на нѣкоторыя неточности, общемою вѣрностію изображенія, блистательно подтвержденною новѣйшими изслѣдованіями.

Но слава великаго историка основывается по преимуществу на двухъ большихъ историческихъ сочиненіяхъ его, изъ которыхъ одно называется „исторіями“ („Historiarum libri“), а другое „лѣтописью“ (Annales). Въ своихъ „исторіяхъ“ Тацитъ изложилъ ходъ событій отъ Гальбы до Домиціана (69—96 г.); а въ „лѣтописи“, не сохранившейся, впрочемъ, вполнѣ,—время отъ смерти Августа до Нерона.

Въ „исторіяхъ“, написанныхъ, какъ извѣстно, раньше „лѣтописи“, Тацитъ видимо хотѣлъ изобразить картину ужаснаго правленія Домиціана въ параллель съ изображеніемъ благодатнаго времени, начатаго правленіемъ Нервы. Въ введеніи своемъ къ „Исторіямъ“ Тацитъ, дѣйствительно, обѣщаетъ вслѣдъ за описаніемъ времени Флавіевъ приступить къ описанію „благодатнѣйшаго вѣка“ Нервы и Траяна; но планъ этотъ былъ вполнѣ измѣненъ Тацитомъ, и онъ обратился къ мрачной эпохѣ преемниковъ Августа. Отъ „исторій“ Тацита до насъ дошелъ лишь небольшой отрывокъ, заключающій въ себѣ повѣствованіе о междоусобныхъ войнахъ, послѣдовавшихъ за смертью Нерона, и о началѣ правленія Веспасіана. Но отрывокъ этотъ представляетъ какъ по содержанію, такъ и по плану изложенія, нѣчто цѣлое, законченное, такъ какъ въ немъ заключается и начало, и конецъ междоусобныхъ войнъ отъ смерти Нерона до утвержденія верховной власти за Веспасіаномъ, и все это служитъ какъ-бы введеніемъ въ исторію Флавіевъ. Сущность „Исторій“ Тацита—это изображеніе крайняго извращенія принципа единовластія, или принципата, установившагося съ правленіемъ Августа, откуда Тацитъ ведетъ начало порабощенія Рима. Какимъ путемъ дошелъ принципатъ такъ скоро до того крайняго вырожденія, какое обнаружилось по низверженіи Нерона, это показываетъ Тацитъ уже въ своей „лѣтописи“.

„Лѣтопись“ начинается послѣдними днями жизни Августа, относительно котораго Тацитъ даетъ только общую характеристику. Затѣмъ слѣдуютъ глубоко трагическія картины правленій Тиберія, Клавдія и Нерона, представляющія одна за другой послѣдовательное развитіе и извращеніе единовластія и вліянія его на судьбу Римскаго государства; оканчивалась „лѣтопись“ по всей вѣроятности, низверженіемъ Нерона и послѣдовавшими непосредственно затѣмъ событіями до Гальбы, т. е. до того времени, описаніемъ котораго начинаются „исторіи“.

Въ „лѣтописи“ Тацита еще болѣе, чѣмъ въ „исторіяхъ“, живо возстаетъ предъ нами описываемая имъ эпоха во всей ея цѣлости, благодаря искусству и необыкновенному драматизму изложенія. Именно въ этихъ историческихъ сочиненіяхъ Тацита всего болѣе обнаруживается, какъ великъ художественный талантъ его; тутъ на каждой страницѣ проявляется глубина анализа и энергія чувства, оригинальность и сила таланта; наконецъ, въ этихъ сочиненіяхъ еще въ большей

степени, чѣмъ въ другихъ, болѣе раннихъ произведеніяхъ Тацита поражаетъ сила, рельефность и необыкновенная сжатость его изложенія, въ которомъ каждое слово имѣетъ особую вѣсность.

Не смотря на гениальность Тацита, на все громадные достоинства его историческихъ трудовъ и на глубокую искренность его изображеній, она, по односторонности своего содержания и крайней субъективности и пристрастности взгляда Тацита на время имперіи, не могутъ считаться вполне надежнымъ источникомъ для вѣрнаго, всесторонняго изображенія описаннаго имъ періода имперіи. Проникнутый идеалами и воззрѣніями стараго аристократически-республиканскаго Рима, которые были такъ близки и сродны его строгой, суровой и возвышенной натурѣ, Тацитъ не могъ относиться къ описываемому имъ времени *sine ira et studio*, какъ онъ общалъ въ началѣ своей лѣтописи, не могъ спокойно разсматривать послѣдовательнаго хода событій и примириться съ необходимостью паденія республиканскихъ началъ и смѣны ихъ имперіею. Поэтому онъ бичуетъ имперію, относится къ ней, какъ желчный сатирикъ. Главную часть историческихъ трудовъ Тацита наполняютъ рассказы о домашней жизни цезарей, о дворцовыхъ исторіяхъ; подробно перечисляетъ онъ проявленія рабства сенаторовъ и убійствъ, совершенныхъ императорами и ихъ временщиками въ рядахъ аристократіи; о народѣ собственно, о государственной жизни, точно такъ-же, какъ о провинціяхъ и о нравственной жизни народовъ, входившихъ въ составъ Римской имперіи, Тацитъ говоритъ очень мало. Въ виду такой односторонности и пристрастности Тацита, современная историческая критика, пользуясь сочиненіями его, какъ важнѣйшимъ источникомъ для исторіи Римской имперіи до начала II в. по Р. Х., старается внести больше объективности въ оцѣнку общаго характера и значенія перваго періода Римской имперіи, пользуется для этого и нѣкоторыми другими источниками, сохранившимися отъ того времени, каковы сочиненія Светонія, Веллея Патеркула, Діона Кассія и др.

ВРЕМЯ ВОЕННАГО ДЕСПОТИЗМА И УПАДКА ИМПЕРІИ.

Послѣ цѣлаго ряда лучшихъ императоровъ изъ дома Флавіевъ и Антониновъ наступило въ Римской имперіи смутное время полного господства солдатъ, продолжавшееся съ нѣкоторыми перерывами около ста лѣтъ (192—285 г. по Р. Х.). Наиболѣе характеристическія черты общаго состоянія Римской имперіи въ этотъ періодъ представляютъ во внутреннемъ отношеніи частыя возмущенія солдатъ и придворныя революціи, совершенное ослабленіе политическаго значенія сената, порочность и деспотизмъ императоровъ и общій упадокъ благосостоянія имперіи, — въ связи съ политическимъ разстройствомъ ея и страшными физическими бѣдствіями; въ отношеніи-же внѣшнемъ — частыя нападенія на границы Римской имперіи варваровъ: германцевъ — на сѣверѣ, и новоперсовъ — на востокѣ.

Рядъ ничтожныхъ императоровъ открывается уже со вступленіемъ на престолъ сына Марка Аврелія, Коммода (180—192), составлявшаго во всѣхъ отношеніяхъ совершенную противоположность своему отцу. Время его правленія, по крайнему деспотизму и какой-то кровавадой жесто-

кости, напомнило время Домициана. Когда-же придворный заговор положилъ конецъ Коммоду и его неистовствамъ, то возникшій по этому поводу вопросъ о престолонаслѣдїи вызвалъ наружу самыя слабыя стороны политической организаціи Рима, именно совершенное отсутствіе опредѣленнаго и законнаго порядка въ престолонаслѣдїи и своеволие солдатъ. Наибольшее историческое право на назначеніе новаго императора принадлежало сенату; но, въ дѣйствительности, уже со смерти Тиберія выборъ императора присвоили себѣ преторіанцы, и уже съ того времени вошла въ обычай, при вступленіи на престолъ каждаго новаго императора, раздача преторіанцамъ значительныхъ денежныхъ подарковъ. Частая смѣна императоровъ была поэтому въ интересахъ преторіанцевъ, которые наконецъ буквально пустили на аукціонъ право на занятіе императорскаго престола. Такъ, уже послѣ умерщвленія Коммода и наслѣдовавшаго ему на престолѣ префекта преторіанцевъ (Пертинакса), также умерщвленнаго ими послѣ трехмѣсячнаго правленія, императорское достоинство купилъ у преторіанцевъ старый богатый сенаторъ Дидій Юлианъ, заплативъ каждому изъ нихъ по 6,250 денаровъ (ок. 1,500 р.) и получивъ такимъ образомъ перевѣсъ надъ другимъ претендентомъ, предлагавшимъ только по 5,000 денаровъ на каждаго преторіанца. Но съ конца II в. по Р. Хр. войска, расположенныя въ провинціяхъ, стали оспаривать у преторіанцевъ право располагать престоломъ по своему желанію. Безначаліе и смуты еще болѣе усложнялись тѣмъ, что легіоны расположенныя въ различныхъ провинціяхъ, одновременно провозглашали своихъ начальниковъ императорами, которые вступали между собою въ открытую борьбу. Уже въ годъ смерти Коммода явилось нѣсколько императоровъ и претендентовъ на императорскій престолъ, выставленныхъ то сенатомъ, то преторіанцами, то провинціальными войсками. Послѣ кровопролитной борьбы между избранными на престолъ тремя императорами одержалъ надъ всѣми верхъ Септимій Северъ, предводитель легіоновъ, находившихся въ Панонніи, африканецъ по происхожденію, начавшій собою африканскую династію.

Въ правленіе Септимія Севера (192—211 г.), грубаго, суроваго воина, выросшаго въ лагерѣ, впервые выразился военный деспотизмъ. Первымъ его дѣломъ, по вступленіи на престолъ, было обезоружить и выгнать изъ Рима преторіанцевъ, мѣсто которыхъ заступила новая гвардія, составленная изъ избранныхъ ветерановъ провинціальныхъ войскъ въ числѣ 50,000 ч. Считая это войско единственной опорой, Септимій Северъ не щадилъ денегъ и возвысилъ имъ жалованье болѣе, чѣмъ кто-либо изъ императоровъ. Принципъ управленія Септимія Севера выразился ясно въ совѣтѣ, который далъ онъ своимъ сыновьямъ: „Будьте единодушны, обогащайте солдатъ и презирайте всѣхъ прочихъ“. Соотвѣтственно съ усиленіемъ войска и особенно новой гвардіи, возвысилось и значеніе префекта или начальника ея, который былъ поставленъ во главѣ всей арміи и, кромѣ того, получилъ первенствующее значеніе во

всѣхъ отрасляхъ управленія, въ сферѣ администраціи, суда и даже законодательства. Къ счастью для Рима, при Септиміи Северѣ префектомъ преторіанцевъ былъ знаменитѣйшій ученый законовѣдъ Папиніанъ. Сенатъ, пользовавшійся со времени Августа значительнымъ авторитетомъ и принимавшій еще нѣкоторое участіе въ управленіи даже при Комодѣ, потерялъ всякое значеніе при Северѣ, который наполнилъ сенатъ восточными уроженцами, привыкшими къ безусловному преклоненію передъ деспотизмомъ. Изъ внѣшнихъ дѣлъ Севера извѣстны его удачные походы противъ парянъ, а также противъ каледонцевъ, жителей нынѣшней Шотландіи, беспокоившихъ своими набѣгами Британію.

Пока Септимій Северъ былъ на престолѣ, господство солдатъ не отзывалось еще такъ пагубно на государствѣ; но при его ближайшихъ преемникахъ, начиная съ сына его Каракаллы, своеволіе солдатъ, узурпаціи преторіанскихъ префектовъ, внутреннія междоусобія и рѣзкія проявленія деспотизма часто смѣнявшихся императоровъ усилились и сдѣлались явленіями обычными. Рѣдкій изъ императоровъ умиралъ естественною смертію, и даже лучшіе императоры были безсильны обуздать легіоны и положить конецъ военному деспотизму и анархіи. Лучшимъ доказательствомъ такого положенія дѣлъ можетъ служить рѣзко выдающееся въ этотъ мрачный періодъ царствованіе императора Александра Севера (223—235 г.). По уму, склонному къ философіи, по кротости характера и по благородству стремленій, онъ сильно напоминалъ собою Марка Аврелія. Вступивъ на престолъ еще 17-ти лѣтъ, Александръ Северъ находился сначала подъ вліяніемъ своей умной и благородной матери Маммеи. Отсутствіе всякаго деспотизма, строгій контроль надъ администраціей, возвращеніе сенату въ значительной степени его прежняго политическаго значенія, облегченіе народа посредствомъ уменьшенія налоговъ, тщетное стремленіе къ обузданію преторіанцевъ рядомъ съ послабленіями въ ихъ пользу и совершенное безсиліе относительно нихъ правительственной власти—таковы общія черты правленія Александра Севера. Стремленіе Александра Севера и особенно его преторіанскаго префекта Ульпіана, знаменитаго своей ученостью правовѣда,—смирить преторіанцевъ и возстановить дисциплину вызвало сильное броженіе въ арміи; наконецъ преторіанцы подняли открытый мятежъ въ Римѣ и, раздраженные строгими мѣрами Ульпіана, вырвали его изъ рукъ императора и тутъ-же, на его глазахъ, безнаказанно умертвили. Три дня затѣмъ продолжалась въ Римѣ кровопролитная борьба между народомъ и преторіанцами. А между тѣмъ внѣшнее политическое положеніе имперіи было таково, что только способствовало усиленію значенія легіоновъ и ихъ необузданному своеволію. На Востокѣ, на мѣстѣ разрушеннаго парянскаго царства возникло въ 223 г. новоперсидское царство, основанное Артаксерксомъ I изъ династіи Сассанидовъ. Государство это, въ которомъ возстановленъ былъ древній культъ Зороастра и возродился воинственный духъ древнихъ персовъ, стало до того мо-

гущественнымъ, что цари его стали стремиться къ восстановленію древнеперсидской монархіи и уже скоро вторгнулись завоевателями въ римскія провинціи. Съ этимъ новоперсидскимъ царствомъ Александръ Северъ воевалъ лишь съ сомнительнымъ успѣхомъ. Между тѣмъ, въ то-же время и на рейнской границѣ имперіи стала угрожать опасность отъ движенія германскихъ племенъ, особенно со стороны аллемановъ. Александръ двинулся противъ нихъ во главѣ строптивыхъ легионовъ; но среди этого похода противъ германцевъ онъ погибъ вмѣстѣ съ матерью своею недалеко отъ Майнца отъ рукъ мятежныхъ солдатъ, возбужденныхъ преторіанскимъ префектомъ Максиминомъ, который самъ стремился къ престолу.

По умерщвленіи Александра Севера, солдаты провозгласили императоромъ убійцу его Максимина. Это былъ истый варваръ по происхожденію и образованію, сынъ гота и вандалки, бывшій еракійскій пастухъ, который возвысился въ арміи до высшихъ должностей, единственно благодаря своимъ внѣшнимъ качествамъ, богатырскому росту и силѣ, и который даже на тронѣ оставался грубымъ солдатомъ. Нуждаясь постоянно въ средствахъ, Максиминъ беспощадно грабилъ и Римъ, и провинціи, и общественныя, и частныя имущества. Римъ съ его цивилизаціей былъ ненавистенъ Максимину: онъ даже и не показывался въ Римѣ, а управлялъ имперіей изъ лагерей на Рейнѣ и Дунаѣ. Никогда еще господство военнаго деспотизма не было столь ужаснымъ, какъ трехлѣтнее правленіе Максимина: всѣ классы римскаго общества одинаково чувствовали на себѣ гнетъ его тиранніи, которая вызвала наконецъ возстаніе въ провинціяхъ. Возведенный на престолъ солдатами, Максиминъ былъ ими-же умерщвленъ (238 г.). Послѣ этого наступаетъ на время въ римской имперіи совершенный хаосъ: сенатъ, преторіанцы и провинціи представляютъ одновременно своихъ императоровъ, которые погибаютъ большею частію во взаимной борьбѣ. Впродолженіи не болѣе 12-ти лѣтъ (238—249 г.) погибло, не считая Максимина, десять императоровъ. Въ кратковременное правленіе императора Деція (249—251 г.), челоѣка древне-римскихъ нравовъ, возвращено на время сенату его значеніе и успѣшно отражено нападеніе германскаго племени готовъ, вторгнувшихся съ Дуная на Балканскій полуостровъ; затѣмъ снова наступило въ Римской имперіи смутное время, въ которое въ разныхъ провинціяхъ явилось одновременно до 20 императоровъ, губившихъ государство своими междоусобными войнами. Время это, по внѣшнему сходству съ политическимъ состояніемъ Аѳинъ послѣ пелопонесской войны, извѣстно у римскихъ историковъ подъ названіемъ эпохи тридцати тиранновъ. Смутнымъ состояніемъ Римской имперіи воспользовались враги ея и напали на нее со всѣхъ сторонъ: новоперсы вторгнулись въ Сирію подъ начальствомъ своего воинственнаго царя Сапора; сѣвернымъ границамъ имперіи угрожали усилившіеся племенными союзами германцы: аллеманы, франки и готы. Къ этимъ политическимъ бѣдствіямъ присоединились еще страш-

ныя физическія бѣдствія, опустошившія имперію: таковы 15 лѣтъ продолжавшаяся моровая язва, похищавшая населеніе цѣлыми массами; часто повторявшійся голодъ и страшныя землетрясенія. Возстановителемъ имперіи въ этомъ бѣдственномъ положеніи ея явился наконецъ Авреліанъ (270—275 г.), мужественный и суровый полководецъ, возвратившій на время Риму внутреннее и внѣшнее спокойствіе: онъ всюду одержалъ верхъ надъ остальными императорами, своими соперниками, и остановилъ набѣги готовъ, заключивъ съ ними миръ и уступивъ имъ провинцію Дакію, и наконецъ возстановилъ восточную границу имперіи, разрушивъ возникшее въ Сиріи и быстро возвысившееся Пальмирское царство, основатель котораго, предводитель арабскаго племени, Оденатъ, хотя и получилъ царскій титулъ отъ римскихъ императоровъ за свое содѣйствіе въ борьбѣ съ новоперсами, стремился, однако, воспользоваться замѣшательствомъ въ Римской имперіи, чтобы проложить путь къ самостоятельности западной Азіи относительно Рима. Авреліанъ, подобно всѣмъ почти лучшимъ императорамъ эпохи военнаго деспотизма, умерщвленъ былъ солдатами, которые возвели вскорѣ на престолъ храбраго полководца Проба, иллирійца по происхожденію (276—282 г. по Р. Хр.). Онъ улучшилъ военный порядокъ посредствомъ введенія въ него строгой дисциплины; успокоилъ провинціи; обезпечилъ сѣверныя границы отъ нападеній вандаловъ, бургундовъ и аллемановъ; заставлялъ солдатъ рыть каналы, возводить пограничныя укрѣпленія, разводить виноградныя лозы въ Галліи, на Рейнѣ и въ Венгріи; недовольные этимъ солдаты утервили Проба. Подобная-же участь постигла трехъ бывшихъ послѣ него императоровъ. Наконецъ этой анархіи положилъ предѣлъ императоръ Діоклетіанъ, задумавшій коренное преобразование потрясеннаго государственнаго строя Рима.

ВРЕМЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ РЕФОРМЪ.

Діоклетіанъ (284—305 г. по Р. Х.), сынъ вольноотпущенника, былъ родомъ изъ небольшого далматскаго селенія Діоклеи. Человѣкъ умный, строгій и съ большою силою характера, хотя и безъ образованія, честолюбивый Діоклетіанъ сумѣлъ добиться сначала высшихъ должностей въ арміи, а потомъ и престола. Но Діоклетіанъ преслѣдовалъ не однѣ только личныя цѣли, а хотѣлъ воспользоваться своею властью для успокоенія и возвышенія государства.

Чтобы ввести больше порядка въ управленіи обширною имперіею и устранить громадное вліяніе легіоновъ на избраніе новыхъ императоровъ, Діоклетіанъ, обуздавъ своеволіе солдатъ и положивъ конецъ ихъ господству, рѣшилъ ввести новую систему управленія и престолонаслѣ-

дія. Обнаруживавшееся не разъ впродолженіи III-го в. стремленіе провинцій, особенно западныхъ (Галліи, Британіи), къ самостоятельности и сознаніе невозможности для одного императора управиться съ столь обширнымъ государствомъ, особенно въ виду опасности, угрожавшей ей на сѣверныхъ и восточныхъ границахъ, побудили Діоклетіана взять себѣ въ соправители друга своего Максиміана съ титуломъ цезаря. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того Діоклетіанъ рѣшился избрать еще двухъ цезарей, опытныхъ полководцевъ—Галерія и Констанція Хлора. Діоклетіанъ же и Максиміанъ приняли титулъ августовъ. При этомъ управление государствомъ было слѣд. образомъ раздѣлено между 4-мя правителями: Востокъ и Фракію Діоклетіанъ оставилъ себѣ, Италію и Африку отдалъ въ управленіе Максиміану, Констанцій Хлоръ получилъ Испанію, Галлію и Британію, Галерій-же—Иллирію въ обширномъ смыслѣ, Македонію и Грецію. По плану Діоклетіана, по истеченіи извѣстнаго времени, оба августа (на этотъ разъ самъ онъ и Максиміанъ) должны были вернуться къ частной жизни, отказавшись отъ власти въ пользу цезарей, которые, принявъ титулъ августовъ, должны были избрать себѣ двухъ новыхъ товарищей по управленію съ титуломъ цезарей, которые, въ свою очередь, по истеченіи извѣстнаго срока, должны были сдѣлаться августами и т. д. При этомъ одинъ изъ августовъ долженъ былъ носить званіе главнаго императора, и ему должно было принадлежать первенство, т. е. рѣшающій голосъ въ дѣлахъ управленія и избранія цезарей. Такимъ образомъ Діоклетіанъ надѣялся предотвратить произволъ легионовъ при избраніи каждаго новаго императора и обезпечить имперіи спокойствіе и безопасноть. Самъ Діоклетіанъ, дѣйствительно, остался вѣренъ своему плану, и по истеченіи 20-ти лѣтъ со вступленія на престолъ, сложилъ съ себя императорское достоинство. По настоянію Діоклетіана, и Максиміанъ также долженъ былъ сложить съ себя званіе августа, хотя и исполнилъ это неохотно. Но установленный Діоклетіаномъ искусственный порядокъ лишенъ былъ необходимой прочности вслѣдствіе честолюбія правителей и совершенно естественныхъ притязаній ближайшихъ потомковъ августовъ и цезарей. Дѣйствительно, уже тотчасъ послѣ отреченія отъ власти Діоклетіана и Максиміана, послѣдній опять предъявилъ свои притязанія на власть и вступилъ въ борьбу за императорскій престолъ, а вскорѣ затѣмъ непримиримыя притязанія различныхъ правителей вызвали въ государствѣ серьезныя смуты.

Стремясь къ возвышенію авторитета императорской власти, Діоклетіанъ не остался жить въ Римѣ, а избралъ своею резиденціей г. Никомедію, въ Малой Азіи. Такой выборъ резиденціи обусловливался отчасти военными соображеніями, такъ какъ Никомедія находилась на восточной границѣ, постоянно угрожаемой вторженіями новоперсовъ; но еще большее значеніе имѣли тутъ правительственныя соображенія.

Римъ уже съ начала III-го в. сталъ утрачивать значеніе столицы міра, такъ какъ многіе императоры проживали во все время своего прав-

ленія болѣе въ лагерѣ, чѣмъ въ столицѣ, а многіе императоры, будучи иностранцами, чуждались Рима по равнодушію. Діоклетіанъ-же, стремившійся къ возвышенію абсолютной власти императора, избѣгалъ Рима, съ именемъ котораго связаны были многія республиканскія учрежденія и воспоминанія. Уже свободныя формы обращенія римлянъ съ императоромъ казались Діоклетіану напоминаніемъ республиканскаго равенства и совершенно противорѣчили его высокому понятію объ императорѣ, какъ о священной особѣ и земномъ божествѣ. Итакъ, оставивъ ненавистный ему Римъ, Діоклетіанъ поселился въ Никомедіи, гдѣ окружилъ себя пышнымъ и строгимъ этикетомъ персидскаго царя и гдѣ сдѣлался почти недоступнымъ для своихъ подданныхъ. По отреченіи своемъ отъ императорскаго достоинства, Діоклетіанъ удалился въ Спалатумъ (нынѣ Спалатро), въ Далмаціи, гдѣ жилъ частнымъ человѣкомъ въ своей виллѣ, занимаясь, главнымъ образомъ, своимъ огородомъ.

Благодаря правительственнымъ мѣрамъ Діоклетіана, Римская имперія почти во все время его управленія пользовалась внутреннимъ и внѣшнимъ спокойствіемъ; но новыя формы государственнаго быта, установленнаго Діоклетіаномъ, имѣли послѣдствіемъ увеличеніе придворнаго штата и массы чиновниковъ и солдатъ, что въ свою очередь вызвало увеличеніе и безъ того уже обременительныхъ налоговъ. Къ темнымъ сторонамъ правленія Діоклетіана относится также и преслѣдованіе имъ христіанъ. Но это гоненіе на христіанъ было воздвигнуто въ 303 г., по настоянію Галерія; въ теченіе-же почти 20-лѣтняго правленія Діоклетіана христіане пользовались полною безопасностію.

Пока Діоклетіанъ стоялъ въ главѣ управленія, онъ, не смотря на раздѣленіе власти, умѣлъ поддерживать единство ея и свой верховный авторитетъ и сдерживать честолюбіе соправителей; но послѣ смерти Діоклетіана установленный имъ принципъ раздѣленія власти послужилъ поводомъ къ междоусобнымъ войнамъ, продолжавшимся 18 лѣтъ, пока наконецъ вся власть не перешла къ одному лицу, сыну Констанція Хлора—Константину Великому, который можетъ считаться завершителемъ абсолютной монархической системы.

КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ (324—337 г. ПО Р. Х.).

Побѣда Константина Великаго подъ знаменіемъ креста. Воспитанный въ уваженіи къ христіанству, подъ вліяніемъ своей матери Елены, ревностной христіанки, Константинъ Великій, будучи сначала правителемъ Галліи, привлекъ на свою сторону христіанъ, сильныхъ какъ по единодушію, такъ и по возрастающей численности, особенно въ рядахъ рим-

скаго войска, и имъ былъ онъ обязанъ преимущественно торжествомъ надъ своими соперниками.

Стремясь къ единодержавію, Константинъ Великій долженъ былъ выдержать упорную борьбу съ однимъ изъ самыхъ сильныхъ своихъ соперниковъ, правителемъ Италіи Максенціемъ. Съ началомъ похода Константина въ Италію связано слѣдующее преданіе. Однажды, въ жаркое время дня, когда воины разбрелись по палаткамъ, Константинъ сидѣлъ, погруженный въ глубокую думу о томъ, какой исходъ будетъ имѣть для него предстоящая борьба. Вдругъ видитъ онъ на небѣ исполинское крестное знаменіе, окруженное яркимъ сіяніемъ, и подъ нимъ слова: „симъ знаменіемъ побѣдишь!“ Когда послѣ этого онъ двинулся къ Риму, гдѣ должна была произойти рѣшительная битва (312 г.), то предъ сраженіемъ велѣлъ поставить на императорскихъ знаменахъ, вмѣсто римскаго орла, крестъ, какъ символъ побѣды, и именемъ Христа украсить щиты. Это сильно воодушевило христіанъ, которыхъ было много въ арміи Константина, и потому, когда встрѣтились они съ войсками Максенція на берегахъ Тибра, то сражались въ особенномъ воодушевленіемъ. Всюду, гдѣ показывалось знамя креста, непріятель обращался въ бѣгство. Самъ Максенцій погибъ во время битвы, и Константинъ безпрепятственно вступилъ въ Римъ. Таковъ былъ исходъ рѣшительной битвы, въ которой, какъ говоритъ христіанская легенда, ополченіе ангеловъ ратовало за Константина. Скоро послѣ этой побѣды Константинъ издалъ указъ, которымъ разрѣшилъ христіанамъ свободно исповѣдывать ихъ религію, строить храмы и занимать общественныя должности. Послѣ долгой борьбы съ другимъ своимъ соперникомъ, врагомъ христіанъ, Лициніемъ, овладѣвшимъ восточною частію имперіи, Константинъ Великій сдѣлался въ 324 г. единодержавнымъ властителемъ всей Римской имперіи и объявилъ христіанство господствующею религіей.

Торжество христіанства. Заботясь объ устройствѣ христіанской церкви, Константинъ строилъ храмы, даровалъ духовенству земли и свободу отъ податей и старался о прекращеніи церковныхъ распрей или ересей, которыя начали возникать между христіанами. Такъ, по поводу ученія Арія о неравенствѣ Сына Божія съ Богомъ Отцомъ, Константинъ собралъ въ г. Никеѣ (въ Малой Азіи) первый вселенскій соборъ изъ епископовъ и священниковъ, на которомъ осуждена была ересь Арія и составленъ символъ вѣры. Константинъ принялъ крещеніе уже незадолго предъ смертью. Подобно многимъ другимъ новообращеннымъ того времени, онъ откладывалъ крещеніе до конца жизни, чтобы посредствомъ него освободиться отъ всѣхъ предъидущихъ грѣховъ. Въ послѣдніе годы своего правленія онъ способствовалъ усердно обращенію язычниковъ, началъ закрывать языческіе храмы и ниспровергать идоловъ.

Новая столица. Перешедши на сторону христіанъ и стремясь къ неограниченной власти, Константинъ не хотѣлъ оставить столицею своего государства Римъ, гдѣ все еще сохранялись остатки республиканскихъ

учрежденій и гдѣ язычество имѣло много ревностныхъ приверженцевъ, явно выражавшихъ свое недовольство противъ Константина за предпочтеніе, оказываемое имъ христіанамъ. Константинъ выбралъ для новой столицы древній греческій городъ Византію, который занималъ мѣстоположеніе очень выгодное для мореплаванія и торговли и одинаково близкое отъ сѣверныхъ и восточныхъ границъ, наиболѣе нуждавшихся тогда въ охраненіи со стороны Дуная—отъ германцевъ, а со стороны Евфрата—отъ новоперсовъ. Константинъ украсилъ городъ, названный сначала Новымъ Римомъ, а впослѣдствіи Константинополемъ, многими зданіями, храмами (соборъ св. Софіи), дворцомъ, театрами, циркомъ и лучшими памятниками древняго искусства, перевезенными въ новую столицу изъ разрушенныхъ языческихъ храмовъ другихъ городовъ. Скоро „Новый Римъ“ затмилъ собою древній Римъ.

Административное раздѣленіе Римской имперіи. Для лучшаго управленія имперіей Константинъ далъ ей новое устройство—вполнѣ монархическое. Сенатъ, который сохранялъ еще хоть нѣкоторое значеніе, былъ закрытъ. Онъ раздѣлилъ имперію на 4 намѣстничества или префектуры, подраздѣлявшіяся на области и провинціи. Чтобы отнять у намѣстниковъ средства къ возмущенію, военная власть отдѣлена отъ гражданской. Константинъ уничтожилъ также корпусъ преторіанцевъ, который имѣлъ прежде такую силу. Для различныхъ отраслей управленія учредилъ онъ должности министровъ, которые были непосредственно подчинены императору. Дворъ свой онъ окружилъ чрезвычайною роскошью и многочисленнымъ штатомъ высшихъ и низшихъ чиновъ съ различными титулами, вслѣдствіе чего увеличены были и подати; но народъ, благодаря строгому порядку въ управленіи, отдохнулъ отъ предшествовавшихъ правленію Константина смуть и насилій. Константинъ умеръ въ 337 г. по Р. Х. Церковь причла его за дѣянія въ пользу церкви къ лику святыхъ и наименовала равноапостольнымъ.

Начало монашества. Монастыри возникли прежде всего на Востоцѣ и именно въ Египтѣ. Нѣкоторые изъ благочестивыхъ христіанъ, проникнутые мыслью о служеніи Богу и объ отреченіи отъ всего земнаго, избирали отшельническую жизнь и поселялись въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ добровольно подвергались всевозможнымъ лишеніямъ и самоиспытаніямъ, нерѣдко проводили ночи безъ сна, спали на голой землѣ, питались лишь хлѣбомъ съ солью и водой и т. п. Эти „уединенныя жилища“ послужили началомъ для основанія монастырей, въ которыхъ отшельники жили по кельямъ небольшими группами, подчиняясь извѣстнымъ правиламъ общежитія. Основаніе перваго монастыря относится ко времени установленія единодержавія Константина В. (326 г.) и принадлежитъ Пахомію, родомъ изъ Верхняго Египта, недалеко отъ Оивъ.

Въ эпоху почти всеобщаго нравственнаго упадка въ Римской имперіи монастыри служили убѣжищемъ истиннаго благочестія. Въ стѣнахъ монастырей даже многіе изъ людей порочныхъ дѣлались мало по

малу людьми добродѣтельными. Монастыри много способствовали также поддержанію мирныхъ промысловъ, особенно земледѣлія, и сохраненію письменности въ вѣка невѣжества, наступившаго по разрушеніи Римской имперіи варварами.

Теодосій Великій и паденіе Западной Римской имперіи. Послѣ Константина Великаго, возстановившаго единодержавіе, имперія еще не разъ раздѣлялась между нѣсколькими правителями, пока она не была соединена въ послѣдній разъ императоромъ Теодосіемъ Великимъ.

Самую важную сторону правленія Теодосія Великаго составляетъ дѣятельность его относительно религіи и церкви, доставившая полное господство христіанству въ Римской имперіи. Уже послѣ объявленія христіанства господствующей религіей при Константинѣ В., императоръ Юліанъ-Отступникъ сдѣлалъ попытку возстановить падающее язычество. Онъ издалъ указъ о возстановленіи разрушенныхъ языческихъ храмовъ и началъ притѣснять христіанъ. Теодосій, напротивъ, съ самаго начала своего правленія стремился къ совершенному уничтоженію идолопоклонства. Указомъ 392 г. онъ, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, запретилъ всякое почитаніе идоловъ и совсѣмъ закрылъ языческіе храмы.

Теодосій Великій много способствовалъ возвышенію авторитета христіанской церкви примѣромъ собственнаго смиренія, обнаруженнаго имъ при наложеніи на него церковнаго покаянія Амвросіемъ, епископомъ миланскимъ. Это произошло по слѣдующему поводу. Жители города Фессалоники (нынѣ Солунь), выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями начальника города, умертвили его. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Теодосій, въ пылу гнѣва, велѣлъ истребить всѣхъ гражданъ возмущившагося города. Подъ предлогомъ игры, жители были собраны въ циркъ, и, когда онъ наполнился зрителями, вооруженные солдаты напали на беззащитную толпу и перебили всѣхъ безъ различія возраста и пола. Число убитыхъ простиралось до 10 т. Когда извѣстіе объ этомъ кровопролитіи достигло Милана, тогдашней резиденціи Теодосія, архіепископъ Амвросій написалъ ему письмо, полное укоризнъ, и призывалъ его къ покаянію. Когда-же Теодосій, сознавъ свою вину и необходимость покаянія, пошелъ въ соборную церковь, Амвросій остановилъ его у входа и воспретилъ ему вступать въ домъ Господень. Восемь мѣсяцевъ продолжалось отлученіе Теодосія отъ церкви, на которое осудилъ его Амвросій. Наконецъ Теодосію позволено было принести покаяніе. Оно происходило всенародно въ миланской соборной церкви. Теодосій предсталъ въ одеждѣ кающагося грѣшника и, повергшись на землю, всенародно молилъ Бога о прощеніи. Только послѣ такого униженія Амвросій снялъ съ него отлученіе и снова принялъ въ лоно церкви.

Теодосій замѣчательнъ также своими побѣдами надъ германскимъ племенемъ вестготами; онъ остановилъ опустошеніе ими Балканскаго полуострова и нападеніе, угрожавшее со стороны ихъ и Италіи. Переходъ вестготовъ въ предѣлы Римской имперіи былъ первымъ актомъ

начавшагося съ этого времени громаднаго движенія германцевъ, извѣстнаго подъ именемъ „великаго переселенія народовъ“.

Начало переселенія народовъ. Готы въ предѣлахъ Римской имперіи. **Раздѣленіе Римской имперіи на западную и восточную.** Толчокъ движенію германцевъ данъ былъ нашествіемъ монгольскаго племени гунновъ въ 375 г. Во время этого нашествія германскія племена не составляли еще прочныхъ государственныхъ союзовъ, а жили разрозненными племенами, которыя соединялись на случай видимой опасности. Такихъ племенныхъ союзовъ образовалось съ конца III в. нѣсколько: союзъ франковъ, саксовъ, свевовъ, аллемановъ и самый восточный—готскій. Послѣдній союзъ состоялъ изъ вестготовъ и остготовъ и занималъ огромное пространство между Балтійскимъ и Чернымъ морями и нижнимъ теченіемъ Дуная отъ С. къ Ю., отъ Вислы и Тиссы до Дона—отъ З. къ В. Кромѣ готовъ, въ составъ этого союза входили и др. германскія племена: герулы, гепиды и т. д. Готамъ подчинялись и славяне прибалтійскіе и финны, жившіе на пространствѣ между Балтійскимъ и Чернымъ морями. Остготы и вестготы раздѣлялись рѣкою Днѣстромъ. Гунны напали на остготовъ, жившихъ между Днѣстромъ и Дономъ, и подчинили ихъ вмѣстѣ со всѣми подвластными имъ племенами. Вестготы, изъ опасенія подобной-же участи, переходятъ черезъ Дунай въ предѣлы восточной части Римской имперіи съ позволенія Валента, брата и сопровителя императора Валентиніана. Но, возмущенные притѣвленіями чиновниковъ восточной части имперіи, вестготы поднимаютъ возстаніе и опустошаютъ весь Балканскій полуостровъ. Противъ нихъ императоръ римскій (Граціанъ) отправляетъ опытнаго полководца Θεодосія. Онъ смирилъ вестготовъ и заставилъ ихъ даже поставлять ежегодно извѣстный контингентъ для службы римскому императору. Скоро затѣмъ Θεодосій умираетъ. Передъ смертію онъ дѣлитъ имперію Римскую между своими двумя сыновьями. Это раздѣленіе имперіи вызывалось обширностію ея и опасностію, угрожавшей ей отъ вторженія германцевъ. Опустошеніе Балканскаго полуострова готами показало силу варваровъ и тѣмъ болѣе внушало опасеній, что по смерти Θεодосія преемниками его остались несовершеннолѣтніе сыновья (Гонорій и Аркадій). Такимъ образомъ начавшееся переселеніе народовъ ускорило окончательное раздѣленіе имперіи. Попытки къ такому раздѣленію были сдѣланы еще прежде, при Діоклетіанѣ и Константинѣ В. Но при этихъ попыткахъ раздѣленія единство имперіи оставалось ненарушимымъ, между тѣмъ какъ раздѣленіе Θεодосія на восточную и западную имперіи вызывалось не одними административными соображеніями, а коренилось въ самомъ характерѣ этихъ двухъ половинъ, какъ относительно состава населенія, такъ и цивилизаціи: въ западной преобладала латинская, а въ восточной—греческая цивилизація. Западная обнимала, кромѣ Италіи, Галлію, Британію, Испанію и сѣверную Африку, восточная—Балканскій полуостровъ, провинціи въ передней Азіи и Египетъ.

Постепенное занятіе германцами провинцій Западной Римской имперіи и паденіе ея. Когда по смерти Θεодосіа имперія была раздѣлена между его несовершеннолѣтними сыновьями, то вестготы, усмиренные Θεодосіемъ, приняли опять угрожающее положеніе тѣмъ болѣе опасное, что во главѣ ихъ сталъ талантливый вождь—Аларихъ.

Опустошивъ Балканскій полуостровъ, готы стали угрожать Италіи и даже вторглись въ сѣверную часть ея. Стилихонъ, полководецъ Гонорія, разбилъ вестготовъ (въ двухъ битвахъ при Поленціи и Веронѣ). Но, въ виду новой опасности, угрожавшей Италіи отъ союзовъ германскихъ племенъ, двгавшихся на Италію, Стилихонъ, побѣдивъ Алариха, все-таки поддерживалъ съ нимъ дружественныя отношенія и даже обѣщался ему извѣстной ежегодной данью за сохраненіе нейтралитета при дальнѣйшихъ нападеніяхъ германцевъ. Когда-же въ 406 году почти полумилліонная масса свевовъ, бургундовъ, вандаловъ и другихъ народовъ вторглись въ Италію, Стилихонъ разбилъ ихъ (недалеко отъ Флоренціи) и заставилъ двинуться въ Галлію и Испанію. Бургунды утвердились въ юго-восточной Галліи и образовали первое германское королевство на почвѣ римской; свевы-же, вандалы, алане и другіе двинулись на Пиренейскій полуостровъ. Между тѣмъ, Стилихонъ, возбуждивъ подозрѣніе въ стремленіи своемъ къ захвату власти императорской, былъ убитъ по приказанію Гонорія. Тогда Аларихъ, не получая обѣщанной дани и мстя за притѣсненіе готовъ-аріанъ, находившихся въ службѣ римскаго императора, нѣсколько разъ нападалъ на Италію и наконецъ въ 410 г. предалъ Римъ страшному раззоренію. Но скоро Аларихъ умеръ, а преемникъ его Атаульфъ увелъ вестготовъ изъ Италіи; они утвердились въ юго-западной Галліи и сѣверо-восточной части Испаніи и образовали королевство въ 419 г. Скоро послѣ этого вандалы изъ южной Испаніи перешли въ сѣверную Африку и образовали королевство на мѣстѣ древняго Картагена—Вандальское (въ 429 году).

По отозваніи Стилихономъ римскихъ легионовъ изъ Британіи для защиты Италіи отъ свевовъ, бургундовъ и др., бритты остались беззащитны отъ нападеній пикетовъ и скоттовъ и призвали на помощь (въ 449 г.) англосаксовъ; отразивъ горныхъ шотландцевъ, англосаксы завладѣли Британіей и основали въ ней 7 англо-саксонскихъ королевствъ.

Такимъ образомъ, въ половинѣ V-го вѣка большая часть областей Западной Римской имперіи (Испанія, Британія, Африка и большая часть Галліи) была уже во власти германцевъ; за Римскою имперіей оставалась еще, кромѣ Италіи, лишь сѣверо-западная Галлія.

Скоро и эти области подверглись опустошительнымъ нашествіямъ гунновъ, сдѣлавшихся опять грозными подъ предводительствомъ Атиллы.

Въ 451 г. Атилла двинулся на Галлію, но она была спасена помощію римскихъ легионовъ, предводимыхъ римскимъ полководцемъ Аэціемъ и вестготами. Произошла битва на Каталаунскихъ поляхъ близъ Шалона-на-Марнѣ. Атилла былъ разбитъ. Въ 452 г. онъ двинулся въ Италію и опустошилъ сѣверную ея часть. Болѣзни въ войскѣ гуннскомъ и заступничество папы Льва I-го спасли Италію. Атилла возвратился въ Панонію и въ слѣдующемъ 453 г. умеръ. Тогда распалась гуннская держава, и изъ-подъ власти ея освободились подпавшія ей племена: остготы, герулы, гепиды и др. Остготы перешли черезъ Дунай въ Восточную Римскую имперію, а герулы, гепиды, ругіи и др. вторглись въ Италію и нанялись въ службу къ римскому императору.

Отъ 456—476 г. вожди этихъ наемныхъ германскихъ дружинъ (Рицемеръ, Гундобальдъ, Одоакръ) собственно и управляли монархіею, возводя и низводя по своему произволу римскихъ императоровъ. Наконецъ эти наемныя германскія дружины потребовали отъ императора раздѣла между ними третьей части италійскихъ земель, но не получили удовлетворенія.

Тогда Одоакръ (вождь геруловъ, ругіевъ и др.) свергъ послѣдняго импера-

тора Ромула-Августа в 476 г. и провозгласил себя королемъ Италіи. Войны Одоакра разсыпались по всей Италіи и предали ее грабежу и опустошенію. Съ согласія римскаго сената, Одоакръ, сдѣлавшись королемъ, раздѣлилъ между членами своей дружины третью часть лучшихъ земель Италіи. Сверженіе съ престола послѣдняго малолѣтняго императора не произвело никакого впечатлѣнія на современниковъ и не вызвало никакого протеста со стороны населенія Италіи, привыкшаго уже къ подобнымъ переменамъ. По сверженіи Ромула-Августа, Италія продолжала смотрѣть на византійскаго императора, какъ на естественнаго преемника Ромула-Августа. Самъ Одоакръ не рѣшился присвоить себѣ императорскій титулъ: онъ отослалъ всѣ знаки императорскаго достоинства византійскому императору Зенону и призналъ себя какъ-бы его намѣстникомъ.

Настоящею причиною паденія имперіи былъ начавшійся еще съ конца нуническихъ войнъ политическій, общественный, религіозный и экономическій упадокъ, постепенно въ теченіе почти семи вѣковъ подтачивавшій самое основаніе Римскаго государства и подготовлявшій его разложеніе.

Послѣ сверженія послѣдняго римскаго императора, Сиагрія, намѣстникъ его въ Галліи, оставшейся еще въ зависимости отъ Рима, сдѣлался самостоятельнымъ правителемъ. Но скоро франки салическіе подъ предводительствомъ Хлодвига вторглись въ Галлію, отняли у Сиагрія его владѣнія послѣ битвы при Суассонѣ, подчинили себѣ почти всю Галлію въ 486 г. и положили основаніе франкскому королевству.

Наконецъ въ самой Италіи образовались въ 493 г. самостоятельное германское королевство, основаніе которому положилъ остготскій король Теодорихъ Великій. Остготы, пришедшіе послѣ освобожденія изъ-подъ власти гунновъ на службу въ Восточную Римскую имперію, стали заниматься грабежомъ и опустошеніемъ областей Византіи и стали даже угрожать самой столицѣ ея. Тогда императоръ Зенонъ, желая избавиться отъ остготовъ, указалъ вождю ихъ Теодориху на Италію, поручивъ ему посредствомъ формальнаго алта отнятіе у Одоакра Италіи и управленіе ею, какъ владѣніемъ византійскаго императора. Теодорихъ двинулся въ Италію, вытѣснилъ Одоакра и сдѣлался самостоятельнымъ правителемъ Италіи въ 493 году.

Такимъ образомъ въ теченіи V-го вѣка мало-по-малу образовались въ предѣлахъ Западной Римской имперіи слѣдующія германскія королевства: бургундское, вестготское, вандалское, семь англо-саксонскихъ, франкское и наконецъ остготское.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ДЛЯ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ И РИМА.

ГРЕЦИЯ.

Исторія Греціи, по естественному ходу событій, распадается на пять періодовъ: 1) періодъ доисторическій или легендарный—отъ древнѣйшаго времени до вторженія дорянъ въ Пелопонесъ; 2) періодъ образованія дорическихъ государствъ въ Пелопонесѣ и установленія гегемоніи Спарты, а также постепеннаго образованія греческихъ республикъ съ характеромъ аристократическимъ или демократическимъ—отъ вторженія дорянъ въ Пелопонесъ до греко-персидскихъ войнъ; 3) періодъ высшаго могущества греческихъ республикъ и самаго полнаго развитія противоположности аристократическихъ и демократическихъ началъ,—отъ начала греко-персидскихъ войнъ до конца пелопонесской войны; 4) періодъ упадка греческихъ республикъ и начало возвышенія Македоніи—отъ конца пелопонесской войны до подчиненія Греціи Филиппу Македонскому; 5) періодъ македонскаго владычества — отъ подчиненія Греціи Македоніи до обращенія Греціи въ римскую провинцію подъ именемъ Ахаіи. Главныя хронологическія данныя, относящіяся къ каждому изъ этихъ періодовъ, суть слѣдующія:

до Р. Хр.

Первый періодъ —приблизительно до	1100
Троянская война	1194—1184
Второй періодъ	1100—500
Вторженіе дорянъ въ Пелопонесъ около	1100
Упраздненіе царской власти въ Аѣинахъ со смертью Кодра	1068

Издание законовъ Ливурга	830—820
Первая мессенская война	743—724
Вторая мессенская война	685—668
Издание законовъ Дракона	624
Попытка Килона къ установленію тиранніи въ Аѣинахъ	612
Издание законовъ Солона	594
Тираннія Пизистратидовъ	560—510
Изгнание Гипсія	510
Законы Клисѣена	509
Третій періодъ	500—404
Греко-персидскія войны	500—449
Возстаніе малоазійскихъ грековъ	500
Походъ Мардонія въ Грецію	493
Мараѳонская битва	490
Битвы при Фермопилахъ и при Саламинѣ	480
Битвы при Платеѣ и при Микале	479
Переходъ гегемоніи на морѣ къ Аѣинамъ и образованіе Делосскаго союза	477
Побѣда Кимона надъ персами при р. Эвримедонѣ	469
Такъ назыв. Кимоновъ миръ	449
Эпоха Перикла	449—429
Пелопонесская война	431—404
Никіевъ миръ	421
Битва при Эгосъ-Потамосѣ	405
Разрушеніе стѣнъ аѣинскихъ и конецъ пелопонесской войны	404
Четвертый періодъ	404—338
Правленіе тридцати въ Аѣинахъ	404—403
Судъ надъ Сократомъ и смерть его	399
Начало спартанско-персидской войны	399
Коринская война	394
Анталкидовъ миръ	387
Возстаніе Фивъ противъ Спарты	379
Фиванско-спартанскія войны	378—362
Битва при Левктрахъ	371
„ „ Мантинѣ	362
Филиппъ Македонскій	361—361
Битва при Херонеѣ	338

Пятый періодъ	338—146
Александръ Македонскій	336—323
Побѣды Александра Македонскаго при Граникѣ	334
„ „ „ „ Иссъ	333
„ „ „ „ Гавгамелѣ	331
Окончательное раздѣленіе монархіи Александра Македонскаго послѣ битвы при Ипсѣ	301
Образованіе Ахейскаго союза для противодѣйствія Македонскому владычеству	280
Неудачная попытка Агиса III совершить въ Спартѣ аграрную реформу и смерть его	237
Совершенное пораженіе Клеомена III македонскимъ царемъ Антигономъ Досономъ при Селласіи (въ Лаконіи)	222
Побѣда римскаго консула Фламинія надъ Филиппомъ III при Киноскефалахъ (въ Фессаліи) и провозглашеніе имъ на Истмійскихъ играхъ освобожденія грековъ отъ македонскаго владычества	196
Совершенное пораженіе македонской арміи при Пиднѣ консуломъ Луціемъ Эмилиемъ Павломъ	168
Покореніе Македоніи Римомъ	148
Покореніе Греціи и обращеніе ея въ римскую провинцію подъ именемъ Ахаіи	146

Р И М Ъ.

Исторія Рима, обнимающая всего слишкомъ 12 вѣковъ—отъ 753 г. до Р. Хр. и до 476 г. по Р. Хр., естественно распадается на три періода: а) періодъ царей 753—510, до Р. Хр.; б) періодъ республики 510—30 г. до Р. Хр. и с) періодъ имперіи 30 г. до Р. Хр. по 476 г. по Р. Хр.

Главныя явленія каждого изъ этихъ періодовъ суть слѣдующія:

Періодъ царей 753 г. до 510 г. до Р. Хр.

Изданіе законовъ Сервія Туллія 578 г. до Р. Хр.

Изгнаніе Тарквинія Гордаго 510 г.

Періодъ республики 510 г.—30 г. до Р. Хр.

Періодъ этотъ въ свою очередь подраздѣляется по ходу событій на три отдѣла: а) 510—264 г., т. е. отъ учрежденія республики до начала Пуническихъ войнъ—время борьбы плебеевъ съ патриціями и poste-

пеннаго уравненія ихъ въ правахъ, а также покоренія Римомъ Средней и Южной Итали; б) 264—146 г., т. е. отъ начала до конца Пуническихъ войнъ—время высшаго могущества Рима и его всемирныхъ завоеваній; с) 146—30 г. до Р. Хр., т. е. отъ разрушенія Карфагена до начала Имперіи—время упадка римской республики и постепеннаго перехода къ Имперіи.

а) 510—264 г.—Время борьбы плебеевъ съ патриціями и покоренія Римомъ Средней и Южной Итали.

до Р. Хр.

Осада и взятіе Рима этрусскимъ царемъ Порсенною	507
Пораженіе латинцевъ римлянами при Регильскомъ озерѣ.	496
Отшествіе плебеевъ на Священную гору и учрежденіе должности народныхъ трибуновъ	494
Переходъ избранія трибуновъ отъ курій къ трибамъ.	470
Предложеніе трибуна Терентилія Арсы назначить комиссію для составленія писанныхъ законовъ.	461
Избраніе комиссіи децемвировъ съ консульскою властью.	451
Изданіе писанныхъ законовъ XII таблицъ	450
Законъ Канулея о признаніи законными браковъ между патриціями и плебеями и объ избраніи, вмѣсто консуловъ, пяти военныхъ трибуновъ съ консульскою властью какъ изъ патриціевъ, такъ и изъ плебеевъ	445
Учрежденіе должности двухъ цензоровъ для оцѣнки имущества гражданъ	443
Дѣйствительное допущеніе плебеевъ къ занятію должности военныхъ трибуновъ съ консульскою властію.	400
Нашествіе галловъ на Римъ	390
Законы Лицинія и Секстія о допущеніи плебеевъ къ консульству и въ коллегію хранителей оракуловъ, а также къ участию въ общественномъ полѣ (ager publicus)	366
Избраніе плебея въ диктаторы	356
Полученіе плебеями доступа къ цензорству.	338
" " " къ преторству.	336
" " " къ должности верховнаго жреца	302
Самнитскія войны	343—290
Первая самнитская война.	343—341
Вторая.	326—305
Третья.	298—290
Латинская война	340—338

Война съ Тарентомъ и Пирромъ	280—272
Подчиненіе Римлянами пичентовъ	268
Прочное утверждене Римскаго владычества на всемъ полуостровѣ	266

б) 264—146 г. Пуническія войны.

Первая пуническая война	264—241
Вторая пуническая война	218—201
Побѣды Аннибала при Тичино и при Трeбiи	218
” ” ” Тразименскомъ озерѣ	217
Замѣчательная побѣда Аннибала при Каннахъ	216
Завоеваніе Клавдіемъ Марцелломъ союзнаго съ Аннибаломъ г. Си- ракузь	212
Пораженіе Газдрубала, брата Аннибала при Метаврѣ (въ Умбріи).	207
Совершенное изгнаніе карфагенянъ изъ Испаніи Корнеліемъ Ци- піономъ	206
Побѣда римлянъ надъ карфагенянами при Замѣ	202
Война Рима съ Антіохомъ III	192—190
Третья пуническая война	149—146

**с) 146—30 г. до Р. Хр. Упадокъ Римской республики, выразив-
шійся особенно въ борьбѣ оптиматовъ съ пролетаріями и въ борьбѣ за
власть между членами перваго и втораго триумвиратовъ.**

Окончательное покореніе римлянами Испаніи послѣ такъ назы- ваемой Нумантійской войны	133
Избраніе Тиберія Гракха народнымъ трибуномъ и предло- женіе имъ новаго аграрнаго закона	133
Смерть Тиберія Гракха	131
Избраніе Кая Гракха въ народные трибуны	123
Смерть Кая Гракха	121
Югуртинская война	112—106
Борьба Марія съ Кимврами и тевтонами	104—101
Побѣда Марія надъ тевтонами при Аквахъ-Секстіи	102
Побѣда Марія и надъ кимврами при Верцеллахъ	101
Возстаніе италійцевъ противъ Рима	91
Союзническая или марсійская война	90—88
Возстаніе въ Малой Азіи, возбужденное Митридатомъ, и война съ нимъ Суллы	88
Смерть Марія	86
Смерть Суллы	78
Возстаніе рабовъ-гладіаторовъ	73

до Р. Хр.

Война съ морскими разбойниками и уничтоженіе ихъ Помпеемъ	67
Приведеніе Помпеемъ Іудеи въ зависимость отъ Рима.	63
Заговоръ Катилины	63
Образованіе перваго тріумвирата	60
Войны Цезаря въ Галліи	58—50
Смерть Красса во время войны съ пареянами.	53
Побѣда Цезаря надъ Помпеемъ при Фарсалѣ	48
Смерть Цезаря.	44
Образованіе втораго тріумвирата	43
Побѣда Октавіана надъ Антоніемъ при Акціумѣ	31
Обращеніе Египта въ Римскую провинцію	30

Періодъ Имперіи отъ 30 г. до Р. Хр. до 476 г. по Р. Хр.

Этотъ періодъ, обнимающій слишкомъ пять вѣковъ, мы для болѣе легкаго обзорѣнія раздѣлимъ на слѣдующіе пять отдѣловъ: а) Отъ 30 г. до Р. Хр. и почти до 70 г. (68 г.) по Р. Хр.—управленіе императоровъ изъ династіи Августа; б) отъ 70 г. и до 192 г. по Р. Хр.—время управленія императоровъ изъ дома Флавіевъ и Антониновъ; с) 192—285 по Р. Хр.—время военного деспотизма; д) 285—395 г. — время административныхъ реформъ и утвержденія христіанства какъ господствующей религіи; е) 395—476 г. по Р. Хр.—время окончательнаго упадка Имперіи и постепеннаго утвержденія германцевъ въ предѣлахъ Зап. Римской имперіи.

а) 30 г. до Р. Хр. до 68 г. по Р. Хр. — императоры изъ дома Августа.

Установленіе единовластія Августа	30 г. до Р. Хр.
Правленіе Августа	30 г. до Р. Хр. 14 г. по Р. Хр.
Принятіе Октавіаномъ почетнаго титула Августа.	27
Возмущеніе германцевъ подъ предводительствомъ Арминія противъ римлянъ и пораженіе ихъ въ Тевтобургскомъ лѣсу	9
Тиверій	14—37
Калигула	37—41
Клавдій	41—54
Неронъ	54—68
Возстаніе іудеевъ.	67—70
Гальба, Оттонъ и Вителій	68—70

в) 70—192 г. по Р. Хр.—императоры изъ дома Флавіевъ и Антониновъ.

Веспасіанъ.	70—79
---------------------	-------

	до Р. Хр.
Титъ	79—81
Домиціанъ	81—96
Нерва	96—98
Траянъ	98—117
Адріанъ	117—138
Антонинъ Пій	138—161
Маркъ Аврелій Философъ	161—180
Коммодъ	180—192

с) 192—285 г. по Р. Хр. Время военного деспотизма или господство солдатъ.

Септимій Северъ	192—211
Александръ Северъ	222—235
Въ короткій промежутокъ времени отъ	238—249
сѣняется десять императоровъ, погибающихъ большею частью во взаимной борьбѣ.	

Смутное время въ Имперіи, извѣстное у римскихъ историковъ подъ именемъ тридцати тиранновъ.

Авреліанъ 270—278 по Р. Хр.

д) 285—395 г. по Р. Хр. Время административныхъ реформъ.

Диоклетіанъ	285—305
Побѣда Константина надъ Максенціемъ на Мальвійнскомъ мосту	312

Миланскій эдиктъ Константина В. 313

Единодержавное правленіе Константина В 324—337

Вселенскій соборъ въ Никее 325

Основаніе перваго монастыря 326

Перенесеніе столицы изъ Рима въ Византію 326

Юліанъ Отступникъ 361—363

Нашествіе гунновъ 375

Начало великаго переселенія народовъ 376

Побѣда вестготовъ надъ Валентомъ при Адрианополѣ 378

Феодосій Великій 379—395

Указъ Феодосія В. о закрытіи языческихъ храмовъ 392

Раздѣленіе Римской Имперіи на западную и восточную. 395

е) 395 — 476 г. по Р. Хр. Упадокъ З. Р. Имперіи и утвержденіе германцевъ въ различныхъ провинціяхъ ея.

Раззореніе Рима вестготами 410

Основаніе Вестготскаго королевства Валліемъ въ юго-запад- ной Галліи и сѣверо-восточной части Испаніи	419
Основаніе Вандальскаго королевства въ сѣверной Африкѣ	429
Валентиніанъ III	425—455
Начало утвержденія англосаксовъ въ Британіи	449
Нашествіе Атиллы на Галлію	449
Каталаунская битва: побѣда Аэція надъ Атиллою.	451
Нашествіе гунновъ на Италію	452
Смерть Атиллы и распаденіе его царства	453
Сверженіе послѣдняго императора Ромула Августула Одо- акромъ, предводителемъ геруловъ	476

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ТРЕТІЙ ТОМЪ

Исторической хрестоматіи по русской исторіи

и

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ ИСТОРИИ

Я. Г. Гуревича.

ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ВЪ ПЕТЕР-
БУРГѢ И ВЪ МОСКВѢ:

СРАВНИТЕЛЬНО-КОНСПЕКТИВНЫЯ ТАБЛИЦЫ

ПО НОВОЙ И НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ,

составленныя Я. ГУРЕВИЧЕМЪ.

Одобрены Учен. Комит. Мин. Нар. Прасв. какъ полезное пособіе для старшихъ классовъ всякаго рода среднеучебныхъ заведеній.

Цѣна 1 р. 25 к.

Продаются у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Петербургѣ и Москвѣ
слѣдующія изданія

Я. Г. Гуревича.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ПО НОВОЙ И НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ

Томъ I. Цѣна 2 р. 50 к.

Рекомендована Ученымъ Комит. Минист. Народ. Просвѣщенія какъ учебное пособие и для выдачи ученикамъ старшихъ классовъ гимназій въ видѣ награды и для ученическихъ библиотекъ.

Рекомендована также Ученымъ Комитетомъ IV Отдѣленія какъ весьма полезное пособие при изученіи исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы Маріи.

Одобрена Педагогическимъ Комитетомъ при Главномъ Управленіи военныхъ училищъ какъ учебное пособие при преподаваніи исторіи въ двухъ старшихъ классахъ военныхъ гимназій.

ВТОРОЙ ТОМЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРЕСТОМАТИИ ПО НОВОЙ И НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ

Цѣна 2 руб.

Рекомендованъ также Ученымъ комитет. Минист. Народн. Просвѣщенія какъ учебное пособие и для выдачи ученикамъ старшихъ классовъ гимназій въ видѣ награды.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Составлена Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ.

Часть I. Цѣна 1 руб. 60 коп., Часть II.—2 руб.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія какъ полезное пособие, а также въ видѣ награды для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и для ученическихъ библиотекъ.

Рекомендована также Ученымъ Комитетомъ IV Отдѣленія какъ весьма полезное пособие при изученіи исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы Маріи.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ ФРИМАНА

перев. съ послѣдняго 5-го англ. изд. подъ редакціей

Я. Г. Гуревича.

Цѣна 1 руб.

